
3 1761 08106719 1

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Апрѣль № 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1895.

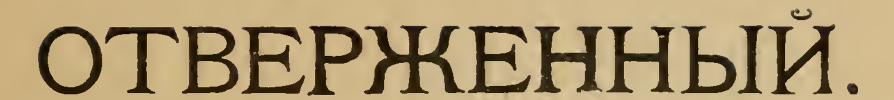
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 марта 1895 года.

Контора Сѣвернаго Вѣстника покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за вторую четверть (съ апрѣля) во избѣжаніе пріостановки въ дальнѣйшей высылкѣ журнала.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

(Послѣдняя борьба христіанъ съ язычниками въ IV в.).

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Рядомъ съ конюшнями, въ ипподромѣ Константинополя находилось помѣщеніе, въ родѣ уборной, для конюховъ, наѣздницъ, мимовъ и кучеровъ. Здѣсь, даже днемъ, коптѣли подвѣшенныя къ сводамъ лампады. Удушливый воздухъ, пропитанный запахомъ навоза, вѣялъ теплотою конюшенъ.

Когда завѣса на дверяхъ отбидывалась, врывался ослѣпительный свѣтъ утра. Въ солнечной дали виднѣлись пустыя скамейки для зрителей, грандіозная лѣстница, соединявшая императорскую ложу съ внутренними покоями Константинова дворца, каменныя стрѣлы египетскихъ обелисковъ и посреди желтаго, гладкаго песка гигантскій жертвенникъ изъ трехъ мѣдныхъ перевившихся змѣй: плоскія головы ихъ поддерживали дельфійскій треножникъ великолѣпной работы.

Иногда съ арены доносилось хлопаніе бича, крики наѣздниковъ, фырканье разгоряченныхъ коней и шуршаніе колесъ по мягкому песку, подобное шуршанію крыльевъ.

Это была не скачка, а только подготовительное упражненіе къ настоящимъ играмъ, назначеннымъ въ ипподромѣ черезъ нѣсколько дней.

Въ одномъ углу конюшни голый атлетъ, натертый елеемъ, покрытый гимнастической пылью, съ кожанымъ поясомъ по бедрамъ, подымалъ и опускалъ желѣзныя гири. Закидывая курчавую голову, онъ такъ выги-

балъ спину, что кости въ суставахъ трещали, лицо синѣло, и бычачьи жилы напрягались на толстой шеѣ.

Сопутствуемая рабынями, къ нему подошла молоденькая византійская дама въ нарядной утренней столѣ, натянутой на голову, опущенной складками на тонкое, аристократическое и уже отцвѣтающее лицо. Это была усердная христіанка, любимая всѣми клириками и монахами за щедрые вклады въ монастыри, за обильныя милостыни, пріѣзжая изъ Александріи, вдова одного римскаго сенатора. Сперва она скрывала свои похожденія, но скоро увидѣла, что соединять любовь къ церкви съ любовью къ цирку считается новѣйшею модою. Всѣ знали, что Стратоника ненавидитъ константинопольскихъ щеголей, завитыхъ и нарумяненныхъ, слабонервныхъ и капризныхъ, какъ она сама. Такова была ея природа: она соединяла драгоцѣннѣйшіе аравійскіе духи съ раздражающей теплотою конюшни и цирка. Послѣ горячихъ слезъ раскаянія, послѣ потрясающей исповѣди искусныхъ духовниковъ, этой маленькой женщинѣ, хрупкой и нѣжной, какъ вещица, выточенная изъ слоновой кости, нужны были грубыя ласки прославленнаго наѣздника.

Стратоника смотрѣла на упражненія атлета съ видомъ тонкой цѣнительницы. Сохраняя тупоумную важность на бычачьемъ лицѣ, гимнастъ не обращалъ на нее вниманія. Она что-то шептала рабынѣ на ухо и съ наивнымъ удивленіемъ, заглядывала на могучую спину, любовалась тѣмъ, какъ страшные геркулесовскіе мускулы переливаются подъ жесткой, красно-коричневой кожей на огромныхъ плечахъ, когда онъ разгибаясь и медленно вбирая воздухъ въ легкія, какъ въ кузнечные мѣха, подымалъ надъ звѣроподобной, безсмысленно-красивой головою желѣзныя гири.

Занавѣска откинулась, толпа зрителей отхлынула, и двѣ молодыя каппадокійскія кобылицы, бѣлая и черная, впорхнули въ конюшню вмѣстѣ съ молоденькой наѣздницей, которая ловко, съ особеннымъ гортаннымъ крикомъ, перепрыгивала съ одной лошади на другую. Въ послѣдній разъ перевернулась она въ воздухѣ и соскочила на землю. Вся она была такая-же крѣпкая, здоровая и веселая, какъ ея кобылицы. На голомъ тѣлѣ виднѣлись маленькія капли пота. Къ ней подскочилъ съ любезностью молодой, щегольски одѣтый иподіаконъ изъ базилики Св. Апостоловъ, Зефиринъ, большой любитель цирка, знатокъ лошадей и завсегдатай скачекъ, ставившій огромные заклады за партію «голубыхъ» (vineta) противъ «зеленыхъ» (prasina). У него были сафьянные скрипучіе полусапожки на красныхъ каблукахъ. Съ подведенными глазами, набѣленный и тщательно завитой, Зефиринъ болѣе походилъ на молодую дѣвушку, чѣмъ на церковнослужителя. За нимъ стоялъ рабъ, нагруженный всевозможными свертками матерій, узелками, ящиками и покупками изъ модныхъ лавокъ.

— Крокала, вотъ тѣ самые духи, которые ты третьяго дня просила.

Съ вѣжливымъ поклономъ иподіаконъ подалъ наѣздницѣ изящную баночку, запечатанную голубымъ воскомъ.

— Цѣлое утро бѣгалъ по лавкамъ. Нашелъ только въ одной. Чистѣйшій нардъ! Вчера привезли изъ Апамеи...

— А что это за покупки?—полюбопытствовала Крокала.

— Шелкъ съ моднымъ рисункомъ,—и такъ,—разныя дамскія бездѣлушки...

— Все для твоей...?

— Да, да, все для моей благочестивой сестры, для набожной матроны Блезиллы. Надо-же помогать ближнимъ. Она полагается на мой вкусъ при выборѣ матерій. Отъ солнечнаго восхода бѣгаю по ея порученіямъ... Совсѣмъ съ ногъ сбился. Но не ропщу, нѣтъ, нѣтъ, не ропщу. Блезилла такая право добрая, такая — можно сказать, святая женщина...

— Да, но къ сожалѣнію старая,—засмѣялась Крокала,—эй, мальчикъ, вытри поскорѣе потъ съ вороной кобылы свѣжими фиговыми листьями.

— И у старости есть свои незамѣнимыя достоинства! — возразилъ иподіаконъ, самодовольно потирая бѣлыя, выхоленныя руки съ драгоцѣнными перстнями. Потомъ шепнулъ на ухо Крокалѣ:

— Сегодня вечеромъ?...

— Не знаю, право... Можетъ быть... А ты хочешь мнѣ что-нибудь принести?

— Не бойся, Крокала. Не приду съ пустыми руками. Есть кусочекъ матеріи. Что за узоръ, если бы ты знала!..

Онъ поднесъ къ губамъ два пальца, поцѣловалъ ихъ, зажмурился и причмокнулъ:

— Ну, просто заглядѣніе!...

— Гдѣ досталъ?

— Конечно, въ лавкѣ Сирмика у Констанціевыхъ Бань. За кого ты меня принимаешь!... Изъ этого можно сдѣлать длинный тарантинидіонъ. Ты только представь себѣ, что вышито на подолѣ!.. Ну, какъ ты думаешь, что?

— Не знаю... Цвѣты, звѣри?

— Не цвѣты и не звѣри, а золотомъ съ разноцвѣтными шелками выткана вся исторія циника Діогена, нищаго мудреца, жившаго въ бочкѣ!..

— Ахъ, должно быть, красиво!—воскликнула наѣздница.—Приходи, приходи непремѣнно. Я буду ждать.

Зефиринъ взглянулъ на водяные часы — клепсидру, стоявшую въ углубленіи стѣны и заторопился.

— Опоздалъ, совсѣмъ опоздалъ!.. Еще забѣжать къ ростовщику по дѣлу другой матроны, къ ювелиру, къ патріарху, потомъ въ церковь, на службу... Прощай, Крокала!

— Смотри-же, не обмани,—закричала она ему вслѣдъ и погрозила пальчикомъ:—шалунъ!..

Иподіаконъ исчезъ, поскрипивая сафьянными полусапожками, со своимъ рабомъ, нагруженнымъ покупками.

Вбѣжала толпа конюховъ, наѣздниковъ, танцовщицъ, гимнастовъ, кулачныхъ бойцовъ, укротителей хищныхъ звѣрей. Съ желѣзною сѣткой на лицѣ, гладіаторъ Мирмиллонъ накаливалъ на жаровнѣ толстый желѣзный прутъ. Онъ укрощалъ только что полученнаго африканскаго льва. Изъ-за стѣны слышалось рыканіе звѣря.

— Доведешь ты меня до гроба, внучка, и себя до вѣчной погибели... О-хо-хо... поясница-то болитъ. Мочи нѣтъ!

— Это ты, дѣдушка Гнифонъ... Чего ты все хнычешь?—промолвила Крокала съ досадою.

Гнифонъ былъ старичокъ, съ хитрыми слезящимися глазками, сверкавшими изъ подъ сѣдыхъ бровей, которыя шевелились, какъ двѣ бѣлыя мыши, съ носомъ темно-сизымъ отъ пьянства. На ногахъ у него пестрѣли заплатанные лидійскіе штаны, а на головѣ болталась фригійская войлочная шапка, въ видѣ колпака, съ перегнутой напередъ остроконечной верхушкой и двумя лопастями для ушей.

— За деньгами приплелся,—сердилась Крокала,—опять пьянъ!..

— Грѣхъ тебѣ такъ говорить, внучка. Ты за мою душу передъ Богомъ отвѣтъ дашь... Подумай, до чего ты меня довела. Живу я теперь въ кварталѣ Смоковницъ, нанимаю дешевенькій подвальчикъ у нѣкоего ваятеля, сирѣчь дѣлателя идоловъ. Каждый день вижу, какъ изъ мрамора высѣкаетъ онъ,—прости Господи,—окаянныя образины.—Думаешь, легко это для добраго христіанина?.. А? Утромъ глазъ не продерешь,—слышишь—стукъ, стукъ, стукъ,—хозяинъ молоткомъ колотитъ по камню—и выходятъ, одни за другими, гнусные бѣлые черти, проклятые боги, точно смѣются надо мною, корчатъ безстыдныя хари! Какъ же тутъ не согрѣшить, съ горя въ кабачокъ не зайти, да не выпить? Ох-ох-о! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. Валяюсь я въ языческой скверне, какъ свинья въ помояхъ. И вѣдь знаю, что все съ насъ взыщется, все—до послѣдняго кадранта... А кто спрашивается виноватъ? Ты! У тебя, внучка, куры денегъ не клюютъ, а ты для бѣднаго старика...

— Врешь, Гнифонъ,—возразила дѣвушка — вовсе ты не бѣденъ, скряга! У тебя подъ кроватью кубышка...

Гнифонъ въ ужасѣ замахалъ руками:

— Молчи, молчи!..

Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ прибавилъ:

— Знаешь-ли куда я иду?

— Должно быть опять въ кабакъ...

— А вотъ и не въ кабакъ, кое-куда похуже,—въ капище самого Діониса!.. Храмъ, со времени блаженнаго Константина, былъ заваленъ мусоромъ. А завтра, по августѣйшему повелѣнію кесаря Юліана, открывается вновь. Я и нанялся чистить... Знаю, что душу погублю и ввергенъ буду въ геенну. А все-таки соблазнился! Потому нагъ есмь и нищъ и гладенъ. Поддержки отъ собственной внучки не имѣю... Вотъ до чего дожилъ!...

— Отстань, Гнифонъ, надоѣлъ, вотъ, на—и убирайся. Не смѣй больше приходить ко мнѣ пьянымъ!

Она бросила ему нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ, потомъ вскочила на рыжаго полудикаго иллирійскаго жеребца, и стоя у него на спинѣ, хлопая длиннымъ бичемъ, полетѣла по ипподрому.

Гнифонъ, прищелкивая языкомъ отъ удовольствія, гордо воскликнулъ:

— Самъ своими руками воспиталъ!

И старикъ указывалъ на нее, торжествуя. Крѣпкое, голое тѣло наѣздницы сверкало на утреннемъ солнцѣ, и развѣвающіеся рыжіе волосы были такого-же цвѣта, какъ шерсть иллирійскаго жеребца.

— Эй, Зотикъ, — крикнулъ Гнифонъ старому рабу, подбиравшему навозъ въ плетеную корзину,—пойдемъ-ка со мною чистить храмъ Діониса. Ты въ этомъ дѣлѣ мастеръ. Три обола дамъ.

— Пожалуй, пойдемъ,—отвѣчалъ Зотикъ,—только вотъ я сейчасъ лампочку заправлю передъ богиней.

Это была Гиппона, богиня кучеровъ, конюшенъ и навоза. Грубо высѣченная изъ дерева, закоптѣлая, похожая на обрубокъ, Гиппона стояла въ сырой темной нишѣ стѣны, но рабъ Зотикъ, выросшій среди лошадей, чтилъ ее свято, молился ей со слезами умиленія, украшалъ ея грубыя черныя ноги свѣжими фіалками, вѣрилъ, что она исцѣляетъ всѣ его недуги, сохранитъ его въ жизни и смерти.

Гнифонъ и Зотикъ вышли на площадь, такъ называемый Форумъ Константина, круглый съ двойными колоннадами и тріумфальными арками. Посреди площади возносился на мраморномъ подножіи гигантскій столбъ изъ порфира. На вершинѣ его, на высотѣ болѣе чѣмъ ста двадцати локтей, сверкала бронзовая статуя Аполлона, произведеніе Фидія, похищенное изъ одного города Фригіи. Голова древняго бога Солнца была отбита и съ варварскимъ безвкусіемъ, къ туловищу эллинскаго кумира приставили голову христіанскаго императора Константина Равноапостольнаго. Чело его окружала корона золотыхъ лучей; въ правой рукѣ Аполлонъ-Константинъ держалъ скипетръ, въ лѣвой — глобусъ. У подножія Колосса виднѣлась маленькая христіанская часовня, въ родѣ Палладіума. Еще недавно, при Констанціи, здѣсь совершалось богослуженіе. Христіане

оправдывались тѣмъ, что въ бронзовомъ туловищѣ Аполлона, въ самой груди Солнечнаго Бога, заключенъ талисманъ, кусокъ Честнѣйшаго Древа Креста, привезеннаго Еленой изъ Іерусалима. Императоръ Юліанъ закрылъ эту часовню.

Гнифонъ и Зотикъ вступили въ узкую длинную улицу, которая вела прямо къ Халкедонскимъ Лѣстницамъ, недалеко отъ Гавани. Многія зданія еще строились, другія перестраивались, потому что были воздвигнуты съ такой неблагоразумной поспѣшностью, изъ угоды Константину, что обвалились. Внизу сновали прохожіе, толпились покупатели у лавокъ, носильщики, рабы, гремѣли колесницы. А вверху на деревянныхъ лѣсахъ стучали молотки, скрипѣли блоки, визжали острыя пилы по твердому бѣлому камню, рабочіе на веревкахъ подымали огромныя балки или четвероугольныя глыбы Проконезскаго, блистающаго въ лазури мрамора. Оттуда пахло сыростью новыхъ домовъ, невысохшей известкой. На головы сыпалась мелкая бѣлая пыль. Кое-гдѣ, среди ослѣпительно яркихъ, залитыхъ солнцемъ, только-что отштукатуренныхъ стѣнъ, искрились вдали, въ глубинѣ переулковъ, воздушно-голубыя, смѣющіяся волны Пропонтиды, съ парусами подобными крыльямъ чаекъ.

Гнифонъ услышалъ мимоходомъ отрывокъ изъ разговора двухъ рабочихъ, съ ногъ до головы запачканныхъ алебастровой замазкой, которую они мѣсили въ большомъ чанѣ.

— Зачѣмъ ты принялъ вѣру галилеянъ?—спрашивалъ одинъ.

— Самъ посуди,—отвѣтилъ товарищъ,—у христіанъ не вдвое, а впятеро больше праздниковъ, чѣмъ у эллиновъ. Никто себѣ не врагъ... И тебѣ совѣтую. Съ христіанами—куда вольнѣе!..

На перекресткѣ толпа народа прижала Гнифона и Зотика къ стѣнѣ. Посрединѣ улицы столпились колесницы, и не было ни проѣзду, ни проходу, слышались брань, крики, хлопаніе бичей, понуканіе погонщиковъ. Двадцать паръ сильныхъ воловъ, сгибая головы подъ ярмомъ, тащили на огромной повозкѣ съ тяжелыми каменными колесами, похожими на жернова, яшмовую колонну. Отъ грохота земля гудѣла.

— Куда везете?—спросилъ Гнифонъ.

— Изъ базилики св. Павла во храмъ богини Гэры. Христіане отняли эту колонну для своей церкви. Теперь ее возвращаютъ на старое мѣсто.

Гнифонъ оглянулся на грязную стѣну, около которой онъ стоялъ. Уличные мальчишки изъ язычниковъ нарисовали углемъ кощунственную обычную карикатуру на христіанъ. . . . .

Гнифонъ съ негодованіемъ плюнулъ. Близъ одного многолюднаго рынка они замѣтили портретъ Юліана на стѣнѣ со всѣми атрибутами императорской власти. Къ Юліану изъ облаковъ спускался крылатый богъ Гермесъ съ кадуцеемъ. Картина была новая. Краски еще не совсѣмъ высохли.

По римскому закону, каждый, кто проходилъ мимо священнаго изображенія Августа, долженъ былъ почтить его наклоненіемъ головы.

Рыночный надзиратель, агораномъ задержалъ старушку съ корзиной свеклы и капусты.

— Я богамъ не кланяюсь,—плакала старушка,—еще отецъ и мать мои были христіанами.

— Ты должна была поклониться не богу, а императору — возражалъ надзиратель.

— Да вѣдь императоръ вмѣстѣ съ богомъ. Какже я ему поклонюсь!

— А мнѣ какое дѣло! Сказано—кланяйся. Нечего разсуждать!

Гнифонъ потащилъ Зотика прочь, какъ можно скорѣе.

— Бѣсовская хитрость,—ворчалъ старикъ.—Либо окаянному Гермесу покланяйся, либо повиннымъ будь въ оскорбленіи величества. Ни туда, ни сюда. О-хо-хо,—антихристовы времена!.. Воздвигаетъ дьяволъ бурю гоненія лютаго. Того и гляди согрѣшишь. Смотрю я на тебя, Зотикъ, и зависть беретъ. Живешь ты со своей навозной богиней Гиппоной, и горя тебѣ мало...

Они пришли къ Діонисову храму. Рядомъ съ капищемъ находилась обитель христіанскихъ монаховъ. Окна и ворота были наглухо заперты замками и желѣзными засовами, какъ будто передъ нашествіемъ враговъ. Благочестивыхъ иноковъ язычники обвиняли въ разграбленіи многихъ сокровищъ храма.

Когда Гнифонъ и Зотикъ вступили въ него, они увидѣли слесарей, плотниковъ, каменщиковъ, занятыхъ очисткою и поправкою поврежденныхъ частей зданія.

Сломали полусгнившія доски, которыми было заколочено четвероугольное отверстіе въ крышѣ. Солнечный лучъ упалъ въ темный воздухъ.

— Паутины,—смотрите,—паутины-то сколько!

Между капителями колоннъ висѣли цѣлыя сѣтки воздушной, пыльносѣрой ткани. Насадили метлы на длинныя палки и начали сметать паутину. Потревоженная летучая мышь выпорхнула изъ темной щели и металась, не зная куда спрятаться отъ свѣта, натыкаясь на всѣ углы и шурша голыми мягкими крыльями.

Зотикъ разгребалъ на полу кучи мусора и выносилъ его въ плетеной корзинѣ.

— Вишь ты, проклятые, какой пакости навалили,—ворчалъ старикъ себѣ подъ носъ.

Принесли связку тяжелыхъ заржавленныхъ ключей и отперли сокровищницу. Все цѣнное разграбили монахи. Дорогіе камни съ жертвенныхъ чашъ были вынуты, золотыя и пурпурныя нашивки съ одеждъ сорваны. Когда развернули одну великолѣпную жреческую ризу, туча

соломенно-золотистой моли вылетѣла изъ складокъ. На днѣ желѣзной курильницы Гнифонъ увидѣлъ горсть пепла,—остатокъ мирры, сожженной до побѣды христіанства послѣднимъ жрецомъ, во время послѣдняго жертвоприношенія. Отъ всей этой священной рухляди, отъ этихъ бѣдныхъ тряпокъ и сломанныхъ сосудовъ вѣяло запахомъ смерти, плѣсенью и еще какимъ-то нѣжнымъ, грустнымъ благоуханіемъ, ѳиміамомъ обезчещенныхъ боговъ. Сладкое уныніе проникло въ сердце Гнифона. Онъ что-то вспомнилъ и улыбнулся. Можетъ быть, вспомнилъ онъ дѣтство, вкусныя ячменныя лепешки съ медомъ и тминомъ, бѣлыя полевыя маргаритки и желтые одуванчики, которые онъ приносилъ со своею матерью на скромный алтарь деревенской богини, вспомнилъ лепетаніе дѣтскихъ молитвъ не далекому, небесному Богу, а маленькимъ, земнымъ, лоснящимся отъ прикосновенія рукъ человѣческихъ, выточеннымъ изъ простого буковаго дерева—домашнимъ Пенатамъ. И ему стало жаль умершихъ боговъ: онъ тяжело вздохнулъ. Но тотчасъ опомнился и прошепталъ: «навожденіе бѣсовское!..»

Рабочіе принесли тяжелую мраморную плиту, древній барельефъ, похищенный много лѣтъ назадъ и найденный въ сосѣдней лачугѣ еврейскаго сапожника. Барельефъ, вставленный среди кирпичей, послужилъ сапожнику для поправки полуразвалившейся кухонной печи. Старая Филумена, жена сосѣдняго суконщика, набожная христіанка, ненавидѣла жену сапожника. Проклятая жидовка, то и дѣло, пускала своего осла въ капустный огородъ суконщицы. Много лѣтъ между сосѣдками продолжалась война. Наконецъ христіанка побѣдила. По ея указанію, рабочіе ворвались въ домъ сапожника и, чтобы вынуть барельефъ изъ плиты, должны были сломать кухонную печь. Это былъ страшный ударъ для сапожницы. Бѣдная домовитая кухарка, потрясая ухватомъ, призывала мщеніе Іеговы на нечестивыхъ, рвала себѣ волосы и жалобно вопила надъ опрокинутыми кастрюлями и разрушенною плитою. Жиденята пищали, какъ птенцы въ разоренномъ гнѣздѣ. Но барельефъ все-таки перенесли на прежнее мѣсто.

Филумена приготовлялась его мыть. Барельефъ весь почернѣлъ отъ зловонной копоти. Жирныя струи еврейскихъ похлебокъ оскверняли мраморъ. Суконщица усердно терла мокрой тряпкой нѣжный камень,—и мало по-малу, изъ подъ смрадной кухонной сажи, выступали строгія, божественныя линіи древняго изваянія. Діонисъ, юный, нагой и прекрасный, полулежа опустилъ одну руку съ чашей, какъ-будто утомленный вакханаліей: пантера лизала остатки вина. И богъ, дарующій всему живому веселіе, съ благосклонной и мудрой улыбкой взиралъ, какъ силу дикаго звѣря укрощаетъ святая сила вина.

Каменщики стали подымать на веревкахъ барельефъ, чтобы укрѣпить на прежнемъ мѣстѣ.

Передъ самымъ кумиромъ Діониса, на складной, деревянной лѣстницѣ стоялъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и въ пустыя темныя впадины на лицѣ бога вставлялъ два великолѣпныхъ, прозрачно-голубыхъ сапфира. То были глаза Діониса.

— Что это?—спросилъ Гнифонъ съ робкимъ любопытствомъ.

— Развѣ не видишь,—глаза.

— Такъ, такъ. А откуда-же эти камешки?

— Изъ монастыря.

— Да какже монахи позволили?

— Еще-бы не позволить! Самъ блаженный Августъ Юліанъ повелѣлъ. Свѣтлыя очи бога служили украшеніемъ одеждѣ Распятаго. То-то вотъ и есть! Толкуютъ о милосердіи, о справедливости, а самиже—первые разбойники... Смотри-ка, камешки точь въ точь пришлись на старое мѣсто!

Прозрѣвшій богъ взглянулъ на Гнифона сапфирными очами. Старикъ отошелъ и перекрестился, охваченный суевѣрнымъ ужасомъ: «Господи, помилуй. Экая мерзость!» Его мучило раскаяніе. Сметая пыль, по старой привычкѣ, онъ разговаривалъ самъ съ собою:

— Гнифонъ, Гнифонъ, жалкій ты человѣчишка, прямо можно сказать — песъ непотребный! Ну что ты съ собою сдѣлалъ на старости лѣтъ, за что себя погубилъ? Попуталъ Лукавый, соблазнилъ окаянною мздою. И пойдешь ты въ огонь вѣчный и нѣтъ тебѣ больше спасенія... Осквернилъ ты свое тѣло и душу, Гнифонъ, идольскою мерзостью. Лучше бы тебѣ и свѣта Божьяго не видать!..

— Чего ты ворчишь, дѣдушка?—спросила его суконщица Филумена.

— Скорбитъ мое сердце—охъ,—какъ скорбитъ!

— Ты—христіанинъ?..

— Какой христіанинъ, хуже всякаго жида,—не христіанинъ я, а христопродавецъ!..

Но онъ продолжалъ все-таки съ усердіемъ сметать пыль.

— А хочешь, я съ тебя грѣхъ сниму и не будетъ на тебѣ никакой идольской скверны? Я вѣдь и сама христіанка. А вотъ не боюсь. Развѣ пошла-бы на такое гнусное дѣло, если-бы не знала, какъ очиститься?

Гнифонъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ.

Суконщица оглянулась и видя, что ихъ никто не услышитъ, прошептала, съ таинственнымъ видомъ:

— Есть такое средство. Да... Надо тебѣ сказать, что нѣкій святой старецъ подарилъ мнѣ кусочекъ египетскаго древа, именуемаго Персисъ. Растетъ сіе древо въ Гермополисѣ Ѳиваидскомъ. Когда младенецъ Іисусъ съ Пресвятою Дѣвою на ослицѣ въѣзжали въ городскія ворота, древо Персисъ склонилось передъ ними до земли и съ тѣхъ поръ стало оно

чудотворнымъ и исцѣляетъ болящихъ. Отъ онаго древа есть у меня малая щепочка, и отъ щепочки той отдѣлю я для тебя порошинку. Такая въ немъ благодать, такая благодать, что какъ положишь на ночь самый маленькій кусочекъ въ большой чанъ воды, къ утру вся вода освятится, — и будетъ въ ней сила несказанная! Той водицею ты вымоешься съ ногъ до головы, и мерзости идольской на тебѣ какъ не бывало. Во всѣхъ суставахъ почувствуешь легкость и чистоту. И въ Писаніи сказано: очистишься банею водною, и убѣлишься паче снѣгу.

— Благодѣтельница!—возопилъ Гнифонъ,—спаси меня, окаяннаго, дай ты мнѣ этого чуднаго древа!

— Только, вѣдь, оно драгоцѣнное. Ну, да ужъ куда ни шло, уступлю тебѣ за драхму...

— Что ты, мать моя, помилосердствуй, у меня отъ роду не водилось драхмы... Хочешь за пять оболовъ?

— Эхъ ты, скряга!—съ негодованіемъ воскликнула суконщица, — драхмы пожалѣлъ!.. Неужели вся душа твоя одной драхмы не стоитъ?

— Да полно, — очищусь-ли?—усомнился Гнифонъ. — Можетъ быть, скверна такъ прилипла, что уже не отстанетъ?

— Очистишься,—возразила старуха съ несокрушимой увѣренностью,— теперь ты, какъ смрадный песъ. А брызнешь на себя святою водицею и почувствуешь, что струпья съ души твоей спадаютъ, и просіяетъ она чистотою голубиною...

II.

Юліанъ устроилъ въ Константинополѣ вакхическое шествіе. Онъ сидѣлъ на колесницѣ, запряженной бѣлыми лошаками. Въ одной рукѣ его былъ золотой тирсъ, увѣнчанный кедровою шишкой, символомъ плодородія, въ другой—чаша, обвитая плющемъ. Солнечные лучи, падая на хрустальное дно, отражались ослѣпительно, и казалось, что чаша до краевъ, какъ виномъ, полна солнечнымъ свѣтомъ. Рядомъ съ колесницей шли ручныя пантеры, присланныя ему съ острова Серендиба. Вакханки пѣли, ударяя въ тимпаны, потрясая зажженными факелами, и сквозь облако дыма видно было, какъ юноши съ приставленными ко лбу козлиными рогами фавновъ, наливали въ чаши вино изъ кувшиновъ. Они толкали другъ друга, смѣясь, и часто пурпурная струя падала мимо кубка на голое, круглое плечо вакханки и разлеталась брызгами. На ослѣ ѣхалъ толстобрюхій старикъ, придворный казначей, большой плутъ и взяточникъ, превосходно изображавшій Силена.

Вакханки пѣли, указывая на молодого императора:

Вакхъ, ты сидишь, окруженный
Облакомъ вѣчно блестящимъ!

Тысячи голосовъ подхватывали пѣснь изъ Антигоны Софокла:

Къ намъ, о чадо Зевеса!
Къ намъ, о богъ предводитель
Пламенѣющихъ хоровъ
Полуночныхъ свѣтилъ!
Съ шумомъ, пѣснями, крикомъ
И съ безумной толпою
Дѣвъ, объятыхъ восторгомъ,
Вакха славящихъ пляской,—
Къ намъ, о радостный богъ!

Вдругъ Юліанъ услышалъ смѣхъ, женскій визгъ и дребезжащій старческій голосъ.

— Ахъ ты, уточка моя!..

Это—жрецъ, шаловливый старичекъ, ущипнулъ хорошенькую вакханку за голый бѣлый локоть. Юліанъ нахмурился и подозвалъ къ себѣ стараго шута. Тотъ подбѣжалъ къ нему, подплясывая и прихрамывая.

— Другъ мой,—шепнулъ Юліанъ на ухо,—сохраняй пристойную важность, какъ приличествуетъ твоему возрасту и твоему сану.

Но жрецъ смотрѣлъ на него съ такимъ безсмысленнымъ выраженіемъ, что Юліанъ невольно умолкъ.

— Я—человѣкъ простой и неученый,—осмѣлюсь доложить твоему величеству,—философію мало разумѣю. Но боговъ чту. Спроси, кого угодно. Во дни лютыхъ гоненій христіанскихъ, остался я вѣренъ богамъ. Ну, уже зато,—хэ, хэ, хэ!—какъ увижу хорошенькую дѣвочку,—не могу, вся кровь взыграетъ!.. Я вѣдь старый козелъ...

Видя недовольное лицо императора, онъ вдругъ остановился, принялъ на себя важный видъ и сдѣлался еще глупѣе.

— Кто эта дѣвушка?—спросилъ Юліанъ.

— Та, что несетъ корзину со священными сосудами на головѣ?

— Да.

— Гетера изъ Халкедонскаго предмѣстья...

— Какъ? Ужели ты допустилъ, чтобы блудница касалась нечистыми руками священнѣйшихъ сосудовъ бога!..

— Но, вѣдь, ты самъ, благочестивый Августъ, повелѣлъ устроить шествіе. Кого-же было взять? Всѣ знатныя дамы — галилеянки. И потомъ ни одна изъ нихъ не согласилась-бы идти полуголой на такое игрище...

— Такъ, значитъ,—всѣ онѣ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно, здѣсь есть и хорошенькія плясуньи, и актрисы, и наѣздницы изъ ипподрома. Посмотри, какія веселыя,—и не стыдятся. Народъ это любитъ. Ужъ ты мнѣ повѣрь, старику! Имъ только этого и нужно. А вотъ и знатная дама...

Это была христіанка, старая дѣва, искавшая жениховъ. На головѣ ея возвышался парикъ въ видѣ шлема, *„галеріонъ“*, изъ знаменитыхъ въ то время германскихъ волосъ, пересыпанныхъ золотою пудрою. Вся, какъ восточный идолъ, увѣшенная драгоцѣнными каменьями, натягивала она тигровую шкуру на свою изсохшую старушечью грудь, безстыдно набѣленную,—и улыбалась жеманно.

Юліанъ съ отвращеніемъ началъ всматриваться въ лица.

Канатные плясуны, пьяные легіонеры, продажныя женщины, конюхи изъ цирка, акробаты, кулачные бойцы, мимы бѣсновались вокругъ него.

Шествіе вступило въ переулокъ. Одна изъ вакханокъ забѣжала по дорогѣ въ грязную харчевню; оттуда пахнуло тяжелымъ запахомъ рыбы, жареной на прогоркломъ маслѣ. Вакханка вынесла изъ харчевни на цѣлыхъ три обола жирныхъ лепешекъ и начала ихъ ѣсть съ жадностью, облизываясь. Потомъ, окончивъ, вытерла руки о пурпурный шелкъ одежды, выданной для празднества изъ придворной сокровищницы.

Хоръ Софокла скоро надоѣлъ. Хриплые голоса затянули площадную пѣснь.

Юліану все это казалось гадкимъ и нелѣпымъ сномъ.

Пьяный кельтъ споткнулся и упалъ. Товарищи стали его подымать.

Въ толпѣ изловили двухъ карманныхъ воришекъ, которые отлично разыгрывали роль древнихъ фавновъ. Воришки защищались. Началась драка.

Лучше всѣхъ вели себя пантеры, и онѣ были красивѣе всѣхъ.

Наконецъ, шествіе приблизилось къ храму.

Юліанъ спустился съ колесницы.

«Неужели—подумалъ онъ—предстану я передъ жертвенникъ Діониса со всей этой сволочью?»

Холодъ отвращенія пробѣгалъ по его тѣлу. Онъ смотрѣлъ на звѣрскія лица, одичалыя, истощенныя развратомъ, казавшіяся мертвыми сквозь бѣлила и румяна, на жалкую наготу человѣческихъ тѣлъ, обезображенныхъ малокровіемъ, постами, ужасомъ христіанской геенны и золотухой. Его окружалъ воздухъ лупанаровъ и кабаковъ. Въ лицо ему вѣяло, сквозь ароматъ куреній, дыханіе черни, пропитанное запахомъ вяленой рыбы, скумбры и кислаго вина. Къ нему протягивали со всѣхъ сторонъ папирусные свитки просители.

— Мнѣ обѣщали мѣсто конюха,—я отрекся отъ Христа и не получилъ...

— Не покидай насъ, блаженный Кесарь, защити, помилуй!.. Мы вѣдь отступили отъ вѣры отцовъ, чтобы тебѣ угодить. Если покинешь, куда пойдемъ?

— Попали мы къ чорту въ когти!—завопилъ кто-то въ отчаяніи.

— Молчи, дуракъ, чего глотку дерешь!

Отдѣльные голоса были заглушены хоромъ:

«Съ шумомъ, пѣснями, крикомъ,
И съ безумной толпою
Дѣвъ, объятыхъ восторгомъ,
Вакха славящихъ пляской,—
Къ намъ, о радостный богъ!»

Юліанъ вошелъ въ храмъ и взглянулъ на мраморную статую Діониса. Глаза его отдохнули отъ человѣческаго уродства на гордыхъ, чистыхъ линіяхъ божественнаго тѣла.

Онъ больше не замѣчалъ толпы. Ему казалось, что онъ—одинъ, какъ человѣкъ, попавшій въ стадо звѣрей.

Императоръ приступилъ къ жертвоприношенію. Народъ смотрѣлъ съ удивленіемъ, какъ римскій кесарь, Pontifex Maximus изъ усердія дѣлалъ то, что должны-бы дѣлать слуги и рабы,—кололъ дрова, носилъ вязанки хвороста на плечахъ, черпалъ воду въ родникѣ, чистилъ жертвенникъ, выгребалъ золу, раздувалъ огонь.

Канатный плясунъ замѣтилъ шопотомъ на ухо сосѣду:

— Смотри, какъ суетится. Небось, любитъ своихъ боговъ!..

— Еще-бы,—замѣтилъ кулачный боецъ, переодѣтый въ сатира, поправляя козлиные рога на лбу,—еще-бы! Иной отца съ матерью такъ не любитъ, какъ онъ боговъ.

— Видите,—щеки надулъ,—тихонько смѣялся другой.—Дуй, дуй, голубчикъ, ничего не выйдетъ. Поздно!.. Твой дядюшка Константинъ потушилъ...

Пламя вспыхнуло и озарило лицо императора. Обмакнувъ священное кропило изъ конскихъ волосъ (aspergillum) въ серебряную плоскую чашу, «патеру», онъ брызнулъ въ толпу жертвенною водою. Многіе поморщились, иные вздрогнули, почувствовавъ на лицѣ холодныя капли.

Когда всѣ обряды были окончены, онъ вспомнилъ, что приготовилъ для народа философскую проповѣдь.

— Люди!—началъ онъ,—богъ Діонисъ—великое начало свободы въ вашихъ сердцахъ. Діонисъ расторгаетъ всѣ цѣпи земныя, смѣется надъ сильными, освобождаетъ рабовъ...

Но верховный жрецъ увидѣлъ на лицахъ такое недоумѣніе, такую скуку, что слова замерли на его губахъ. Въ сердцѣ подымалась смертельная тошнота и отвращеніе къ людямъ.

Онъ подалъ знакъ, чтобы копьеносцы его окружили. Толпа расходилась, недовольная и разочарованная.

— Пойду прямо въ церковь и покаюсь!.. Можетъ быть, простятъ,—говорилъ одинъ изъ фавновъ, срывая со злостью приклеенную бороду и рога.

— Не за что было душу губить!—замѣтила блудница съ негодованіемъ.

— Кому-то душа твоя нужна,— трехъ оболовъ за нее не дадутъ.

— Обманули!—завопилъ какой-то пьяница,—только по губамъ помазали. У, черти окаянные!..

Въ сокровищницѣ храма императоръ умылъ лицо и руки, сбросилъ великолѣпный нарядъ Діониса и одѣлся въ простую, свѣжую и бѣлую, какъ снѣгъ, тунику пиѳагорейцевъ.

Солнце заходило. Онъ ожидалъ, когда стемнѣетъ, чтобы незамѣченнымъ вернуться во дворецъ.

Изъ заднихъ дверей храма Юліанъ вошелъ въ заповѣдную рощу Діониса. Здѣсь царствовала тишина. Жужжали только пчелы, звенѣла тонкая струйка ключа.

Послышались шаги. Юліанъ обернулся. То былъ его другъ, одинъ изъ любимыхъ учениковъ Максима, молодой александрійскій врачъ Орибазій. Они пошли вмѣстѣ по заросшей тропинкѣ. Солнце пронизывало широкіе, золотистые листья винограда.

— Посмотри,—сказалъ Юліанъ съ улыбкою,—здѣсь еще живъ великій Панъ.

Потомъ онъ прибавилъ тише, опуская голову:

— Орибазій, ты видѣлъ?..

— Да,—отвѣтилъ врачъ,—но, можетъ быть, ты самъ виноватъ, Юліанъ? Чего ты хотѣлъ?

Императоръ безмолвствовалъ.

Они подошли къ обвитой плющемъ развалинѣ. Должно быть, это былъ маленькій храмъ Силена. Обломки валялись въ сочной травѣ. Уцѣлѣла одна неопрокинутая колонна, съ нѣжною капителью, похожей на бѣлую лилію. На ней потухалъ отблескъ заходящаго солнца.

Они сѣли на плиты. Благоухала мята, полынь и тминъ. Юліанъ раздвинулъ травы и указалъ на древній, сломанный барельефъ:

— Орибазій, вотъ чего я хотѣлъ!

На барельефѣ была изображена древняя эллинская ѳеорія—священное праздничное шествіе аѳинянъ.

— Вотъ чего я хотѣлъ,—этой красоты!.. Почему, день ото дня, люди становятся все безобразнѣе? Гдѣ они, гдѣ эти богоподобные старцы, суровые мужи, гордые отроки, чистыя жены въ бѣлыхъ развѣвающихся одѣяніяхъ? Гдѣ эта сила, гдѣ эта радость? Галилеяне! Галилеяне! Что вы сдѣлали?..

Глазами, полными безконечной грусти и любви, онъ смотрѣлъ на барельефъ, раздвинувъ высокія травы.

— Юліанъ,—спросилъ Орибазій тихо,—ты вѣришь Максиму?..

— Вѣрю...

— Во всемъ?

— Что ты хочешь сказать?

Юліанъ поднялъ на него удивленные глаза.

— Я всегда думалъ, Юліанъ, что ты страдаешь тою-же самою болѣзнью, какъ и враги твои, христіане.

— Какою?

— Вѣрою въ чудеса.

Юліанъ покачалъ головою:

— Если нѣтъ ни чудесъ, ни боговъ, вся моя жизнь — безуміе... Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ. А за мою любовь къ обрядамъ и гаданіямъ древности, не суди меня слишкомъ строго. Какъ тебѣ это объяснить,—не знаю. Старыя, глупыя пѣсни трогаютъ меня до слезъ. Я люблю вечеръ больше утра, осень—больше весны. Я люблю все уходящее! Я люблю благоуханіе умирающихъ цвѣтовъ... Что-же дѣлать, другъ мой? Такимъ меня создали боги! Мнѣ нужна эта сладкая грусть, этотъ золотистый и волшебный сумракъ. Тамъ, въ далекой древности, есть что-то несказанно-прекрасное и милое, чего я больше нигдѣ не нахожу. Тамъ,—сіяніе вечерняго солнца на пожелтѣвшемъ отъ старости мраморѣ. Не отнимай у меня этой безумной любви къ тому, чего нѣтъ. То, что было прекраснѣе всего, что есть! Надъ моею душою воспоминаніе имѣетъ большую власть, чѣмъ надежда...

Онъ умолкъ и задумчиво, съ нѣжной улыбкой, смотрѣлъ вдаль, опираясь головой на уцѣлѣвшую колонну съ нѣжной капителью, похожею на грустную бѣлую лилію. На ней уже потухъ отблескъ заходящаго солнца.

— Ты говоришь, какъ поэтъ,—отвѣтилъ Орибазій,—но грезы поэта опасны, когда судьбы міра въ рукахъ его. Тотъ, кто царствуетъ надъ людьми, не долженъ-ли быть больше, чѣмъ поэтъ?

— Что можетъ быть больше?

— Создатель новой жизни...

— Новое, новое, — воскликнулъ Юліанъ, — право, я иногда боюсь вашего новаго! Оно кажется мнѣ холоднымъ и жестокимъ, какъ смерть. Я говорю тебѣ, въ старомъ — мое сердце! Галилеяне тоже ищутъ все новаго и новаго, попирая древнія святыни. Вѣрь мнѣ, новое только въ старомъ, но не старѣющемъ, въ умершемъ, въ безсмертномъ, въ поруганномъ,—въ прекрасномъ!..

И онъ поднялся во весь ростъ, съ блѣднымъ и гордымъ лицомъ, съ горящими глазами:

— Они думаютъ,—Эллада умерла! Вотъ, со всѣхъ концовъ свѣта черные монахи, какъ вороны, слетаются на бѣлое, мраморное тѣло Эллады и жадно клюютъ его, какъ падаль, и веселятся, и каркаютъ: — «Эллада умерла!» Но Эллада не можетъ умереть! Эллада—здѣсь, въ нашихъ сердцахъ! Эллада—богоподобная красота человѣка на землѣ. Она проснется—и горе тогда галилейскимъ воронамъ!

— Юліанъ,—проговорилъ Орибазій,—мнѣ страшно за тебя... Ты хочешь совершить невозможное... Живого тѣла вороны не клюютъ, а мертвые не воскресаютъ. Кесарь, что, если чудо не совершится?

— Я ничего не боюсь: гибель моя будетъ торжествомъ моимъ,—воскликнулъ императоръ съ такою сіяющею радостью на молодомъ лицѣ, что Орибазій невольно содрогнулся, какъ будто чудо готово было совершиться,—слава—отверженнымъ, слава—побѣжденнымъ!

— Но передъ тѣмъ, чтобы погибнуть,—прибавилъ онъ съ высокомѣрной улыбкой,—мы еще поборемся! Я хотѣлъ-бы, чтобы враги мои были достойны моей ненависти, а не презрѣнія. Воистину люблю я враговъ моихъ за то, что могу побѣждать ихъ и чувствовать свою силу. Въ сердцѣ моемъ діонисова радость! Нынѣ возстаетъ древній титанъ и разрываетъ цѣпи, и еще разъ Прометеевъ огонь зажигается на землѣ. Титанъ—противъ Галилеянина!.. Вотъ, я иду, чтобы дать людямъ такую свободу, такое веселіе, о какихъ они и мечтать не дерзали. Галилеянинъ, царство твое исчезаетъ, какъ тѣнь! Радуйтесь, племена и народы земные! Я—вѣстникъ жизни, я—освободитель, я—Антихристъ!

III.

Въ сосѣднемъ монастырѣ, съ наглухо запертыми ставнями и воротами, раздавались торжественныя моленія иноковъ. Издали доносился гулъ вакхическаго веселія. Чтобы заглушить его, монахи соединяли голоса въ жалобный вопль:

«Вскую, Боже, отринулъ еси до конца, разгнѣвася ярость Твоя на овцы пажити Твоея?

«Положилъ еси насъ въ пререканіе и поношеніе сосѣдомъ нашимъ, въ притчу во языцѣхъ, въ поруганіе всѣмъ человѣкомъ».

Новый, неожиданный смыслъ принимали древнія слова пророка Даніила: «Предалъ еси насъ Господь царю Отступнику, лукавѣйшему паче всея земли».

Позднею ночью, когда на улицѣ все утихло, иноки разошлись по кельямъ.

Братъ Парѳеній не могъ и подумать о снѣ. У него было блѣдное, ласковое лицо. Въ большихъ глазахъ, чистыхъ какъ у молодой дѣвушки, выражалось печальное недоумѣніе, когда онъ говорилъ съ людьми. Впрочемъ и говорилъ онъ очень мало, невнятно, какъ-будто съ тяжелымъ усиліемъ, и притомъ почти всегда такое дѣтское и неожиданное, что его не могли слушать безъ улыбки. Иногда онъ безпричинно смѣялся. Суровые монахи спрашивали: чего зубы скалишь, дьявола тѣшишь?—Тогда объяснялъ онъ робко, что смѣется «собственнымъ мыслямъ». Это еще болѣе убѣждало всѣхъ, что Парѳеній—юродивый.

Но онъ обладалъ великимъ искусствомъ—расписывать первые листы и заглавныя буквы священныхъ книгъ хитрыми узорами. Искусство брата Парѳенія доставляло не только деньги, но почетъ и славу монастырю, даже въ отдаленныхъ земляхъ. Конечно, онъ этого не подозрѣвалъ и если-бы даже могъ понять, что значитъ людская слава, то скорѣе испугался-бы, чѣмъ обрадовался.

Свои занятія живописью, которыя иногда стоили неимовѣрнаго труда,—такъ какъ художникъ доводилъ до послѣднихъ предѣловъ совершенства мельчайшія подробности,—онъ считалъ не работой, а забавой, не говорилъ: я пойду работать,—а всегда просилъ настоятеля Памфила старика, нѣжно его любившаго: «отче, благослови,—пойду играть».

Окончивъ какую-нибудь подробность, хитрѣйшій и тончайшій завитокъ, онъ хлопалъ въ ладоши и хвалилъ себя.

Братъ Парѳеній такъ любилъ уединеніе и тишину ночи, что научился работать даже при свѣтѣ лампады. Краски выходили неожиданныя, но это не вредило сказочнымъ рисункамъ.

Въ маленькой коморочкѣ съ нависшими сводами, Парѳеній зажегъ глиняную лампаду и поставилъ ее на полку, рядомъ съ баночками, тонкими кистями, ящиками для красокъ, для киновари, для жидкаго серебра и золота. Онъ перекрестился, осторожно обмакнулъ кисть и началъ выводить хвосты двухъ павлиновъ надъ фронтономъ заглавнаго листа. Золотые павлины на зеленомъ полѣ пили изъ бирюзоваго ключа. Они подняли клювы и вытянули шейки, какъ это дѣлаютъ птицы, когда пьютъ.

Кругомъ лежали другіе пергаментные свитки съ недоконченными узорами.

Это былъ цѣлый міръ, сверхъестественный и очаровательный. Вокругъ текста обвивались воздушныя созданія сказочной архитектуры,—деревья, лозы, фантастическія животныя. Парѳеній ни о чемъ не думалъ, когда создавалъ ихъ, но ясность и веселіе сходили на его блѣдное лицо. Эллада, Ассирія. Персія, Индія и уже поздняя утонченная Византія, и смутныя вѣянія будущихъ міровъ,—всѣ народы и вѣка простодушно соединялись въ монашескомъ раю, блиставшемъ переливами драгоцѣнныхъ камней вокругъ заглавныхъ буквъ Священнаго Писанія.

Здѣсь изображалось Крещеніе. Іоаннъ Креститель лилъ воду на голову Іисуса Христа. А рядомъ языческій рѣчной богъ Іорданъ, съ наклоненной амфорой, струящей воду, любезно, какъ древній хозяинъ этихъ мѣстъ, держалъ полотенце наготовѣ, чтобы предложить его Спасителю послѣ крещенія.

Братъ Парѳеній, въ простотѣ сердечной, не боялся древнихъ боговъ. Они его увеселяли и казались давно обращенными въ христіанство. На вершинѣ холмовъ онъ непремѣнно помѣщалъ горнаго бога въ видѣ нагого юноши.

Когда художникъ рисовалъ переходъ іудеевъ черезъ Чермное море, женщина съ весломъ въ рукѣ изображала Море, а голый мужчина съ надписью Βυθός—долженъ былъ означать Бездну, поглощающую Фараона; на берегу сидѣла Пустыня, въ видѣ печальной женщины, въ туникѣ желто-песочнаго цвѣта.

Кое-гдѣ, въ изогнутой шеѣ коня, въ складкѣ длинной одежды, въ томъ, какъ наивный Горный Богъ, лежа, опирался на локоть, или богъ Іорданъ подавалъ Іисусу Христу полотенце, вдругъ сквозило эллинское изящество, грація обнаженнаго тѣла.

Въ ту ночь «игра» не забавляла художника.

Всегда неутомимые пальцы дрожали. На губахъ не было обычной тихой улыбки. Онъ прислушался, открылъ ящикъ въ кипарисовомъ поставцѣ, вынулъ острое шило для переплетныхъ работъ, перекрестился, и заслоняя прозрачно-порозовѣвшею ладонью пламя лампады, тихонько вышелъ изъ кельи.

Въ коридорѣ было тихо и душно. Слышалось жужжаніе мухи, попавшей въ паутину.

Парѳеній спустился въ церковь. Единственная лампада мерцала передъ стариннымъ диптихомъ, двустворчатымъ образомъ изъ слоновой кости. Два крупныхъ продолговатыхъ сапфира, — въ ореолѣ младенца Іисуса на рукахъ Божьей Матери, были исторгнуты язычниками и возвращены на прежнее мѣсто въ храмъ Діониса.

Черныя уродливыя впадины въ слоновой кости, которая отъ древности слегка была тронута мягкой желтизною, — казались художнику Парѳенію язвами въ живомъ тѣлѣ. «Нѣтъ, не могу!»—прошепталъ онъ и прикоснулся губами къ нѣжной ручкѣ Младенца Іисуса,—«не могу, лучше умереть». Кощунственныя язвы въ слоновой кости мучили его безобразіемъ, возмущали больше, чѣмъ всякое насиліе надъ живымъ человѣкомъ.

Въ углу церкви онъ нашелъ веревочную лѣстницу. Иноки употребляли ее для зажиганія лампадъ въ куполѣ храма.

Съ этой лѣстницей онъ вышелъ въ узкій темный проходъ, кончавшійся наружною дверью.

На соломѣ храпѣлъ краснощекій, толстый братъ, келарь Хорицій.

Парѳеній проскользнулъ, какъ тѣнь. Замокъ на двери отомкнулся съ металлическимъ пѣніемъ и звономъ. Хорицій приподнялся, захлопалъ глазами и опять повалился на солому.

Парѳеній перелѣзъ черезъ невысокую ограду. Улица глухого предмѣстія была пустынной. На небѣ сіялъ полный мѣсяцъ. Море шумѣло.

Онъ подошелъ къ той сторонѣ храма Діониса, гдѣ была тѣнь, и кинулъ такъ веревочную лѣстницу, чтобы одинъ конецъ зацѣпился за

мѣдную акротеру на углу храма. Лѣстница повисла на поднятой когтистой лапѣ Сфинкса. Монахъ взлѣзъ на крышу.

Гдѣ-то очень далеко запѣли ранніе пѣтухи, залаяла собака.

Потомъ опять настала тишина. Только море шумѣло.

Онъ перекинулъ лѣстницу и спустился во внутренность храма.

Здѣсь царствовало торжественное безмолвіе. Зрачки бога, два прозрачно-голубыхъ продолговатыхъ сапфира, сіяли страшною жизнью при мѣсячномъ блескѣ, прямо устремленные на монаха.

Парѳеній вздрогнулъ и перекрестился.

Онъ взлѣзъ на жертвенникъ. Недавно верховный жрецъ Юліанъ раздувалъ на немъ огонь. Ступни Парѳенія почувствовали теплоту непростывшаго пепла. Монахъ вынулъ изъ-за пазухи шило. Очи бога сверкали близко, у самаго лица его. Художникъ увидѣлъ безпечную улыбку Діониса и все его мраморное тѣло, облитое луннымъ сіяніемъ. И онъ залюбовался на древняго бога.

Потомъ началъ работу, стараясь остріемъ шила вынуть сапфиры. Часто рука его, противъ воли, щадила плѣнительный мраморъ.

Наконецъ работа была кончена. Ослѣпленный Діонисъ грозно смотрѣлъ на монаха черными глазными впадинами.

Тогда ужасъ объялъ Парѳенія. Ему показалось, что кто-то подсматриваетъ. Онъ соскочилъ съ жертвенника, подбѣжалъ къ веревочной лѣстницѣ, вскарабкался, свѣсилъ ее на другую сторону, даже не закрѣпивъ какъ слѣдуетъ, такчто съ нижнихъ ступенекъ сорвался и упалъ. Блѣдный растрепанный, въ запачканной одеждѣ, но все-таки крѣпко сжимая сапфиры въ рукѣ, бросился онъ, какъ воръ, черезъ улицу къ монастырю.

Привратникъ не просыпался. Парѳеній, пріотворивъ дверь, проскользнулъ и вошелъ въ церковь.

Взглянувъ на образъ, онъ успокоился. Попробовалъ вложить сапфировыя очи Діониса въ темныя впадины: они пришлись какъ нельзя лучше на старое мѣсто и опять затеплились кроткимъ сіяніемъ въ ореолѣ младенца Іисуса.

Парѳеній вернулся въ келью, потушилъ огонь и бросился въ постель. Вдругъ въ темнотѣ, весь съежившись и закрывая лицо руками, онъ засмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ, какъ нашалившія дѣти, которыя и радуются шалости, и боятся, чтобы старшіе не узнали. Онъ заснулъ съ этимъ смѣхомъ въ душѣ.

Утреннія волны Пропонтиды сверкали сквозь рѣшетки маленькаго окна, когда Парѳеній проснулся.

Голуби на подоконникѣ, воркуя, трепетали сизыми крыльями.

Смѣхъ еще оставался въ душѣ его.

Онъ подбѣжалъ къ рабочему столу и съ радостью взглянулъ на недоконченные арабески.

Это былъ Рай Божій. Адамъ и Ева сидѣли на лугу.

Лучъ восходящаго солнца упалъ сквозь окно прямо на арабески и они заблестѣли райскою славою—золотомъ, пурпуромъ и лазурью.

Парѳеній, работая, не замѣчалъ, что онъ придаетъ голому тѣлу Адама древнюю, олимпійскую прелесть веселаго бога Діониса.

IV.

Знаменитый софистъ, придворный учитель краснорѣчія Гэкеболій началъ съ низкихъ ступеней свое восхожденіе по лѣстницѣ государственныхъ чиновъ. Онъ былъ служкой при гіераполійскомъ храмѣ Астарты. Шестнадцати лѣтъ, укравъ нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей, бѣжалъ онъ изъ храма въ Константинополь, прошелъ черезъ всѣ мытарства, всю грязь столицы, шлялся по большимъ дорогамъ, и съ благочестивыми странниками, и съ разбойничьею шайкой оскопленныхъ жрецовъ Диндимены, многогрудой богини, любимицы черни, развозимой по деревнямъ на ослѣ.

Наконецъ попалъ въ школу ритора Проэрезія и скоро сдѣлался самъ учителемъ краснорѣчія.

Въ послѣдніе годы Константина Великаго, когда христіанская вѣра стала придворною модою, Гэкеболій принялъ христіанство. Люди духовнаго званія питали къ нему особенную склонность. Онъ платилъ имъ тѣмъ-же.

Гэкеболій часто, и всегда во-время, мѣнялъ символъ вѣры, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ: то изъ аріанства переходилъ въ православіе, то опять изъ православія въ аріанство, и каждый разъ такой переходъ былъ ступенью въ лѣстницѣ государственныхъ чиновъ. Лица духовнаго званія тихонько подталкивали его, и онъ въ свою очередь помогалъ имъ карабкаться.

Голова его умащалась сѣдинами, дородность дѣлалась все болѣе пріятной, умныя рѣчи все болѣе вкрадчивыми и усладительными, а щеки украшались старческою свѣжестью. Глаза были ласковые, подернутые не то слезой, не то елеемъ. Но изрѣдка въ нихъ вспыхивала злая, пронзительная насмѣшливость, умъ дерзкій и холодный. Тогда онъ поспѣшно опускалъ рѣсницы,—и вспыхнувшая искра потухала.

Вся наружность знаменитаго софиста пріобрѣла оттѣнокъ церковнаго благолѣпія.

Онъ былъ строгимъ постникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ гастрономомъ. Лакомыя постныя блюда его стола были изысканнѣе самыхъ роскошныхъ скоромныхъ, такъ-же какъ монашескія шутки Гэкеболія были иногда острѣе самыхъ откровенныхъ языческихъ. На столъ у него подавалось знаменитое прохладительное питье изъ свекловичнаго сока съ пряностями: многіе увѣряли, что оно вкуснѣе вина. Вмѣсто обыкновеннаго

пшеничнаго хлѣба онъ изобрѣлъ особенныя постныя лепешечки изъ пустынныхъ сѣмянъ, которыми нѣкогда, по преданію, Св. Пахомій питался въ Египтѣ.

Злые языки утверждали, что Гэкеболій — женолюбивъ. Разсказывали въ Константинополѣ такой анекдотъ. Молодая женщина призналась духовнику что измѣнила мужу. «Великій грѣхъ!.. А съ кѣмъ-же дочь моя»? — «Съ Гэкеболіемъ, отецъ». Лицо священника просвѣтлѣло: «Съ Гэкеболіемъ, вотъ что!... Ну, это—мужъ святой и къ церкви усердный. Покайся, дочь моя, Господь тебя проститъ!»

Конечно подобные разсказы были сплетней. Но все-таки на бритомъ, почтенномъ лицѣ чиновника такъ странно выдѣлялись слишкомъ алыя, крупныя губы, хотя онъ и сжималъ ихъ съ выраженіемъ монашеской скромности.

Женщины его очень любили.

Иногда Гэкеболій неожиданно пропадалъ на нѣсколько дней. Этой стороны жизни никто или почти никто не зналъ. Онъ умѣлъ хоронить концы въ воду. Ни слуги, ни рабы не сопровождали его въ этихъ загадочныхъ путешествіяхъ. Сохранялась ненарушимая тайна.

Черезъ нѣсколько дней, онъ какъ ни въ чемъ не бывало возвращался, освѣженный и успокоенный. Только умныя рѣчи его становились еще вкрадчивѣе, сѣдины почтеннѣе, монашеское благолѣпіе торжественнѣе.

При императорѣ Констанціѣ онъ получилъ мѣсто придворнаго ритора съ прекраснымъ жалованьемъ, сенаторскій латиклавъ и почетную голубую перевязь черезъ плечо,—отличіе высшихъ чиновниковъ.

Онъ мѣтилъ выше.

Но какъ разъ въ то мгновеніе, когда Гэкеболій приготовлялся сдѣлать послѣдній шагъ, разразился неожиданный ударъ. Констанцій умеръ. На престолъ вступилъ Юліанъ, ненавистникъ церкви. Гэкеболій не потерялъ присутствія духа. Онъ сдѣлалъ то, что дѣлали другіе, но умнѣе другихъ, и главное во-время, не слишкомъ поздно, не слишкомъ рано.

Однажды Юліанъ, еще въ первые дни власти, устроилъ теологическое состязаніе во дворцѣ. Молодой философъ и врачъ, человѣкъ, всѣми глубоко чтимый за свою прямоту и благородство, Цезарій Каппадокійскій, братъ знаменитаго учителя церкви, Василія Великаго, выступилъ защитникомъ христіанской вѣры противъ императора. Юліанъ допускалъ въ такихъ ученыхъ спорахъ полную независимость и даже любилъ, чтобы ему возражали горячо и страстно, забывая придворный этикетъ.

Споръ былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ, собраніе софистовъ, мудрецовъ, риторовъ, священниковъ, церковныхъ учителей — многолюдное.

Обыкновенно спорящій, мало по малу, поддавался, если не доводамъ греческаго философа, то величію римскаго императора—и уступалъ.

На этотъ разъ дѣло произошло не такъ. Цезарій не уступилъ. Это былъ юноша съ дѣвичьей граціей въ движеньяхъ, съ шелковистыми локонами, съ невозмутимою ясностью невинныхъ глазъ. Онъ называлъ философію Платона «хитросплетенною мудростью Змія» и противопоставлялъ ей небесную мудрость Евангелія. Юліанъ хмурилъ брови, отворачивался, кусалъ губы и едва сдерживался.

Споръ, какъ всѣ искренніе споры, кончился ничѣмъ.

Императоръ вышелъ изъ собранія, овладѣвъ собою, съ философскою шуткою, принялъ ласковый видъ, какъ-бы съ легкимъ оттѣнкомъ всепрощающей грусти,—на самомъ дѣлѣ, съ жаломъ въ сердцѣ.

И вотъ, въ это мгновеніе, къ нему подошелъ придворный риторъ, Гэкеболій. Юліанъ считалъ его врагомъ. Онъ спросилъ:

— Чего тебѣ нужно?

Гэкеболій упалъ на колѣни и началъ покаянную исповѣдь. Давно уже колебался онъ, но доводы императора побѣдили его окончательно. Онъ проклинаетъ мрачное галилейское суевѣріе, сердце его возвращается къ воспоминаніямъ дѣтства, къ свѣтлымъ олимпійскимъ богамъ.

Императоръ поднялъ старика, не могъ отъ волненія говорить и только изо всей силы прижалъ его къ своей груди и поцѣловалъ въ бритыя дородныя щеки, въ сочныя, красныя губы.

Онъ искалъ глазами Цезарія, чтобы насладиться торжествомъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, Юліанъ не отпускалъ отъ себя Гэкеболія, разсказывалъ, кстати и некстати, о чудесномъ обращеніи, гордился имъ, какъ жрецъ — упитанною жертвою, какъ дитя — новою игрушкою, какъ юноша—первою любовницей.

Императоръ хотѣлъ дать новому другу почетное мѣсто при дворѣ, но Гэкеболій отказался наотрѣзъ, считая себя недостойнымъ такой чести. Онъ рѣшился приготовить душу свою къ эллинскимъ добродѣтелямъ долгимъ искусомъ и покаяніемъ, очистить сердце свое отъ нечестія галилейскаго служеніемъ какому нибудь изъ древнихъ олимпійскихъ боговъ. Тогда Юліанъ назначилъ его верховнымъ жрецомъ Виѳиніи и Пафлагоніи. Лица, носившія этотъ санъ, назывались у язычниковъ «архіереями» (ἀρχιερεῦς).

Архіерей Гэкеболій управлялъ двумя многолюдными Азійскими провинціями, и вступивъ на новый путь, шелъ по немъ съ такимъ-же успѣхомъ, какъ по старому. Онъ содѣйствовалъ обращенію многихъ галилеянъ въ эллинскую вѣру.

Гэкеболій сдѣлался главнымъ жрецомъ знаменитаго храма финикійской богини Астарты-Атагартисъ, той самой, которой служилъ въ дѣтствѣ. Храмъ былъ расположенъ на половинѣ пути между Халкедономъ и Никомедіей, на высокомъ уступѣ, вдающемся въ волны Пропонтиды. Это мѣстечко называлось Гаргарія. Сюда стекались бого-

мольцы со всѣхъ концовъ свѣта, почитатели Афродиты—Астарты, богини смерти и сладострастія.

V.

Въ одной изъ обширныхъ залъ Константинопольскаго дворца Юліанъ занимался государственными дѣлами.

Между порфировыхъ колоннъ террасы, выходившей на Босфоръ, сіяло блѣдно-голубое море. Молодой императоръ сидѣлъ передъ круглымъ мраморнымъ столомъ, заваленнымъ папирусными и пергаментными свитками. Скорописцы, наклонивъ головы, поскрипывали египетскими каламусами. У нѣкоторыхъ чиновниковъ лица были заспанныя. Они не привыкли вставать въ такой ранній часъ. Немного поодаль, за колоннадой, шопотомъ сообщали другъ другу замѣчанія Гэкеболій и чиновникъ Юній Маврикъ, — съ желчнымъ сухимъ и умнымъ лицомъ, съ брезгливыми складками вокругъ тонкихъ губъ.

Среди всеобщаго суевѣрія, этотъ скептикъ, придворный щеголь, былъ однимъ изъ послѣднихъ поклонниковъ великаго Лукіана, насмѣшника Самозатскаго, творца язвительныхъ діалоговъ, въ которыхъ такъ безпощадно издѣвается онъ надъ всѣми святынями Олимпа и Голгоѳы, надъ всѣми преданіями Эллады и Рима.

Юліанъ ровнымъ голосомъ диктовалъ посланіе верховному жрецу Галатіи, — Арзакію:

«Не дозволяй жрецамъ посѣщать театры, пить въ кабакахъ, заниматься унизительными промыслами. Послушныхъ—чти, непослушныхъ—извергай. Въ каждомъ городѣ учреди страннопріимные дома, гдѣ путешествующіе пользовались-бы нашимъ милосердіемъ, и не только люди эллинской вѣры, но и всѣ, кто нуждается въ помощи. Мы назначаемъ для ежегодной раздачи въ Галатіи тридцать тысячъ мѣръ пшеницы, шестьдесятъ тысячъ ксестовъ вина. Распредѣли пятую часть этихъ запасовъ между бѣдными, живущими при храмахъ, остальное—между странниками и нищими. Стыдно лишать эллиновъ пособій, когда у іудеевъ нѣтъ ни одного нищаго, а безбожные галилеяне кормятъ и своихъ, и нашихъ. Они поступаютъ, какъ люди, обманывающіе дѣтей лакомствами: начинаютъ съ гостепріимства, съ милосердія, съ приглашеній на пиршества любви, называемыя у нихъ «Агапами», и мало по малу, вовлекая вѣрующихъ въ богопротивное нечестіе, кончаютъ постами, бичеваніями, истязаніями плоти, ужасомъ геенны, безуміемъ и лютою смертью въ мученіяхъ. Таковъ обычный путь человѣконенавистниковъ, именующихъ себя христіанами-братолюбцами. Побѣди ихъ милосердіемъ во имя вѣчныхъ олимпійскихъ боговъ. Объяви по всѣмъ городамъ и селамъ, что это есть моя сердечная забота. Ежели узнаю, что ты такъ

поступилъ, исполнюсь благоволеніемъ. Объясни гражданамъ, что я готовъ прійти къ нимъ на помощь во всякомъ дѣлѣ, во всякій часъ. Но если хотятъ они стяжать мою особую милость, да преклонятся единодушно передъ Матерью боговъ, Диндименою Пессинунтскою,—да воздадутъ ей честь всѣ племена и народы земные во вѣки вѣковъ».

Послѣднія слова онъ приписалъ собственною рукою.

Между тѣмъ подали завтракъ—простой пшеничный хлѣбъ, свѣжія оливки, легкое бѣлое вино. Онъ пилъ и ѣлъ, не отрываясь отъ работы. Но вдругъ обернулся и, указывая на золотую тарелочку съ оливками, спросилъ стараго любимаго раба своего, привезеннаго изъ Галліи, который всегда прислуживалъ императору за столомъ:

— Зачѣмъ—золото? Гдѣ прежняя, глиняная?...

— Прости, государь... разбилась...

— Въ дребезги?

— Нѣтъ, только самый краешекъ...

— Принеси-же.

Рабъ побѣжалъ и принесъ глиняную тарелку съ отбитымъ краемъ.

— Ничего—сказалъ Юліанъ—еще долго прослужитъ!

Онъ улыбнулся:

— Друзья мои, я замѣтилъ, что сломанныя вещи служатъ дольше и лучше новыхъ. Признаюсь,—это моя слабость. Я удивительно привыкаю къ старымъ вещамъ. Въ нихъ есть для меня особенная прелесть, какъ въ старыхъ друзьяхъ. Я боюсь новизны, ненавижу перемѣны. Стараго всегда жаль, даже плохого: старое—уютно и любезно...

Юліанъ весело разсмѣялся собственнымъ словамъ:

— Видите, какія философскія размышленія приходятъ иногда по поводу разбитой тарелки!...

Юній Маврикъ дернулъ Гэкеболія за край одежды:

— Слышалъ? Тутъ вся природа его!.. Одинаково бережетъ и свои разбитыя тарелки, и своихъ полумертвыхъ боговъ. Вотъ, что рѣшаетъ судьбы міра!

Юліанъ увлекся. Отъ эдиктовъ и законовъ перешелъ онъ къ замысламъ будущаго.

Во всѣхъ городахъ Имперіи онъ предполагалъ завести училища, каѳедры, чтенія, толкованія эллинскихъ догматовъ, установленные образцы молитвъ, эпитемьи, философскія проповѣди, убѣжища для любителей цѣломудрія, для посвятившихъ себя размышленіямъ.

— Каково!...—прошепталъ Маврикъ на ухо Гэкеболію,—монастыри въ честь Афродиты и Аполлона. Часъ отъ часу не легче!..

— Да, все это, друзья мои, исполнимъ мы съ помощью боговъ, заключилъ императоръ.—Галилеяне желаютъ увѣрить міръ, что имъ однимъ принадлежитъ милосердіе. Но милосердіе принадлежитъ всѣмъ фи-

лософамъ, какихъ-бы боговъ они ни почитали. Я пришелъ, чтобы проповѣдать міру новую любовь, не рабскую и суевѣрную, а вольную и радостную, какъ самое небо олимпійцевъ!..

Юліанъ обвелъ всѣхъ испытующимъ взглядомъ. На лицахъ чиновниковъ не было того, чего онъ искалъ.

Въ залу вошли выборные отъ христіанскихъ учителей риторики и философіи.

Недавно былъ объявленъ эдиктъ, воспрещавшій галилейскимъ учителямъ преподаваніе древняго эллинскаго краснорѣчія. Христіанскіе риторы должны были или отречься отъ своей вѣры, или покинуть свои школы.

Со свиткомъ въ рукахъ къ Августу подошелъ одинъ изъ выборныхъ—худенькій, растерянный человѣчекъ, похожій на стараго облѣзлаго попугая, въ сопровожденіи двухъ неуклюжихъ и краснощекихъ учениковъ.

— Помилосердствуй, боголюбивѣйшій!

— Какъ тебя зовутъ?—перебилъ императоръ.

— Папиріанъ, Римскій гражданинъ.

— Ну вотъ, видишь-ли, любезный Папиріанъ. Я не желаю вамъ никакого зла. Напротивъ! Оставайтесь галилеянами...

Старикъ упалъ и обнялъ ноги императора.

— Сорокъ лѣтъ учу грамматикѣ. Не хуже другихъ знаю Гомера и Гезіода...

— Скажи о чемъ ты просишь?—произнесъ Августъ нахмурившись.

— Шесть человѣкъ дѣтей, государь,—малъ мала меньше. Не отнимай послѣдняго куска хлѣба! Ученики меня любятъ. Спроси: развѣ я чему нибудь дурному?..

Папиріанъ не могъ продолжать отъ волненія, указывая на двухъ учениковъ, которые не знали, куда спрятать руки. Они стояли выпучивъ глаза, сильно и густо краснѣя.

— Нѣтъ, друзья мои,—перебилъ императоръ тихо и твердо.—Законъ справедливъ. Я нахожу нелѣпымъ, чтобы христіанскіе учителя риторики, объясняя Гомера, отвергали тѣхъ самыхъ боговъ, которыхъ чтилъ Гомеръ. Если думаете, что наши мудрецы сплетали только хитрыя сказки о богахъ, ступайте лучше въ церкви объяснять Матѳея и Луку! Замѣтьте, галилеяне, что это я дѣлаю для вашего собственнаго блага...

Кто-то въ толпѣ риторовъ проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Для собственнаго блага—поколѣемъ съ голоду...

— Вы боитесь осквернить себя жертвеннымъ мясомъ или жертвенной водою, учители христіанскіе,—продолжалъ императоръ невозмутимо,—какъ-же не боитесь вы осквернить себя тѣмъ, что опаснѣе всякаго мяса и воды,—ложною мудростью? Вы говорите: «блаженны нищіе духомъ».. Будьте-же нищими духомъ! Или вы думаете я не знаю вашего ученія? О, я знаю его лучше чѣмъ кто-либо изъ васъ! Я вижу въ галилей-

скихъ заповѣдяхъ такія глубины, какія вамъ и не снились. Но каждому свое: оставьте намъ нашу суетную мудрость, нашу бѣдную словесную науку (τὸ ἑλληνίζειν). На что вамъ эти зараженные источники? У васъ есть мудрость высшая! У насъ царство земное, у васъ—небесное. Подумайте, царство небесное,—это не мало для такихъ смиренныхъ и нестяжательныхъ людей, какъ вы! Діалектика возбуждаетъ только охоту къ вольнодумнымъ ересямъ. Право! Будьте просты, какъ дѣти. Не выше-ли всѣхъ платоновыхъ діалоговъ благодатное невѣжество капернаумскихъ рыбаковъ? Вся мудрость галилеянъ состоитъ въ одномъ: вѣруй! Если бы вы были настоящими христіанами, вы благословили-бы нашъ законъ, риторы. Нынѣ-же возмущается въ васъ не духъ, а плоть, для коей грѣхъ сладокъ. Вотъ все, что я имѣлъ вамъ сказать, и надѣюсь вы оправдаете меня и согласитесь, что римскій императоръ больше заботится о спасеніи вашихъ душъ, чѣмъ вы сами.

Юліанъ прошелъ черезъ толпу несчастныхъ риторовъ, спокойный и довольный своею рѣчью.

Папиріанъ попрежнему, стоя на колѣняхъ, рвалъ свои жидкія сѣдыя кудри.

— За что? Царица Небесная, за что такое попущеніе?

Оба ученика, видя горе наставника, вытирали выпученные глаза красными неуклюжими кулаками.

VI.

Кесарь помнилъ безконечныя распри ортодоксовъ и аріанъ, которыя происходили на Миланскомъ соборѣ при Костанціи. Онъ задумалъ воспользоваться этой враждою и рѣшилъ созвать, подобно своимъ христіанскимъ предшественникамъ, Константину Великому и Констанцію, церковный соборъ.

Однажды, въ откровенной бесѣдѣ, объявилъ онъ удивленнымъ друзьямъ, что, вмѣсто всякихъ насилій и гоненій, хочетъ дать галилеянамъ полную свободу исповѣданія, возвратить изъ ссылки донатистовъ, семіаріанъ, маркіонитовъ, монтанистовъ, цециліанъ и другихъ еретиковъ, изгнанныхъ постановленіями соборовъ при Константинѣ и Констанціи. Онъ былъ увѣренъ, что нѣтъ лучшаго средства погубить христіанъ. «Увидите, друзья мои,—говорилъ императоръ,—когда всѣ они вернутся на прежнія мѣста, между братолюбцами возгорится такая распря, что начнутъ они терзать другъ друга, какъ хищные звѣри, выпущенные изъ клѣтокъ на арену цирка, и предадутъ безславію имя Учителя своего скорѣе, чѣмъ я могъ-бы этого достигнуть самыми лютыми гоненьями и казнями».

Юліанъ разослалъ во всѣ концы Римской Имперіи эдикты и письма,

разрѣшая изгнаннымъ клирикамъ возвратиться безбоязненно. Объявлялась полная свобода вѣроисповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мудрѣйшіе учителя галилейскіе приглашались къ императорскому двору въ Константинополь для нѣкотораго совѣщанія по церковнымъ дѣламъ. Большая часть приглашаемыхъ въ точности не вѣдала ни цѣли, ни состава, ни полномочій собранія, такъ какъ все это было означено въ письмахъ съ преднамѣренной лукавою неясностью. Угадывая хитрость Богоотступника, многіе, подъ предлогомъ болѣзни или дальняго разстоянія, вовсе не явились на зовъ.

Утренняя лазурь казалась темной и мягкой, по сравненію съ ослѣпительно-бѣлымъ мраморомъ двойной колоннады, окружавшей большой дворъ, такъ называемый Константиновъ Атріумъ. Бѣлые голуби съ радостнымъ, шелковымъ шелестомъ крыльевъ исчезали въ небѣ, какъ хлопья снѣгу. По серединѣ атріума, въ свѣтлыхъ брызгахъ фонтана, виднѣлась Афродита Каллипига. Влажный мраморъ серебрился на солнцѣ, какъ живое тѣло. Монахи, проходя передъ нею, отвертывались и старались не видѣть, но она была среди нихъ, лукавая и нѣжная.

Не безъ тайнаго намѣренія, выбралъ Кесарь во дворцѣ такое странное мѣсто для собранія галилеянъ.

Мрачныя одежды иноковъ казались здѣсь еще темнѣе, истощенныя лишеніями, озлобленныя лица еретиковъ-изгнанниковъ еще болѣе унылыми. Они скользили по солнечному мрамору, кидая черныя, безобразныя тѣни.

Всѣмъ было неловко. Каждый старался принять видъ равнодушный, даже самонадѣянный, притворяясь, что не узнаетъ своего сосѣда врага, которому онъ, или который ему испортилъ жизнь, а между тѣмъ, украдкой, кидали они другъ на друга злые любопытные взоры.

— Пречистая Матерь Божья! Что-же это такое? Куда мы попали?— волновался престарѣлый дородный епископъ себастійскій Евстафій,— пустите меня, воины!

— Тише, тише, другъ мой,—уговаривалъ его начальникъ придворныхъ копьеносцевъ, варваръ Дагалаифъ, вѣжливо отстраняя отъ двери.

— Душно мнѣ въ смрадѣ еретическомъ! Пустите, пустите!..

— По волѣ Кесаря всѣ пришедшіе на соборъ...—возражалъ Дагалаифъ, удерживая его съ ласковою непреклонностью.

— Какой это соборъ!—негодовалъ Евстафій,—вертепъ разбойничій!..

Среди галилеянъ нашлись веселые люди, которые подсмѣивались надъ провинціальной наружностью, одышкой и сильнымъ армянскимъ выговоромъ Евстафія. Онъ окончательно оробѣлъ, притихъ и забился въ уголъ, только повторяя съ отчаяніемъ:

— Господи! и за что, за что мнѣ сіе?

Евандръ Никомедійскій, тоже раскаивался, что пришелъ сюда и привелъ Дидимова ученика, только что пріѣхавшаго въ Константинополь, брата Ювентина.

Евандръ былъ одинъ изъ величайшихъ догматиковъ своего времени, человѣкъ ума проницательнаго и глубокаго. Онъ потерялъ здоровье. преждевременно состарился надъ книгами, зрѣніе его ослабѣло, и въ близорукихъ добрыхъ глазахъ епископа было постоянное выраженіе усталости. Безчисленныя ереси осаждали его умъ, не давали ему покоя. мучили наяву, грезились во снѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекали соблазнительными тонкостями и ухищреніями. Евандръ собиралъ ихъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ громадную рукопись подъ заглавіемъ «Противъ еретиковъ» такъ же усердно, какъ нѣкоторые любители собираютъ чудовищныя рѣдкости. Онъ отыскивалъ ихъ съ жадностью, изобрѣталъ несуществующія и чѣмъ яростнѣе опровергалъ, тѣмъ болѣе погружался въ нихъ. Иногда съ отчаяніемъ молилъ онъ у Бога простой вѣры, но Богъ не давалъ ему простоты.

Въ повседневной жизни былъ онъ робокъ, довѣрчивъ и безпомощенъ, какъ дитя. Злымъ людямъ ничего не стоило обмануть Евандра. Насмѣшники разсказывали объ его разсѣянности множество анекдотовъ. Погруженный въ теологическія грезы, епископъ постоянно попадалъ въ неловкія положенія.

По разсѣянности пришелъ онъ и въ это нелѣпое собраніе, не подумавъ, куда и для чего идетъ, отчасти привлекаемый надеждою уловить новую ересь.

Теперь онъ все время съ досадою морщился и заслонялъ ладонью слабые, больные глаза отъ слишкомъ яркаго солнца и мрамора. Ему было не по себѣ, скорѣе хотѣлось назадъ въ полутемную комнату, къ своимъ книгамъ и рукописямъ.

Евандръ не отпускалъ отъ себя Ювентина и предостерегалъ его отъ соблазна, осмѣивая различныя ереси.

По серединѣ залы проходилъ коренастый могучій старикъ съ широкими скулами, съ ореоломъ пушистыхъ сѣдыхъ волосъ на головѣ.

То былъ семидесятилѣтній епископъ Пурпурій, африканецъ-донатистъ, возвращенный Юліаномъ изъ ссылки.

Ни Константину, ни Констанцію не удалось подавить ересь донатистовъ. Рѣки крови проливались изъ-за того, что пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Африкѣ рукоположенъ былъ неправильно Донатъ вмѣсто Цециліана или наоборотъ Цециліанъ вмѣсто Доната,—этого хорошенько разобрать никто не могъ. Но донатисты и цециліане избивали другъ друга, и не предвидѣлось конца братоубійственному междоусобію, возникшему даже не изъ-за двухъ мнѣній, а изъ-за двухъ именъ.

Ювентинъ замѣтилъ, какъ, проходя мимо Пурпурія, одинъ цециліанскій епископъ задѣлъ краемъ фелони одежду донатиста. Тотъ отшатнулся, заворчалъ, и поднявъ брезгливо, двумя пальцами, такъ чтобы всѣ видѣли, нѣсколько разъ отряхнулъ въ воздухѣ ткань, оскверненную прикосновеніемъ еретика.

Евандръ разсказалъ Ювентину, что когда случайно цециліанинъ заходитъ въ церковь донатистовъ, они выгоняютъ его и потомъ тщательно соленой водой обмываютъ плиты, на которыхъ онъ стоялъ.

За Пурпуріемъ слѣдовалъ по пятамъ, какъ песъ, вѣрный тѣлохранитель, полудикій, огромнаго роста африканецъ, смуглый, страшный, съ расплюснутымъ носомъ, толстыми губами, съ дубинкою въ жилистыхъ рукахъ, дьяконъ Леона, принадлежавшій къ сектѣ самоистязателей. Это были мужики изъ гетулійскихъ деревень. Ихъ называли циркумцелліонами. Бѣгая съ оружіемъ въ рукахъ, предлагали они деньги встрѣчнымъ на большихъ дорогахъ съ угрозою: «убейте насъ, или мы васъ убьемъ!» Во имя Христа циркумцелліоны рѣзали, сожигали себя, бросались въ воду. Но не вѣшались, потому что Іуда Искаріотъ повѣсился. Порою цѣлыя толпы съ пѣніемъ псалмовъ кидались въ пропасти. Они утверждали, что самоубійство, во славу Бога, очищаетъ душу отъ всѣхъ грѣховъ. Народъ чтилъ ихъ, какъ мучениковъ. Передъ смертью предавались они наслажденіямъ,—ѣли, пили, насиловали женщинъ. Многіе не употребляли меча, потому что Христосъ запретилъ употреблять мечъ, зато огромными дубинами, со спокойною совѣстью, «по Писанію» избивали еретиковъ и язычниковъ. Проливая кровь, возглашали: «Господу хвала!» Этого священнаго крика мирные жители африканскихъ городовъ и деревень боялись больше, чѣмъ трубы враговъ, чѣмъ рыканія льва.

Донатисты считали циркумцелліоновъ своими воинами и стражами. Такъ какъ мужики гетулійскіе плохо разумѣли церковные споры, то богословы-донатисты предупредительно указывали имъ, кого именно слѣдуетъ избивать «по Писанію».

Евандръ обратилъ вниманіе Ювентина на красиваго юношу, съ лицомъ нѣжнымъ и невиннымъ, какъ у молодой дѣвушки. Это былъ каинитъ.

— Благословенны гордые непокорившіеся братья наши,—Каинъ, Хамъ, жители Содома и Гоморры!—такъ проповѣдывали каиниты,—они—семья верховной Софіи, Сокровенной Мудрости. Придите къ намъ, всѣ гонимые, всѣ возставшіе, всѣ побѣжденные. Благословенъ Іуда! Онъ одинъ изъ апостоловъ былъ причастенъ Высшему Знанію—Гнозису. Онъ предалъ Христа, чтобы Христосъ умеръ и воскресъ, потому что Іуда зналъ, что смерть Христа спасетъ міръ. Посвященный въ нашу мудрость долженъ преступить всѣ предѣлы (διὰ πάντα χωρεῖν), на все дер-

знуть, долженъ презрѣть вещество, попрать самый страхъ къ нему и отдавшись всѣмъ грѣхамъ, всѣмъ наслажденіямъ плоти, достигнуть благодатнаго отвращенія къ плоти,—послѣдней духовной чистоты!

— Смотри, Ювентинъ, вотъ человѣкъ, который считаетъ себя несравненно выше архангеловъ и серафимовъ,—указывалъ Евандръ на стройнаго молодого египтянина, стоявшаго въ сторонѣ отъ всѣхъ, съ умной насмѣшливой улыбкой на тонкихъ губахъ, подкрашенныхъ какъ у блудницы. Онъ былъ одѣтъ по самой послѣдней византійской модѣ. На бѣлыхъ выхоленныхъ рукахъ сверкало множество драгоцѣнныхъ перстней. Это былъ Кассіодоръ—валентиніанинъ.

— У православныхъ—психиковъ,—утверждали надменные валентиніане,—есть душа (ψόλη), какъ у прочихъ животныхъ, но нѣтъ духа, какъ у насъ. Одни мы, посвященные въ тайны Гнозиса и Божественнаго Плэрома, достойны называться людьми. Всѣ остальные—свиньи и псы.

Кассіодоръ внушалъ ученикамъ съ обольстительной улыбкой:

— Вы должны знать всѣхъ, васъ не долженъ знать никто. Передъ непосвященными отрекайтесь отъ Гнозиса. Молчите, презирайте доказательства. Презирайте исповѣданіе вѣры и мученичество. Любите безмолвіе и тайну. Будьте неуловимы и невидимы для враговъ, какъ силы безплотныя. Обыкновеннымъ христіанамъ, — психикамъ — нужны добрыя дѣла для спасенія. Тѣмъ, у кого есть высшее Знаніе Бога,—Гнозисъ, никакихъ добрыхъ дѣлъ ненужно. Мы—сыны свѣта. Они—сыны мрака. Мы уже не боимся грѣха, ибо знаемъ: тѣлу—тѣлесное, духу—духовное! Мы—на такой высотѣ, что не можемъ пасть, какъ-бы ни согрѣшили. Сердце наше остается непорочнымъ въ наслажденіяхъ плоти, какъ чистое золото не теряетъ блеска—даже въ грязи!

Здѣсь-же Ювентинъ увидѣлъ подозрительнаго, косоглазаго старичка съ лицомъ сладострастнаго фавна. Это былъ адамитъ Продикъ, утверждавшій, что ученіе его возрождаетъ первобытную невинность Адама. Голые адамиты совершали таинства въ церкви, жарко натопленной, какъ баня, называвшейся «Эдемъ». Подобно прародителямъ своимъ до грѣхопаденія, не стыдились они наготы своей, увѣряя, что всѣ мужчины и женщины отличаются у нихъ высшимъ духовнымъ цѣломудріемъ. Но чистота этихъ райскихъ собраній была сомнительной.

Рядомъ съ адамитомъ Продикомъ, на полу сидѣла блѣдная, сѣдовласая женщина, въ епископскомъ одѣяніи, съ прекраснымъ суровымъ лицомъ, съ вѣками полузакрытыми отъ усталости. Это была пророчица монтанистовъ. За ней благоговѣйно ухаживали желтолицые изнуренные скопцы. Они смотрѣли томными влюбленными глазами и называли ее «Небесною Голубицею». Изнывая многіе годы отъ восторговъ неосуществимой любви, проповѣдывали они, что родъ человѣческій долженъ быть прекращенъ цѣломудреннымъ воздержаніемъ.

На сожженныхъ равнинахъ Фригіи, близъ разрушеннаго города Пепузы, сидѣли эти безкровные мечтатели, цѣлыми толпами, неподвижно, устремивъ глаза на черту горизонта, гдѣ долженъ былъ появиться Спаситель. Въ туманные вечера, надъ сѣрой равниной, между тучами, въ полосахъ раскаленнаго золота, видѣли они славу Господню, Новый Сіонъ, сходящій на землю.

И такъ годы проходили за годами, и они умирали съ надеждою, что Царствіе Божіе сойдетъ наконецъ на сожженныя развалины Пепузы.

Иногда, приподымая усталыя вѣки, устремляя мутные взоры вдаль, пророчица бормотала по-сирійски:

— Маранъ ата, Маранъ ата!—Господь идетъ, Господь идетъ!

И блѣдные скопцы наклонялись къ ней, внимая.

Ювентинъ слушалъ объясненія Евандра и думалъ, что все это—похоже на странный, мучительный бредъ. Сердце его сжималось отъ горькой, безплодной жалости.

Наступила тишина. Взоры устремились по одному направленію: на другомъ концѣ Атріума, на мраморномъ возвышеніи стоялъ императоръ Юліанъ.

Лицо его было самоувѣренно. Онъ хотѣлъ придать ему выраженіе безстрастное, но порой въ глазахъ вспыхивала искра злобнаго торжества. Его облекала простая бѣлая хламида древнихъ философовъ.

— Старцы и учители,—обратился Кесарь къ собранію,—мы сочли за благо оказывать нашимъ подданнымъ, исповѣдующимъ ученіе Галилеянина Распятаго, всевозможное снисхожденіе и милосердіе. Должно питать болѣе состраданія, чѣмъ ненависти къ заблуждающимся, увѣщеваніями приводить къ истинѣ упрямыхъ, а отнюдь не ударами, обидами и муками тѣлесными. Итакъ, желая возстановить миръ по всей землѣ, столь долго нарушаемый церковными несогласіями, призвалъ я васъ, мудрецы галилейскіе. Мы надѣемся, что, подъ нашимъ покровительствомъ и защитою, вы явите примѣръ тѣхъ высокихъ добродѣтелей, кои приличествуютъ вашему духовному сану и вашей мудрости...

Онъ говорилъ заранѣе приготовленную рѣчь, съ плавными красивыми жестами, какъ опытный ораторъ передъ народнымъ собраніемъ. Но въ словахъ, полныхъ благоволенія, проскальзывали иногда скрытые язвительные намеки. Онъ, между прочимъ, указалъ на то, что еще не забылъ о нелѣпыхъ и унизительныхъ распряхъ галилеянъ, которыя произошли на знаменитомъ Миланскомъ соборѣ, при Констанціи. Съ недоброй усмѣшкой упомянулъ онъ также о нѣкоторыхъ дерзновенныхъ людяхъ, которые, жалѣя, что нельзя болѣе преслѣдовать, мучить и умерщвлять братьевъ по вѣрѣ, возмущаютъ нынѣ народъ, разжигаютъ чернь, подливаютъ масла въ огонь и братоубійственною яростью напол-

няютъ міръ. Они суть враги рода человѣческаго, виновники худшаго изъ бѣдствій—безначалія (ἀναρχία). И онъ заключилъ рѣчь неожиданными словами, въ которыхъ чувствовалась иронія:

— Мы возвратили изъ ссылки вашихъ братьевъ, изгнанныхъ соборами при Константинѣ и Констанціи, желая даровать свободу гражданамъ римской имперіи. Живите въ мирѣ, галилеяне, по завѣту вашего собственнаго Учителя. Для полнаго-же прекращенія раздоровъ поручаемъ вамъ, мудрѣйшіе наставники, забывъ всякую вражду и возсоединившись въ братской любви, придти къ нѣкоторому церковному соглашенію, дабы установить единое и общее для всѣхъ галилеянъ исповѣданіе вѣры. Съ тѣмъ мы и призвали васъ сюда, въ нашъ домъ, по примѣру предшественниковъ нашихъ, Константина и Констанція. Судите и рѣшайте властью, данною вамъ отъ церкви. Мы-же удаляемся, предоставивъ вамъ полную свободу, ожидая вашего мудраго рѣшенія.

Прежде чѣмъ кто-нибудь въ собраніи успѣлъ опомниться или возразить на эту странную рѣчь, Юліанъ, окруженный друзьями-философами, вышелъ изъ Атріума и скрылся.

Всѣ безмолвствовали. Кто-то тяжело вздохнулъ. Въ тишинѣ слышенъ былъ только радостный шелковый шелестъ голубиныхъ крыльевъ въ небѣ и плескъ фонтана о мраморъ.

Вдругъ, на высокихъ плитахъ, служившихъ Кесарю трибуной, появился тотъ самый добродушный старикъ съ провинціальною наружностью, съ армянскимъ выговоромъ, надъ которымъ всѣ недавно смѣялись. Лицо его было красно. Глаза горѣли отвагой. Рѣчь императора оскорбила стараго себастіанскаго епископа. Пылая духовною ревностью, забывъ недавнюю робость, Евстафій выступилъ передъ собраніемъ:

— Отцы и братья!—воскликнулъ онъ, и въ голосѣ его была такая рѣшимость, что никто уже не думалъ смѣяться.

— Разойдемся въ мирѣ! Кто призвалъ насъ сюда для поруганія и соблазна, тотъ не вѣдаетъ ни церковныхъ каноновъ, ни постановленій о соборахъ,—ненавидитъ самое имя Христа! Не будемъ-же веселить враговъ нашихъ, воздержимся отъ гнѣвнаго слова. Заклинаю именемъ Бога Всевышняго, разойдемся въ безмолвіи!

Эти слова онъ произнесъ громкимъ яснымъ голосомъ, поднявъ глаза къ верхней галлереѣ, защищенной отъ солнца пурпурными завѣсами. Тамъ, въ глубинѣ, между колоннами, появился императоръ со своими друзьями-философами. Шопотъ удивленія и ужаса послышался въ толпѣ. Юліанъ смотрѣлъ прямо въ лицо Евстафію. Старикъ выдержалъ и не потупился. Императоръ поблѣднѣлъ.

Въ то-же мгновеніе донатистъ Пурпурій грубо оттолкнулъ епископа и занялъ его мѣсто на трибунѣ.

— Не слушайте!—закричалъ Пурпурій, — не расходитесь, да не преступите воли кесаревой! Цециліане злобствуютъ за то, что онъ, избавитель нашъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, братья,—порывался Евстафій съ мольбою.

— Не братья мы вамъ,—отыдите, окаянные! Мы—чистая пшеница Божья, вы—сухая солома, назначенная Господомъ на сожженіе...

И, указывая на императора—богоотступника, Пурпурій продолжалъ торжественнымъ пѣвучимъ голосомъ, какъ будто возглашая ему церковное славословіе:

— Вотъ, кто нашъ спаситель! Смотрите! Слава, слава преблагому и премудрому Августу! На аспида и василиска наступиши и попреши льва и змія, яко ангеломъ своимъ заповѣсть хранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. Слава!

Тогда собраніе заволновалось и загудѣло. Одни утверждали, что должно послѣдовать совѣту Евстафія и разойтись, другіе требовали слова, не желая потерять единственнаго въ жизни случая высказать свои мысли передъ какимъ-бы то ни было церковнымъ собраніемъ. Лица разгорались, голоса становились пронзительными.

— Пусть теперь кто нибудь изъ цециліанскихъ епископовъ заглянетъ въ наши церкви,—торжествовалъ Пурпурій,—возложимъ мы ему руки на голову, но не для того, чтобы избрать пастыремъ, а чтобы раздробить черепъ!..

Многіе совсѣмъ забыли цѣль собранія, вступая въ тонкіе теологическіе споры. Они зазывали къ себѣ, отбивали другъ у друга слушателей, старались обольстить неопытныхъ.

Базилидіанинъ Трифонъ, пріѣхавшій изъ Египта, окруженный толпою любопытныхъ, показывалъ амулетъ изъ прозрачнаго хризолита съ таинственною надписью: «Абракса».

— Тотъ, кто уразумѣетъ слово Абракса,—соблазнялъ Трифонъ,—получитъ высшую свободу, сдѣлается безсмертнымъ и вкушая отъ всѣхъ сладостей грѣха, будетъ, однако, неуязвимъ для грѣха. Абракса выражаетъ буквами число горнихъ небесъ,—365. Надъ тремя стами-шестидесятью-пятью небесными сферами, (οὐρανοί), надъ іерархіями эоновъ, ангеловъ и архангеловъ есть нѣкій Мракъ Безыменный, прекраснѣе всякаго свѣта, неподвижный, нерождаемый...

— Мракъ безыменный и неподвижный въ скудоумной головѣ твоей!—негодовалъ аріанскій епископъ, подступая къ Трифону.

Гностикъ, по своему обыкновенію, тотчасъ-же умолкъ, сжавъ губы съ презрительной улыбкой, полузакрывъ глаза и поднявъ указательный палецъ:

— Премудрость! Премудрость!—произнесъ онъ чуть слышно и отошелъ, точно выскользнулъ изъ рукъ аріанина.

Пророчица Пепузская, поддерживаемая подъ руки влюбленными скопцами, поднявшись во весь ростъ, страшная, блѣдная, растрепанная, съ мутными, полоумными взорами, вдохновенно завывала, ничего не видя и не слыша:

— Маранъ ата! Маранъ ата!—Господь идетъ! Господь идетъ!

Ученики отрока Епифанія, не то языческаго полубога, не то христіанскаго мученика, обоготворяемаго въ молельняхъ Кефалоніи, возглашали:

— Κοινωνία καὶ ἰσότης! — Братство и равенство! Другихъ законовъ нѣтъ. Разрушайте, разрушайте все! Да будутъ общими у людей имущество и жены, какъ трава, какъ вода, какъ воздухъ и солнце!

Офиты, змѣепоклонники, подымали мѣдный крестъ, обвитый прирученною нильскою змѣйкою:

— Мудрость Змія,—говорили они,—даетъ людямъ знаніе добра и зла. Вотъ—Спаситель, Оміоморфосъ — змѣевидный! Не бойтесь, послушайте Его и вкусите отъ плода запрещеннаго,—воистину вы будете какъ боги!

Съ проворной ловкостью фокусника, высоко подымая прозрачную, стеклянную чашу, наполненную водой, маркозіанинъ, надушенный и подвитой щеголь, соблазнитель женщинъ, приглашалъ любопытныхъ:

— Смотрите, смотрите! Чудо! Вода закипитъ и сдѣлается кровью.

Коларбазіане быстро считали по пальцамъ и доказывали, что всѣ пиѳагорейскія числа, всѣ тайны неба и земли, заключаются въ буквахъ греческаго алфавита:

— Альфа, Омэга, начало и конецъ. А между ними—Троица—бэта, гамма, дельта—Сынъ, Отецъ, Духъ. Видите, какъ просто!..

Фабіониты, карпократіане-обжоры, барбелониты-развратники проповѣдывали такія мерзости, что благочестивые люди только отплевывались и затыкали уши. Многіе дѣйствовали на своихъ слушателей тою непонятною, притягательною силою, которою обладаетъ надъ воображеніемъ чудовищное и безумное.

Каждый былъ убѣжденъ въ своей правотѣ. И всѣ были противъ всѣхъ.

Даже ничтожная секта, затерянная въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ Африки,—рогаціане, и тѣ увѣряли, что Христосъ, придя на землю, найдетъ истинное пониманіе Евангелія только у нихъ, въ нѣсколькихъ деревушкахъ Мавританіи Кесарійской,—больше нигдѣ во всемъ мірѣ.

Евандръ Никомедійскій, уже забывъ Ювентина, едва успѣвалъ записывать въ свои восковыя карманныя таблички новые незамѣченные оттѣнки ересей, увлекаясь, какъ собиратель рѣдкостей.

А между тѣмъ, съ верхней мраморной галлереи, глазами, полными глубокаго и удовлетвореннаго злорадства, смотрѣлъ внизъ на этихъ обезумѣвшихъ людей молодой императоръ, окруженный мудрецами въ древ-

нихъ бѣлыхъ одеждахъ. Здѣсь были всѣ друзья его: пиѳагореецъ Проклъ, Нимфидіанъ, Евгеній Прискъ, Эдезій, престарѣлый учитель Ямвликъ Божественный, благообразный Гэкеболій, архіерей Диндимены. Они не смѣялись и не шутили. Лица были безстрастны. Они держали себя, какъ пристойно мудрецамъ. Только изрѣдка, на строго сжатыхъ губахъ выступала улыбка тихаго сожалѣнія. Это былъ пиръ эллинской мудрости. Они смотрѣли внизъ, какъ смотрятъ боги на враждующихъ людей, и любители цирка—на арену, гдѣ звѣри борются и пожираютъ другъ друга.

Въ тѣни пурпурныхъ завѣсъ имъ было свѣжо и отрадно.

А внизу галилеяне, обливаясь потомъ, анаѳематствовали и проповѣдывали.

Среди смятенія, юный женоподобный каинитъ, съ прекраснымъ, нѣжнымъ лицомъ, съ печальными, дѣтскими-ясными глазами, успѣлъ вскочить на трибуну и воскликнуть такимъ вдохновеннымъ голосомъ, что всѣ обернулись, онѣмѣли и услышали кощунство:

— Благословенны непокорившіеся Богу! Благословенны Каинъ, Хамъ, Іуда, жители Содома и Гоморры! Благословенъ отецъ ихъ, Ангелъ Бездны и Мрака!

Неистовый африканецъ Пурпурій, которому уже цѣлый часъ не давали сказать слова, желая облегчить свое сердце, ринулся на каинита и поднялъ волосатую, жилистую руку, чтобы «заградить уста нечестивцу».

Его удержали и старались образумить:

— Отче, непристойно!

— Пустите! Пустите! — кричалъ Пурпурій, вырываясь изъ рукъ державшихъ его,—не потерплю сей мерзости... Вотъ-же тебѣ, Каиново отродье!

И донатистъ плюнулъ въ лицо каиниту.

Все смѣшалось,—началась-бы драка, если-бы не прибѣжали римскіе копьеносцы. Разнимая галилеянъ, воины увѣщевали ихъ:

— Здѣсь, во дворѣ не мѣсто! Или мало вамъ церквей вашихъ, чтобы драться?..

Пурпурія подняли на руки и хотѣли увлечь.

Онъ возопилъ:

— Леона! Дьяконъ Леона!

Тѣлохранитель растолкалъ воиновъ, двухъ повалилъ на землю, освободилъ Пурпурія, и въ воздухѣ, надъ головами ересіарховъ, закрутилась и засвистѣла страшная дубина циркумцелліона.

— Господу хвала!—ревѣлъ африканецъ, избирая жертву глазами.

Вдругъ, въ ослабѣвшихъ рукахъ его, безпомощно опустилась дубина. Всѣ окаменѣли. Въ тишинѣ раздался пронзительный крикъ одного изъ полоумныхъ скопцовъ пророчицы Пепузской. Онъ упалъ на колѣни и съ лицомъ искаженнымъ ужасомъ, указывалъ на трибуну:

— Дьяволъ, дьяволъ, смотрите,—самъ дьяволъ!..

На мраморномъ возвышеніи, надъ толпой галилеянъ, скрестивъ руки на груди, спокойно и величественно, въ древней бѣлой одеждѣ философа, стоялъ императоръ Юліанъ. Глаза его горѣли нескрываемымъ грознымъ веселіемъ. Многимъ въ эту минуту Богоотступникъ показался страшнымъ, лукавымъ и сильнымъ, подобно дьяволу.

— Вотъ какъ исполняете вы законъ любви, галилеяне,—произнесъ онъ среди собранія, пораженнаго ужасомъ,—вижу, вижу теперь, что значитъ ваше милосердіе и всепрощеніе!.. Воистину хищные звѣри сострадательнѣе, чѣмъ вы, братолюбцы. Говоря словами вашего собственнаго Учителя: «горе вамъ, законникамъ, что взяли вы ключъ разумѣнія: сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали. Горе вамъ, книжники и фарисеи!»

И насладившись ихъ томительнымъ молчаніемъ, онъ прибавилъ спокойно, не торопясь:

— Если вы не умѣете управлять собою, то вотъ я говорю вамъ, остерегая отъ еще большихъ золъ,—слушайтесь меня, галилеяне, и покоряйтесь!

VII.

Когда Юліанъ изъ Константинова Атріума спускался по ступенямъ широкой лѣстницы, направляясь для жертвоприношенія въ маленькій, находившійся по сосѣдству съ дворцомъ храмъ богини Счастья, Тюхэ, къ нему подошелъ сѣдовласый, сгорбленный халкедонскій епископъ Марисъ. Глаза у Мариса вытекли отъ старости. Мальчикъ велъ слѣпца за руку. Лѣстница выходила на площадь Августейонъ. Внизу собралась толпа. Епископъ, торжественнымъ движеніемъ руки остановивъ императора, заговорилъ старческимъ голосомъ, твердымъ и яснымъ:

— Внимайте, народы, племена, языки, люди всякаго возраста, всѣ, сколько есть теперь и сколько будетъ на землѣ! Внимайте мнѣ, Высшія Силы, ангелы, которыми скоро совершено будетъ истребленіе Мучителя! Не царь Амморейскій низложится, ни Огъ, царь Васанскій, но Змій, Отступникъ, Великій Умъ, мятежный Ассиріянинъ, общій врагъ и противникъ, на землѣ творившій много неистовствъ и угрозъ, и «въ высоту говорившій». Слыши небо и внуши землѣ! И ты внимай пророчеству моему, Кесарь, ибо нынѣ самъ Богъ говоритъ устами моими. Слово Его сжигаетъ мнѣ сердце—и не могу молчать! Дни твои сочтены. Вотъ еще немного,—и погибнешь ты, исчезнешь, какъ прахъ, взметаемый вихремъ, какъ роса, какъ свистъ пущенной стрѣлы, какъ ударъ грома, какъ быстролетная молнія. Источникъ Кастальскій умолкнетъ навѣки, пройдутъ и посмѣются надъ нимъ. Аполлонъ опять станетъ безгласнымъ кумиромъ, Дафна—деревомъ, оплакиваемымъ въ баснѣ, и поростутъ мо-

гильною травою низвергнутые храмы. О, мерзость Сеннахеримова! Такъ вѣщаемъ мы, галилеяне, люди презрѣнные, поклоняющіеся Распятому, ученики рыбаковъ капернаумскихъ и сами—невѣжды; мы, изнуренные долгими постами, полумертвые, напрасно бодрствующіе и пустословящіе во время всенощныхъ бдѣній, и однако же низлагающіе васъ: «Гдѣ суть книжники, гдѣ суть совопросники?» Заимствую сію побѣдную пѣснь отъ одного изъ нашихъ немудрыхъ. Подай сюда свои царскія и софистическія рѣчи, свои неотразимые силлогизмы и энтимемы! Посмотримъ, какъ и у насъ говорятъ неученые рыбари... Да воспоетъ опять со дерзновеніемъ Давидъ, который таинственными камнями низложилъ надменнаго Голіаѳа, побѣдилъ многихъ кротостью и духовнымъ сладкозвучіемъ исцѣлялъ Саула, мучимаго злымъ духомъ. Благодаримъ тебя, Господи! Нынѣ очищается церковь Твоя гоненіемъ. Се грядетъ Женихъ! Мудрыя Дѣвы, возжгите ваши свѣтильники! Іерея облеките въ великій и несквернный хитонъ,—во Христа, наше украшеніе!

Послѣднія слова слѣпецъ произнесъ на распѣвъ, какъ слова богослуженія. Потрясенная толпа отвѣтила ему гуломъ одобренія. Кто-то воскликнулъ громко:

— Аминь!

— Ты кончилъ, старецъ?—спросилъ Юліанъ спокойно.

Императоръ выслушалъ до конца длинную рѣчь съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто дѣло шло вовсе не о немъ. Только въ углахъ губъ выступала иногда тонкая усмѣшка.

— Вотъ мои руки, мучители!.. Вяжите!.. Ведите на смерть!.. Господи, пріемлю вѣнецъ!..

Епископъ поднялъ тусклые, слѣпые глаза къ небу.

— Не думаешь ли ты, добрый человѣкъ, что я поведу тебя на смерть?—произнесъ Юліанъ,—ошибаешься! Я отпущу тебя съ миромъ. Въ душѣ моей нѣтъ злобы противъ тебя...

— Что это? Что это? О чемъ онъ говоритъ? — спрашивали въ толпѣ.

— Не соблазняй! Не отступлю отъ Христа! Отыди, врагъ человѣческій. Палачи, ведите на смерть... Вотъ я!..

— Здѣсь нѣтъ никакихъ палачей, другъ мой. Здѣсь все такіе-же простые и добрые люди, какъ ты. Успокойся! Жизнь скучнѣе и обыкновеннѣе, чѣмъ ты думаешь. Я слушалъ тебя съ любопытствомъ, какъ поклонникъ всякаго краснорѣчія, даже галилейскаго. И чего тутъ только не было, — и мерзость Сеннахеримова, и царь Амморейскій, и камни Давида, и Голіаѳъ!.. Нѣтъ у васъ простоты въ рѣчахъ. Почитайте нашего Демосѳена, Платона и въ особенности Гомера. Они, въ самомъ дѣлѣ, просты, какъ дѣти и какъ боги. Да, поучитесь у нихъ великому спокойствію, галилеяне! Богъ — не въ буряхъ,

а въ тишинѣ. Вотъ и весь мой урокъ, вотъ и вся моя месть,—такъ какъ ты самъ требовалъ мести.

— Да поразитъ тебя Господь, Богохульникъ!..—началъ было опять Марисъ.

— Господь не сдѣлаетъ меня слѣпымъ во гнѣвѣ, а тебя зрячимъ,— возразилъ Августъ.

— Я благодарю моего Бога за слѣпоту,—воскликнулъ старикъ,— она не даетъ очамъ моимъ видѣть окаянное лицо Отверженнаго!..

— Сколько злобы, сколько злобы — въ такомъ дряхломъ тѣлѣ!.. Говорите вы все о смиреніи, о любви, галилеяне,—а какая ненависть въ каждомъ вашемъ словѣ! Я только что вышелъ изъ собранія, гдѣ братья, во имя Бога, готовы были растерзать другъ друга, какъ звѣри, и вотъ теперь ты—со своею необузданной рѣчью... За что такая ненависть? Развѣ я не братъ вашъ? О, если-бы ты зналъ, какъ въ это мгновеніе безмятежно и благосклонно мое сердце! Я желаю тебѣ всего добраго, и молю олимпійцевъ, да смягчатъ они твою жестокую, темную и страдающую душу, слѣпецъ! Иди-же съ миромъ и помни, что не одни галилеяне умѣютъ прощать.

— Не вѣрьте ему, братья!.. Это есть хитрость, обольщеніе Змія. Видѣлъ еси, Господи, какъ сей Отступникъ поноситъ Тебя, Бога Израилева, да не премолчиши!..

Тогда, не обращая вниманія на проклятья старика, Юліанъ прошелъ среди народа въ своей простой бѣлой одеждѣ, озаренной солнцемъ, спокойный и мудрый, какъ одинъ изъ древнихъ философовъ.

VIII.

Была бурная ночь. Изрѣдка сіяніе луны проникало сквозь быстро несущіяся тучи и странно смѣшивалось съ мерцаніемъ молніи. Теплый вѣтеръ, пропитанный соленымъ запахомъ гнилыхъ тростниковъ, хлесталъ иглами косого дождя.

На берегу Босфора, къ одинокой развалинѣ подъѣхалъ всадникъ. Во времена незапамятныя, когда здѣсь жили воинственные троянцы, это укрѣпленіе служило сторожевою башнею. Теперь отъ нея остались груды камней, поросшихъ бурьяномъ, и полуразрушенныя стѣны. Внизу была крохотная коморка, убѣжище отъ ненастья для заблудившихся пастуховъ и бродягъ.

Привязавъ коня подъ защитой свода, на половину обвалившагося, и раздвинувъ колючій репейникъ, всадникъ постучался въ низенькую дверцу:

— Это—я, Мэроэ, отопри!

Египтянка отворила дверь и впустила его во внутренность башни.

Всадникъ подошелъ къ тускло горѣвшему факелу. Свѣтъ упалъ ему въ лицо. То былъ императоръ Юліанъ.

Они вышли. Старуха, знавшая хорошо это мѣсто, вела его за руку.

Раздвигая жесткіе стебли мертваго чертополоха, отыскала она низкій входъ въ расщелинѣ, между скалами. Они спустились по ступенямъ. Море было близко. Грохотъ прибоя потрясалъ землю. Но каменныя стѣны защищали отъ вѣтра. Египтянка выбила огонь.

— Вотъ тебѣ, господинъ мой, лампада и ключъ. Поверни два раза. Дверь въ монастырь открыта. Если встрѣтишь привратника,—не бойся. Я подкупила. Только смотри, не ошибись, въ верхнемъ коридорѣ—тринадцатая келья налѣво.

Юліанъ отперъ дверь и долго спускался по крутому наклону съ широкими ступенями изъ древняго плитняка. Скоро подземеліе превратилось въ такую узкую щель, что два человѣка, встрѣтившись, не могли-бы разойтись. Потайной ходъ соединялъ нѣкогда сторожевую башню съ укрѣпленіемъ на противоположномъ берегу залива, а теперь покинутую развалину—съ новымъ христіанскимъ монастыремъ.

Юліанъ вышелъ высоко надъ клокочущимъ моремъ, между острыми скалами, изъѣденными прибоемъ, и началъ взбираться по узенькимъ ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Дойдя до самаго верха, онъ увидѣлъ кирпичную ограду. Она сложена была неровно, многіе кирпичи выдавались, и опираясь на нихъ ногою, хватаясь руками, можно было перелѣзть въ крошечный монастырскій садикъ.

Онъ вступилъ въ опрятный дворъ. Здѣсь все дышало спокойствіемъ. Стѣны были затканы чайными розами. Въ бурномъ, тепломъ воздухѣ цвѣты пахли сильно и тревожно.

Ставни на одномъ изъ нижнихъ оконъ не были заперты изнутри. Юліанъ тихонько отворилъ ихъ и влѣзъ въ окно.

Въ лицо ему дохнулъ спертый воздухъ женскаго монастыря. Пахло сыростью, ладаномъ, мышами, лѣкарственными травами и свѣжими яблоками, которыя запасливыя монахини хранили въ кладовыхъ.

Императоръ вошелъ въ длинный коридоръ. По обѣимъ сторонамъ былъ рядъ дверей.

Онъ сосчиталъ тринадцатую налѣво и открылъ тихонько. Келья была тускло освѣщена алебастровымъ ночникомъ. Повѣяло сонной теплотой. Онъ притаилъ дыханіе.

На низкомъ ложѣ, съ бѣлоснѣжными покровами, лежала дѣвушка въ монашеской темной туникѣ. Она, должно быть, уснула во время молитвы, не успѣвъ раздѣться. Тѣнь рѣсницъ падала на блѣдныя щеки. Брови были сжаты сурово и величественно, какъ у мертвыхъ.

Онъ узналъ Арсиною.

Она очень измѣнилась. Только волосы остались тѣ-же: у корней—темно-золотистые, на концахъ—блѣдно-желтые, какъ медъ въ лучѣ солнца.

Рѣсницы ея дрогнули. Она вздохнула.

Передъ глазами его сверкнуло гордое тѣло амазонки, облитое солнечнымъ свѣтомъ, ослѣпительное, какъ золотистый мраморъ Пареенона. И съ неудержимою любовью протягивая руки къ монахинѣ, спавшей подъ сѣнью чернаго креста, Юліанъ прошепталъ:

— Арсиноя!

Дѣвушка открыла глаза, взглянула на него спокойно, безъ удивленія и страха, какъ будто знала, что онъ придетъ. Но, опомнившись, вздрогнула и провела рукою по лицу.

Онъ подошелъ къ ней:

— Не бойся. Скажи слово,—я уйду.

— Зачѣмъ ты пришелъ?

— Я хотѣлъ знать, правда-ли...

— Юліанъ, все равно!.. Мы не поймемъ другъ друга...

— Правда-ли, что ты вѣришь въ Него, Арсиноя?

Она ничего не отвѣтила и потупилась.

— Помнишь ту ночь въ Аѳинахъ,—продолжалъ императоръ,—помнишь, какъ ты искушала меня, галилейскаго монаха, такъ-же, какъ я теперь искушаю тебя? Прежняя гордость и сила въ лицѣ твоемъ, Арсиноя,—а не рабское смиреніе галилеянъ!.. Зачѣмъ ты лжешь? Сердце такъ не измѣняется. Скажи мнѣ правду!..

— Я хочу власти,—проговорила она тихо.

— Власти? Такъ ты еще помнишь нашъ союзъ!—воскликнулъ онъ радостно.

Она съ грустной улыбкой покачала головою:

— О, нѣтъ! Надъ людьми—не стоитъ. Ты самъ это знаешь. Я хочу власти—надъ собою!

— И ты для этого идешь въ пустыню?

— Да. И еще—для свободы.

— Арсиноя, ты все попрежнему любишь себя, только себя!..

— Я хотѣла-бы любить себя и другихъ, какъ Онъ велѣлъ. Но не могу. Я ненавижу и себя, и другихъ.

— Лучше совсѣмъ не жить!—воскликнулъ Юліанъ.

— Надо преодолѣть себя,—проговорила она медленно,—надо побѣдить въ себѣ не только отвращеніе къ смерти, но и отвращеніе къ жизни, что гораздо труднѣе, потому что такая жизнь, какъ моя, страшнѣе смерти. Но зато, если побѣдишь себя до конца, жизнь и смерть будутъ безразличны, и тогда—великая свобода!..

Тонкія брови ея сжимались съ упрямствомъ неукротимой воли.

Юліанъ смотрѣлъ на нее съ отчаяніемъ:

— Что они сдѣлали съ тобою!—произнесъ онъ тихо, — всѣ вы— мучители или мученики. Зачѣмъ вы терзаете себя? Развѣ ты не видишь — въ душѣ твоей нѣтъ ничего, кромѣ ненависти и отчаянія!..

Она взглянула на него злобно:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Я тебя не звала. Уйди! Какое мнѣ дѣло до того, что ты думаешь? Довольно моихъ собственныхъ мыслей и мукъ! Между нами—бездна, которой живые не переступаютъ. Ты говоришь—я не вѣрю. Но вѣдь я и ненавижу себя за это. Бога достигну ненавистью къ себѣ. Я не вѣрю,—но хочу вѣрить, слышишь?—хочу и буду! Заставлю себя. Истерзаю плоть свою, изсушу ее голодомъ и жаждой, сдѣлаю безчувственнѣе мертвыхъ камней. Но, главное — разумъ. Надо умертвить его, потому что онъ — дьяволъ! Онъ соблазнительнѣе всѣхъ желаній. Я укрощу его. Это будетъ послѣдняя побѣда — величайшая!.. Тогда—свобода. Тогда посмотримъ, возмутится-ли что-нибудь во мнѣ, скажетъ-ли: «не вѣрю».

Она сложила ладони рукъ и протянула ихъ къ небу съ безнадежной мольбой:

— Господи! Помилуй меня... Гдѣ-же ты, Господи, услышь меня и помилуй!..

Юліанъ бросился передъ ней на колѣни, обвилъ ея станъ руками, насильно привлекъ къ себѣ на грудь, и глаза его сверкнули торжествомъ:

— О, дѣвушка, теперь я вижу,—ты не могла уйти отъ насъ, хотѣла и не могла! Пойдемъ сейчасъ, пойдемъ со мною!.. И завтра ты будешь супругой римскаго императора, владычицей міра. Я вошелъ сюда, какъ воръ, выйду, какъ левъ—со своею добычею. Какая побѣда надъ галилеянами! Кто остановитъ насъ? Мы дерзнемъ на все, мы будемъ какъ боги!..

Лицо Арсинои сдѣлалось печальнымъ и спокойнымъ. Она взглянула съ жалостью, не отталкивая его:

— Бѣдный ты, бѣдный,—такой-же, какъ я! Самъ не знаешь, куда зовешь. И на кого ты надѣешься? Боги твои—мертвецы. Отъ этой заразы, отъ страшнаго запаха тлѣна бѣгу я въ пустыню. Оставь меня... Я не могу тебѣ ничѣмъ помочь. Уйди.

Глаза его вспыхнули гнѣвомъ и страстью.

Но она произнесла еще спокойнѣе, съ еще большею жалостью, такъ что сердце его дрогнуло и похолодѣло, какъ отъ смертельной обиды:

— И зачѣмъ ты обманываешь себя? Развѣ ты не такой-же неувѣренный, погибающій, какъ всѣ мы? Подумай, что значитъ твое милосердіе, странопріимные дома, проповѣди эллинскихъ жрецовъ. Все это —

подражаніе галилеянамъ, все это—новое, неизвѣстное древнимъ мужамъ, героямъ Эллады. Юліанъ, Юліанъ, развѣ боги твои—прежніе олимпійцы, —лучезарные и безпощадные, страшныя дѣти небесной лазури, веселящіяся кровью жертвъ и страданіями смертныхъ? Кровь и страданія людей нектаръ и амброзія древнихъ боговъ! А твои—соблазненные вѣрой капернаумскихъ рыбаковъ,—слабые, кроткіе, больные, умирающіе отъ жалости къ людямъ... Потому что, видишь-ли, жалость къ людямъ—для боговъ смертельна!..

Буря утихла. Въ окно было видно, какъ между разорванными тучами бездонно-глубокое небо сіяло зеленою печальною зарею, въ которой умирала звѣзда Афродиты. Императоръ чувствовалъ тяжелое утомленіе. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью. Онъ дѣлалъ страшныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ, но каждое слово Арсинои проникало до самой глубины его сердца и уязвляло.

— Да,—продолжала она неумолимо—вы—больные, вы—слишкомъ слабые для своей мудрости. Вотъ ваше проклятіе, запоздалые эллины! Нѣтъ у васъ силы ни въ чемъ,—ни въ добрѣ, ни во злѣ! Вы—ни день, ни ночь, ни жизнь, ни смерть. Сердце ваше—и здѣсь, и тамъ,—вы отплыли отъ одного берега, не пристали къ другому. Вѣрите и не вѣрите, вѣчно измѣняете, вѣчно колеблетесь, хотите и не можете, потому что не умѣете желать. Сильны только тѣ, кто, видя одну истину,—слѣпы для другой. Они—васъ побѣдятъ,—двойственныхъ, мудрыхъ и слабыхъ!..

Юліанъ поднялъ голову съ усиліемъ, какъ-будто преодолѣвая тяжелый сонъ и произнесъ:

— Ты неправа, Арсиноя! Душа моя не знаетъ страха, воля моя непреклонна. Силы рока ведутъ меня. Если суждено мнѣ умереть слишкомъ рано,—я знаю,—смерть моя предъ лицомъ боговъ будетъ прекрасной! Прощай. Видишь — я ухожу безъ гнѣва, печальный и спокойный, потому что теперь ты для меня,—какъ мертвая...

IX.

Надъ воротами главнаго зданія больницы Аполлона Дальномечущаго, — для нищихъ, странниковъ и калѣкъ, на мраморномъ фронтонѣ, была вырѣзана надпись по-гречески, стихъ изъ Гомера:

«Всѣ мы отъ Зевса—
Странники бѣдные. Мало даю, но съ любовью даянье!»

Императоръ вступилъ во внутренніе портики. Стройная, іоническая колоннада окружала дворъ. Эта больница была нѣкогда палестрой.

Вечеръ стоялъ тихій и безмятежно-радостный. Солнце еще не заходило.

Но изъ больничныхъ портиковъ, изъ внутреннихъ покоевъ вѣяло тяжелымъ смрадомъ.

Здѣсь, въ одной кучѣ, валялись дѣти и старики, христіане и язычники, больные и здоровые, калѣки, уроды, разслабленные, хромоногіе, покрытые гнойными струпьями, распухшіе отъ водянки, исхудалые отъ сухотки, съ отпечаткомъ всѣхъ пороковъ и всѣхъ страданій на лицахъ.

Полуголая старуха, въ отрепьяхъ, съ коричневымъ цвѣтомъ кожи, подобнымъ цвѣту сухихъ листьевъ, чесала себѣ спину, покрытую язвами, о нѣжный мраморъ іонической колонны.

Посрединѣ двора возвышалась статуя Аполлона Пиѳійскаго съ лукомъ въ рукахъ и колчаномъ за спиною.

У самаго подножья кумира сидѣлъ сморщенный уродецъ, не то дитя, не то старикъ. Обнявъ руками колѣни, положивъ на нихъ подбородокъ, онъ медленно покачивался изъ стороны въ сторону и съ тупоумнымъ выраженіемъ лица напѣвалъ свою жалобную вѣчную пѣсенку:

— Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, окаянныхъ!

Наконецъ явился главный смотритель Маркъ Авзоній, блѣдный и дрожащій.

— Мудрѣйшій и милостивѣйшій Кесарь, не угодно-ли тебѣ будетъ пожаловать въ мой домъ?.. А то воздухъ здѣсь нехорошій... И притомъ—весьма опасныя болѣзни... Недалеко отдѣленіе прокаженныхъ...

— Ничего,—я не боюсь. Ты—главный смотритель?

Авзоній, стараясь не дышать, чтобы не заразиться, низко поклонился.

— Раздается-ли ежедневно хлѣбъ и вино?

— Все, какъ повелѣлъ блаженный Августъ...

— Какая грязь!

— Это—галилеяне. Считаютъ грѣхомъ мыться. Никакими силами не вгонишь въ баню...

— Вели-ка принести счетныя книги,—проговорилъ Юліанъ.

Смотритель упалъ на колѣни и долго не могъ выговорить ни слова, наконецъ, захлебываясь, пролепеталъ:

— Государь, все въ исправности, но случилось несчастіе... Книги сгорѣли...

Императоръ нахмурился.

Въ это мгновеніе раздались крики въ толпѣ больныхъ:

— Чудо, чудо совершается, — смотрите — чудо!... Разслабленный встаетъ!...

Юліанъ обернулся и увидѣлъ, какъ человѣкъ высокаго роста съ обезумѣвшимъ отъ радости лицомъ, съ протянутыми къ нему руками, съ дѣтскою вѣрою въ глазахъ, вставалъ съ гнилой соломенной подстилки.

— Вѣрую, вѣрую,—проговорилъ разслабленный,—что ты не чело-

вѣкъ, а богъ, сошедшій на землю!.. Вотъ лицо твое, какъ лицо бога! Прикоснись ко мнѣ, исцѣли меня, Кесарь!..

— Чудо, великое чудо!—торжествовали больные.—Слава императору, слава Аполлону-Исцѣлителю!

— И ко мнѣ, и ко мнѣ!... — взывали другіе,—скажи слово,—исцѣлюсь!...

Заходящее солнце проникло въ открытыя ворота и нѣжнымъ отблескомъ озарило мраморное лицо Аполлона Дальномечущаго. Юліанъ взглянулъ на бога, и въ первый разъ, все, что дѣлалось въ больницѣ, показалось ему кощунствомъ. Очи свѣтлаго олимпійца не должны были видѣть такого уродства. Юліану захотѣлось очистить древнюю палестру, гдѣ нѣкогда упражнялись могучіе атлеты, — отъ всей этой галилейской и языческой сволочи, отъ всего этого смраднаго человѣческаго навоза. О, если-бы древній богъ воскресъ,—какъ засверкали-бы его очи, какъ засвистѣли-бы его стрѣлы, разя этихъ калѣкъ и разслабленныхъ, очищая душный воздухъ!

Юліанъ поспѣшно и молча вышелъ изъ больницы Аполлона, забывъ о счетныхъ книгахъ Авзонія. Императоръ догадался, что доносъ вѣренъ, что главный смотритель—взяточникъ, но такая усталость и отвращеніе овладѣли его сердцемъ, что не хватило духу углубляться въ эту мерзость и провѣрять.

Когда онъ вернулся во дворецъ, было поздно. Онъ велѣлъ никого не принимать и удалился на свою террасу надъ заливомъ Босфора.

Весь день прошелъ въ скучныхъ мелкихъ дѣлахъ, въ чиновничьихъ дрязгахъ, въ провѣркѣ счетовъ. Открылось множество взятокъ. Императоръ увидѣлъ, что лучшіе друзья его обманываютъ. Всѣ эти философы, риторы, поэты и панегиристы, которымъ онъ отдалъ управленіе міромъ, не меньше грабили казну, чѣмъ христіанскіе евнухи и епископы, во времена Констанція. Страннопріимные дома, убѣжища философовъ въ родѣ монастырей, больницы Аполлона и Афродиты были предлогомъ для наживы ловкихъ людей, тѣмъ болѣе, что не однимъ галилеянамъ, но и язычникамъ казались они смѣшною и святотатственной прихотью Кесаря.

Онъ чувствовалъ, что тѣло его ноетъ отъ тяжелой, безплодной усталости. Потушивъ лампаду, онъ прилегъ на походное ложе.

— Надо обдумать въ тишинѣ и спокойствіи, — сказалъ онъ себѣ, смотря на вечернее небо.

Но думать не хотѣлось.

Огромная звѣзда сіяла въ темнѣющемъ, бездонно-глубокомъ эѳирѣ. Юліанъ смежилъ вѣки, и сквозь рѣсницы лучъ ея мерцалъ, проникая въ сердце, какъ холодная ласка.

Онъ очнулся и вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то вошелъ въ комнату. Лунный свѣтъ падалъ между колоннами. Высокій старикъ съ

съ длинной бѣлой, какъ лунь, бородой, съ глубокими темными морщинами, въ которыхъ выражалось не страданіе, а напряженіе неукротимой воли и мысли, стоялъ надъ его ложемъ. Юліанъ приподнялся и прошепталъ:

— Учитель! Это—ты?

— Да, Юліанъ, я пришелъ говорить съ тобой наединѣ.

— Я слушаю...

— Дитя мое, ты погибнешь, потому что измѣнилъ себѣ.

— И ты, Максимъ, и ты—противъ меня!..

— Помни, Юліанъ: божественныя яблоки Гисперидъ—вѣчно молоды и жестки. Милосердіе—мягкость и сладость перезрѣлыхъ гніющихъ плодовъ! Ты—постникъ, ты—цѣломудренъ, ты—мраченъ, ты—сострадателенъ, ты называешь себя врагомъ галилеянъ, но ты самъ—галилеянинъ! Скажи мнѣ, чѣмъ ты хочешь побѣдить Распятаго?

— Красотой и весельемъ боговъ,—отвѣчалъ Юліанъ.

— Есть-ли у тебя сила?

— Есть...

— Такая, чтобы вынести полную истину?

— Да...

— Такъ знай-же—*ихъ* нѣтъ!..

Юліанъ въ ужасѣ заглянулъ въ спокойные, мудрые глаза учителя.

— Про кого ты говоришь: «ихъ нѣтъ»?...—спросилъ онъ, дрогнувшимъ голосомъ, блѣднѣя.

— Я говорю: нѣтъ олимпійцевъ. Ты—одинъ.

Императоръ ничего не отвѣтилъ и опустилъ голову на грудь въ изнеможеніи.

Тогда глубокая нѣжность затеплилась въ глазахъ Максима. Онъ положилъ руку свою на плечо Юліану:

— Утѣшься! Или ты не понялъ? Я хотѣлъ испытать тебя. Боги есть. Видишь, какъ ты слабъ. Ты не можешь быть одинъ. Боги есть,—они любятъ тебя. Только помни, не ты соединишь правду Скованнаго Титана съ правдой Галилеянина Распятаго. Хочешь, я скажу тебѣ, каковъ будетъ Онъ, не пришедшій, Невѣдомый, Примиритель двухъ міровъ?

Юліанъ молчалъ, все еще испуганный и блѣдный.

— Вотъ Онъ явится, продолжалъ Максимъ,—какъ молнія изъ тучи, смертоносный и всеозаряющій. Онъ будетъ страшенъ и безстрашенъ, выше долга и закона, выше добра и зла. Въ немъ сольются добро и зло, смиреніе и гордость, какъ свѣтъ и тѣнь сливаются въ утреннихъ сумеркахъ. И люди благословятъ его не только за милосердіе, но и за безпощадность. Въ ней будетъ сверхчеловѣческая сила и красота!

— Учитель,—воскликнулъ императоръ,—вотъ, я вижу все это въ глазахъ твоихъ. Скажи, что ты—Невѣдомый,—я пойду за тобой и благословлю тебя!..

— Нѣтъ, сынъ мой! Я свѣтъ отъ Его свѣта, духъ отъ Его духа. Но я—еще не Онъ. Я—надежда, я—предвѣстникъ.

— Зачѣмъ, Максимъ, ты скрываешься отъ людей? Явись имъ, чтобы они узнали тебя, какъ я...

— Время мое не настало,—отвѣтилъ іерофантъ, — уже не разъ приходилъ я въ міръ и еще приду не разъ. Люди боятся меня, называютъ то великимъ мудрецомъ, то соблазнителемъ, то волшебникомъ, Орѳеемъ, Пиѳагоромъ, Максимомъ Эфесскимъ, Но я — Безыменный. Я прохожу мимо толпы съ нѣмыми устами и закрытымъ лицомъ. Ибо что могу я сказать толпѣ? Не поймутъ они и перваго слова моего. Тайна мудрости моей для нихъ—страшнѣе смерти. Они такъ далеки отъ меня, что даже не распинаютъ и не побиваютъ каменьями, какъ своихъ пророковъ, а только не узнаютъ меня. Я живу въ подземныхъ пещерахъ и бесѣдую съ мертвыми,—ухожу на пустынныя вершины, бесѣдую съ звѣздами, прислушиваюсь, какъ трава растетъ, какъ стонутъ волны моря, какъ бьется сердце земли,—подстерегаю, не пришло-ли мое время. Но время еще не пришло,—и я опять ухожу, какъ тѣнь, съ нѣмыми устами и закрытымъ лицомъ...

— Не уходи, учитель, не покидай меня!..

— Не бойся, Юліанъ: духъ мой не покинетъ тебя до конца. Я люблю тебя, потому что ты долженъ погибнуть изъ-за меня, возлюбленный сынъ мой,—и нѣтъ тебѣ больше спасенья!.. И прежде, чѣмъ я приду въ міръ и откроюсь людямъ, много еще погибнетъ великихъ, отверженныхъ, возмутившихся противъ Бога, съ глубокимъ и раздвоеннымъ сердцемъ, соблазненныхъ моею мудростью, Отступниковъ, подобныхъ тебѣ. Люди проклянутъ тебя, но никогда не забудутъ, потому что на тебѣ—моя печать, ты—созданіе мое, ты—дитя моей мудрости! Люди позднихъ грядущихъ вѣковъ узнаютъ въ тебѣ меня, и въ твоей гибели — мои надежды, — и сквозь твою жизнь — мое величіе, какъ солнце—сквозь туманъ!

— О, если ты обольщаешь меня, Божественный, если слова твои ложь,—дай мнѣ умереть за эту ложь, потому что она—прекраснѣе истины!

— Нѣкогда я благословилъ тебя на жизнь и на царство, императоръ Юліанъ, нынѣ благословляю тебя на смерть и безсмертіе. Иди, погибни за Невѣдомаго, за Грядущаго, за Примирителя двухъ истинъ!..

Старикъ, съ величавой улыбкой, какъ древній патріархъ, какъ отецъ, благословляющій сына, возложилъ руки на голову Отверженнаго, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ:

— Вотъ опять я скрываюсь въ подземный мракъ,—и никто не узнаетъ меня. Да будетъ духъ мой на тебѣ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Д. Мережковскій.

ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ*).

ОЧЕРКЪ VI.

(Женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева).

То, что въ женской натурѣ мы называемъ «сухо» ирраціональностью и «не сухо» загадочностью, можетъ обнаруживаться двояко: или—въ явной непослѣдовательности и противорѣчивости душевныхъ движеній, или наоборотъ—въ слишкомъ большой ихъ послѣдовательности.

Превосходный образчикъ первой категоріи представляетъ намъ *Зинаида*, героиня повѣсти «Первая любовь».

Зинаида полна противорѣчій, о ней нельзя судить по отдѣльнымъ моментамъ: нужно дочитать повѣсть до конца, необходимо прослѣдить различныя душевныя состоянія героини, сопоставить различныя проявленія ея личности, и только тогда можно вынести окончательное сужденіе о ней, построенное, однако, не на примиреніи или сглаживаніи противорѣчій, а напротивъ—на рѣзкомъ ихъ опредѣленіи. Въ зависимости отъ этого характера натуры, сотканной изъ внутреннихъ противорѣчій, находится и самый способъ ея изображенія. Тургеневъ не могъ-бы нарисовать Зинаиду тѣмъ способомъ, какимъ изображенъ, напримѣръ, главный герой повѣсти (отецъ разсказчика) и также, какъ увидимъ ниже, Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Я упоминалъ объ этомъ пріемѣ въ статьѣ о Базаровѣ («Харьк. Губ. Вѣдом.»), тамъ я назвалъ его въ своемъ родѣ «фигурой умолчанія»: «дѣйствующее лицо» почти не «дѣйствуетъ». говоритъ очень мало, появляется на сценѣ мелькомъ; оно изображено мелкими, какъ-бы невзначай брошенными штрихами, какъ герой «Первой любви», или просто описано, какъ Лиза,—и все-таки выступаетъ въ

---

*) См. «Сѣверный Вѣстникъ», мартъ.

воображеніи читателя съ полной отчетливостью. *Такъ* изобразить Зинаиду невозможно: ее нужно почаще выводить на сцену, заставлять подольше оставаться на ней; ее нужно показать и смѣющеюся, и плачущею, и кокеткою, и натурою серьезною. Необходимо одно за другимъ вывести на свѣтъ всѣ ея противорѣчія, чтобъ читатель все это видѣлъ собственными глазами, чтобы онъ все это прочувствовалъ. А главное— не «описывать», а заставлять ее самое дѣйствовать, обнаруживаться. На такое обнаруживаніе Тургеневъ былъ большой мастеръ. Зинаида передъ нами, какъ живая. Она дѣйствуетъ на насъ почти, какъ живой человѣкъ. мы невольно подчиняемся обаянію ея чарующей, умной, даровитой женской натуры, глубоко сочувствуемъ ей въ горѣ, въ страданіяхъ, мы ее даже понимаемъ,—насколько вообще можно понимать «непонятное», ирраціональное, загадочное.

Прочитавъ сцену, гдѣ Зинаида впервые появляется (гл. II), мы *въ самомъ дѣлѣ* убѣждаемся или выносимъ ясное впечатлѣніе, что въ этой дѣвушкѣ есть «что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое и милое...»

Читая дальше (гл. IX), мы уже готовы, вслѣдъ за докторомъ Лушинымъ, опредѣлить ее, какъ бездушную кокетку, «актерскую натуру» и притомъ съ большими задатками женской хищности и жестокости. Для нея первое удовольствіе—«стукать людей другъ о друга», какъ она сама выражается. Этотъ приговоръ, повидимому, подтверждается и дальнѣйшими сценами, гдѣ показано, какъ она умѣетъ мучить своихъ поклонниковъ. Она мучитъ ихъ всѣхъ,—и тѣхъ, къ кому расположена, и тѣхъ. кто ей безразличенъ или даже непріятенъ. Эти истязанія доставляютъ ей настоящее наслажденіе. За вычетомъ этого послѣдняго, ея кокетство является упражненіемъ совершенно безкорыстнымъ, въ родѣ «искусства для искусства», хотя Тургеневъ и говоритъ, что «каждый изъ ея поклонниковъ былъ ей нуженъ» (гл. IX). Всѣ они ей нужны не для какихъ-нибудь постороннихъ цѣлей (она ихъ не эксплоатируетъ: вѣдь нельзя-же считать эксплоатаціей, что, напримѣръ, Бѣловзоровъ доставилъ ей лошадь и принесъ котенка), а именно, какъ матеріалъ, на которомъ она можетъ упражнять и проявлять свою хищность и жестокость кокетки. Эта сторона выставлена на видъ очень ярко: *такою* Зинаида является почти на всемъ протяженіи повѣсти, которая, съ этой точки зрѣнія, могла-бы быть названа повѣствованіемъ о сердечныхъ мукахъ и жестокихъ душевныхъ истязаніяхъ разсказчика, Бѣловзорова, Лушина и др. И если мы будемъ имѣть въ виду лишь эту такъ хорошо очерченную художникомъ сторону въ натурѣ Зинаиды, то останется только вышеприведенное опредѣленіе видоизмѣнить такъ: «въ этой бездушной, пустой, злой, жестокой кокеткѣ было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое, милое...» Въ этомъ еще нѣтъ ничего

«загадочнаго», и, пожалуй, сама Полозова подойдетъ подъ такое опредѣленіе. Но не трудно видѣть, что, если-бы мы окончательно остановились на этомъ приговорѣ, то мы такъ же жестоко ошиблись бы, какъ докторъ Лушинъ, которому въ концѣ концовъ пришлось воскликнуть, «ударивъ себя по лбу: а я, дуракъ, думалъ, что она кокетка!» (гл. XV).

«Во всемъ ея существѣ»—читаемъ въ гл. IX—«живучемъ и красивомъ была какая-то особенно обаятельная *смѣсь хитрости и безпечности, искусственности и простоты, тишины и рѣзвости...»* Эта смѣсь, свидѣтельствующая именно объ иррацiональности натуры, въ самомъ дѣлѣ проявляется съ большой наглядностью во всей исторіи Зинаиды, въ ея отношеніяхъ къ окружающимъ, въ ея поступкахъ. Держится она, повидимому, очень «просто», безыскусственно, не прикидывается, не играетъ роли, и однакоже въ ея отношеніяхъ къ людямъ не трудно уловить нѣкоторое «себѣ на умѣ», заднюю мысль, женское лукавство. Взять хотя-бы сцену съ котенкомъ въ гл. IV-й: всю эту сцену Зинаида «разыграла»,—она проявила здѣсь кокетство преднамѣренное, не то, которое присуще всякой хорошенькой женщинѣ и сказывается непроизвольно, а именно кокетство искусственное. И въ другихъ сценахъ она «рѣзвится» не совсѣмъ просто, а съ разсчетомъ, она ведетъ сложную игру. И за всѣмъ тѣмъ она несомнѣнно безпечна, и во всемъ ея существѣ даетъ себя чувствовать та ясность души, которую Тургеневъ назвалъ «тишиною». Опредѣлить происхожденіе этой «тишины» очень важно для выясненія натуры Зинаиды. Эта натура такова, что для нея величайшимъ благомъ представляется сохраненіе внутренней свободы. И пока Зинаида сохраняетъ свою внутреннюю свободу, она счастлива, спокойна, ясна. Во всѣхъ проявленіяхъ ея кокетства, ея «хищности» отчетливо сказывается такой душевный мотивъ: «вотъ я васъ всѣхъ покорила и мучу, а сама—свободна, не мучусь, не раболѣпствую».—«Нѣтъ,—говоритъ она,—я такихъ любить не могу, на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ надобно такого, который самъ-бы меня сломилъ... *Да я на такого не наткнусь, Богъ милостивъ! Не попадусь никому въ лапы, ни-ни!*» (гл. IX). Въ этомъ отношеніи натура Зинаиды сходится съ натурою героя повѣсти (отца разсказчика), который говоритъ сыну: «самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся, *самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни*» (гл. VIII). Это сильная мужская натура, страстная и спокойная, деспотическая, самоувѣренная, и душа Зинаиды гармонически ритмуетъ съ нею своею женскою силою, страстностью и спокойствіемъ,—«тишиною», женской властностью и самобытностью.

Когда она полюбила этого человѣка, ея тишина сразу нарушилась. Чувствовать себя покоренною, потерять внутреннюю свободу, власть надъ собою—это для нея жестокій ударъ, хотя-бы это была любовь

счастливая, взаимная. Ясному и сильному уму, каковъ Зинаидинъ, тяжело сознавать, что онъ теряетъ свою ясность и независимость. Гордой женской натурѣ Зинаиды мучительно поступиться своей самостоятельностью. Вотъ почему первое открытіе серьезнаго чувства принесло ей страданія, а не радости. Она мучилась и негодовала, почти такъ, какъ Базаровъ, когда онъ протестовалъ противъ своего чувства къ Одинцовой. Вотъ между прочимъ одно мѣсто, гдѣ сказался подобный протестъ въ душѣ Зинаиды:

«Зинаида становилась все страннѣй, все непонятнѣй. Однажды я вошелъ къ ней и увидѣлъ ее сидящей на соломенномъ стулѣ, съ головой, прижатой къ острому краю стола. Она выпрямилась... все лицо ея было облито слезами. «А! вы!—сказала она съ жестокой усмѣшкой.—Подите-ка сюда». Я подошелъ къ ней: она положила мнѣ руку на голову и внезапно ухвативъ меня за волосы, начала крутить ихъ. «Больно...»—проговорилъ я наконецъ. «А! больно! а мнѣ не больно? не больно?»—повторила она...» (XII).

По такимъ намекамъ мы заключаемъ, что въ душѣ Зинаиды происходила жестокая борьба; эта душа какъ-бы раздвоилась на два враждебныхъ лагеря: въ одномъ сгруппировались всѣ силы ея свѣтлаго ума, ея гордой натуры, любовь къ независимости, къ внутренней свободѣ, въ другомъ-же было одно, новое чувство, страсть. И какъ ни протестовали элементы перваго лагеря, эта страсть все росла и росла, и надвигалась, какъ слѣпая сила, какъ нѣчто стихійное, неразумное, какъ ураганъ, который все сокрушаетъ на пути своемъ. Борьба окончилась полнымъ торжествомъ страсти, и Зинаида, эта своевольная, умная, гордая, самоувѣренная и сильная всѣми чарами женственности дѣвушка, превратилась въ рабу—своей страсти и любимаго человѣка, который въ концѣ-концовъ даже бьетъ ее. Вы скажете, что такое ослѣпленіе страстью и такое раболѣпство случаются весьма нерѣдко. Конечно, нерѣдко, но темное и неразумное явленіе отъ частаго повторенія не становится понятнѣе и разумнѣе. Страсть всегда нелогична, ирраціональна, загадочна, но въ иныхъ натурахъ ея появленіе, ея теченіе находится все-таки въ извѣстной гармоніи съ другими элементами души. При наличности такой гармоніи, весь процессъ пріобрѣтаетъ оттѣнокъ кажущейся раціональности. Въ силу такой иллюзіи, мы не находимъ ничего удивительнаго или загадочнаго въ томъ, что напр. сильное чувство любви овладѣло всею душою, парализовало всѣ ея силы въ женщинѣ страстной, мечтательной, живущей исключительно чувствомъ и слабой умомъ и волею. Характеръ загадочности становится замѣтенъ въ развитіи страсти не въ такихъ, а въ другихъ, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и любовь Зинаиды. Героиня «Первой любви» представляетъ собою превосходный образчикъ женской натуры, въ которой страсть не

можетъ гармонировать съ другими элементами души и развивается непремѣнно въ процессѣ мучительной борьбы съ ними. Сильный, ясный и саркастическій умъ Зинаиды самъ по себѣ уже является большой душевной силою, враждебною страсти, какъ свѣтъ враждебенъ мраку. Иронія дѣйствуетъ отрезвляющимъ образомъ. Подмѣтить смѣшную или пошлую сторону человѣка и развѣнчать его однимъ мѣткимъ опредѣленіемъ, сдѣлать его смѣшнымъ въ своихъ глазахъ—это уже много значитъ, этимъ можетъ быть выиграно сраженіе. Зинаида, какъ мы знаемъ, отлично вооружена въ этомъ смыслѣ. Куда-же дѣвалась ея иронія, почему исчезла ея насмѣшка въ борьбѣ съ героемъ, которому она «попалась въ лапы?» Да и помимо ироніи, вообще разносторонность и даровитость натуры это—сила, которая не даромъ присутствуетъ въ душѣ, это не балластъ. и всякому новому элементу, возникающему въ душѣ, будь это сильнѣйшая страсть, приходится такъ или иначе считаться съ тѣмъ, чего хочетъ большой, изящный умъ, къ чему влечетъ талантъ, что подсказываетъ воображеніе. Эти силы души всегда стремятся упорно отстаивать свои права, свою свободную дѣятельность, и для человѣка, ими одареннаго, нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ попасть въ такое положеніе, при которомъ эти силы упраздняются. Это равносильно потерѣ своей личности, своего «я». А мы знаемъ, какъ дорожитъ и гордится Зинаида неприкосновенностью своего «я», своей внутренней свободой. Къ тому-же нужно не забывать, что Зинаида—не ребенокъ. Ей 21 годъ, она хорошо знаетъ жизнь и людей, и обойти ее не легко. Она вполнѣ сознаетъ, что ея любовь къ герою повѣсти счастья ей не дастъ, а принесетъ одни страданія, можетъ быть, гибель. Во всякомъ случаѣ, это будетъ любовь—мука. Она не хочетъ идти на эти мученія, она хотѣла-бы вырвать изъ сердца роковую страсть и не можетъ (см. напр. въ концѣ гл. IX). Конечно, страсть и нельзя «вырвать изъ сердца». Но, казалось-бы, для такой богато-одаренной натуры, какъ Зинаида, возможенъ былъ-бы другой исходъ: подождать, пока страсть свершитъ свой циклъ и сама погаснетъ. Для такого, конечно, не легкаго душевнаго рѣшенія у Зинаиды есть достаточно душевныхъ данныхъ, и ума, и воли, и знанія людей, и гордости. Однакоже, такое рѣшеніе не было принято на внутреннемъ совѣтѣ душевныхъ элементовъ, и вотъ тутъ-то и сказалась вся иррацiональность Зинаидиной натуры. Тотъ исходъ душевной драмы, на который мы указываемъ, непремѣнно осуществился-бы, если бы на мѣстѣ Зинаиды была Маріанна, самая «раціональная» изо всѣхъ тургеневскихъ женщинъ. Не трудно было-бы принять и выполнить указанное рѣшеніе также Иринѣ или Еленѣ. Для Зинаиды оно оказывается невозможнымъ. Почему?

А вотъ почему. Страсть, прежде чѣмъ свершить свой циклъ и погаснуть, производитъ нѣкоторую революцію въ душѣ, нарушаетъ ея равновѣсіе, перетасовываетъ ея элементы. Такая пертурбація, производимая

страстью, въ натурахъ болѣе раціональныхъ не искажаетъ однакоже основного уклада души: ея устои остаются неприкосновенными, и всѣ существенныя черты характера, ума, нравственныхъ началъ, воли не подвергаются видимымъ измѣненіямъ. Ирина, напр., или Елена въ самый разгаръ страсти остаются все тѣми-же Ириной и Еленой, какими были до страсти и будутъ послѣ нея,—Ирина со всѣми своими недостатками, Елена со всѣми своими достоинствами. Въ періодъ страсти онѣ только живутъ болѣе напряженной, болѣе интенсивной жизнью. Буря проходитъ по верхамъ, не захватывая глубинъ. Совсѣмъ другое дѣло—Зинаида: она, подъ игомъ любви, радикально измѣняется,—она уже не та, она другая. Эта метаморфоза (какъ и вообще все содержаніе «Первой Любви»), превосходно изображена Тургеневымъ посредствомъ очень труднаго, но отлично удавшагося пріема: безъ ума влюбленный въ Зинаиду юноша. отъ лица котораго ведется разсказъ, замѣчаетъ странную перемѣну въ ней, и на каждомъ шагу ему приходится изумляться: онъ не узнаетъ прежнюю Зинаиду *). Послѣ разныхъ перипетій и неожиданностей въ настроеніи Зинаиды, дѣло приняло наконецъ такой оборотъ, что молодому наблюдателю пришлось окончательно стать втупикъ. Зинаида вдругъ преобразилась въ тихую, спокойную, чуждую кокетства дѣвушку,—какъ будто та бойкая, шумная, искрящаяся жизнь, которая ключемъ била въ ней, вдругъ угомонилась, и отъ той «смѣси хитрости и безпечности, искусственности и простоты, тишины и рѣзвости» осталась только тишина да простота. Юноша недоумѣвалъ. «Неужели, думалъ онъ, эта кроткая, разсудительная дѣвушка—та самая Зинаида, которую я зналъ?» (Гл. XV). Эта коренная перемѣна произошла вскорѣ послѣ того, какъ Лушину пришлось воскликнуть: «а я, дуракъ, думалъ, что она кокетка! Видно—жертвовать собою сладко—для иныхъ» (гл. XV), — а это признаніе Лушина въ свою очередь хронологически слѣдовало за прогулкой верхомъ (Зинаиды съ Петромъ Васильевичемъ, отцомъ разсказчика), переданной въ гл. XIV. И такъ, вотъ прецедентъ метаморфозы,—кульминаціонный пунктъ въ развитіи страсти, который не могъ не произвести извѣстной, болѣе или менѣе рѣзкой перемѣны въ душевной экономіи Зинаиды. Но почему онъ привелъ именно къ «тишинѣ», къ «кротости

*) Трудность этого пріема состоитъ въ слѣдующемъ: наблюденія юноши въ одно и то же время рисуютъ и его самого, и Зинаиду (не говоря уже о другихъ лицахъ). Взявъ форму разсказа отъ перваго лица, Тургеневъ отнялъ у себя возможность изображать Зинаиду независимо отъ субъективныхъ впечатлѣній разсказчика. Послѣдній въ свою очередь какъ-бы двоится: онъ повѣствуетъ исторію своей первой любви много лѣтъ спустя, уже пожилымъ человѣкомъ. И такъ, Зинаида (и другія лица) представлены отраженными призмой личныхъ впечатлѣній юноши, а эти послѣднія пропущены сквозь призму воспоминаній и ума пожилого человѣка. Все это превосходно выдержано, и по мастерству исполненія «Первая Любовь» есть одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій Тургенева, который, если не ошибаюсь, и самъ выражалъ такое мнѣніе.

и разсудительности», а не напр. къ отчаянію, къ апатіи, или-же наоборотъ—къ разгулу страсти? Отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ особенностяхъ натуры Зинаиды. Вообразимъ опять на ея мѣстѣ, въ тѣхъ-же условіяхъ, Ирину, Елену, Маріанну, вообще любую изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ мы назвали «относительно-раціональными»,—и нѣтъ сомнѣнія, — мы не найдемъ возможнымъ допустить, чтобы у нихъ явилась—при данныхъ обстоятельствахъ — такая перемѣна въ духѣ «кротости и разсудительности». Дѣло въ томъ, что мы видимъ здѣсь не только смѣну настроеній, но и нѣкоторое измѣненіе личности. Оно, конечно, не доходитъ до предѣловъ патологическаго *раздвоенія* личности, но и не удерживается въ границахъ нормальной смѣны настроенія. Оно все-таки захватываетъ самую натуру, являя ее въ новомъ, необычномъ видѣ; оно какъ будто коснулось даже темперамента и вообще представляется процессомъ, который приходится помѣстить гдѣ-то посрединѣ, на перепутьи между явленіями здоровой и больной психіи. Если это такъ, то метаморфоза въ направленіи «кротости и разсудительности» произошла потому, что подъ воздѣйствіемъ душевнаго кризиса въ натурѣ Зинаиды должна была послѣдовать перетасовка элементовъ, такъ что тѣ, которые прежде были на виду и являлись заправляющими, принуждены были стушеваться, а тѣ, которые были заслонены и оставались на второмъ планѣ, теперь выступили наружу. Душа Зинаиды, какъ мы знаемъ, соткана изъ противорѣчій. Въ ней заслоняютъ, подавляютъ другъ друга, чередуются, борются или совмѣщаются не однородные, а разнородные, взаимно-противорѣчивые элементы. И вотъ, если прежде преобладающими, задающими тонъ всей душѣ были рѣзвость, кокетство, хищность, женское лукавство и пр., то теперь выступятъ въ той-же роли простота, кротость, разсудительность. Теперь ихъ очередь. Налетѣлъ ураганъ, взбаламутилъ душу, и то, что̀ было на поверхности, опустилось вглубь, а то, что̀ таилось въ глубинѣ, поднялось наверхъ. Это психическій процессъ — столь-же ирраціональный, какъ и процессы физическіе или химическіе.

Такое, говоря метафорически, перемѣщеніе психическихъ элементовъ не нанесло ущерба тому началу, которое было чуть-ли не важнѣйшимъ источникомъ чаръ и обаянія Зинаиды. Я имѣю въ виду ея необыкновенный умъ, ея исключительную даровитость. Эти силы остались нетронутыми, психологическій фактъ, имѣющій огромное значеніе для правильнаго пониманія не только Зинаиды, какъ индивидуальнаго образа, но и вообще тѣхъ сторонъ женской души, которыхъ обобщеніемъ является этотъ образъ.

Зинаида въ видѣ «кроткой и разсудительной дѣвушки» это уже—не та, прежняя Зинаида, но эта другая Зинаида однакоже унаслѣдовала отъ прежней весь ея умъ, всю силу ея воображенія, всѣ ея таланты. И вотъ, сознавая это, чувствуя себя попрежнему обладательницею этихъ

сокровищъ, Зинаида поддается весьма понятной иллюзіи, будто ея внутренняя свобода, индивидуальное «я», остались ненарушенными, будто-бы новое чувство, противъ котораго она вначалѣ такъ возмущалась, такъ протестовала, стало наконецъ неотъемлемой принадлежностью ея души Она, наконецъ, примирилась съ этимъ чувствомъ и занесла его не въ расходъ, а въ приходъ своей душевной бухгалтеріи. И ей теперь кажется, что оно ничуть не нарушило независимости и самостоятельности ея личности, а только послужило къ ея обогащенію. Оттуда между прочимъ внутренній миръ, отлично гармонирующій съ той тишиною и простотою, которыя молодой ея обожатель принялъ за «кротость и разсудительность». Молодой обожатель по-своему правъ: Зинаида теперь не «дурачится», не шалитъ, не кокетничаетъ напропалую — какъ прежде, даже совсѣмъ не кокетничаетъ; она держится просто, стала серьезна, словно прислушивается къ какому-то внутреннему голосу, старается понять себя самое, подвести итогъ и дать санкцію тому, что̀ она чувствуетъ. Въ чудномъ разсказѣ Зинаиды про королеву (гл. XVI) мы слышимъ изъ ея устъ этотъ итогъ и эту санкцію. «Представьте себѣ — фантазируетъ она — великолѣпный чертогъ, лѣтнюю ночь и удивительный балъ. Балъ этотъ даетъ молодая королева... Мужчины всѣ влюблены въ королеву. Она высока и стройна; у ней маленькая діадема на черныхъ волосахъ...» Тутъ разсказчикъ взглянулъ на Зинаиду — «и въ это мгновеніе (говоритъ онъ) она мнѣ показалась настолько выше всѣхъ насъ, отъ ея бѣлаго лба, отъ ея недвижныхъ бровей вѣяло такимъ свѣтлымъ умомъ и такою властью, что я подумалъ: ты сама эта королева». «Королева думаетъ (продолжаетъ свой разсказъ Зинаида): вы всѣ, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждымъ моимъ словомъ, вы всѣ готовы умереть у моихъ ногъ, я владѣю вами... а тамъ, возлѣ фонтана, возлѣ этой плещущей воды, стоитъ и ждетъ меня тотъ, кого я люблю, кто мною владѣетъ. На немъ нѣтъ ни богатаго платья, ни драгоцѣнныхъ камней, никто его не знаетъ, но онъ ждетъ меня и увѣренъ, что я пріиду—и я пріиду, и нѣтъ такой власти, которая-бы остановила меня, когда я захочу пойти къ нему, и остаться съ нимъ, и потеряться съ нимъ тамъ, въ темнотѣ сада, подъ шорохъ деревьевъ, подъ плескъ фонтана...»

Такъ санкціонировала Зинаида свое новое чувство,—это былъ апоѳеозъ ея любви. Но эта санкція и апоѳеозъ были основаны на иллюзіи, на самообманѣ, о которомъ я упомянулъ выше. Оказалось, что Зинаида въ своемъ внутреннемъ мірѣ вовсе не королева, а раба,—и ея рабству суждено было продолжаться до тѣхъ поръ, пока наконецъ страсть окончательно не перегорѣла. Въ концѣ повѣсти мы узнаемъ, что Зинаида оправилась ото всѣхъ этихъ душевныхъ потрясеній, освободилась отъ ига страсти, вышла замужъ, и для нея, повидимому, начиналась новая—лучшая—жизнь. Случайная смерть прерываетъ это богатое существова-

ніе, которому, быть можетъ, предстояло... развернуться на болѣе широкомъ поприщѣ... блистать въ салонахъ и... попрежнему «стукать людей другъ о друга»...

Если такая именно будущность предстояла ей, то она отлично сдѣлала, что умерла заранѣе. Я говорю это о Зинаидѣ, *какъ художественномъ образѣ*. Для цѣлей художественности преждевременная смерть Зинаиды такъ-же необходима, какъ и безвременная кончина Базарова.

Подведемъ итогъ. Что такое въ концѣ концовъ Зинаида, какъ художественный образъ? Въ чемъ состоитъ главный интересъ этого образа? Для аперцепціи какихъ идей, какого порядка мыслей можетъ онъ служить?

Въ Зинаидѣ прежде всего данъ образецъ тѣхъ сторонъ или свойствъ женской души, на которыхъ основано обаяніе женственности. Но на ряду съ этимъ умъ и общая даровитость натуры являются столь-же существенными въ ней чертами, какъ и ея женское обаяніе. Въ соединеніи этихъ двухъ началъ и въ ихъ интимномъ соотношеніи и заключенъ главный интересъ психологическаго типа Зинаиды. Вотъ и посмотримъ, какъ именно они соединяются и въ какихъ отношеніяхъ стоятъ другъ къ другу.

Умъ и даровитость натуры—это такая душевная сила, которая, при всей своей рѣзко-выраженной индивидуальности, всегда стремится выйти за предѣлы личности. Большому уму и таланту тѣсно и душно въ замкнутомъ, маленькомъ міркѣ личной жизни,—имъ нужны разнообразныя внѣшнія впечатлѣнія, имъ необходимы живыя связи съ людьми и широкіе общечеловѣческіе интересы. Чѣмъ больше умъ, чѣмъ разностороннѣе дарованія человѣка, тѣмъ вреднѣе для него, какъ существа мыслящаго и чувствующаго, замыкаться въ самомъ себѣ — тѣмъ необходимѣе для него—«жизни вольнымъ впечатлѣніямъ душу вольную отдать, человѣческимъ стремленіямъ въ ней проснуться не мѣшать».

И если мы назовемъ индивидуальное «я», эту точку, въ которой совершается координація разнообразныхъ составныхъ элементовъ психіи,—*центромъ* личности, то сила умственная представится намъ силой *центробѣжной*: ею личность расширяется, отвлекается отъ своего «я», ею она перевоплощается и становится въ широкомъ смыслѣ человѣчной. Само собою разумѣется, съ тѣмъ вмѣстѣ возвышается абсолютная *цѣнность* личности, и создаются внутреннія условія, въ силу которыхъ *можетъ* осуществиться ея *общественная стоимость*. Не трудно видѣть, что это и есть прямой и вѣрный путь къ достиженію того, что мы назвали *раціональностью* въ душевномъ укладѣ личности. Но раціональность натуръ богато одаренныхъ должна быть отличаема отъ той, какая свойственна людямъ ограниченнымъ,—во всякомъ случаѣ она труднѣе достигается. Сами по себѣ умственныя силы въ значительной долѣ пр-

раціональны, можетъ быть,—не меньше чувствъ и страстей. Память и воображеніе, эти важнѣйшія основы мысли, а равно талантъ и геній отмѣчены всѣми признаками слѣпой, стихійной силы, и только логическая сторона ума вноситъ порядокъ и разумность въ дѣятельность этой душевной сферы. Но логическая мысль можетъ вносить сюда этотъ порядокъ лишь при условіи, чтобы ирраціональнымъ силамъ ума данъ былъ надлежащій исходъ, чтобы онѣ не оставались на привязи индивидуальнаго «я», а развивались въ томъ центробѣжномъ направленіи, о которомъ я говорю. При наличности этихъ условій создается устойчивость умственнаго равновѣсія личности,—та крѣпость, та ясность духа, та властность мысли, которыя и производятъ раціональный укладъ натуры и съ тѣмъ вмѣстѣ служатъ главнымъ основаніемъ правильнаго функціонированія *волевого* аппарата. А здоровье воли является для сферы желаній, чувствъ и страстей такимъ-же регулирующимъ и вносящимъ порядокъ началомъ, какъ здоровая и власть имѣющая логика для ума, таланта и генія. Такъ созидается раціональность и душевное равновѣсіе богато-одаренной натуры, мыслящей и чувствующей.

Прямо-противоположныя явленія будутъ имѣть мѣсто, если выдающіяся умственныя силы человѣка, вмѣсто центробѣжнаго, получатъ направленіе центростремительное,—если онѣ будутъ дѣйствовать не иначе какъ постоянно оглядываясь на собственное «я» данной личности. Это бываетъ у натуръ очень эгоистическихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а также—у тѣхъ, которыхъ правильнѣе было бы назвать «*эгоцентрическими*». Эти послѣднія могутъ и не быть эгоистами въ грубомъ смыслѣ, но о чемъ бы онѣ ни думали, къ чему бы ни стремились, чѣмъ бы ни были заняты,— всегда у нихъ къ этимъ думамъ, стремленіямъ, дѣламъ примѣшивается неотвязчивая мысль о собственной особѣ. Такая неспособность отдѣлаться отъ самого себя проявляется въ формахъ весьма разнообразныхъ,—смотря по человѣку. У лицъ съ призваніемъ общественнаго или политическаго дѣятеля она выражается обыкновенно въ чрезмѣрномъ честолюбіи и авторитарности. У художниковъ она сказывается въ пристрастіи къ изображенію самого себя, т. е. въ субъективномъ направленіи творчества. У мыслителей и ученыхъ она ведетъ нерѣдко къ упорному отстаиванію quand même своихъ теорій, потому только что онѣ *свои*.—Само собой разумѣется, эгоцентрическій человѣкъ можетъ быть надѣленъ и добрымъ сердцемъ, и всевозможными доблестями,—его слабая сторона не здѣсь, а въ неправильномъ функціонированіи умственныхъ силъ, не пользующихся столь необходимой для нихъ внутренней свободой: она нарушается назойливымъ вмѣшательствомъ центральнаго «я» человѣка въ дѣятельность его мысли.—Конечно, весьма различны бываютъ степени эгоцентризма, такъ что далеко не всегда онъ ведетъ къ видимому нарушенію раціональности и душевнаго равно-

вѣсія съ возможными послѣдствіями этого нарушенія. Чтобы рѣзко обозначились эти проявленія ненормальныхъ путей ума, необходима болѣе или менѣе высокая степень эгоцентризма, какая наблюдается напр. у лицъ, одержимыхъ маніей величія.

Но совсѣмъ особую разновидность представляетъ собою эгоцентризмъ *женскій*. Въ *Зинаидѣ* мы находимъ воплощеніе его типичныхъ чертъ.

Прежде всего замѣтимъ, что у мужчинъ, даже наиболѣе эгоцентричныхъ, умъ и талантъ все-таки *обязываютъ* мыслить и творить или по крайней мѣрѣ стремиться къ мысли и творчеству, и такъ или иначе они выходятъ за предѣлы личности, хотя и обузданные постояннымъ обращеніемъ къ ней. У женщинъ сплошь и рядомъ умъ и талантъ ровно ни къ чему не обязываютъ и остаются мертвымъ капиталомъ, однимъ изъ случайныхъ украшеній личности. Вотъ, напр., у Зинаиды весь ея умъ и вся ея даровитость служатъ только для вящшаго обаянія ея очаровательнаго образа. Они идутъ на усиленіе ея женственности,—безъ нихъ Зинаида была бы не такъ обворожительна. Иначе говоря, эти силы души направлены внутрь, а не на внѣшній міръ, и—достойныя лучшей участи—обречены служить дѣлу, несвойственному ихъ природѣ. Онѣ порабощены началомъ женственности и низведены на степень одного изъ украшеній женской личности. Вслѣдствіе этого увеличивается, конечно, обаятельность *женщины*, но очень мало повышается безотносительная цѣнность человѣка. Съ тѣмъ вмѣстѣ не становится возможнымъ созданіе его общественной стоимости.—Зинаида остается прежде всего женщиной, чѣмъ съ успѣхомъ можно быть и съ умомъ курицы. Нравиться, покорять сердца, «стукать людей другъ о друга», любить и быть любимой, потомъ болѣе или менѣе благополучно выйти замужъ—для всего этого нѣтъ надобности обладать умственными дарами Зинаиды, и напр. хотя-бы Зоя въ «Наканунѣ», Сипягина въ «Нови» и многія другія не хуже Зинаиды осуществляютъ такое «призваніе» женщины. И съ точки зрѣнія подобнаго «призванія» умственныя силы Зинаиды оказываются ненужной роскошью, въ противорѣчіе съ са́мой природой этихъ силъ. Это внутреннее противорѣчіе выступитъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, если вспомнимъ, что выдающіяся качества ума, воображенія, таланта представляютъ собою нѣчто очень цѣнное, какъ само по себѣ, такъ и по своей рѣдкости, и вотъ это самоцѣнное и рѣдкое въ сущности обезцѣнивается, теряетъ свою самобытность и, вмѣсто того, чтобы сіять своимъ собственнымъ свѣтомъ, блистаетъ заемными, отраженными лучами женскихъ чаръ. Выходитъ такъ, что Зинаида умна и даровита для того только, чтобы быть еще женственнѣе. Это такъ-же нелогично, такъ-же внутренно-противорѣчиво, какъ если-бы напр. мужчина захотѣлъ быть умнымъ, даровитымъ, нравственно-чистымъ и т. д. для того только, чтобы быть

еще «мужественнѣе». Умъ данъ для мысли, а не для «женственности» или «мужественности», талантъ—для творчества, нравственный укладъ—для душевной чистоты и добрыхъ дѣлъ. Всѣ три высшія стороны духа въ самихъ себѣ заключаютъ свою цѣль и вовсе не призваны содѣйствовать поддержанію или вящшему изощренію такихъ біо-психическихъ формацій, какъ «женственность» и «мужественность».

Подчиненіе умственныхъ силъ біо-психическому началу, въ высокой степени ирраціональному, не можетъ не оказывать подавляющаго вліянія на раціональную сторону мысли. Оттуда—у женщинъ—такъ называемая «женская логика».

Итакъ, на вопросъ: что собственно аперцепировано художественнымъ типомъ Зинаиды?—мы отвѣтимъ такъ: 1) психологія богато и разнообразно одаренной женской души, подчиненіе ума власти женственности и вытекающая отсюда общая ирраціональность натуры; 2) порядокъ мыслей, основанныхъ на анализѣ этихъ психологическихъ явленій и 3) извѣстное отношеніе къ женщинѣ, къ вопросу о ея призваніи, положеніи, умѣ и т. д. Второе и третье могутъ быть весьма различны—смотря по человѣку. Художественные образы, какъ извѣстно, не суть неподвижныя нормы: ихъ обобщающая сила, размѣры ихъ примѣняемости, ихъ способность возбуждать извѣстный порядокъ идей измѣняются отъ человѣка къ человѣку и во времени. Для одного данный художественный образъ служитъ орудіемъ аперцепціи извѣстнаго, болѣе или менѣе ограниченнаго круга явленій; для другого, человѣка съ большимъ опытомъ жизни, съ большей вдумчивостью, тотъ же образъ будетъ служить обобщеніемъ и объясненіемъ болѣе широкаго круга явленій, и вызоветъ рядъ мыслей, какихъ не вызывалъ у перваго. Съ лѣтами, съ развитіемъ ума и жизненнымъ опытомъ человѣка увеличивается для него аперцепирующая сила художественнаго образа. Также точно—и для человѣчества. Шекспировскій Гамлетъ намъ, людямъ XIX вѣка, говоритъ несравненно больше, чѣмъ говорилъ онъ современникамъ Шекспира. Въ этомъ и состоитъ живучесть или, что то же, безсмертіе художественныхъ типовъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что образъ Зинаиды съ вѣками будетъ рости, т. е. лѣтъ черезъ сто онъ будетъ говорить людямъ мыслящимъ больше, чѣмъ говоритъ намъ.

Намъ же онъ внушаетъ разное: тѣмъ изъ насъ, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія обожателей Зинаиды, онъ служитъ преимущественно воплощеніемъ чаръ женственности и говоритъ весьма немного. Для пишущаго эти строки онъ является стимуломъ, побуждающимъ мыслить въ направленіи необходимости освобожденія ума женщины изъ-подъ власти женственности. Пусть эта власть пока есть *правило*. Но мы не имѣемъ никакихъ основаній, мы не имѣемъ ни логическаго, ни нравственнаго *права* возводить это *правило* въ *законъ*. Изъ изученія психологической

природы женщины подобнаго закона вывести нельзя. Такое изученіе приводитъ къ выводу, что слабыя стороны женскаго ума коренятся не въ немъ самомъ, а зависятъ отъ его подчиненія гнету женственности, и что онъ можетъ быть освобожденъ систематической (изъ поколѣнія въ поколѣніе) культурою мысли, при помощи широкой постановки высшаго женскаго образованія. Это освобожденіе необходимо, хотя бы потому, что

Надъ вольной мыслью Богу не угодно
Насиліе и гнетъ...

Мысль есть высшее, совершеннѣйшее начало духа. «Женственность», какъ и «мужественность»,—одно изъ низшихъ, біо-психическихъ, его укладовъ. Гнетъ этого низшаго, коренящагося въ порядкѣ явленій физіологическихъ, надъ высшимъ, психическимъ по преимуществу, есть явленіе уродливое, внутренно противорѣчивое: въ себѣ самомъ оно носитъ свое осужденіе.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть иное проявленіе подчиненности женскаго ума, иной «гнетъ надъ мыслью»,—и мы это сдѣлаемъ при помощи анализа другого типа ирраціональной женской натуры,—типа, воплощеннаго Тургеневымъ въ образѣ *Вѣры*, героини «Фауста».

Д. Овсянико-Куликовскій.

---

* * *

Въ минуты скорби и сомнѣній
Душа смущенная моя
Не ищетъ жалкихъ утѣшеній
Въ забвеньи жалкомъ бытія.

Я не дѣлю ни съ кѣмъ печали
И слезъ не лью передъ толпой,
И не хочу, чтобъ отвѣчали
На нихъ притворною слезой.

Щитомъ испытаннымъ и твердымъ
Въ житейской битвѣ я хранимъ:
Любовью тайной, духомъ гордымъ
И одиночествомъ моимъ.

К. Льдовъ.

Законныя жены.

(очеркъ третій).

Записки мужа.

... Неужели онъ это былъ??.

Да, я не могъ ошибиться—подобное сходство невозможно. И, въ сущности, почему-же собственно я такъ пораженъ этой встрѣчей? Ну, пріѣхалъ по какимъ-нибудь дѣламъ, что тутъ удивительнаго!..

На меня почему-то встрѣча произвела впечатлѣніе электрическаго удара. Словно я позабылъ, что на бѣломъ свѣтѣ живетъ Василій Васильевичъ Косухинъ, или же по меньшей мѣрѣ существуетъ какой-нибудь законъ, обязывающій его ни въ какомъ случаѣ не показываться въ столицѣ Россійской имперіи, гдѣ представляется возможность столкнуться съ Владиміромъ Ивановичемъ Громилинымъ.

Правда, у милѣйшаго Василія не было никакихъ связей съ Петербургомъ; правда, какъ ни напрягаю я мои мыслительныя способности, не могу даже и представить себѣ, какого рода забота могла-бы вытянуть его изъ возлюбленной Грачевки.

... Быть можетъ онъ здѣсь не одинъ?

Я очень плохо могъ разглядѣть его; типичный жирный затылокъ кирпичнаго цвѣта, съ плотно прилегающими, словно впившимися въ него крошечными ушами, дразнилъ меня издали. Насъ раздѣляли нѣсколько звеньевъ той цѣпи, на которую въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстные часы дня сажаются не какіе-нибудь нарушители закона, а всѣ благонадежные обыватели столицы, не обладающіе счастливой привилегіей собственнаго экипажа. Какъ-бы законны ни были ихъ побудительныя причины двигаться быстрѣе—пусть ждутъ ихъ неотложныя дѣла и самонужнѣйшія встрѣчи, пусть горятъ ихъ дома, пусть рождаются или умираютъ ихъ близкіе—все равно, имъ не вырваться изъ фатальной цѣпи.

А рядомъ тянется свободное пространство торцовъ, по которому отъ времени до времени проносятся сановники, дѣлающіе предобѣденную прогулку или можетъ быть поспѣшающіе къ важнымъ государственнымъ дѣламъ; мелькаютъ фешенебельныя дамы всѣхъ возрастовъ и молодыя дѣвицы, о дѣлахъ видимо не помышляющія; улыбаются разряженныя кокотки, вовсе незнакомыя ни съ какими скучными словами— и юнцы, самые зеленые юнцы всѣхъ возрастовъ и обличій.

Развѣ видъ запретнаго свободнаго пространства, оберегаемаго для горсти избранныхъ, не можетъ довести до изступленія несчастливца, изнывающаго отъ нетерпѣнія?!.

Я посулилъ моему возницѣ полтинникъ на чай, но, несмотря на всѣ ухищренія, ему такъ и не удалось обогнать раздѣлявшихъ насъ звеньевъ. На какомъ-то поворотѣ я потерялъ изъ вида кирпичный затылокъ.

Нѣтъ, я не прозакладую моей головы, что это былъ непремѣнно Василій, что собственные глаза не сыграли со мною глупой шутки...

Дѣловая конференція съ повѣреннымъ г-на Крумеля не сдѣлала на меня ожидаемаго впечатлѣнія. Г-нъ повѣренный куда-то спѣшилъ (не спѣшащихъ повѣренныхъ не существуетъ) и это видимо раздражало его; раза два онъ любезно уличилъ меня въ разсѣянности.

Любезный повѣренный совершенно правъ: мои мысли ринулись въ другую сторону... Я выслушалъ равнодушно то самое предложеніе, котораго всячески добивался, и наше свиданіе ничѣмъ не кончилось. Не бѣда! Мы все это еще разъ обсудимъ впослѣдствіи, а пока я очень радъ, что внезапный толчокъ разогналъ хоть на минуту томящую дѣловую мглу.

. . . .

Хорошо-бы теперь съ кѣмъ-нибудь побесѣдовать совсѣмъ нараспашку и рѣшительно безъ всякихъ ограничительныхъ соображеній... За бутылкой добраго вина окинуть ретроспективнымъ взглядомъ весь пройденный путь...

Странно! не въ первый разъ уже я чувствую эту потребность... Мнѣ кажется, что за плечами скопился громадный грузъ, взывающій о внимательномъ просмотрѣ... Находясь за плечами, онъ въ то-же время имѣетъ странное свойство тормозить дальнѣйшій путь... Раньше я должно быть не ощущалъ этого.

Да, съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю въ себѣ существенную перемѣну: жизнь больше не представляется мнѣ разорванною надвое, и то, что предшествовало надрыву, не является мертвымъ тѣломъ, зарытымъ въ нѣмую могилу. Мнимый мертвецъ шевелится.

Лѣтомъ въ Крыму я частенько вспоминалъ наши мирныя Соколки. Выступая на прогулкахъ рядомъ съ Варей и съ цѣлымъ пестрымъ

кортежемъ чадъ и домочадцевъ, я вдругъ, ни съ того ни съ сего, переносился памятью на нашу старую деревенскую террасу... Я видѣлъ уголъ, густо увитый хмѣлемъ, откуда мать съ своего низенькаго кресла могла обозрѣвать ея оба крыла... Видѣлъ, какъ она улыбается любовно маленькой бѣлокурой женщинѣ съ серьезными сѣрыми глазами...

Отчего они никогда не смѣялись, эти сѣрые глазки? Какая роковая ошибка! Юность требуетъ смѣха, шума и блеска. . . . .

У насъ во всякомъ случаѣ нѣтъ недостатка въ шумѣ и блескѣ. Право я испытываю нѣчто въ родѣ зубной боли, когда прохожу черезъ нашъ новый залъ, который вздумали уставить сплошь золочеными стульями... Какой несчастный заронилъ эту идею въ голову Вари?— Бога ради, гдѣ она могла это видѣть!..

Если бъ по крайней мѣрѣ мнѣ позволили заказать на стулья чахлы, чтобы держать весь этотъ блескъ подъ спудомъ до торжественныхъ пріемныхъ дней. Не варварство-ли обрекать скромнаго человѣка на необходимость созерцать по буднямъ море позолоты въ собственной квартирѣ!?.

Представляю себѣ, какой любопытный счетецъ готовитъ мнѣ г-нъ Габель! Вообще интересно знать, когда-же придетъ конецъ весеннимъ счетамъ? Рѣдкій день я не нахожу на своемъ столѣ какой-нибудь скромной бумажечки, резюмирующей аккуратно выписанными, мелкими цифрами разнообразные итоги весеннихъ фантазій моей прелестной супруги...

Дѣло въ томъ, что Варвара Николаевна разсчитываетъ эту зиму много выѣзжать и принимать у себя, пользуясь счастливымъ промежуткомъ, когда она совершенно здорова...

Гм... желалъ-бы я взглянуть на того супруга, который осмѣлится дебатировать противъ какой-бы то ни было фантазіи, опирающейся на *этотъ* доводъ!..

Мнѣ казалось, что наша старая обстановка была еще достаточно свѣжа—семь лѣтъ не Богъ знаетъ какой срокъ; но... разумѣется женщины понимаютъ эти вещи несравненно лучше насъ.

Тѣмъ не менѣе любопытно, что станется съ моимъ злополучнымъ бюджетомъ, послѣ того какъ я произведу простое ариѳметическое сложеніе всѣмъ этимъ скромнымъ листочкамъ? Пока я малодушно запихиваю ихъ одинъ за другимъ въ нижній ящикъ стола.

Не стоитъ волноваться въ розницу. Притомъ-же, я еще не успѣлъ отдышаться какъ слѣдуетъ отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (быть не можетъ чтобы въ нихъ было только сто дней)! Положимъ, это была ужъ такъ сказать экстраординарная неудача, что новая квартира не была готова, что намъ и здѣсь пришлось проживать всѣмъ домомъ въ гостиницѣ, пока она заканчивалась. Но я все-таки желалъ-бы знать, почему

благодѣтельный законъ не вступится за несчастныхъ отцовъ семействъ и не включитъ въ уложеніе о наказаніяхъ неисправныхъ обойщиковъ, столяровъ, декораторовъ и пр. и пр.?!.—Почему преступленіе красть прямо, честно рискуя своей шкурой, а вполнѣ позволительно косвеннымъ путемъ опустошать карманы, время, здоровье и душевное спокойствіе злополучныхъ кліентовъ?

Если у васъ четверо маленькихъ дѣтей и живой инвентарь, соотвѣтствующій такому счастливому обстоятельству, и при этомъ: если ваша англичанка суха, неуслужлива и обидчива, но неоцѣненна по своей опытности; если ваша няня стара и безтолкова, но незамѣнима, потому-что она одна «знаетъ все въ домѣ»; если ваша кормилица зла и капризна, но невмѣняема, потому-что молоко полезно для ребенка; если, наконецъ, ваша жена самое очаровательное созданіе въ мірѣ, но нетерпѣлива и раздражительна послѣ недавней болѣзни—о, хотѣлъ-бы я высчитать, во что обходится въ такомъ случаѣ подобная «маленькая неисправность» господъ честныхъ тружениковъ!! Интересно-бы знать, сколько именно я заплатилъ за эту «маленькую неисправность» лишнихъ денегъ (которыхъ у меня нѣтъ-съ!) и сколько испортилъ себѣ крови! Сколько вынесли мы съ Варей хлопотъ, неудобствъ, дрязгъ и скуки — и сколько разъ я оказывался кругомъ виноватымъ изъ-за этихъ мерзавцевъ!.. Когда жизнь идетъ вверхъ дномъ—ясное дѣло, что невозможно не быть виноватымъ за всѣхъ и за все...

Уфъ!.. для чего, для чего перебираю я всю эту труху?! . . .

. . . .

Да, должно быть я еще не отдышался отъ лѣта.

... Однако! неужели я потерялъ способность двигаться беззаботно по петербургскимъ улицамъ?..

Я подозрительно присматриваюсь ко всѣмъ идущимъ и ѣдущимъ, и каждое коричневое пальто притягиваетъ меня, точно магнитъ. Между тѣмъ, совершенно неправдоподобно, чтобы мы могли еще разъ встрѣтиться, если даже это и былъ онъ.

Вѣроятно, это былъ онъ.

Вмѣсто того, чтобы сворачивать себѣ шею, стараясь не упустить всего, что дѣлается на обѣихъ сторонахъ Невскаго — гораздо проще было-бы отправиться въ адресный столъ. Я такъ и сдѣлаю, если опять почувствую на улицѣ этотъ странный зудъ...

Собственно говоря, зудъ этотъ мнѣ мѣшаетъ... Обыкновенно я выѣзжаю изъ дому по дѣламъ, и голова моя полна разными полезными соображеніями. Завернувъ за уголъ, я начинаю волноваться, и голова удивительно быстро пустѣетъ.

Это, пожалуй, прекрасный способъ отдохнуть отъ грызущей заботы, но путь весьма плохой для того, чтобы приводить свои дѣла къ вожделѣнному окончанію. Впрочемъ... зачѣмъ обманывать себя и мечтать о возможномъ *концѣ* для подобныхъ дѣлъ? Было время убѣдиться, что я ловлю призракъ: дѣлъ своихъ я не устраиваю, а только пуще запутываю ихъ, сооружая временные мостики и подпорки, помогающіе перебираться черезъ дыры и провалы, образующіеся внезапно на пути моего бюджета. Занятіе, поистинѣ, безразсудное!

Во всякомъ случаѣ, на улицѣ постылыя дѣловыя мысли вываливаются изъ головы, и взамѣнъ ихъ поднимается какое-то смутное броженіе, гдѣ-то на самомъ днѣ души... Я становлюсь не вполнѣ исправнымъ: я опаздываю къ условленному часу... способенъ подчасъ забыть о данномъ словѣ... я непозволительно разсѣянъ, иногда даже бываю раздражителенъ и безтолковъ съ чужими людьми...

— Ты, кажется, нездоровъ?—спросила меня сегодня Варя.

Тонъ былъ при этомъ такой неблагосклонный, какъ-будто быть всегда здоровымъ входитъ въ число моихъ священныхъ обязанностей, и нездоровье было-бы съ моей стороны величайшей неисправностью. Дѣйствительно, за семь лѣтъ я ни разу не былъ боленъ.

Взамѣнъ этого я, кажется, не шутя пріобрѣлъ привычку размышлять надъ собственной жизнью... манія своего рода, и чему я отнюдь не былъ подверженъ до сихъ поръ.

Были вещи поинтереснѣе!

Безъ сомнѣнія, я могу во всякое время заѣхать въ адресный столъ... ну, и что-же дальше?.. Предположимъ, что мнѣ дадутъ тамъ адресъ землевладѣльца Василія Васильевича Косухина (я въ этомъ даже совершенно увѣренъ). Сухая, обглоданная справка адреснаго стола мнѣ ни для чего не нужна! Я вѣдь не собираюсь съ визитомъ къ Василію.

Мнѣ нужно знать—*одинъ*-ли онъ въ Петербургѣ, и нужно разрѣшить еще цѣлую кучу вопросовъ, съ какими не обращаются въ адресный столъ.

... Зачѣмъ?..

Нѣтъ, я протестую противъ такой постановки! У меня нѣтъ цѣли, но есть побудительная причина—не *зачѣмъ*, а *потому-что* я хочу знать.

Я не имѣю права ничего знать о ней. Долго, совершенно искренно я такъ думалъ. Моя вина передъ нею безмѣрно велика, а ея великодушіе такъ необыкновенно, что и самая смерть не могла-бы раздѣлить людей безповоротнѣе. . . . .

Однако, на свѣтѣ живешь не даромъ. Мы теряемъ на пути не только однѣ надежды и иллюзіи—старыя пугалы также утрачиваютъ мало-помалу свою власть надъ нашимъ умомъ.

Видъ петербургскихъ улицъ невыразимо волнуетъ меня. Не только коричневыя пальто, но и всѣ блондинки маленькаго роста тревожатъ меня.

Да, это необходимо разъяснить... Помилуйте, вѣдь у меня своя жизнь, у меня дѣлъ куча—не могу-же я волноваться безплодно, точно мальчишка!!

Варя все чаще жалуется на нездоровье—слабость и угнетенное настроеніе.

А я-то надѣялся, что теперь она отдыхаетъ! Разумѣется, ее должно было измучить нелѣпое путешествіе черезъ всю Россію, едва шесть недѣль послѣ родовъ, со всѣми ребятишками и причитающимся къ нимъ несноснымъ штатомъ. Я впередъ говорилъ. Я совѣтовалъ прожить спокойно лѣто въ деревнѣ, звалъ въ Соколки.

Въ сущности — величайшая необдуманность съ моей стороны. Въ другой разъ уже, конечно, я не приглашу въ Соколки, если-бъ даже фантазія Вари и обратилась когда-нибудь на безыскусственное лоно родной природы... Нѣтъ, нѣтъ—двѣ полосы жизни ни въ какомъ случаѣ не должны приходить въ соприкосновеніе!

Я инстинктивно понималъ это уже и тогда. Сдать имѣніе первому подвернувшемуся арендатору, переселиться въ Петербургъ, порвать разомъ всѣ привычки, старыя связи—все, все это казалось просто и легко въ обмѣнъ за новое, безумное счастіе... Страсть всегда найдетъ свою дорогу. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, силой вырвать что-то у судьбы и послѣ того, какъ ни въ чемъ не бывало, остаться смотрѣть ей въ глаза . . . . надо бѣжать!!!

Забѣжалъ такъ далеко, что не вижу около себя ни одной души, съ кѣмъ-бы я могъ осуществить такой невинный планъ, какъ пріятельская бесѣда за бутылкой вина...

У насъ огромное знакомство, и вѣроятно все это прекраснѣйшіе люди. Только совершенно немыслимо ни съ того ни съ сего повести съ этими людьми рѣчь... о Владимірѣ Ивановичѣ Громилинѣ.

Пріятельницы Вари и мужья этихъ пріятельницъ (какіе случатся, понятное дѣло); друзья и поклонники Вари (жены если и имѣются, то за сценой); maman, Лида, братъ, кузины и кузены, тетушки и дядюшки—словомъ, вся благословенная семейка фонъ-Трелей. Друзья и знакомые этой родни. «Нужные люди»—это совсѣмъ особая категорія.

Благодаря Бога, я самъ ни въ комъ не нуждаюсь—но всей нашей молодежи, юношамъ и барышнямъ, надо устраивать свою карьеру: добиться мѣста, выйти замужъ, учиться, веселиться. Добраться прямо до нужнаго человѣка не всегда удается; часто приходится пробираться окольными путями и заводить промежуточныя знакомства.

Это спеціальность maman. Она всегда знаетъ кто съ кѣмъ въ родствѣ и кого гдѣ можно встрѣтить. Мнѣ обязательно говорятъ, когда именно надо надѣть фракъ и ѣхать съ визитомъ или на вечеръ.

Если на одной чашѣ вѣсовъ лежитъ мой фракъ и маленькое упражненіе дипломатическихъ способностей, а на другой—чья нибудь будущность, то дѣло становится вполнѣ очевиднымъ. И потомъ, развѣ каждый изъ насъ не обязанъ по мѣрѣ силъ помогать молодежи?.. Кто знаетъ, что ждетъ впереди его собственную молодежь, и ей не понадобится-ли когда нибудь чужая помощь! Міръ можетъ держаться только такой круговой порукой.

Какая однако старческая мысль!..

Странно, какъ быстро совершилось мое перечисленіе изъ рядовъ молодежи въ кадры солидныхъ людей... Рѣшительно въ Соколкахъ я и самъ былъ молодежь! Всего нѣсколько лѣтъ назадъ! Жизнь отхватываетъ гигантскіе шаги и довольно безцеремонно сокращаетъ наши перспективы. Семь лѣтъ поглотили весь запасъ беззаботности, какой имѣлся въ моей душѣ... Однако то была величина далеко не малая!

Если-бъ судьба послала мнѣ подходящаго собесѣдника всего хоть на нѣсколько дней—я предпочелъ-бы бросить въ печку эту тетрадку. Но я понимаю что это невозможно, потому что знаю теперь чего я хочу: кого-нибудь изъ *прежнихъ*... Изъ тѣхъ, кто зналъ Володю Громилина, а не Петербургскаго Владиміра Ивановича,—изъ тѣхъ, кто зналъ ихъ обѣихъ, мать и Сашу...

Кого нибудь изъ тѣхъ, которые считаютъ меня подлецомъ или въ лучшемъ случаѣ—безумцемъ. Да—изъ тѣхъ, изъ тѣхъ! Теперь я бы ни отъ кого не убѣжалъ...

Очень просто—я съѣзжу въ Москву, если будетъ такъ продолжаться. Мимолетной встрѣчи было достаточно, чтобы дать опредѣленное направленіе глухой тоскѣ...

Я думалъ, что только усталъ отъ нелѣпаго лѣта, но оказывается, что во мнѣ зрѣло намѣреніе ни больше ни меньше, какъ отправиться на поиски *себя самого* черезъ все протяженіе лѣтъ, отдѣляющихъ меня отъ моей юности...

Нѣчто въ родѣ экспедиціи, снаряжаемой для отысканія слѣдовъ Франклина. Понятное дѣло, что такая экспедиція можетъ найти не больше какъ слѣды—могилу!

Гаспаръ Гаспаровичъ продолжаетъ ежедневно навѣщать Варю. О, я прекрасно изучилъ языкъ докторскихъ физіономій (и этой по преимуществу)—то спеціальное выраженіе, съ какимъ вашъ домашній врачъ исподволь подготовляетъ васъ къ непріятному извѣстію...

Знакомый вопросъ: болѣзнь или надежда? Какъ,—уже!?!—Неужели опять вопросъ этотъ встаетъ передъ нами?..

...Одинъ изъ самыхъ низкихъ видовъ страха, я долженъ сознаться.

. . . .

Чтобы заглушить отвратительное ощущеніе, я сдѣлалъ нѣчто необычное: я отправился въ дѣтскую.

Только очутившись тамъ я убѣдился, насколько странно мое поведеніе. Миссъ Гартонъ выронила изъ рукъ работу и вскочила на ноги, какъ будто ее подкинуло пружиной; она нервически схватила дѣтей за руки, вырвала у нихъ игрушки, точно собиралась не то защищать ихъ противъ меня, не то спасать отъ пожара.

Мамка кормила крошку. Эта не тронулась съ мѣста и даже не сочла нужнымъ прикрыться, съ тупой распущенностью этихъ созданій, пріученныхъ видѣть въ себѣ только дойное животное.

Видя, что я улыбаюсь и самымъ безобиднымъ образомъ здороваюсь съ дѣтьми, миссъ овладѣла собою, но вся насторожилась. Очевидно, она старалась разгадать, что именно я хочу выслѣдить? какого рода подозрѣнія заставили меня напасть на нее врасплохъ?.. Нечего сказать, лестная позиція для родного отца этихъ прелестныхъ крошекъ.

А крошки въ самомъ дѣлѣ прелестны. Я зналъ, что передъ ними то постылое ощущеніе сейчасъ-же сгинетъ... Милѣе всего то, что чистыя души не умѣютъ удивляться въ своемъ святомъ невѣдѣніи логики. Они не спрашивали, почему ихъ папа въ первый разъ появляется такимъ образомъ въ городской дѣтской, куда до сихъ поръ его призывали только какія-нибудь происшествія, въ родѣ болѣзней, экстраординарныхъ увѣчій и т. п. Они не заподозрили меня въ коварствѣ, подобно ученой миссъ, и самымъ довѣрчивымъ образомъ карабкались мнѣ на плечи, какъ это случалось иногда въ Крыму... О, да, въ Крыму мы словно подружились во время общихъ прогулокъ на берегу или въ горы! Здѣсь они такъже скоро и хорошо отвыкли отъ меня, какъ и я отъ нихъ.

Разумѣется, я чувствовалъ себя не особенно пріятно въ чужомъ царствѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ подозрительныхъ взглядовъ всѣхъ этихъ женщинъ. Я потребовалъ мячъ и позвалъ дѣтей въ залъ.

Вотъ тутъ-то чужое царство и дало себя знать: миссъ Гартонъ вступила со мною въ горячую полемику.

...Теперь не часъ мяча. Въ мячъ дѣти играютъ передъ обѣдомъ, послѣ прогулки. Этотъ-же часъ посвящается разсказамъ и діалогамъ, долженствующимъ нечувствительно развивать ихъ умъ и обогащать познанія. На ея столикѣ красовалась цѣлая груда англійскихъ педагогическихъ изданій, по которымъ культивируются русскіе мозги моихъ ребятишекъ.

Само собой разумѣется, я увелъ дѣтей,—но гордая дочь Альбіона

не послѣдовала за нами и посылала мнѣ въ спину свой негодующій протестъ. Безъ системы она отказывается воспитывать дѣтей. Дѣти должны свыкнуться съ мыслью, что разъ заведенный порядокъ не долженъ быть нарушаемъ безъ разумной причины.

Находя для себя ея воспитаніе черезчуръ запоздалымъ, я подхватилъ Шурку на руки, чтобы поскорѣе выбраться изъ враждебной территоріи.

...Бѣдные крошки! вѣдь они не умѣютъ ни жаловаться, ни сознавать своихъ обидъ... Они забываютъ, о чемъ плакали часъ назадъ, они не знаютъ почему именно ихъ крошечныя сердчишки разрывались отъ гнѣва...

«Часъ мяча» еще не насталъ! И надо знать съ какимъ апломбомъ эта замороженная старая дѣва выговорила свою идіотскую фразу, увѣренная, что совершенно уничтожила ею безалабернаго русскаго барина!..

Мы подняли возню въ залѣ, вовсе не похожую на осторожное щелканье мяча о паркетъ, какое раздается здѣсь ежедневно въ пресловутый «часъ мяча». Шурка отъ азарта поскользнулся, упалъ и запищалъ было по привычкѣ, но тутъ-же одумался и сообразилъ, что гораздо веселѣе смотрѣть, какъ мячикъ отскакиваетъ до самаго потолка. Наконецъ мячикъ угодилъ въ канделябръ—пара свѣчей съ хрустальными розетками полетѣла на полъ и разбилась въ дребезги, и на скандалъ явилась изъ будуара сама Варя.

— Богъ мой, что тутъ происходитъ?!.. — окликнула она съ порога.—Это вы?! но гдѣ-же миссъ Гартонъ? что это еще за новости, почему миссъ не при дѣтяхъ?!..

Усиленное движеніе обязательно выгоняетъ изъ головы всѣ мысли, каковы-бы онѣ ни были. Должно быть я смотрѣлъ на Варю такими-же глупыми и веселыми глазами, какъ и мои ребятишки.

— Что это за дикая фантазія? Какимъ образомъ вы очутились здѣсь?—допрашивала Варя съ такой строгостью, что мнѣ стало неудержимо смѣшно.

— Взялъ ихъ въ дѣтской... вздумалось поиграть въ мячъ... Но (пришло мнѣ внезапно въ голову) ты быть можетъ отдыхала, ты лежала?.. Мы разбудили тебя?

Варя не обратила на мою тревогу никакого вниманія и продолжала сердиться.

...Она не понимаетъ, какъ можно поднять такую возню, ни съ того ни съ сего перебудоражить дѣтей... только этого еще не хватало, чтобы въ домѣ не было никакого порядка! Стоитъ только разъ другой допустить, потомъ уже никакого слада не будетъ... Миссъ Гартонъ разумѣется очень рада была спихнуть дѣтей на меня!

— Полюбуйтесь на что они теперь похожи, ихъ невозможно пустить

гулять! Вы имъ весь день перевернули... Въ дѣтскую, въ дѣтскую! маршъ безъ всякихъ разговоровъ! И пусть сейчасъ-же миссъ Гартонъ придетъ ко мнѣ. Нѣтъ ужъ, Владиміръ Иванычъ, я васъ покорнѣйше попрошу избавить насъ отъ подобныхъ пассажей!

Я отвѣтилъ со всевозможнымъ хладнокровіемъ, что не могъ къ сожалѣнію предвидѣть такихъ важныхъ послѣдствій. Это уже вторая головомойка за мое невинное желаніе повозиться немного съ дѣтьми.

— Ты пожалуйста не вздумай только распекать миссъ Гартонъ: она здѣсь не присутствуетъ единственно отъ глубины своего благороднаго негодованія сказалъ я.

Кажется, Варю удивилъ мой спокойно-ироническій тонъ.

— Да? Очень рада,—отвѣтила она холодно.—Вы не терпите миссъ Гартонъ, но безъ нея я не знаю, что бы я дѣлала съ такой командой! Дѣти по крайней мѣрѣ заняты весь день и не пристаютъ ко всѣмъ, какъ въ другихъ домахъ. Я физически не въ силахъ была-бы выдерживать еще и это.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу миссъ Гартонъ назначить также и для меня какой-нибудь «часъ». Часъ чтенія, часъ разговоровъ, часъ мяча, часъ прогулки и часъ papa... Можетъ найтись такой часъ? или можетъ быть дѣти наши черезчуръ заняты?

Варя вспыхнула и выпрямилась своимъ чудеснымъ движеніемъ разгнѣванной королевы.

— Вамъ кажется угодно иронизировать?

Я разсмѣялся и протянулъ къ ней руки.

— Варя, ну ей-Богу-же смѣшно, неужели ты сама не чувствуешь? Я долженъ просить позволенія у этой мегеры, чтобы поиграть съ собственными дѣтишками... Что-же, наконецъ, это такое?

Я напрасно пытался разсмѣшить ее; она нетерпѣливо отталкивала мои руки.

— Очень, очень рада, что вы въ такомъ веселомъ настроеніи! Вы только совершенно забыли, что я больна, что у меня нѣтъ ни одного здороваго нерва! Сегодня вамъ вздумалось поставить домъ вверхъ дномъ на полчаса, а завтра дѣти потребуютъ того-же, убѣгутъ изъ дѣтской,— только васъ, конечно, не будетъ дома, чтобы забавлять ихъ!..

Надо думать, что Варя далеко еще не кончила, но въ эту минуту въ дверяхъ показалась миссъ Гартонъ съ выразительно поджатыми своими змѣиными губами, и я поспѣшилъ ретироваться въ кабинетъ.

Нашалившее старшее дитя, котораго полагается, что нельзя наказать... Какой предразсудокъ!

У Вари мигрень. По обыкновенію послали за maman. Она пріѣхала съ Лидой и прошла прямо въ спальню, а моя маленькая пріятельница завернула ко мнѣ въ кабинетъ за предварительными справками.

...Какъ недавно еще всѣ подобныя колебанія домашняго барометра отзывались цѣликомъ у меня въ сердцѣ.—Но сегодня я чувствовалъ себя только зрителемъ. Ощущеніе очень комфортабельное и свободное. Все совершающееся бросается въ глаза съ пріятной ясностью и отчетливостью, совершенно недоступной для самихъ лицедѣевъ...

Отчего я вдругъ потерялъ способность волноваться? Потерялъ-ли я ее навсегда, или это только временно, вслѣдствіе усталости?..

Но въ самомъ дѣлѣ, вѣдь стоитъ только немножко порыться въ собственной памяти, и тамъ отыщется не мало мигреней соотвѣтствующаго происхожденія. Изъ того-же достовѣрнаго источника нельзя не почерпнуть успокоительнаго свѣдѣнія, что мигрени всегда проходятъ благополучно...

Сколько разъ maman спѣшила прямо въ спальню, задыхаясь отъ одышки и на ходу стягивая перчатки съ своихъ пухлыхъ рукъ, точь въ точь такой-же уторопленной, дѣловой походкой, непохожей на ея обыкновенныя вальяжныя движенія. Сколько разъ я видѣлъ на личикѣ Лиды такое именно напряженное выраженіе... Это не душевная тревога, а боязливая готовность выслушать что-то непріятное. Очень понятно, что подобная перспектива не доставляетъ Лидѣ ни малѣйшаго удовольствія!

— Боже мой, что опять случилось, Вольдемаръ? Эта бѣдная Варя... она опять больна! Это право ужасно... Отчего она заболѣла?

— Оттого, что я игралъ съ дѣтьми въ мячъ,—отвѣтилъ я, растягивая слова отъ предвкушенія предстоящей мнѣ маленькой забавы.

Лида невольно раскрыла шире глаза, но сейчасъ-же сообразила въ чемъ дѣло.

— Ахъ, вы стало-быть ее разбудили, напугали, да?.. вотъ это мило!..

Какъ часто ея интонаціи совершенно напоминаютъ Варю.

— Нѣтъ, съ какой-же стати вы вообразили, что Варя спала? Она вовсе не испугалась,—она разсердилась.

Невозмутимый тонъ моихъ отвѣтовъ началъ раздражать молоденькую свояченицу.

— Разсердилась на что?.. Что это съ вами сегодня, Вольдемаръ?.. У васъ такой видъ...

— Какой у меня видъ?

— Точно до васъ это вовсе не касается.

— Напротивъ, все это случилось единственно по моей винѣ,—произнесъ я очень серьезно.

— Но вы какъ будто даже довольны!—воскликнула Лида язвительно.

— Помилуйте, это было-бы ни съ чѣмъ не сообразно!

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Ахъ, ради Бога, Вольдемаръ, перестаньте дразнить меня! Скажите серьезно, что случилось? И до чего некстати, когда Варя и безъ того больна!

Какъ! неужели даже Лида объ этомъ знаетъ? неужели не знаю ничего одинъ я? . . . .

— Я не понимаю, о чемъ вы спрашиваете!—отвѣтилъ я.—Вѣдь я ужъ докладывалъ вамъ, что сестра ваша заболѣла оттого, что мнѣ пришла фантазія самому поиграть съ дѣтьми въ мячикъ и притомъ часомъ раньше, чѣмъ это установлено въ кодексѣ миссъ Гартонъ. Я нарушилъ «часъ мяча»—вы, конечно, понимаете, какой это криминалъ? Варя сердилась, Варя заболѣла, потому что ей вредно сердиться. Миссъ Гартонъ подаетъ въ сотый разъ свою отставку... Можетъ случиться, что на этотъ разъ она не дастъ умолить себя взять ее обратно, и тогда окажется, что я погубилъ собственныхъ дѣтей... Поучайтесь заблаговременно, молодая миссъ! Поймите, что можетъ натворить въ семейной жизни простой резиновый мячикъ!

Лида хоть-бы улыбнулась.

— Да, дѣйствительно, это будетъ ужасно, если миссъ Гартонъ уйдетъ!—проговорила она озабоченно.—Варя положительно не можетъ безъ нея обойтись.

...Удивительно, до чего женщины солидарны между собою! За всѣ семь лѣтъ не было ни одного случая, гдѣ бы maman и Лида не держали сторону Вари, не говорили ея словами. Между ними никогда не возникаетъ никакихъ разногласій по всѣмъ этимъ вопросамъ спеціальной женской сферы, незамѣтно сплетающимся въ такую прочную сѣть... Нужды нѣтъ, что въ отдѣльности это все только маленькіе вопросики, что въ числѣ ихъ фигурируетъ подчасъ даже и резиновый мячикъ... Чѣмъ петли мельче, тѣмъ труднѣе выскользнуть изъ сѣти!..

Сегодня меня особенно раздражалъ давно знакомый, предвзятый тонъ Лиды. Неужели потому только, что она сестра Вари, я рѣшительно никогда не могу быть правымъ въ ея глазахъ?

— И вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете, Лида?—спросилъ я, глядя ей серьезно въ глаза.—Вы находите этотъ черствый англійскій сухарь въ такой мѣрѣ симпатичнымъ?

— Я вовсе не говорю, чтобъ миссъ была особенно симпатична... но важно совсѣмъ не это!—отвѣтила барышня развязно.

— Какъ? Это не важно? Не важно симпатиченъ или нѣтъ человѣкъ, которому мы отдаемъ на его произволъ маленькихъ, беззащитныхъ дѣтей?!

Лида внимательно посмотрѣла мнѣ въ лицо и усмѣхнулась.

— Вотъ не ожидала, что вы принимаете это такъ горячо... Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ вы ее держите?

...И опять, опять фальшь! Лида прекрасно знаетъ *зачѣмъ*, но желаетъ уклониться отъ щекотливой темы. Когда женщинамъ нечего сказать—онѣ начинаютъ иронизировать... О, съ этимъ-то я хорошо знакомъ! У Варвары Николаевны имѣется такой обширный репертуаръ тончайшихъ интонацій, которому могла бы позавидовать любая актриса.

Интонаціи и мимика... Что касается меня, то я всегда предпочитаю слова, каковы бы они ни были. На слова можно отвѣтить, слова всегда можно обсудить и взвѣсить—интонація, какъ музыка, дѣйствуетъ непосредственно на нервы... Она волнуетъ безсознательно, волнуетъ даже и въ томъ случаѣ, когда разсудокъ намъ ясно говоритъ, что подъ нею не можетъ скрываться ничего таинственнаго... Все равно, это ни къ чему не ведетъ, какъ безполезно было-бы пытаться разсѣять разсужденіемъ подавленность, вызванную мрачной аріей...

Женщины любятъ все неуловимое, все дѣйствующее непосредственно на нервы. Вотъ то страшное оружіе въ ихъ рукахъ, противъ котораго у насъ нѣтъ равнаго!...

— Я бы очень желалъ, Лида, видѣть васъ замужемъ,—замѣтилъ я послѣ небольшой паузы.

— О, въ самомъ дѣлѣ! зачѣмъ это? засмѣялась она.

— Для того, чтобы знать будутъ ли ваши поступки вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ взглядамъ, какіе вы высказываете теперь.

Она насторожилась и отвѣтила поспѣшно:

— Какіе же взгляды я высказываю?!—Я ровно ничего не высказываю!

— Ну, конечно, вы не излагаете никакихъ систематическихъ теорій – однако вы всегда присоединяетесь къ мнѣніямъ вашей замужней сестры. Изъ этого можно заключить, что вашъ бракъ будетъ повтореніемъ нашего, если вашъ мужъ ...гм... Какъ бы тутъ выразиться?.. ну, если онъ по своему характеру не будетъ прямымъ антиподомъ вашего покорнаго слуги...

Повидимому разговоръ началъ занимать Лиду. Хорошенькіе глазки лукаво заблестѣли и на губахъ заиграла легкая дѣвическая улыбочка.— О, эта улыбочка необыкновенно какъ выразительна! Она говоритъ, что барышня рѣшительно все прекрасно знаетъ, видитъ и понимаетъ, и только не удостоиваетъ обнаружить передъ *нами* своихъ сокровищъ. Вотъ дайте ей дѣйствовать, и тогда она покажетъ себя!

— Нѣтъ, я совершенно увѣрена, что онъ не будетъ похожъ на васъ,—отвѣтила Лида улыбаясь.—Второго такого идеальнаго мужа не можетъ быть на свѣтѣ.

Я иронически раскланялся передъ лестными словами, звучавшими однако далеко не лестно.

— Скажите пожалуйста! А вѣдь я даже и не подозрѣваю, что существуетъ какой-то идеалъ мужа! Я полагалъ, что для каждаго характера существуетъ въ этомъ отношеніи свой отдѣльный идеалъ. Если я достигъ его, какъ вы любезно свидѣтельствуете,—то напримѣръ для Петра Петровича Суханскаго такой идеалъ выразится совершенно иначе. Я думаю, что было бы предѣломъ возможнаго, если бъ Петръ Петровичъ пересталъ ревновать свою жену ко всякому встрѣчному, а согласился дождаться хоть какого-нибудь видимаго повода съ ея стороны. Для него и это недостижимо, какъ идеалъ! Въ самомъ дѣлѣ, не все ли это равно, что требовать, чтобы всѣ люди пѣли одинаковыми голосами?

Лида смѣялась и смотрѣла на меня съ любопытствомъ.

— Знаете ли, что вы удивительно какъ занимательны сегодня!— поощрила она меня.—Заключаю изъ этого, что Варя не особенно больна...

Не могъ же я въ отвѣтъ изложить Лидѣ мою собственную теорію мигрени.

— Да, я надѣюсь что это не серьезно, отвѣтилъ я.—Кромѣ того, я дерзаю думать, что вовсе неразсчетливо такъ сильно волноваться по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Мнѣ кажется, что было бы гораздо веселѣе не дѣлать добровольно жизни такой тяжеловѣсной... Что вы объ этомъ думаете, Лида?

На этотъ разъ это былъ прямой вопросъ, и мнѣ казалось, что отъ него нельзя уклониться.

— Я не знаю... Что вы хотите этимъ сказать?—переспросила она неспокойно.

Я невольно разсмѣялся своей собственной наивности.

— Не бойтесь, не бойтесь, Лида, я не собираюсь подводить васъ и заставить противъ воли сойти съ вашей позиціи! Вы не желаете имѣть мнѣній—это ваше дѣло.

Мой отвѣтъ задѣлъ ее.

— Не понимаю, о чемъ вы спрашиваете, отвѣтила она колко.— Конечно у Вари мигрень не отъ резиноваго мячика, а оттого что она серьезно больна, и я удивляюсь, какъ вы этого до сихъ поръ не замѣчаете! Я нѣсколько разъ видѣла, какъ она плакала... Ah, merci! Если выйти замужъ значитъ никогда больше не быть здоровой и покойной, то надо сознаться, что всѣ мы удивительно глупы, добиваясь этого!..

Вотъ наконецъ опредѣленное мнѣніе и искренно высказанное.

Какъ бы опасаясь за дальнѣйшій ходъ разговора или желая воспользоваться минутой эффектнаго перевѣса, Лида встала съ отоманки и объявила, что теперь она пойдетъ взглянуть на Варю.

Однако, Лида не глупая дѣвушка, не можетъ быть, чтобы у нея не имѣлось никакого критическаго взгляда на жизнь сестры...

Стало быть, это не болѣе какъ позиція, партійная тактика. Въ критическую минуту женщины обыкновенно круто мѣняютъ тонъ: отъ спокойныхъ доводовъ и возраженій онѣ попросту переходятъ къ запальчивымъ и негодующимъ восклицаніямъ на широкую тему женскаго бездолья. Тутъ ужъ конецъ всякимъ разсужденіямъ! Каждый порядочный мужчина только чувствуетъ свою невольную солидарность съ величайшей міровой несправедливостью, тяготѣющей надо всѣмъ, что живетъ и дышитъ на землѣ.

Я призванъ къ порядку. Я вырванъ насильно изъ малодушнаго укрывательства отъ лица истины...

На моемъ столѣ стали появляться «вторичные» счеты. Это ужъ прямо неприлично, и пришлось волей-неволей заняться содержимымъ нижняго ящика.

Итакъ, устройство на новой квартирѣ обошлось намъ въ 2,136 рублей 48 коп.—на женскомъ языкѣ это называется «освѣжить обстановку». Когда я подѣлился съ Варей любопытной цифрой, она сказала небрежно, что, конечно, Габель беретъ недешево, «но зато дѣлаетъ превосходно»...» Я собственно не знаю, стоитъ-ли заботиться о прочности работы при существованіи такого неуловимаго термина какъ «освѣженіе обстановки»—но это, разумѣется, все равно, и резонированіе мое совершенно несвоевременно: теперь надо добывать двѣ тысячи, которыхъ у меня нѣтъ.

Я еще слишкомъ недавно былъ скромнымъ провинціаломъ, для того чтобы проникнуться спеціально столичнымъ понятіемъ, что имѣть хроническіе счеты у своихъ поставщиковъ есть одна изъ принадлежностей хорошаго тона. На меня и до сихъ поръ неоплаченный счетъ дѣйствуетъ въ родѣ горчичника.

Вѣроятно со временемъ я отдѣлаюсь и отъ этого провинціализма, какъ отдѣлался уже отъ многихъ другихъ. Напримѣръ, еще очень недавно мнѣ представлялось совершенно немыслимымъ жить безъ опредѣленнаго бюджета—и однакоже я преблагополучно существую и возвращаюсь къ тягостной темѣ только періодически.

Помню время, когда это меня до такой степени пугало, что на всѣхъ знакомыхъ я смотрѣлъ исключительно съ той точки зрѣнія, имѣется-ли у нихъ правильный бюджетъ? Случалось даже, что я терялъ всякое самообладаніе и прямо спрашивалъ кого-нибудь: «извините за нескромность, но... сколько вы проживаете?»

Это было вдвойнѣ глупо. Весьма естественно, что съ подобнымъ вопросомъ я могъ обращаться только къ людямъ болѣе или менѣе близ-

кимъ, то есть къ родственникамъ Вари; ну и ясно, что отвѣты ихъ имѣли весьма мало достовѣрности. Отвѣты эти склонялись либо въ ту либо въ другую сторону, смотря по тому, долженъ-ли уже намъ этотъ родственникъ или онъ только еще имѣетъ въ виду попросить взаймы. Желаетъ-ли онъ внушить мнѣ довѣріе къ своей платежной способности, или напротивъ хочетъ тронуть невозможностью для него обойтись безъ моей помощи. Я скоро понялъ это и бросилъ любопытную статистику.

Тѣмъ не менѣе я продолжаю считать опредѣленный бюджетъ вожделѣнной основой всякаго солиднаго существованія. Безъ такого скрѣпляющаго цемента шальныя волны случайности постоянно подмываютъ зданіе, укрѣпляемое мною съ искреннимъ усердіемъ, но, увы, съ слишкомъ плохимъ умѣніемъ...

Впрочемъ, фаза самобичеванія также уже пережита мною. Въ последнее время я настроилъ себя на самый снисходительный ладъ.

Откуда и въ самомъ дѣлѣ могли-бы взяться во мнѣ дѣлецкіе таланты? Я родился помѣщикомъ. Мои прекрасные Соколки предназначались для правильнаго раціональнаго хозяйства, для медленнаго цвѣтенія на трудномъ пути земледѣльческой культуры. Благосостояніе скромное и заключенное въ строгія рамки; добрая доза его должна всегда находиться въ состояніи скрытой теплоты, и можетъ проявляться только въ трудно уловимомъ внутреннемъ ростѣ. Это то, что я дѣйствительно могу понимать, гдѣ не рискую то и дѣло терять голову отъ различныхъ сюрпризовъ и безпомощно метаться отъ одного безразсудства къ другому...

Безъ сомнѣнія, каждый обязанъ примѣняться къ обстоятельствамъ; нахожу, однакожъ, что въ этомъ я проявилъ весьма добропорядочные таланты... Не моя вина, если несчастныя Соколки оказываются тѣломъ черезчуръ тяжеловѣснымъ для безнаказаннаго вращанія среди всепожирающихъ жерноговъ банковаго кредита, вторыхъ и третьихъ закладныхъ, векселей, пропущенныхъ сроковъ, наростающихъ пеней и т. д. и т. д.

Не очевидно-ли изъ всего этого, что владѣлецъ Соколокъ въ сущности не имѣетъ никакой разумной возможности проживать въ Петербургѣ столько денегъ, сколько проживаетъ семья Громилиныхъ??..

Не знаю, сколько это именно; я давно отказался отъ неблагодарной идеи записывать всѣ наши траты. Конечно, нетрудно было-бы и теперь подвести итогъ всему прожитому за семь лѣтъ, по документальнымъ цифрамъ отдѣльныхъ полученій—но къ чему? Зачѣмъ такой безплодный трудъ? Мнѣ все равно не удастся такимъ путемъ вывести нормальную цифру ежегоднаго бюджета, подвергающагося десяткамъ непредвидѣнныхъ колебаній.

. . . .

Но я-бы желалъ по крайней мѣрѣ, чтобы эти непредвидѣнныя двѣ тысячи кого-нибудь дѣйствительно радовали—вотъ что мнѣ представляется минимумомъ требованій.

Да, въ первое горячее время нашихъ столичныхъ дебютовъ деньги, безумно летѣвшія на вѣтеръ, приносили мнѣ неописуемое наслажденіе! Моя красавица Варя сіяла и расцвѣтала, какъ экзотическое растеніе, перенесенное изъ темной комнаты въ приличествующую ему тепличную атмосферу—Варя была счастлива!

...Въ любви некуда идти дальше—это цѣль, такъ сказать, самодовлѣющая. Если мы дѣйствительно любимъ, намъ все равно какой-бы дорогой ни дойти до цѣли. Нужно-ли для удовлетворенія любимой женщины очень много или, напротивъ, весьма мало—въ чемъ заключаются ея радости—что именно способно вызывать счастливое сіяніе на ея лицо—для насъ это почти безразлично. Дайте мнѣ это сіяніе и возьмите за него все, что я могу отдать—мое! достояніе, мой трудъ, мое время, здоровье, спокойствіе, быть можетъ также и мою совѣсть...

Да, тутъ все было ясно: я люблю Варю—Варя любитъ только то, что стоитъ дорого; слѣдовательно, нельзя согласовать моей любви съ прежнимъ скромнымъ существованіемъ сокольскихъ помѣщиковъ. Это только разныя сферы жизни.

Но дѣло въ томъ, что теперь мы продолжаемъ двигаться по тому-же пути, какъ-будто въ силу инерціи. Чарующее сіяніе не дается, точно кладъ... Самыя трудно исполнимыя желанія, самыя дорогія фантазіи оставляютъ ее неудовлетворенной, разочарованной... Жизнь черезчуръ осложнилась, слишкомъ быстро отяжелѣла—мы постоянно ощущаемъ ея грузъ на своихъ плечахъ.

И теперь фантазіи Вари похожи на судорожныя усилія стряхнуть съ себя тяжесть. Перебирается въ новую, огромную квартиру... Невзирая ни на что, внезапно переносится со всей семьей на другой конецъ Россіи... Игнорируетъ здоровье, окружаетъ себя все новымъ и новымъ блескомъ...

Бѣдная, бѣдная птичка, ей хочется вырваться изъ клѣтки! Но все, что она придумываетъ, только дѣлаетъ ея клѣтку еще огромнѣе, сложнѣе и тяжеловѣснѣе...

Клѣтка и безъ того уже такъ обширна, что основное зерно жизни—наша романическая, побѣдоносная страсть—она точно запряталась куда-то среди всѣхъ этихъ новыхъ и чужихъ существованій, среди страшнаго количества скопляющихся *вещей*, требующихъ заботы и ухода... Въ домѣ четырнадцать человѣкъ—четырнадцать отдѣльныхъ міровъ! въ домѣ пятнадцать биткомъ набитыхъ комнатъ!.. . . . .

Надо бодро двигаться впередъ, нельзя отнюдь оглядываться назадъ. Жизнь разливается и увлекаетъ во всѣ прихотливыя извилины своихъ

мощныхъ струй... Надо отдаться ея теченію, а не создавать предвзятаго, неподвижнаго представленія о счастіи. Счастье должно быть самой этой струей, вольно и смѣло вливающейся въ каждую форму, оставаясь въ существѣ самимъ собою...

Я не знаю, какъ этого достигнуть, я не умѣю ясно выразить, но чувствую, что счастіе должно быть таково—и только тогда оно истинное счастіе. Жить надо *изъ себя*, а не стараться натащить со стороны какъ можно больше пестраго, шумнаго, дорого стоящаго хлама...

Все равно, имъ не заполнишь пустоты! . . . .

... Опять у нея сегодня заплаканные глазки. Чтобы покончить съ томящей неизвѣстностью, я робко высказалъ ей свои опасенія... Это вызвало совсѣмъ несообразный припадокъ гнѣва.

... Такъ мнѣ все еще мало!?. По моему, пора имѣть и пятаго ребенка—а тамъ шестого, седьмого и такъ далѣе?.. Я воображаю можетъ быть, что она въ силахъ это выдерживать?!. Я не желаю видѣть, что она вся разбита, что въ ней не осталось живого мѣста! etc. etc.

Видѣть этого я не могу, потому что Варя попрежнему хороша и свѣжа, но зато несомнѣнно, что я это чувствую. Съ ничуть не предвзятой, съ самой искренней покорностью я выдерживаю весь залпъ ея запальчиваго, ничѣмъ не заслуженнаго раздраженія... Я слишкомъ счастливъ уже и тѣмъ, что мои опасенія оказались неосновательными!

. . . .

Безполезно возражать, если васъ одного дѣлаютъ отвѣтственнымъ за жизнь.

Правда, я дѣйствительно тотъ центръ, изъ котораго все исходитъ... механически. Въ концѣ концовъ вѣдь я, а не другой кто-нибудь осуществляю по чужому плану это сложное, грузное существованіе, хоть оно все сильнѣе приводитъ меня въ смущеніе... Я проявляю чужія желанія. Я иду безразсудно навстрѣчу матеріальному крушенію, и не умѣю помѣшать, хоть никто кромѣ меня этого сдѣлать не можетъ. Я дѣлаю какую-то безразсудную жизнь, въ которой оказываюсь совершенно одинокимъ—въ такой мѣрѣ одинокимъ, что я не могу даже открыть глазъ на наше истинное положеніе!..

Дѣла—это то, о чемъ никогда не хотятъ слышать. За все, чѣмъ жена жертвуетъ нашей любви, какъ женщина и какъ человѣкъ,—мы можемъ только одно: отстранить отъ нея матеріальную тяготу, взявъ всецѣло на себя грубое дѣло жизни. Мы для него и способны, и сильны, и свободны. Идти къ ней со всѣми заботами, не значитъ-ли взваливать на слабаго двойную ношу??

Притомъ-же это значитъ попросту сознаться въ собственной не-

состоятельности: «Я запуталъ дѣла»—какую другую форму можно придумать для такого факта?..

Да, я запуталъ дѣла... Мои дѣти разрушаютъ здоровье Вари, семейныя заботы слишкомъ скоро превратили праздникъ жизни въ томительное, подневольное самопожертвованіе... прости мнѣ, Господи, если я клевещу!!

Нѣтъ, я не говорю, что она недостаточно любитъ дѣтей—я не сказалъ этого! Для дѣтей все дѣлается и не только все дѣлается, но и измышляются такія тонкости, такія ухищренія комфорта, гигіены и педагогики, о какихъ и понятія не имѣли десятки поколѣній, жившихъ до насъ. На дѣтей тратятся деньги, на которыя могли-бы просуществовать нѣсколько семей. Всѣ заботы и разговоры вертятся около «дѣтскихъ» (Разумѣется, на три четверти это не сами дѣти, а только дрязги, и пустяки, и претензіи, наполняющія существованіе приставленной къ нимъ челяди). Дѣти наши здоровы, нарядны и «прекрасно ведены»—я часто слышу отъ постороннихъ эту фразу, произносимую съ большимъ почтеніемъ...

... Я припоминаю, что *мы* совсѣмъ не были никакъ *ведены*,—а просто росли себѣ, какъ могли, на полной волѣ деревенскаго простора, подъ охраной только одной заботливой и горячей любви. . . . .

Я часто съ сожалѣніемъ смотрю на своихъ прелестныхъ, благовоспитанныхъ крошекъ. Мнѣ всегда кажется, что чего-то недостаетъ въ ихъ образцовыхъ дѣтскихъ, составляющихъ точно какой-то отдѣльный міръ отъ нашей собственной жизни... Въ этомъ кроется какое-то неестественное противорѣчіе!

А впрочемъ, одинъ изъ вреднѣйшихъ предразсудковъ—мѣрить все на собственный аршинъ. Я люблю мое счастливое дѣтство, я обожаю память моей матери—но мнѣ приходится сознаться, что безъ вожжей и узды изъ меня вышелъ только безхарактерный человѣкъ... Человѣкъ, умѣющій быть можетъ чувствовать и желать, но не разумно направлять собственную жизнь...

Пусть-же миссъ Гартонъ вкладываетъ по своему разумѣнію твердую и закаленную волю въ мягкія русскія души... Велика будетъ ея заслуга, если она сумѣетъ сдѣлать это!

Въ качествѣ русскаго, невыдержаннаго отца, я терпѣть не могу безупречную миссъ и нѣжно и жалостливо люблю издали моихъ бѣдныхъ ребятишекъ. . . . .

Варя все больна. Я хотѣлъ было привезти доктора, но она заявила категорически, что не хочетъ никого, кромѣ своего Гаспара Гаспаровича. Есть отъ чего прійти въ отчаяніе! Я не вѣрю вовсе въ эту

слащавую фигуру, съ эластичными движеніями, вкрадчивымъ голосомъ и тихой рѣчью.

Допускаю даже, что я не совсѣмъ справедливъ къ Гаспару. Его личность связана со всѣми наиболѣе тяжкими моментами нашей жизни, и оттого одинъ уже видъ его вызываетъ во мнѣ какое-то смутное боязливое ощущеніе... Но если даже я нѣсколько и пристрастенъ, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Гаспаръ Гаспаровичъ любитъ создавать важность изъ всякаго пустяка, а въ иныхъ случаяхъ бываетъ напротивъ того непростительно уступчивъ. (Напримѣръ, онъ допустилъ-же такое явное безразсудство, какъ наша крымская поѣздка). Иногда мнѣ просто кажется, что главная забота почтеннаго эскулапа состоитъ въ томъ, чтобы всегда угождать моимъ дамамъ. Зато-же Варя и maman въ немъ души не чаютъ.

Я бы хотѣлъ показать Варю свѣжему человѣку. Я бы хотѣлъ выслушать независимое мнѣніе, высказанное бодрымъ и твердымъ тономъ и смотрящее дальше мелочей, съ которыми носятся женщины. Я бы хотѣлъ, однимъ словомъ, чтобы мою больную выслушивали, выстукивали и изслѣдовали, по всѣмъ неумолимымъ требованіямъ науки, а не ограничивались таинственными, многословными совѣщаніями въ закрытомъ будуарѣ. Чтобы не прислушивались слишкомъ усердно къ ея собственнымъ словамъ. . . . .

Когда я попробовалъ высказать свое желаніе, то это только разсердило Варю.

... Отчего я такъ усталъ?!.

Мои занятія ни въ какомъ случаѣ не обременительны. Вернулся домой часа за полтора до обѣда и провалялся у себѣ на диванѣ, желая только одного: чтобы меня не потревожили...

Дѣйствительно, я испытываю хроническую усталость. Мнѣ кажется, что усталость увеличивается, по мѣрѣ того, какъ въ моемъ сознаніи водворяется кое-какой порядокъ. Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ возбужденіе послѣднихъ лѣтъ... Реакція.

Для спокойствія у меня, собственно говоря, не имѣется ни малѣйшаго основанія—напротивъ того, жизнь только запутывается со всѣхъ концовъ. Но самъ я пересталъ рваться, и это сразу поставило меня на мѣсто. До сихъ поръ было странное, тревожное чувство—точно я все еще *ждалъ* чего-то...

Пора, пора, наконецъ, понять, что все это не *пока* и не временно, а самое-то настоящее русло и есть, по которому должна катиться жизнь!

. . . .

Я лежалъ разбитый на диванѣ, и припоминалъ свой день... и изъ

этого такъ просто, такъ естественно вылилось все остальное! Я вдругъ понялъ почему я усталъ . . . .

Мой день: утромъ, едва съ постели, я долженъ былъ послать за Гаспаромъ Гаспаровичемъ. Варя увѣряетъ, что не спала всю ночь и отказалась даже отъ обычной чашки шоколада.

При моемъ твердо установившемся мнѣніи на его счетъ, и послѣ всего, что мною было высказано только вчера,—я тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ послать за ея любимцемъ, то есть сдѣлать какъ разъ то самое, что я признаю вреднымъ.

. . . .

Послѣ кофе (въ одиночествѣ) я, по желанію Вари, вручилъ сто рублей миссъ Гартонъ на ея «расходы по дѣтской».

Этой статьи нашего бюджета я совершенно не понимаю. Какіе расходы по дѣтской? Это не дѣтскій гардеробъ, потому что на него уже раньше была ассигнована приличная сумма. Это и не мелкіе ежедневные расходы, потому что такіе расходы не касаются бонны и значатся аккуратно въ счетахъ Самуила. Въ началѣ осени миссъ Гартонъ уже была выдана такая же сумма.

При теперешнемъ настроеніи Вари, не приходится поднимать мелочныхъ вопросовъ... Но я никакъ не могу окончательно вытравить изъ себя добросовѣстнаго хозяина, я не даромъ-же выросъ въ понятіи. что не существуетъ на свѣтѣ такихъ денегъ, которыя не олицетворяли-бы собою какого-нибудь труда.

Именно эта сфера понятій послужила почвой для самыхъ дикихъ отношеній между мною и Варей. Вездѣ, гдѣ только дѣло касается денегъ, ея тонъ до нельзя странный—оскорбительный тонъ, при всей его туманности! Нѣтъ, она никогда открыто не обвиняетъ меня въ скупости—но она какъ будто убѣдилась въ ней разъ навсегда и испытываетъ нѣчто въ родѣ конфуза за меня и за себя...

Именно этотъ тонъ всего больше мѣшаетъ разумному дѣловому объясненію между нами. Я чувствую себя заподозрѣннымъ, кровь сейчасъ же кидается мнѣ въ лицо, ощущеніе незаслуженной обиды пересиливаетъ все. Мы оба скользимъ по верхамъ, спѣша покончить съ щекотливыми вопросами. Такимъ образомъ самыя безразсудныя вещи рѣшаются у насъ въ нѣсколько минутъ, въ какомъ-то нелѣпомъ сумбурѣ ощущеній.

Оставшись одинъ, я право иной разъ готовъ-бы побить себя за постыдное малодушіе, но дѣло уже сдѣлано, мое согласіе взято . . .

Будь я въ лучшихъ отношеніяхъ съ почтенной миссъ, я могъ-бы ее спросить о назначеніи выдаваемыхъ денегъ,—но тутъ уже я попросту трушу: Я даже стараюсь придать своему лицу самое любезное выраженіе. Нашъ обидчивый канцлеръ не преминетъ поставить вопросъ о довѣріи, если только подмѣтитъ во мнѣ хоть тѣнь сомнѣнія.

Какъ-бы то ни было, а при настоящемъ положеніи дѣлъ даже и эти сто рублей представляютъ въ моихъ счетахъ нѣкоторую скромную величину.

. . . .

Визитъ Гаспара Гаспаровича, по обыкновенію, длился очень долго. Я на этихъ консультаціяхъ не присутствую.

Пріѣхала maman.

— Ахъ, Боже мой, ахъ, Боже мой?! Что-же это будетъ наконецъ?!. Что-же вы объ этомъ думаете, Вольдемаръ?

Я не знаю, что будетъ. Я думаю, что надо перемѣнить доктора или по крайней мѣрѣ сейчасъ-же созвать консиліумъ.

Maman начинаетъ горячо отстаивать Гаспара и спасается отъ меня въ будуаръ.

Я не знаю, для чего меня спрашиваютъ?

. . . .

За завтракомъ происходитъ неожиданная сенсація: миссъ Гартонъ не явилась въ столовую. Она разстроена и требуетъ завтракъ къ себѣ въ комнату.

Варя съ жаромъ, позабывъ о недавней слабости, разсказывала матери новую выходку нашей любезной нянюшки. Старуха поставила задачей своей жизни выжить изъ дому ненавистную англичанку. Вслѣдствіе этого въ дѣтскихъ происходятъ періодическіе взрывы минъ.

Варя негодуетъ на няньку. На мое замѣчаніе, что надо-же какъ нибудь упорядочить этотъ вопросъ, т. е. рѣшить, которой изъ двухъ женщинъ мы больше дорожимъ—она объявила запальчиво, что миссъ Гартонъ только одна въ Петербургѣ, а русскихъ дуръ цѣлые полки. Мнѣ поручено сегодня-же заѣхать въ бюро и дать нашъ адресъ. А несносная старуха можетъ смотрѣть за вещами, лѣтомъ смотрѣть за квартирой,—вообще дѣло въ домѣ всегда найдется.

Я не предвижу прочнаго умиротворенія отъ такой полумѣры и я думаю о бѣдненькомъ Шуркѣ... Вотъ кто заплатитъ за разбитые горшки!

А я во всякомъ случаѣ буду платить еще одно лишнее жалованье.

. . . .

Послѣ завтрака я отправился исполнять порученія Вари и кончилъ свое утро въ совѣщаніяхъ съ тѣмъ лицомъ, которое выразило готовность «на извѣстныхъ условіяхъ» учесть мой вексель. Сопоставивъ «условія» съ фактическимъ назначеніемъ этихъ двухъ тысячъ, я оставляю въ квартирѣ лица послѣднюю каплю бодрости и тащусь домой, какъ будто послѣ цѣлаго ряда трудныхъ подвиговъ . . . . . .

Такъ вотъ почему я усталъ!

Все, что я дѣлалъ, стоило мнѣ усилія надъ самимъ собою. Я не

просто дѣлаю простѣйшія, пустячныя вещи—я себя *приневоливаю* дѣлать, и простыя вещи перестаютъ быть простыми и легкими...

Если даже это сущіе пустяки, если это сущія мелочи—страшную тяжеловѣсность пріобрѣтаютъ они, когда мы идемъ противъ себя!.. Изъ моихъ поступковъ исчезъ всесильный и неутомимый рычагъ человѣческихъ дѣяній—*желаніе*. . . . .

Я люблю Варю, я люблю дѣтей—но какъ-же, какъ могло случиться, что я не люблю нашей жизни?!!..

И теперь я уже знаю, что я никогда не полюблю ея. Теперь я понялъ, что ничего не случится такого, что повернуло-бы ее въ другую сторону. Я удивляюсь ребяческой надеждѣ, жившей во мнѣ такъ упорно . . . .

Очень просто—я не охватывалъ *цѣлаго*, я всецѣло сосредоточивался на отдѣльныхъ фактахъ: «Вотъ, вотъ, только-бы еще это преодолѣть какъ-нибудь и тогда все будетъ хорошо»...

Не знаю, думалъ-ли я это, но я такъ чувствовалъ... Какое безуміе! Вѣдь нѣтъ вовсе того цѣлаго, которое не слагалось-бы изъ этихъ самыхъ отдѣльныхъ фактиковъ, а существовало-бы отдѣльно отъ нихъ!..

... Да, вижу теперь, что такого цѣлаго не существуетъ. Да, это было какое-то воображаемое прибѣжище, куда я спасался отъ каждаго отдѣльнаго пораженія.

... Воевалъ съ фактами, не понималъ или не сочувствовалъ поступкамъ,—но вѣдь нѣтъ отдѣльныхъ фактовъ, которыхъ нельзя было-бы извинить, забыть, снисходительно проскользнуть по нимъ, когда за этимъ разъединяющимъ, все-таки кроется *оно* — счастіе—она — моя любовь, моя Варя!..

Мною двигало одно общее желаніе: это желаніе присоединялось къ каждому отдѣльному поступку, насилующему мои вкусы или понятія и оно облегчало его для меня. Конечно, на каждомъ шагу я дѣлалъ то, что дѣлать не хотѣлъ! — но я не просто дѣлалъ, а какъ-бы перескакивалъ черезъ препятствіе, отдѣлявшее меня отъ настоящаго счастья...

И вдругъ я убѣдился, что никакая pia desideria не начинается за преодолѣваемымъ препятствіемъ, что они тянутся впереди нескончаемой грядой, что мнѣ не предстоитъ ничего другого, кромѣ все той-же утомительной скачки . . . .
. . . .

Весь день прошелъ въ пріемѣ визитовъ. Лида и maman распустили слухъ о болѣзни Вари, и друзья спѣшатъ навѣстить насъ.

Многіе были видимо удивлены, заставъ больную на ногахъ, нарядной какъ всегда. (Какъ-бы мы ни сочувствовали ближнему, въ такихъ

случаяхъ мы всегда пессимисты и ждемъ для него непремѣнно всего худшаго). Разговоры вращались исключительно вокругъ загадочной болѣзни и нашей Крымской поѣздки.

Я воспользовался случаемъ, чтобы прослѣдить внимательно собственныя показанія Вари. Ея жалобы очень туманны и сбивчивы—по всей видимости, это какое-то нервное разстройство. О Крымѣ она не можетъ вспомнить безъ раздраженія. Достаточно было m-me Бертенсъ упомянуть, что кузенъ ея, Сергѣй Клочевъ, съ недѣлю какъ вернулся изъ отпуска—и Варя вспыхнула и разгорячилась, припоминая разныя невзгоды нашего общаго пребыванія въ Ялтѣ.

Ея зубъ противъ гвардейца все еще не прошелъ! Я всегда поражался, до какой степени она была нелюбезна и придирчива съ нимъ въ Крыму. То и дѣло мнѣ приходилось чуть-что не извиняться передъ Клочевымъ, объясняя ея выходки раздражающимъ вліяніемъ моря... Да, море сильно повредило ей, и до сихъ поръ она не можетъ отъ него оправиться.

Даже вкусы ея повидимому измѣнились,—она собирается отказаться отъ своихъ недавнихъ плановъ много выѣзжать эту зиму. На разспросы и сожалѣнія своихъ друзей она отвѣчаетъ: «Да гдѣ-же мнѣ, когда я не въ силахъ!!.» «Но я не могу! Я упаду въ обморокъ отъ перваго тура вальса!»

Я съ моей стороны совсѣмъ не въ восторгѣ отъ такой утрировки, отъ черезчуръ мрачныхъ мыслей. Я склоненъ думать, что это не больше какъ субъективное ощущеніе, въ которомъ ее отнюдь не слѣдуетъ поддерживать. Мнѣ кажется, что подобная слабость должна была-бы выразиться въ чемъ-нибудь болѣе существенномъ.

— Вы слышите?.. Мужья обыкновенно не вѣрятъ нашимъ болѣзнямъ!—замѣтила Варя иронически, когда я высказалъ (очень осторожно) свое мнѣніе.—Впрочемъ, это совершенно понятно—болѣзни скучны, а больныя жены несносны.

Она обладаетъ удивительнымъ умѣніемъ отрѣзать мнѣ всѣ пути!

Послѣдней явилась очень рѣдкая у насъ гостья, маленькая madame Савельева. Я всегда испытываю самое искреннее удовольствіе отъ мимолетныхъ встрѣчъ съ этимъ диковиннымъ миніатюрнымъ существомъ.

По обыкновенію, она влетѣла въ комнату, сіяя румяными щеками и смѣющимися глазами. Такъ какъ она говоритъ не умолкая, быстро-быстро, горячо и безпорядочно, то все время передъ вами мелькаютъ сверкающіе зубы и улыбки, и звенитъ мелодично переливчатый голосокъ...

Я положительно сомнѣваюсь, чтобы въ Петербургѣ отыскался второй подобный экземпляръ несокрушимой жизнерадостности... Помилуйте, да вѣдь у этой женщины шесть человѣкъ дѣтей!! И всѣ они живы, здоровы и восхитительны по ея словамъ. Всѣхъ ихъ она выносила бодро

и весело — (въ чемъ мы сами имѣли возможность убѣдиться не такъ давно), произвела на свѣтъ «шутя», по ея собственному настойчивому показанію—всѣхъ сама выкормила и выходила съ помощью единственной старухи-няни. А теперь роститъ, холитъ, обшиваетъ, муштруетъ, а коекого даже и «подучиваетъ», когда у ея Алеши окончательно не хватаетъ времени...

... Сказка это или дѣйствительность??

Среди нашей позолоты это звучитъ наивной басней, но гдѣ-то въ глубинѣ существа моего я способенъ вѣрить маленькой женщинѣ.

Ея Алеша получаетъ всего полторы тысячи и сверхъ службы заваленъ грошовой частной работой; однако, онъ ухитряется самолично подготовлять дѣтей къ гимназіи. Старшая, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, помогаетъ матери, какъ взрослая.

Я бы желалъ знать, *ведены*-ли какъ-нибудь эти дѣти, по мнѣнію миссъ Гартонъ?

Зато принаряжена милѣйшая Анна Петровна самымъ нехитрымъ образомъ, и подозрительная шляпка никогда не сидитъ прямо на ея подвижной головѣ. Она начала съ извиненій, что до сихъ поръ еще не поздравила Варю съ маленькой Любочкой.

... Все собиралась и собиралась—но посудите сами, можетъ-ли у нея найтись хотя-бы одинъ свободный часъ весною!? О, весна — это положительно какое-то безумное время! Нѣтъ, она можетъ перевести духъ только осенью... Осенью старшія дѣти ходятъ въ школу, а мелюзга хоть и дома, но по крайней мѣрѣ ей не надо метаться въ разныя стороны, можно не дрожать за то, что они очутятся подъ лошадьми, нырнутъ въ рѣку или перекалѣчатъ какъ-нибудь другъ друга.

Н-да, я могу отчасти вообразить себѣ прелести этой дачной жизни въ какой-нибудь изъ пригородныхъ деревушекъ!..

Но Анна Петровна повѣствуетъ о собственныхъ невзгодахъ съ такимъ наивнымъ юморомъ, съ такимъ неисчерпаемымъ добродушіемъ, что очевидно ей даже и въ голову никогда не приходитъ, что все это могло-бы быть нѣсколько иначе.

— Ахъ, Господи... только-бы всѣ здоровы-то были!—пересыпаетъ она свои разсказы и хохочетъ беззаботно надъ разными треволненіями, комичными сегодня, но навѣрное стоившими ей въ свое время самыхъ серьезныхъ мукъ.

— Но ваши нервы—не-е-рвы ваши?!!—прикрикнула даже съ неудержимой досадой Варя.

Мнѣ давно извѣстно, что Варя не любитъ m-me Савельевой; ея визиты, случающіеся одинъ, два раза въ годъ, всегда раздражаютъ ее сильнѣйшимъ образомъ. Дѣйствительно, это странное знакомство, навязанное намъ совершенно случайно. Но такъ какъ я года два назадъ

выручилъ Савельева, ссудивъ ему сто рублей (аккуратно возвращенные въ срокъ), то бѣдная женщина считаетъ своимъ долгомъ наносить намъ визиты.

Анна Петровна воспитывалась въ институтѣ съ одной изъ нашихъ кузинъ. Я увѣренъ, что отъ нея не всегда ускользаетъ тонкая мимика Вари и иронія тона, не особенно старательно затаенная... Маленькая женщина слишкомъ искренна сама, чтобы не почувствовать фальшивую ноту... Во всякомъ случаѣ, она игнорируетъ это съ непринужденностью истиннаго достоинства.

— Милая Варвара Николаевна, да право-же у меня нѣтъ нервовъ!— отвѣтила она, смѣясь.—Нервы свободнаго времени требуютъ, а откуда-же я его возьму?! У меня всегда дѣла гораздо нужнѣе! Иногда, правда, хочется до смерти расплакаться, да поневолѣ приходится «отложить на послѣ», коли другой кто-нибудь въ это время реветъ во все горло. Ну, а послѣ и позабудешь, или развлечешься какъ-нибудь, или просто до того ужъ устанешь, что гораздо выгоднѣе спать, чѣмъ плакать.

— Очень, очень назидательно!—усмѣхалась сухо Варя.—Но изъ вашихъ словъ выходитъ, какъ-будто нервы выдуманы праздными барынями?

— Ахъ, нѣтъ, какъ это возможно! —испугалась та.—Просто я здоровый человѣкъ, оттого и нервы у меня здоровые! Но только мнѣ кажется, что нервы всегда не мѣшаетъ немножко придерживать, чтобы они отъ рукъ не отбились. Кто-же этого не знаетъ, всѣ доктора такъ проповѣдуютъ!—да только заставить можетъ одна необходимость. Ну, а больные... ахъ, конечно, больные нервы необходимо лѣчить! Даже помоему важнѣе многаго другого... это такъ отравляетъ жизнь!

— Да, отравляетъ жизнь!—согласилась, наконецъ, мрачно Варя.— Не знаю, можетъ быть, это только изнѣженность,—но, можетъ быть, что и врожденная слабость... Кто это рѣшитъ?.. Во всякомъ случаѣ, не виноватъ-же человѣкъ, если ему не на чемъ было закалиться! Нельзя-же ради этого желать людямъ всевозможныхъ невзгодъ!

— Да... просто ужъ и не знаешь, что́ лучше! — вздохнула Савельева.—Всѣ-то ходятъ какіе-то кислые, да развинченные... Климатъ что-ли такой!

Варя вдругъ оживилась и горячо подхватила послѣднюю фразу.

— Петербургскій климатъ нестерпимъ! Сѣрое небо давитъ... сырой воздухъ точно ложится на нервы... леденитъ ихъ! Иногда просто-таки дышать нечѣмъ!..

Сознаюсь, я выслушалъ не безъ тревоги... Какая-же знаменитость прибавитъ намъ свѣта и воздуха?

Гостья слушала сострадательно.

— Вы хоть старайтесь не замѣчать какъ-нибудь... отвлекайтесь!

Вамъ какая-же неволя выходить во всякую-то погоду? Зажгите всѣ лампы пораньше—(керосина вамъ вѣдь тоже не экономить!)—соберите дѣтишекъ и пусть они вокругъ васъ свою возню поднимутъ... ахъ, они такъ вкусно хохочутъ, что никакая тоска не устоитъ!.. У меня на все одно лѣкарство, — прибавила она съ милымъ смущеніемъ, — по-моему чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись!.. Въ самомъ дѣлѣ, я, кажется, потеряла способность видѣть дальше моего тѣснаго мірка... Я такъ рада, что у меня большая семья,—по крайней мѣрѣ, совѣсть спокойна, что и дѣло не маленькое: былъ-бы одинъ, два ребенка, вѣдь я все равно была-бы такая-же — такъ ужъ заодно!! По крайней мѣрѣ, и надеждъ много: съ однимъ не повезетъ, такъ другой выручитъ... Не будетъ-же вся полдюжина неудачниковъ? Ахъ, только-бы всѣ здоровы были!!..

Она прощалась. Я поцѣловалъ ей руку въ знакъ глубокаго почтенія.

— Ну, нѣтъ, для васъ слишкомъ еще мало шестерки—васъ хватитъ и на цѣлую дюжину!!.. грубо расхохоталась ей въ лицо Варя.

Она тоже разсмѣялась.

— А вы что думаете?.. будто ужъ и не бываетъ?.. и, конечно, хватило-бы! И, право, я даже скучаю безъ маленькихъ дѣтишекъ... Обожаю самыхъ крошекъ, вотъ когда еще они собственныя ножонки въ ротъ тащатъ... ахъ, такая прелесть! Отъ такихъ нѣтъ никакихъ огорченій, только одна прелесть... А тамъ, глядишь, и внуки подоспѣютъ—вонъ ужъ у меня какая дѣвица поднимается! Моего дѣла до самой могилы хватитъ... тогда успѣемъ отдохнуть!..

— Боже мой, какъ надоѣла—до чего я устала отъ ея трескотни!!—негодовала Варя, когда я вернулся изъ прихожей. — И для чего, хотѣла-бы я знать, такая насѣдка ѣздитъ къ намъ?.. Она желаетъ себѣ дюжину дѣтей!!—для нея оно, видите-ли, все равно, что стаканъ воды проглотить!.. Она лѣчитъ свои нервы дѣтскимъ гвалтомъ... теперь уже она мечтаетъ о внукахъ... О-о-о!!..

Варя схватилась обѣими руками за виски.

Странно, что ничего трогательнаго она не видитъ въ мужественной маленькой женщинѣ, въ самодѣльномъ платьѣ и смѣшной шляпкѣ...

Суть дѣла, конечно, не въ томъ, что у милѣйшей Анны Петровны полдюжины дѣтей; суть въ томъ, что она при этомъ цвѣтетъ здоровьемъ и радостью, что она говоритъ безъ всякаго ужаса и содраганія о томъ, что Варя такъ типично окрестила «умираніемъ». . . . . . .

...И точно, какъ это совершается у насъ, такъ какъ мы переживаемъ... да, дѣйствительно, это умираніе!..

. . . .

Я былъ сбитъ съ толку, ошеломленъ. Въ моемъ воображеніи еще было живо то, что совершилось въ Соколкахъ за три года передъ тѣмъ...

...Нѣтъ, тогда никто не называлъ «умираніемъ» величайшей тайны земной жизни. Никто не боялся и не думалъ о смерти. Готовились радостно, скромно, почти тайно...

Никакихъ чужихъ лицъ. Мнѣ запретили и думать о докторахъ. Одна милѣйшая, давно со всѣми сроднившаяся, Глафира Семеновна, съ ея смѣшными прибаутками. И мой инстинктивный страхъ невольно разсѣялся передъ общей спокойной увѣренностью, что все естественное и желательное и совершиться должно легко. . . . .

И когда меня отвели въ самую дальнюю комнату, зажгли у образа лампадку, раскрыли передо мною Евангеліе и твердили, что бояться грѣшно, а мнѣ тамъ присутствовать совсѣмъ не для чего,—конечно я и не подумалъ сопротивляться. Я думалъ, что такъ должно быть, что иначе и не бываетъ...

...Слагалось впечатлѣніе чего-то благоговѣйнаго и радостнаго, совершавшагося втайнѣ... Знаю, что прошелъ цѣлый день отъ утра до ночи, но у меня не осталось никакого представленія о томъ днѣ. Не было боязни... Только страстное нетерпѣніе, и новое, невѣдомое напряженіе какихъ-то смутныхъ, высокихъ настроеній.

И когда, наконецъ, меня позвали, когда я увидѣлъ сіяющія лица и счастливыя слезы—я разрыдался въ приливѣ свѣтлаго, благодарнаго восторга. . . . .

Я думалъ, что такъ должно быть—и что не бываетъ иначе...

...Оттого, что потомъ все, рѣшительно все было иначе, мой страхъ былъ тѣмъ безразсуднѣе!

«Умираніе»...

Такихъ словъ люди не придумываютъ — въ нихъ сама собой выливается правда ихъ души...

Дѣйствительно, для нея это умираніе временное всего, чѣмъ жизнь привлекательна въ ея глазахъ. Источникъ жертвъ и лишеній, рядъ страданій длительныхъ и омраченныхъ единственной мыслью объ опасности. Страхъ опасности растетъ, переходитъ въ мрачную и неисходную мнительность...

Это, можетъ быть, болѣзненно, не всѣ выносятъ одинаково легко,—знаю, я не хочу быть несправедливымъ! Я понимаю...

Нѣтъ, и все-таки я не понимаю! Каждый солдатъ, идя въ атаку, знаетъ, что онъ можетъ быть убитъ, онъ можетъ быть искалѣченъ;—но солдатъ, который дрожитъ отъ ужаса, который думаетъ объ одной опасности—о себѣ думаетъ, а не о томъ, что должно быть сдѣлано въ этотъ мигъ—несчастный страдалецъ и безъ сомнѣнія жертва болѣзненныхъ нервовъ—вѣдь онъ не трогаетъ, а смущаетъ душу!..

Паника заразительна, она охватываетъ мгновенно. Я потерялъ го-

лову. Испытывалъ только слѣпой ужасъ — ужасъ смѣшанный со стыдомъ—точно ужасъ невольнаго убійцы...

И только когда все успокоилось—когда исчезла толпа чужихъ людей, перевернувшихъ по своему весь домъ, всѣ эти зловѣще суетящіяся женщины, важныя и недовольныя знаменитости, летающія взадъ и впередъ тетушки и кузины, рыдающая maman — когда домъ опустѣлъ и затихъ—только тогда до моего сердца дошелъ еле слышный, безсильный протестъ новаго существа...

. . . .

О, конечно, я ликовалъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ это мы, наши терзанія и хлопоты, вырвали ее изъ когтей смерти...

Но и тогда и каждый разъ послѣ тягостныхъ мѣсяцевъ до муки напряженной жизни, выбитой изъ всякой колеи—послѣ грозной и бурной катастрофы—послѣ всѣхъ сложныхъ и мучительныхъ ощущеній—каждый разъ снова я чувствую себя пристыженнымъ передъ лицомъ того, что идетъ своимъ неуклоннымъ путемъ, какъ-бы различно ни относились сами люди...

Такъ-ли?.. Однимъ-ли страхомъ да нашими напряженными и жалкими усиліями должны мы идти навстрѣчу?.. Такъ-ли подобаетъ принимать новую судьбу—то, что есть въ мірѣ самаго совершеннаго—живую человѣческую душу.

Это даже не радость—только избавленіе, только жажда конца...

. . . .

Такъ бываетъ. Но нѣтъ, я не могу думать что такъ должно быть!

. . . .

— Боже мой! отчего это у васъ нынче такая тоска!? — воскликнула нетерпѣливо Лида, выскочивъ изъ-за обѣденнаго стола.

За столомъ горячо обсуждалось совершившееся водвореніе новой няньки и предосудительное поведеніе Шурки. Какъ и слѣдовало ожид ть, мальчуганъ отказывается одѣваться, гулять, спать и кушать безъ своей старой баловницы.

— Это просто удивительно!—разсуждала барышня, расхаживая взадъ и впередъ по пустынному залу.—У васъ цѣлый полкъ всевозможной прислуги, денегъ вы проживаете гибель—и при этомъ вѣчныя, вѣчныя дрязги! Варя всегда должна волноваться изъ за каждаго пустяка!

Барышня убѣждена, что новая нянька для трехлѣтняго ребенка—сущій пустякъ; что отъ такихъ «дрязгъ», какъ неразумное горе Шурки, легко можно откупиться деньгами, при нѣкоторой распорядительности съ моей стороны.

— А вы помните вашу собственную няню, mademoiselle Лида?— спросилъ я ее неожиданно.

— Вотъ вопросъ! А сами-то вы помните?!..

— О, еще-бы!—отвѣтилъ я.—Даже помню прекрасно, какъ однажды я пустилъ топоромъ въ кучера, за то что онъ ругался съ моей нянюшкой.

— О, о! вы уже и тогда были палладиномъ?.. смѣялась Лида.

— А у васъ Лидія, Николаевна, навѣрное была злющая и лѣнивая, избалованная петербургская кофейница. Въ родѣ вотъ той, отъ которой теперь пытается отбиться собственными силенками несчастный Шурка... Вамъ извѣстно, конечно, что я вижу этихъ особъ всего нѣсколько минутъ въ теченіе дня?—но и здѣсь, на другомъ концѣ дома, я ощущаю нѣкоторую неловкость отъ сознанія, что тамъ водворился кто-то чужой, враждебно настроенный, не имѣющій ни самомалѣйшей связи съ нашей жизнью. Представьте-же себѣ душевное состояніе ребенка, когда на него этотъ чужой сваливается точно съ неба и претендуетъ занять мѣсто его единственной истинной привязанности!?..

— Но, Вольдемаръ!?—вы просто въ какомъ-то припадкѣ сентиментальности! Знаете-ли, что вы ужасно перемѣнились съ нѣкоторыхъ поръ?..

Дѣйствительно, съ нѣкоторыхъ поръ, къ изумленію моей хорошенькой пріятельницы, ей случается иногда выслушивать мои протесты.

— Вамъ обоимъ совершенно необходимо развлечься!—объявила она очень рѣшительно.—Вы черезчуръ уже погрузились въ семейную прозу— такъ невозможно! У васъ обоихъ разстроены нервы.

Я подумалъ объ одушевленныхъ разсказахъ m-me Савельевой.

— Совсѣмъ напротивъ, могу васъ увѣрить,—сказалъ я серьезно.— Не погружены мы въ семейную прозу—а напротивъ, мы только и дѣлаемъ, что отгораживаемся и откупаемся отъ нея на всѣ лады. И вотъ я убѣждаюсь, что задача эта гораздо болѣе сложная и безотрадная, нежели стать къ ней отважно лицомъ къ лицу.

— Объясните пожалуйста, я ничего не понимаю!—созналась Лида.

Но я колебался.

— Надо-ли? Васъ вѣдь это ничуть не интересуетъ. Замужъ вы пока еще не собираетесь, и даже когда соберетесь, то долго еще будете видѣть жизнь сквозь цѣлый рядъ повязокъ.

Лида тряхнула головкой съ увѣренностью барышни, рѣшившей не промахнуться, когда придетъ ея чередъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я непремѣнно хочу знать, что вы думаете! увѣряла она.

— Хорошо. Я думаю, что мы поступаемъ удивительно какъ неразсчетливо. Съ такъ называемой «семейной прозы» мы беремъ себѣ

только одни шипы, а всѣ цвѣты ея, весь ароматъ отдаемъ здорово живешь другимъ. Жизнь имѣетъ то коварное свойство, милая барышня, что отъ темныхъ сторонъ ея укрыться невозможно—и въ то же время нѣтъ ничего легче, какъ оттолкнуть отъ себя ея радости!... Квартира у насъ, вы знаете, большая, и семейная проза запрятана въ самый дальній конецъ. Только, какъ-бы далеко мы ни отгоняли ее отъ себя—она насъ всегда найдетъ, никакія затрудненія, невзгоды, даже мельчайшія дрязги не минуютъ насъ! Но, Лида, могу васъ завѣрить, что въ «дѣтскихъ» не только капризничаютъ и плачутъ. Тамъ еще гораздо больше смѣются, тамъ проявляютъ на каждомъ шагу всю безсознательную красоту дѣтской прелести... Дѣти трогательны и забавны! Я не знаю, зачѣмъ мы отказались отъ всего этого—зачѣмъ отдали во власть чужимъ людямъ?..

— Вольдемаръ! Что съ вами?!—отрезвило меня восклицаніе Лиды.

— Ну, вотъ... вѣдь говорилъ, что вы не поймете меня!—вырвалось у меня съ досадой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я отлично понимаю васъ!—заспѣшила она.—Вы находите, что вы въ сущности мало видите дѣтей... Это, пожалуй, правда! Однако, какже съ этимъ быть. если и при такихъ порядкахъ Варя совершенно выбивается изъ силъ?..

Я молчалъ. Почемъ я знаю, какъ съ этимъ быть!

— Вамъ жаль Шурку? — заговорила Лида помолчавъ. — Знаете что?—пойдемте сейчасъ вмѣстѣ въ дѣтскую и возьмемъ его сюда. Пусть онъ отдохнетъ немножко отъ «кофейницы»—договорила она смѣясь.

— И вы полагаете, что подобный *безпорядокъ* можно произвести самовольно?—уязвилъ я ее съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Ну, ну, не будьте-же такъ злы, mon beau-frère, вѣдь это ни къ чему не ведетъ!

Я вовсе не имѣлъ въ виду жаловаться на Варю или апеллировать къ справедливости моей своячиницы.

— Что-же? вы не хотите?—спросила Лида задорно.

— Вы что собственно предлагаете мнѣ? — обойти законъ или-же испросить соотвѣтствующаго указа?—дразнилъ я ее.—Въ послѣднемъ случаѣ послѣдуетъ отказъ, а въ первомъ—приличествующая кара. По правдѣ говоря, ни то ни другое меня не соблазняетъ.

Лида круто повернула мнѣ спину и съ поднятой головкой прослѣдовала въ дѣтскую.

. . . .

Въ сущности, что такое *мелочи*?.. и развѣ въ такъ называемыхъ мелочахъ не проявляется все тотъ-же истинный смыслъ вещей?

Дѣло идетъ о пустякѣ, но пустякъ этотъ приходитъ въ коллизію съ настроеніемъ данной минуты, вызваннымъ быть можетъ самыми

серьезными вещами; онъ сталкивается съ извѣстными взглядами, съ взаимнымъ соотношеніемъ группы лицъ. Каждый пустякъ можетъ быть той точкой, на которой разрядится скрытое электричество.

Мое непохвальное желаніе подразнить Лиду имѣло плачевныя послѣдствія: въ дѣтской снова поднялась едва улегшаяся буря и стоила бѣдному Шуркѣ новыхъ безплодныхъ слезъ.

Лида, возмущенная сопротивленіемъ англичанки, отправилась къ сестрѣ; но здѣсь ее безцеремонно попросили не соваться не въ свое дѣло и не усложнять другимъ ихъ и безъ того «тяжкихъ» обязанностей.

Для меня все достаточно ясно и я не нуждался въ новомъ подтвержденіи.

Барышня сейчасъ-же уѣхала съ пылающимъ румянцемъ на негодующемъ личикѣ. Какъ знать! быть можетъ, маленькій инцидентъ откликнется еще когда-нибудь впереди? Впереди, когда отъ нея одной будетъ зависѣть, въ какомъ узорѣ располагать тѣ мелочи, изъ которыхъ слагается проза жизни . . . .

... Я также вышелъ и долго бродилъ по мокрымъ улицамъ, съ ихъ безучастной суетой большого города...

Мнѣ некуда идти. Не знаю, кого могъ-бы я пожелать видѣть?... Вотъ развѣ... на одинъ мигъ... очутиться въ шумномъ, тѣсномъ и тепломъ гнѣздышкѣ маленькой насѣдки—но вѣдь это невозможно!

Это одинъ изъ тѣхъ «сущихъ пустяковъ», которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ позволить себѣ въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

Въ послѣднее время атмосфера какъ-будто проясняется. Быть можетъ, просто оттого, что къ Варѣ каждый день кто-нибудь заѣзжаетъ. Чаще другихъ бываетъ Клочевъ. И прекрасно, что они помирились,—онъ веселый малый: смѣяться всегда полезнѣе, чѣмъ безпредметно раздражаться.

Не воспользоваться-ли и мнѣ прояснившейся атмосферой?..

... Разумно-ли пассивно отдаваться теченію?.. Оно разводитъ неуловимо... и страшно быстро! Нѣтъ, не одно теченіе, а два... Два теченія въ разныя стороны... А-а! мудрено-ли, мудрено-ли, что растетъ какая-то бездна безъ названія!.. Меня увлекаетъ потокъ собственныхъ мыслей...

... А ее? . . . .

Когда я входилъ, Варя что-то писала у письменнаго стола. Она подняла голову и быстро захлопнула бюваръ. Потомъ встала и посмотрѣла на меня, вѣроятно спрашивая себя, зачѣмъ я пришелъ?

Правда, я давно не былъ безъ надобности въ будуарѣ... сколько помню, даже не былъ ни разу въ *этомъ* будуарѣ.

Все новое — комната, обивка и расположеніе мебели. Эта комната удобнѣе и красивѣе старой, но она совсѣмъ чужая... Впрочемъ, въ домѣ все подновленное—и точно чужое.

Варя, стоя, заговорила о чемъ-то.

Было естественно остаться стоять; но я нарочно, не спѣша, усѣлся въ кресло, чтобы показать, что я пришелъ въ гости. Я становлюсь отвратительно подозрительнымъ! Мнѣ показалось, что я вижу на ея лицѣ недоумѣніе... Во всякомъ случаѣ, я не видѣлъ привѣтливости, удовольствія или какого-либо иного поощренія себѣ.

Варя медленно прошлась вокругъ комнаты, точно придумывая, чѣмъ-бы ей заняться во время визита. Ничего не придумавъ, она апатично усѣлась на своей любимой кушеткѣ, съ бѣлымъ мѣховымъ коврикомъ въ ногахъ.

Въ послѣднее время мы столько говорили о здоровьѣ (вѣрнѣе, мы ни о чемъ другомъ и не говорили), что въ эту минуту я не въ силахъ былъ задать банальнаго вопроса. Недурно, однако, что я сидѣлъ и *придумывалъ*, о чемъ-бы мнѣ заговорить съ моей женой...

Но когда-же,—когда успѣли мы такъ удалиться другъ отъ друга!? Отчего? Что случилось?..

Мы не ссорились. Никакихъ особенныхъ неудовольствій не было, кромѣ все тѣхъ-же нескончаемыхъ пустяковъ. Послѣднее серьезное столкновеніе было весною, изъ-за злополучной поѣздки на югъ.

Оно оставило слѣдъ, это несомнѣнно. Какъ всегда—я уступилъ; я сдѣлалъ противъ своего желанія такъ, какъ ей хотѣлось—это и осталось на мнѣ несмываемымъ укоромъ.

Въ ней еще отчетливѣе обозначился ненавистный тонъ, тонъ иронической увѣренности въ чемъ-то такомъ, о чемъ она не желаетъ говорить... О, ненавистный тонъ—-ненавистный!! Возмущаюсь всѣмъ существомъ моимъ, мучительно чувствую всю его несправедливость—но противъ *тона* я не борецъ!.. Всѣ мои протесты неизбѣжно обращались въ пустыя, смѣшныя придирки. Какъ это дѣлается—я не знаю! Мучишься и не можешь доказать обиды...

Хорошо. Что-же дальше?

Ничего особеннаго не случилось. Было неудачное лѣто, было неудачное возвращеніе,—да развѣ-же кто-нибудь виноватъ во всемъ этомъ?

И наконецъ все давно кончилось, все перемололось какъ-нибудь.

Въ такія минуты *легкихъ* темъ не существуетъ. Отвратительная, не передаваемая словами унылость!.. Не смѣешь говорить ни о чемъ внѣшнемъ — передъ собою не смѣешь—и только прислушиваешься, какъ что-то тяжелое и холодное ползетъ въ душу . . . .

Она разрѣзывала перламутровымъ ножичкомъ французскую книгу— медленно, съ намѣреніемъ растягивая каждое движеніе.

Спросила, выѣзжалъ-ли я сегодня. Сообщила, что Катишъ Зотова наконецъ невѣста, и какъ maman рада за сестру. Долго говорили о Катишъ, какъ-будто у насъ нѣтъ ничего ближе и интереснѣе этого.

И вдругъ что-то прорвалось—блеснуло въ ея глазахъ.

— Что это, до чего ты сонный сегодня! Ты здоровъ? — спросила она нетерпѣливо.

Наши глаза встрѣтились.

Неужели на нее глянула вся моя тоска?!..

Она хмурилась.

— Я больна, это правда, но, кажется, и вы не многимъ лучше? Вы имѣете видъ... разочарованнаго героя!—прибавила она насмѣшливо и бросила на столъ книгу.

Если-бъ тонъ звучалъ иначе... кажется, я былъ на волосъ отъ нервическихъ слезъ... Какая-то ѣдкая жалость сверлила сердце...

Иронія сдѣлала свое дѣло—спасибо! подтянула струны, готовыя сорваться. Чуть-чуть, на одинъ оборотъ,—но и того за-глаза довольно!..

Много, много разъ я рыдалъ на этомъ коврикѣ, у ногъ... но не такой, не теперешній я. Тотъ жалкій безумецъ, который еще рвался къ чему-то и требовалъ страстно, съ слѣпымъ упорствомъ *требовалъ* счастія...

Ага, нѣтъ! плакать прежними слезами я не могу больше,—ну, а новыхъ... новыхъ, надѣюсь, у меня не будетъ вовсе.

Я всталъ и сказалъ, что у меня болитъ голова.

Никакого опредѣленнаго плана у меня не было, когда я шелъ въ будуаръ,—и, однако, цѣль достигнута... Провѣрка подтвердила вѣрность внутреннихъ процессовъ. Нужды нѣтъ, что въ доброй половинѣ своей они совершаются почти безсознательно—итоги явятся на свѣтъ въ свое время, какъ живое существо, которому пришелъ срокъ родиться. . .

Черезъ полчаса Самуилъ принесъ въ кабинетъ стаканъ крѣпкаго чая и облатку съ антипириномъ.

За обѣдомъ Варя была очень внимательна, каждую минуту унимала дѣтей. Потомъ она взяла меня подъ-руку и увела къ себѣ. Кажется, она боится, что я заболѣю. Дѣйствительно, это было-бы такое громадное неудобство, что даже и подумать страшно!

Мнѣ стало стыдно за свою ложь. Я увѣрилъ Варю, что голова прошла, и мы довольно непринужденно проболтали вечеръ.

Во мнѣ какъ будто что-то окрѣпло. Надѣюсь, что утреннее состояніе не повторится никогда больше! За послѣднее время я научился бы-

стро двигаться впередъ, отживать однимъ разомъ разныя переходныя стадіи...

Куда я иду? Не знаю. Одно несомнѣнно, что я быстро двигаюсь впередъ... Не болѣзненными порывами, не скачками, какъ бывало прежде,—нѣтъ, надежнымъ, устойчивымъ движеніемъ. . . . .

Барометръ стоитъ на «ясно». Варя любезна и видимо довольна мною: я не донимаю ее своими «настроеніями», не тащу за собою насильно въ темныя пучины психологіи...

...Правда, давненько уже я ничего подобнаго не дѣлаю,—но... но, должно быть, у меня былъ загадочный видъ, не внушающій довѣрія.

Въ настоящее время моя главная забота состоитъ въ томъ, чтобы *не имѣть никакого вида.* Ни Варя и никто другой не долженъ догадываться, что я провожу время въ размышленіяхъ.

Это новая территорія, которую я отвоевываю для себя шагъ за шагомъ, какъ жители морского берега отвоевываютъ у океана пяди сухой земли—плотинами, окопами. У меня уже образовался надежный бережокъ, куда я могу вскарабкаться во всякое время... А какъ недавно еще я барахтался безпомощно, швыряемый изъ стороны въ сторону по прихоти волнъ!.. Кто не тонулъ, тотъ не знаетъ, что значитъ ощутить землю подъ ногами.

Но обыкновенно утопленникъ выбирается на берегъ безъ всякаго багажа.

. . . .

Чортъ возьми, неужели-же этому никогда не будетъ конца?.. А еще я имѣлъ наивность порадоваться вмѣстѣ съ Варей помолвкѣ Катишъ Зотовой! Я совершенно упустилъ изъ вида, что вслѣдствіе такого счастливаго событія, еще одно лицо, о существованіи котораго я ничего не зналъ до сихъ поръ, примыкаетъ по праву къ сонму «нашихъ родственниковъ...»

Впрочемъ, оказывается, что я провинился въ непростительной разсѣянности: я много разъ встрѣчался съ молодымъ человѣкомъ у тетушки и *могъ-бы* замѣтить и самъ, что онъ давно ухаживаетъ за Катишъ.

Въ этомъ и заключается гвоздь положенія: молодые люди давно влюблены другъ въ друга,—а законы военнаго сословія неумолимы. Штабсъ-капитанъ Магнатовъ давно сдѣлалъ-бы предложеніе, если бъ имѣлъ реверсъ. Всѣмъ извѣстно, что это не больше, какъ пустая формальность.

Вотъ ужъ недѣля, какъ у насъ только и разговоровъ, что о реверсѣ штабсъ-капитана Магнатова. Maman и Лида пріѣзжаютъ каждый день и совѣщаются въ будуарѣ, съ таинственными и грустными лица-

ми. Сегодня пріѣхала сама тетушка, Елизавета Павловна Зотова, но безъ Катишъ. Я не догадался справиться заблаговременно о томъ, какъ держать себя въ такомъ случаѣ, и мнѣ показалось нелѣпымъ лицемѣрить. Я поздравилъ тетушку съ радостнымъ событіемъ и совершилъ этимъ, какъ оказывается, величайшую неделикатность...

Бѣдная старуха не выдержала и залилась слезами. Она произнесла патетическую рѣчь о томъ, какъ ужасно для матери быть настолько безпомощной... И когда подумаешь, что это только пустая формальность! Но она должна была позволить Катишъ дать слово, чтобы сколько-нибудь успокоить ее. Это отзывалось на здоровьѣ бѣдной дѣвочки, она сдѣлалась малокровна и нервна. Но вѣдь отъ того, что они назвались женихомъ и невѣстой, дѣло ничуть не подвинулось впередъ, когда все, все зависитъ отъ этихъ проклятыхъ денегъ!..

Я выслушалъ эту рѣчь съ такимъ ощущеніемъ, какъ-будто именно я, и никто больше, виноватъ въ томъ, что у штабсъ-капитана Магнатова нѣтъ необходимаго реверса. Я положительно не могъ смотрѣть въ глаза тетушкѣ Елизаветѣ Павловнѣ!

Точь въ точь то-же самое я ощущаю при каждомъ денежномъ затрудненіи кого-нибудь изъ Трелей: я оказываюсь единственнымъ состоятельнымъ человѣкомъ въ цѣломъ кружкѣ почтенныхъ и прекраснѣйшихъ людей, несомнѣнно заслуживающихъ лучшей участи. Такое привилегированное положеніе имѣетъ удивительное сходство съ угрызеніемъ совѣсти!..

Я поспѣшилъ постыдно улизнуть къ себѣ, въ то время, какъ мои дамы старались успокоить бѣдную тетушку; но я прекрасно знаю, что не сегодня, такъ завтра, вопросъ о реверсѣ будетъ поставленъ ребромъ.

Что можетъ это значить для такого богача, какъ я? Мои деньги будутъ лежать неприкосновенно въ сохранномъ мѣстѣ, и я буду сознавать, что спасъ счастіе двухъ любящихъ сердецъ... Не все-ли мнѣ равно, гдѣ лежатъ мои деньги?..

Ну, что—что могу я противъ этого?

Не объявить-же мнѣ себя банкротомъ къ ужасу собственныхъ кредиторовъ! Всякій, кто не желаетъ дать денегъ, говоритъ, что у него ихъ нѣтъ—но найдите мнѣ человѣка, который-бы повѣрилъ этому.

Меня слишкомъ краснорѣчиво уличаетъ пышная декорація. Соколки еще не проданы съ молотка, и потому никакое количество тяготѣющихъ на нихъ закладныхъ и иныхъ обязательствъ не препятствуетъ произносить красивую фразу о «нашемъ подмосковномъ имѣніи»... Я продолжаю числиться однимъ изъ владѣльцевъ калужскаго завода, и никому кромѣ моихъ компаньоновъ неизвѣстно, сколько именно я долженъ подъ отцовскіе паи... Никто иной, какъ милые родственники были ближайшими зрителями блестящаго восхода нашей звѣзды на петербургскомъ

небосклонѣ—интересно знать, въ какихъ выраженіяхъ могъ-бы я теперь выяснить имъ, что въ сущности ослѣпляющіе ихъ фальшфейеры должны служить не положительными, а отрицательными показателями истиннаго положенія моихъ денежныхъ дѣлъ...

Неужели-же въ угоду родственникамъ я долженъ произносить противъ себя обвинительныя рѣчи, публично каяться въ ребяческомъ легкомысліи и безхарактерности? Нѣтъ, даже и тогда мнѣ все равно не повѣрятъ! Ни къ чему люди не относятся съ болѣе подозрительнымъ недовѣріемъ, какъ къ оскудѣнію тороватаго родственника. Безъ сомнѣнія, мнѣ не зачѣмъ топить себя слишкомъ усердно—это и безъ того совершится неминуемо въ свое время. Декорація никогда не будетъ тѣмъ пейзажемъ, который она изображаетъ.

Варвара Николаевна всегда имѣла страстишку разыгрывать щедрую принцессу своего двора. Вкусы въ высшей степени благородные и я имъ вполнѣ сочувствую—рука дающаго да не оскудѣваетъ!

Не мѣшаетъ, однакоже, посчитать, сколько еще остается у насъ незамужнихъ кузинъ и холостыхъ кузеновъ?.. Надо уповать, что не всегда это будутъ молодые офицеры, не имѣющіе реверса, хотя въ такомъ случаѣ они легко могутъ оказаться юными чиновниками или техниками, жаждущими получить приличное мѣсто... Повинности испоконъ вѣковъ были прямыя и косвенныя.

Охъ, что-то я дурачусь не къ добру! На меня обыкновенно нападаетъ веселость въ критическія минуты.

Я обѣщалъ дать реверсъ.

Въ такіе моменты я испытываю самый неподдѣльный подъемъ бодрости. Въ родѣ того, какъ если бы подъ подошвами путника, едва влачившаго свои ноги отъ усталости, внезапно стала накаливаться почва... О, безъ сомнѣнія онъ прибавитъ хода и это отнюдь не будетъ притворствомъ съ его стороны!

Варя съ самымъ восхитительнымъ апломбомъ говоритъ о томъ, что «мы даемъ реверсъ» и выражается не иначе, какъ «нашъ женихъ» и «наша невѣста». Сегодня я узналъ, что реверсъ не избавляетъ насъ отъ традиціоннаго подарка невѣстѣ. Вѣдь это же мои деньги, которыя будутъ лежать въ сохранномъ мѣстѣ!

Почему-то мнѣ представляется большимъ преимуществомъ, что тѣ безразсудства, какія прежде я продѣлывалъ въ пароксизмѣ блаженной горячки, въ настоящее время выполняются мною съ безупречной трезвостью. Я еще не выяснилъ себѣ почему—но во всякомъ случаѣ, это несомнѣнное преимущество.

Вотъ наконецъ день, которымъ я доволенъ! Мнѣ удалось осуществить маленькое собственное желаніе.

Въ продолженіе двухъ часовъ я катался съ дѣтьми, а такъ-какъ въ коляскѣ случайно мы были одни, то и некому было ежеминутно прерывать ихъ милое щебетанье сухими и повелительными сентенціями.

Я всегда нахожу, что взрослые поступаютъ жестоко, относясь съ полнымъ неуваженіемъ къ дѣтской психологіи. Они не хотятъ признавать въ ребенкѣ полноправнаго собесѣдника: безпощадными диссонансами врываются они въ самое лучезарное настроеніе и безцеремонно обрываютъ свободный полетъ яркой фантазіи... Вѣдь это-же все равно, что внезапно окатить холодной водою разгоряченное тѣло!

Маленькаго поэта хватаютъ за руки, когда ему положительно необходимо ими размахивать. Въ ту минуту, когда передъ его очами носятся ослѣпительныя картины—ему кричатъ въ уши какую нибудь скучнѣйшую, вздорную придирку, въ которую онъ буквально не въ состояніи даже вслушаться!

Развѣ это не жестоко?! Да, Бога ради, неужели нельзя выбрать другого момента для того, чтобы внушить ему вашу спасительную премудрость?!

Вамъ кажется, что вы ловите его на мѣстѣ преступленія—но вы, напротивъ, выбираете моментъ самый неудачный и для васъ несомнѣнно пропащій. Вы тратите даромъ вашъ порохъ, а ему причиняете незаслуженную обиду и разочарованіе. Онъ ждалъ отъ васъ восторга, сочувствія или по меньшей мѣрѣ интереснаго объясненія; а вы вмѣсто того объявляете, что сейчасъ пробило девять часовъ и потому онъ долженъ отложить свои ожиданія до завтра...

Какъ много на нашей совѣсти безцѣльно испорченныхъ радостей, безсмысленно прерваннаго веселья, пропащей даромъ любознательности и непонятаго нами раздраженія...

Намъ представляется серьезнымъ вредомъ получасомъ позднѣе назначеннаго срока запихнуть насильно въ постель ребенка, у котораго глаза пылаютъ отъ возбужденія. Но мы не задумываемся надъ вопросомъ—не приносятъ-ли вреда такіе насильственные перерывы настроенія? наше назойливое вмѣшательство въ недоступную наблюденію, загадочную работу внутреннихъ силъ... Мы пренебрежительно отбросили всякую вѣру въ руководящій инстинктъ, этотъ тонкій умъ безсознательной природы; мы не понимаемъ причинной связи нашихъ желаній и вкусовъ съ общей наличностью физическихъ силъ и состояній,—и однако, съ тупымъ педантствомъ мы ломаемъ загадочныя живыя силы по шаблонамъ нашихъ сегодняшнихъ истинъ, забывая, что завтра, быть можетъ, мы сами признаемъ ихъ заблужденіемъ!..

Нѣтъ, это положительно ужасно, что существуютъ профессіональ-

ные *воспитатели*! Люди, обязанные каждымъ словомъ своимъ что-нибудь прививать, направлять или искоренять въ беззащитныхъ живыхъ существахъ...

Хорошо еще, если люди эти легкомысленны, если они склонны относиться небрежно къ своимъ обязанностямъ. Но если они добросовѣстны, если они прилежны и проникнуты сознаніемъ высокаго долга—о, тогда имъ ничего больше и не остается, какъ совершать ежеминутные опустошительные набѣги на неокрѣпшіе всходы, пытающіеся проложить себѣ путь къ невѣдомымъ намъ цѣлямъ!

Спеціалисты воспитанія не даромъ изобрѣли кабалистическое словцо *капризъ*—слово омытое цѣлыми морями дѣтскихъ слезъ, но не ставшее оттого ни на одну іоту понятнѣе.

Созерцая толпы безличныхъ, вялыхъ и унылыхъ дѣтей, не пора-ли намъ перенести свое вниманіе съ бифштексовъ и кубическихъ футъ воздуха на темную сферу впечатлительности?.. Не слишкомъ-ли мало сдѣлано до сихъ поръ для выясненія всего значенія пріятныхъ или подавляющихъ, живыхъ или однообразныхъ впечатлѣній на состояніе нервной системы, которую мы усиливаемся лѣчить уже съ пеленокъ?

Вся глубина моего невѣжества не препятствуетъ мнѣ знать навѣрное, что Аня и Варичка положительно давятся своимъ идеальнымъ бифштексомъ въ тѣ дни, когда завтраку предшествуетъ какой-нибудь изъ сеансовъ педагогической инквизиціи . . . .

Итакъ, мы очень весело катались; однако, своей радостью мы обязаны чистѣйшей случайности. Сегодня день случайностей.

За завтракомъ обнаружилось нѣчто совершенно необыкновенное. Оказывается, что завтра дамы мои ѣдутъ въ театръ, но это совершится безъ того, чтобы я обязанъ былъ добывать билеты и состоять на своемъ посту въ качествѣ провожатаго (зѣвающаго до судорогъ въ пошлыхъ французскихъ фарсахъ. На этотъ разъ Варя рѣшается поѣхать въ кресла съ Лидой; Клочевъ привезъ два билета.

Не знаю ужъ, почему такъ радикально измѣнились воззрѣнія моей супруги. Я потратилъ когда-то напрасно не мало краснорѣчія, чтобы увѣрить Варю, что партеръ Михайловскаго театра не есть какое-нибудь неприличное мѣсто для замужней женщины. Это было въ разгаръ ея театральной rage, когда мы проводили иногда по пяти вечеровъ въ недѣлю въ театральныхъ залахъ, и когда я состоялъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ со всѣми петербургскими барышниками. Только подумать, сколько лишнихъ денегъ переплачено за ложи бель-этажа!

Клочевъ оказался счастливѣе меня—тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ у меня будетъ полезный прецедентъ на будущее время.

Варя необыкновенно интересуется пьесой. За завтракомъ она попросила миссъ Гартонъ оказать ей маленькую услугу—съѣздить за нее къ

модисткѣ. Вотъ тутъ-то у меня и блеснула спасительная мысль ухватить моментъ и прокатить самому дѣтей. Можетъ быть, это мнѣ и не удалось-бы, если-бы Варя не была занята совѣщаніемъ съ англичанкой на счетъ завтрашней шляпки. Я получилъ изъ-за запертой двери разсѣянное согласіе.

. . . .

Какія мелочи могутъ восхищать дѣтей! Развѣ это не очаровательно и не драгоцѣнно?.. Только не надо вмѣшиваться, не надо увѣрять ихъ, что все это *пустяки*, и что гораздо лучше сидѣть смирно и чинно дѣлать полезныя наблюденія.

Могу сказать, что въ теченіе этихъ двухъ часовъ я рѣшительно ничего не внушалъ! Я не мѣшалъ имъ кричать отъ азарта, перебивая другъ друга, и могу присягнуть, что ихъ голоски не способны произвести никакого скандала на столичныхъ улицахъ. Я ни разу не омрачилъ ихъ веселья противнымъ призракомъ кашля и не напоминалъ ежеминутно, что на вѣтру всего безопаснѣе молчать, какія-бы удивительныя вещи ни попадались на глаза. (Не буду раскаиваться въ этомъ даже и въ томъ случаѣ, если дѣти покашляютъ,—конечно не черезчуръ сильно).

Мы заѣхали въ кондитерскую за конфетами и къ Эйлерсу за бутоньерками для моихъ дамъ. Оба раза мы выгружались изъ коляски и побывали in corpore въ этихъ любопытныхъ мѣстахъ.

На обратномъ пути мнѣ пришла фантазія взять и для себя билетъ на завтра въ Александринку. Я ужъ и не вспомню, когда я былъ въ послѣдній разъ въ русскомъ театрѣ? Варя, къ сожалѣнію, совсѣмъ не признаетъ его.

Тутъ команда моя на нѣсколько минутъ осталась безъ меня въ коляскѣ и развлеклась конфетами. Надо сознаться, что этотъ моментъ обошелся не вполнѣ благополучно. Предполагаю, что Аня слишкомъ вошла въ свою роль старшей, гордая тѣмъ, что она сидитъ рядомъ со мною на маминомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, когда я вернулся съ билетомъ, то оказалось, что Шурка бросилъ въ снѣгъ конфеты, которыя Аня отобрала для него, потому что онъ хотѣлъ выбрать конфеты самъ. При этомъ, какими-то судьбами мамина бутоньерка очутилась у него подъ ногами...

Ну, что-же дѣлать!—революціи не обходятся безъ жертвъ, а вѣдь наше катанье было маленькой революціей. Пришлось вернуться къ Эйлерсу за новой желтой розой.

Миссъ Гартонъ была уже дома, когда мы вернулись. Она бросилась щупать дѣтямъ руки и щечки, она потрясала зловѣще головою...

Нѣтъ, я увѣренъ, что дѣти не простудятся: веселыя затѣи почти всегда сходятъ съ рукъ благополучно.

Иные люди вѣрятъ въ предчувствія...

Я беззаботно входилъ въ театральный залъ, заинтересованный единственно тѣмъ, что услышу, быть можетъ, нѣсколько чужихъ мыслей, любопытныхъ въ моемъ философскомъ настроеніи.

Безъ сомнѣнія, я не поѣхалъ-бы въ русскій спектакль, если-бы во время катанья мнѣ не бросилось случайно въ глаза зданіе Александринскаго театра... и если-бы, вообще, это катанье не настроило меня предпріимчиво... и если-бы Клочевъ не привезъ Варѣ билетовъ...

Не страшно-ли, какое громадное мѣсто занимаетъ въ человѣческой судьбѣ случайность!?..

... Если-бы я не поѣхалъ въ концертъ въ Москвѣ весною 188* года... если-бы я вовсе не собрался тогда въ Москву, куда ѣхать мнѣ было не зачѣмъ, не время и, вообще, не резонъ...

Меня услали изъ Соколокъ почти насильно, надѣясь развлечь и успокоить, какъ ребенка, который начинаетъ блажить... И это она сдѣлала, бѣдная, милая мама... Какъ это ее мучило!.. Чтобы спастись отъ угрызеній, она твердила съ суевѣрной покорностью: «Судьба!..»

Нѣтъ, я въ судьбу никогда не вѣрилъ...

Я почти позабылъ уже о мимолетной встрѣчѣ съ Васей Косухинымъ, хоть встрѣча эта сильно взволновала меня тогда. Все послѣднее время я былъ всецѣло поглощенъ внутреннимъ устроеніемъ. У меня явилась положительная надежда добиться чего-нибудь устойчиваго въ самомъ себѣ... вѣдь я изнемогаю отъ усталости! . . . .

Итакъ, каждую минуту, въ теченіе трехъ лѣтъ, на любой изъ улицъ Петербурга я могъ встрѣтить Елену Федоровну Желткову!.. Однако, я встрѣтилъ ее только теперь—сама судьба не могла-бы распорядиться цѣлесообразнѣе.

Всего только одинъ годъ назадъ—и все было-бы иначе: я-бы убѣжалъ изъ театра, я навѣрное не подошелъ-бы къ ней. Вѣдь тогда для меня это значило-бы только напрашиваться на безплодныя волненія. Инстинктъ самосохраненія вытолкнулъ-бы меня изъ театральной залы, какъ онъ погналъ когда-то изъ Москвы, ото всѣхъ, кто зналъ меня раньше, ото всего, что имѣло какую-нибудь связь съ прошлымъ... О, безуміе молодости, думающей, что человѣческую жизнь можно разорвать на куски, какъ листъ бумаги!..

Удивительнѣе всего, что въ этотъ послѣдній годъ не произошло ровно ничего выходящаго изъ ряда вонъ... Да, ничего, кромѣ моей собственной усталости. Въ моихъ душевныхъ запасахъ появился угрожающій дефицитъ, какъ и въ моемъ бюджетѣ—съ тою разницей, что онъ появился внезапно, какъ мгновенно лопается струна, только что издававшая привычный звукъ...

Пора, пора наконецъ взяться за умъ и оградиться какъ-нибудь отъ

стихійныхъ переворотовъ! Горы и пропасти хороши только на ландшафтѣ, не въ нашемъ бренномъ существованіи, на которое отпускается каждому опредѣленный запасъ силъ...

. . . .

Я увидалъ ее въ первомъ-же антрактѣ. Первое дѣйствіе прошло вяло, но завязка мнѣ понравилась; можетъ быть просто потому, что созерцаніе жизни всего больше подходитъ къ моему настроенію. Я направлялся въ фойэ курить. Она сидѣла на высокихъ скамейкахъ за креслами, въ серединѣ, и толпа несла меня прямо навстрѣчу знакомому острому взгляду изъ подъ густыхъ бровей...

Это было такъ неожиданно, что я безотчетно подался назадъ. Я-бы могъ подумать, что ошибся, если-бы и она также не смотрѣла на меня. Видя, что я подхожу, она поднялась мнѣ навстрѣчу, вся красная...

Странно,—я не чувствовалъ ни малѣйшей неловкости, а только одну внезапную радость. Я-бы обрадовался каждому московскому знакомому, но никому другому не обрадовался-бы такъ, какъ Желтковой, хоть я и знаю, что никто не осуждалъ меня безпощаднѣе чѣмъ она. Елену Федоровну мать всегда любила, какъ родную. Однако, когда я заговорилъ, оказалось все-таки, что я волнуюсь гораздо сильнѣе, чѣмъ думалъ въ первую минуту...

... Это такъ удивительно — услышать знакомый голосъ, встрѣтить взглядъ... знакомое, прежнее, когда въ насъ самихъ все такъ страшно измѣнилось!..

Но вѣдь и въ ней многое измѣнилось, только я этого не вижу. Она совсѣмъ такая-же, какъ была, на видъ нисколько даже не постарѣла. Она разсмѣялась, когда я это сказалъ.

— Ну, а я любезностей говорить не стану—вы вѣдь меня знаете!— вы до такой степени перемѣнились, что я и узнала-то васъ не сразу. Возмужали удивительно...

— Постарѣлъ!—поправилъ я ее.

— Въ ваши годы еще не старѣютъ. Въ сущности, вы вѣдь были совсѣмъ еще юноша тогда... прибавила она задумчиво.

«Тогда...» Это слово спугнуло непринужденность первыхъ минутъ...

Мы сидѣли рядомъ на опустѣвшей скамейкѣ; большинство публики разошлось. Желткова, спохватившись, начала поспѣшно разсказывать о себѣ.

Они уже три года какъ перебрались сюда. Матвѣю Ивановичу представилась возможность получить мѣсто при желѣзнодорожномъ управленіи и онъ рѣшился оставить казенную службу.

— Ну, что-жъ дѣлать — прогадаемъ такъ прогадаемъ! Всего въ жизни по пальцамъ не разсчитаешь, а подъ лежачій камень и вода не бѣжитъ!.. Тамъ все равно Матюшѣ никакого хода не предвидѣлось...

— Вы недовольны?—спросилъ я.

— Не то что недовольны,—а жить здѣсь у васъ очень ужъ дорого! Привычки у насъ, знаете, московскія... Здѣсь всѣ жмутся, привыкли ужъ, а мы нѣтъ-нѣтъ да и прорвемся по-свойски... Бѣда!..

Я съ волненіемъ слушалъ ея голосъ, выраженія немного вульгарныя, грубоватый смѣхъ... Подъ ея московскую болтовню о себѣ и о собственныхъ дѣлахъ я мучился сомнѣніемъ, какъ-бы мнѣ половчѣе спросить ее?.. и не лучше-ли выждать, чтобы она заговорила первая?

А пока я это рѣшалъ — антрактъ кончился, и публика возвращалась на свои мѣста.

Чтò было во второмъ актѣ—рѣшительно не знаю. Слышалъ обрывки фразъ, видѣлъ безсмысленно двигающіяся по сценѣ фигуры. Меня осаждали воспоминанія... . . . .

Во второмъ антрактѣ мы вышли вмѣстѣ въ фойэ и усѣлись въ проходѣ, гдѣ виситъ портретъ Екатерины. Подозрѣваю, что Елена Федоровна тоже безъ особеннаго вниманія прослушала второй актъ...

Какъ-то самъ собою измѣнился нашъ тонъ.

— ... Три года! и у васъ ни разу не явилось желаніе повидаться со мною?—не удержался я отъ упрека.

Я никакъ не ожидалъ, что ее мои слова смутятъ такъ сильно. Она сдѣлалась совсѣмъ пунцовая и безпокойно задвигалась на диванѣ.

— Нѣтъ ужъ!—нѣтъ, я бы ни за что этого не сдѣлала! И не думала даже, чтобы вамъ могло быть пріятно встрѣтиться съ нами... Простите пожалуйста... но вѣдь вы сами спрашиваете!..

— Конечно, конечно! не стѣсняйтесь, прошу васъ... Вы представить себѣ не можете, какъ я радъ вашей встрѣчѣ!..

Не понимаю, почему мои слова такъ волновали ее?—но я это прекрасно видѣлъ. Она какъ будто старалась взять со мною извѣстный тонъ, и это ей не удавалось.

Я сказалъ, наконецъ, что никого ни разу не встрѣтилъ за эти семь лѣтъ—ничего, ничего не знаю!..

Нарочно я пріостановился, въ надеждѣ, что хоть тутъ она скажетъ что-нибудь. Вмѣсто этого, она поспѣшно вынула свои часы, и я видѣлъ какъ ея рука дрожала...

Я понялъ, что она хочетъ отдѣлаться отъ меня и заговорилъ самъ.

— Елена Федоровна!.. Вы не искали меня, а я и не подозрѣвалъ даже, что вы живете въ Петербургѣ... Но ужъ если такъ случилось, что мы сегодня встрѣтились—ради Бога, не отпускайте-же меня ни съ чѣмъ! Вы все знаете, я въ этомъ увѣренъ... Неужели-же вы считаете, что я не въ правѣ ничего узнать о томъ, что меня мучитъ?!.

Ея глаза заблестѣли знакомыми сердитыми огоньками. Она начала судорожно стаскивать только что натянутую перчатку.

— Мучитъ!.. Эхъ, Владиміръ Ивановичъ, какъ вы ни-по-чемъ такое слово произносите!.. Сейчасъ видно, что по настоящему-то никогда мучиться не приходилось...

Въ ту минуту мнѣ было право все равно до обиды ея словъ, ея тона язвительнаго. Я помнилъ только, что сейчасъ она уйдетъ отъ меня и я останусь ни съ чѣмъ...

— Гдѣ теперь Александра Васильевна?—спросилъ я прямо, вмѣсто всякаго протеста.

Желткова вскочила съ дивана.

— Ну! вы заставляете меня пожалѣть, что мы встрѣтились сегодня!.. Зачѣмъ говорить объ этомъ?! для чего нужно?!

Опытный, пожившій человѣкъ, и до сихъ поръ такъ не просто смотритъ на вещи! Я, напротивъ, дѣлался все настойчивѣе и тверже. Я принялся ее урезонивать—просилъ отбросить на минуту узкіе предразсудки и просто, по человѣчески, пожалѣть меня.

Она отчаянно трясла головой и только вытирала платкомъ красное лицо.

Я пробовалъ ее растрогать:

— Наконецъ—умоляю васъ, какъ человѣка близкаго моей семьѣ, какъ друга моей матери! Я привыкъ васъ уважать съ дѣтства... Снимите эту тяжесть съ моей души!.. Какого-бы мнѣнія вы ни были обо мнѣ, не можете-же вы думать, что во мнѣ говоритъ пустое любопытство!?

И все, все было напрасно! Она задыхалась отъ волненія, у нея были слезы на глазахъ—но все-таки ничего не хотѣла сказать.

— Не могу вамъ дать никакихъ свѣдѣній, и не терзайте вы меня напрасно! У меня серьезныя причины для этого—не могу, Богомъ вамъ клянусь! Очень прискорбно, ни для чего мнѣ не нужно огорчать васъ—ну, нельзя—вѣрьте моей совѣсти, что нельзя!..

. . . .

Я больше не видалъ ея—она уѣхала, и я попрежнему ничего не знаю: предо мною безбрежное поле догадокъ, ничего больше... Только одно и узналъ,—что Желтковы въ Петербургѣ.

Отчего она не хотѣла ничего сказать? Какая у нея «серьезная причина»?

Если бъ Саши не было въ живыхъ, она конечно скрывать не стала бы. Какое нелѣпое положеніе! Сознавать что тутъ же, въ двухъ шагахъ человѣкъ, который *все знаетъ* (она и не пыталась даже этого отрицать)—и быть до такой степени безсильнымъ!..

Чего она боится?

Если ея свѣдѣнія дурны—даже очень дурны—тѣмъ меньше причины ей щадить меня. Если же, напротивъ, они хороши—у нея былъ прекрасный случай уязвить меня: «вотъ, молъ, чтобы онъ не воображалъ»..

и пр. и пр., какъ обыкновенно женщины разсуждаютъ за своихъ друзей.

Надо отдать справедливость, что почтенная Елена Федоровна сумѣла выбрать самое каверзное для меня—неизвѣстность. . . . .

Странная вещь воспоминанія!.. Я смотрѣлъ на Желткову, слушалъ ея голосъ—а передо мною, точно живыя, всплывали другія лица, звучали другіе голоса... Для полнаго «внутренняго устроенія» мало понять настоящее: нужно уяснить себѣ все въ прошломъ, нужна полная собственная біографія...

Для того, кто, какъ я, свою жизнь началъ съ самыхъ важныхъ, съ самыхъ серьезныхъ шаговъ—для того неизбѣжно истинный смыслъ собственныхъ поступковъ уясняется лишь далеко впереди. Жить и понимать жизнь одновременно люди научаются не скоро! Всѣ силы поглащаются процессомъ жизни. Умъ долго служитъ только послушнымъ орудіемъ чувству, и всего позже просыпается въ насъ полное сознаніе.

...Не истинное ли безуміе рѣшать свою судьбу, прежде чѣмъ проснулся этотъ единственный надежный стражъ нашъ? Не ужасъ ли весь источникъ счастія отдавать на волю первыхъ, не установившихся влеченій?..

Чужой опытъ—-чужой умъ! О, если даже въ него вложена вся безкорыстная нѣжность преданнаго намъ сердца,—и тогда онъ не стоитъ часа одного собственнаго сознанія, пробужденнаго страданіемъ!.

Прекрасно, но я, кажется, интересуюсь чужой біографіей и продолжаю думать, что это необходимо для моего внутренняго устроенія... А что, коли права Елена Федоровна—что если въ могилу, вырытую нашими собственными руками, мы не въ правѣ больше заглядывать?..

. . . .

Но вѣдь я же только спрашиваю, *гдѣ* теперь эта женщина? Мнѣ нужно знать сбылись-ли ея надежды, процвѣтаетъ-ли ея школа и проч. и проч.—вѣдь я ничего не прошу, кромѣ голыхъ фактовъ! Мнѣ необходимо знать, какъ ей живется. Могу-ли я быть равнодушенъ, послѣ того какимъ образомъ мы разстались? — когда она ничего не хотѣла принять отъ меня, когда она взвалила мнѣ на душу такую тяжкую гору великодушія...

Иные поступки имѣютъ страшную обратную силу: они выростаютъ пропорціонально разстоянію.

... Сгоряча, въ порывѣ страстнаго желанія, въ горячкѣ восторга самыя невѣроятныя вещи кажутся простыми и легкими. Всякое напряженіе чувства ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ сутью вещей. Оно поднимаетъ до высоты, гдѣ уже неуловимы подробности — эти воплощенія сути, которыя собственно и дѣлаютъ жизнь...

Долженъ сознаться, что я не былъ вовсе пораженъ, когда Саша

объявила, что она дастъ мнѣ разводъ, потому что не хочетъ быть помѣхой моему счастію. Я былъ увѣренъ, что и самъ поступилъ-бы точно такъ-же на ея мѣстѣ. Мы должны были разстаться — есть положенія, гдѣ ничего не остается кромѣ жертвы...

Женщинѣ въ двадцать три года вернуть мужчинѣ свободу цѣной своей собственной—да, теперь я знаю, что это значитъ!.. но тогда? Съ пеленокъ все вокругъ жило только для меня, думало только о моемъ счастьи. Могъ-ли я ожидать меньше отъ моей жены? — Ни одной минуты моя страсть не представлялась мнѣ безнадежной...

Сколько-бы ни преклонялись люди передъ всѣми условностями, какими человѣчество оформило и связало жизнь — въ тѣ минуты, когда дѣйствительно рѣшаются судьбы, ихъ рѣшаетъ одно сердце . . . .

... Жалѣлъ-ли я ее?..

Теперь я долженъ сказать—нѣтъ, я не жалѣлъ ея.

Мое собственное отчаяніе въ случаѣ другой развязки было-бы такъ ужасно, сила стремленія такъ велика, что передъ этимъ все блѣднѣло. Нѣтъ, ея страданія не трогали меня! Мнѣ просто казалось, что она не умѣетъ страдать... Казалось, что она не умѣетъ любить. Тихое, безмятежное чувство представлялось дѣтскимъ лепетомъ въ сравненіи съ бурей, какую самъ я переживалъ. . . . .

Мы женились, какъ говорится, по любви: то есть, мы были сосѣдями, были дружны съ дѣтства, и это неизбѣжно должно было случиться. Мы женились такими-же взрослыми дѣтьми, потому что пришелъ срокъ, когда дѣтямъ позволяется начать играть въ жизнь, какъ до сихъ поръ они играли въ игрушки и въ мечты. Можно-ли сказать, что мы выбрали другъ друга?! Можно-ли сказать, что мы понимали самихъ себя, ужъ я не говорю другого!?.

... Развѣ такъ любятъ?!. Развѣ такъ страдаютъ?!. — твердилъ я, когда мое собственное сердце разрывалось отъ тысячи терзаній.

Когда несомнѣнная и неумолимая сила въ нѣсколько дней скрутила мою волю—перевернула по своему всѣ наивныя представленія о жизни— открыла тайники чувствъ и ощущеній, о какихъ я и не грезилъ... Вчерашній божокъ и повелитель позналъ безумную сладость рабства.

. . . .

Правда, этой силы я также не выбиралъ... Но съ первой минуты я почувствовалъ всѣмъ существомъ моимъ, что то *власть*, за которой я пойду покорно, куда-бы она ни повела меня.

. . . .

Сашу я сразу отпугнулъ отъ себя, какъ я понимаю это теперь — она всячески скрывала отъ меня свои муки.

... Но вѣдь если бъ у меня отняли мою любовь—я бы попросту рехнулся или пустилъ себѣ пулю въ лобъ, не знаю—но ужъ конечно я *не могъ-бы* ничего скрыть!—есть-же въ этомъ какая-то разница!?.

Никогда до этого я не видалъ презрѣнія въ глазахъ моей матери.

... «Оставь!—не говори, не говори о ней!! Хорошо—ты такъ хочешь, ты сдѣлаешь... Довольствуйся этимъ по крайней мѣрѣ! Не прибавляй еще низости, «ты никогда не былъ способенъ... Не суди о ней—ты права не имѣешь!» . . . .

Права никто не спрашиваетъ, и каждый его беретъ. Въ ощущеніяхъ никто не властенъ...

... Все, все въ ней раздражало меня. Если бъ она негодовала, боролась и обвиняла меня—можетъ быть, мнѣ было-бы легче. Мало-помалу я возненавидѣлъ ея затихшую походку, голосъ глухой, застывшее лицо... Она прятала отъ меня свои взгляды. Если мнѣ случалось поймать, что она смотритъ на меня,—она блѣднѣла и пугливо отворачивалась...

Это бѣсило меня—и въ то-же время я не могъ забыть: въ Москвѣ... короткій разговоръ... Тѣ-же сѣрые глаза смотрѣли на меня не отрываясь, не мигая, широко раскрытые и полные ужаса. . . . . . .

О, тогда я готовъ-бы былъ собственными руками закрыть эти глаза!!.

Она только исполнила мое желаніе: она больше не смотрѣла мнѣ въ лицо, и я дрожалъ какъ отъ оскорбленія...

... Развѣ эта живая кукла способна сильно чувствовать?! Развѣ все ея горе стоитъ одного часа истинной страстной муки?!. Я нарочно припоминалъ смерть нашего двухмѣсячнаго ребенка, чтобы увѣрить себя, что и тогда ея тихое горе не было похоже на отчаяніе другихъ женщинъ... Я припоминалъ первый годъ нашей женитьбы — и находилъ все прѣснымъ, ребяческимъ. . . . .

Да, именно такъ было.

Я ничего не знаю теперь—но тогда—о, тогда я былъ глубоко во всемъ увѣренъ! Чего больше?—Я осмѣлился высказать это матери, я хотѣлъ ее утѣшить:

... «Повѣрь мнѣ, что она перенесетъ гораздо легче, чѣмъ ты думаешь... Это лежитъ въ натурѣ, въ крови! Слишкомъ уравновѣшенная душа, чтобы когда-нибудь дойти до отчаянія...»

Мнѣ не дали кончить. Мать поднялась со стула и сказала только одно слово:

... «Уйди!..»

Не думалъ, что когда-нибудь я стану опять перебирать эти воспоминанія... Зачѣмъ??.

Не лучше-ли было-бы вовсе не встрѣчаться съ Еленой Федоровной Желтковой?..

... Написать или поѣхать?

Добылъ справку адреснаго стола. Разъ что Желткова уѣхала посреди спектакля, надо понять изъ этого, что она положительно не желаетъ завязывать никакихъ сношеній. Приходится навязать себя ей вопреки всему... Написать будетъ деликатнѣе.

Разумѣется, я получу сухой отвѣтъ съ просьбой избавить ее отъ переписки. На мой вопросъ она чего добраго совсѣмъ ничего не отвѣтитъ... Нѣтъ, писать положительно не стоитъ! Это значитъ самому отрѣзать себѣ всѣ дальнѣйшіе пути...

Однако благовоспитанному человѣку не такъ-то легко рѣшиться на грубость! . . . .

Въ сущности, имѣетъ-ли право г-жа Желткова поступать со мною такимъ образомъ!? Она не одобряетъ моихъ поступковъ... Я не мѣшаю ей оставаться при своемъ мнѣніи и вовсе не собираюсь оправдываться въ ея глазахъ,—но что желаетъ она доказать, отказывая мнѣ въ самыхъ простыхъ свѣдѣніяхъ? Надѣюсь, что это еще не сдѣлаетъ ее солидарной съ моими прегрѣшеніями! .

Нѣтъ, въ этомъ есть что-то такое, чего я не могу понять. Елена Федоровна совсѣмъ не такой ужъ узкій человѣкъ, да и встрѣтила она меня совершенно дружелюбно. Не вышвырнетъ-же она меня за дверь, если я къ ней пріѣду!?

... Для чего—кому нужно оставлять меня въ невѣдѣніи? Что ей скрывать отъ меня? Развѣ одно только: Саша можетъ быть нуждается... Но въ такомъ случаѣ—гдѣ-же братъ ея (давно-ли я видѣлъ его здѣсь!), и что сталось съ его драгоцѣнной Грачевкой?

Нечего сказать, отрадное занятіе путаться во всѣхъ этихъ вопросахъ и предположеніяхъ безъ всякой руководящей нити!.. . . . .

Опять Варя больна! Непостижимые переходы: то она разъѣзжаетъ цѣлыми днями, какъ здоровая, то лежитъ въ постели!

Maman вышла отъ нея съ заплаканнымъ лицомъ. Лиду никакъ не удается залучить — она вѣчно куда-то торопится, здоровается и прощается на-лету. Я-бы желалъ, чтобы мнѣ по крайней мѣрѣ сообщили названіе таинственной болѣзни!

Миссъ Гартонъ весь обѣдъ шипѣла на дѣтей, буквально не даетъ имъ слова выговорить; но спальня черезъ двѣ комнаты, и въ такомъ усердіи нѣтъ никакой надобности. Я увѣренъ, что даже и въ дѣтскихъ ихъ заставляютъ шептаться и ходить на цыпочкахъ.

Тамъ миссъ пользуется случаемъ дать отдыхъ собственнымъ нервамъ, а здѣсь желаетъ сразить меня своей заботливостью. Дѣти—не болѣе, какъ педагогическій матеріалъ, дающій этимъ особамъ возможность прі-

брѣтать вліяніе въ домѣ и запасаться аттестатами, по которымъ онѣ значатся благодѣтельницами русскаго юношества, а мы, родители, ихъ вѣчными, неоплатными должниками. Я совершенно увѣренъ, что я напишу такой именно аттестатъ, если какое-нибудь счастливое событіе избавитъ насъ отъ этой благодѣтельницы.

Послѣ обѣда я поѣхалъ въ магазинъ и накупилъ цѣлую кучу игрушекъ—вотъ все, что я съ моей стороны могу сдѣлать.

Въ моемъ присутствіи, въ теченіе четверти часа, въ дѣтскихъ стоялъ заправскій, чудесный ребячій гвалтъ, и шипѣніе аргуса терялось въ немъ, какъ жужжаніе какой-нибудь мухи. Но не могу-же я, для свиданія съ собственными дѣтьми, поступать подъ надзоръ миссъ Гартонъ или являться на каждомъ шагу открытымъ нарушителемъ ея законовъ!?

Охъ, великое это дѣло—систематичность!

. . . .

Спросилъ, наконецъ, о чемъ она плачетъ?

Отъ вопроса нѣтъ возможности удержаться, хоть я давно по опыту знаю, какъ мнѣ отвѣтятъ: никакого опредѣленнаго отвѣта—и цѣлый залпъ общихъ, запальчивыхъ жалобъ.

Остается думать, что и Варя тоже не любитъ этой жизни, гдѣ, однакоже, все складывается по ея желаніямъ. А если и не по ея желаніямъ, то по чьимъ-же, наконецъ!?.. . . . .

Неужели я не заслужилъ ея довѣрія?! Я хотѣлъ не обижаться и пробовалъ на всѣ лады... Должны-же мы опять подойти другъ къ другу такъ близко, какъ это было, какъ быть должно.

Точно-ли было?

Нѣтъ, не столько Варя перемѣнилась, сколько самъ я вижу теперь множество вещей, которыя прежде совершенно ускользали отъ меня. Вижу ихъ и въ прошломъ, хоть вовсе не стараюсь ничего припоминать...

Видя, что я настойчивъ, отъ меня мягко отдѣлались: всего лучше оставить въ покоѣ, это пройдетъ. Она сама не знаетъ, отчего у нея до такой степени разстроены нервы... Гаспаръ Гаспаровичъ говоритъ, что это общее истощеніе всей нервной системы, и что ей необходимо лѣчиться. Но вѣдь отъ жизни никуда не уйдешь, больные нервы на каждомъ шагу что-нибудь да задѣваетъ и пр. и пр. и пр.

Какой смыслъ въ общихъ мѣстахъ, которыя говорятся спеціально *для успокоенія*?.. Развѣ каждый не знаетъ по себѣ, что это только разводитъ людей все дальше!

Я прекрасно вижу, что ее давно что-то волнуетъ.

Эта натура въ высшей степени замкнутая—да отъ меня-то прежде не такъ легко было отдѣлываться!

Я попросту не отходилъ—умолялъ, *приставалъ*, какъ пристаютъ дѣти.

Я хваталъ въ объятія и только смѣялся ея сопротивленію. Я душилъ поцѣлуями, не смущаясь нимало, если мнѣ не отвѣчаютъ. Всѣ гримаски я находилъ одинаково восхитительными. Было какое-то необъяснимое довѣріе, какая-то наивная безмятежность!.. Мнѣ даже въ голову никогда не приходило, что мои ласки могутъ быть неделикатны...

Я носилъ въ душѣ цѣлый готовый міръ, принятый на вѣру... Но и каждый въ свой чередъ принимаетъ его на вѣру, каждый беретъ готовымъ—пока дѣйствительность не размечетъ въ прахъ стройнаго зданія и не заставитъ возводить вновь камень за камнемъ уже собственными израненными руками . . . .

Да, мнѣ всегда принадлежала активная роль. Что-же удивительнаго если теперь. . . . .

Нѣтъ, надо-ли—надо-ли раздумывать надъ такими вещами! Что можно добыть остывшимъ умомъ изъ промчавшагося вихря страсти?..

. . . .

Вечеромъ, когда я пришелъ въ спальню, Варя сдѣлала видъ, что спитъ—однако я совершенно увѣренъ, что она не спала (Маленькія насѣкомыя притворяются мертвыми, чтобы избѣжать опасности). Мы лежали въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ другъ отъ друга и боялись шевельнуться, боялись вздохнуть слишкомъ громко...

Нѣтъ, съ какой-же стати быть тюремщиками другъ для друга!.. Каждый имѣетъ по крайней мѣрѣ право плакать и вздыхать, сколько ему хочется, не нарушая этимъ чужого покоя. Въ нашихъ пятнадцати апартаментахъ можно позволить себѣ такой комфортъ, какъ отдѣльный уголъ на каждую душу!..

Я не спалъ до разсвѣта—и она тоже.

О. Шапиръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

———

НАШИ ЗЕМЕЛЬНЫЯ ДѢЛА.

Между всѣми явленіями общественной жизни существуетъ тѣсная и неразрывная связь. Практическая политика, чуждая признанію этой истины, не обѣщаетъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Мало того, забвеніе о существованіи неразрывной связи между всѣми явленіями общественной жизни можетъ приводить къ реформѣ дѣла съ конца, а не съ начала, что. конечно, должно вызвать массу печальныхъ послѣдствій. Нѣтъ спора, такія крупныя ошибки возможны, хотя и не всегда и не вездѣ, но и тамъ, гдѣ онѣ возможны, не стоитъ упускать время для ихъ исправленія. Быть можетъ, и у насъ еще есть время исправить коренную ошибку во всѣхъ нашихъ планахъ по упорядоченію той области хозяйства, съ которой связаны всѣ надежды и упованія.

Въ общественномъ мнѣніи, въ печати и въ разныхъ мѣропріятіяхъ наше сельское хозяйство почти всегда эманципируется отъ всѣхъ остальныхъ явленій общественной и хозяйственной жизни, признается страдающимъ своей специфической сельскохозяйственной болѣзнью и подвергается спеціальному сельскохозяйственному лѣченію. Эта эманципація доводится до того, что даже земледѣліе хотя и подвергается усердному лѣченію, но лѣченію чисто земледѣльческому. Однако, кажется, для всякаго должно быть ясно, что упорядоченіе земледѣлія въ Россіи немыслимо до предварительнаго упорядоченія землевладѣнія.

Повидимому, въ текущемъ году указанное направленіе практической политики въ области сельскаго хозяйства вызвало офиціальное неодобреніе. Въ объяснительной запискѣ къ росписи на текущій годъ, между прочимъ, сказано: «сельскохозяйственный промыселъ, представляя для громадной массы русскаго населенія основной источникъ существованія, всего менѣе поддается быстрому воздѣйствію, будучи связанъ въ своихъ основахъ съ самыми разнообразными сторонами исторически сложившагося народнаго быта. Постепенному усовершенствованію этой отрасли народ-

наго хозяйства въ одинаковой степени служатъ какъ общія мѣропріятія, направленныя на развитіе производительныхъ силъ страны и улучшеніе административнаго устройства, такъ и мѣропріятія спеціальныя—въ цѣляхъ улучшенія внутреннихъ условій сельскохозяйственнаго промысла». Конечно, если-бы только въ одинаковой степени было обращено вниманіе на мѣропріятія того и другого характера, то и въ такомъ случаѣ наша сельскохозяйственная политика была-бы ближе къ истинѣ, чѣмъ теперь—при одномъ сельскохозяйственномъ лѣченіи. Однако, позволительно думать, что для постепеннаго усовершенствованія въ любой категоріи явленій общественной жизни, а въ томъ числѣ и въ области сельскаго хозяйства первенствующее значеніе принадлежитъ общимъ мѣропріятіямъ, направленнымъ на развитіе моральныхъ и матеріальныхъ силъ страны и улучшеніе ея административнаго устройства. Эти общія мѣропріятія создаютъ фундаментъ, почву, которая оплодотворяетъ мѣропріятія, направленныя на улучшеніе внутреннихъ условій въ каждой отдѣльной категоріи явленій общественной жизни.

Такая связь и послѣдовательность между общими и спеціальными мѣропріятіями въ текущемъ году офиціально подтверждена А. С. Ермоловымъ въ его рѣчи при открытіи засѣданій сельскохозяйственнаго совѣта. Открывая засѣданія совѣта, А. С. Ермоловъ сказалъ: «изысканіе мѣръ къ устраненію настоящаго кризиса составляетъ въ настоящую минуту первѣйшую заботу всѣхъ органовъ правительства. Но по самому существу этихъ мѣръ, онѣ несомнѣнно могутъ имѣть характеръ только паллiативный, именно въ виду тѣхъ глубокихъ причинъ, которыя обусловливаютъ настоящій кризисъ. Это—мѣры паллiативныя, болѣе или менѣе *искусственныя*, а слѣдовательно *обоюдоострыя*» *). Къ числу такихъ искусственныхъ, обоюдоострыхъ, т. е., завѣдомо вредныхъ мѣръ относится и лѣченіе земледѣлія разными паллiативными средствами чисто земледѣльческаго характера. Въ виду этого, А. С. Ермоловъ и приглашалъ членовъ сельскохозяйственнаго совѣта сосредоточить свое вниманіе, преимущественно, на *коренныхъ мѣрахъ*. Подъ коренными мѣрами тутъ, очевидно, разумѣются тѣ самыя общія мѣропріятія, о которыхъ говорится въ объяснительной запискѣ къ росписи на текущій годъ. Не заходя далеко по пути этихъ общихъ коренныхъ мѣропріятій, обязательно предшествующихъ мѣропріятіямъ спеціальнымъ, мы остановимся только на томъ-же паллiативномъ лѣченіи земледѣлія, при которомъ забывается, что до упорядоченія землевладѣнія немыслимо упорядоченіе земледѣлія. Въ этомъ отношеніи сельскохозяйственный совѣтъ не оказалъ никакого вліянія на то, чтобы дѣло было начато съ начала, а не съ конца. Онъ занимался не вопросами землевладѣнія, а разными паллiативами не только искус-

*) Извѣстія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, № 2, 1895 г.

ственными, а прямо-таки давно использованными. Такъ. совѣтъ весьма тщательно обсуждалъ старый вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго скота, хотя въ данное время правительство занято уже вопросомъ о томъ, почему въ крестьянскомъ дворѣ какой-бы то ни было скотъ вовсе не держится и ежегодно въ большой пропорціи возрастаетъ число безлошадныхъ дворовъ. Очевидно, обсужденіе вопроса слѣдовало начать съ тѣхъ гарантій, которыя могли-бы способствовать удержанію какого-бы то ни было скота въ крестьянскомъ дворѣ, а потомъ можно было-бы перейти и къ вопросу объ улучшеніи породы крестьянскаго скота и лошадей. Въ свою очередь, и этотъ вопросъ слѣдовало-бы освободить отъ нагроможденнаго хлама разныхъ искусственныхъ палліативовъ и на примѣрѣ показать наше упорное нежеланіе смотрѣть въ корень вещей. Вѣдь уже давно выяснено, что, при данныхъ условіяхъ нашего землевладѣнія улучшеніе крестьянскаго скота и лошадей немыслимо. Для иллюстраціи приведемъ показанія земскихъ статистиковъ Курской губерніи.

«Несмотря на громадное значеніе лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ, домохозяева принуждены ставить ее въ весьма неприхотливыя условія, вотъ почему она и выродилась въ такую низкорослую и слабосильную породу. Преобладающимъ кормомъ крестьянской лошади является огуменный кормъ—яровая солома, хоботья и ржаная солома. Въ видѣ добавочнаго корма она получаетъ отруби, сѣно и овесъ — послѣдніе въ небольшомъ количествѣ и преимущественно въ рабочую пору. Лѣтніе подножные корма также весьма скудны за недостаткомъ угодій для выпаса скота. Въ распоряженіи всѣхъ крестьянъ курской губерніи имѣется 123,543 дес. покосовъ; если предположить, что каждая десятина даетъ въ среднемъ 80 пуд. сѣна (а это совершенно невѣроятно, принимая во вниманіе дурное качество крестьянскихъ покосовъ), то весь сборъ сѣна будетъ равняться 9.883,440 пудовъ сѣна или по 21 пуду на каждую лошадь. При дачи сѣна, равной 15 ф. въ день. собранное крестьянами количество хватитъ лишь на 56 дней, если-же растянуть дачу сѣна на рабочую пору—мѣсяца на 4, то ежедневно лошади придется давать не болѣе 7 ф. сѣна. Но эти цифры значительно преувеличены, какъ потому, что крестьянскіе покосы даютъ меньшій урожай, такъ и потому, что часть сѣна идетъ въ кормъ жеребятамъ, телятамъ и коровамъ во время отела... Благодаря тому, что прежде и теперь крестьянскія стада пользовались производителями изъ помѣщичьихъ экономій, у крестьянъ преобладаетъ скотъ, носящій слѣды всѣхъ, сколько нибудь извѣстныхъ породъ. Приспособляясь къ скуднымъ кормовымъ условіямъ, породы эти постепенно вырождались, утрачивали свои отличительные признаки—ростъ, вѣсъ, масть, продуктивность, и пріобрѣли одно общее отличительное свойство—замѣчательную выносливость. Маленькія, уродливыя крестьянскія коровенки, получившія здѣсь юмористическое названіе «тасканокъ», представляютъ

собою незамѣнимую въ крестьянскомъ хозяйствѣ породу: онѣ въ высшей степени выносливы и неприхотливы, все лѣто толкутся на выбитомъ выгонѣ, по голому паровому полю, или на жнивьѣ; зимою исключительнымъ кормомъ для нихъ является солома и притомъ ржаная. Сколько-нибудь питательное пойло и мучная присыпка дается коровамъ только въ зажиточныхъ семьяхъ. Само-собою понятно, что попытки улучшить крестьянскій рогатый скотъ не имѣютъ подъ собою никакой почвы и не приведутъ ни къ какимъ результатамъ: крупный культурный скотъ среди этихъ условій (а измѣнить ихъ крестьянинъ не можетъ) непремѣнно выродится и чрезъ нѣсколько поколѣній обратится въ «тасканку», потерявъ и слѣды прежняго роста, вѣса и продуктивности. Мѣры къ улучшенію крестьянскаго скота должны идти *съ обратнаго конца;* онѣ должны быть направлены къ улучшенію кормовыхъ условій: та-же самая крестьянская корова, при лучшихъ кормовыхъ условіяхъ, быстро измѣнитъ свои внѣшніе признаки и увеличитъ свою продуктивность» *).

Лучшія кормовыя условія для крестьянскаго скота настанутъ только послѣ соотвѣтствующихъ измѣненій въ крестьянскомъ землевладѣніи. И если вы послѣ проекта объ улучшеніи породы крестьянскаго скота возьмете какой-либо другой изъ благихъ проектовъ по улучшенію нашего сельскаго хозяйства, то онъ также окажется построеннымъ «съ обратнаго конца», т. е. разсчитаннымъ на извѣстные положительные результаты въ области земледѣлія безъ предварительнаго упорядоченія условій землевладѣнія. Памятуя ту истину, что до упорядоченія землевладѣнія въ Россіи немыслимо улучшеніе земледѣлія, мы, прежде всего, постарались, въ предѣлахъ нашего разумѣнія, дать принципіальное разрѣшеніе вопросу объ упорядоченіи поземельныхъ отношеній въ Россіи. Отсылая интересующихся читателей къ нашей статьѣ «*Выкупъ дворянскихъ земель въ казну*» («Сѣв. Вѣст.», октябрь, 1894 г.), мы теперь отмѣтимъ вольныя или невольныя шатанія мысли, мѣшающія послѣдовательному проведенію предложеннаго нами рѣшенія.

Къ области вольныхъ и невольныхъ шатаній мысли мы должны прежде всего отнести разныя вылазки противъ земской статистики, давшей богатый матеріалъ для разрѣшенія поземельнаго вопроса въ Россіи. Правительство не разъ уже оцѣнило по достоинству земскую статистику, когда ему приходилось разрѣшать тѣ или иные частичные вопросы, какъ въ области землевладѣнія, такъ и въ другихъ сферахъ общественно-хозяйственной жизни. Въ одномъ изъ новыхъ изданій канцеляріи комитета министровъ—«Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи»,—матеріаламъ земской статистики отведено самое почетное мѣсто. Все это,

---

*) Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія, 147—148 стр.

однако, не мѣшаетъ извѣстнымъ органамъ печати высказывать свое недовѣріе къ земской статистикѣ, будто-бы дающей матеріалъ для разныхъ произвольныхъ выводовъ и тенденціознаго освѣщенія деревенской жизни подъ извѣстнымъ (т. е. либеральнымъ) угломъ зрѣнія. Въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Карышевъ начинаетъ свою статью выраженіемъ благороднаго негодованія по адресу какой-то газеты, сдѣлавшей неприличную вылазку противъ земской статистики, вѣроятно, только для того, чтобы позолотить ту пилюлю, которую онъ, съ своей стороны, подноситъ земской статистикѣ. На второй страницѣ своей статьи, оправдывая земскую статистику, г-нъ Карышевъ говоритъ слѣдующее: «въ дѣлѣ массоваго изученія внѣшнихъ явленій необходимо, прежде всего, добыть и затѣмъ систематизировать матеріалъ, то есть расположить его въ томъ порядкѣ, при которомъ каждый научный и практическій дѣятель могъ-бы изъ него брать то, что ему нужно, комбинировать взятое такъ, какъ то подсказываютъ ему спеціальныя цѣли данной минуты, и этимъ освѣтить каждый данный вопросъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія». Отъ такихъ защитниковъ земской статистикѣ не поздоровится. Что заставило г. Карышева принять на себя роль защитника земской статистики и въ то-же самое время подписаться подъ обвинительнымъ противъ нея актомъ? Мы даже готовы отказаться отъ первоначальнаго предположенія на счетъ вольнаго шатанія мысли и склонны допустить, что г. Карышевъ на второй страницѣ забылъ то, съ чего онъ началъ первую. Забавно, что г. Карышевъ выписываетъ слова газеты насчетъ того, что ученые профессора гладятъ по головкѣ земскихъ статистиковъ. Газета, очевидно, намекаетъ на извѣстный инцидентъ съ работой г. Вернера—«Курская губернія», забракованной губернскимъ земствомъ и удостоенной, по предложенію проф. Чупрова, преміи Самарина. Курскіе земцы редактировали тогда особую записку *), въ которой доказывали, что работа г. Вернера наполнена данными, пригодными для освѣщенія хозяйственныхъ отношеній подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Второй пунктъ обвинительнаго акта, предъявленнаго ими г. Вернеру, гласилъ: «сочиненіе это отличается тенденціозностью направленія, неполнотою фактическаго содержанія, неправильностью и односторонностью, а также произвольностью выводовъ» **). Г. Карышевъ теперь успокоиваетъ разгнѣванныхъ земцевъ и говоритъ, что они ничего другого и не могли ожидать, такъ какъ земская статистика даетъ такой матеріалъ и въ такомъ порядкѣ, что каждый можетъ его комбинировать такъ, какъ то подсказываютъ ему спеціальныя цѣли данной минуты и

*) «Докладъ коммиссіи курскаго губ. земства очеред. зем. собранію по предмету общаго сборника, изданнаго курскимъ губ. статистическимъ бюро».

**) Ibid., 54 с.

этимъ освѣтить каждый данный вопросъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія...

Приведенный нами пунктъ изъ обвинительнаго акта, составленнаго курскими земцами, былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ матеріаловъ, характеризующихъ поземельныя отношенія въ Курской губ. Эти матеріалы земской статистики не даютъ покою извѣстнымъ органамъ печати и теперь г. Карышевъ и «Русское Богатство» ими могутъ быть причислены къ своимъ сторонникамъ. Въ сущности-же говоря, земская статистика, конечно, чужда какого-бы то ни было покровительственнаго отношенія къ какимъ-бы то ни было извѣстнымъ угламъ зрѣнія. Земская статистика одинаково служитъ интересамъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго землевладѣнія. Она собираетъ матеріалы, относящіеся до того и другого землевладѣнія, изучаетъ ихъ строй и описываетъ установившіеся въ нихъ и между ними порядки и отношенія. Она тщательно регистрируетъ данныя и не отвѣчаетъ за то, что эти данныя могутъ служить основаніемъ не для двухъ разныхъ, а для одного принципіальнаго рѣшенія вопроса о поземельныхъ отношеніяхъ въ Россіи. Однако, видѣть въ этомъ рѣшеніи какое-нибудь педагогически тенденціозное вліяніе земской статистики не представляется никакихъ основаній. Вѣдь, не земская статистика побудила такихъ завзятыхъ крѣпостниковъ, какъ г. Лиліенфельдъ, открыто заявить, что дворянству на землѣ усидѣть невозможно, что никакія льготы и пособія тутъ не помогутъ, а пусть государство возьметъ себѣ часть или всю землю дворянъ. Наша статья «Выкупъ дворянскихъ земель въ казну» и была отвѣтомъ на вызовъ, обращенный къ казнѣ г. Лиліенфельдомъ. Въ послѣднее время разговоры объ этой невозможности для дворянъ усидѣть на землѣ стали излюбленной темой «Гражданина» и въ особенности «дневниковъ» самого г. Мещерскаго.

Поводомъ къ этимъ разговорамъ послужили 18 милл. рублей, отпущенныхъ особому отдѣлу дворянскаго банка изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства. Только путемъ такой затраты казенныхъ 18 м. р. оказалось возможнымъ удержать должниковъ особаго отдѣла на принадлежащей имъ землѣ. «Вѣстникъ Финансовъ» утверждаетъ, что всѣ разсчеты съ этими 18 милл. рублей установлены «такимъ образомъ, чтобы, предоставивъ отдѣлу нужныя ему суммы для возстановленія равновѣсія между его средствами и обязательствами, не лишать въ то-же время и правительство возможности возмѣстить себѣ впослѣдствіи хотя-бы часть производимой имъ на нужды отдѣла затраты» *). Это добавленіе «хотя-бы часть» не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что заемщики особаго отдѣла дворянскаго банка будутъ полностію сидѣть не на собственной

*) „Вѣстн. Фин.", № 8, 1895 г.

землѣ и не своими собственными силами, а на казенный счетъ. Такой выводъ, повидимому, вполнѣ доступенъ и для пониманія г. Мещерскаго. Его поразила цифра въ 18 милл. рублей для однихъ заемщиковъ особаго отдѣла, и ему хочется знать, что-же «дальше будетъ» съ главною массою заемщиковъ дворянскаго банка? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ написалъ рядъ «дневниковъ», въ которыхъ, указывая дворянству на приближающуюся «смертельную» опасность, призывалъ его къ солидарности и указывалъ на необходимость сплотиться для борьбы съ надвигающейся опасностью. Не возлагая особой надежды на то, что дворяне послѣдуютъ его совѣту, г. Мещерскій осыпалъ ихъ упреками за отсутствіе духа солидарности и сплоченности. Въ рядѣ послѣдовавшихъ затѣмъ «дневниковъ» г. Мещерскій передаетъ свой разговоръ съ «умнымъ» собесѣдникомъ на ту-же тему о сохраненіи земли за дворянами путемъ дворянской сплоченности и солидарности. Собесѣдникъ держится на этотъ счетъ прямо обратнаго мнѣнія. «Вы вотъ пишете, говорилъ онъ Мещерскому, о солидарности дворянъ, о необходимости сплачиваться, и упрекаете ихъ за то, что они не дѣйствуютъ сообща. Но вѣдь это, по моему мнѣнію, все равно, что упрекать слѣпого за то, что онъ слѣпъ, и глухого за то, что онъ не слышитъ. Дворянство, какъ корпорація, въ Россіи всегда было фикціей. Ее искусственно создали законы Екатерины,— это правда, но само себя, какъ солидарную общественную силу, дворянство никогда не сознавало».—«Значитъ вы, спрашиваетъ г. Мещерскій своего собесѣдника, считаете дѣло земельнаго дворянства безповоротно проиграннымъ, и это дворянство погибающимъ безнадежно?»—«Считаю, отвѣчаетъ собесѣдникъ,—считаю потому, что оно не въ силахъ выдержать напора новыхъ условій жизни и потому, что не могу себѣ представить возможности физической это дворянство, какъ сословіе, какъ среду возстановить или сохранить... Теперь явилась фактическая невозможность дворянству владѣть землями для хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ. Ни у кого нѣтъ денегъ, чтобы обрабатывать землю наемнымъ трудомъ, а отдавать землю въ аренду нельзя, ибо крестьянину нечѣмъ платить аренду» («Гражданинъ», № 57, 1895 г.).

Прослушавъ своего собесѣдника, г. Мещерскій говоритъ, что онъ «призадумался», и въ «дневникѣ» отъ 28 февраля изложилъ результатъ своихъ думъ и размышленій*). «Размышленія моего оппонента и собесѣдника по дворянскому вопросу, говоритъ онъ въ этомъ дневникѣ,—были слишкомъ вѣрны и дѣльны, чтобы можно было надъ ними не призадуматься. Скажу какъ вы—мнѣ, отвѣтилъ я ему,—то что вы говорите— сущая правда, но все же оно не разрушаетъ до основанія своей глав-

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы сохраняемъ всѣ грамматическія и стилистическія особенности «дневниковъ» въ точной неприкосновенности.

ной и постоянной мысли о необходимости общенія дворянъ помѣщиковъ между собою. Я говорю: не разрушаетъ до основанія; отчасти то, что вы сказали, разрушаетъ мою главную мысль, а именно историческій фактъ—что никогда наше дворянство не умѣло соединиться и дѣйствовать сообща, а всегда жило въ полномъ разобщеніи, жизнью индивидуальною. Констатируя этотъ фактъ, вы признаете въ нынѣшнюю минуту невозможнымъ спасти наше земельное дворянство отъ исчезновенія!

Но я, ссылаясь на тотъ же историческій фактъ, задаюсь другою мыслью. Я останавливаюсь на вопросѣ: теперь, въ эту минуту критическую и драматическую для земельнаго дворянства, когда оно уже совсѣмъ на краю пропасти, неужели оно не можетъ сдѣлать изъ инстинкта самосохраненія того, что оно прежде никогда не дѣлало,—сойтись по губерніямъ и сообща обсудить вопросы его—быть или не быть? Есть флегматическіе люди, которые въ минуту отчаянія становятся неузнаваемыми по энергіи и иниціативѣ... Отчего не допустить, что и сословіе, всегда бывшее апатичнымъ, когда дѣло касалось корпоративнаго его объединенія, теперь, въ минуту смертельной опасности, ухватится за это корпоративное объединеніе, какъ за единственный якорь своего спасенія?

Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ, что никакія облегченія и льготы въ платежахъ его займовъ не спасутъ земельное дворянство. Скорѣе отъ всякой льготы усилится въ извѣстный моментъ тяжесть платежей; уже теперь заемщики дворянскаго банка, благодаря разсрочкамъ и невзирая на льготы, платятъ 12 процентовъ съ своего долга! Согласенъ я съ вами и въ томъ, что въ настоящее время землевладѣніе, какъ предметъ земледѣльческой промышленности, немыслимо безъ капитала и что земледѣліе, какъ всякая другая отрасль промышленности, теперь зависитъ отъ капитала. Но затѣмъ я расхожусь съ вами въ томъ, чтобы внѣ этого не было исхода для нашего земельнаго дворянства. По вашему выходитъ такъ: нѣтъ у тебя капитала, говорите вы дворянину—землевладѣльцу, уходи отъ земли! А я говорю иное; я говорю, если есть способъ спастись земельному дворянину даже теперь, въ такую трудную минуту, то это—сойтись и дружно подойти къ кризису во всѣхъ его подробностяхъ и сообща разработать планъ дѣйствій и борьбы съ бѣдами. *Если этого не будетъ, а будутъ только подачки правительства,—все равно дворянство земельное погибнетъ*».

Этотъ приговоръ дворянской печати надъ дворянскимъ землевладѣніемъ заслуживаетъ быть занесеннымъ на страницы исторіи. Условная его форма нисколько не смягчаетъ его рѣшительнаго и безапелляціоннаго характера. Дворянамъ больше не разрѣшается жаловаться на свое «критически драматическое» и «смертельно опасное» положеніе. Они должны возложить всѣ свои надежды на самопомощь. Солидарность и сплоченность дворянства необходимы въ настоящую критическую и драматическую минуту

смертельной опасности. Если этого не будетъ, а будутъ только подачки правительства,—все равно дворянство земельное погибнетъ! Г. Мещерскій отлично понимаетъ, что «этого» не будетъ. Прежде всего онъ категорически заявляетъ, что солидарность и сплоченность—качества не только чуждыя, но и прямо враждебныя дворянской средѣ. Ихъ нужно вызвать и воспитать среди дворянъ. Однако, въ минуту смертельнаго боя на извѣстный успѣхъ могутъ разсчитывать только войска съ готовыми и закаленными уже боевыми способностями. Въ противномъ случаѣ остается надежда на авось. Этимъ самымъ авось и оперируетъ надъ дворянствомъ его первый и вѣрный другъ. «Есть флегматичные люди. которые въ минуту отчаянія становятся неузнаваемыми по энергіи и инициативѣ... Отчего не допустить, что и сословіе, бывшее всегда апатичнымъ, когда дѣло касалось корпоративнаго его объединенія, теперь, въ минуту смертельной опасности, ухватится за это корпоративное объединеніе, какъ за единственный якорь своего спасенія?» Поставленный Мещерскимъ вопросительный знакъ свидѣтельствуетъ о томъ, что найденное имъ авось у него самого вызываетъ недоумѣніе даже въ формѣ простого допущенія. Но какъ бы то ни было, а въ данную минуту солидарность и сплоченность—только два слова, которыя ничѣмъ не угрожаютъ «смертельной опасности». Но если бы это были не два слова, а два качества, двѣ силы, то и въ такомъ случаѣ положеніе дѣла не измѣнилось бы. Дворянство могло-бы съ благодарностью заявить своему первому другу, что въ минуту «смертельной опасности» даже такія драгоцѣнныя качества, какъ солидарность и сплоченность, не принимаютъ ни къ залогу, ни къ учету. Въ данную же минуту смертельной опасности залогъ и учетъ являются единственными источниками жизни. Но г. Мещерскій по своему успокаиваетъ утопающихъ: «будутъ однѣ подачки правительства, — все равно земельное дворянство погибнетъ!» Однако г. Мещерскій все таки помнитъ, что онъ первый совѣтовалъ утопающему хвататься за соломинку и требовать подачекъ правительства. Въ виду этого, запутавшимся въ сѣти «подачекъ правительства» онъ обѣщаетъ болѣе почетную смерть.

Всѣ заложившіе свои имѣнія въ дворянскомъ банкѣ, по мнѣнію г. Мещерскаго, избрали лучшій способъ гибели; суть этой пріятной смерти онъ откровенно выясняетъ въ дневникѣ отъ 7-го марта. Оказывается, что «начало всѣхъ бѣдъ нашего помѣщика—это тѣ оцѣнки и нормальныя и спеціальныя, по которымъ выдавались ссуды... Отсюда весьма серьезный вопросъ, и вопросъ именно нынѣшняго времени. Какъ я сказалъ, теперь начинаютъ разбираться въ прошломъ, начинаютъ, такъ сказать, слѣдствіе надъ тою недавнею эпохою, когда и банкъ и закладчикъ bona fide совершали заемную сдѣлку ко взаимной выгодѣ, и думали, что эта сдѣлка есть ссуда подъ обезпеченіе извѣстной свободной отъ долговъ земельной собственности. А между тѣмъ первые шаги этого слѣдствія надъ

прошлымъ—какъ будто обнаруживаютъ капитальное недоразумѣніе, а именно, что и *банкъ и заемщикъ были въ полномъ заблужденіи и другъ друга обманывали.* Банкъ былъ обманутъ заемщикомъ въ томъ отношеніи, что онъ платилъ извѣстную часть стоимости имѣнія въ видѣ ссуды не по дѣйствительной цѣнѣ, а *по искусственной, дутой и непомѣрно возвышенной,* а заемщикъ обманывался банкомъ потому, что онъ принималъ отъ банка такія условія платежа по обязательствамъ, которыя онъ считалъ выполнимыми, но которыя, вслѣдствіе искусственно высокой оцѣнки земли, оказывались долгомъ не выполнимымъ... Въ итогѣ — нормальная и спеціальная оцѣнка земель для займа оказались сдѣланными на основаніи покупныхъ цѣнъ на земли, много выше противъ дѣйствительности, и теперь при расхлебываніи прошлаго *становится несомнѣннымъ, что большая часть заложенныхъ въ банкъ имѣній—de facto не заложена въ банкъ, а просто продана,* при чемъ есть уже не мало случаевъ, когда ссуды подъ имѣнія составляютъ капиталъ гораздо выше того, который за эти-же имѣнія предлагаетъ покупатель.

Иные говорятъ хуже. Иные прямо дѣлаютъ такой разсчетъ: цѣна десятины, опредѣленная въ сто рублей — раздута вдвое; земля стоила не 100, а 50 рублей, а такъ какъ со ста рублей по нормальной оцѣнкѣ помѣщикъ получалъ изъ банка 60 рублей, то ясно, что онъ получилъ на 10 процентовъ больше, чѣмъ имѣніе стоитъ, то есть, онъ продавалъ свое имѣніе банку на 10 процентовъ дороже противъ его стоимости. А тотъ, кому посчастливилось заложить свое имѣніе по спеціальной оцѣнкѣ, тотъ получалъ на 25, 30 процентовъ больше противъ стоимости земли. Если этотъ разсчетъ правиленъ, то съ одной стороны ясно,—почему цифра недоимщиковъ земельныхъ банковъ все идетъ crescendo, за невозможностью платить проценты съ капитала отъ доходовъ съ земли, заложенной выше ея стоимости, а съ другой стороны является вопросъ: что-же дальше»? («Гражданинъ», № 66).

Что-же дальше?.. Прежде всего интересно было-бы знать, почему такой вызовъ правительству г. Мещерскій бросилъ только теперь. Вѣдь весь секретъ нормальныхъ и спеціальныхъ оцѣнокъ, очевидно, былъ ему давно извѣстенъ, но почему-же онъ разоблачилъ его только теперь? Во всякомъ случаѣ дворянъ можно поздравить съ такой погибелью отъ казенныхъ подачекъ. Въ минуту смертельной опасности они ухитрились безъ всякой солидарности и сплоченности продать свои земли правительству «по искусственной, дутой и непомѣрно возвышенной цѣнѣ»! Пусть у нихъ ничего не осталось, но Мещерскій все-таки, маскируя свое удовольствіе, ехидно спрашиваетъ правительство: что-же дальше? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Дворянамъ нѣтъ надобности воспитывать въ себѣ чувства сплоченности и солидарности для того, чтобы выкупать земли, заложенныя по цѣнамъ, «неимовѣрно» превышающимъ

ихъ дѣйствительную стоимость. Никто такихъ залоговъ не выкупаетъ. Правительству-же остается признать фактъ, что земли у него не заложены, а ему проданы и проданы, какъ увѣряетъ г. Мещерскій, по дутой и неимовѣрно возвышенной цѣнѣ. Такимъ образомъ, слѣдуя г. Мещерскому, мы должны признать, что вопросъ о тѣхъ помѣщичьихъ земляхъ, которыя заложены въ дворянскомъ банкѣ, рѣшается просто и ясно. Землевладѣльцы продали свои земли государству по весьма выгодной для нихъ цѣнѣ и у нихъ ничего не осталось. Государство пріобрѣло эти земли по весьма убыточной для него цѣнѣ и онѣ за нимъ и останутся, такъ какъ сбыть ихъ въ частную собственность можно только съ большими потерями для казны.

Повидимому дѣло къ тому и клонится. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ руководящихъ сферахъ признано, что земли неисправныхъ должниковъ дворянскаго банка не должны подлежать продажѣ, а должны оставаться за государствомъ. Съ такимъ рѣшеніемъ, конечно, нельзя не согласиться. Государству не подходитъ выступать въ роли продавца земель, такъ или иначе попавшимъ въ его руки. Наоборотъ, государству подходитъ роль пріобрѣтателя земель, находящихся въ частной собственности. И въ томъ-же «Гражданинѣ» мы встрѣчаемъ не мало доказательствъ въ пользу того, что государству необходимо вспомнить объ этой роли въ данную минуту «смертельной опасности» по отношенію къ тѣмъ землямъ, которыя не заложены въ дворянскомъ банкѣ. Въ № 62 «Гражданина» г. Римскій-Корсаковъ обращаетъ вниманіе государства на то, что теперь сдѣлки по куплѣ-продажѣ земель носятъ чисто спекулятивный характеръ. Покупается и продается не земля, а связанная съ землями возможность эксплоатировать крестьянство. Пріобрѣтатели земель, спекулируя на выгоду отъ этой эксплоатаціи, окончательно добьютъ мужика. Государству для разрѣшенія этого вопроса о земляхъ, не заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, и приходится выступить въ наиболѣе подходящей для него роли пріобрѣтателя частныхъ земель.

У насъ такая роль государства имѣетъ за себя чисто историческія традиціи. При Николаѣ I министерство государств. имуществъ скупало въ казну населенныя имѣнія, по добровольному соглашенію съ помѣщиками, а покупка такихъ имѣній, продающихся съ публичныхъ торговъ. являлась для него даже обязанностью. Такимъ путемъ въ казну было пріобрѣтено 178 имѣній на сумму въ 8,775,872 р. Судя по этой суммѣ, довольно крупной для того времени, можно думать, что покупка частныхъ земель въ казну велась въ широкихъ размѣрахъ. Высочайшимъ указомъ 1855 г. она была только пріостановлена, а слѣдовательно потомъ она могла быть возстановлена въ любое время. Если бы она была возстановлена въ слѣдующемъ же 1856 г., то вовсе не показалась-бы какимъ-либо опаснымъ новшествомъ, чуждымъ началамъ здравой госу-

дарственной поземельной политики и навѣяннымъ разными опасными теоріями. Истекшіе съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ въ принципѣ не измѣняютъ характеръ мѣропріятія. Если теперь будетъ приступлено къ скупкѣ частныхъ земель въ казну, то этимъ самымъ будетъ возстановлено одно изъ тѣхъ мѣропріятій въ области аграрной политики, которое было временно пріостановлено 40 лѣтъ тому назадъ. Можно сожалѣть о томъ, что это мѣропріятіе не было возстановлено гораздо раньше, но нельзя говорить о какомъ-то новшествѣ. Если бы оно было возстановлено раньше, то въ такомъ случаѣ не обострились-бы тѣ условія, въ силу которыхъ теперь признается безотлагательно необходимымъ возстановить пріобрѣтеніе частныхъ земель государствомъ. Но по существу одно и то-же мѣропріятіе вызывается одніми и тѣми-же цѣлями. Если при Николаѣ I частныя земли скупались въ казну для облегченія участи крестьянъ, то и теперь ту же операцію предполагается возстановить въ виду той-же участи крестьянъ. Всѣ газеты сообщаютъ, что въ текущемъ мѣсяцѣ внесено на разсмотрѣніе государственнаго совѣта новое положеніе о крестьянскомъ банкѣ, въ которомъ для надлежащаго осуществленія миссіи банка «устанавливается операція покупки земель самимъ банкомъ за свой счетъ для переуступки ея крестьянамъ въ собственность или на правахъ безсрочной аренды» («Биржев. Вѣд.» № 59).

Повседневная печать, сочувствуя такимъ начинаніямъ въ области аграрной политики, усердно занимается вопросомъ о томъ, какъ крестьяне будутъ хорошо жить на новыхъ добавочныхъ земляхъ. Однако, сочувствуя раціональнымъ мѣропріятіямъ въ области аграрной политики, кажется, не мѣшало-бы, прежде всего, охранить ее отъ новой дезорганизаціи. Поземельная политика не должна носить двойственнаго характера. Одинъ и тотъ-же принципъ, примѣняемый къ частному землевладѣнію, долженъ быть послѣдовательно проведенъ и чрезъ всѣ виды и формы крестьянскаго землевладѣнія. Занимаясь благоустройствомъ крестьянъ на новыхъ добавочныхъ земляхъ, нужно, прежде всего, подумать о такомъ-же благоустройствѣ ихъ на старыхъ основныхъ земляхъ. Необходимо подвергнуть принципіальному пересмотру взаимныя отношенія казны и крестьянъ по отношенію къ основнымъ надѣльнымъ землямъ. Вопросъ объ этомъ принципіальномъ пересмотрѣ въ послѣдніе дни былъ снова возбужденъ «Московскими Вѣдомостями», которыя находятъ для мужика невозможнымъ дальше вносить непосильные выкупные платежи. Планъ, предложенный «Моск. Вѣд.», не отличающійся новизной, вызвалъ рядъ возраженій со стороны «Недѣли». «Московскія Вѣдомости» (№ 50) въ длинной статьѣ о выкупныхъ платежахъ утверждали, что воззрѣніямъ нашего крестьянина чуждо понятіе о частной собственности на землю, что мужики всѣ земли безъ различія считаютъ «царскими». Опираясь на такія правовыя воззрѣнія крестьянъ и принимая во вниманіе, что вы-

купная операція, въ силу цѣлаго ряда реформъ, утратила свой первоначальный характеръ, «Моск. Вѣдом.» находятъ необходимымъ преобразовать крайне тяжелые выкупные платежи въ довольно легкую оброчную подать, земли объявить государственными, а крестьянъ вѣчными наслѣдственными арендаторами. «Недѣля» возмутилась этимъ проектомъ «огосударствленія» крестьянскихъ земель и въ статьѣ «Аренда и собственность» (№ 9) категорически заявляетъ, что «Моск. Вѣд.» («Недѣля» говоритъ: «одна изъ газетъ») проповѣдуютъ нарушеніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ и порядковъ. Мужики сколько лѣтъ платятъ выкупные платежи для пріобрѣтенія земель въ собственность, а «Моск. Вѣд.» желаютъ уничтожить установившійся у насъ и не подлежащій нарушенію *типъ крестьянина-собственника*!..

Настаивая на типѣ крестьянина - собственника, «Недѣля», очевидно находитъ, что крестьяне теперь въ состояніи вносить выкупные платежи. Вопросъ о тяжести выкупныхъ платежей послѣ ихъ пониженія, по закону 1881 г., является довольно спорнымъ. Въ 1891 г. вышла ученая книга г. Ходскаго «Земля и земледѣлецъ», въ которой сказано: «пониженіе выкупныхъ платежей слѣдуетъ отнести къ числу важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу. Имъ, если и не вездѣ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ, исправленъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ Положенія 19 февраля, *именно устранено несоотвѣтствіе между среднею доходностью надѣловъ и выкупными платежами*» *). Такъ какъ любое мѣропріятіе не можетъ претендовать на абсолютную справедливость, а пробой для него служитъ именно большинство случаевъ, то, очевидно, по мнѣнію г. Ходскаго, пониженіемъ выкупныхъ платежей вообще устранено несоотвѣтствіе между среднею доходностью надѣловъ и выкупными платежами. Въ этомъ направленіи онъ идетъ дальше и утверждаетъ, что вообще къ 1891 г. получили право на мѣсто въ архивѣ всѣ сочиненія, трактующія объ усиленномъ обложеніи платежами крестьянъ и крестьянской земли. Такой дипломъ на мѣсто въ архивѣ г. Ходскій выдаетъ и извѣстной классической работѣ проф. Янсона «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ». «Со времени изданія «Опыта» (2-е изд. 1881 г.), говоритъ г. Ходскій, пожеланія, высказанныя проф. Янсономъ въ концѣ книги, какъ-то: пониженіе выкупныхъ платежей, кредитъ для покупки земли, преобразованіе податной системы (послѣднее, впрочемъ, имѣло мѣсто пока лишь относительно подушной подати)—въ истекшемъ десятилѣтіи сдѣлались совершившимся фактомъ и теперь стоитъ только сопоставить современныя цифры платежей крестьянъ за надѣленную землю съ тѣми, что находятся въ «Опытѣ» проф. Янсона и припомнить, что подушная

*) „Земля и земледѣлецъ", II т., 63 стр.

подать отошла уже въ область исторіи, чтобы вопросъ о высокихъ казенныхъ прямыхъ платежахъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, отпадалъ самъ собою»!..*). Замѣтьте, что г. Ходскій тутъ говоритъ уже не объ однихъ выкупныхъ платежахъ, а вообще о всѣхъ прямыхъ казенныхъ платежахъ, лежащихъ на крестьянской землѣ. Г. Ходскій, выпуская свою ученую книгу «Земля и землевладѣлецъ», вѣроятно, уже тогда работалъ надъ финансовой теоріей на индуктивномъ основаніи, проникнутомъ національнымъ характеромъ и окраской. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы кто-либо другой, кромѣ человѣка, подготовлявшагося осчастливить русскую науку «Основами государственнаго хозяйства» **), могъ категорически и беззастѣнчиво заявить, что къ 1891 г. вопросъ о высокихъ казенныхъ прямыхъ платежахъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, отпадалъ самъ собою. Мы не будемъ говорить о всѣхъ прямыхъ казенныхъ платежахъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, а остановимся только на выкупныхъ платежахъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Г. Ходскій въ 1891 г. могъ навести справку въ официальныхъ изданіяхъ о недоимкахъ выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ годы, слѣдовавшіе за ихъ пониженіемъ. Въ слѣдующей таблицѣ сгруппированы относящіяся сюда официальныя данныя.

Выкупныхъ платежей ***).

Годы.	Причиталось къ поступленію.	Оставалось въ недоимкѣ къ январю слѣдующаго года.
1883	43.597,900	14.844,140
1884	36.392,993	11.890,270
1885	40.890,156	16.202,261
1886	40.917,916	18.619,981
1887	40.860,925	16.106,890
1888	40.924,778	12.944,079
1889	41.424,829	13.019,313
1890	41.418,015	14.541,514

Думаемъ, что эти цифры недоимокъ, скопившихся къ 1891 г., говорятъ о чемъ угодно, только не о томъ, будто-бы пониженіемъ выкупныхъ платежей по закону 1881 г. устранено несоотвѣтствіе между среднею доходностью надѣловъ и этими платежами. Тяжесть этихъ платежей, несмотря на ихъ пониженіе, ясно выступила и въ 1891 г. и въ слѣдующіе годы, которымъ онъ завѣщалъ послѣдствія голода. Само

*) Земля и земледѣлецъ, II т., 249—250 с.

**) См. рецензію по книгѣ Ходскаго «Основы государственнаго хозяйства» въ «Сѣв. Вѣстн.» № 3, 1895 г.

***) Отчетъ государственнаго банка по выкупной операціи съ открытія выкупа по 1 января 1882 г., 23 с.

собою понятно, что въ годы особенно неблагопріятные населеніе должно было накопить самыя крупныя недоимки по тѣмъ платежамъ, которые для него особенно тяжелы и въ болѣе или менѣе нормальные годы. Наиболѣе крупныя недоимки въ 1891 и въ 1892 гг. населеніе накопило по выкупнымъ платежамъ. Недоимки по выкупнымъ платежамъ въ 18 пострадавшихъ губерніяхъ къ 1 января 1893 г. достигли до 80.206,737 руб. Взглядъ правительства на эти недоимки и на причины ихъ накопленія ясно характеризуется въ принятыхъ имъ мѣропріятіяхъ. 7 февраля 1894 г. послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта «о порядкѣ отсрочки и разсрочки недоимокъ выкупныхъ платежей», въ 1-мъ п. котораго сказано: «министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ подлежащихъ случаяхъ съ военнымъ министромъ, предоставляется, по ходатайствамъ губернскихъ присутствій и губернскихъ или областныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, разрѣшать отсрочку и разсрочку недоимокъ выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій, безъ ограниченія суммы и продолжительности льготы съ тѣмъ, чтобы ежегодно на погашеніе недоимки взносы каждаго сельскаго общества не превосходили одного годового оклада выкупныхъ по сему обществу платежей, и чтобы недоимки, отсроченныя на послѣдующее, по окончаніи выкупной операціи время, погашались путемъ продолженія срочныхъ платежей въ прежнемъ размѣрѣ до тѣхъ поръ, пока ежегодными взносами не будетъ покрыта вся недоимка». Намѣченныя здѣсь облегченія въ принципѣ доведены до такихъ размѣровъ, что узаконеніе ихъ можно себѣ объяснить только прямой увѣренностью правительства въ томъ, что, при тяжести годовыхъ окладовъ выкупныхъ платежей, на сколько-нибудь успѣшное и регулярное поступленіе недоимокъ нельзя питать никакихъ надеждъ. Законъ 7 февраля 1894 г. весь построенъ на той мысли, что тяжелые годовые оклады выкупныхъ платежей необходимо облегчить, отсрочивая и разсрочивая недоимки всѣми возможными способами. Этотъ законъ едвали-бы допустилъ такія широкія рамки для отсрочекъ и разсрочекъ по платежу недоимокъ, если бы главной причиной этихъ недоимокъ признавалось экстраординарное стеченіе обстоятельствъ, а не ординарная тяжесть выкупныхъ платежей. Если бы недоимки по выкупнымъ платежамъ признавались продуктомъ экстраординарныхъ событій, вызванныхъ 1891 г., то и законъ 7 февраля 1894 г. распространился-бы только на пострадавшія губерніи. На самомъ-же дѣлѣ, какъ видно изъ офиціальныхъ къ нему комментаріевъ, законъ 7 февраля распространяется на всѣ губерніи и на всѣ группы крестьянъ, обложенныхъ выкупными платежами. Въ статьѣ «Вѣстника Финансовъ», разъяснявшей законъ 7 февраля 1894 г., между прочимъ, было сказано: «пользованіе льготами по платежу недоимокъ выкупныхъ платежей на

вышеуказанныхъ основаніяхъ (т. е. на основаніяхъ закона 7 февраля 1894 г.) должно быть предоставлено не только населенію губерній пострадавшихъ отъ неурожая, но представлялось вполнѣ справедливымъ и совершенно цѣлесообразнымъ распространить ихъ на всѣ прочія губерніи *)».

Такимъ образомъ, законъ 7 февраля не ограничиваетъ вопросъ о недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ только одними бывшими помѣщичьими крестьянами. Наоборотъ, онъ имѣетъ въ виду недоимки и причины ихъ накопленія по всѣмъ группамъ крестьянъ, т. е. бывшихъ помѣщичьихъ, бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ. Нѣтъ спора, выкупные платежи бывшихъ удѣльныхъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣсколько ниже, чѣмъ бывшихъ помѣщичьихъ, но это говоритъ лишь о крайней тяжести выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а не о легкости тѣхъ-же платежей у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Выкупные платежи съ бывшихъ государственныхъ и съ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ всегда поступали также съ крупными недоборами. Мало того, въ росписяхъ за послѣдніе годы выкупные платежи со всѣхъ трехъ группъ крестьянства даже заносятся не въ полной суммѣ годового оклада, а съ значительнымъ его пониженіемъ. Такимъ образомъ, министерство финансовъ уже при самомъ составленіи росписей признаетъ, что выкупные платежи не могутъ поступать въ размѣрѣ полнаго ихъ годового оклада и напередъ ожидаетъ болѣе или менѣе крупную цифру недоимокъ. Такъ и въ росписи на текущій годъ сказано: «сумма ожидаемыхъ выкупныхъ платежей опредѣлена въ видахъ осторожности, по среднему поступленію ихъ за 1887—1893 гг., не исключая и неурожайныхъ лѣтъ,—ниже оклада на 10,5 милл. рублей».

Въ виду этого, результаты изслѣдованій о выкупныхъ платежахъ, изложенные покойнымъ проф. Янсономъ, и высказанныя имъ пожеланія далеко нельзя признать устарѣвшими. Наоборотъ, ихъ нужно признать наиболѣе отвѣчающими современнымъ взглядамъ министерства финансовъ на выкупные платежи всѣхъ трехъ группъ крестьянства. Въ наше безхарактерное время будемъ подальше держаться отъ разныхъ современныхъ авторитетовъ, а будемъ помнить слѣдующія слова проф. Янсона, сказанныя имъ въ «Опытѣ»: «плохое питаніе, дурныя физическія и моральныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность,— все это имѣетъ свою ближайшую причину въ бѣдности населенія, а бѣдность сама если и проистекаетъ отъ слабости нравственныхъ силъ и недостатка трудовой энергіи, то не отъ нихъ она пошла и не ими она стоитъ на русской землѣ. Ведетъ она свое начало не съ послѣднихъ вре-

*) «Облегченіе сельскимъ обществамъ уплаты недоимокъ по выкупнымъ платежамъ» въ «Вѣстн. Фин.» отъ 20 февраля 1894 г.

менъ, ее создало вѣковое крѣпостное состояніе, но поддерживаетъ ее тамъ скудная почва, къ которой фактически привязано населеніе, здѣсь ничтожный надѣлъ, съ котораго нельзя сойти, тамъ безземелье, здѣсь отсутствіе всякихъ заработковъ и происходящее отъ того и другого низкое вознагражденіе труда; наконецъ, тяжесть общихъ государственныхъ, земскихъ и мѣстныхъ податей и сборовъ, лежащихъ не на имуществѣ и его доходѣ, а на личномъ трудѣ, и высокая плата за землю, которая едва-ли кормитъ того, кто ее обрабатываетъ».

Такое положеніе крестьянъ на основной надѣльной ихъ землѣ, въ связи съ платежами за эту землю казнѣ, и служитъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» исходнымъ пунктомъ для обсужденія вопроса о желательной реформѣ взаимныхъ отношеній казны и крестьянъ къ той-же основной надѣльной крестьянской землѣ. Право собственности на эти земли, по мнѣнію газеты, убыточно для крестьянъ. Они желаютъ отъ него отдѣлаться, а правительство, не облегчая сидѣнія на собственной землѣ, въ то-же самое время желаетъ удержать на ней крестьянъ, ограничивая ихъ право собственности до того, что оно почти утратило характеръ, приданный ему при началѣ выкупной операціи. «Моск. Вѣдом.» желаютъ примирить стремленіе правительства удержать крестьянъ на землѣ съ необходимостью сдѣлать для нихъ это сидѣніе менѣе обременительнымъ, не убыточнымъ и не разорительнымъ. Если отъ первоначально предоставленнаго крестьянамъ права собственности на земли, пріобрѣтаемыя путемъ выкупной операціи, осталось мало слѣдовъ, то не «ясно-ли,—спрашиваютъ «Моск. Вѣд.» (№ 50),—что сама жизнь исправляетъ ошибки прошлаго, наталкиваетъ насъ на единственно разумный *историческій путь* къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса,—путь, съ котораго намъ и не слѣдовало никогда сходить? Вѣдь правительству стоитъ сдѣлать еще только одинъ шагъ по пути, на который сами обстоятельства заставили его вступить,—*стоитъ только уничтожить срочность выкупныхъ платежей* и окончательно обратить ихъ въ обыкновенный поземельный налогъ, который, по самому существу своему, предполагается безсрочнымъ, признать, что земля, выкупленная у помѣщиковъ и за которую заплатила казна, ей-же, то-есть казнѣ, или государству, и принадлежитъ, а вовсе не крестьянамъ, которыхъ та-же казна надѣлила землей, необходимою для ихъ существованія и исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей, — достаточно, говоримъ мы, сдѣлать этотъ необходимый шагъ, чтобы эра опытовъ и неустойчивости въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ сразу прекратилась, и чтобы самое дѣло это получило правильное разрѣшеніе. Народъ нашъ до сихъ поръ вѣритъ, что земля «царская»; въ этомъ случаѣ всякій русскій человѣкъ, не отдѣляя личность Государя отъ понятія о государствѣ, смотритъ на выкупные платежи какъ *на налогъ—только самый тяжелый изо всѣхъ—и ждетъ не дождется, когда «начальство» «ослобонитъ» его отъ этой непосиль-*

ной тяготы. Самое стремленіе крестьянъ отдѣлаться отъ надѣльной земли, продать ее — въ громадномъ большинствѣ случаевъ вызывается именно желаніемъ развязаться съ тяжелыми выкупными платежами за эту самую землю. Фактъ этотъ, офиціально засвидѣтельствованный, былъ принятъ во вниманіе государственнымъ совѣтомъ при обсужденіи закона 28 января 1894 года. Спрашивается, зачѣмъ намъ возлагать на нашъ народъ, и безъ того обремененный всякими платежами, еще эту выкупную тяготу—лишь для того, чтобы дать ему теоретическое, отвлеченное право собственности на его землю—право, которое мы вынуждены отнимать у него, какъ опасное оружіе изъ рукъ ребенка, какъ только народъ начинаетъ серьезно имъ пользоваться! Какъ будто земля эта на самомъ дѣлѣ принадлежитъ народу—и кто-нибудь ее у него отниметъ?! Признать выкупную или невыкупную крестьянскую землю—землею государства, а выкупные платежи обратить въ оброчную за эту землю подать, *понизивъ ихъ притомъ на половину, если нужно хоть на* $^3/_4$—вотъ мѣра простая, справедливая и которая — мы въ томъ увѣрены — будетъ съ восторгомъ принята самими крестьянами».

Намъ никогда не приходилось быть солидарными съ «Моск. Вѣд.». но на этотъ разъ мы вполнѣ соглашаемся, что эта «мѣра простая, справедливая и будетъ съ восторгомъ принята крестьянами». Она вполнѣ отвѣчаетъ и тому принципіальному рѣшенію вопроса объ упорядоченіи поземельныхъ отношеній въ Россіи, которое было нами предложено въ статьѣ «Выкупъ дворянскихъ земель въ казну».

Однако, защитники благороднаго нищенствованія по собственному праву на своей собственной землѣ пришли въ ярость. Они вопятъ, будто-бы обнаружилось поползновеніе нарушить одну изъ основъ Положенія 19 февраля. «Недѣля» (№ 9) въ названной статьѣ «Аренда и собственность» говоритъ: «Недавно одна изъ газетъ сообщила о существующихъ гдѣ-то предположеніяхъ обратить даже крестьянскіе надѣлы въ безсрочно-арендное владѣніе. Пусть-де крестьяне остаются при своихъ земляхъ попрежнему, но земли эти считаются не ихъ собственностью, а казенною, при чемъ крестьяне должны будутъ вносить выкупные платежи не до истеченія 49-лѣтняго срока со дня выкупа, а постоянно, безгранично. Очевидно, тутъ сказывается поползновеніе измѣнить одну изъ основъ Положенія 19 февраля, безъ всякихъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ мотивовъ. Подобныя предположенія замѣчательны собственно своею характерностью, указывая на держащуюся кое-гдѣ наклонность къ признанію преимущества аренды предъ выкупомъ; но, разумѣется, опасаться фактическаго ихъ осуществленія нѣтъ никакихъ основаній даже по чисто формальнымъ соображеніямъ. Большая часть крестьянъ до сихъ поръ успѣла уже погасить большую половину своего долга и предъ нею въ недалекой перспективѣ полное освобожденіе отъ выкупного платежа. Къ вы-

купу крестьяне приступали въ виду правительственнаго объявленія о срочности платежей, вслѣдствіе постепеннаго погашенія выкупныхъ ссудъ, такъ что отношенія крестьянъ къ землѣ и платежамъ получили отчасти договорный характеръ. Сверхъ того, на право собственности на свои надѣлы крестьяне давно имѣютъ установленные крѣпостные акты, сила которыхъ никакъ не меньше силы купчихъ крѣпостей, ограждающихъ прочную частную земельную собственность. Стало быть, осуществленіе чего-либо подобнаго безсрочной арендѣ явилось-бы лишеніемъ людей права, уже ими пріобрѣтеннаго и закрѣпленнаго обычными, по отношенію къ собственности, государственными гарантіями. Невыгода-же подобнаго обращенія для самихъ плательщиковъ выражается не только въ безсрочности платежа, но и въ томъ, что съ обращеніемъ послѣдняго въ простую казенную повинность онъ легко можетъ періодически измѣняться въ размѣрѣ. Принявъ все это во вниманіе, конечно, нельзя не заключить, что упомянутыя газетныя предположенія—не болѣе, какъ безпочвенное мудрованіе, выражающее лишь мечты о вѣчномъ усиленномъ обложеніи мужика». Въ концѣ-концовъ, по заявленію «Недѣли», все нужно подводить *«къ установившемуся уже у насъ типу—крестьянина-собственника»*.

Такимъ образомъ, «Недѣля» желаетъ отстоять совершенно обратную постановку вопроса объ упорядоченіи положенія крестьянъ на ихъ основной надѣльной землѣ. По мнѣнію газеты, «огосударствленію», крестьянской надѣльной земли препятствуетъ именно характеръ выкупной операціи и связанныхъ съ нею выкупныхъ платежей. Защита этого тезиса обставлена до крайности слабо. «Недѣля» обходитъ всѣ основныя положенія «Моск. Вѣд.», о неимовѣрной тяжести выкупныхъ платежей, о бѣгствѣ крестьянъ съ земли и т. д. Въ пользу-же своего собственнаго тезиса газета выставила нѣсколько положеній, изъ которыхъ каждое поражаетъ своимъ невѣжествомъ. «Къ выкупу крестьяне приступали, говоритъ «Недѣля», въ виду правительственнаго объявленія о срочности платежей, вслѣдствіе постепеннаго погашенія выкупныхъ ссудъ, такъ что отношенія крестьянъ къ землѣ и платежамъ получили отчасти договорный характеръ». Странно. Крестьяне приступили къ выкупу не въ виду срочности платежей, не въ силу ясно выраженнаго желанія стать собственниками земли, и у нихъ въ головѣ никогда не могло возникнуть представленія о томъ, что они заключаютъ якобы ненарушимый договоръ. Прежде всего, что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то законъ предоставлялъ право помѣщику требовать, чтобы его крестьяне были переведены на выкупъ. До объявленія помѣщичьихъ крестьянъ переходящими на обязательный по закону выкупъ большая часть выкупныхъ сдѣлокъ была заключена именно по одному требованію помѣщиковъ. Помѣщикъ заявлялъ свое требованіе и казна объявляла его крестьянъ перешедшими на выкупъ. Съ

1883 г., какъ извѣстно, всѣ помѣщичьи крестьяне, не приступавшіе къ выкупу, были объявлены состоящими на обязательномъ выкупѣ. Удѣльные и государственные крестьяне по закону были объявлены состоящими на обязательномъ выкупѣ. Значитъ, за исключеніемъ того скромнаго числа выкупныхъ сдѣлокъ, которое состоялось по взаимному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, всѣ крестьяне не по договору, а по обязательному приказу были возведены именно государствомъ въ рангъ крестьянъ-собственниковъ, и за этотъ рангъ ихъ обязали платить въ казну не малые сборы.

«Недѣля» очень скоро покончила съ этими сборами. «Большая часть крестьянъ, говоритъ газета, до сихъ поръ успѣла уже погасить половину своего выкупного долга и предъ нею въ недалекой перспективѣ полное освобожденіе отъ выкупного платежа». Это тоже явное невѣжество. Изъ 23.396,069 ревизскихъ душъ крестьянъ разнаго наименованія 9.643,606 или 43,1% приходится на долю государственныхъ крестьянъ. Государственные крестьяне переведены на выкупъ съ 1887 г. и обязаны вносить выкупные платежи въ теченіе 44 лѣтъ. Слѣдовательно, 43,1 проц. всѣхъ крестьянъ, по ревизскому счету, вносятъ выкупные платежи 8 лѣтъ и имъ еще осталось до перспективы полнаго освобожденія 36 лѣтъ! Бывшіе крѣпостные крестьяне погашаютъ свои обязанности по взносу выкупныхъ платежей въ 49 лѣтній срокъ. Выходили они на выкупъ въ разное время и добрая половина этихъ крестьянъ не прошла еще и 24 лѣтъ до перспективы полнаго освобожденія. Считая, что число такихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ составляетъ 20 проц. изъ всего числа крестьянъ разныхъ наименованій, мы получаемъ 63 проц. крестьянъ, для которыхъ перспектива, рисуемая «Недѣлей», тонетъ во тьмѣ грядущихъ временъ. Ту часть бывшихъ крѣпостныхъ, которая перешла на обязательный выкупъ съ 1883 г., освобожденіе ждетъ еще въ 1932 году!

Разныя ссылки на крѣпостные акты, на государственныя гарантіи права собственности на землю тонутъ въ той общей посылкѣ, что у насъ установился традиціонный типъ крестьянина-собственника. Это основная посылка разныхъ неблаговидныхъ народолюбцевъ. Къ счастію, у насъ еще не погибъ крестьянинъ, какъ мірской человѣкъ, твердо вѣрующій, что земля «Божія», потомъ «царская», а потомъ «мірская». Такая градація правовыхъ міровоззрѣній крестьянства засвидѣтельствована оффиціально и нельзя сказать, чтобы въ актахъ правительственной регламентаціи выражалось явное ихъ неодобреніе. Наконецъ, что касается того, будто-бы проектъ «огосударствленія» крестьянскихъ земель и преобразованія выкупныхъ платежей въ наслѣдственную арендную плату выражаетъ мечты о вѣчномъ усиленномъ обложеніи мужика, то это чистая выдумка. Даже «Мос. Вѣд.», нерѣдко обуреваемыя такими мечтами, какъ мы видѣли, проектируютъ «огосударствленіе» крестьянскихъ земель ради уменьшенія вы-

купныхъ платежей на $^1/_2$ или даже на $^3/_4$. Вообще усиленное обложеніе мужика если и крайне нежелательно, то въ равной степени возможно какъ при настоящихъ, такъ и при всякихъ иныхъ отношеніяхъ его къ землѣ. Да и какъ такимъ тенденціямъ не процвѣтать, когда народолюбивая «Недѣля» не желаетъ избавить крестьянъ отъ тяжести выкупныхъ платежей ради того, чтобы они оплатили нужный ей «типъ крестьянина-собственника»!

Быть можетъ, это и «недѣльная», но далеко не народная, не земская точка зрѣнія. Не заходя далеко вглубь исторіи, сохранившей не мало разныхъ земскихъ ходатайствъ о преобразованіи выкупныхъ платежей, мы отмѣтимъ постановленіе послѣдняго старооскольскаго уѣзднаго земскаго собранія Курской губ. Старооскольское земство полагаетъ, что «выкупной платежъ, который въ настоящее время, вслѣдствіе обезцѣненія земли и ея продуктовъ, *ложится всецѣло на крестьянскій трудъ*, *долженъ быть или совсѣмъ сложенъ* или значительно пониженъ». Старооскольское земство находитъ, что крестьяне достаточно уже поплатились собственными средствами за право сидѣнія на землѣ. Выкупные платежи не являются налогомъ, взимаемымъ со всѣхъ гражданъ, а представляются сборомъ съ однихъ крестьянъ. Упорядоченіе же сидѣнія крестьянъ на землѣ есть общегосударственное дѣло и его нужно вести на общегосударственный счетъ. Эту правильную точку зрѣнія не слѣдовало-бы опускать изъ виду и въ заботахъ о благоустройствѣ крестьянъ на земляхъ добавочныхъ. Послѣ «огосударствленія» основныхъ надѣльныхъ земель невозможно вести операціи по снабженію крестьянъ добавочными землями за счетъ выкупной операціи. Въ этомъ отношеніи «Моск. Вѣд.» впали въ странное противорѣчіе. Уничтоживъ выкупную операцію, онѣ въ то же самое время признавали возможнымъ и желательнымъ образованіе собственнаго капитала крестьянскаго банка за счетъ остатковъ отъ выкупной операціи!

Собственный капиталъ крестьянскаго банка, насколько извѣстно, и назначается для операцій банка по пріобрѣтенію земель въ собственность государства. Если это пріобрѣтеніе земель въ собственность государства желательно и необходимо, то его слѣдуетъ вести за счетъ и на средства всего государства, а не на средства однихъ крестьянъ. Въ противномъ случаѣ получится странное противорѣчіе. Земли будутъ считаться собственностью всего государства, хотя онѣ будутъ куплены на средства только одного класса обывателей. Вотъ почему, быть можетъ, и окажутся основательными газетныя извѣстія о предстоящемъ пересмотрѣ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу образованія собственнаго капитала крестьянскаго банка. Какъ извѣстно, этотъ капиталъ будетъ образованъ въ силу Высочайшаго манифеста отъ 14 ноября 1894 г. Постановлено ежегодно отчислять скромный процентъ изъ суммы дѣйствительно поступившихъ выкупныхъ платежей вплоть до тѣхъ поръ, пока не накопится 50 мил.

руб. Эти 50 м. р. и будутъ составлять собственный капиталъ банка. Сущность этой операціи вызвала разныя сужденія въ печати, но болѣе подробному анализу подвергъ ее г. Ходскій въ своемъ докладѣ, прочитанномъ въ 3-мъ отдѣленіи Имп. вольнаго экономическаго общества 26 ноября 1894 г. Докладъ этотъ не напечатанъ и мы приводимъ его содержаніе по газетному отчету. Упомянувъ о пониженіи процентовъ по ссудамъ изъ крестьянскаго банка, г. Ходскій сказалъ: «но въ Высочайшемъ манифестѣ, кромѣ отмѣченной милости, есть еще другая, весьма существенная для той среды, на которую распространяется дѣятельность крестьянскаго банка, въ корень измѣняющая постановку дѣла: это—образованіе, въ силу пункта 8 Высочайшаго манифеста, собственнаго капитала банка до 50-ти милліоновъ рублей путемъ процентовъ отчисленій съ поступленія въ казну выкупныхъ платежей. Взявши за крайнія цифры поступленій выкупныхъ платежей 1891 г. (неурожайный) 70,780 т. р. и 1893 г.—98,994 т. р., въ капиталъ банка ежегодно должно поступать отъ 700 т. р. до 5 и болѣе милл. руб.; такъ что не далеко то будущее, когда у крестьянскаго банка, начавшаго съ 300 тыс. рублей, отпущенныхъ ему государственнымъ казначействомъ и вскорѣ возвращенныхъ,—окажется свой капиталъ въ 50 милл. руб. Здѣсь, впрочемъ, важны, главнымъ образомъ, не столько эти 50 милл., а признаніе какъ-бы духовной связи крестьянскаго поземельнаго банка съ выкупной операціей во всей ея полнотѣ, такъ какъ собственный капиталъ банка составляется изъ отчисленій отъ всѣхъ выкупныхъ платежей крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и др. Опираясь на собственный громадный капиталъ, дѣятельность крестьянскаго банка можетъ развиться до крайнихъ предѣловъ».

Эти разсужденія г. Ходскаго не встрѣтили ни сочувствія, ни одобренія со стороны Имп. вольнаго экономическаго общества. Судя по газетному отчету, во время преній было указано, что «50 милліонный фондъ не можетъ имѣть особеннаго практическаго значенія для операцій банка». Газетный отчетъ умалчиваетъ о тѣхъ мотивахъ, которыми было вызвано такое заключеніе общества, что, правда, для насъ и не особенно важно. Достаточно сказать, что г. Ходскій скрѣпляетъ родственными узами всю операцію по благоустройству крестьянъ на добавочныхъ земляхъ съ той самой выкупной операціей, которая не имѣетъ никакихъ основаній для своего дальнѣйшаго существованія.

Г. Ходскій упустилъ изъ виду, что казна для образованія на указанныхъ началахъ собственнаго капитала крестьянскаго банка не понесетъ никакихъ потерь, а поступится своими барышами. Послѣднія конверсіи понизили проценты по тѣмъ бумагамъ, которыми выдавались выкупныя ссуды, а крестьяне попрежнему будутъ вносить выкупные платежи въ томъ-же самомъ размѣрѣ, въ какомъ они были уста-

новлены при переводѣ ихъ на выкупъ. Мало того, г. Ходскій не захотѣлъ припомнить то, что онъ самъ писалъ 3 года тому назадъ о пониженіи годового оклада выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 12 м. р. «Пониженіе выкупныхъ платежей,—писалъ г. Ходскій,—непосредственнымъ своимъ результатомъ должно было имѣть уменьшеніе ежегодныхъ поступленій въ государственное казначейство... Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи финансовой стороны выкупной операціи, передъ нами развертывается совершенно иная картина. Въ составъ выкупного 6% оклада, какъ мы знаемъ, кромѣ роста и погашенія, входятъ ½%, предполагавшіеся на расходы по операціи, на образованіе запаснаго капитала и проч. Но при громадной суммѣ, свыше 700 м. выкупныхъ ссудъ, можно a priori сказать, что, какъ-бы щедро ни опредѣлялись расходы по самой операціи, немыслимо, чтобы они могли ежегодно поглощать ½% на всю эту сумму. Дѣйствительно, уже въ «Объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1871 г.» мы читаемъ: «государственное казначейство, несмотря на значительную недоимку въ слѣдующихъ ему срочныхъ взносахъ, не произвело затратъ изъ своихъ средствъ на платежи по выкупной операціи и даже могло своевременно располагать значительными суммами по сей операціи, наличность коихъ къ 1 января 1872 г. составляла 35.163,844 р.». Данныя о движеніи суммъ по выкупной операціи за пятнадцатилѣтній періодъ (1861—1876 гг.) показываютъ, что ½%, сверхъ 5½% платежа погашенія на первоначальный выкупной долгъ было достаточно не только для покрытія издержекъ по операціоннымъ расходамъ, но они съ избыткомъ покрывали и всѣ недоимки по выкупнымъ платежамъ. За первыя 15 лѣтъ отъ начала выкупной операціи было только 4 года, когда итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи превышалъ доходы (въ 1862 г.— на 76,575 р., въ 1868 г.—на 4.418,929 р., въ 1872 г.—на 6.620,418 р. и въ 1873 г.—на 144,828 р.); общій-же балансъ выкупной операціи за первыя 15 лѣтъ далъ въ пользу плюса 38.323,382 р. или 2.554,892 р. среднимъ числомъ въ годъ. Если мы возьмемъ отчетъ государственнаго контроля за смѣтный періодъ 1879 года, то въ объяснительной запискѣ (стр. 58) найдемъ, что расходъ по выкупной операціи въ этомъ году былъ менѣе поступленія на 1.910,630 руб. 74 коп. Приведенныя цифры представляютъ убѣдительное доказательство того, что, несмотря на значительную недоимку въ 16—17 м. р. по выкупнымъ платежамъ, накопившуюся за весь періодъ, выкупная операція не только не дала дефицита, но за первыя-же 20 лѣтъ отъ нея долженъ былъ получиться избытокъ не менѣе 40.000,000 р., которые при точномъ соблюденіи ст. 143 положенія о выкупѣ должны были составить *запасный капиталъ, предназначавшійся исключительно на нужды выкупной операціи*... Правда, когда былъ рѣшительно поставленъ вопросъ объ остаткахъ выкупныхъ

платежей (при ихъ пониженіи), ихъ не только не оказалось налицо, но и добраться, на какое назначеніе они ушли, сдѣлалось почти невозможнымъ. Весьма вѣроятно, что, вопреки точному смыслу ст. 143 положенія о выкупѣ, остатки отъ выкупныхъ платежей просто смѣшались съ такъ называемыми коммерческими прибылями государственнаго банка или поступили въ обыкновенный доходъ казны *)».

Все здѣсь сказанное, кажется, диктовало г. Ходскому весьма опредѣленное рѣшеніе вопроса о предполагаемомъ теперь образованіи собственнаго капитала крестьянскаго банка за счетъ выкупной операціи. Вѣдь ничто же ему не мѣшало по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей сдѣлать совершенно ясные и послѣдовательные выводы изъ приведенныхъ имъ данныхъ. «Выкупная операція, говорилъ г. Ходскій, задумана не въ видахъ извлеченія изъ нея государственнаго дохода». Поэтому, если бы для пониженія выкупныхъ платежей и понадобилась ежегодная затрата изъ средствъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 3 м. р., то, говорилъ г. Ходскій, казна отдала-бы «выкупной операціи то, что раньше взяла отъ нея»**). Потомъ онъ послѣдовательно доказывалъ, что никакихъ пожертвованій изъ средствъ государственнаго казначейства на пониженіе выкупныхъ платежей по закону 1881 г. не потребуется и дѣйствительно не потребовалось. Г. Ходскій былъ вполнѣ правъ, утверждая, что выкупная операція «доставила казнѣ до 40 милл. чистаго дохода въ первыя 20 лѣтъ и дастъ еще въ окончательномъ результатѣ, несмотря на пониженіе, болѣе или менѣе крупную сумму излишка»***). Такъ какъ всѣ эти излишки должны были идти на образованіе *запаснаго капитала* по выкупной операціи, въ затратѣ котораго на нужды этой операціи надобности не предстояло и не предстоитъ, то въ сущности говоря имѣется уже вполнѣ готовый капиталъ для операцій крестьянскаго банка по пріобрѣтенію частныхъ земель въ собственность государства. Въ виду этого, если въ принципѣ признано возможнымъ приступить къ пріобрѣтенію земель въ собственность государства только за счетъ остатковъ отъ однихъ крестьянскихъ выкупныхъ платежей, то и для достиженія этой цѣли нѣтъ надобности сохранять выкупную операцію и ставить въ зависимость отъ ея продолженія все дѣло по снабженію крестьянъ добавочными землями. При данныхъ офиціальныхъ отчетахъ о положеніи средствъ государственнаго казначейства, казна не затруднится отчисленіемъ выше указанныхъ 40 милл. руб. для начала операцій по пріобрѣтенію частныхъ земель въ собственность государства. Все же дальнѣйшее веденіе этой операціи нельзя возлагать на одни крестьянскія средства, что противорѣчило-бы самой идеѣ этого безспорно

*) Ходскій «Земля и земледѣлецъ», II, 53—55, 62 стр.

**) Ibid., 62 стр.

***) Ibid., 63 стр.

великаго дѣла. И тутъ, по нашему мнѣнію, «Биржевыя Вѣдомости» (№ 59) въ статьѣ «Покупка земель государствомъ» высказали рядъ соображеній, заслуживающихъ вниманія.

«Мысль (о пріобрѣтеніи частныхъ земель въ собственность государства), безъ сомнѣнія, правильная, и противъ нея, говорятъ «Бирж. Вѣд.», нельзя ничего возразить съ точки зрѣнія теоріи, но на практической почвѣ это дѣло, вѣроятно, встрѣтитъ не мало затрудненій. Трудность, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что эта операція поставлена *недостаточно широко* и какъ-бы только приклеена къ главной задачѣ банка. Если эту операцію производить въ незначительныхъ размѣрахъ и не задаваться широкой задачей, то она, безъ сомнѣнія, окажется трудно исполнимой, такъ какъ это дѣло требуетъ широкой и свободной иниціативы, при чемъ убытки по операціямъ одной мѣстности покроются съ избыткомъ прибылями отъ такихъ-же операцій, производимыхъ въ другой части нашего обширнаго отечества. Въ настоящее время на покупку земель за счетъ банка предположено употребить, и то не сразу, «собственный» капиталъ банка, равняющійся приблизительно 3 милл. р., но вѣдь это капля въ морѣ, и стоитъ только произвести гдѣ-либо неудачную покупку, а такихъ неудачныхъ покупокъ избѣгнуть трудно, какъ все это симпатичное дѣло можетъ погибнуть, не давъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Для правильной постановки операціи покупки самимъ банкомъ земель для переуступки ея крестьянамъ, необходимо, чтобы эта операція была выдѣлена всецѣло изъ круга его дѣятельности и поручена особому компетентному органу, вполнѣ независимому отъ дворянскаго земельнаго банка. У насъ земли много, ежегодно громадныя пространства земель въ различныхъ частяхъ нашего обширнаго отечества мѣняютъ своихъ исконныхъ владѣльцевъ, попадая въ руки кулаковъ. Надо только, чтобы намѣченная нынѣ въ проектѣ новаго устава крестьянскаго банка симпатичная задача была поставлена достаточно прочно. *Для этой цѣли не нужно жалѣть денегъ, въ особенности тогда, когда въ государственномъ казначействѣ имѣется достаточно наличныхъ средствъ*, и поступленія доходовъ превышаютъ расходы на сотню милл. рублей противъ предположенныхъ въ росписи поступленій. Отчисленныя на покупку земель средства являются только временной ссудой, которая вернется въ то-же казначейство сторицей въ формѣ правильныхъ поступленій срочныхъ платежей, податей и налоговъ отъ обезпеченнаго землей населенія. Въ нашей народной жизни не должно быть мѣста полумѣрамъ. Необходимо радикальное лѣченіе нашихъ хозяйственныхъ недуговъ».

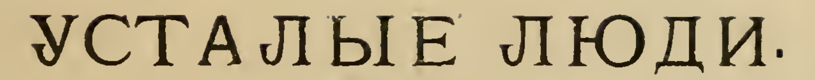
Такое радикальное лѣченіе недуговъ, однако, не будетъ достигнуто, если земли, пріобрѣтенныя государствомъ, будутъ потомъ продаваться въ собственность крестьянамъ. Онѣ должны всегда составлять неотчуждаемую собственность государства и могутъ состоять только въ пользованіи

и притомъ только тѣхъ лицъ, которыя собственными руками обрабатываютъ землю. Поэтому, сообщенія газетъ о томъ, будто-бы частныя земли будутъ пріобрѣтаться государствомъ для послѣдующей затѣмъ ихъ распродажи крестьянамъ, намъ просто кажутся невѣроятными. Осуществленіе такого проекта походило-бы на разрушеніе сегодня лѣвой рукой того, что вчера было устроено правой. И если «Недѣлѣ» простительно платить дань невѣжеству и доказывать, что земля, пріобрѣтаемая государствомъ, должна потомъ отчуждаться въ собственность крестьянъ, то это не должно вызывать соревнованія у ученыхъ обществъ. Къ сожалѣнію, 3-е отдѣленіе Имп. вольнаго экономическаго общества пошло дальше «Недѣли» и полагаетъ, что отчужденіе не вновь пріобрѣтаемыхъ, а существующихъ уже казенныхъ земель должно служить «*исходнымъ пунктомъ* въ дѣлѣ содѣйствія крестьянамъ въ пріобрѣтеніи покупкою земель»*). Кажется, среди членовъ 3-го отдѣленія имѣются ученые финансисты. которые должны были-бы знать, что современная финансовая наука вопросъ объ отчужденіи казенныхъ земель рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что государство не должно отчуждать ни одной пяди изъ принадлежащихъ ему земель.

П. Кузнецовъ.

---

*) Труды Имп. вольнаго экономическаго общества № 1 1885 г., ст. 50.

УСТАЛЫЕ ЛЮДИ.

Романъ **Арне Гарборга.**

Переводъ съ датскаго **О. М. Петерсонъ.**

VI.

(30-го сентября).

Осень—мое время, особенно, если она дождлива и туманна. Въ послѣобѣденное время часами брожу я тогда за городомъ и наслаждаюсь блѣдностью лѣсовъ и болѣзненной краснотой и желтизной опадающей листвы, и утопаю въ грустномъ настроеніи.

Птицы умолкаютъ и улетаютъ, и все ищетъ крова и пріюта. Со всѣхъ окрестныхъ горъ и пригорковъ, со стороны расположенныхъ на нихъ маленькихъ человѣческихъ домиковъ, доносится какой-то гулъ и жужжаніе: это работаютъ молотилки; работаютъ на зиму. Всѣ знаютъ, чего надо ждать, и приготовляются заранѣе: запасаются припасами, топливомъ, платьемъ, чтеніемъ,—точно въ виду долгой осады.

Въ такіе дни на меня нападаетъ иногда охота кропать стихи. Нижеслѣдующіе написаны самимъ Јерре и мнѣ нѣтъ нужды доказывать ихъ оригинальность:

«Зловѣщее черное знамя
Какъ тѣнь надъ землей развернулось,
Смерть клячу свою осѣдлала
И гибель развозитъ по міру:
Трусйтъ смерть на жалкой кляченкѣ,
И зелень луговъ выцвѣтаетъ.
На небѣ чуть держится солнце.
Уныло такъ смотритъ на землю».
«Листва на вѣтвяхъ увядаетъ;
Ростки засыхаютъ и гибнутъ;

Лѣсъ тяжко подъ бурею стонетъ,
Отходный псаломъ напѣвая.
Безмолвно качаются ели
Среди пожелтѣвшихъ березокъ,
И думать онѣ позабыли
О лѣтнемъ безоблачномъ небѣ!»
«Людскіе дома и селенья
Затихли, замкнувшись на зиму;
Нельзя больше ждать, и крестьянинъ
Копаетъ послѣдній картофель.
Какъ мертвыя лѣтнія пташки,
Съ деревьевъ листва опадаетъ;
Медвѣдь залѣзаетъ въ берлогу,—
Никто его тамъ не встревожитъ».
«Снимаемъ мы лѣтнее платье;
Ужъ скоро ждать надобно снѣгу.
Конецъ пикникамъ и прогулкамъ:
Теперь насъ зовутъ ужъ на кофе.
— «Ахъ, будьте добры, одолжите
Послѣдній мнѣ номеръ газеты!»
— «Что новаго сдѣлалъ парламентъ?»
— «Итакъ, ничего! Такъ и зналъ я!»
«Пожалуй, повѣрить не трудно,
Что жизнь навсегда прекратилась.
Но вспомните, сколько лягушекъ
За лѣто на свѣтъ появилось!
Лишь вспомнишь о нихъ, такъ, пожалуй,
Съ тоской помиришься осенней:
Укрывшись, въ тиши, онѣ громко,
Смѣясь, возвѣщаютъ: «мы живы!»

VII.

Я начиналъ уже чувствовать себя гораздо лучше; заставилъ-таки я эту блѣдную дѣвушку съ массою вьющихся волосъ обогнуть уголъ Церковной и Карлъ-Іоганновой улицы, какъ разъ въ ту самую минуту, когда и я, въ противоположномъ направленіи, тоже долженъ былъ огибать этотъ исполненный опасности уголъ. Разумѣется, она не видала меня; да если-бы она и замѣтила меня? Что я для нея? Какой-то смѣшной болтунъ, чудакъ... Конечно, такъ. Но я разглядѣлъ ее... Господь вѣдаетъ, какимъ образомъ, потому что у меня сохранилось очень опредѣленное ощущеніе, будто я сію же секунду зажмурилъ оба глаза.

Она была очень блѣдна. Съ какимъ-то такимъ совершенно особымъ выраженіемъ безнадежности въ глазахъ... въ этихъ большихъ, болѣзненныхъ, опасныхъ глазахъ, въ этихъ влажныхъ, задумчивыхъ глазахъ, которые такъ тоскливо смотрятъ на міръ, не открывая передъ собою ни пути, ни цѣли... смотрятъ впередъ въ безконечный мракъ.

Темныя кудри въ самомъ безнадежномъ безпорядкѣ разсыпались по бѣлоснѣжнымъ, съ голубыми жилками, вискамъ. Это произвело какой-то толчекъ во всемъ моемъ существѣ; ни одной минуты покоя не имѣлъ я съ тѣхъ поръ. Все снова вырвалось наружу; опять грызетъ, сосетъ, томитъ... попрежнему.

Я зашелъ къ Бьёльсвику, поднялъ его на смѣхъ и постарался напиться и повеселѣть; но вѣдь это-же ложь, это старое правило: «чтобы повеселѣть, надо напиться». Правда лишь то, что если будешь пить, то можешь повеселѣть; ну, а я, тѣмъ не менѣе, не повеселѣлъ. Каждую минуту углублялся я въ самого себя и, сидя на мѣстѣ, все еще видѣлъ, какъ огибаетъ она этотъ уголъ... Постоянно огибаетъ она этотъ уголъ Церковной и Карлъ-Іоганновой улицы; постоянно смотрю я на этотъ мимолетный призракъ блѣднаго отчаянія подъ массою темныхъ кудрей; постоянно мелькаетъ передо мной эта пара большихъ болѣзненныхъ глазъ, упорно смотрящихъ въ какой-то безграничный мракъ. И каждый разъ душа моя вновь наполняется тѣми смертельными терзаніями, которыя тѣснятъ другъ друга, извиваются и переплетаются между собою, какъ змѣи, заключенныя въ тѣсной оградѣ.

(Тутъ слѣдуетъ цѣлый рядъ попытокъ перомъ и карандашемъ нарисовать ея портретъ. Ни одинъ изъ нихъ никуда не годится).

* * *

Цѣлую недѣлю только и дѣлалъ, что слегка попивалъ.

Со вчерашняго вечера дѣло пошло еще хуже. И вотъ сижу я тутъ съ размягченнымъ мозгомъ, совершенно пьяный.

«У меня грѣховъ...»

— Что-то скажетъ начальникъ моего бюро? Ну, да пусть его! Еще пивца...

Я просто-напросто снова лягу въ постель...

«Грѣховъ у меня... Эхъ!..»

* * *

Въ тотъ-же день вечеромъ.

Какое странное состояніе, когда просыпаешься послѣ сильнаго пьянства: это представленіе какой-то очень длинной и гибкой шпаги, медленно опускающейся мнѣ въ грудь, перпендикулярно, неуклонно, какъ разъ въ самую середину сердца. Я вижу ее, я ощущаю ее извѣстнымъ образомъ, и это мнѣ такъ пріятно. Освѣжаетъ, утѣшаетъ. Большая, бѣлая красивая рука съ сверкающими бриллянтовыми кольцами держитъ

рукоятку и направляетъ ее вѣрно, неуклонно, медленно и пріятно; но кромѣ кисти руки ничего нѣтъ.

Это представленіе смѣняется другимъ: нѣчто въ родѣ машины для отсѣченія головы, формой своей похожей на большой хлѣбный ножъ, а подъ этимъ ножомъ, очень широкимъ ножомъ, блестящимъ, тонкимъ, вѣющимъ холодомъ и такимъ острымъ, что почти самъ собою проникаетъ въ тѣло, лежитъ моя шея, и какая-то женщина, пожилая, почтенная, матронообразная женщина стоитъ и перерѣзываетъ эту шею медленно, обдуманно, какъ рѣжутъ ломоть ржаного хлѣба. Я лежу въ удобной позѣ, на правомъ боку, и наслаждаюсь положеніемъ. О, восхитительно!

Сегодня вечеромъ главнымъ образомъ преслѣдуютъ меня различныя висѣльническія фантазіи. Невольно каждую минуту провожу я рукою по горлу, именно тамъ, гдѣ легла-бы веревка; затѣмъ я поднимаю руку наверхъ къ потолку въ томъ направленіи, гдѣ веревка была-бы прикрѣплена, и такимъ образомъ съ минуту представляю себѣ, что я судорожно раскачиваюсь и подергиваюсь на воздухѣ съ высунутымъ языкомъ. Это успокаиваетъ, освѣжаетъ. Какъ восхитительно, должно быть, было-бы раскачиваться такъ надъ всѣмъ міромъ, выше всякаго земного коварства и сплетенъ и думать: теперь-то ужъ онѣ не настигнутъ меня; наконецъ-то покончилъ я со всею низостью и грязью.

Все-бы это ничего, если бы только не эта дрожь, эта удивительная скрытая дрожь, отъ которой я никакъ не могу отдѣлаться. Вѣроятно, дрожь эта внутренняя; родъ какой-то вибраціи во внутренней мускулатурѣ... замѣчательно непріятная. Я начинаю чувствовать себя какъ-то такъ смутно, словно земля сама уходитъ изъ-подъ ногъ; не чувствую въ себѣ никакой тяжести и никакого центра тяжести... одно только чуть примѣтное колебательное сотрясеніе во всемъ существѣ. Это доводитъ просто до умопомраченія. Вѣдь я-же знаю, что это такое... Алкоголизмъ, чортъ возьми! Но это ни къ чему не ведетъ. Меня преслѣдуетъ тупое чувство давленія тутъ, подъ самой грудью. Нѣтъ настоящей головной боли, но какое-то особое, туманное ощущеніе пустоты, окружающей голову... нѣчто въ родѣ прогалины между мною и міромъ, какая-то просвистывающая пустота: вещи, окружающія меня, въ сущности, вовсе не дѣйствительные предметы; это—декораціи, это... Въ сущности, это какіе-то фокусники, которые стоятъ здѣсь и выдаютъ себя то за то, то за другое,—за софу, за шкафъ, стулъ и т. д.; но они и сами отлично знаютъ, что они вовсе не то. Это меня нѣсколько мучитъ. Я не выношу этой комедіи.

Но внизу, ниже, всего ниже, позади всего, на заднемъ планѣ, въ самыхъ сокровенныхъ нѣдрахъ моего существа сидитъ тяжелый, какъ свинецъ, опасный ужасъ, родъ затаеннаго, замкнутаго сумасшествія, которое растетъ, ширится и стремится разразиться ревомъ. Это нечистая

совѣсть или нѣчто въ родѣ испуга, въ родѣ ощущенія ужаснаго униженія, какой-то необычный идіотическій ужасъ передъ чѣмъ-то, Богъ вѣдаетъ, чѣмъ. Невыразимое болѣзненное стремленіе броситься къ чьимъ-нибудь ногамъ,—женщины, священника, Бога и вопить, плакать, каяться, принять бичеваніе, укоризны, проклятіе и, наконецъ, какъ больное дитя, быть поднятымъ любящими, надежными руками.

Мнѣ слѣдуетъ быть нѣсколько осторожнѣе; я могу дойти до delirium'а. Но зато это хорошее средство противъ влюбленности. Это раздвояетъ человѣка. Любовное горе тонетъ въ морѣ иного рода муки. Любовь становится далекой, сентиментальной, лишенной желаній; начинаешь сознавать себя такимъ недостойнымъ; если бы даже можно было, самъ не захотѣлъ-бы коснуться ея даже пальцемъ. И бродишь цѣлые дни, носишься съ маніей самоубійства, едва справляешься со своими нервами и призраками и бормочешь вслухъ, самъ съ собой: «я старая свинья; о, нѣтъ, дай ей Богъ миновать такой судьбы!» И чувствуешь себя благороднымъ и честнымъ, и на глаза навертываются слезы.

— Послушай, Фанни, почему не придти-бы тебѣ теперь и не позвонить у входной двери... Не для чего-нибудь такого, а просто для того, чтобы немножко поблагодушествовать вмѣстѣ...

* * *

Я ловлю себя на томъ, что выискиваю всѣ дороги, по которымъ отправлялись мы вмѣстѣ на прогулки; съ полной религіозностью пью холодное, какъ ледъ, гадкое пиво въ деревенскихъ ресторанчикахъ, въ которые мы вмѣстѣ заходили; внутренно я всегда втайнѣ надѣюсь встрѣтить ее, хотя именно этого-то ни въ какомъ случаѣ и не хочу. И не встрѣтя ея, возвращаюсь домой,—какъ собака, повѣся хвостъ.

Глупецъ, оселъ! Много-ли думаетъ она о тебѣ? Да даже если бы она и думала о тебѣ, такъ вѣдь ты-же самъ не захотѣлъ-бы... Подобнымъ личностямъ въ такомъ случаѣ слѣдуетъ разойтись.

Между тѣмъ я брожу здѣсь, какъ вѣчный жидъ, чающій любви и брака: прирожденный холостякъ, постоянно и тщетно ищущій пристани супружества. Но тѣ, что вѣчно боятся, какъ-бы не жениться, оказываются пойманными прежде, чѣмъ это придетъ имъ въ голову.

Существованіе такъ полно всякихъ призраковъ.

Въ сущности я несчастный человѣкъ. Но это-бы еще я могъ перенести. Гораздо хуже быть несчастнымъ и въ то-же время оказаться до такой степени въ дуракахъ.

* * *

Говорятъ,—одна только смерть не обманываетъ. Да, но тѣмъ не менѣе и на нее нельзя вполнѣ положиться. Она, конечно, придетъ, но придетъ не во̀-время.

Но къ тому времени мы начинаемъ уже чувствовать себя почти хорошо, сидя на своемъ стержнѣ, потому что человѣкъ привыкаетъ ко всему, привыкаетъ даже къ жизни.

— Застрѣлиться?—но это цѣлая исторія. А кромѣ того, выстрѣлъ рѣдко бываетъ удаченъ. Къ тому-же еще это до такой степени вульгарно.

Докторъ Кволе въ данномъ случаѣ можетъ быть оказался-бы человѣкомъ, способнымъ снабдить меня склянкой морфія?...

(Послѣдній скандалъ). Молодая красивая женщина полюбила морского капитана. Тутъ всѣ люди подымаютъ вопль... и вопятъ съ полнымъ убѣжденіемъ!—мужчины, потому что завидуютъ ему; женщины, потому что завидуютъ ей.

Я съ своей стороны завидую ему... Предполагая однако, что *она* была именно та, о комъ я думаю.

* * *

Достопочтеннѣйшій Габріэль Іеронимъ Грамъ, что-же это, наконецъ, за глупости?

Я чуть не упалъ отъ удивленія, когда раскрылась передо мною эта до очевидности простая вещь... и я просто-таки не могу понять, какимъ образомъ не видѣлъ я этого раньше.

Ну, да, разумѣется,—мнѣ не давалъ покоя этотъ извѣстный оселъ въ образѣ Морали. Возможно большая степень счастья, возможно меньшая степень несчастья... Эти изреченія, разрази ихъ Господи! невольно вплетаются даже въ самыя независимыя человѣческія сужденія.

Чувствовать себя хорошо? Да я ужъ предпочту чувствовать себя дурно (если только дѣло идетъ не о боли живота). Это бездушная вялая истома, которую зовутъ хорошимъ самочувствіемъ, можетъ быть годится для статскихъ совѣтниковъ и пасторовъ, но она никуда не годна для людей.

Плохое самочувствіе того или другого вида, — стремленіе, чувство лишенія, тоска, мука — вѣдь *это-то* и жизнь! Это возбуждаетъ человѣка, наполняетъ время, поддерживаетъ дѣятельность душевнаго механизма, питаетъ чувство, шевелитъ волю, мысль, энергію,—между тѣмъ, какъ при ощущеніи вялаго довольства отъ жизни, просто-напросто ничего не остается.

А потомъ эти немногіе дерзновенные часы, когда человѣкъ живетъ во всю! Когда всѣ жизненныя силы его въ полномъ ходу, все напряженіе, весь пылъ его существа, трепетаніе всей его души! Тутъ нѣтъ ничего похожаго на вялость хорошаго самочувствія и т. д. и т. д. Всякое истинное наслажденіе является по крайней мѣрѣ на половину страданіемъ; побѣждаемое страданіе — вотъ опредѣленіе наслажденія!... Такіе часы достигаются лишь съ помощью какого нибудь возбуждающаго элемента: вина, любви, игры, воодушевленія... а тутъ моралисты говорятъ

тебѣ: берегись! главное,—не надо опьяненія! на завтра наступаетъ катценъ-яммеръ.

Но даже простой катценъ-яммеръ предпочелъ-бы я ихъ вялой скукѣ,— а тѣмъ болѣе, если-бы тутъ-же въ придачу даны были мнѣ и лучшіе часы жизни!

Но тѣмъ не менѣе я только и дѣлаю, что прячусь и избѣгаю того возбуждающаго элемента, который одинъ только былъ-бы еще въ силахъ нѣсколько расшевелить меня... изъ страха страданія, которое это можетъ принести; изъ страха нѣкоторой дозы несчастной любви! Габріэль, Габріэль, я не узнаю тебя!

Я постараюсь снова встрѣтиться съ нею, я возобновлю съ нею отношенія... просто-напросто для того, чтобы чувствовать себя «несчастно влюбленнымъ».

VIII.

Старый человѣкъ. Ты не можешь любить. Иди домой, ложись на кучу пепла, какъ Іовъ, и окружи себя битыми черепками!

Въ сущности она интересуетъ меня, какъ загадка. Мнѣ пріятно работать надъ нею, я чувствую потребность разрѣшить ее. Но вѣдь не такъже мужчина долженъ интересоваться женщиной.

Да, да... а это легонькое, нѣжно-сентиментальное настроеніе, когда ея нѣтъ со мною. Нѣкоторое стремленіе. При извѣстномъ расположеніи духа стремленіе это становится мучительно. Но страсти не существуетъ.

Амуръ, Амуръ, я воздвигну тебѣ гекатомбу, если только ты захочешь ослѣпить меня...

* *
*

Я чувствую нѣкоторое довольство собою. Мучительное чувство исчезло. Духъ мой спокоенъ.

Нехорошо держаться такъ вдалекѣ. Воображеніе и чувство взаимно подстрекаютъ другъ друга, пока не возведешь данной молодой дѣвушки въ «женщину», въ Еву, окруженную розами; а потомъ носишься съ самыми дерзновенными мечтами, пока не уподобишься такому человѣку. который былъ-бы способенъ жениться хоть на рыночной торговкѣ, если-бы только удалось ему встрѣтиться съ нею.

11 часовъ. Вечеръ. Какъ пріятно чувствовать себя человѣкомъ *comme il faut*. Все въ порядкѣ. Благоразумно ужиналъ съ нею, бесѣдовалъ возвышенно, умно и разсудительно, съ пріятнымъ для самолюбія сознаніемъ, что тебя цѣнятъ.

Мужчина только тогда бываетъ вполнѣ доволенъ собою, когда онъ чувствуетъ, что имъ восхищается женщина.

* *
*

Много удивительнаго и допотопнаго опять встрѣчаю я здѣсь, многое изъ моихъ собственныхъ прежнихъ воззрѣній и изреченій; такъ, напримѣръ, она, разумѣется, патріотка. Любитъ Норвегію и т. д.

— И я надѣюсь, что и вы также?

— О, да, смотря по обстоятельствамъ, Норвегія можетъ быть не хуже любой другой страны.

— Ахъ!..

Да, да; мы, люди, довольно-таки ловкіе ребята: свои потребности и ограниченности возводимъ мы въ обязанности и кичимся ими. Подобно тому, какъ нашу потребность въ половыхъ сношеніяхъ превращаемъ мы въ «любовь», ту простѣйшую случайность, что мы, какъ рабы привычки, являемся тѣлесно и духовно связанными съ опредѣленной «средой», фантазія наша возводитъ въ поэтическую иллюзію въ видѣ «любви къ родинѣ».

Комичная идея — «любить» кусочекъ географіи! «Любить» 5,800 кв. миль!

* * *

Я право думаю, что мучаю ее своимъ хладнокровіемъ къ вышеупомянутымъ кв. милямъ; по крайней мѣрѣ она часто возвращается къ тому-же предмету и дѣлаетъ мнѣ основательныя внушенія.

Я защищаюсь.

— Да, но вѣдь патріотизмъ въ сущности есть ничто иное, какъ скрытое себялюбіе. До того дорожишь самимъ собою, что начинаешь приписывать особую цѣнность всему, что въ какомъ-бы то ни было отношеніи приходитъ съ тобою въ соприкосновеніе, хотя-бы это было не болѣе, какъ мѣстность, гдѣ живешь, или даже вообще мѣстности, состоящія съ нею въ какой-либо правовой или административной связи. Enfin!.. съ этой точки зрѣнія и патріотизмъ можетъ имѣть свое законное оправданіе.

— Оправданіе!.. Какое противное, вялое слово.

— Боже мой! что-же мнѣ дѣлать? Откуда возьму я любовь къ родинѣ? Я происхожу изъ старинной чиновничьей семьи и принадлежу, такимъ образомъ, къ бездомной ордѣ номадовъ, расползающихся, какъ паразиты, по великому тѣлу народа, перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто, съ одной службы на другую, какъ финны, живущіе на горахъ, переходятъ съ одного пастбища на другое. У такой расы не можетъ развиться никакое чувство патріотизма. Патріотизмъ принадлежитъ осѣдлому состоянію. Онъ развивается совмѣстно съ земледѣліемъ и строительнымъ искусствомъ. Воздѣланный его трудомъ кусокъ земли пріобрѣтаетъ дѣйствительное значеніе для земледѣльца, а вслѣдъ за нимъ также и вся принадлежащая къ нему территорія; но для номада старинное изреченіе: *ubi bene, ibi patria* безусловно сохраняетъ все свое значеніе: гдѣ лучше служить, тамъ и родина.

— Въ такомъ случаѣ, не раздумывая долго, вы легко могли-бы стать шведомъ, только-бы вамъ хорошо платили...

— Ну, хорошо вознаграждаемый постъ въ шведскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, напримѣръ.... почему-бы нѣтъ?

— Да, если-бы здѣсь когда-нибудь разгорѣлась война, вы были-бы первый, кого-бы я застрѣлила!

Она улыбается съ разгорѣвшимися глазами и при этомъ такъ увлекательно хороша.

Я приподнимаю шляпу и раскланиваюсь.

* * *

Разумѣется, она демократка. Съ такою въѣвшеюся яростью говоритъ она о «мелкихъ ворахъ, которыхъ вѣшаютъ, между тѣмъ, какъ большимъ предоставляется гулять на свободѣ», точно будто это могло-бы помочь чему-нибудь.

Я все время являюсь какимъ-то профессіональнымъ огнегасителемъ и пожарнымъ. Каждую минуту раздражаетъ она меня своими преувеличеніями и своею несправедливостью, коренящеюся въ самомъ наивнѣйшемъ невѣдѣніи.

— Ну, да, разумѣется, вѣшаютъ мелкихъ воровъ, говорю я, какъ, напримѣръ, давятъ всякую мелкую гадину; тогда какъ тѣмъ, что воруютъ въ большихъ размѣрахъ, поневолѣ оказываешь извѣстное почтеніе, какъ вообще всему, обладающему значительными размѣрами. Они мастера въ своемъ дѣлѣ, художники, а передъ искусствомъ, передъ художествомъ человѣкъ чувствуетъ почтеніе, и долженъ имѣть почтеніе, хотя-бы даже рѣчь шла лишь о подобномъ искусствѣ, какъ искусство воровать. Намъ отвратителенъ жалкій воришка или карманникъ, жертвующій своимъ человѣческимъ достоинствомъ изъ-за какой-нибудь кроны, да еще, вдобавокъ ко всему, допускающій себя поймать и подвергнуть наказанію; но насъ интересуетъ какой-нибудь Ула Гейландъ и Гестъ Бардсенъ, и мы снимаемъ шляпу передъ Ротшильдомъ и Фандербильтомъ.

Она сердится и протестуетъ съ излишней энергіей; никакъ не можетъ понять этой смѣси безсильной серьезности и смѣха висѣльниковъ,— этого неизбѣжнаго тона каждаго, пережившаго стадію примиренія съ судьбой. Она относится ко всему съ самой высокоторжественнѣйшей серьезностью, съ какою корова смотритъ на зеленую дверь или гимназистъ на республику.

Мы натолкнулись сегодня на нищую женщину; она сидѣла, блѣдная и посинѣлая, на ступенькѣ лѣстницы, съ зазябшимъ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Фанни нервно открыла свой портмоне, дала что-то женщинѣ и поспѣшно пошла впередъ; когда вскорѣ она опять заговорила, по голосу было слышно, что ее душили слезы. Это заставило меня по-

чувствовать себя нѣсколько неловко: моя мысль при видѣ женщины была: «ага! своего рода профессія... Откупила или украла нищаго ребенка и пользуется имъ теперь какъ приманкой... чортъ возьми! да гдѣ-же полиція?» а тутъ эта наивная дѣвочка вдругъ заливается слезами и отдаетъ женщинѣ свою послѣднюю öру.

Въ сущности это, конечно, благороднѣе.

Но она сейчасъ-же спугнула всю мою растроганность.

— А тамъ, за дверями,—заговорила она,—сидитъ богатая фрю Гартманъ, столько денегъ тратящая на бѣлила, румяна, пудру и духи, что ихъ за глаза хватило-бы такому несчастному существу на жизнь и на то, чтобы поднять на ноги своего ребенка и... вотъ такихъ слѣдовало-бы *вѣшать*.

Послѣднее слово вырвалось у нея съ какимъ-то шипѣніемъ; это было шипѣніе простолюдина, полное ненависти, безсмысленное. Подобныя вещи производятъ впечатлѣніе ужасной неблаговоспитанности.

Я сдержалъ свою досаду и сказалъ:

— Всего хуже то, что обѣ онѣ, какъ фрю Гартманъ, такъ и нищая, въ одно и то-же время и правы, и неправы. Весьма возможно, что ихъ, какъ представительницъ извѣстнаго принципа, обѣихъ слѣдуетъ повѣсить; во всякомъ случаѣ, это было-бы всего лучше для нихъ обѣихъ. Но личная точка зрѣнія дѣлаетъ то, что обѣ онѣ гуляютъ на свободѣ. Я тоже въ значительной степени соболѣзную голоднымъ, но во всякомъ случаѣ, въ концѣ-концовъ, приходишь къ выводу, что всего хуже живется все-таки не имъ.

— Такъ кому-же приходится въ жизни всего хуже?—спросила она съ горечью.

— Тѣмъ, кому, повидимому, всего лучше,—отвѣчалъ я.—У нихъ всего меньше иллюзій.

— Пх!—если не ошибаюсь, послышалось мнѣ.

Я продолжалъ:

— Каждый человѣкъ въ состояніи терпѣть извѣстное количество страданія; разъ страданіе перешагнуло за эту степень, данное лицо бросается въ рѣку, въ Аккеръ. Это ничего не стоитъ; доступъ туда открытъ каждому. Изъ этого можно вывести такое заключеніе: пока извѣстный индивидуумъ не бросился въ Аккеръ, степень переживаемаго имъ страданія не перешла еще за границу выносимаго (послышалось сомнительное «гм?»). Да, и выводъ этотъ довольно-таки основателенъ. Но теперь дѣло въ томъ, что, относительно говоря, очень мало голоднаго люда бросается въ рѣку Аккеръ. Изъ этого я заключаю, что бываетъ страданіе худшее, чѣмъ голодъ, еще того болѣе невыносимое, еще того болѣе безнадежное. Въ концѣ-концовъ, неправильно измѣрять страданіе этихъ паріевъ на нашъ собственный аршинъ. Они переживаютъ совсѣмъ не то,

что пришлось-бы переживать намъ, очутившись въ подобныхъ-же условіяхъ. Человѣкъ—существо эластичное, и привыкаетъ ко всему.

— Только не къ тому, чтобы голодать.

— О, да, до извѣстной степени также и къ этому.

— А вы пробовали сами?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вамъ не слѣдовало-бы говорить съ такой увѣренностью.

— Я сужу, основываясь на статистикѣ Аккера.

— Можетъ быть, голодные и не часто бросаются въ Аккеръ, но это, вѣроятно, происходитъ вслѣдствіе того, что они все равно умираютъ и такъ. Я прочла въ одной изъ газетъ, что на тысячу умираетъ втрое или вчетверо больше бѣдняковъ, чѣмъ людей состоятельныхъ.

Я (пожимая плечами):

— Каждому все равно придется рано или поздно умереть. Да и нѣтъ никакой особенной выгоды въ томъ, чтобы жить.

— Да, но въ такомъ случаѣ, кажется мнѣ, лучше было-бы ихъ просто поскорѣе убивать.

— Пх!..—пожатіе плечами.

Пауза.

IX.

Если-бы только могъ я понять... Конечно, она вовсе не имѣетъ въ виду выйти за меня замужъ; это я вывожу, какъ изъ различныхъ ея выраженій, такъ и изъ самаго ея поведенія. Разумѣется, если-бы только думала она о чемъ-нибудь подобномъ, она держала-бы себя совершенно иначе, съ гораздо большею сдержанностью; это вещь самая простая,— прямо зависитъ отъ прирожденнаго женскаго такта. Кромѣ того, въ 24 года дѣвушка, конечно, знаетъ, что образованный человѣкъ не женится на дѣвушкѣ, которая при появленіи своемъ, — передъ нимъ-ли, передъ другими-ли,—внушаетъ хоть тѣнь сомнѣнія.

Итакъ, слѣдовательно, только «для того, чтобы разсѣять скуку?»

Пустить къ чорту свое доброе имя, свою будущность, все, что только есть самаго серьезнаго и святого для женщины... и только для того, чтобы разсѣять «скуку» нѣсколькихъ вечеровъ? Прилично-ли допускать это, если только есть возможность заподозрить что-нибудь подобное?

А ну, какъ за всѣмъ этимъ все-таки кроется влюбленность?

Вотъ-то было-бы мило, да! Нарушить сердечный покой женщины, не имѣя на это ни тѣни какой-бы то ни было причины или основанія; сдѣлать ее несчастной можетъ быть на всю жизнь, не желая, да и не будучи въ состояніи ничего дать ей взамѣнъ, ни даже воспоминанія, которымъ могла-бы она жить... поистинѣ великолѣпно.

Ха, ха! Эхъ ты, блаженный дуралей! неужели опять принимаешься ты за старое? Она можетъ оказаться «несчастной»? Ужъ не счастлива-ли она теперь? Неужели лучше умирать отъ скуки, чѣмъ умирать отъ горя? Понятіе «нравственнаго» почти всегда совпадаетъ съ понятіемъ «малодушнаго». Я «не хочу сдѣлать ее несчастной», т. е. я знаю, что она, во всякомъ случаѣ, будетъ несчастна, но «не хочу брать на себя никакой отвѣтственности»: не хочу никакого неудобства для собственной своей особы. Молодая дѣвушка должна погибнуть; такъ пусть ее погибаетъ отъ скуки,—въ этомъ я, во всякомъ случаѣ, ни при чемъ!

Вотъ, что называется «имѣть чистую совѣсть».

Къ тому-же тутъ не грозитъ никакой опасности. Въ ней совсѣмъ нѣтъ страстности,—этимъ отличаются многія, выдающіяся своею красотою, женщины. Потому-то, говоря относительно, и остаются онѣ такъ часто не замужемъ. Потому-то также и говорится, что лучше всего умѣютъ любить некрасивыя. Полъ сказывается въ нихъ сильнѣе. Красивыя и холодныя рѣдко влюбляются, а слѣдовательно столь-же рѣдко пробуждаютъ и отвѣтную любовь; если и выходятъ онѣ замужъ, то, обыкновенно, изъ любопытства или ради общественнаго положенія и т. п. Когда въ одинъ прекрасный день фрёкенъ Гольмсенъ надоѣстъ ея дѣвичество, она выйдетъ замужъ за какого-нибудь богатаго малаго, который будетъ въ состояніи доставлять ей лошадей и брильянты.

Вообще говоря, женщины любятъ не такъ, какъ мы. Любовь женщины обозначаетъ, что ей нуженъ отецъ для ея ребенка; а тотъ-ли, или другой окажется имъ, это еще не такъ важно. Не дается ей наилучшій,—она плачетъ, и беретъ слѣдующаго за нимъ.

А если, въ худшемъ случаѣ, она и не выйдетъ замужъ, то и тутъ опасность не такъ еще велика. Эти старыя дѣвы прекрасно пробиваютъ себѣ дорожку въ жизни. «Женскій вопросъ» въ концѣ-концовъ, кажется, только плодитъ еще большее число старыхъ дѣвъ. Для женщинъ есть одинъ только существенно важный вопросъ: вопросъ пропитанія; разъ удается имъ самимъ снискать себѣ пропитаніе, онѣ посылаютъ къ чорту и мужа, и супружество; такъ восхитительно хорошо чувствовать себя независимой отъ этихъ противныхъ, тщеславныхъ, самонадѣянныхъ мужчинъ.

* *
*

Дамы постоянно употребляютъ эти торжественныя, пустыя, общія слова, которыя до такой степени безцвѣтны и грубы. Одно изъ двухъ: или вещь «восхитительна», или она «отвратительна»; къ человѣку онѣ чувствуютъ или «любовь», или «холодность»; по отношенію къ общимъ вопросамъ онѣ или «увлекаются до безумія», или ихъ «*ненавидятъ*»—съ подчеркиваніемъ. Одно изъ двухъ: черное или бѣлое. Болѣе тонкая характеристика ихъ не интересуетъ.

— «Да, но чего-же другого можете вы ждать отъ насъ, разъ мы ничему не учились?»—говоритъ Фанни.

* * *

Замѣчательно. Прежде Матильда какъ будто-бы даже нѣсколько увлекала меня: она казалась мнѣ такой наивной, ребячливой, такъ восхитительно легкомысленной; теперь же я сижу у нея и чувствую себя не по себѣ, и думаю о Фанни.

Сегодня вечеромъ я принужденъ былъ, наконецъ, закрыть глаза и вообразить, что это ее держалъ я въ своихъ объятіяхъ...

Постоянно только то и представляется намъ достойной цѣлью нашихъ стремленій, что не дается намъ въ руки.

* * *

Слѣдуетъ жениться пока молодъ; иначе не женишься никогда.

Отчасти сказывается все сильнѣе и сильнѣе собственная нерѣшительность, частью же слишкомъ многое узнаешь—черезъ посредство женатыхъ друзей.

Великій Боже!.. что это за горемычные мужья! Какъ можно дольше стараются они сохранить счастливый видъ и говорятъ:

— Женитесь же, другъ мой; это единственное, что есть на свѣтѣ!—но разъ удастся вамъ застать ихъ гдѣ-нибудь въ общественномъ мѣстѣ за третьимъ стаканомъ (если только они посмѣютъ разрѣшить себѣ третій стаканъ),—они пускаются во всѣ тяжкія.

Они начинаютъ говорить о «женщинѣ». Въ общихъ фразахъ, въ формѣ отвлеченныхъ теорій. Они слыхали, что иные мужья говорили... тотъ или другой извѣстный женскій врачъ полагаетъ... я читалъ извѣстную физіологію женщинъ доктора N N, и тамъ сказано...—А если мужчины начинаютъ въ общихъ фразахъ говорить о «женщинѣ», то тутъ стоитъ только навострить уши, потому что подъ этими общими фразами почти всегда скрывается нѣчто личное.

Мнѣ знакомы два главнѣйшихъ вида супружескихъ сѣтованій.

Нѣкоторые говорятъ: женщина холодна. У нея мало или совсѣмъ нѣтъ извѣстнаго интереса; она дѣлаетъ это лишь по обязанности или изъ послушанія. Тутъ они понижаютъ голосъ до шопота и говорятъ: «Вы не повѣрите, до чего это общераспространенно; не одинъ мужъ повѣрялъ мнѣ, что...

Впрочемъ, я и самъ всегда это предполагалъ. Обыкновенно это просто-напросто обозначаетъ, что данная барыня вышла замужъ не любя... что разумѣется бываетъ нерѣдко.

Ну, это во всякомъ случаѣ можетъ быть довольно непріятно. Но кажется еще хуже приходится мужьямъ влюбленныхъ въ нихъ женъ;—по крайней мѣрѣ, если вѣрить доктору Кволе.

Время отъ времени я встрѣчаюсь съ нимъ у Іонатана; но онъ нѣсколько упоренъ, и мнѣ трудно заставить его вполнѣ развернуться. Сегодня вечеромъ однакоже намъ привелось просидѣть довольно долго вмѣстѣ за стаканомъ, и я до того приставалъ къ нему, что наконецъ раззадорилъ его и заставилъ-таки хотя бы нѣсколько высказаться передо мной.

Замѣчательный малый, крестьянинъ-студентъ, застѣнчивый, сдержанный, съ широкимъ неправильнымъ лицомъ и маленькими, милыми глазами; обыкновенно веселъ; многое испыталъ и передумалъ и, разумѣется, многое «пережилъ»; вообще интересный человѣкъ.

Онъ рѣшился на смѣлый экспериментъ,—женился на предметѣ своей юношеской страсти, но такъ поздно, что оба они, какъ онъ, такъ и она, къ тому времени значительно уже поотцвѣли.

— Вообще, большинство мужчинъ находитъ, что женщины по натурѣ холодны,—подзадоривалъ я.

Онъ слегка пожалъ плечами:

— Дѣло въ томъ, батюшка, что есть мужчины, не обладающіе способностью разбудить женщину. А разъ женщина проснулась въ ней... то, вообще говоря, врядъ-ли можетъ быть поводъ жаловаться на холодность. Скорѣе напротивъ.

— Вотъ какъ? Но это меня удивляетъ.

— Женщина—носительница рода par excellence, ужъ это я знаю,— проворчалъ онъ.—И это вполнѣ естественно.

Я спорилъ съ нимъ до тѣхъ поръ пока наконецъ не выяснилъ себѣ въ достаточной степени его положенія, послѣ чего мнѣ стало какъ-то не по себѣ. Во всякомъ случаѣ, она права, эта фрекенъ Бернеръ, съ ея бракомъ по разсудку.

* *
*

Всевозможныя исторіи несчастныхъ супружествъ приходятъ мнѣ теперь на память. Сегодня встрѣтилъ я на улицѣ агента Лунде, и при этомъ вспомнилъ, что онъ мнѣ какъ-то разсказывалъ.

— Нѣтъ, вы послушайте! право-же это смѣшно: всю молодость проводимъ мы въ погонѣ за женщиной, а въ зрѣломъ возрастѣ мы не знаемъ, что сдѣлать, лишь-бы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея. Потому-что послѣднее право гораздо труднѣе перваго.

— Ну... неужели законъ въ этомъ случаѣ недостаточно либераленъ?

— Законъ? О!.. онъ достаточно глупъ въ этомъ отношеніи; но его всегда можно обойти; нѣтъ, тутъ, видите-ли, все дѣло въ женщинѣ.

— Ну, ей вы конечно могли-бы постараться надоѣсть въ достаточной степени.

Онъ засмѣялся.—Да, надоѣсть-то я ей надоѣлъ; но разойтись...— хо, хо, хо! Вотъ видите-ли, я пошелъ было даже на скандалъ. Да, на открытый скандалъ, да; такъ что она узнала о немъ.

— Ну?

Онъ опять засмѣялся внутреннимъ, себѣ-на-умѣ смѣхомъ, непріятно дѣйствовавшимъ на нервы.

— Она простила мнѣ!—сказалъ онъ.

— Да, но въ концѣ концовъ?

— О, да, разъ за разомъ. Немножко поплачетъ; продѣлаетъ одинъ или два припадка съ судорогами; а когда всѣ приличія спасены, — видите-ли, тогда подноситъ она мнѣ на подносѣ свое прощеніе... хо, хо, хо, хо!.. Человѣкъ интеллигентный: нельзя-же такъ-таки прямо оскорбить женщину!

— Гм...

— Разъ довелъ я дѣло до того, что она воспроизвела даже послѣднюю сцену этой комедіи, — знаете?.. ну, да, Нора. Убѣжала, видите-ли. «Слава Богу!» подумалъ я, и пошелъ въ клубъ; тамъ, изволите видѣть, встрѣтивъ добраго товарища, я хорошенько отпраздновалъ свое освобожденіе. Но когда я вернулся домой,—о, го, го, го!.. кто-же это сидитъ въ гостиной, какъ не моя жена?—въ полномъ дорожномъ костюмѣ, заплаканная, безобразная, со слѣдами отчаянія, разбросанными по всѣмъ стульямъ. Хо-хо-хо-хо!

— Ну, въ такомъ случаѣ вы могли просто-напросто...

— Тутъ, разумѣется, продѣлала она первоклассный припадокъ, — истерика съ судорогами,—самый первый сортъ!

— Я, надо вамъ сказать, выдержалъ его съ приличествующей мужчинѣ твердостью: ну, думалъ я, вѣдь это ужъ въ послѣдній разъ... Наконецъ, она сообразила, что эта метода перестала уже на меня дѣйствовать и не устраняла опасности, а потому она бросилась мнѣ на шею... хо-хо-хо!.. и простила мнѣ. Охъ-хо! да! она не лишена-таки юмору».

Я не помню уже всего, что продѣлывалъ этотъ малый, чтобы оградить себя отъ прощенія своей жены, но у меня сохранились въ памяти его послѣднія меланхолическія замѣчанія:

— О, да, да! Въ свое время и я былъ веселый малый; добродушный, общительный... Но за эти шесть лѣтъ превратился я въ такого... гориллу. Гориллу, да! Чортъ возьми! Ничего не подѣлаешь! О нѣтъ, разъ ужъ навязалъ себѣ на шею женщину, то противъ этой болѣзни существуетъ лишь одно лѣкарство: безобразное, долгое терпѣніе. Или-же, если не умѣешь владѣть оружіемъ, то добрая, прочная пеньковая веревка, да! О, да-да, правда это! Не для удовольствія или услады существуемъ мы, видите-ли, на землѣ! Но я, видите-ли, разозлился, и подумалъ: чортъ меня побери, если я не отдѣлаюсь-таки отъ тебя, матушка! И такимъ образомъ я все-таки отдѣлался отъ нея въ концѣ концовъ!

Но хуже всего то, что этотъ малый и по-сегодня все еще не можетъ отдѣлаться отъ любви къ своей женѣ...

* * *

Странная мысль преслѣдуетъ меня. Этотъ агентъ Лунде точь-въ-точь второе изданіе отца Фанни (она разсказываетъ мнѣ о своихъ родителяхъ, когда я прошу ее разсказать мнѣ о себѣ; нѣсколько туманно).

Предполагая, что я женился-бы на Фанни (которая вѣроятно со временемъ превратилась-бы точь-въ-точь въ свою мать), то, по всѣмъ вѣроятіямъ, и я тоже съ теченіемъ времени превратился-бы въ подобнаго жалкаго малаго... въ какого-нибудь г. Гольмсена или агента Лунде, пропитаннаго коньякомъ и пивомъ и философствующаго о «женщинѣ».

Но, чортъ возьми! вѣдь я же вовсе не собираюсь жениться на ней: что это еще за ерунда? Напротивъ, я именно на ней-то, на фрекенъ Гольмсенъ, и *не женюсь!*

X.

Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ когда два бывшихъ собутыльника, вмѣстѣ прошедшіе черезъ огнь и воду и мѣдныя трубы, вновь встрѣчаются по прошествіи многихъ лѣтъ, при чемъ одинъ остался вѣренъ своему прошлому, между тѣмъ какъ другой успѣлъ превратиться въ пастыря душъ. Сегодня вечеромъ встрѣтилъ я въ обществѣ такого-же бывшаго «головорѣза» и «питуха», какъ и я самъ,—Фритца, иначе говоря, «лейтенанта», въ образѣ достопочтеннаго господина пастора Лехена.

Не одну ночь прогуляли мы вмѣстѣ;—много ночей «просвистали мы съ нимъ напролетъ», какъ выражались мы въ то время,—и одинъ Богъ вѣдаетъ, помнитъ-ли онъ теперь объ этомъ. Онъ былъ молодцоватый, красивый человѣкъ, остроумный, франтоватый, съ свѣтлыми усами, какъ у военныхъ (откуда и прозвище «лейтенантъ»), не дуракъ на выпивку и любитель пріударить за дѣвушками. Трудно было-бы найти лучшаго товарища для кутежа: хорошо пѣлъ, хорошо разсказывалъ и такъ и сыпалъ остротами и пикантными исторіями; самъ сочинялъ пѣсни и повѣсти; кромѣ того, являлся отличнымъ актеромъ на студенческихъ спектакляхъ, и, я думаю, главный жизненный вопросъ состоялъ для него въ томъ: быть-ли ему поэтомъ, или актеромъ.

Подъ конецъ, вѣроятно, хватилъ черезъ край, и вдругъ все разомъ порвалъ: превратился въ солиднаго человѣка и погрузился въ изученіе теологіи. Мы стали понемногу расходиться, каждый заговорилъ на своемъ языкѣ, и кончилось тѣмъ, что мы перестали наконецъ понимать другъ друга. Вскорѣ мы довольствовались тѣмъ, что раскланивались другъ съ другомъ черезъ улицу; его общество становилось все болѣе и болѣе избраннымъ. Лицо его дѣлалось все длиннѣе и длиннѣе, все блѣднѣе и блѣднѣе, наконецъ, исчезли усы, и кандидатъ теологіи былъ готовъ.

По истеченіи многихъ лѣтъ я опять встрѣтилъ его сегодня вечеромъ. Онъ показался мнѣ неузнаваемъ. Пасторъ — съ головы до пятъ. Лицо, какъ будто, совсѣмъ новое,—широкое, какъ у духовныхъ, обрисованное

свойственными пасторскому званію удлиненными чертами; даже ротъ былъ у него другой, — широкій, ласково-серьезный, настоящій ротъ набожнаго пастыря душъ; только наверху, въ глазахъ сохранились коекакіе слѣды бывшаго когда-то сорванца и головорѣза.

На меня встрѣча эта произвела такое впечатлѣніе, точно я вновь увидалъ человѣка, уже давно умершаго, но который вдругъ ожилъ. Вѣроятно, и онъ по отношенію ко мнѣ ощутилъ нѣчто въ томъ-же родѣ; во всякомъ случаѣ, онъ взглянулъ на меня раза два не безъ грусти: «Замѣчательно, до чего ты измѣнился, Грамъ». Я отвѣчалъ ему съ ироніей, которую онъ врядъ-ли примѣтилъ: «Да вѣдь и ты тоже не совсѣмъ тотъ-же, что былъ когда-то, пасторъ».

— Ну, какъ-же ты, собственно говоря, поживаешь, милый другъ? Онъ сдѣлалъ доброжелательную попытку выказать себя такимъ-же собратомъ-человѣкомъ.

— Да, спасибо! Ничего себѣ, понемногу. Скучаю по семи дней на недѣлѣ, но вообще, все-таки доволенъ судьбой.

— Гм, скучаю! улыбнулся онъ и снова превратился въ пастора. О, да, и я тоже въ свою очередь испыталъ это въ былые годы.

— Будто-бы ужъ только въ былые годы.

— Да, по правдѣ сказать, я думаю, что слово «скучаю» не существуетъ въ словарѣ добраго христіанина.

Старый придирчивый спорщикъ и говорунъ началъ-было просыпаться во мнѣ; но тутъ увидалъ я вблизи хозяйку; она смотрѣла на насъ съ нѣсколько огорченнымъ видомъ... и я сдержался. Я сказалъ что-то очень вѣжливое о томъ, что съ добрыми христіанами, вѣроятно, то-же, что съ «нами», пережившими великую стадію «примиренія съ судьбой». только нѣсколько на иной ладъ: мы знаемъ, что скука есть неизбѣжная принадлежность жизни и такъ и смотримъ на нее, какъ на крестъ, даже безъ затаеннаго ропота; въ концѣ концовъ начинаетъ казаться, что это такъ и должно быть, какъ нѣчто нормальное, нѣчто такое, чего даже не замѣчаешь... Но онъ находилъ, что нѣтъ. Это не примиреніе съ судьбой. Напротивъ того. Это была надежда, вѣра, жизнерадостная бодрость.

— Каждый часъ, каждая наша минута занята, и посвящена такому дѣлу, которое дѣйствительно стоитъ труда!

— Да, да, разъ человѣкъ вѣритъ въ это,—отвѣчалъ я, и перемѣнилъ разговоръ. Мы разстались съ «надеждой» еще разъ встрѣтить другъ друга.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ гораздо счастливѣе меня.

XI.

— Вы, вѣроятно, нѣсколько утомлены сегодня вечеромъ, фрекенъ?

— Я?.. О... о, нѣтъ. Не особенно.

— Какъ-же собственно проводите вы дни? Спокойно, однообразно, и такъ—день за днемъ?

Нѣсколько торопливо и какъ-бы уклончиво, она отвѣчаетъ:

— Не будемъ говорить объ этомъ.

Пауза.

Почему не хочетъ она говорить объ этомъ? Кто можетъ знать, что такое въ сущности кроется въ ней? О чемъ думаетъ она въ теченіе дня, чѣмъ интересуется; какія преслѣдуютъ ее желанія, стремленія, мечты, воспоминанія, огорченія?.. На основаніи всего, что говоритъ она, я догадываюсь, что ей живется далеко не хорошо. Но заставить ее высказаться, дать мнѣ возможность проникнуть въ ея душу... отъ этого она постоянно уклоняется. Неужели она меня не понимаетъ?

И меня сердитъ, что двое разумныхъ людей могутъ идти такимъ образомъ бокъ-о-бокъ и оставаться такъ чужды другъ другу.

Каково вообще живется этой молодой дѣвушкѣ, которая идетъ тутъ, рядомъ со мною, опираясь на мою руку? По временамъ мнѣ сдается, что она опирается даже сильнѣе, чѣмъ это нужно, ищетъ повода прижать руку къ своей груди... Я съ удовольствіемъ чувствую, какъ при этомъ пробѣгаетъ внутри меня теплая струйка и говорю самому себѣ: можетъ быть, теперь недоставало-бы только поцѣлуя, чтобы ледъ былъ разбитъ...

Но поцѣловать молодую дѣвушку все равно, что подписать свое имя на векселѣ: захочу-ли я, посмѣю-ли и могу-ли принять на себя все, что вслѣдъ за тѣмъ послѣдуетъ?

И поцѣлуй минуется и ледъ остается попрежнему.

— Да, ну вотъ я и дома.

— Да, всему настаетъ конецъ.

— А вы, бѣдный человѣкъ, какъ далеко вамъ до дому!

Она беретъ меня за руку и ласково и тепло пожимаетъ ее.—Благодарю за сегодня.

— Благодарю васъ, фрекенъ. Когда-же встрѣтимся мы опять?

— Когда хотите. Я дѣлаю эту прогулку каждый день.

— Такъ до свиданья! покойной ночи!

— До свиданья!

Я медленно плетусь домой. Мнѣ не для чего торопиться.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ, только не писать. У меня накопилось слишкомъ много такого, что надо обдумать.

Теперь это превратилось уже въ привычку: стаканъ пива, папироску, а потомъ, усѣвшись въ креслѣ-качалкѣ, погружаешься въ мечты... и это часами.

Кто она? Чего она хочетъ? Чего она добивается? Какимъ образомъ долженъ я держать себя въ этомъ дѣлѣ; когда-нибудь долженъ-же наступить этому конецъ... но, собственно говоря, это тоже не лишено своего интереса. По крайней мѣрѣ, какъ этюдъ. Въ ней есть для меня нѣчто новое...

Слѣдуетъ-ли мнѣ въ данномъ случаѣ поставить что-либо на карту? Не рискнуть-ли хоть сколько-нибудь? Можетъ быть я ошибаюсь въ ней, я нахожу въ ней много страннаго; но, можетъ быть, тѣмъ не менѣе... когда ледъ будетъ разбитъ... мнѣ удастся окончательно понять ее? Можетъ быть она все-таки... и не отчасти только, а вполнѣ, по существу... та самая, съ кѣмъ-бы я могъ поладить... я, который и самъ тоже не совсѣмъ похожъ на другихъ людей...

И я сижу здѣсь часами, снова и снова переворачиваю въ умѣ всѣ вопросы и такъ безъ конца и начала. Результатъ постоянно получается отрицательный, но игра тѣмъ не менѣе соблазнительна.

И я ложусь въ постель не ранѣе 2-хъ часовъ ночи съ тѣмъ, чтобы проснуться на утро съ разстроенными нервами.

Нѣтъ, только не писать...

* * *

Воскресенье, вечеромъ.

Этотъ Кволе—заклятый пессимистъ.

— Они такъ наивны, эти цыгане,—взвизгивалъ онъ сегодня у Іонатана: они вѣрятъ, будто бракъ можетъ быть основанъ на любви... Слыхано-ли что-нибудь подобное? что такое любовь? Это-же ничто иное, какъ чувство лишенія, жажда... или какъ-бы это сказать?.. но, чортъ возьми, развѣ не перестаетъ человѣкъ чувствовать жажду послѣ того, какъ онъ напился?

— Но, замѣтилъ я,—если вино хорошо, то чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочешь пить.

— Да, но если будешь пить несоразмѣрно жаждѣ, то наживешь катарръ; это простой физіологическій законъ.

— Но катарръ излѣчивается, и человѣкъ снова принимается пить.

— Такъ это привычка пить, и въ томъ-то и суть дѣла, батюшка: бракъ основывается не на любви, а на привычкѣ. Люди часто ни на грошъ не дорожатъ другъ другомъ, а между тѣмъ все-же держатся другъ за друга, часто въ силу привычки, которая, конечно, та-же...

(Пожимаетъ плечами).

Георгъ Іонатанъ вставилъ въ глазъ свой монокль и сказалъ:

— Бракъ есть удобное учрежденіе для тѣхъ, кто больше не любитъ.

— Господи Боже!—заговорилъ я,—оставимъ въ сторонѣ эти супружескія выходки. Вѣдь мы-же всѣ знаемъ, что существуютъ отношенія, основанныя на любви, которыя остаются прочны и неизмѣнны.

— *Indeed*, — отвѣчалъ Іонатанъ, — бываютъ женщины, обладающія этимъ талантомъ.

— Какимъ такимъ талантомъ?—зарычалъ Кволе.

— Это вопросъ женскаго такта, — замѣтилъ Іонатанъ и съ удовольствіемъ выпустилъ дымъ черезъ носъ,—природный даръ, присущій, однакоже, далеко не всѣмъ. Извѣстнаго рода сдержанность, *mylords*! Сдержанность какъ-разъ въ мѣру, одинаково далекая какъ отъ жеманства, такъ и отъ его противоположности.

— Мужчину,—продолжалъ онъ,—надо держать до извѣстной степени въ неувѣренности. Въ немъ надо поддерживать иллюзію, будто онъ постоянно вновь побѣждаетъ свою красавицу, что ему приходится вновь завоевывать себѣ ея благорасположеніе, и это постоянно; онъ долженъ чувствовать себя побѣдителемъ, человѣкомъ, заслужившимъ предпочтеніе, постоянно вновь избираемымъ изъ среды столькихъ-то и столькихъ-то соперниковъ. Разъ получилъ онъ увѣренность, игра утрачиваетъ для него свой интересъ, а если женщина будетъ приставать къ нему съ своей привязанностью, она пробудитъ въ немъ къ себѣ сожалѣніе. Между тѣмъ женщина никогда не должна допускать въ мужчинѣ такой мысли: бѣдная, вѣдь у нея никого нѣтъ, кромѣ меня!—Если хочешь, чтобы тебя цѣнили, то надо самому знать себѣ цѣну; женщины, хорошо усвоившія себѣ это правило...

— Слѣдовательно, искусныя кокетки,—пояснилъ я.

— Да.

— Наша сѣверная женщина для этого слишкомъ честна,—съ улыбкою замѣтилъ Кволе.

Мнѣ они показались непріятны. Что за жалкіе люди эти мужчины, которые не въ состояніи выяснить себѣ даже брака.

XII.

Мы совершали свою самую обыкновенную прогулку вдоль шоссе Лабру. Фіордъ спокоенъ. Всюду снѣгъ. Въ сѣроватомъ свѣтѣ сумерекъ, засыпанныя снѣгомъ разсѣлины горъ зіяютъ намъ навстрѣчу, страшныя и пустынныя.

— Точь-въ-точь такова и жизнь,—сказалъ я,—разверзшаяся, замерзшая, наполненная снѣгомъ разсѣлина, съ полусвѣтомъ сумерекъ и сѣрымъ, снѣжнымъ небомъ. Грустно быть одинокимъ путникомъ среди такой пустыни.

— Да,—воскликнула она,—хорошо быть вдвоемъ!—и поспѣшно добавила:—одна, я положительно не въ состояніи гулять,—между прочимъ, я очень боюсь темноты.

— Съ вами, женщинами, это всегда такъ. Тутъ, вѣроятно, сказывается потребность въ защитникѣ.

— Ужъ не знаю, что это такое, но я всегда думаю о томъ, что мнѣ вдругъ можетъ привидѣться что-нибудь... какъ-же это называется... Галле-лу...

— Галлюцинаціи, да; привидѣнія, какъ говаривали встарину.

— Да, но, между прочимъ, развѣ вы такъ увѣрены въ томъ, что не существуетъ привидѣній?

— Гм! Ахъ, если-бы существовали,—чуть было не сказалъ я.

— О, нѣтъ, къ чему-же?

— Ну, время отъ времени міръ представляется мнѣ какъ-бы черезчуръ патентованнымъ. Все въ немъ такъ страшно разумно и правильно. Одна математика да лошадиныя силы. Ну, это разумѣется хорошо... Боже избави, это даже черезчуръ хорошо... Впрочемъ, для васъ это не опасно.

* * *

Она. Не правда-ли, это былъ Блютъ,—тотъ человѣкъ, которому вы поклонились? Живописецъ?

Я. Да.

Она. Тоже хорошъ, не правда-ли?

Я. Какъ-такъ хорошъ?

Она. Такой... Донъ-Жуанъ?

Я. О, да. Онъ зналъ толкъ въ красотѣ.

Она. Пх!.. тоже выраженіе!

Я. По крайней мѣрѣ довольно вѣрное.

Она (готовая въ битву). Ну, на это можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Я (равнодушно). Ба!

Она. Онѣ вѣроятно не такъ легко смотрятъ на это, — тѣ, которыхъ сдѣлалъ онъ несчастными?

Я. Ха... несчастье... это такое относительное понятіе. Мнѣ тоже случалось любить несчастливо. Но я могу сказать, что ни одна изъ какой-нибудь пары счастливыхъ встрѣчъ, выпавшихъ на мою долю, не увлекала меня до такой степени и не была для меня такъ священна и дорога, какъ эти «несчастныя» исторіи. Подобная несчастная любовь есть нѣчто такое, что способно расшевелить васъ до глубины души; она даетъ воспоминанія, которыми человѣкъ живетъ потомъ цѣлые годы. Настоящая любовь, вообще говоря, есть несчастная любовь.

Она (коротко, сухо). Замѣчательное изреченіе.

Я. Но тѣмъ не менѣе, это такъ.

Она (помолчавъ). Вамъ не приходилось оставаться съ позоромъ и ребенкомъ на рукахъ.

Я. Если существуетъ женщина, которая стыдится своего ребенка, то она заслуживаетъ, чтобы ее послали къ чорту.

Молчаніе.

* * *

— Оптимисты—въ сущности, что это такое?

— Ну, люди, вѣрящіе въ существованіе добра въ жизни, въ побѣду добра и т. д.; люди, которымъ, вообще говоря, кажется, что міръ хорошъ.

— Въ такомъ случаѣ, я оптимистка... по крайней мѣрѣ, теперь. А вы развѣ не оптимистъ?

— Ну! Надо согласиться, что міръ могъ-бы быть и хуже. Но тѣмъ не менѣе, я не закрываю глазъ, Господи Боже! Короче говоря — одно изъ двухъ: или приходится сказать міру—прощай, или-же необходимо какъ-нибудь приспособиться къ нему; вѣдь хныканьемъ все-равно ничему не поможешь. Нечего «рюмить», какъ называетъ это Георгъ Іонатанъ.

— Это, конечно, вѣрно.

— Эти оптимисты... да, очень хорошій они народъ. Безъ нихъ далеко не уѣдешь. Но... все-же надо сказать, что они не довольно основательны: недостаточно глубоко вдумываются; можетъ быть иногда даже мало требовательны. Часто это люди, не обладающіе достаточнымъ мужествомъ, чтобы смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, и которые, вслѣдствіе этого, чтобы держаться подальше отъ нея...

* * *

— Но если-бы Бога не существовало, то въ такомъ случаѣ какимъ образомъ люди дошли-бы до вѣры въ него?

— Гм; иногда мнѣ кажется, что Бога изобрѣли лишь для того, чтобы было передъ кѣмъ открыть душу, и передъ кѣмъ, слѣдовательно, не было-бы нужды играть комедію.

— Ухъ! неужели вы думаете, что передъ всѣми другими мы играемъ комедію?

— Разумѣется.

— Даже если-бы у васъ напримѣръ былъ кто-нибудь, кого-бы вы очень любили?

— Въ такомъ случаѣ я сталъ-бы лгать, чтобы казаться интереснѣе, а если-бы любовь прошла, я все-таки продолжалъ-бы лгать, потому что у меня, вѣроятно, все-таки не было-бы охоты разоблачать себя передъ этимъ человѣкомъ.

Пауза.

— Передъ самимъ собой, добавилъ я, разумѣется, лжешь всего больше. Человѣкъ просто-таки бываетъ вынужденъ на это: заглядывать

въ самого себя и видѣть себя такимъ, «каковъ онъ въ дѣйствительности есть», черезчуръ ужъ безобразно.

Пожимаю плечами.

* * *

— Если-бы вы были такъ добры и разсказали-бы мнѣ о всѣхъ тѣхъ удивительныхъ вещахъ, которыя открываетъ нынче наука!

— Ба!.. Разъ вы такъ ставите вопросъ, то... Вы конечно не пожелаете, чтобы я сталъ разсказывать вамъ о телефонахъ или спектральномъ анализѣ?

— Нѣтъ, но вѣдь это-же и не самое главное...

— Если-же вы меня спросите, къ какимъ результатамъ вообще приходитъ теперь наука, то мнѣ придется отвѣтить вамъ, что они въ большинствѣ случаевъ отрицательные: она открыла, что то, то и то, и то—вовсе *не* таково. А это въ сущности само по себѣ тоже очень важно.

— Я этого не понимаю.

— Дѣло въ томъ, что, каждый разъ, открывая такую новую неизвѣстность, люди вмѣстѣ съ тѣмъ соскабливаютъ съ себя какую-нибудь лишнюю глупость. (Смѣхъ)...

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ можно оказаться порядочно-таки пообскобленнымъ!

— Да, да; конечно, оказываешься нѣсколько пообчищеннымъ.

XIII.

Февраль 85 г..

Зачѣмъ это я пристаю къ ней и мучаю ее этими инквизиторскими разспросами о ея прошлой жизни и т. п.? Богъ вѣдаетъ. Это до крайности смѣшно. Вѣдь я же не имѣю на это никакого права. Никакой цѣли. Просто-напросто не могу оставить ее въ покоѣ.

И чѣмъ меньше разсказываетъ она, тѣмъ любопытнѣе становлюсь я. Очевидно, существуютъ исторіи, которыя она скрываетъ отъ меня,—да и почему-бы, скажите на милость, не скрывать ей ихъ отъ меня?.. Но тѣмъ не менѣе мнѣ *надо* знать ихъ. Я разспрашиваю и допытываюсь, переспрашиваю, задаю перекрестные вопросы, прибѣгаю ко всякому доступному мнѣ нравственному давленію и всевозможнымъ уловкамъ судебнаго допроса... Это отвратительно, низко; но что-же мнѣ дѣлать?

А она до такой степени увертлива, эта дѣвочка. Разсказываетъ мнѣ всевозможныя вещи, которыми я *нисколько* не интересуюсь; отдѣлывается разсказами о родственникахъ, знакомыхъ, о разныхъ шуткахъ, продѣлываемыхъ въ женскомъ обществѣ, и т. д., ускользаетъ изъ разставленныхъ мною ловушекъ и западней съ ловкостью, приводящею меня въ полное недоумѣніе. Или она въ высшей степени невинна, или-

же,—такъ какъ очень трудно допустить это въ такой взрослой и вовсе не тепличнаго воспитанія дѣвушкѣ,—она гораздо болѣе опытна, чѣмъ мнѣ хотѣлось-бы думать.

Знаетъ-ли она, напримѣръ, до какой степени все это раздражаетъ мужское любопытство, возбуждаетъ воображеніе... Вся эта неясность, эти полупотемки, полусомнѣнія, допускающія всевозможныя предположенія и во всѣхъ направленіяхъ?

Всего больше лукавства можетъ быть въ этой «наивной», простодушно-открытой манерѣ, съ которою разсказываетъ она мнѣ о своихъ многочисленныхъ «друзьяхъ» и «товарищахъ». Разумѣется немыслимо, чтобы не скрывалось чего-нибудь посерьезнѣе за всѣми этими товарищескими отношеніями съ молодыми людьми, съ которыми всюду разгуливала она по лѣсамъ и полямъ—точь-въ-точь такъ-же, какъ теперь со мной. Да, но, ради Бога, неужели наши отношенія недостаточно благопристойны? Да, да; но допустимъ, что это *моя* заслуга... Вѣдь не всѣ-же эти молодые люди были такъ стары и такъ добродѣтельны какъ я. Знаю-ли я, что сдѣлала-бы она, если-бы я въ уединенномъ мѣстѣ вдругъ засталъ ее врасплохъ съ моею любовью? — Такъ это вульгарно и въ сущности такое жалкое, дешевое кокетство,—вся эта манера окружать себя какою-то непроницаемой таинственностью.

Впрочемъ, въ часы нашихъ прогулокъ именно эта-то заповѣдь и выплываетъ постоянно на поверхность. Я по возможности оправдываю мужчинъ и говорю, что это еще не такъ ужасно, и, слава Богу, она способна даже до нѣкоторой степени допустить это.

— Я хорошо знаю,—говоритъ она,—что не мало простыхъ людей, которые ходятъ къ такимъ... въ такія каторжныя мѣста, но чтобы человѣкъ, который желаетъ считаться образованнымъ, который появляется потомъ въ порядочномъ обществѣ и разговариваетъ съ .. нами, женщинами... подаетъ намъ руку... что такіе люди могутъ пожелать... что они могутъ... находить удовольствіе въ томъ, чтобы посѣщать подобныхъ женщинъ... это кажется мнѣ до того отвратительно, что я готова плюнуть! Намъ, женщинамъ, свойственно чувство самоуваженія, котораго вы, конечно, не понимаете, чувство самоуваженія чисто физическое... такъ что многое такое, что для васъ возможно, для насъ является прямо противоестественнымъ, прямо—непреодолимымъ; и всѣ эти продажныя женщины, которыхъ вы почти что берете подъ свою защиту, онѣ должны были до такой степени пасть, такъ безслѣдно подавить въ себѣ все человѣческое, женственное, даже простое чувство чистоплотности, что отъ нихъ положительно ничего не остается, кромѣ... бездушнаго тѣла; и тутъ представить себѣ, что... Нѣтъ! Грамъ, вы не можете пытаться оправдывать подобныя вещи».

Она преслѣдуетъ меня своими понятіями, пока я не начинаю сер-

диться и не преподнесу ей порядочной дозы изъ исторіи нравственности. Потомъ мнѣ становится досадно на самого себя за то, что я вздумалъ разсказывать ей обо всѣхъ этихъ безобразіяхъ; непріятно знать, до какой степени сильно дѣйствуетъ такая суровая правда на неподготовленный умъ; она во всякомъ случаѣ способна во многомъ разочаровать ее... Правда, вообще говоря, часто такъ грязна, что слѣдовало-бы щадить отъ нея болѣе тонкія натуры. Но что прикажете дѣлать, если эти болѣе тонкія натуры, въ благодарность за оказанную имъ пощаду, становятся глупы до невозможности имѣть съ ними какое-либо дѣло?..

* *
*

Точно какой-нибудь непозволительный недостатокъ техники въ прекрасной въ другихъ отношеніяхъ картинѣ, сердитъ меня то, что она была къ себѣ такъ недостаточно строга, имѣла такъ мало женской щепетильности. Разгуливать по окрестностямъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, рисковать стать жертвой любого подозрѣнія, любой сплетни, не задумываясь губить свое доброе имя .. ну, скажите на милость, что такое женщина, если она потеряла свое доброе имя? Господи Боже! Пусть «добродѣтель» ея будетъ для меня какъ угодно несомнѣнна; это въ сущности весьма мало относится къ дѣлу; но увѣренность? Интеллигентный человѣкъ совершенно спокойно относится къ тому несомнѣнному факту, что жена его, прежде чѣмъ стать его женою, была уже замужемъ за другимъ; но неувѣренность, сомнѣніе, возможность подозрѣнія; этотъ вѣчный, грызущій вопросъ, вотъ съ чѣмъ не можетъ онъ никакъ помириться. Ужъ не расточаю-ли я своего довѣрія передъ комедіанткой, обманывающей меня въ глубинѣ своей души? Никогда не утрачивающій окончательно дѣтскихъ свойствъ, вѣчно ищущій твердой почвы мужчина всегда мечтаетъ найти въ своей возлюбленной свою мать, святую женщину, въ объятіяхъ которой онъ находилъ всегда такую безконечную увѣренность и безопасность. Дѣвушка, не имѣющая объ этомъ ни малѣйшаго представленія, не годится для супружества, она зловредное животное, способное принести съ собою одно лишь несчастіе.

Смѣются надъ приличіями. Да и слѣдуетъ смѣяться, поскольку люди думаютъ при этомъ объ обычаѣ, запрещающемъ молодой дѣвушкѣ любить. Но поскольку приличія стремятся оградить ее отъ сомнѣній въ ней, отъ возможности даже безосновательнаго подозрѣнія, постольку всѣ правила ихъ и даже смѣшныя стороны оказываются однимъ изъ самыхъ необходимыхъ явленій, существующихъ на свѣтѣ. Когда (какъ во Франціи) молодая дѣвушка постоянно находится подъ чьей-нибудь охраной, никогда не выходитъ изъ дому одна и т. д., мы, заклятые демократы и мужики, не можемъ удержаться отъ смѣха, но за всей этой комедіей скрывается нѣчто весьма серьезное: ея собственное счастье, а также и

счастье ея будущаго мужа и ея дѣтей обезпечивается такимъ образомъ отъ всякихъ страшныхъ случайностей. Молодая дѣвушка, проведшая полчаса съ глазу-на-глазъ съ мужчиной, обыкновенно, тѣмъ не менѣе. сохраняетъ всю свою добродѣтель и заслуживаетъ полнаго уваженія; но *могло-же* случиться, что она принадлежала къ тѣмъ, что ищутъ свободы для того, чтобы злоупотреблять ею; она *не* застрахована уже больше отъ сомнѣній; она уже не prima, не первоклассная А... Я могу вѣрить въ нее; но, въ такомъ случаѣ, вѣра моя не болѣе какъ вѣра; каждая малѣйшая случайность способна отдать меня во власть сомнѣнію—и вотъ. мы оба оказываемся несчастны. Несмотря на всю ея добродѣтель! Вѣдь *есть-же* возможность думать, что она была настолько ловка, что разыграла комедію! Вообще, въ такомъ случаѣ, къ ней всегда нѣчто пристанетъ, нѣчто такое, что невозможно уже устранить именно потому, что нѣтъ свидѣтелей, — *вѣроятіе* вѣроятности, — *мыслимость* немыслимаго, *тѣнь* тѣни... а тамъ, гдѣ есть любовь, глубокая, нѣжная, чуткая любовь, а также нѣсколько расшатанные нервы... этого будетъ довольно.

Для меня, по крайней мѣрѣ, уже этого одного было-бы достаточно для того, чтобы исключить всякую возможность мысли о бракѣ, напр., съ фрёкенъ Гольмсенъ. Можетъ быть, то-же самое случится и съ слѣдующимъ ея ухаживателемъ. И, такимъ образомъ, эта прелестная дѣвушка, по всей вѣроятности, сама олицетворенная честность и прямота, рискуетъ на всю свою жизнь остаться не замужемъ,—или, можетъ быть, бросится на шею какому-нибудь неотесанному мужлану,—и только благодаря тому, что она вообразила, будто на этомъ свѣтѣ женщинѣ достаточно одной честности.

Я хочу покончить съ этимъ дѣломъ. Теперь и я, въ свою очередь, только и дѣлаю, что компрометирую ее. Компрометирую ее хуже всѣхъ моихъ предшественниковъ... Она положительно не имѣетъ объ этомъ никакого понятія. Потому-то и слѣдуетъ взяться за умъ мнѣ, который понимаетъ это. Допустить ее до того, чтобы она окончательно потеряла свою репутацію, лишить честную женщину единственнаго ея достоянія, погубить всѣ ея планы, все ея будущее, и это, не будучи въ состояніи рѣшительно ничѣмъ вознаградить ее... Это просто-напросто значитъ поступить недостойно *джентльмена*. Я все время чувствовалъ это; теперь-же это мнѣ совершенно ясно; слѣдовательно...

XIV.

Это безнадежно. Даже если-бы я былъ тверже, чѣмъ я въ дѣйствительности есть,—стоитъ мнѣ только случайно встрѣтить ее,—и все кончено; положительно нѣтъ ни малѣйшаго основанія быть невѣжливымъ. А стоитъ мнѣ только заговорить о ея репутаціи, какъ она начинаетъ сердиться.

— Будьте спокойны и предоставьте мнѣ самой заботиться о своей репутаціи, говоритъ она, не безъ презрѣнія во взглядѣ и голосѣ.

Когда я потомъ возвращаюсь домой послѣ подобной прогулки, я засиживаюсь одинъ до поздней ночи, раздумывая, мечтая, недовольный, больной. Что мнѣ дѣлать? Чортъ возьми, не могу же я такъ разстаться съ нею. Мысль о женитьбѣ исключена. Какъ же иначе можно было бы оформить это, чтобы оно не показалось черезчуръ ужъ безобразнымъ?

Снова и снова перебираю я однѣ и тѣ же мысли; въ томъ же самомъ порядкѣ все быстрѣй и быстрѣй обращаются онѣ въ моей головѣ, пока мозгъ мой не начинаетъ болѣть; постоянно равно интересный и постоянно равно безнадежный вопросъ; я не замѣчаю ни часовъ, ни времени и сижу, до такой степени углубленный въ самого себя, точно я самъ богъ. правящій міромъ.

Мысль о женитьбѣ исключена. Я недостаточно люблю ее для этого. Она не имѣетъ для меня такого первенствующаго значенія. Кромѣ того... разница въ воспитаніи, въ натурѣ, разница въ привычкахъ и условіяхъ жизни; все, все.

Въ такомъ случаѣ—другое. Но какимъ образомъ? Она полна этого ужаснаго довѣрія. Идіотическое, дѣтское довѣріе, которое не даетъ заснуть во мнѣ джентльмену, заставляетъ меня задумываться, мѣшаетъ отдаться во власть настроенію... Ни признака вызова съ ея стороны...

Одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ привязалась она ко мнѣ... и какъ искренно! Смотритъ на меня, какъ на какое-то лучшее, высшее существо, на которое она можетъ положиться вполнѣ... А тутъ мнѣ пришлось бы отвѣтить ей, предложивъ то, что она, при своихъ полупросвѣщенныхъ понятіяхъ, непремѣнно приняла бы за выраженіе презрѣнія... «такъ *вотъ* о чемъ онъ думалъ, *такъ-то* понялъ онъ меня!» Влюбленныя женщины способны отнестись къ подобной вещи до идіотизма торжественно.

Это можетъ выйти крайне пошло. Я рискую при этомъ очень многимъ. Самъ чортъ знаетъ, на что могла бы она оказаться способна. Если-бы только была она въ иномъ положеніи; нѣсколько болѣе обезпеченномъ, нѣсколько менѣе «беззащитномъ»...

Она подумаетъ, что я, по общей всѣмъ «павіанамъ» и грубо-купеческой манерѣ, желаю воспользоваться ея беззащитнымъ положеніемъ и т. д... Эхъ! Если-бы она была дѣвушка, окруженная приличной семьей! Или же, если-бы она была одна изъ тѣхъ, которыя знаютъ, что къ нимъ могутъ обратиться съ предложеніемъ подобнаго рода... А этотъ срединный видъ— опасенъ. Въ высшей степени затруднительное дѣло! Я скорѣе согласился бы отсѣчь себѣ руку, чѣмъ оскорбить ее; но она непремѣнно именно *такъ* приметъ это; ни за что въ мірѣ не пойметъ она меня.

Знаемъ мы женщинъ. Онѣ способны наболтать массу свободныхъ вещей; но подите къ нимъ и спросите, — самымъ деликатнѣйшимъ въ

мірѣ образомъ, такъ что онѣ совершенно просто и спокойно могли бы отвѣтить «нѣтъ», и мужчина только раскланялся бы и попросилъ бы извиненія,—такъ нѣтъ-же! Женщина поднимаетъ крикъ, какъ какая-нибудь служанка: «Да вы съ ума сошли! За кого вы меня принимаете!» и убѣгаетъ къ себѣ въ спальню и падаетъ въ истерикѣ.

И я мысленно сочиняю сотни и тысячи писемъ, въ которыхъ я самымъ яснымъ, несомнѣннымъ образомъ могъ бы сказать ей, что тутъ нѣтъ и рѣчи о недостаткѣ уваженія; совсѣмъ напротивъ...

* * *

Эти свободныя отношенія въ концѣ концовъ все-таки причиняютъ всего менѣе страданія и приносятъ всего менѣе хлопотъ.

Она такъ и просвѣтлѣетъ всѣмъ своимъ легкомысленнымъ личикомъ, прыгнетъ мнѣ на шею, улыбается и говоритъ своимъ лукаво-веселымъ, наивно-беззаботнымъ, дѣвичьимъ голосомъ на ставангерскомъ нарѣчіи. «Нѣтъ, ты не повѣришь, какъ кстати ты пришелъ! Я до того успѣла соскучиться, что совсѣмъ не знала, что дѣлать... Но зато теперь намъ надо повеселиться, не правда-ли?»

— Да, только дай мнѣ чего-нибудь пить, Матильда.

— Да, сейчасъ ты все получишь, мой милый. Нѣтъ, неужели ты еще не забылъ меня! Ты теперь такъ рѣдко заходишь. Ну, вотъ тебѣ пива. Или можетъ быть ты хочешь вина?

И я сажусь на диванъ, а она приноситъ стаканы и бутылки, напѣвая какую нибудь игривую пѣсенку. Потомъ дается воля языку. Боже, до чего она болтаетъ! И до чего этотъ наивный, простоватый, дѣтскій говоръ попадаетъ въ тонъ съ болѣе или менѣе легкими исторіями, которыми она угощаетъ меня! Я предоставляю мельницѣ вертѣться, а самъ сижу и благодушествую; говоръ ея до такой степени забавляетъ меня. — «Ну, вотъ, ты опять не слушаешь меня!»—Да, да, продолжай только разсказывать. Итакъ, они все-таки попали на станцію?...

— Ну, какъ же ты вообще поживаешь? и какъ поживаютъ твои друзья?—Благодарю, очень хорошо. Но только ты пожалуйста не думай, будто у меня такъ ужъ много друзей! Только и есть, что мой старикъ да потомъ еще добрые старые знакомые, что помнятъ меня еще съ прежнихъ лѣтъ... не могу же я прогнать ихъ! Все такіе славные малые! Но они ужасно непостоянны, въ родѣ тебя. Неужели не можешь ты приходить почаще? Вѣдь ты же знаешь, что ты мнѣ всегда нравился; ты такой франтъ и такой милый. Но пожалуйста не подумай, чтобы и тѣ другіе не были такими же франтоватыми и милыми: ты долженъ знать, что я имѣю дѣло только съ порядочными господами.

— Безусловно благоразумно. За твое здоровье, Тильда!—Тутъ нѣтъ никакихъ хлопотъ. Мы ничего не требуемъ другъ отъ друга,—слѣдовательно, намъ не въ чемъ и укорять другъ друга, нечѣмъ мучить другъ

друга. Мы оба прекрасно знаемъ, что у насъ въ сущности одна задача: помочь другъ другу нескучно убить вечеръ, и больше ничего. Зато и даешь полную волю шуткамъ и продѣлываешь всякія глупости. Ей нечего терять, и я знаю, что я дѣлаю, а потому все идетъ прекрасно.

Но въ глубинѣ моего сознанія сидитъ скрытое, но тѣмъ не менѣе не забытое горе, и грызетъ меня, какъ маленькая, зубастая мышь. Поминутно что-нибудь вызываетъ во мнѣ то то, то другое воспоминаніе... Я становлюсь не въ духѣ, а Матильда остается недовольна мною и говоритъ, что я скученъ. Тогда начинаешь усиленно пить, пока не придешь въ состояніе полнаго опьяненія, когда становишься способенъ любить любой экземпляръ человѣческой породы...

Сегодня вечеромъ, напримѣръ, вдругъ откуда-то вынырнула маленькая, ловкая дѣвушка, слегка прислуживавшая въ комнатахъ,—топила печи и т. п. (одна изъ дочерей «хозяевъ»); почему-бы этой молодой дѣвушкѣ не называться Фанни?—А потому я и сталъ звать ее Фанни. Я до того расчувствовался, прислушиваясь къ этому имени, что Матильда, наконецъ, разумѣется, совершенно по-женски, спросила меня, ужъ не былъ-ли я влюбленъ въ кого-нибудь, кого звали Фанни.

Послѣ этого, я уже былъ совершенно не въ состояніи вернуться къ своему веселью висѣльниковъ. Я ушелъ отъ нея довольно рано.

И теперь сижу я тутъ... и такъ мнѣ какъ-то такъ необычайно, смертельно тяжело, что я, Богъ вѣдаетъ отчего, готовъ поддаться этому настроенію и расплакаться.

XV.

Я, должно быть, оскорбилъ ее. Я нигдѣ не встрѣчаю ее. Разумѣется, я оскорбилъ ее.

Старый, неосторожный, неосмотрительный обломъ все еще живъ во мнѣ. Когда что-нибудь сильно занимаетъ меня, я способенъ забыть все окружающее, всякую осторожность, все возможное; способенъ самымъ необдуманнымъ образомъ преслѣдовать одну цѣль: привести въ исполненіе свою мысль... и тогда я могу наговорить самыхъ невозможныхъ вещей чуть не посреди бальнаго зала. (Въ этомъ отношеніи хорошо, что меня не очень-то мучатъ приглашеніями!).

Разумѣется, я вѣроятно кончилъ тѣмъ, что и ей сказалъ что-нибудь столь-же глубоко безтактное и безобразное. Напугалъ ее, какъ въ старые годы напугалъ Элину. А между тѣмъ, по ея поводу часто приходятъ мнѣ на умъ такія прекрасныя мысли; такія благородныя, возвышенныя. А она именно въ этомъ отношеніи какъ-то такъ особенно дорожитъ собой...

Она въ своемъ чистосердечіи предположила, что если она будетъ для меня искреннимъ товарищемъ, то и я явлюсь такимъ-же по отношенію

къ ней. Ну, эта восхитительная идея товарищества и мнѣ самому нерѣдко приходитъ въ голову.

Нѣтъ, нѣтъ; я положительно не могу быть «товарищемъ». И теперь, когда она отступаетъ назадъ, мнѣ надо воспользоваться этимъ намекомъ. Поставить точку. Это всего лучше, всего разумнѣе; это самое простое и вѣрное разрѣшеніе всей путаницы. Ея исчезновеніе обозначаетъ одно изъ двухъ: или ей надоѣла эта исторія, или-же она стала бояться меня. Въ обоихъ случаяхъ дѣло ясно.

Jacta est alea. Я хочу побѣдить искушеніе. Я побѣждаю его. Я уже побѣдилъ его. Земля кругла. Basta!

* * *

Какъ изящно умѣетъ онъ молчать, этотъ Георгъ Іонатанъ.

Я, напримѣръ, прекрасно знаю его отношенія къ фрю Бекманъ. и онъ знаетъ, что я знаю о нихъ. Но ни единаго слова! Онъ способенъ вдругъ подняться съ своего мѣста и сказать: «Извините меня, мнѣ пора на мою прогулку». Онъ знаетъ, что онъ все равно могъ-бы сказать: «Мнѣ пора идти къ фрю Бекманъ»; но онъ этого не говоритъ! И ни одна черта не дрогнетъ въ его лицѣ, ни признака улыбки въ глазахъ,— ничего, что можно было-бы принять за намекъ... Чортъ возьми, до чего это элегантно! Джентльменъ до конца ногтей.

Я преклоняюсь передъ нимъ съ искреннимъ признаніемъ его совершенства. Честь и слава интеллигентному человѣку, умѣющему хранить тайну своей частной жизни!

* * *

А она значительно-таки опустилась, эта Матильда, съ тѣхъ поръ, какъ я встрѣтилъ ее въ первый разъ—когда она была еще хористкой въ театрѣ.

Но грязь словно не пристаетъ къ ней окончательно. Такая у нея легкомысленная душа и такъ коротка память. Любовникъ для нея не болѣе, чѣмъ обыкновенный бальный поклонникъ для какой-нибудь дамы: завтра-же онъ уже забытъ.

Только по рѣчи ея замѣчаю я время отъ времени это пониженіе. Она начинаетъ употреблять выраженія, иногда сильно отзывающіяся алкоголемъ. Вообще... вообще...

Это больше ужъ не помогаетъ. Чѣмъ грязнѣе эти кутежи, тѣмъ болѣе жалкимъ и влюбленнымъ чувствую я себя; душа моя полна слезъ и тоски по исчезнувшей, я жажду встрѣчи съ нею, какъ очищающей, обновляющей ванны. Я уношусь въ мучительно-восторженныя фантазіи, воображая, что если-бы она захотѣла взять меня за руку и поцѣловала меня, то я снова превратился-бы въ ребенка, чистаго душой, исцѣленнаго, счастливаго.

Но...

Jacta est alea.

* *
*

Почему это, почему оказывается все до такой степени невозможнымъ?

Почему не похожъ я на другихъ людей?

Теперь я только и дѣлаю, что терзаю и мучаю себя какою-то исторіей, которая... до такой степени пуста и смѣшна, что изъ нея нельзя было-бы создать даже порядочной комедіи; мучаюсь, худѣю, теряю сонъ; скоро начнутся мои головныя боли и черезъ три мѣсяца я—сумасшедшій! И изъ-за совершенныхъ пустяковъ...

Я становлюсь пессимистомъ, ненавистникомъ міра. Все мое пресловутое примиреніе съ судьбою разлетѣлось въ прахъ; жизнь опять разстилается передо мною, какъ ледяная пустыня; черная, замерзшая равнина съ снѣжными сугробами и оврагами; ни человѣка, ни хижины; нигдѣ ни одного освѣщеннаго окна; надъ головой ничего, кромѣ снѣжнаго одноцвѣтнаго, сѣраго зимняго неба, безъ звѣздъ, безъ луны или солнца; но вдали, за предѣлами этой равнины, слышенъ ревъ моря, и путь лежитъ въ томъ направленіи; въ этомъ морѣ когда-нибудь я утону.

И мнѣ представляется, что если-бы я могъ какъ-нибудь сговориться *съ нею*, все вдругъ совершенно измѣнилось-бы, проглянуло-бы весеннее солнце съ южнымъ вѣтромъ и теплымъ воздухомъ, и ледяная пустыня стала-бы даже, относительно говоря, уютна.

Ну, пріободрись-же, чортъ возьми! Все это такія глупости.

* *
*

Написать ей? Объясниться? Спросить, что случилось, если только случилось что-нибудь?

Это не удается. Я не могу найти вѣрнаго тона. То у меня сказывается горечь и насмѣшка—или-же я черезчуръ расчувствуюсь, и всегда напишу какое-нибудь лишнее слово.

Но если я *не* напишу этого лишняго слова, то я не въ состояніи отослать письма,—мнѣ *положительно* недостаетъ въ немъ одного слова.

Вообще, какого тона долженъ я держаться? Я этого не знаю. Я ея не знаю. Вмѣсто того, чтобы пользоваться временемъ и хорошенько изучить эту молодую дѣвушку, я только и дѣлалъ, что разглагольствовалъ о безсмертіи души. Существуетъ-ли на свѣтѣ животное, глупѣе мужчины, старающагося вести себя благоразумно?

* *
*

Что это, ангелъ-ли мой хранитель предостерегаетъ меня, или мой демонъ искуситель опасается, какъ-бы я, хоть одинъ разъ въ жизни, не поступилъ рѣшительно? Или, можетъ быть, это внушеніе? Несомнѣнно

лишь то, что, куда-бы ни появился я нынче, всюду встрѣчаю я критику семейной жизни.

Можетъ быть, мужья постоянно говорятъ о супружествѣ лишь для того, чтобы собесѣдникъ ихъ, самъ того не замѣчая, какъ можно скорѣе оказался женатымъ?

Сегодня вечеромъ докторъ Кволе и Іонатанъ такъ далеко зашли въ своемъ сарказмѣ, какъ никогда прежде. Я молчалъ, вслѣдствіе овладѣвшаго мною какого-то непріятнаго чувства. Нѣкоторыя изъ ихъ наиболѣе характерныхъ замѣчаній я записываю для своего романа (а можетъ быть и для драмы: «Мужья»).

Докторъ Кволе: Супружество вообще представляетъ собою двѣ болѣзни, которыя соединяются для того, чтобы произвести третью... и четвертую, и пятую... цѣлую семью болѣзней. Семейная жизнь постоянно пахнетъ лѣкарствомъ.

Георгъ Іонатанъ: Быть женатымъ значитъ: обязаться любить сладкій супъ. Тотъ, кто женится, долженъ обратиться сначала къ хирургу, чтобы ампутировать всякое чувство щепетильности.

Докторъ Кволе: Да, хорошо тому, кто способенъ быть грубымъ и кто видитъ въ женщинѣ не болѣе того, что она есть... Но мы, мужчины. обыкновенно такъ слабы и сентиментальны...

Георгъ Іонатанъ: Мужчина презираетъ женщину за то, что она такъ чувственна...

Докторъ Кволе: У насъ эта чувственность является чѣмъ-то низшимъ, второстепеннымъ, въ сущности даже чѣмъ-то непріятнымъ... отъ чего мы спѣшимъ освободиться; мы стремимся вернуться къ высшему, болѣе человѣческому,—къ нашему труду.

Георгъ Іонатанъ: Или же къ нашему досугу.

Докторъ Кволе: О да, но женщина не желаетъ этого освобожденія: это ея стихія! (Онъ улыбается непріятно-цинично, съ довольнымъ лицомъ, словно находя себя остроумнымъ).

Георгъ Іонатанъ: Вообще, прекомичное она существо. Это настоящая лѣсная русалка; нелегко укрощается, но въ укрощенномъ состояніи—прекрасное домашнее животное. Отличительный признакъ: всего лучше—издалека.

— Тѣмъ не менѣе мы всегда желаемъ имѣть ее поближе къ себѣ», вставилъ я.

Георгъ Іонатанъ: Мы презираемъ ее и въ то-же время стремимся къ ней. Бываютъ минуты, когда мы бѣжимъ отъ нея, какъ Іосифъ, оставившій въ рукахъ у нея часть своего плаща,—но постоянно снова возвращаемся къ ней, покорные, какъ псы или домашніе рабы.

Да и почему-бы не покоряться намъ ей? Наша духовность въ концѣ концовъ можетъ быть гораздо менѣе цѣнна, чѣмъ ея чувственность. Вся

грубость въ томъ, что духъ и тѣло такъ плохо уживаются другъ съ другомъ.

Докторъ Кволе: Не даромъ говорятъ, что единоженство есть одно изъ самыхъ неудачныхъ изобрѣтеній.

Георгъ Іонатанъ: Будь покоенъ, докторъ. Всякое развитіе совершается циклами. Наступитъ время, когда и мы вернемся назадъ къ варварству,—варварству цивилизованному; и тогда мы будемъ освобождены.

Послѣ этого они принялись за обсужденіе общественныхъ вопросовъ.

XVI.

Единственно кто всегда и неизмѣнно воспѣваетъ супружество,—это мой милѣйшій коллега Маркуссенъ.

У него жена и трое дѣтей, и онъ день и ночь бьется изъ-за куска хлѣба; нерѣдко бываетъ онъ до того утомленъ, что засыпаетъ надъ своей конторкой.

— Ты, конечно, почти раскаиваешься въ томъ, что женился, говорю я ему.

— Нѣтъ, нѣтъ!—хрюкаетъ онъ, по обыкновенію энергично встряхивая головой.

— Но когда, напримѣръ, ты сидишь, и считаешь, и провѣряешь далеко за полночь... банковыя и коммерческія дѣла, то то, то другое... немыслимо-же, чтобы это доставляло тебѣ удовольствіе.

— Да это меня не тяготитъ. Я совсѣмъ не устаю.

— Ей необходимъ продолжительный сонъ, добавляетъ онъ серьезно-довѣрчивымъ тономъ; а потомъ ей не слѣдуетъ имѣть никакихъ заботъ: она должна знать, что я неусыпно стою на стражѣ нашего благосостоянія. Я такъ и поступаю! торжествующе киваетъ онъ головой; послѣ чего онъ смѣется, какъ-бы въ извиненіе.

Я положительно люблю этого малаго.

* * *

Да, слава Богу, существуютъ таки еще хорошіе мужья. До комизма трогательные своею наивностью; настоящій домашній рабочій скотъ: счастливые люди.

А разъ ужъ дѣло коснется до того, то развѣ всѣ мы не стремимся къ этому самому мѣщанскому, скромному счастью?

Вотъ, напримѣръ, мой старый знакомый, редакторъ Клемъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ элегантнымъ господамъ, которые никогда не говорятъ о своей частной жизни; но если удастся когда нибудь вечеромъ, въ избранномъ обществѣ, заставить его выпить бутылки полторы пива, онъ отводитъ васъ въ сторону и говоритъ съ спокойнымъ убѣжденіемъ: «Жена моя, видите-ли... да, она положительно существо совершенно исключи-

тельное; подобной ей вы не найдете... въ цѣломъ мірѣ. Да, *вотъ это* женщина!» И его маленькіе честные глаза такъ и сіяютъ восторгомъ.

Я готовъ былъ обнять его сегодня вечеромъ. Нельзя-же такъ переходить за послѣднія границы возможнаго. Фрю Клемъ, конечно, прекраснѣйшая женщина; но «нѣчто совершенно исключительное»!..

Итакъ, все дѣло лишь въ томъ, чтобы найти существо, нервная система котораго настроена такимъ образомъ, что она вполнѣ гармонируетъ съ нашею собственною.—«Только» это, да... Благодарю!

— О, Фанни, Фанни! Если-бы я могъ немножко перестроить тебя!

Какъ-бы то ни было, тутъ дѣло кончено. Она избѣгаетъ меня. Два раза видѣлъ я ее на улицѣ; она спокойно прошла мимо меня; не замѣтила меня.

Прощай, глупецъ!..

* *
*

Неужели-же это такъ ужъ страшно? Какимъ образомъ устраиваются всѣ эти браки? Всѣ они—почти исключительно дѣло случая. Вы живете въ какомъ-нибудь маленькомъ городишкѣ, гдѣ представляется какой-нибудь одинъ единственный случай жениться, и дѣвушка становится вашей женой, хотя, можетъ быть, вы встрѣчали сотни другихъ, которыя нравились вамъ гораздо больше.

Вы вертитесь въ теченіе довольно долгаго времени въ какомъ-нибудь опредѣленномъ кружкѣ; вы какъ-разъ достигли того возраста, когда пора жениться. Въ кружкѣ этомъ есть дѣвушка, которая вамъ болѣе или менѣе «симпатична». И вдругъ дѣло улаживается, хотя, можетъ быть, не прошло еще года съ тѣхъ поръ, какъ взглядъ вашъ былъ обращенъ совсѣмъ въ другую сторону.

Вы живете у вдовы, у которой есть дочери. Долго живете вы у этой вдовы; послѣ чего вы открываете, что младшая изъ дочерей не такъ еще плоха. Въ одинъ прекрасный день въ газетахъ появляется объявленіе о вашей помолвкѣ, хотя вы, заинтересованное лицо, въ сущности почти и не думали о женитьбѣ.

Такъ было со стариннымъ другомъ моимъ, музыкантомъ, — будемъ звать его Бруномъ. Это былъ довольно смѣлый экспериментъ, онъ—прекрасная, но нервная натура, а она была—такъ, довольно обыкновенная; не особенно тонкая; вся въ отца—ветеринара.

Сегодня было воскресенье, и выдалась ясная, морозная погода; я проснулся рано и раздумывалъ объ этомъ, лежа въ постели; тутъ вдругъ пришло мнѣ въ голову, что вѣдь у меня было приглашеніе отъ Бруна и что я самымъ позорнымъ образомъ забросилъ знакомство съ этимъ старымъ, славнымъ товарищемъ—за всѣ эти три года, какъ онъ былъ женатъ.

Мною овладѣло желаніе взглянуть на него и на его домъ. Несмотря ни на что, въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ лѣтъ онъ жилъ, какъ самый

примѣрный семьянинъ; я люблю такихъ людей... Я вскочилъ съ постели съ совершенно несвойственной мнѣ энергіей, одѣлся и побѣжалъ на станцію; въ настоящее время Брунъ живетъ и пишетъ свои музыкальныя композиціи въ Сандвикѣ.

На этотъ разъ мнѣ сопутствовало несчастье. Я засталъ хозяйку одну; хозяинъ былъ еще въ постели. Мы немножко посидѣли и поболтали; вотъ—онъ вдругъ вошелъ. Полу-одѣтый, раздраженный, съ жилетомъ въ кулакѣ; прямо къ женѣ; вдругъ видитъ меня; по тому, какъ передернулось его лицо, видно, что онъ готовъ былъ послать меня къ чорту; но потомъ онъ сдерживается, киваетъ въ знакъ привѣтствія головой, мимолетомъ и какъ-бы отстраняя меня пожимаетъ мнѣ руку: «вотъ, это прекрасно»! говоритъ онъ;—въ точномъ переводѣ: «убирайся ты къ чорту!»

— Да, извини за костюмъ,—продолжаетъ онъ;—но вотъ что значитъ быть женатымъ, видишь-ли! (загадочная улыбка).

Жена поспѣшно старается спасти положеніе:

— Ахъ, да, это все пуговицы; я опять забыла о нихъ вчера...

Онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ, и въ его иносказательной рѣчи ясно слышалось шипѣніе озлобленнаго сердца. — Да, ты долженъ заранѣе приготовиться къ этому, если вздумаешь жениться, Грамъ! Трое взрослыхъ женщинъ слоняются взадъ и впередъ по дому, но тѣмъ не менѣе—никакого порядка; панталоны и рубашки—безъ пуговицъ; утрами тебѣ приходится вставать въ комнатѣ, холодной какъ ледъ...

— Да развѣ еще не затопили печки? воскликнула жена.

Онъ забылъ обо мнѣ и съ яростью набросился на нее:

— Затопили? Да что въ этомъ толку? Во-первыхъ, женщина *не умѣетъ* затопить печки... совершенно такъ-же, какъ ни одна изъ нихъ не умѣетъ хорошенько постлать постели, — а во-вторыхъ ей, разумѣется, и въ голову не придетъ, войти еще разъ въ комнату, чтобы посмотрѣть, разгорѣлись-ли дрова; просто-напросто отправляется себѣ своей дорогой! разъ, два, три—и все погасло!

— Да, она нѣсколько-таки небрежна, эта Северина, — умиротворяла жена,—я сейчасъ...

— Не безпокойся,—останавливаетъ онъ съ язвительной усмѣшкой.—я затопилъ уже самъ, какъ это всегда бываетъ. А предложила-ли ты Граму чего-нибудь поѣсть? Во всякомъ случаѣ, ты не должна забывать своихъ гостей... Посиди, пожалуйста, да не обращай на это вниманія, Габріэль; я сейчасъ вернусь. (Женѣ:) Дай мнѣ сейчасъ-же иголку и нитку; я сдѣлаю это самъ; по крайней мѣрѣ, я буду знать, что это сдѣлано.

Она вырываетъ у него изъ рукъ жилетку порывистымъ движеніемъ, въ которомъ гораздо болѣе яду, чѣмъ во всей его ругани, и исчезаетъ въ сосѣдней комнатѣ.

Онъ дѣлаетъ блѣдную, неувѣренную попытку обратить все это въ шутку, и обращается ко мнѣ: «Да, да,» говоритъ онъ, «такъ-то; надо... надо немножко приструнивать ихъ: иначе онѣ совсѣмъ спустятъ рукава... Ты, молодой холостякъ, разумѣется, въ ужасѣ отъ этого и принимаешь это за настоящую сцену... Но это только необходимый для салата перецъ, понимаешь?..

Но тутъ ярость вновь овладѣваетъ имъ, онъ бросается къ дверямъ и оретъ, просовываясь въ кухню, точно желая разбудить мертвыхъ:

— Северина! Платяную щетку! Черный фракъ не чистился по крайней мѣрѣ уже недѣли двѣ! (Тамъ протестуютъ). Да, нѣтъ-же, умереть на мѣстѣ— не чистился! Давайте щетку; въ этомъ домѣ каждый долженъ все дѣлать для себя самъ. Сапоги тоже не чищены!

Онъ такъ захлопываетъ дверь, что я принужденъ заткнуть себѣ уши.

— Ужъ ты пожалуйста извини меня, Габріэль; но эта возня съ женщинами, право, можетъ довести человѣка до сумасшествія!

Входитъ жена съ жилеткой, добродушно осклабляется, бросается ему на шею и цѣлуетъ его:

— Ну, будь же опять милымъ мальчикомъ!

— Да-да-да, защищается онъ, и я вижу, до чего ему противна' вся эта комедія передъ гостемъ. Онъ вырывается и улыбается принужденно: Извини, пожалуйста, Габріэль.

Жена принужденно смѣется и заводитъ рѣчь объ утренней сварливости своего мужа.—Вообще, въ теченіе всего дня онъ такъ привѣтливъ, но по-утрамъ, пока онъ не сѣлъ еще за свой кофе и трубку... Я строю самую довѣрчивую улыбку.—Да, повѣрьте, я вполнѣ понимаю это. По утрамъ я самъ до того бываю золъ, что готовъ былъ-бы глотать маленькихъ дѣтей. Это просто своего рода припадокъ сумасшествія; въ такія минуты человѣкъ находится въ невмѣняемомъ состояніи.—Да, не правда-ли?.. Такъ и вамъ это тоже знакомо? Это должно быть очень непріятно.

Уфъ! Такая сцена способна напугать самаго смѣлаго. Это затаенное шипѣніе долго накапливавшагося, съ трудомъ сдерживаемаго раздраженія... Боже, сколько милліоновъ булавочныхъ уколовъ долженъ былъ вытерпѣть этотъ добрый, хотя и нервный человѣкъ, прежде чѣмъ онъ могъ дойти до подобнаго скандала,—да еще, вдобавокъ ко всему, въ присутствіи холостяка!

Нѣтъ, ужъ лучше оставаться такъ, какъ есть.

* * *

Дѣло кажется пойдетъ на ладъ. Я оказываюсь тверже, чѣмъ я ожидалъ.

Но она все еще сидитъ тамъ, въ самой глубинѣ моей души, прячась отъ моего сознанія; постоянно чувствую я ее тамъ, какъ какую-то скрытую, вѣчно болящую рану; но пусть она тамъ и остается. А когда,

въ непредвидѣнную минуту, эта большая, тяжелая волна чувства нахлынетъ на мое сознаніе, какъ море, прорвавъ плотину, затопляетъ плоскій берегъ,—я заставляю ее отхлынуть назадъ и исправляю поврежденіе.

И тогда захожу я къ Матильдѣ. Сижу у нея и слушаю ея болтовню, т. е. не столько ея болтовню, сколько ея беззаботный голосъ и наивную, дѣтскую, какъ колыбельная пѣсня мягкую рѣчь, смѣхъ ея, въ которомъ, нѣтъ ничего принужденнаго, который не дрогнетъ вдругъ отзвукомъ подавленнаго горя, въ которомъ ничего нѣтъ, кромѣ беззавѣтно-веселаго лукавства, да цыганскаго легкомыслія.

Да, она обладаетъ-таки весельемъ, настоящимъ, земнымъ весельемъ,—весельемъ дикаго человѣка или сытаго, разыгравшагося животнаго, какимъ-то цыганскимъ весельемъ, между тѣмъ какъ мы, сѣверяне, тяжелыя, сумрачныя души, мы чувствуемъ себя дома лишь на небѣ или, если тамъ покажется намъ столь-же скучно, какъ въ собраніи арміи спасенія,—въ Нирванѣ.

Ея круглое, какъ вишня, румяное лицо, съ маленькими голубыми плутовскими глазками нерѣдко представляется мнѣ запретнымъ плодомъ, висѣвшимъ на райскомъ деревѣ... Да, клянусь всѣмъ, что есть для меня святого, выдаются такіе вечера, когда я положительно чувствую, что люблю ее. Она смѣется надо мной, но тѣмъ не менѣе, ей это нравится. «Но скажи же мнѣ на милость, съ какой стати вдругъ начинаешь ты звать меня Евой?»

* *
*

Я ненавижу скандалы.

Неужели когда-нибудь кончится тѣмъ, что заговорятъ на всѣхъ перекресткахъ: «Габріэль Грамъ застрѣлился! Габріэль Грамъ отравился!» И всѣ эти противные люди будутъ стоять и говорить, пожимая плечами: «Пьянство...» «Однако, не далъ промаху...» Эхъ!

Нельзя-ли сдѣлать это какъ-нибудь подъ видомъ «несчастнаго случая?»

Замерзнуть?—Это черезчуръ ужъ непріятно. Я не выношу холода. Я непремѣнно кончу тѣмъ, что встану, пойду домой и затоплю печку.

Но, можетъ быть, такимъ способомъ удалось-бы заполучить основательное воспаленіе легкихъ?

Да. Но тутъ явится какой-нибудь искусный малый въ образѣ доктора и «спасетъ мою жизнь...»

Дождаться весны. Пораньше начать купаться. «Получить судороги» и пойти ко дну... Но когда Господь видитъ, что человѣкъ намѣренъ утопиться, Онъ всегда пошлетъ кого-нибудь, кто успѣетъ его вытащить.

Предпринять поѣздку въ Гамбургъ, и потомъ, выбравъ ночь потемнѣе, «упасть за бортъ?» Но всегда найдется кто-нибудь, кто замѣтитъ это. Подобныя вещи никогда не удаются. Кто-нибудь да пронюхаетъ, что человѣкъ имѣетъ что-то на умѣ; сейчасъ же предупредитъ капитана...

вдругъ окружитъ его цѣлое полчище шпіоновъ, и не успѣетъ онъ прыгнуть за бортъ, какъ на кораблѣ подымется переполохъ, и тотъ или другой сердобольный малый, бросившись ему на помощь, подцѣпитъ его на крючокъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ въ послѣдній разъ нырнуть въ воду.

Опрокинуться, катаясь на парусной лодкѣ? — Это лучше. Я подожду весны, попрошу у Іонатана его лодку, выйду подальше во фіордъ и даже еще дальше, въ открытое море; подкараулю минуту, когда на горизонтѣ будетъ совершенно чисто... въ такомъ случаѣ надо будетъ выбрать день посвѣжѣе.

Да. Это годится. Тутъ я не предвижу никакихъ случайностей. Эта мысль по крайней мѣрѣ можетъ служить мнѣ утѣшеніемъ до тѣхъ поръ... пока не наступитъ день.

Безъ нея я не могу жить. Все лучше, чѣмъ терпѣть эту терзающую муку, лишающую меня разсудка и съѣдающую меня всего, до мозга костей. Но и съ нею я тоже не могу жить. Я люблю ее до безумія, но люблю недостаточно. Черезъ двѣ недѣли опять все прошло бы безъ слѣда, и тогда, такъ-ли, иначе-ли, жизнь превратилась бы въ чистый адъ.

* *
*

Я: Какъ же вы счастливы при всѣхъ вашихъ интересахъ!

Георгъ Іонатанъ: Если хочешь жить, то надо жить внѣшнею жизнью. Здоровая воля всегда проявляетъ себя во внѣшней жизни, а безъ здоровой... (пожимаетъ плечами)... человѣкъ или бросается въ море, или идетъ къ пастору.

... Да, да; «здоровая воля...» ахъ, это мѣщанское, скучное «здоровье...»

Только одно интересуетъ меня, — эта мучительная борьба, происходящая во мнѣ самомъ; эта болѣзнь, благодаря которой все существо мое раздвоеется и воля моя находится въ вѣчномъ раздорѣ сама съ собой; въ этомъ вся моя жизнь. Слѣдовательно, я живу внутри себя, своею внутреннею жизнью, и слѣдовательно... одна мнѣ дорога—въ море.

* *
*

Въ теченіе нѣкотораго времени я отважно выдерживалъ эту борьбу, жалкую борьбу, въ которой все теряешь, даже побѣждая; борьбу во имя долга, въ которой безмолвно молишь Бога о пораженіи, потому что побѣдить значитъ: лишиться многообѣщающаго шанса въ жизни.

И я боролся, и боролся, къ вечеру совсѣмъ выбивался изъ силъ, но на утро вставалъ съ новою рѣшимостью.

Но вотъ, сегодня встрѣчаемся мы на улицѣ, и фьють!—вся моя рѣшимость разлетается въ прахъ.

Я приглашаю ее въ кондитерскую и съ полчаса сижу тамъ и ухаживаю за нею. Затѣмъ—прогулка; и все опять вошло въ свою колею.

Я чувствую себя, какъ падшій темплієръ, ужасно счастливымъ и нѣсколько смущеннымъ. Хотя въ сущности удовольствіе не такъ ужъ ве-

лико... Я могъ-бы и не возобновлять этого! Вся моя долгая борьба пропала даромъ. Но, слава Богу, слава Богу; хоть на время кончились всѣ эти муки; меня ждутъ долгіе отрадные дни...

Но какъ-же это будетъ? Этого я не знаю.

* *
*

Она уже не дитя. Она должна сама заботиться о своей репутаціи. Я и то черезчуръ даже старался обратить на это ея вниманіе; она знаетъ, чѣмъ она рискуетъ. Въ такомъ случаѣ это ужъ не мое дѣло. Она также прекрасно знаетъ, что я не имѣю намѣренія какимъ-либо образомъ вознаградить ее за это. Я поступаю откровенно и ясно, и не могу навлечь на себя никакого порицанія.

Но не думаетъ-ли она, что я въ концѣ-концовъ все-таки женюсь на ней? У женщинъ вѣдь своя логика.

Или-же она играетъ *va banque*? Или панъ или пропалъ? Можетъ быть она рѣшила заполучить себѣ «наилучшаго» мужа, а получить его она не можетъ иначе, какъ заставивъ порядочнаго человѣка настолько скомпрометировать ее, чтобы, какъ джентльменъ, онъ вынужденъ былъ наконецъ жениться на ней?

Въ такомъ случаѣ всѣ разсчеты ея будутъ обмануты. Она опасна для меня лишь на разстояніи.

* *
*

Почему не хочетъ она высказаться? Она настолько умна и теперь уже настолько знаетъ меня, что могла-бы быть увѣрена въ томъ, что признаніе ея не повредитъ ей въ моихъ глазахъ.

Должно быть, это что-нибудь *очень* дурное, разъ она не рѣшается признаться послѣ всего того, что я высказывалъ при ней. Или-же она просто-напросто смотритъ на меня, какъ на постороннее лицо, котораго подобныя вещи вовсе не касаются.?..

* *
*

Мы бродимъ по улицамъ и съ длинными перерывами говоримъ о совершенно не интересныхъ для насъ вещахъ. Можетъ быть, оба мы думаемъ въ это время объ одномъ и томъ-же; но одна не рѣшается заговорить, а другой самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ...

Время отъ времени я возобновляю попытку заставить ее говорить о самой себѣ. Постоянно неудачно.

— ... Кто-же былъ слѣдующимъ вашимъ другомъ... послѣ Оза, хочу я сказать.

— Студентъ Ухерманъ.

— Онъ тоже былъ влюбленъ въ васъ?

— Да, къ сожалѣнію.

— Къ сожалѣнію? Развѣ это... доставляло вамъ какое-нибудь неудобство? Неужели онъ...

— Это былъ самый лучшій человѣкъ, какого я когда-либо знала. Ему—послѣднему согласилась-бы я причинить какую-бы то ни было непріятность; но тутъ ничего нельзя было сдѣлать.

— А слѣдующій?

— Слѣдующій?.. Другъ, хотите вы сказать? Онъ былъ послѣдній. Остальные—только «знакомые».

Продолжительное молчаніе. Итакъ, не причисляетъ-ли она и меня къ послѣднему классу? Во всякомъ случаѣ, я не «лучшій человѣкъ», котораго она когда-либо знала.

* *
*

До колоссальности легко дурачить людей. Стоитъ только сдѣлать извѣстную мину—и всѣ ей повѣрятъ.

Ей кажется, что я такъ уравновѣшенъ и разсудителенъ; на все имѣю такую опредѣленную, выработанную, ясную точку зрѣнія.—«Неужели *вы* дѣйствительно сомнѣваетесь въ чемъ-нибудь?» «Возможно-ли, чтобы *вы* когда-нибудь скучали?» «Неужели *вы* не знаете, что вамъ дѣлать?» и т. д.—одинъ исполненный удивленія вопросъ за другимъ.

Я, наполняющій всѣ свои свободные часы различными планами самоубійства, итакъ, я могу быть принятъ за настоящаго Оппезена, и только благодаря тому, что обладаю нѣкоторой долей такта и не имѣю привычки выкладывать свою душу какъ на ладони. А я-то еще думалъ, что маска моя довольно легко проницаема!

Но это конечно такъ. Всѣ мы только и дѣлаемъ, что ошибаемся другъ въ другѣ. Да и что за нужда намъ интересоваться тѣмъ, что скрывается подъ тою или другою маскою? Итакъ, мы принимаемъ маску за нѣчто не подлежащее сомнѣнію, да въ добавленіе ко всему, остаемся еще очень благодарны за то, что люди берутъ на себя трудъ прилгнуть передъ нами. Какою адскою конурой или пріютомъ для сумасшедшихъ не представлялся-бы намъ міръ, если бы всѣ мы вдругъ обнаружили нашъ истинный обликъ, и принялись-бы вопить, какъ того требуетъ наше сердце!

Все, что намъ извѣстно о людяхъ, есть только одна внѣшность. Подъ этою внѣшностью скрываются всевозможные звѣри, гадкіе, отвратительные звѣри, сумасшедшіе, преступники, самоубійцы, дикари... Кто знаетъ, напримѣръ, что кроется подъ маскою Георга Іонатана? Можетъ быть, въ концѣ-концовъ какой-нибудь скептикъ, презирающій все человѣчество? Можетъ быть по вечерамъ, ложась въ постель, онъ набожно прикладывается къ склянкѣ морфія? Кто знаетъ?

Много прискорбнаго и ужаснаго происходитъ во всѣхъ этихъ мышиныхъ порахъ, гдѣ растерзанный, жалкій человѣкъ вдругъ остается глазъ на глазъ съ самимъ собою и своею испуганною совѣстью.

* *
*

«Милая, милая Фанни! Я не могу жить безъ васъ. Но я знаю себя, и знаю также, что это привело-бы только къ несчастью, если бы мы попробовали соединиться бракомъ.

Я говорю вамъ это такъ прямо для того, чтобы вы поняли, что я уважаю васъ и питаю довѣріе къ вашему уму, и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не имѣю намѣренія обманывать васъ или играть въ какую-бы то ни было безчестную игру. Я открываю передъ вами свои карты и говорю: вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Вы поймете это.

Вопросъ въ томъ,—таково-ли ваше чувство ко мнѣ, чтобы вы *захотѣли*, и такъ-ли смотрите вы на любовь, чтобы вы *могли* не прекратить всякихъ сношеній со мною послѣ этого объясненія? Прекрати вы ихъ,—и я навсегда прощусь съ вами и поблагодарю за интересное и пріятное нарушеніе моего такъ-называемаго однообразія жизни. Если-же вы попрежнему будете приходить на наши прогулки,—то вы сдѣлаете меня счастливѣе, чѣмъ я могу это выразить.

Но замѣтьте, что тутъ вы ничего не выиграете, но можете *все* потерять. И помните, что въ одинъ прекрасный день, когда, можетъ быть, игра будетъ казаться вамъ всего завлекательнѣе, я приду къ вамъ и скажу: я больше не хочу. *Не соглашайтесь* на мое предложеніе, если только и вы, подобно мнѣ, не обладаете мужествомъ отчаянія, чтобы сказать: всю жизнь—хотя-бы за одну минуту блаженства!

Г. Г.»

.... Таково было письмо, которое я сжегъ въ послѣдній разъ.

* * *

— Полноте! Эмансипація нисколько не опасна. Это не болѣе, какъ новый видъ кокетства, новый способъ привлекать вниманіе и возбуждать интересъ; когда-же данная особа заполучитъ себѣ мужа, рвеніе ея, сдается мнѣ, значительно поохладится.

— Не всегда!

— Обыкновенно. Плохо лишь то, что женщины въ этихъ женскихъ собраніяхъ научаются быть такъ неграціозными. Бальная зала, во всякомъ случаѣ, лучшая школа для молодой дѣвушки. Но зато тутъ опять-таки есть то преимущество, что въ женскихъ собраніяхъ женщины научаются болѣе уважать насъ, мужчинъ...

— Ну, это...

— О, да. Въ бальномъ залѣ, видите-ли, женщины всего чаще видятъ насъ съ самой невыгодной стороны: во всякомъ случаѣ, смѣю сказать, что тутъ являемся мы въ самомъ глупомъ видѣ, и потому онѣ начинаютъ чувствовать къ намъ затаенное глубокое презрѣніе; что не основательно. На собраніяхъ, гдѣ запираются онѣ однѣ и стараются усвоить себѣ то или другое изъ того, что мы придумали или изобрѣли, когда мы были на своемъ мѣстѣ, на своей трудовой нивѣ, — у нихъ неизбѣжно

должна явиться мысль, что мужчина во всякомъ случаѣ имѣетъ право на уваженіе. Польза вознаграждаетъ-ли потерю? Сомнительно. Но пока все это, разумѣется, представляетъ собою лишь переходное состояніе.

— Да. но скажите-же мнѣ, наконецъ... Разумѣется, женщина должна быть женою и матерью; мы это хорошо знаемъ; но скажите, что по-вашему должно дѣлать намъ, которыя не вышли замужъ?

— Постараться, не теряя времени, выбрать себѣ мужа.

Смѣхъ.

— Да, но тѣ, которыя все-таки не найдутъ себѣ мужа, неужели должны онѣ всю жизнь сидѣть безъ дѣла; быть можетъ, къ тому-же еще и голодать?

— Голодъ не можетъ грозить вамъ потому только, что вамъ не удалось помѣститься въ конторѣ. Что дѣлаетъ мужчина, когда онъ не имѣетъ мѣста? Онъ находитъ себѣ какое-нибудь другое дѣло. Господи Боже! въ концѣ концовъ, всегда откроется какой-нибудь выходъ.

— Со временемъ будетъ столько незамужнихъ женщинъ, что имъ, весьма вѣроятно, понадобится доступъ не только въ конторы, но даже и на государственную службу.

— Да... но мужчины, которые такимъ образомъ будутъ вытѣснены съ этихъ мѣстъ? Неужели лучше, чтобы они голодали? Кромѣ того, такимъ образомъ будетъ являться только еще больше незамужнихъ дамъ; потому-что съ каждымъ мужчиной, не имѣющимъ мѣста, всегда оказывается однимъ бракомъ меньше; между тѣмъ какъ женщина, получившая мѣсто, не увеличиваетъ числа браковъ.

— Ну. мужчины далеко не всегда настолько щепетильны, чтобы не допускать своихъ женъ работать для нихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вопросъ лишь въ томъ, можетъ-ли государство или частное лицо, предлагающее работу, терпѣть работниковъ, которые, какъ-бы хороши они ни были, могутъ нуждаться въ девятимѣсячномъ отпускѣ?.. Вотъ вы, учительницы, напримѣръ: кажется, я слыхалъ, что учительницы не сохраняютъ за собою своего мѣста, если онѣ выходятъ замужъ?

Молчаніе. Потомъ она говоритъ:

— Охъ, да, поневолѣ приходится думать, что міръ былъ сотворенъ не женщинами!

Пожатіе плечами. Долгое молчаніе.

* * *

У ней никогда не было родного дома, слѣдовательно, она не домовита. А я до смѣшного аккуратный человѣкъ...

Да, я это вижу напередъ. Ужъ одно то, какъ разбрасываетъ она верхнее платье, когда куда-нибудь входитъ: одно на одномъ стулѣ, другое на другомъ; зонтикъ на диванѣ, перчатки на каминѣ. Ухъ! Дѣтскія вещи валялись-бы по всѣмъ угламъ; наперстки и ножницы, газеты и

шпильки расшвыривались-бы повсюду, вмѣстѣ съ высохшими букетами, бездѣлушками, поношенными воротничками, бантиками и лоскутками; я просто-напросто лишился-бы аппетита.

Нѣтъ, эти избранныя женщины, эти бездомницы, эти женщины-холостяки—одно изъ двухъ: или онѣ должны окончательно отказаться отъ своего пола, или-же самымъ серьезнымъ образомъ жить холостяками. Жизнь внѣ семьи дѣлаетъ женщину негодною для супружества. Она утрачиваетъ свое жизненное значеніе, свое положеніе, свое равновѣсіе; въ ней сказывается какой-то вывихъ, что-то неспокойное, непослѣдовательное, несоразмѣрное; она утрачиваетъ женскую положительность и благоразуміе; становится нервна, напряженна, разсѣянна, суетлива.

Женщина безъ изящества и граціи,—что прикажете дѣлать съ подобнымъ существомъ?

Такъ пусть-же сидитъ она въ этой самой конторѣ, если она имѣетъ къ этому склонность, или-же пусть ее идетъ кричитъ и злится въ классѣ. Въ семейномъ-же домѣ... Почти всѣ мужчины одарены чувствомъ красоты.

Что-же касается до будущей фрю Грамъ, то она, кромѣ всего прочаго, должна обладать еще искусствомъ разговора: должна умѣть говорить легко, непринужденно, гладко; безъ напряженія и безъ претензіи, не допуская даже и мысли, чтобы она могла сказать какую-нибудь двусмысленность. Я, самъ существо бездомное, этого не умѣю (безъ посторонней помощи); немногіе норвежцы обладаютъ этимъ искусствомъ; наша демократическая, напряженная жизнь учитъ насъ лишь произносить рѣчи да спорить. Она также не обладаетъ этимъ искусствомъ. У нея черезчуръ поучительная манера; вѣроятно, также ей приходилось слишкомъ много молчать.

Изящная легкость, полная самообладанія, спокойная естественность, искусство свободно и безъ затрудненія отдаваться теченію разговора, умѣнье говорить остроумно, но безъ излишняго подчеркиванья, и необходимыя банальности, не нагоняя скуки... такое искусство требуетъ школы. Между мужемъ и женой, которымъ предстоитъ жить вмѣстѣ изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ, необходимо обезпечить возможность интеллигентной бесѣды для того, чтобы семейная жизнь не оказалась прямымъ безобразіемъ.

Въ настоящее время несчастный мой умъ день и ночь совершаетъ Сизифову работу. Словно сизифовъ камень, непрерывно переворачиваетъ онъ все одну и ту-же мысль, ухватывается за нее и выпускаетъ ее, и снова ухватывается, и снова выпускаетъ, безпрестанно, непрерывно, такъ что, наконецъ, мозгъ мой пылаетъ, какъ въ огнѣ.

XVIII.

Въ странное общество вводитъ она меня,—школьные учителя, учительницы, семинаристы, молодые художники,—все прекрасный народъ, но неловкіе, застѣнчивые, обыкновенно съ отпечаткомъ какой-то приниженности, являющимся слѣдствіемъ сознанія, что стоишь не на должной высотѣ. Жалкая порода, эта средняя раса. Недостаточно несвѣдущіе для того, чтобы чувствовать себя счастливыми и недостаточно свѣдущіе для «примиренія съ судьбой», они вопятъ и корчатся въ своего рода душевной истерикѣ. Безъ памяти толкуютъ о «великихъ идеяхъ» и «великихъ истинахъ», которыя, какъ полагаютъ они, заключаютъ въ себѣ залогъ счастья для посвященныхъ, но которое для нихъ самихъ, въ силу какой-то несправедливости судьбы, т. е. недостатка денегъ, совершенно недоступно, вслѣдствіе чего они считаютъ себя въ правѣ ненавидѣть и Господа Бога, и людей, и весь міръ.

Казалось, не трудно было-бы объяснить имъ, что счастье, даваемое знаніемъ, весьма проблематично; что «быть на высотѣ знанія» означаетъ сознавать, какъ, вообще говоря, безконечно мало можно знать; что «святая святыхъ» есть какая-то camera obscura и что высшее и послѣднее слово науки есть не болѣе, какъ великій вопросительный знакъ. Но это ни къ чему не ведетъ. Они этого не понимаютъ. Говоря имъ подобныя вещи, являешься въ ихъ глазахъ просто какою-то подозрительною личностью. Печальное открытіе: знать, что ничего нельзя знать.

Что за своеобразный человѣкъ, эта Эбба Леманъ. Ея пессимизмъ поистинѣ истерическій. Сама по себѣ она довольно интеллигентна, но тѣмъ не менѣе непріятна. Черезчуръ ужъ ясно сказывается причина ея пессимизма: она не имѣла настолько успѣха, чтобы имѣть дѣтей.

*
* *

Порядочная женщина должна быть въ высшей степени осторожна въ выборѣ своего общества. Знакомясь съ людьми, которые выше ея, она рискуетъ совершенно стушеваться передъ ними. Знакомство-же съ людьми, стоящими значительно ниже ея, принижаетъ и ее самое.

Мнѣ тяжело видѣть Фанни въ этомъ обществѣ. Среди нихъ и сама она становится... такъ непріятно похожа на нихъ.

* *
*

Болитъ голова...

* *
*

У ней есть нѣсколько человѣкъ настоящихъ друзей, истинныхъ друзей.

Мои сомнѣнія до того мучатъ меня, что не даютъ мнѣ ни минуты покоя; я унижаюсь до шпіонства; пытаюсь заставить говорить ея знакомыхъ, если ужъ она сама ничего не хочетъ сказать. Всѣ они говорятъ: «О, да, Фанни прекрасная дѣвушка... *насколько* я знаю!»

Они нѣсколько напираютъ на это. Даже эта славная Фрю Маркуссенъ:... «*по крайней мѣрѣ* я не знаю о ней ничего дурного».

«Болтали тутъ что-то» о ней и объ этомъ Ухерманѣ; кромѣ того, что-то было еще съ какимъ-то купцомъ; но, конечно, «тутъ не было ничего такого»... «А до тѣхъ поръ, пока о подобной личности не можешь сказать съ увѣренностью ничего дурного...» и т. д.

Бываетъ-ли на свѣтѣ положеніе еще болѣе невѣроятное и смѣшное, чѣмъ мое? Она мнѣ ни невѣста, ни любовница, да разумѣется никогда и не будетъ ни тѣмъ, ни другимъ;—а между тѣмъ я цѣлые дни терзаюсь мыслью о томъ, что она могла быть съ кѣмъ-нибудь въ такихъ отношеніяхъ... *я!*—когда я и по сегодня не пересталъ еще бывать у Матильды!.. и по этому поводу терплю адскія муки.

Какое страшное несчастье полюбить женщину не своего круга! Въ чуждомъ обществѣ люди говорятъ на совершенно чуждомъ вамъ языкѣ; тамъ царятъ совершенно иныя понятія, и даже иныя чувства. Можетъ быть для нея это до очевидности простая вещь,—право, даже обязанность—какъ забота о поддержаніи своего существованія—умалчивать обо всемъ томъ, что могло-бы повредить ей въ глазахъ претендента.

Что такое—ревность? Можетъ быть, даже ни одинъ французъ не въ состояніи былъ-бы дать опредѣленія, вполнѣ исчерпывающаго это понятіе. Я самъ не въ силахъ выяснить себѣ своего состоянія. Я знаю только, что я страдаю—безсмысленно и невыразимо.

Это не ревность. Вѣдь мнѣ-же до этого рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Мнѣ только больно за нее. Это грѣхъ, это ужаснѣйшій грѣхъ, что такая изящная и хорошая дѣвушка окажется запятнанной и оклеветанной въ этой грубой борьбѣ за существованіе, которая свирѣпствуетъ тамъ внизу «въ народной пучинѣ», гдѣ человѣкъ просто-таки не имѣетъ права на подобную роскошь, какъ деликатность чувствъ, душевная чистота, правдивость, гордость... Отвратительно! Возмутительно! Георгъ Іонатанъ правъ: общество должно перестроиться!

Но что всего трагичнѣе, такъ это то, что эта самая дѣвушка, можетъ быть, и даже—вѣроятно, въ теченіе всей своей молодости выдерживала самую отважную борьбу ради того, чтобы удержаться въ сторонѣ отъ всякой грязи... и теперь, когда стоитъ она вполнѣ развитою женщиной съ побѣдною пальмовою вѣтвью въ рукахъ, достойная стать женою любого принца:—не находится ни одного человѣка, который-бы повѣрилъ ей.

О приличія, священныя, дурацкія приличія! — *необходимо*, чтобы молодой дѣвушкѣ всюду сопутствовала пожилая, почтенная дуэнья. Удастся ей одурачить эту дуэнью—тѣмъ лучше! Во всякомъ случаѣ оселъ въ образѣ будущаго ея супруга будетъ имѣть свои «гарантіи»...

* * *

Въ этомъ нѣтъ уже больше сомнѣнія. Она влюблена.

Только этого недоставало!

Какъ-же мнѣ теперь быть?

Уфъ, только-бы опять эти жернова не принялись перемалывать все сызнова! А голова болитъ, болитъ!..

* * *

Ужасныя головныя боли снова стали посѣщать меня.

Эта страшная, убійственная тяжесть надъ глазами! Кажется, будто судьба поставила тутъ свой палецъ, говоря: до сихъ поръ и не дальше!

Бодрость, воля, мысль, разсудокъ,—все безсильно опускается, и я сижу и смотрю передъ собою, безучастно и тупо, въ ту или другую точку, которая постоянно представляется мнѣ обращеннымъ на меня дуломъ револьвера.

Впрочемъ, не стоитъ затѣвать такой исторіи: завтра или послѣзавтра я, все равно, погибну. Свалюсь, какъ быкъ подъ ударомъ топора.

* * *

До чего безразсудна молодость!

Только и дѣлаешь, что гоняешься за женщиной, но по пути получаешь столько поврежденій, что, когда, наконецъ, настигаешь желаемую,.. то всего лучше предоставить ей идти своей дорогой.

Испорченная жизнь! Загубленная жизнь! Давайте-же сюда трауръ и крепъ,—здѣсь совершается болѣе, чѣмъ погребенье мертвеца!

Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ.*)

Николай Михайловичъ Ядринцевъ не удовлетворялся одними кабинетными занятіями. Любя родину, онъ хотѣлъ знать ее не только со словъ другихъ, но и изъ книги жизни. Его воображеніе создавало тотъ идеальный образъ общественнаго дѣятеля, который пробуждаетъ дремлющія силы людей, обращаетъ пытливость ихъ ума на важнѣйшіе вопросы современности, говоритъ съ ними языкомъ не только ученаго, познавшаго многое, но и гражданина, который многое пережилъ. Знать Сибирь, любить Сибирь, служить ей словомъ, перомъ и примѣромъ, собрать воедино немногочисленныя силы сибирской молодежи и поставить передъ нею задачи, которыя неотложно требуютъ рѣшенія, воспитать въ этой молодежи нѣжную привязанность къ суровой и пустынной родинѣ— вотъ въ чемъ было честолюбіе покойнаго. Едва достигнувъ 21 года, Ядринцевъ началъ изслѣдовать Сибирь и своимъ убѣжденнымъ словомъ призывать сибиряковъ на служеніе краю. За 30 лѣтъ онъ успѣлъ заглянуть въ ея отдаленные уголки и освѣтить такія стороны ея жизни, которыя ранѣе вовсе не были изслѣдованы. Что онъ ни изучалъ въ Сибири, гдѣ онъ ни производилъ изысканія, вездѣ онъ встрѣчалъ переселенца. Тюмень и Забайкалье, Алтай и Томскъ, Омскъ и Бараба ставили его лицомъ къ лицу съ нуждами переселенцевъ во всей ихъ наготѣ. Онъ скорбѣлъ вмѣстѣ съ этимъ измученнымъ людомъ; онъ понималъ, что переселенія составляютъ центральный вопросъ сибирской жизни; онъ изслѣдовалъ бытъ переселенцевъ и старался облегчать ихъ тяжелую долю. И самая смерть застигла его во главѣ отряда статистиковъ, который прибылъ на Алтай, чтобы изучить жизнь переселившихся.

Николай Михайловичъ, начиная отъ 1878 года, неоднократно предпринималъ поѣздки для спеціальнаго изученія переселенческаго дѣла. Онъ

*) Изъ рѣчи, произнесенной 26 марта 1895 г. на общемъ собраніи общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.

позналъ его во всѣхъ формахъ его проявленія; онъ много думалъ о немъ. Все видѣнное и передуманное нашло себѣ мѣсто въ его книгѣ «Сибирь, какъ колонія», а также во многихъ десяткахъ статей, которыя онъ напечаталъ о переселенцахъ въ *Восточномъ Обозрѣніи*, *Вѣстникѣ Европы*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Русской Жизни* и другихъ изданіяхъ. Многія стороны переселенческаго вопроса изслѣдованы за послѣдніе годы съ большей полнотой. Но не забудемъ заслугъ Ядринцева: и то въ переселенческомъ дѣлѣ, чего онъ не развилъ въ подробностяхъ, отмѣчено и указано въ его журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ.

Связанный съ Сибирью всѣмъ существомъ своимъ, Ядринцевъ даетъ въ одной изъ статей очеркъ заселенія Сибири и характеристику мѣстъ, которыя особенно пригодны для переселенцевъ. Исторія колонизаціи Сибири показываетъ, что колонизація направлялась первоначально сѣверными путями, вѣтвилась по сибирскимъ рѣкамъ. Расположившись на громадныхъ бассейнахъ Иртыша и Оби и достигнувъ крайняго сѣвера, колонизація оставила незаселенными огромныя пространства между этими водораздѣлами: Тарскій округъ, Барабу до Томска и обширное пространство до Енисея. Съ главныхъ рѣкъ заселеніе шло понемногу по притокамъ, спускаясь на югъ къ болѣе плодороднымъ мѣстамъ. Припоминая американскаго экономиста Кэри, который выяснилъ историческую постепенность въ занятіи отдѣльныхъ мѣстностей страны, Ядринцевъ старался прослѣдить этотъ порядокъ и въ заселеніи Сибири: какъ въ Америкѣ люди шли отъ менѣе плодородныхъ земель вглубь страны, на плодородныя долины, такъ и въ Сибири старинные поселенцы заняли менѣе благопріятныя мѣста и только позднѣе стали проникать въ земледѣльческую полосу, лучшіе округа Тобольской и Томской губерній. Ядринцевъ предостерегаетъ отъ излишняго увлеченія, свойственнаго многимъ оптимистамъ, будто почти вся Сибирь пригодна для заселенія; однако, если признать таковою только небольшую часть Азіатской Россіи, то въ ней найдется мѣсто для многихъ и многихъ милліоновъ. Съ особеннымъ чувствомъ описываетъ онъ нѣкоторыя мѣста: Семирѣчье, окрестности озера Балкаша, долину Борохудзира, Минусинскій округъ, Кокчетавскій край и, во главѣ всего, Алтай, этотъ «драгоцѣннѣйшій перлъ Сибири».

Горячій поклонникъ широкой личной свободы, Николай Михайловичъ одушевленно говоритъ о томъ періодѣ въ исторіи Сибири, когда переселенецъ за Ураломъ чувствовалъ себя вольнымъ, какъ птица, и могъ разорвать многочисленныя путы, сковывавшія его въ Россіи. Но и позднѣе Сибирь сохранила для переселенцевъ много привлекательнаго. Но... Сибирь не знала крѣпостного права. А потому, крѣпостной крестьянинъ старался попасть въ нее, чего-бы это ни стоило. Подневольная ссылка была формой, которая помогала многимъ уйти въ Сибирь и тѣмъ исполнить затаенное

желаніе быть свободнымъ отъ крѣпостного ярма. Въ словѣ «непомнящій» объединялись понятія преступника, бродяги и переселенца. Съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ вѣрно отмѣчаетъ Ядринцевъ, должна была высоко подняться волна переселеній. Тысячи и тысячи должны были двинуться въ Сибирь: личная свобода дала многимъ слишкомъ мало, а разорванная цѣпь крѣпостничества вызывала особенно сильное влеченіе на просторѣ развернуть силы. Это не оправдалось, вѣроятно, потому, говоритъ онъ, «что легальныя условія нашихъ переселеній, какъ и многія условія народнаго хозяйства, не совсѣмъ совпадали со стремленіемъ къ передвиженіямъ». Каждый годъ, отмѣчаетъ онъ, потребность въ переселеніи возростаетъ, такъ какъ становится все менѣе благопріятнымъ отношеніе площади земли къ числу людей, которые живутъ на ней. Переселеніе имѣетъ естественные предѣлы: эмиграція продолжается до тѣхъ поръ, пока на заселяемыхъ мѣстахъ условія жизни гораздо болѣе выгодны, нежели въ мѣстахъ покидаемыхъ. Первые поселенцы пожнутъ въ новой странѣ обильные плоды, а ихъ преемники, по мѣрѣ занятія края, будутъ получать уже меньшее вознагражденіе за трудъ. А въ покидаемыхъ мѣстахъ, съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ заработки будутъ возрастать. Конецъ выселенію наступитъ тогда, когда противоположныя теченія цѣнъ труда—восходящее и нисходящее—сойдутся на одномъ уровнѣ. Ядринцевъ указалъ также на выгодность занятія переселенцами государственныхъ земель. Если переселенецъ садится на земли частныхъ владѣльцевъ, то доходъ отъ его хозяйства идетъ цѣликомъ на уплату ренты, возрастающей безостановочно; только ничтожныя крохи служатъ для поддержанія его домашняго быта. Пріобрѣтеніе-же государственныхъ земель безъ особой платы и ренты представляетъ драгоцѣнную особенность Сибири. Николай Михайловичъ не забываетъ и о тѣхъ выгодахъ, которыя переселенцы могутъ доставить Сибири: усовершенствованные способы веденія хозяйства, неизвѣстные старожиламъ, улучшенныя орудія, новыя отрасли промышленности. Мы не найдемъ преувеличеній въ предсказаніи покойнаго, что устройство переселенческаго дѣла, при богатой природѣ Сибири, ея плодородной почвѣ, обильныхъ залежахъ минеральныхъ богатствъ, поможетъ извлекать изъ нея въ сто разъ больше дохода, нежели она даетъ въ настоящее время. Приподнимая завѣсу, которая отдѣляетъ отъ насъ далекое будущее, Ядринцевъ говоритъ о важности переселеній и въ чисто политическомъ смыслѣ: мы должны помнить, что нашими восточными сосѣдями являются Китай и Японія съ многомилліоннымъ населеніемъ. Теперь они находятся въ состояніи застоя. Разъ эти государства усвоятъ начатки европейской цивилизаціи, разъ въ нихъ проснется національный духъ, они могутъ стать для насъ очень опасными сосѣдями. Нужно торопиться, чтобы не дать имъ культурою обогнать наши восточныя окраины.

Оцѣнивая важность переселеній, Ядринцевъ возражаетъ тѣмъ, кто доказываетъ ихъ вредное вліяніе ссылкою на дороговизну рабочихъ рукъ, которую, будто-бы, они причиняютъ. Во-первыхъ, такое опасеніе неосновательно, а, во-вторыхъ, стѣсненіе свободы изъ за этихъ опасеній поведетъ къ самой страшной несправедливости. Нельзя задерживать людей въ мѣстности, гдѣ вслѣдствіе ихъ выселенія можетъ подняться заработная плата. Такая задержка равносильна наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать трудъ по низшей цѣнѣ, нежели та, которая господствуетъ на рынкѣ. Вотъ слова самого Николая Михайловича: «Вопросъ объ обиліи и недостаткѣ рабочихъ рукъ можетъ быть рѣшаемъ совершенно различно, смотря по тому, смотритъ-ли рѣшающій на дѣло съ точки зрѣнія крестьянина или землевладѣльца. Кто-бы ни былъ судьею вѣрности этихъ противоположныхъ взглядовъ, ему, во всякомъ случаѣ, будетъ трудно, подъ многообразными побочными вліяніями удержаться въ столь деликатномъ вопросѣ на почвѣ строгой справедливости. Во всякомъ случаѣ, колонизація не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія интересовъ лицъ, заинтересованныхъ въ конкуренціи рабочихъ, хотя-бы часть ихъ умирала съ голоду; она не можетъ быть подчинена также частнымъ интересамъ губерніи, она есть дѣло самихъ лицъ, чувствующихъ потребность въ выселеніи, и дѣло государства, которое отъ этого не проигрываетъ, а, напротивъ, выигрываетъ, получая, вмѣсто разоренныхъ пролетаріевъ, зажиточныхъ производителей» *).

Какъ ни дѣйствуютъ переселенія на здоровое развитіе народнаго хозяйства, не слѣдуетъ видѣть въ нихъ панацею противъ всѣхъ общественныхъ золъ. Ядринцевъ правильно и разумно относится къ этому явленію; переселенія служатъ паллiативнымъ средствомъ, но, вмѣстѣ съ другими палліативами, особенно распространеніемъ знаній и разными мѣрами, способствующими болѣе справедливому распредѣленію богатствъ, могутъ оказать народу большія услуги. «Никто, конечно, не будетъ указывать на колонизацію, какъ на разрѣшеніе всѣхъ народно-экономическихъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ аграрными законами, установившимися соціальными отношеніями, распредѣленіемъ богатствъ, знаній и т. п. Въ этомъ отношеніи колонизація, безъ сомнѣнія, должна быть признана палліативою соціальныхъ золъ, но она важна тѣмъ, что въ переходныя времена кризисовъ, по мѣрѣ движенія экономическаго прогресса, она предотвращаетъ бѣдствія и катастрофы» **).

Ядринцевъ не только доказывалъ важность переселеній и, дѣйствуя на умъ, старался направить въ эту сторону вниманіе русскаго общества; онъ живо изображалъ бѣдствія переселенцевъ и дѣйствовалъ на сердце.

---

*) Сибирь, какъ колонія, 1882. 148.

**) Тамъ-же, 149.

и въ многочисленныхъ статьяхъ своихъ и неоднократно въ этой залѣ и въ засѣданіяхъ нашего комитета онъ живописалъ лишенія русскихъ людей въ вагонѣ и сибирской тайгѣ, въ тюменскомъ баракѣ, на баржѣ и на мѣстѣ водворенія. Много разъ читало русское общество въ газетахъ его телеграммы, краснорѣчивыя при всей своей краткости, телеграммы о томъ, какъ голодъ и болѣзни опустошаютъ ряды армій, несущихъ русское имя на дальній востокъ. И не разъ, читая эти строки, русскій человѣкъ чувствовалъ тяжесть укора, котораго заслуживаетъ пренебреженіе къ этому истинно народному дѣлу. Тяжело видѣть эти лишенія, говоритъ Ядринцевъ, когда они постигаютъ взрослыхъ, но особенно болѣзненно отзываются въ душѣ страданія дѣтей. Иной, встрѣчая переселенческій таборъ въ полѣ, способенъ прійти въ идиллическое настроеніе. Взрослые сидятъ у костра, обѣдаютъ, отдыхаютъ, маленькія дѣти лежатъ на зеленомъ коврѣ, который разостлала для нихъ мать-природа. Подростки, полные веселья, играютъ, рѣзвятся. Но эта идиллія скоро разсѣевается горькою дѣйствительностью. Чуткую душу волнуютъ не только болѣзни и смерть дѣтей на всѣхъ пунктахъ долгаго странствія переселенцевъ, но и судьбы дѣтей, покинутыхъ родителями и нашедшихъ мѣсто въ пріютѣ. Есть что-то особенно трагическое въ покинутіи дѣтей, которыя добровольно осуждаются родителями на сиротство. Такая необходимость встрѣчается только среди переселенцевъ. Ребенокъ тяжко заболѣлъ, а родители не могутъ ждать, уходятъ за сотни и тысячи верстъ и оставляютъ его въ пріютѣ. Вотъ отрывокъ изъ его разсказа:

«Въ углу переселенческаго двора, въ одномъ изъ маленькихъ бараковъ данъ былъ пріютъ сиротамъ, оставшимся отъ лѣтняго переселенческаго потока. Родители ихъ или умерли во время эпидемій, или-же ушли дальше, оставивъ этихъ дѣтей больными. Компанія эта теперь состоитъ изъ 10 человѣкъ отъ 6 до 10-лѣтняго возраста; только одной дѣвочкѣ 12 лѣтъ. Маленькіе карапузики съ большими головами постоянно возились на полу и около кроватей; они были дѣтски безпечны и мало сознавали свое положеніе, а если и сознавали, то какъ-то по-дѣтски примирялись. Среди остальной компаніи былъ постоянный разговоръ и болтовня, но только обычныя для дѣтей слова «тятя» и «мама» не раздавались среди нихъ... Скрытый драматизмъ этой семьи собранныхъ дѣтей заключался въ томъ, что никто изъ посѣщающихъ не позволялъ здѣсь напоминать о родныхъ и родителяхъ, чтобы не растравить свѣжую, незажившую сиротскую рану. Напротивъ, всякій старался отвлечь дѣтей отъ этихъ воспоминаній. Пришедшіе стараются ободрить, развеселить ихъ ласковымъ словомъ, затѣять съ ними игру, дать имъ какое-нибудь лакомство. Дѣти, повидимому, довольны посѣщеніемъ и обхожденіемъ, но странно—при этихъ ласкахъ вдругъ въ нихъ что-то пробуждается, они становятся томны и даже веселая Маша вдругъ задумы-

вается, а въ ея нѣжномъ голосѣ звучитъ какая-то грусть. Точно дѣтямъ напомнили этими ласками о чемъ-то другомъ, о тѣхъ ласкахъ, которыя такъ недавно еще были чѣмъ-то постояннымъ, неотъемлемымъ у нихъ и куда-то исчезли. Дѣтское воспоминаніе заставляетъ ихъ моментально сосредоточиться, и при этомъ дѣтскіе глазки вдругъ тускнѣютъ и тускнѣютъ... Посѣтитель невольно обращается съ вопросомъ къ угрюмому Петѣ, который возбуждаетъ большое сожалѣніе; мальчикъ, по обыкновенію, упорно молчитъ и молчитъ; проходитъ минута, другая—среди всеобщей тишины. Вдругъ ласка, обращенная къ мальчику, внезапно производитъ рефлексъ на чувствительной Машѣ. Она бросается въ уголъ, закрываетъ личико свое маленькими ручками и начинаетъ тихо рыдать. Тогда приходится обратиться къ Машѣ и, лаская, спрашивать, что ее огорчаетъ. «Тятя гдѣ? Мама гдѣ?» повторяетъ два слова ребенокъ, у котораго проснулась цѣлая буря воспоминаній и грусти. Выростутъ, поздоровѣютъ, они станутъ сильными работниками, но жребій сиротства положитъ на нихъ печать въ душевномъ строѣ. Кто замѣнитъ имъ мать и отца? Эти дѣти знаютъ свой жребій: одни будутъ разобраны на воспитаніе чужими людьми, другія попадутъ въ воспитательный пріютъ. Да и теперь маленькіе обитатели переселенческаго пріюта видятъ, какъ отдаютъ одного за другимъ ихъ товарищей незнакомымъ женщинамъ. Дѣтскій страхъ охватываетъ ихъ при этомъ представленіи, и они пугаютъ другъ друга этой участью. Теперь даже этотъ маленькій сиротскій домикъ, гдѣ они сжились и подружились, кажется имъ семьей,—семьей, правда, случайной, но тѣмъ не менѣе родной, близкой по той взаимной дѣтской любви, которая связала ихъ... Положеніе какъ переселенческихъ покинутыхъ сиротъ, такъ и невинныя жертвы переселенія, умирающія дѣти должны, кромѣ сожалѣнія, конечно, возбудить практическій вопросъ объ уменьшеніи этихъ жертвъ и улучшеніи участи дѣтей во время слѣдованія переселенцевъ. Все, конечно, связано съ лучшей организаціей, вообще, переселенческаго дѣла. Облегчится участь отцовъ и матерей, облегчится и участь дѣтей. Можно только сказать одно, что выбывшая дѣтская сила въ переселенческихъ партіяхъ—это живая колонизаціонная сила, утраченная безвозвратно. Она цѣннѣе, чѣмъ сила и наличность взрослыхъ, ей предстояла цѣлая будущность *)».

Призывая общество и государство къ заботѣ о переселенцахъ, Ядринцевъ начертываетъ систему мѣропріятій, необходимость которой уже начинаетъ проникать въ общее сознаніе. Мы, поэтому, не будемъ перечислять мѣры, которыя онъ предлагаетъ. Но отмѣтимъ его неоднократное напоминаніе, что правительство, вѣдая это дѣло, не должно создавать для него искусственныя отвлеченныя правила. Оно должно цѣнить

*) Сборникъ «Въ путь-дорогу», 1893. 66—70.

здравый смыслъ народа и разумно, осторожно руководить имъ. Вотъ прекрасныя слова, въ которыхъ покойный выразилъ творческую силу народныхъ движеній. «Народная колонизація, въ видѣ народа-плотника, мало того, что осуществляетъ планъ, но и наполняетъ всѣ промежутки и сѣтку колонизаціи живымъ матеріаломъ, мало того, она часто идетъ дальше архитектора, расширяетъ зданіе, при чемъ вѣхи, колья и планъ являются послѣ того, какъ уже началась постройка. При правительственной колонизаціи мы видимъ массу обязанныхъ служилыхъ людей, казаковъ, водворенныхъ крестьянъ по распоряженію правительства, прикрѣпляемыхъ ямщиковъ, назначенныхъ на мѣста преступниковъ, высланныхъ ремесленниковъ и мастеровъ, даже женщинъ для уравновѣшиванія половъ, но государство къ этому вынуждается только необходимостью. Это не административная обязанность. Когда настоящій работникъ появляется, эта работа исчезаетъ подъ новой громадной работой настоящихъ плотниковъ. Казенная колонизація, составляя временную функцію, весьма часто дѣлаетъ промахи, увлекается планомъ и фасадомъ, не сообразивъ прочности почвы и окружающихъ удобствъ, она ломитъ и заставляетъ создавать массу непроизводительной работы, не щадитъ силъ и не соблюдаетъ экономіи; много народу гибло на казенныхъ трактахъ, не мало было создано искусственныхъ деревень и городовъ, которые послѣ падали и теряли значеніе. Образецъ такой колонизаціи въ степяхъ и на Амурѣ. Но еще важнѣе то, что эта искусственная и принудительная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни, здѣсь не достаетъ живой силы, могучей воли, энергіи, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ, она одна не создала-бы Сибири. Это могла сдѣлать только добровольная колонизація. Сколько-бы ни было употреблено изобрѣтательности и остроумія со стороны администраторовъ и регламентаторовъ, они не могутъ замѣнить народнаго ума, они не изыщутъ тѣхъ новыхъ путей и тропъ по своей картѣ, которые находитъ народъ среди лѣсовъ и пустынь, пролагая самъ себѣ дорогу. Вотъ почему народно-историческія зданія выростаютъ такъ неожиданно и созидаются такъ оригинально, какъ не можетъ вообразить себѣ самый смѣлый государственный умъ. Обѣщать, въ пустынномъ краѣ, въ извѣстный срокъ создать населеніе, культурную жизнь, водворить осѣдлость, построить деревни и города, проложить дороги, насадить промышленность, едва-ли возьмется самый могущественный государственный человѣкъ; по-крайней мѣрѣ онъ не можетъ ручаться за успѣхъ подобной работы, онъ не можетъ, силою одной своей воли, сотворить культурную жизнь, хотя бы его воля и способность двигать массами превосходила силы Фараона. Но народъ, пущенный живымъ токомъ въ новую страну, создаетъ это съ непредусмотрѣнной быстротой. Оттого часто тамъ, гдѣ копошился незамѣтно народный трудъ, гдѣ работалъ онъ втайнѣ, гдѣ, какъ му-

равей, скользилъ онъ подъ почвою и за корою деревьевъ, гдѣ часто скрывался онъ въ подземельяхъ, въ тайникахъ и дебряхъ лѣсовъ отъ регламентаціи и принудительной работы, срывая занавѣсъ, мы внезапно открываемъ нѣчто грандіозное... величественныя архитектурныя зданія подобно тѣмъ, какія насаждены народными силами въ дебряхъ Америки и Австраліи. Подобные примѣры показываютъ намъ, во-первыхъ, настоящаго фактора жизни и исторіи, во-вторыхъ, убѣждаютъ, что народный трудъ въ дѣлѣ колонизаціи въ области его самодѣятельности и творчества не долженъ быть стѣсняемъ, а предоставленъ до извѣстной степени самому себѣ. До сихъ поръ въ дѣлѣ государственной колонизаціи борются еще два направленія: это—регулированіе народныхъ движеній, управленіе ими, искусственныя поощренія, назначеніе на извѣстныя мѣста, доходящее до указаній пунктовъ поселеній, до вышивки казенныхъ узоровъ, и другое—оставившее эти цѣли и имѣющее въ виду лишь помогать народному движенію въ томъ направленіи, куда оно стремится, содѣйствовать народной самостоятельности и выбору мѣстъ, сообразно требованіямъ жизни и условіямъ культуры. Послѣдній способъ составляетъ пріемъ, практикуемый нынѣ европейской колонизаціей *)».

А. А. Исаевъ.

---

*) Сибирь, какъ колонія. 154—156.

Два стихотворенія.

I.

Зимній вечеръ.

О блѣдная луна
Надъ блѣдными полями!
Какая тишина—
Надъ зимними полями!
О тусклая луна
Съ недобрыми очами...
Кругомъ—покой великъ.
Къ землѣ тростникъ поникъ,
Нагой, сухой и тощій....
Луны проклятый ликъ
Исполненъ злобной мощи...
Къ землѣ поникъ тростникъ,
Больной, сухой и тощій...
Вороны хриплый крикъ
Изъ голой слышенъ рощи.
А въ небѣ—тишина—
Какъ въ оскверненномъ храмѣ...
Какая тишина—
Надъ зимними полями!
Преступная Луна,
Ты ужасомъ полна—
Надъ яркими снѣгами!..

II.

Скука.

Страшнѣй, чѣмъ горе, эта скука!
Гдѣ ты, послѣдній тернъ вѣнца,
Освобождающая мука
Давно желаннаго конца?

Приди, открой великолѣпье
Иныхъ міровъ моимъ очамъ!
Я сброшу тѣло, какъ отрепье,
И праху прахъ мой я отдамъ...

Съ ея безсмысленнымъ мученьемъ,
Съ ея томительной игрой,
Невыносимымъ оскорбленьемъ
Вся жизнь мнѣ кажется порой.

Хочу простить её, но знаю,—
Уродства жизни не прощу,
И горечь слезъ моихъ глотаю,
И умираю, и молчу...

Д. Мережковскій.

ПРАЗДНИКИ.

(Посвящается Е. А. Гернгроссъ).

I.

Нина Павловна проснулась рано. Ей не спалось. Она уже нѣсколько разъ зажигала спичку и смотрѣла на часы. Темно: всѣ въ домѣ еще спятъ...

«Сколько дѣла, сколько дѣла! прошептала Нина Павловна и повернулась на бокъ. Когда все успѣть? завтра Рождество, все будетъ заперто, для елки почти ничего не куплено, а елка уже двадцать седьмого!.. Вчера почти весь день ушелъ на исканіе игрушекъ и выборъ подарковъ. Ахъ! эти праздники. Сколько заботъ! Сколько тратъ!!.. Однѣ игрушки чего будутъ стоить! Катѣ непремѣнно хочется поющую куклу, какъ у Маши Смирновой... Нина Павловна была во всѣхъ игрушечныхъ магазинахъ и не нашла... Ма̀шина кукла поетъ какую-то французскую шансонетку и въ то-же время задорно машетъ руками. Катѣ это очень нравится. Въ Magasin Etranger есть почти такая-же, но семьдесятъ пять рублей!.. И поетъ такъ, что не разберешь ни словъ, ни мотива!.. Нина Павловна не рѣшилась купить. Семьдесятъ пять рублей на одну игрушку!.. Положимъ, Катя любимица отца и онъ для нея ничего не пожалѣетъ, но теперь слишкомъ много и другихъ тратъ... Надо-же и Мишѣ подарить что-нибудь. А чужимъ дѣтямъ!? Завтра елка у Кремневыхъ... И Катя, и Миша, навѣрное, получатъ хорошіе подарки, значитъ надо будетъ «отдарить». А Кремневыхъ четверо: двѣ дѣвочки и два мальчика. У нихъ отъ игрушекъ обѣ дѣтскія ломятся. Чего-чего только нѣтъ: и заводной баранъ въ натуральную величину, и говорящія куклы, и куклы танцующія, и велосипеды новѣйшихъ системъ, и фотографія, и телефонъ... Что подарить такимъ избалованнымъ дѣтямъ?

Нина Павловна тяжело вздохнула и, чиркнувъ спичкой, опять взглянула на часы. Половина восьмого. Звонить горничную еще рано, совѣстно будить ее:—она работаетъ цѣлые дни, устаетъ, ложится поздно...

Нина Павловна зажгла на ночномъ столикѣ свѣчи и взяла листокъ, положенный ей наканунѣ гувернанткой Марьей Аѳанасьевной.

«Канители разноцвѣтной пучковъ пятнадцать, читала Нина Павловна, орѣховъ золоченыхъ—сотню, рыбокъ бумажныхъ золотыхъ—тридцать, хлопушекъ большихъ—пятнадцать, да маленькихъ штукъ двадцать, картонажей разныхъ—штукъ пятьдесятъ, свѣчей восковыхъ—двѣ сотни, подсвѣчниковъ—двѣсти...

«Каждый годъ! подумала Нина Павловна. И куда все это дѣвается? Эта Марья Аѳанасьевна такая неряха! Въ сущности, пора-бы ее отправить... Дѣти теперь почти все время съ m-lle Lucie... Марья Аѳанасьевна очень мало занимается съ ними; а навѣрно обидится, что ей на праздникъ дарятъ платье, а mademoiselle —браслетъ... Навѣрное обидится... Того не сообразитъ, что она получаетъ въ мѣсяцъ и учить, и одѣвать, и воспитывать двоихъ дѣтей—двадцать рублей, а m-lle Lucie за четыре часа въ день—тридцать рублей... А подарки всегда соразмѣряются съ заработкомъ...

«Пряниковъ мятныхъ, яблоковъ, миндалю, изюму, карамели»...

«Господи! сколько дѣла! Когда-же я успѣю все это?» проговорила Нина Павловна и энергично надавила пуговку звонка.

— Пожалуйста, подымите стору и дайте мнѣ скорѣе кофе, сказала она вошедшей горничной.

Агаша, какъ всегда, принесла на серебряномъ подносѣ кофе, сливки и газету. Нина Павловна привыкла прочитывать въ постели всю газету. Сегодня читать некогда; она только взглянула на «покойничковъ», просмотрѣла отдѣлъ «Театръ и Музыка» и отложила листъ въ сторону. «Обращаемъ вниманіе благотворителей»... бросилось ей въ глаза. Какой громадный списокъ сегодня... И, навѣрное, на половину обманъ: попрошайничество, стремленіе жить на чужой счетъ, постыдное тунеядство...

Нина Павловна принялась за кофе, а сама соображала, какъ ей успѣть все сдѣлать въ одинъ день. Надо выѣхать пораньше, прямо въ Гостиный дворъ, и купить для елки, пока не устала; а то какъ устанешь—все раздражаетъ. Вчера она попала въ Гостиный къ вечеру и не могла безъ раздраженія видѣть всѣхъ этихъ картонажей: какія-то безвкусныя коробочки, бумажныя гитары, домики, рыбки, муфты... Ей все это показалось и безвкуснымъ и дорогимъ, и просто никому ненужнымъ... Такъ ничего не купила и уѣхала. А дома на нее напали и m-lle Lucie и дѣти... Когда-же успѣть все развѣсить и убрать елку? За этимъ два дня провозишься!.. А потомъ игрушки: ну, дѣтямъ Кремневымъ надо получше:—ихъ отецъ только считается товарищемъ по

службѣ мужа Нины Павловны, а въ сущности прямо отъ него зависятъ и назначенія, и повышенія, и наградныя... Для дѣтей Кремневыхъ денегъ нечего жалѣть, онѣ не пропадутъ, вернутся такъ или иначе... Мисѣ и Мусѣ нужно подарить по куклѣ; рублей по десяти-двѣнадцати можно найти приличныя... А мальчикамъ?.. Коньки?.. Есть должно быть... Бэбочкѣ можно большую лошадь, а Люлѣ хоть книжку съ картинками, въ хорошемъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ... Ну, слава Богу, придумала... Петѣ Смирнову—коньки... Можно и недорогіе, его дома не балуютъ, вотъ Машѣ—другое дѣло!.. Она любимица матери и очень избалована. Ей можно отдать заводного медвѣдя:—его у Кати никто не видалъ, дядя Вася изъ-за границы привезъ... Хорошо, что Нина Павловна его спрятала, Катя—сломала-бы, а онъ дорогой... А теперь все-таки хоть одной игрушкой меньше покупать... Теперь тремъ Обоевымъ что? У нихъ на елкѣ кромѣ картонажей—ничего не дается... Имъ можно по куклѣ... Нѣтъ, Марья Дмитріевна сейчасъ начнетъ сравнивать съ Катиной куклой и надуется... Неловко... Лучше—Олѣ хорошую посуду, Сашѣ—мебель, а Зоѣ—хоть игру какую-нибудь... Нина Павловна облегченно вздохнула и опять опустилась на подушки. «Обращаемъ вниманіе благотворителей» снова увидала она и, продолжая думать о своемъ, взяла газету.

«...Вдовы съ 5 малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ, Молчаливая улица, домъ № 9», прочла Нина Павловна и улыбнулась: двадцать лѣтъ живетъ она въ Петербургѣ и никогда не слыхала, что существуетъ Молчаливая улица. Должно быть, спеціально для вдовъ безъ всякихъ средствъ!.. «Больной, брошенной мужемъ, женщины съ двумя дѣтьми, шести и пяти лѣтъ»... «Вдовы съ восемью малолѣтними дѣтьми»...

Нина Павловна опять улыбнулась и отбросила газету. «Восемь малолѣтнихъ!» Ужъ это, навѣрное, вздоръ! И непремѣнно вдова!!.. Возмутительно!.. Нина Павловна машинально взяла газету и, какъ-бы для того, чтобы убѣдиться въ своей правотѣ, опять прочла все объявленіе... «Безъ всякихъ средствъ, № 63»... Это здѣсь... Черезъ три дома... Неужели тамъ-же, гдѣ живетъ Штейнъ?.. Вотъ еще дѣтей Штейнъ надо позвать... Совсѣмъ и забыла, а мужъ еще на-дняхъ напоминалъ ей о нихъ. Штейнъ ему необходимъ... Онъ—главный воротила въ томъ правленіи, гдѣ Дмитрію Ивановичу обѣщали частное мѣсто... А Нина Павловна чуть не забыла позвать его дѣтей на елку! Мужъ не простилъ-бы ей этого. И опять-бы началось:

— Сколько лѣтъ я учу тебя поддерживать отношенія съ людьми!

Нина Павловна сказала-бы, что это «пошлость» и вышла-бы «исторія»...

«Надо сегодня-же заѣхать, позвать», рѣшила Нина Павловна и крѣпко нажала пуговку звонка. Вошла Агаша.

— Какая погода сегодня? спросила ее Нина Павловна.

— Вѣтрено-съ и слякоть... отвѣтила горничная.

— Господи! А мнѣ такъ много ѣздить!

— Вы приказали вамъ напомнить насчетъ винъ-съ и закусокъ... Завтра все будетъ заперто...

«Еще это! подумала Нина Павловна. Неужели мужъ не можетъ хоть закусокъ купить?.. Она ихъ и не ѣстъ никогда... А онъ, навѣрное, еще ворчать будетъ, что Нина Павловна «все довела до послѣдняго дня». «До послѣдняго!» А она уже чуть не мѣсяцъ готовится къ праздникамъ и все-таки многого не успѣла сдѣлать... Дѣла по горло! А визиты! Сколько они времени отнимаютъ! Каждый день часа три-четыре проѣздишь. Уже конецъ декабря, а Нинѣ Павловнѣ кажется, что они только-что переѣхали съ дачи.

Богъ знаетъ, на что ушли дни, недѣли, мѣсяцы... А минуты свободной не было... Особенно передъ праздниками! Отчего-то именно къ праздникамъ всегда множество всякихъ хлопотъ: дѣтямъ башмаки новые, Катѣ пришлось сдѣлать новое платье бѣлое—на елку къ Кремневымъ и домашнее, синее; матросскій костюмъ Мишѣ—растетъ онъ страшно и рветъ... Нинѣ Павловнѣ самой нужно было полутраурное, нельзя-же въ новый годъ въ черномъ, а въ цвѣтномъ неудобно... А по дому?—«Барыня! лампы въ гостиной коптятъ!»...—надо ѣхать за новыми горѣлками... Абажуры истрепались... Надо заказать новые... А убрать квартиру!.. На горничныхъ надѣяться нельзя—непремѣнно пыль и паутину гдѣ-нибудь оставятъ. А Нина Павловна гордится тѣмъ, что у нея на любомъ шкафу такъ-же чисто, какъ у другихъ и на столѣ не всегда бываетъ... Только чего это ей стоитъ! Горничныя мѣняются чуть не каждый мѣсяцъ. Онѣ считаютъ себѣ за личное оскорбленіе, если барыня заставитъ ихъ два раза убрать одну и ту-же комнату. Нужно все самой. Передъ праздниками Нина Павловна чуть не недѣлю отдала чисткѣ и уборкѣ квартиры... Каждое утро она завязывала голову шелковымъ платкомъ, чтобы не пылились волосы, и слѣдила, какъ-бы горничныя не забыли обтереть какую-нибудь картинку, уголокъ или книжку... Оттого у Нины Павловны порядокъ, оттого она и слыветъ образцовой хозяйкой. Прежде она терпѣть не могла этого! Все это казалось ей скучнымъ и ненужнымъ... А потомъ какъ-то привыкла, втянулась... Беременность и дѣти пріучили ее сидѣть дома, а мужъ такъ усердно пилилъ ее за недомовитость, за неряшество, что, наконецъ, выпилилъ изъ нея «образцовую хозяйку». А потомъ удивляется, что ей все некогда. Заставить-бы его хоть недѣльку побыть въ ея кожѣ!..

И какъ всегда при подобныхъ размышленіяхъ, у Нины Павловны шевельнулось недоброе чувство противъ Дмитрія Ивановича. Онъ думаетъ, что только одинъ онъ дѣла дѣлаетъ, а она «какъ всѣ жен-

щины—бездѣльничаетъ!» Онъ самъ требуетъ и «поддержки отношеній», и чтобы она была одѣта, какъ подобаетъ ея положенію, и чтобы дѣти говорили по-французски, и чтобы въ домѣ не пахло кухней, и чтобы не совѣстно было принять его товарищей и сослуживцевъ... Теперь и Нинѣ Павловнѣ все это кажется не только нужнымъ, но даже очень важнымъ... А прежде, когда ей хотѣлось читать, учиться, знать что-нибудь, — она, должна покаяться, дѣлала не мало упущеній въ хозяйствѣ и «срамила» мужа какими-нибудь «сюрпризами»: позоветъ онъ обѣдать кого-нибудь, а у нея бѣлье столовое Богъ знаетъ какъ выглажено, или салатъ не заправленъ, или лакей не предупрежденъ, кому первому подавать. И потомъ, когда гости разъѣдутся, начинаются «семейные разговоры»; кончается тѣмъ, что Дмитрій Ивановичъ хлопаетъ дверью, Нина Павловна рыдаетъ до полнаго изнеможенія. Теперь этого не бываетъ; не можетъ быть. Нина Павловна образцовая хозяйка и Дмитрій Ивановичъ совершенно спокоенъ; онъ знаетъ, что можетъ пригласить кого угодно и не будетъ сконфуженъ: провизія первый сортъ, вино прекрасное, бѣлье выутюжено и подкрахмалено, прислуга вышколена и читаетъ по глазамъ Нины Павловны—когда, кому и какъ подавать.

Но Дмитрій Ивановичъ не знаетъ, чего это все стоило и стоитъ Нинѣ Павловнѣ!

«И навѣрное будетъ ворчать, что довела до послѣдняго дня, что истратила много денегъ... Много денегъ! когда одна елка какъ дорого обойдется!.. И то ужъ Катѣ куклу не придется купить».

— Агаша! Барышня встали?—спросила Нина Павловна горничную.

— Одѣваются.

— Попросите ихъ ко мнѣ.

Черезъ минуту въ спальню вбѣжала дѣвочка лѣтъ восьми и радостно бросилась къ матери. Ея золотистые волосы распались по плечамъ; каріе ясные глазки смотрѣли довѣрчиво и счастливо. Нинѣ Павловнѣ сразу стало весело. Катя всегда вносила съ собою столько радости жизни, столько трепетнаго веселья, что Нина Павловна не могла не поддаваться ея настроенію. «Какая красотка!» подумала она, любовно глядя на дочь, на живописныя, золотистыя пряди ея длинныхъ волосъ, на ея бѣлые, блестящіе зубки. Она вся какъ-то блестѣла: блестѣли волосы, блестѣли глаза, блестѣли зубы, даже бѣлая кожа на круглыхъ щечкахъ блестѣла. Катю признали красавицей, когда она еще была красненькимъ кругленькимъ комочкомъ; уже и тогда она приводила всѣхъ въ восторгъ длиннымъ разрѣзомъ большихъ глазъ и разными ужимочками своего беззубаго рта; такъ она и росла красавицей, и мать постоянно гордилась ею и постоянно боялась, чтобы она не подурнѣла, и каждый разъ, убѣждаясь, что этого нѣтъ, повторяла себѣ, что Катя—красавица.

«А для дѣвочки это такъ важно!» добавляла про-себя Нина Павловна, точно оправдываясь въ какой-то слабости.

— Мамочка! Какъ рано!—весело сказала дѣвочка, цѣлуя мать въ глаза.—Хорошо спала?

Нина Павловна, не отвѣчая на вопросъ дочери и любуясь ею и ея свѣжимъ видомъ, съ притворной строгостью спросила Катю:

— Отчего такая лохматая?..

— Марья Аѳанасьевна причесывала меня, Агаша пришла звать, я и вырвалась...—смѣло отвѣтила Катя, зная, что хоть мама и не любитъ, чтобы она ходила лохматая, а все-таки послѣ этого отвѣта ничего ей не скажетъ. Вѣдь сама прислала за ней Агашу!

Катина нянька была москвичка и дѣвочка переняла у нея московскій говоръ на «а», что придавало ей, среди безцвѣтнаго петербургскаго акцента, какую-то особую нарядность. И это очень нравилось Нинѣ Павловнѣ.

«Ну, какъ не любить ее?—подумала она.—Всѣ ее любятъ больше, чѣмъ Мишу... И требовать нельзя... Она всѣхъ любитъ... Всегда веселая, милая, всѣмъ довольна...»

— Знаешь, Котикъ, я не нашла тебѣ такой куклы, какъ обѣщала,— грустно сказала Нина Павловна, боясь разрушить веселое настроеніе Кати.

— Ой?!

Дѣвочка хмуро взглянула на мать, но черезъ секунду улыбнулась и сказала:

— Я и расхотѣла уже... У меня много куколъ, я еще мою Нину Павловну не раздѣвала ни разу... Знаешь, мамочка, ты мнѣ лучше красные башмаки...

— Какіе красные?

— Не знаю какіе, кожаные... Вотъ какъ у Миси и у Муси... А то я все въ черныхъ или въ желтыхъ... Купи, мамочка!

— Куда-же тебѣ красные? Вѣдь Мися и Муся маленькія, а ты большая!

— Мамочка! Пожалуйста!

Катя такъ ласково взглянула на мать, такъ любовно прижалась къ ней, что Нина Павловна, боясь дать ей хоть секунду огорченія, поторопилась отвѣтить:

— Ну, хорошо, куплю... А Мишѣ что придумаемъ?

— Мишѣ?! Купи ему цвѣтныхъ карандашей... Онъ все мои краски хватаетъ! Надоѣлъ!..

— Такъ лучше ему краски?

— Не стоитъ!—съ презрѣніемъ сказала Катя.—Вѣдь ему все равно на одну минуту... Лучше мнѣ купи новыя краски, а я отдамъ ему свои.. Онѣ всѣ перемазаны!..

— Ахъ ты хитрая!—сказала Нина Павловна весело смѣясь.

По комнатѣ раскатился звонкій и радостный смѣхъ Кати.

И Нинѣ Павловнѣ опять вспомнилось, что ее обвиняютъ въ нелюбви къ Мишѣ. Какъ можно не любить собственнаго ребенка? Конечно она любитъ его, но онъ такой болѣзненный, капризный, золотушный и все плачетъ. Понятно, что съ нимъ ей не такъ весело, какъ съ Катей. И Нина Павловна притянула къ себѣ дѣвочку.

Катя подпустила обѣ руки подъ голову матери и, слегка приподнимая ее, стала покрывать лицо Нины Павловны быстрыми легкими поцѣлуями и приговаривать:

— Красавица! Душечка! Маленькая!

— Катеринка! Пусти!—смѣясь сказала ей Нина Павловна.

Катя расшалилась и не могла остановиться сразу.

— Довольно, Катя... Ты совсѣмъ задавила меня...

Дѣвочка быстро соскочила съ кровати и серьезнымъ старческимъ тономъ заговорила:

— Это что за баловство? Вставайте, барышня! Нечего валяться-то! Вотъ мамашенька встанутъ, я пожалуюсь на васъ.

Нина Павловна знала, что когда Катя въ особенно хорошемъ настроеніи (или когда сконфужена), она начинаетъ «представлять» свою няню Прасковью.

— Дай няня немного полежать,—отвѣтила Нина Павловна въ тонъ дѣвочкѣ.

— А мамаша что скажутъ? Мнѣ-же за васъ достанется... Вставайте, вставайте, шалуньи эдакія... Избаловали васъ папаша съ мамашей... Вотъ Мишенька умникъ, давно встали...

Нина Павловна, смѣясь, спустила ноги съ постели, а Катя присѣла на корточки и стала ее обувать съ такими-же ужимками и прибаутками, какъ дѣлала няня, обувая свою любимицу. Когда чулки были надѣты, Нина Павловна опять нѣжно и ласково поцѣловала дѣвочку.

— Мама! А Дуня?—вдругъ спросила Катя серьезно и почти строго.

— Что, Дуня?

— На елку...

— Нѣтъ, маленькая... Ее нельзя на елку...

Нинѣ Павловнѣ не нравилась дружба Кати съ Дуней—дочерью лакея сосѣдей, не нравилось, что та постоянно бѣгала черезъ кухню въ дѣтскую играть съ Катей, но она не рѣшалась выгонять Дуню, чтобы не огорчить дочь.

— Мамочка, милая! Почему нельзя?—спросила Катя.

— Ты сама знаешь,—строго сказала Нина Павловна.—У нея никакихъ манеръ нѣтъ, кричитъ, руками машетъ...

— А мы ее одѣнемъ въ мое розовое платье, волосы распустимъ, никто ее и не узнаетъ.

Нина Павловна не могла не разсмѣяться. Она увидала, что Катя очень хорошо понимаетъ, почему мамѣ не хочется, чтобы Дуня была на елкѣ. И Кремневымъ, и Обоевымъ и всѣмъ было-бы непріятно видѣть своихъ дѣтей вмѣстѣ съ лакейской дочерью. Да и Дмитрій Ивановичъ—первый противъ этого.

— И папа не узнаетъ?—спросила Нина Павловна дочь.

— Онъ не посмотритъ... Онъ съ Марьей Дмитріевной говорить будетъ.

Марья Дмитріевна Штейнъ была женою именно того воротилы, который былъ нуженъ Дмитрію Ивановичу и онъ, можетъ быть, дѣйствительно былъ съ нею любезнѣе, чѣмъ съ другими дамами и Катя это замѣтила.

И Нина Павловна опять разсмѣялась, видя какая ея Катя умная и тонкая. Дѣвочка приняла смѣхъ за согласіе на счетъ Дуни и бросилась цѣловать мать.

II.

Холодное свинцовое небо низко опустилось надъ землей. Съ моря дулъ порывистый, острый вѣтеръ. Темный снѣгъ на мостовой размякъ; около тротуаровъ колыхались густыя лужи. Нина Павловна плотно усѣлась въ сани, закрылась теплой полостью и приказала вести себя въ гостиный дворъ.

«Да! еще къ Штейнъ надо заѣхать, вдругъ вспомнила она.— Тутъ-же... Почти рядомъ... № 63... Вдова съ восемью малолѣтними!.. Гдѣ-же она здѣсь живетъ? Интересно... Стой, извозчикъ.

Нина Павловна подъѣхала къ громадному темно-коричневому дому съ балконами, каріатидами и наряднымъ подъѣздомъ. Старикъ швейцаръ встрѣтилъ ее какъ знакомую и дружелюбно высадилъ изъ саней.

— Скажите пожалуйста, гдѣ тутъ квартира пятьдесятъ-вторая?— спросила Нина Павловна.

— Намъ неизвѣстно-съ... Во дворѣ должно быть... Надо къ дворнику обратиться... Дворникъ! Дворникъ!—закричалъ швейцаръ.

— Да мнѣ не сейчасъ, начала Нина Павловна, но въ это время къ ней уже подходилъ добродушный малый въ лиловой вязанной курткѣ и издали снимая шапку, спрашивалъ приказаній.

— Вотъ барынѣ угодно въ квартиру номеръ пятьдесятъ второй.

— Это во второмъ дворѣ, первая дверь налѣво, въ подвалѣ...

— Да ты проводи! повелительно сказалъ швейцаръ.

Дворникъ съ услужливымъ видомъ побѣжалъ подъ ворота, Нина Павловна пошла вслѣдъ за нимъ.

Первый дворъ былъ довольно просторный и чистый; второй былъ маленькій и страшно грязный. Нина Павловна едва прошла по обледенѣлому тротуару до первой двери налѣво. Изъ открытой форточки подвальнаго окна валилъ паръ, пропитанный запахъ кислой капусты.

— Тутъ поосторожнѣе, сказалъ дворникъ.

Нина Павловна спустилась по тремъ скользкимъ неровнымъ ступенямъ въ длинный темный коридоръ, завѣшенный мокрымъ тряпьемъ. Ей пришлось рукой отстранять отъ лица эти тряпки, чтобы добраться до двери, указанной ей дворникомъ.

— Вамъ къ Аграфенѣ Петровнѣ? скорѣе утвердительно, чѣмъ вопросительно сказалъ дворникъ, пока Нина Павловна доставала ему на чай.

— Я въ газетѣ прочла...

— Ну да, это она объявляется...

— Не пьяница?

— Куда ей! съ презрѣніемъ отвѣтилъ дворникъ. Совсѣмъ дохлая...

— И правда, что бѣдность?

— Голь круглая... Да вотъ сами увидите.

За дверью слышались громкіе голоса.

— Чего лаешься-то!? Не ѣла?!..

— Да замолчишь ты наконецъ?

— А ты не приставай! Зачѣмъ пристаешь?... Отдай сапоги!..

Нина Павловна отворила полузамерзшую дверь и невольно отшатнулась. Низкая, довольно большая комната была наполнена удушливымъ чадомъ и запахомъ грязнаго, мокраго пола. На широкой постели сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти и съ тупымъ отчаяніемъ глядѣлъ на свои босыя ноги.

«Пьяный!» сообразила Нина Павловна и первымъ ея движеніемъ было уйти назадъ. Она съ дѣтства боялась пьяныхъ.

— Вы по газетамъ? услышала она ласковый голосъ.

Нина Павловна обернулась и увидала женщину лѣтъ сорока; платье ея было высоко подоткнуто и изъ подъ него виднѣлись красныя жилистыя ноги; потъ каплями скатывался по большому выпуклому лбу, въ рукахъ была грязная тряпка.

«Моетъ полъ», подумала Нина Павловна и поняла почему такъ непріятно пахло въ комнатѣ.

— Вы Аграфена Петровна? спросила Нина Павловна.

— Нѣтъ, барыня... Это жиличка моя... Да нѣтъ ее сейчасъ... Пожалуйте сюда...

Она ввела Нину Павловну въ сосѣднюю комнату. Въ ней было еще душнѣе, чѣмъ въ первой. На одномъ изъ столовъ горѣла маленькая жестяная лампочка.

— Вотъ ея лапша, почти вся тутъ, сказала женщина, указывая на уголъ, отгороженный грязнымъ коричневымъ ситцемъ.

Нина Павловна взглянула за занавѣску. На низкой, взбитой постели сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми и съ дѣловитымъ видомъ качала красный свертокъ, изъ котораго слышался тихій стонъ ребенка; на полу у кровати лежалъ на животѣ мальчикъ, лѣтъ трехъ, въ одной рубашенкѣ и высоко поднявъ кривыя ноги постукивалъ пятками одной объ другую; рядомъ съ нимъ стояли, точно пойманныя врасплохъ двѣ дѣвочки, лѣтъ по пяти каждая... Онѣ съ какимъ-то выжидающимъ любопытствомъ смотрѣли на Нину Павловну.

— Это дѣти Аграфены Петровой? спросила она, не зная что сказать.

— Это, это... Вотъ Катя братца укачиваетъ... А это Гришка-буянъ такой, страсть! А это двоешки—Нюша и Маня...

— Писали восемь... проговорила Нина Павловна.

Внутри ея точно шевельнулось разочарованіе, что дѣтей меньше, чѣмъ она думала.

— Восемь, восемь... успокоивала ее хозяйка... Да старшіе два съ утра въ Гостиный пошли... Все принесутъ что-нибудь...

— То есть, какже это?

— Дни такіе... Всякій подастъ... Наберутъ что нибудь...

— А сколько имъ лѣтъ?

— Дѣвочкѣ семь лѣтъ, а мальчику шесть... Еще Таньки я не вижу! Гдѣ Таня-то у насъ?..

— Здѣсь была все утро, озабоченно сказала Катя.

— Да гдѣ-же она?

— Куда ей дѣваться-то? Тутъ гдѣ нибудь засунулась...

— Въ тряпкахъ, прошепелявилъ маленькій Гриша, вставая съ пола.

— И правда въ тряпкахъ... Точно собачка, и не найдешь, ласково сказала хозяйка, наклоняясь надъ Таней.

Въ углу, на грудѣ сырыхъ и грязныхъ тряпокъ, скорчившись въ комочекъ, лежала дѣвочка, маленькая, худая, блѣдная, точно не живая.

— Больная она? спросила Нина Павловна съ внутреннимъ страхомъ.

— Да кто ее знаетъ? Съ самой Троицы такъ... Послѣ кори что-ли къ ней привязалась боль какая-то, или такъ... Неизвѣстно...

Въ сосѣдней комнатѣ послышался хриплый голосъ.

— Житья нѣтъ... Отъ бабы!! Отъ бабы житья нѣтъ!!..

Собесѣдница Нины Павловны бросилась къ мужу.

— Молчи, окаянный!...

— А ты отдай сапоги!...

Нина Павловна не знала что дѣлать. Во-первыхъ, ее тошнило отъ запаха постнаго масла, пропитавшаго всю комнату,—она не выносила его и дома запрещала даже «людямъ» ѣсть постное. Во-вторыхъ, она

боялась пьяныхъ, а тутъ рядомъ «неистовствовалъ» пьяный. И въ-третьихъ, эта больная Таня... Нина Павловна всю жизнь дрожала какъ бы не занести заразы дѣтямъ, а сама пришла Богъ знаетъ куда, въ грязь и болѣзнь... Она начинала сердиться на себя и рѣшила сейчасъ-же уйти.

— Присядьте пожалуйста, услышала она ласковый, тоненькій голосъ.

Дѣвочка подставила барынѣ табуретку и обтерла ее ладонью, какъ будто для того, чтобы показать какая она чистая.

«Надо хоть немного денегъ дать», подумала Нина Павловна, присаживаясь. А у нея какъ нарочно именно сегодня такъ много тратъ... И опять длинный списокъ Марьи Аѳанасьевны развернулся передъ нею.

— Гдѣ же ваша мать? спросила она, досадуя и на себя и на то, что попала сюда и теперь должна сидѣть и ждать какую-то незнакомую ей женщину, когда у ней такъ много хлопотъ, заботъ и всякаго дѣла. А вѣдь эти попрошайки привыкли на чужой счетъ жить... Лѣнь работать, а дѣтей родить не лѣнь... И навѣрное совсѣмъ и не вдова... Народила дѣтей, а благотворители содержи ихъ... Какъ это все возмутительно!.. Нина Павловна начинала не на шутку раздражаться и опять спросила у дѣвочки, не разслышавъ ея отвѣта.

— Гдѣ же мама?

— Она сейчасъ придетъ... Она въ мелочную пошла...

Нина Павловна привыкла съ дѣтьми вести «дѣтскіе разговоры» и не знала, какъ заговорить съ дѣвочкой.

— А ты очень любишь маму? спросила она.

Дѣвочка только усмѣхнулась и повела плечомъ.

— Больна она шибко... сказала она, не отвѣчая на праздный вопросъ барыни.—Все кашляетъ... Докторъ сказалъ не на долго хватитъ.

И она такъ грустно взглянула кругомъ, на дѣтей, на весь скарбъ, что у Нины Павловны сердце сжалось. И вдругъ она сообразила, что квартирная хозяйка назвала эту дѣвочку Катей и какъ-то сразу безсознательно полюбила ее.

— Ты Катя?

— Да, смѣло и сдержанно отвѣтила дѣвочка.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Восемь лѣтъ, скоро девять... Я старшая...

Нина Павловна оглядѣла Катю. Маленькое, зеленое лицо ея было сосредоточенно; сѣрые глаза смотрѣли какъ-то особенно спокойно, во всѣхъ движеніяхъ была увѣренность взрослаго человѣка, разсмѣшившая на первый взглядъ Нину Павловну.

«Это она привыкла съ младшими изъ себя большую корчить», рѣшила она и вспомнила какъ ея Катя «представляетъ» няню.

— Ты учишься гдѣ-нибудь? продолжала свои разспросы Нина Павловна.

— Нѣтъ... Когда-же? У насъ мальчикъ все хвораетъ, сказала дѣвочка, показывая рукою на ситцевую занавѣску, за которой стоналъ красный свертокъ.—Надо съ нимъ возиться...

— А мама?

— У мамы своего дѣла слава тебѣ Господи... Да она и не можетъ...

— Что же съ ней?

— Чахотка, докторъ сказалъ... Отъ папаши захватила...

Нину Павловну удивилъ спокойный и серьезный тонъ съ какимъ были сказаны эти слова. Она не могла рѣшить, понимала ли дѣвочка ихъ смыслъ или именно отъ того и говорила такъ серьезно и спокойно, что понимала его. У Нины Павловны сердце болѣзненно сжалось и опять захотѣлось скорѣе бѣжать отсюда и забыть со своей Катей о томъ, что она слышала здѣсь. Она оглянулась кругомъ и у нея пробѣжалъ морозъ по кожѣ.

— У васъ квартира сырая, сказала она.

— Конечно, подтвердила Катя и показала рукою на уголъ съ проступившими на штукатуркѣ зелеными, мохнатыми пятнами.

— Зачѣмъ же вы живете здѣсь?

— Хозяева хорошіе... Добрые... Дядя Василій смирный... Это онъ сегодня немного согрѣшилъ... Онъ рѣдко... Хорошій онъ очень...

— А хозяйка?

— Степановна?.. Добрѣющая!... Она когда нужно маму отпускаетъ, сама съ нами возится...

— Зачѣмъ же она ругается?

Дѣвочка близко подошла къ Нинѣ Павловнѣ.

— Выпимши онъ... вдругъ заговорила Катя тономъ старой торговки.—Ну лотокъ и уронилъ... Онъ съ лотка бумагой торгуетъ... Товаръ и загубилъ весь, въ грязи вышлепалъ... А товару-то на два семь было... Однихъ конвертовъ что перепортилъ—страсть!..

— Отдай сапоги! слышалось изъ сосѣдней комнаты.

Катя поспѣшно притворила дверь и опять близко подошла къ барынѣ:

— Тетенька Степановна съ него сапоги сняла, чтобы не уходилъ... Онъ и капризится...

Нинѣ Павловнѣ вдругъ захотѣлось расцѣловать эту грязную худенькую дѣвочку и она ласково спросила ее:

— Сколько же вы платите за квартиру?

— Четыре рубля... Это кухня... Степановна нахлѣбниковъ держитъ... Приказчики изъ зеленной... Семь мужиковъ... Она на нихъ здѣсь стряпаетъ... А отстряпаетъ—мы по всей кухнѣ ходить можемъ...

За ситцевой занавѣской рявкнулъ ребенокъ. Катя бросилась къ нему и стала его убаюкивать. Гришка подползъ къ самымъ ногамъ Нины Павловны и сталъ ковырять ея калошу.

— Вы все дома сидите?—обратилась Нина Павловна къ двумъ дѣвочкамъ, примостившимся на одномъ стулѣ.

Онѣ не поняли ея вопроса и испуганно взглянули на ситцевую занавѣску.

— Это вы про что, барыня?—послышался оттуда голосъ Кати.

— Неужели вы, дѣти, никогда не гуляете?

— Гуляемъ когда...—отвѣтила Катя, вынося изъ-за занавѣски ребенка.

Онъ продолжалъ хныкать и Катя безъ остановки качала его.

— Гришка не гуляетъ, потому сапогъ нѣтъ, а Нюшу и Маньку со двора не загонишь, ежели тепло... Поперемѣнки гуляютъ... У нихъ одинъ дипломатикъ на двухъ...

Нюша и Манька весело фыркнули; фыркнулъ за ними и Гриша. Катя серьезно посмотрѣла на нихъ и также серьезно сказала:

— Вотъ въ пріютъ попадутъ—не погуляютъ!

— Въ какой пріютъ?

— Генеральша обѣщались опредѣлить... Марья Андреевна... Марья Андреевна... Гдѣ мы жили... Папаша у нихъ въ кучерахъ служилъ...

— А онъ давно умеръ?

— Папаша-то? Да на Пасху... На самую Пасху и померъ...

— Простудился?

— Онъ чахотный былъ... Все кашлялъ, все кашлялъ... А генералъ въ клубѣ-то до ночи сидитъ, а папаша на козлахъ... Продрогнетъ... И дома-то потомъ бывало согрѣться не можетъ... Все кашляетъ, все кашляетъ... А то бывало генеральша на балъ поѣдутъ... Всю ночь папаша съ кареты не сходитъ... Утромъ вернется... Право! Мы, бывало, вставать хотимъ, а папаша только армякъ скидаетъ... Право! А утромъ опять генералу одиночку подавай!.. И все кашляетъ, все кашляетъ... А какъ ледъ пошелъ—вотъ тутъ и конецъ...

Катя замолчала, молчали и остальные дѣти. Нина Павловна понимала, что дѣвочка повторяла сто разъ слышанное ею и все-таки ей стало жутко. Въ комнатѣ было тихо; жестяная лампочка еле освѣщала блѣдныя лица ребятишекъ. Нина Павловна только сейчасъ замѣтила, что въ комнатѣ не было оконъ, значитъ дѣти жили безъ дневного свѣта; только сейчасъ она обратила вниманіе и на ихъ тусклые глаза, на жидкіе вялые волосы, на лохмотья, покрывавшія ихъ тщедушныя фигурки, на драные, рыжіе сапожки Кати.

Дѣти молчали; только изъ краснаго свертка слышалось слабое хныканье.

— А что-же генералъ?—спросила Нина Павловна.

— Генералъ? Нашъ-то?—не понимая вопроса, сказала дѣвочка.

— Ну да... Гдѣ папаша жилъ...

— Другого кучера взяли... Насъ изъ кучерской увели... Хорошая кучерская! Просторная, свѣтлая... Папаша птицъ сильно любилъ...

— И генералъ ничего не далъ?

— Нѣтъ! помогаютъ... успокоительно сказала дѣвочка.—Они добрые, хорошіе господа...

— Сколько-же? Ты не знаешь?

— Красненькую на мѣсяцъ присылаютъ...

— Что-жъ? Это хорошо...— сказала Нина Павловна.

Она уже забыла, что передъ нею ребенокъ и говорила съ Катей, какъ съ большой.

— Какъ ни хорошо?! И Степановна говоритъ: господа рѣдкіе! Другіе-бы не дали!.. И мамаша за нихъ Богу молится!..

Нина Павловна успокоилась:—десять рублей въ мѣсяцъ — не нищета! Если-бы мать захотѣла работать, то могли-бы существовать и не въ такомъ сыромъ углу и дѣтей могла-бы пріодѣть... А то всѣ на чужой счетъ хотятъ жить... Сто двадцать рублей въ годъ—пенсія чиновника послѣ тридцатипяти-лѣтней службы!

— Дѣтей у насъ очень ужъ много! точно угадывая мысль Нины Павловны, сказала разговорившаяся Катя и, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, положила Колю на постель и вытащила за рученку больную Таню.

«Навѣрное мать такъ дѣлаетъ, чтобы разжалобить благотворителей», пронеслось въ головѣ Нины Павловны, но она не могла разсердиться на Катю, видя какъ нѣжно и ласково она усаживала на стулъ едва державшуюся на ногахъ Таню.

— Сопрѣешь вся на мокрыхъ тряпкахъ, добрымъ голосомъ журила ее Катя.—Сиди тутъ... Посмотри, какая гостья пришла... Видишь: — птичка на шляпкѣ...

Таня—однѣ косточки, обтянутыя кожей —сморщилась, углы рта опустились и слезы беззвучно потекли изъ ея громадныхъ грустныхъ глазъ.

— Ну не плачь, глупая... Не плачь... Лечь хочешь? Я тебя на кровать снесу...

И Катя, ловко обхватя худенькое тѣльце сестры, потащила ее на постель.

— Что говоришь?—слышался шопотъ Кати изъ-за занавѣски.— Кушать? Сейчасъ, сейчасъ... Мама придетъ, баранку принесетъ...

— А вы еще ничего не ѣли?—спросила Нина Павловна.

— Мы здоровыя,—сказала Катя такимъ тономъ, точно извинялась за Таню.

Дверь порывисто отворилась и въ нее быстро вошла женщина лѣтъ тридцати двухъ, блѣдная, худая, съ впалой грудью и узкими плечами. Она оглянула всю комнату растерянными и испуганными глазами; въ

одну секунду осмотрѣла дѣтей, Нину Павловну, ея руки, бросила на столъ хлѣбъ и двѣ копченыхъ селедки, и съ униженно-почтительнымъ видомъ подошла къ барынѣ.

— Вотъ я прочла,—начала Нина Павловна.—Вы Аграфена Петрова?..

— Я, барыня... я... — сказала Аграфена, стаскивая съ себя драповое, рыжее пальто и передавая его Катѣ.

«Кажется это не тунеядство, а настоящая бѣдность», подумала Нина Павловна и въ ней шевельнулось какое-то неопредѣленное чувство удовлетворенности.

— Я познакомилась съ вашими дѣтьми,—ласково заговорила она.— У васъ восемь?

— Восемь, барыня... Восемь! Что-же дѣлать-то? Всѣ дороги... Вотъ какъ пальцы, который ни отрѣжешь—все боль одна...

Она точно извинялась и за то, что у нея много дѣтей, и за то, что она любитъ ихъ. За занавѣской захныкалъ ребенокъ. Аграфена бросилась къ нему и черезъ секунду вынесла его. Мальчикъ жадно припалъ къ высохшей, сморщенной груди и, громко причмокивая, сосалъ ее.

— Господа приходятъ, говорятъ дѣтей много, говорятъ работать надо... Да какъ? Сами видите... На весь день не уйдешь... Накормить всѣхъ надо... Да и не работница ужъ я...

Аграфена закашлялась и грудь выскочила изо рта мальчика... Онъ громко заплакалъ.

— Ну не буду, не буду, ласково обратилась она къ нему...—Не сердитесь, ваше превосходительство...

И она снова дала ребенку свою коричневую, длинную грудь. Мальчикъ радостно ухватился за нее ртомъ и рученкой.

Нина Павловна смотрѣла на Аграфену, на ея впалыя щеки, на лихорадочные съ жесткимъ блескомъ глаза, на высохшіе, птичьи пальцы, которыми она любовно придерживала ребенка у своей изболѣвшей груди, и не могла сказать ни слова.

Съ кровати послышалось слабое хныканье Таньки. Катя осторожно подошла къ столу, отрѣзала ломтикъ чернаго хлѣба и — стараясь это сдѣлать скорѣе и незамѣтнѣе—снесла его за занавѣску сестрѣ. И Нинѣ Павловнѣ опять захотѣлось поцѣловать Катю...

— Работать... между тѣмъ говорила Аграфена,— рада-бы... Я, барыня, прачка. И могу сказать хорошая прачка... Не ученая, а могу и гофру, и крахмаленное, все могу... Да куда я годна? Какъ съ пролуби пріѣду— бѣлье полоскать ѣздимъ — такъ и въ лёжку... Горю... Лихорадка... Докторъ говоритъ пролубь—вредъ!

Нинѣ Павловнѣ вспомнилось, какъ ее два года тому назадъ послѣ плеврита послали на Ривьеру; торопили, чтобы дня лишняго не оставалась въ Петербургѣ... А тутъ прорубь!..

Аграфена опять закашлялась, но удержалась, чтобы не побезпокоить ребенка.

— Думаете легко попрошайничать?—опять начала она.—Говорятъ: у тебя отъ генерала пенсія... Десять рублей. Дай Богъ ему здоровья! Десять рублей! Четыре за уголъ отдать... Остается—шесть... Двугривенный на день. Накормить девять ртовъ... Обуть—одѣть. Они ма̀лы, а пить — ѣсть просятъ... Хуже большого просятъ!..

Аграфена опять закашлялась и опять проглотила кашель и удержала грудь во рту мальчика.

— А когда твой ребенокъ у тебя ѣсть проситъ, а дать нечего, смерть лучше... Ей Богу лучше!—съ убѣжденіемъ выкликнула Аграфена и затряслась всѣмъ тѣломъ отъ приступа кашля.

Нинѣ Павловнѣ вдругъ представилось, что когда-нибудь ея Катя попроситъ у нея поѣсть и ей нечѣмъ будетъ ее накормить. Ей представилась ея милая Катя, красавица, всѣми любимая, веселая Катя—изможденной, блѣдной, голодной... Слезы подступили къ глазамъ Нины Павловны, въ груди такъ заныло, что она застонала. Она поскорѣе достала кошелекъ, вынула изъ него всѣ деньги, положила ихъ на столъ и быстро вышла изъ комнаты. Никто не замѣтилъ ея ухода. Катя возилась съ братомъ, разревѣвшимся оттого, что у него отняли грудь, Таня, за занавѣской, чвакала черный хлѣбъ, дѣвочки-двоешки, прижавшись другъ къ другу, съ испуганнымъ любопытствомъ смотрѣли, какъ посинѣла мать отъ кашля и какъ на платкѣ, поднесенномъ ею ко рту, выступали темно-красныя пятна.

Ек. Лѣткова.

ИСПОВѢДЬ.

Анни Безантъ.

(*Продолженіе*).

При такомъ взглядѣ на долгъ человѣка по отношенію къ разумному содѣйствію природѣ въ эволюціи человѣческаго рода, нео-мальтузіанство являлось естественнымъ выводомъ изъ матеріализма въ примѣненіи къ практической жизни, лѣкарствомъ противъ нищеты и растлѣнія нравовъ рабочаго класса. До сихъ поръ я не понимаю, какъ не понимала и тогда, какимъ образомъ матеріализмъ можетъ не признавать теоріи Мальтуса. Если человѣческая жизнь есть результатъ исключительно физическихъ причинъ, то только ихъ и нужно имѣть въ виду, при руководствѣ эволюціей человѣческаго рода. Если жизнь человѣка ограничивается исключительно его земнымъ существованіемъ, то онъ только самое совершенное изъ земныхъ существъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія и не задумываясь ни надъ прошлымъ, ни надъ будущимъ человѣчества, я была вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, слѣпа къ глубокимъ причинамъ его теперешнихъ бѣдствій. Я искала матеріальныхъ лѣкарствъ для излѣченія болѣзни, имѣвшей въ моихъ глазахъ матеріальное происхожденіе. Но что если зло происходило изъ болѣе скрытаго источника, и причины его превышаютъ представленія матеріализма? Что если лѣкарство создаетъ только новыя причины для будущихъ бѣдствій, и, оказавши дѣйствіе палліатива, усиливаетъ только самую болѣзнь и вызываетъ ея возобновленіе въ будущемъ? Такое пониманіе задачи я нашла у Е. П. Блаватской, когда она стала развивать предо мной исторію развитія человѣчества, его происхожденія, и исторію истинныхъ отношеній между прошлымъ, настоящимъ и будущимъ человѣка.

Что такое человѣкъ въ свѣтѣ теософіи? Духовное существо, вѣчное и невоплощенное, проходящее обширный кругъ человѣческаго опыта.

рождающееся все вновь и вновь на землѣ въ теченіе тысячелѣтій, и медленно совершающее эволюцію къ идеальному образу человѣка. Онъ не результатъ матеріальныхъ причинъ, но самъ затканъ въ матерію, и формы матеріи, которая облекаетъ его, будучи имъ-же самимъ создана. Это объясняется тѣмъ, что разумъ и воля человѣка—творческія силы, не въ смыслѣ созиданія ex nihilo, а подобно продуктивности мысли художника, и эти силы человѣкъ упражняетъ въ каждомъ актѣ мысли. Такимъ образомъ, онъ постоянно создаетъ вокругъ себя формы мыслей, дающихъ внѣшнюю форму самой тонкой матеріи, и эти формы продолжаютъ реально существовать, даже когда тѣло мыслящаго давно уже вернулось къ землѣ, воздуху и водѣ. Когда наступаетъ для души время возрожденія на землѣ, эти формы мыслей, ея собственныя созданія, помогаютъ создать образъ, въ который воплощаются отдѣльныя частички матеріи. Такъ образуется тѣло, находящееся въ полной зависимости отъ духовныхъ силъ, являющихся результатомъ прежнихъ воплощеній. Такимъ образомъ каждый человѣкъ, въ сущности, создаетъ форму, въ которой онъ воплощенъ на землѣ, и то, чѣмъ онъ является въ настоящемъ, неизбѣжный результатъ его творческихъ силъ въ прошломъ. Примѣняя это къ ученію неомальтузіанства, теософія видитъ въ любви мужчинъ и женщинъ не только чувство, которое у человѣка является общимъ съ животными и составляетъ въ теперешней стадіи человѣческаго существованія непремѣнную часть человѣческой природы,—она признаетъ такого рода любовь чисто животной страстью, которую можно сдѣлать болѣе благородной и поднять до истинно человѣческаго чувства, могущаго послужить рычагомъ прогресса и однимъ изъ факторовъ развитія человѣчества. Вмѣсто этого, однако, человѣкъ въ прошломъ подчинилъ разсудокъ страстямъ. Ненормальное развитіе полового инстинкта у человѣка, болѣе сильнаго, чѣмъ у животныхъ, происходитъ отъ того, что въ немъ присутствуетъ интеллектуальный элементъ; всѣ помыслы и стремленія въ области животной страсти создали извѣстныя формы мысли, которыя привились къ человѣческому роду и возбудили интенсивность страстей, представляющихъ замѣтный контрастъ съ умѣренностью нормальной животной жизни. Благодаря этому, половой инстинктъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ неистощимыхъ источниковъ человѣческихъ бѣдствій и нравственныхъ паденій и лежитъ въ основаніи самыхъ ужасныхъ соціальныхъ язвъ. Борьба противъ этого лежитъ исключительно на обязанности самихъ жертвъ печальнаго положенія вещей. Онѣ должны стремиться къ ограниченію низменныхъ страстей и къ превращенію ихъ въ чувство привязанности, къ развитію духовной стороны бытія вмѣсто животной, стремясь такимъ образомъ къ приближенію человѣка къ той стадіи, когда каждая духовная и физическая способность человѣка будетъ подвластна требованіямъ души. Изъ всего этого слѣдуетъ, что теософія проповѣдуетъ воздержаніе въ

бракѣ и постепенное,—въ массѣ оно не можетъ быть внезапнымъ,—сведеніе брачныхъ отношеній къ заботамъ о продолженіи рода.

Этотъ взглядъ теософіи на нео-мальтузіанство выяснила мнѣ впервые Е. П. Блаватская. Возражая ей, я доказывала, что оно можетъ служить, хоть на время, палліативомъ бѣдственнаго положенія, такъ близко знакомаго мнѣ, защитой женщинъ отъ невыносимаго ига и неизбѣжныхъ въ ея теперешнемъ быту страданій. Но Е. П. напомнила мнѣ, что если заглянуть дальше настоящей минуты, то видно будетъ, какъ страданіе должно вновь и вновь возвращаться съ каждымъ поколѣніемъ, если мы не постараемся уничтожить самый корень зла. «Я не осуждаю женщины,—сказала она,—которая обращается къ подобнымъ средствамъ обороны среди современныхъ плачевныхъ условій жизни; невѣдѣніе истинныхъ причинъ зла оправдываетъ обращеніе къ всякому орудію спасенія. Но не вамъ, оккультисткѣ, продолжать проповѣдывать методъ, ведущій только къ усугубленію скорби». Я сознавала, что она права, и хотя мнѣ тяжело было принять рѣшеніе, страшно было отнять у несчастныхъ временный палліативъ противъ страданій, губящихъ ихъ жизнь и приводящихъ многихъ къ ранней смерти, но я все-таки приняла его. Я отказалась переиздать свою брошюру «Law of Population» или продать право на изданіе, огорчивъ этимъ всѣхъ своихъ преданныхъ друзей, которые такъ великодушно поддерживали меня въ длинной и настойчивой борьбѣ; имъ тяжело было видѣть что я отказалась воспользоваться побѣдой по непонятнымъ имъ и ложно толкуемымъ причинамъ. Неужели-же всегда будетъ такъ, что, поднимаясь вверхъ, человѣкъ долженъ на каждомъ шагу попирать или свое сердце, или сердца близкихъ ему людей.

ГЛАВА IX.

Въ борьбѣ съ обществомъ.

Вернувшись къ своей работѣ послѣ долгой и опасной болѣзни, я опять взялась за дѣло, хотя и со скорбью въ душѣ, но съ прежней непреклонной твердостью духа. Въ «National Reformer» отъ 15 сентября 1878 г. напечатано было мое небольшое благодарственное письмо выражавшимъ мнѣ сочувствіе друзьямъ и увѣреніе, «что ни болѣзнь, ни причинившія ее волненія не ослабили моей рѣшимости работать для общаго дѣла». Въ самомъ дѣлѣ, я съ новой силой обратилась къ работѣ, въ которой находила единственное утѣшеніе; написанныя мною тогда брошюры противъ англиканской церкви носятъ отпечатокъ особой горечи, потому что именно церковь и лишила меня ребенка, и я безпощадно платила за нанесенный мнѣ ударъ. Въ политической борьбѣ того времени, когда система Биконсфильда была въ полномъ ходу съ своими принципами захвата и наступательныхъ дѣйствій, я выражала свои мнѣнія перомъ и

живой рѣчью, а мои статьи въ защиту честной и свободолюбивой политики въ Индіи, такъ-же какъ и протесты противъ захвата Афганистана и другихъ политическихъ преступленій, положили во многихъ индійскихъ сердцахъ основаніе любви ко мнѣ и кажутся мнѣ теперь подготовкой къ пропагандѣ среди индусовъ, которой я посвящаю теперь много времени и труда. Въ ноябрѣ того-же года (1878). я написала маленькую книгу «Англія. Индія и Афганистанъ», которая вызвала массу благодарственныхъ писемъ; кромѣ того, веденіе процесса противъ м-ра Безанта, двѣ, а иногда и три публичныя лекціи каждое воскресеніе, не говоря уже объ издательской работѣ въ «National Reformer» и секретарской должности въ мальтузіанской лигѣ, занимали все мое время. Но я вскорѣ замѣтила, что у меня образовывается привычка отвлекаться во время чтенія отъ сюжета книги, и предаваться мыслямъ объ отнятой у меня дѣвочкѣ. Чтобы побороть эту слабость, я рѣшила заняться восполненіемъ пробѣловъ въ моемъ научномъ образованіи и подготовиться, между прочимъ, къ какому-нибудь университетскому экзамену. Я рѣшила, что это будетъ прекраснымъ отдыхомъ отъ другой моей работы, и въ то-же самое время придастъ моимъ знаніямъ большую точность и сдѣлаетъ меня болѣе пригоднымъ ораторомъ для дѣла, которому я посвятила жизнь.

При наступленіи новаго года (1879) я въ первый разъ встрѣтила человѣка, которому я впослѣдствіи обязана была многимъ въ дѣлѣ научной подготовки—Э. Б. Эвелинга, д-ра наукъ лондонскаго университета и въ высшей степени способнаго учителя въ научной области. Ясный и точный въ своемъ знаніи, обладающій даромъ крайне доступнаго изложенія, беззавѣтно преданный наукѣ и съ наслажденіемъ преподающій ее другимъ, онъ былъ идеальнымъ учителемъ. Этотъ молодой человѣкъ началъ писать въ январѣ 1879 г. подъ псевдонимомъ для «National Reformer», и въ февралѣ я сдѣлалась его ученицей, имѣя въ виду экзаменоваться въ іюнѣ въ лондонскомъ университетѣ, что и было исполнено. Могу сказать по опыту всякому, кто переживаетъ душевныя страданія, что подобныя интеллектуальныя занятія доставляютъ громадное облегченіе. Въ теченіе весны, кромѣ обычнаго дѣла, т. е. писанія статей и брошюръ, чтенія лекцій и издательства—а чтеніе лекцій было сопряжено съ путешествіями съ одного конца Англіи на другой—я перевела объемистую французскую книгу и вынесла на своихъ плечахъ защиту дѣла объ опекѣ моей дочери въ кассаціонномъ судѣ. Среди всѣхъ этихъ дѣлъ для меня было громаднымъ наслажденіемъ заниматься алгеброй, геометріей и физикой и забывать запутанныя судейскія препирательства, углубляясь въ формулы и задачи. Выигрышъ дѣла, вернувшій мнѣ право видѣться съ дѣтьми, ознаменовалъ собой крупную побѣду въ тяжелой борьбѣ противъ общества; м-ръ Брэдло писалъ въ «National Reformer», что «моя рѣчь была небывалымъ по смѣлости заявленіемъ свободомыслія», и съ свой-

ственной ему снисходительностью прибавилъ, что партія должна быть мнѣ благодарна «за самую сильную защиту свободы убѣжденій, которую ему приходилось когда либо слышать».

Среди всей этой борьбы организованная сила партіи свободомыслящихъ все болѣе росла, 650 новыхъ членовъ были приняты въ теченіе 1878—79 года, а въ іюлѣ 1879 г. вступленіе въ наши ряды д-ра Эдварда Эвелинга доставило намъ сильнаго и талантливаго поборника и дало сильный импульсъ воспитательной сторонѣ движенія. Я предсѣдательствовала на его первой лекціи въ научномъ клубѣ, 10-го августа 1879 г., и онъ вскорѣ поплатился за свою смѣлость, лишившись каѳедры сравнительной анатоміи въ лондонскомъ госпиталѣ, хотя совѣтъ и призналъ, что онъ выполнялъ свои обязанности съ большой добросовѣстностью и умѣньемъ. Однимъ изъ первыхъ результатовъ его обращенія было устройство въ южномъ Кенсингтонѣ двухъ научныхъ классовъ, которые разростались съ каждымъ годомъ; въ 1883 году у насъ уже было 13 классовъ для мужчинъ и женщинъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ шла подготовка къ университетскимъ экзаменамъ; преподавателями были д-ръ Эвелингъ и его воспитанники. Я выдержала экзаменъ на высшій дипломъ по научнымъ предметамъ и получила право преподавать восемь различныхъ предметовъ; Алиса и Ипатія Брэдло послѣдовали моему примѣру, и мы всѣ вмѣстѣ вели эти классы каждую зиму отъ сентября до мая. Кромѣ того, миссъ Брэдло вела классъ хорового пѣнія.

Это преподаваніе естественныхъ наукъ и собственныя занятія ими очень пригодились мнѣ въ моей общественной дѣятельности. Но и здѣсь религіозная и общественная ненависть преслѣдовали меня. Когда миссъ Брэдло и я стали просить разрѣшенія посѣщать лекціи ботаники въ въ университетѣ, намъ отказали, мнѣ за мои собственные грѣхи, а ей только за то, что она дочь своего отца. Когда я выдержала учительскій экзаменъ, я цѣлый годъ не требовала выдачи диплома, чтобы не помѣшать дочерямъ м-ра Брэдло получить свидѣтельства объ окончаніи; позже, когда дипломъ мнѣ былъ выданъ, сэръ Генри Тилеръ обвинилъ въ парламентѣ, министерство просвѣщенія за признаніе моихъ учительскихъ правъ, и пытался протестовать противъ субсидіи правительства школамъ научнаго клуба. Когда я просила разрѣшенія заниматься въ ботаническомъ саду Regent Park'а, управляющій мнѣ отказалъ на томъ основаніи, что тамъ занимаются его дочери.

Со всѣхъ сторонъ я встрѣчала оскорбленія, неизбѣжныя, конечно, въ моемъ положеніи относительно общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне угнетавшія меня. Намъ приходилось пролагать себѣ путь противъ подобнаго рода трудностей, и каждый шагъ нашъ наталкивался на сопротивленіе общества. Какъ-бы хорошо ни было по существу то, что мы дѣлали—а наши школы имѣли очень большой успѣхъ—повсюду общество чувство-

вало вѣяніе ереси; и если м-ра Брэдло и меня упрекаютъ въ излишней рѣзкости въ нашихъ тогдашнихъ нападкахъ на общество, то нужно не забывать возбуждающее дѣйствіе мелочного преслѣдованія и постоянныхъ непріятностей. Для него это было особенно тяжело; онъ видѣлъ, какъ его дочерей, способныхъ и благородныхъ дѣвушекъ, оскорбляли и преслѣдовали только за то, что это были его дѣти, любившія и почитавшія его больше, чѣмъ кого-либо на свѣтѣ.

Въ октябрѣ 1879 г. я впервые встрѣтилась съ Гербертомъ Борро, съ которымъ познакомилась болѣе близко только во время рабочихъ волненій осенью 1887 г., когда намъ пришлось работать въ общемъ дѣлѣ.

ГЛАВА X.

Парламентская кампанія м-ра Брэдло.

Наступилъ 1880 годъ, знаменательный долгой избирательной кампаніей м-ра Брэдло. Послѣ длинной и тяжелой борьбы, онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ м-ромъ Лабушеромъ, депутатомъ отъ Нордгемптона во время общихъ выборовъ, и такимъ образомъ была одержана побѣда, стоившая огромныхъ трудовъ. Я всю жизнь не забуду день выборовъ 2-го апрѣля 1880 года!

Въ четыре часа дня м-ръ Брэдло вошелъ въ комнату въ гостиницѣ «George», гдѣ сидѣли его дочери вмѣстѣ со мной и бросился въ кресло съ словами: «все уже сдѣлано; всѣхъ нашихъ уже избирали». Послѣдовали длинные, тяжкіе часы ожиданія результатовъ, и когда рѣшительная минута приблизилась, мы подошли къ окну, вслушиваясь въ глухой гулъ толпы и зная, что послѣдуетъ или взрывъ аплодисментовъ, или крики бѣшенства, когда объявленъ будетъ результатъ выборовъ съ крыльца городской думы. Толпа вдругъ притихла; мы поняли, что наступилъ рѣшительный моментъ и затаили дыханіе; затѣмъ раздался гулъ, дикіе крики радости и восторга толпы, привѣтствовавшей своего избранника; всѣ махали шляпами, шапками и платками, шумное ликованіе доходило до неистовства, и пронзительные крики «Брэдло депутатъ Нордгемптона!» звучали безпредѣльнымъ торжествомъ.

А онъ оставался спокойнымъ, нѣсколько взволнованный взрывомъ всеобщей любви и радости, молчаливый, чувствуя тяжесть новой отвѣтственности болѣе, нежели радость побѣды. А затѣмъ, на слѣдующее утро, когда онъ уѣзжалъ изъ города, толпа мужчинъ и женщинъ, цѣлое море головъ покрывало путь отъ гостиницы до вокзала; у каждаго окна толпились зрители, цвѣта Брэдло развѣвались повсюду, рабочіе пробивали себѣ дорогу, чтобы подойти къ нему поближе, дотронуться до него, отовсюду раздавались крики: «онъ нашъ, Чарли; мы добились его и не вы-

пустимъ его». Какъ они его любили, какъ радовались побѣдѣ, одержанной послѣ двѣнадцати лѣтъ борьбы.

Увы! Мы думали, что борьба кончена, а она только начиналась; мы думали, что нашъ герой одержалъ побѣду, а передъ нимъ была еще болѣе упорная, болѣе жестокая борьба. Правда, и она кончилась его побѣдой, купленной ,однако, уже цѣною жизни; побѣда была окончательной, полной, но лавровый вѣнокъ украшалъ уже гробъ.

Взрывъ негодованія со стороны евангелическаго населенія былъ такъ-же великъ какъ восторгъ друзей Брэдло, но до этого намъ было мало дѣла. Вѣдь онъ былъ законно избраннымъ депутатомъ и ничто не могло, какъ намъ казалось, нарушить его права. Засѣданія парламента должны были начаться 29 апрѣля, а приведеніе къ присягѣ на слѣдующій день; м-ръ Брэдло условился съ нѣсколькими другими изъ свободомыслящихъ депутатовъ настаивать на правѣ замѣны присяги торжественной декларацiей. Онъ полагалъ, что по нѣкоторымъ актамъ 1869 и 1870 гг., право замѣны клятвы декларацiей было очевиднымъ; онъ готовъ былъ принести клятву, если это необходимо, но полагая, что депутату въ этомъ случаѣ предоставляется выборъ, онъ предпочиталъ форму завѣренія. 3 мая онъ предсталъ предъ палатой и, по свидѣтельству сэра Ерскина Мэ, секретаря палаты, подошелъ къ столу и передалъ секретарю письменное заявленіе слѣдующаго содержанія: «Достопочтенному предсѣдателю (Right Honourable Speaker) палаты общинъ. Я нижеподписавшійся, Чарльзъ Брэдло, имѣю честь покорнѣйше просить разрѣшенія дать торжественную декларацію въ виду того, что законъ разрѣшаетъ замѣнить ею клятву (Подпись). Чарльзъ Брэдло». На вопросъ секретаря, чѣмъ онъ обосновываетъ свое заявленіе, онъ отвѣтилъ: «на дополнительныхъ актахъ 1869 и 1870 гг.». Секретарь доложилъ предсѣдателю о заявленіи депутата и предсѣдатель разрѣшилъ м-ру Брэдло обратиться съ запросомъ къ палатѣ. Заявленіе м-ра Брэдло было очень короткимъ. Онъ опять сослался на вышеуказанные акты и прибавилъ: «я много разъ давалъ декларацію въ теченіе послѣднихъ 9-ти лѣтъ въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ Англіи. Я готовъ сдѣлать то же и сегодня». Послѣ этого въ парламентѣ произошла сцена, въ которой Брэдло держалъ себя просто, спокойно и съ большимъ достоинствомъ. М-ра Брэдло попросили временно удалиться изъ залы и, послѣ его ухода, избрана была коммиссія для рѣшенія вопроса о декларацiи; эта коммиссія высказалась противъ декларацiи и сдѣлала докладъ объ этомъ 20 мая. На слѣдующій день м-ръ Брэдло предсталъ предъ палатой, чтобы дать присягу по предписанной закономъ формѣ, но противъ этого протестовалъ сэръ Генри Дрюмонъ Вольфъ и дѣло перешло на разсмотрѣніе новой коммиссіи.

М-ръ Брэдло изложилъ свое дѣло коммиссіи и заявилъ, что принятіе присяги вмѣняется ему въ обязанность закономъ, при чемъ прибавилъ

слѣдующее: «Какую-бы формальность я ни совершилъ, какую-бы присягу ни принесъ, я бы считалъ нравственной обязанностью исполнить ее. Я бы не совершалъ никакихъ формальностей, не произносилъ-бы никакихъ клятвъ, если бы не считалъ ихъ ненарушимыми». Въ томъ-же духѣ написано было его письмо въ «Times», въ которомъ онъ говорилъ, что будетъ считать себя связаннымъ, если не буквальнымъ смысломъ присяги, то тѣмъ духомъ, который яснѣе выразился-бы въ деклараціи, если бы ему позволили произнести ее. Комитетъ высказался противъ него и 23 іюня онъ появился на трибунѣ палаты и произнесъ рѣчь до того сдержанную, благородную и полную достоинства, что члены палаты вопреки своему обыкновенію утратили хладнокровіе и покрыли его слова рукоплесканіями. Въ дебатахъ, которые предшествовали его рѣчи, противники м-ра Брэдло забыли самыя обыкновенныя правила приличія и стали распространять совершенно неидущія къ дѣлу клеветы на меня. М-ръ Брэдло отвѣтилъ на это строгимъ порицаніемъ подобной неделикатности. «Я отвѣчаю за самого себя»—сказалъ онъ—«и имѣю что отвѣтить, но считаю безтактнымъ и непростительнымъ упоминаніе какого-нибудь другого имени, кромѣ моего, съ цѣлью принести мнѣ вредъ». Эти слова встрѣтили всеобщее одобреніе. Онъ ссылался всецѣло на законы.

«Я еще не произнесъ—и надѣюсь, что никакое возбужденіе не заставитъ меня произнести — ни одного слова, которое обнаруживало-бы хоть тѣнь желанія встать въ оппозицію съ палатой. Я всегда училъ, проповѣдывалъ и вѣрилъ въ главенство парламента, и изъ-за того, что въ данную минуту голосъ его можетъ оказаться враждебнымъ мнѣ, я не стану отрицать принциповъ, которые всегда признавалъ; но я утверждаю, что одна палата — хотя-бы и наиболѣе важная, каковой я всегда считалъ эту—не имѣетъ права отмѣнять закона. Законъ даетъ мнѣ право подписать декларацію, замѣняющую клятву, и занять мѣсто тамъ (онъ движеніемъ руки указалъ на скамьи). Я не отрицаю, что съ той минуты, какъ я начну засѣдать, вы можете изгнать меня безъ всякаго другого повода, кромѣ вашей доброй воли. Это ваше право. Вы имѣете полную власть надъ своими членами. Но вы не можете изгнать меня до тѣхъ поръ, пока я не буду говорить съ моего законнаго мѣста не какъ проситель, каковымъ я являюсь теперь, а какъ имѣющій право голоса, подобно всякому другому члену палаты... Я готовъ допустить, если хотите, что всѣ мои убѣжденія ошибочны и заслуживаютъ наказанія. Пусть-же законъ караетъ ихъ. Если-же вы говорите, что законъ этого не можетъ сдѣлать, то вы утверждаете тѣмъ самымъ, что сами не имѣете на это права, и я взываю къ общественному мнѣнію противъ несправедливости подобнаго нарушенія закона. Прошу извиненія у васъ, господинъ предсѣдатель, и у палаты, если выражаюсь слишкомъ рѣзко и если мои слова кажутся непочтительными. Въ случаѣ вашего отказа, мнѣ придется вы-

разить рѣшительный протестъ, но прежде чѣмъ совершенъ будетъ роковой шагъ, который уронитъ и мое достоинство и ваше,—мое не имѣетъ большой цѣны, но вы представляете собой сословія Англіи, — я прошу васъ безъ угрозъ и безъ всякаго намѣренія придавать большую цѣну себѣ, но какъ одинъ человѣкъ противъ шестисотъ, оказать мнѣ ту справедливость, которую оказывали мнѣ судьи, когда я говорилъ предъ ними».

Но никакое краснорѣчіе, никакая просьба о правосудіи не могла сломить торійскаго ханжества, и палата постановила отказать ему въ произнесеніи деклараціи. Когда предсѣдатель вызвалъ къ столу м-ра Брэдло и сообщилъ ему рѣшеніе, м-ръ Брэдло отвѣтилъ твердымъ голосомъ: «Я почтительно отказываюсь подчиниться резолюціи палаты, потому что эта резолюція идетъ противъ закона». Предсѣдатель обратился къ палатѣ за полномочіями, и послѣ нѣкоторыхъ преній—палата высказалась за подтвержденіе отказа. Еще разъ дано было приказаніе, еще разъ произнесенъ отказъ и дежурному офицеру дано было приказаніе удалить его изъ залы засѣданія. Странное получилось зрѣлище, когда маленькій капитанъ Госсэ подошелъ къ депутату геркулесовскихъ размѣровъ и всѣ задавали себѣ вопросъ, можетъ-ли приказаніе быть исполненнымъ, но Чарльзъ Брэдло не былъ человѣкомъ, способнымъ на грубое сопротивленіе, и легкое прикосновеніе къ его плечу было для него проявленіемъ авторитета, которому онъ подчинялся. Съ серьезнымъ видомъ послѣдовалъ онъ за маленькимъ капитаномъ и былъ помѣщенъ въ часовой башнѣ парламента, гдѣ долженъ былъ выжидать рѣшенія палаты относительно него: это былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ узниковъ, потому что въ его лицѣ заключенъ былъ въ оковы законъ.

Въ спеціальномъ номерѣ «National Reformer», дающемъ отчетъ о засѣданіяхъ комиссіи о заключеніи м-ра Брэдло въ башню, я нахожу слѣдующія слова, написанныя мною тогда: «Партія торіевъ, пораженная на выборахъ народнымъ голосованіемъ, восторжествовала на одинъ моментъ въ парламентѣ. Человѣкъ, избранный нордгемптонскими радикалами, былъ заключенъ въ тюрьму по требованію торіевъ только изъ-за того, что онъ хотѣлъ выполнить обязательства, возложенныя на него его избирателями. Въ ту минуту, какъ этотъ номеръ газеты пойдетъ въ печать, я буду въ Вестминстерѣ, чтобы получить отъ него указанія, какъ вести затѣянную парламентомъ борьбу съ избирательной массой». Я застала его усердно пишущимъ, приготовленнымъ ко всякому исходу его дѣла, готовымъ къ долгому заключенію. На слѣдующій день появился маленькій, написанный мною памфлетъ «Создатели законовъ и нарушители ихъ», и въ немъ я обращалась къ общественному мнѣнію. Разсказавши то, что произошло, я въ заключеніе говорила: «Пусть выскажется общество. Гладстонъ и Брайтъ стоятъ за свободу, и поддержка, въ которой имъ отказываютъ въ палатѣ, найдется извнѣ. Нечего терять времени. Пока

мы бездѣйствуемъ, представитель народа незаконнымъ образомъ содержится въ тюрьмѣ. Нордгемптону нанесено оскорбленіе и нарушеніе правъ одной общины равняется вызову всѣмъ другимъ. Свобода выборовъ обусловливаетъ нашу свободу; отъ свободы совѣсти зависитъ прогрессъ, землевладѣльцы и лорды торійскаго лагеря бросили вызовъ народу и мѣрятся теперь силами съ массой. Пусть-же масса выскажется». Но въ воззваніяхъ не было никакой надобности въ то время, потому что сама по себѣ расправа съ м-ромъ Брэдло вызвала такой взрывъ негодованія, что на слѣдующій день узникъ былъ освобожденъ и посыпались со всѣхъ сторонъ протесты противъ безцеремоннаго поведенія палаты.

Въ Westminster Hall собралось 4,000 человѣкъ поздравлять м-ра Брэдло съ его освобожденіемъ. Менѣе, чѣмъ въ недѣлю 200 митинговъ выразили свой протестъ. Либеральныя ассоціаціи, клубы, общества присылали адреса, преисполненные гнѣва и требованій правосудія. На Трафальгаръ-сквэрѣ собралась самая большая толпа—по свидѣтельству газетъ—когда-либо собиравшаяся тамъ; въ слѣдующій четвергъ—митингъ состоялся въ понедѣльникъ—палата общинъ отказалась отъ своего прежняго рѣшенія, и разрѣшила ему, въ пятницу 2-го іюля, произнести декларацію и занять свое мѣсто. «Наконецъ, кончена тяжкая борьба», писала я, «и законъ и справедливость восторжествовали». Палата общинъ, отвергнувъ резолюцію торіевъ и ультра-монтанской партіи, возстановила свою репутацію въ глазахъ свѣта. Это было торжествомъ закона, произведеннымъ усиліемъ честныхъ людей—хотя и различныхъ оттѣнковъ убѣжденія, но съ одинаковой вѣрой въ справедливость—надъ торійскимъ презрѣніемъ къ закону и ультрамонтанскимъ ханжествомъ. Это было возстановленіемъ гражданской и религіозной свободы при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, доказательствомъ, что палата общинъ созданіе народа, а не аристократическій клубъ, имѣющій въ своихъ рукахъ право принять или не принять члена.

Борьба между Чарльзомъ Брэдло и его преслѣдователями перенесена была теперь въ область судебныхъ разбирательствъ. Какъ только онъ занялъ свое депутатское мѣсто, противъ него возбуждено было преслѣдованіе за то, что онъ вотируетъ, не будучи приведенъ къ присягѣ; это было началомъ томительной кампаніи, которую затѣяли побѣжденные имъ враги, чтобы заставить его отказаться отъ депутатства, доставшагося ему столь дорогой цѣной. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ м-ръ Брэдло успѣшно боролся, выступая лично противъ каждаго изъ своихъ частныхъ обвинителей; нападки эти все умножались, но онъ продолжалъ бороться, доводилъ разбирательства до палаты лордовъ и тамъ одерживалъ побѣду. Но подобное торжество стоило ему столько здоровья и столькихъ денежныхъ издержекъ, что онъ, наконецъ, ослабѣлъ физически и впалъ въ долги. Въ самомъ дѣлѣ, за это время ему не только приходилось состязаться

на судѣ и исполнять свои парламентскія обязанности, но ему приходилось еще зарабатывать себѣ пропитаніе чтеніемъ лекцій и писательствомъ; такимъ образомъ, ночи, свободныя отъ парламентскихъ засѣданій, онъ проводилъ за неустанной работой или въ переѣздахъ изъ города въ городъ. Многіе изъ сраженныхъ имъ враговъ обращали оружіе противъ меня, надѣясь этимъ причинить ему огорченіе. Такъ, адмиралъ сэръ Джонъ Гэй изъ Вийтона собирался выступить противъ меня до того грубо, что «Scotsman» и «Glasgow Herald» отказались печатать его замѣтки.

25 августа я очутилась въ Брюсселѣ, куда отправилась вмѣстѣ съ миссъ Брэдло на «Интернаціональный конгрессѣ свободомыслящихъ». Это былъ очень интересный конгрессъ, въ которомъ принималъ участіе, между прочимъ, д-ръ Людвигъ Бюхнеръ. Тамъ положено было основаніе «интернаціональному союзу свободомыслящихъ», который много содѣйствовалъ единенію свободомыслящихъ въ различныхъ государствахъ и устраивалъ интересные конгрессы въ слѣдующіе годы въ Лондонѣ и Амстердамѣ; но кромѣ этихъ съѣздовъ, онъ ничего не устроилъ и выказалъ отсутствіе жизненности и энергіи. Въ сущности, партіи свободомыслящихъ въ каждой странѣ приходилось такъ много работать, чтобы создать себѣ положеніе, что на интернаціональную организацію она могла тратить лишь очень немного времени и труда. Что касается лично меня, то знакомство съ д-ромъ Бюхнеромъ привело къ интересной перепискѣ и съ его согласія я перевела 14-ое изданіе его «Kraft und Stoff» и нѣсколько другихъ его трудовъ. Эта осень 1880 года ознаменовалась разгаромъ борьбы либеральнаго правительства противъ ирландскихъ вожаковъ и я была сильно занята пропагандой въ англійскомъ обществѣ истиннаго пониманія ирландскихъ дѣлъ, даже осмѣливаясь идти въ этомъ отношеніи противъ принциповъ столь высокопочитаемаго человѣка, какъ м-ръ Гладстонъ. Дѣло это было очень трудное, потому что много рѣзкаго говорилось противъ Англіи и всего англійскаго; но я показывала наглядными цифрами, разсматривая экономическое положеніе всѣхъ графствъ Англіи, что жизнь и собственность находятся въ гораздо большей безопасности въ Ирландіи, чѣмъ въ Англіи, что въ Ирландіи совершается удивительно малое число преступленій, за исключеніемъ тѣхъ, которыя порождаются аграрными распрями, и приходила тѣмъ самымъ къ заключенію, что и въ этой области всѣ преступленія исчезли-бы, если-бы законъ установилъ отношенія между поземельнымъ собственникомъ и фермеромъ и положилъ-бы тѣмъ самымъ конецъ безпощаднымъ изгнаніямъ несостоятельныхъ фермеровъ и тѣмъ страшнымъ поступкамъ, къ которымъ приводитъ отчаяніе и месть.

Моя осенняя работа разнообразилась еще преподаваніемъ въ естественно-научныхъ классахъ и диспутами съ однимъ представителемъ англиканской церкви; кромѣ того, я потеряла много времени изъ-за опе-

раціи, приковавшей меня къ постели на три недѣли и принесшей мнѣ пользу лишь въ томъ отношеніи, что я научилась писать лежа и сдѣлала въ такомъ положеніи значительную часть перевода Бюхнера. При этомъ случаѣ я не могу не отмѣтить то, что мнѣ кажется несомнѣннымъ по отношенію къ сильной работѣ. Самый напряженный трудъ не убиваетъ человѣка. Я нашла въ «National Reformer», 1880 г., слѣдующую замѣтку м-ра Брэдло: «нечего и повторять, до того этотъ печальный фактъ несомнѣненъ, что, по мнѣнію лучшихъ своихъ друзей, м-ссъ Безантъ слишкомъ много работала за послѣдніе два года». Теперь уже 1893 г. и 13 лѣтъ, прошедшія съ тѣхъ поръ, полны непрерывной работы, и до сихъ поръ я работаю безъ конца и чувствую себя прекрасно. Просматривая «National Reformer» за всѣ эти годы, я прихожу къ убѣжденію, что эта газета имѣла большое воспитательное значеніе для общества. М-ръ Брэдло очень опредѣленно и ясно трактовалъ политическіе и теологическіе вопросы; д-ръ Эвелингъ блестяще поставилъ научный отдѣлъ; на мою долю выпадало много дидактической работы по вопросамъ политической и національной этики въ сношеніяхъ Англіи съ болѣе слабыми націями. Мы всей душой отдавались труду и оказывали несомнѣнное вліяніе на установленіе болѣе высокаго пониманія истинной нравственности.

Весной 1881 г. апелляціонный судъ подтвердилъ приговоръ, лишающій м-ра Брэдло права на депутатство изъ-за непринесенія присяги, и его мѣсто объявлено было вакантнымъ; но Нордгемптонскій округъ снова избралъ его, несмотря на чудовищныя клеветы, взводимыя на него врагами, и онъ былъ правъ, утверждая, что это были самые тяжелые и горькіе для него выборы въ жизни. Его дѣятельность въ парламентѣ создала ему громадную популярность во всей Англіи, и онъ повсюду признавался большой силой; вслѣдствіе этого, къ ненависти клерикаловъ присоединился еще страхъ торіевъ, и старанія удалить его изъ парламента усилились вдвойнѣ.

Онъ былъ введенъ въ палату общинъ м-ромъ Лабушеромъ и м-ромъ Бертомъ какъ новый членъ парламента; но тогда выступилъ сэръ Стафордъ Норскотъ и, послѣ долгихъ преній, заключавшихъ въ себѣ также длинную рѣчь м-ра Брэдло, ему было отказано большинствомъ тридцати трехъ голосовъ въ правѣ принести присягу и занять мѣсто на скамьяхъ палаты. Послѣ долгихъ волненій, въ теченіе которыхъ м-ръ Брэдло отказывался удалиться и палата не рѣшалась примѣнить насилія, засѣданіе было отложено; наконецъ, правительство предложило внести билль о замѣнѣ присяги декларацiей, и м-ръ Брэдло обѣщалъ, съ согласія своихъ избирателей, обождать рѣшенія палаты относительно билля.

Тѣмъ временемъ организована была лига для защиты конституціонныхъ правъ и агитація въ странѣ все разросталась. Куда-бы м-ръ Брэдло

ни пріѣзжалъ для организаціи митинговъ, его ждала громадная толпа — а онъ путешествовалъ съ одного конца Англіи въ другой — и его воззванія къ справедливости находили живой откликъ. 2-го іюля, вслѣдствіе препятствій со стороны торіевъ, м-ръ Гладстонъ написалъ м-ру Брэдло, что правительство отказывается внести билль о декларацін; это заявленіе побудило м-ра Брэдло явиться опять въ палату общинъ, и онъ назначилъ для этого день 3-го августа, для того, чтобы ирландскій аграрный билль смогъ-бы пройти безъ промедленія изъ-за его избранія. Парламентъ былъ окруженъ полиціей въ этотъ день, большія ворота заперты, полицейскіе отряды помѣщены внутри зданія и въ теченіе цѣлаго іюля продолжалось осадное положеніе. 2-го августа состоялся многолюдный митингъ на Трафальгэръ-скверѣ; тамъ присутствовали депутаты ото всѣхъ графствъ Англіи и даже изъ Эдинбурга, и въ среду, 3-го августа, м-ръ Брэдло отправился въ парламентъ. Послѣднія его слова ко мнѣ были: «народъ вѣритъ вамъ болѣе, чѣмъ кому-либо, кромѣ меня; что-бы ни случилось, помните, что-бы ни случилось, не допускайте толпы до насильственныхъ дѣйствій: я надѣюсь, что вы сумѣете удержать ихъ въ границахъ». До дверей парламента онъ дошелъ съ д-ромъ Эвелингомъ, затѣмъ отправился одинъ во внутрь. Дочери его пошли вмѣстѣ со мной и съ нѣсколькими сотнями людей, несущихъ съ собой петиціи—по десяти человѣкъ на каждую петицію; каждую депутацію изъ десяти человѣкъ пересчитывали очень тщательно и тогда только позволяли проходить черезъ ворота, открытыя только такъ, чтобы пропускать по одному человѣку. Такимъ образомъ, мы пробрались до Westminster Hall, гдѣ остановились ждать у входа въ рекреаціонную залу.

Полицейскій чиновникъ подошелъ къ намъ и приказалъ удалиться. Я вѣжливо замѣтила ему, что мы имѣемъ право быть здѣсь. На это послѣдовалъ драматическій окрикъ: «четверыхъ полицейскихъ сюда». Они явились, стали глядѣть на насъ, а мы на нихъ. «Мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало-бы поговорить съ инспекторомъ Денингомъ прежде чѣмъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ», спокойно замѣтила я. Они согласились съ этимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ явился инспекторъ; убѣдившись, что мы стоимъ тамъ, гдѣ имѣемъ право, и никому не мѣшаемъ, онъ сдѣлалъ выговоръ своимъ слишкомъ усердствующимъ подчиненнымъ и они удалились, оставивъ насъ въ покоѣ. Инспекторъ Денингъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень тактичный и обходительный человѣкъ, и вообще во всей этой исторіи, полиція, охранявшая парламентъ, вела себя прекрасно. Даже когда ей приказано было напасть на м-ра Брэдло, она старалась по возможности избѣгать насилія. Грубость и жестокость дальнѣйшихъ сценъ была уже виной м-ра Эрскина, сержанта залы засѣданій, и его приставовъ, выказавшихъ истинное звѣрство. Д-ръ Эвелингъ писалъ въ то время по личнымъ впечатлѣніямъ слѣдующее: «Полицейскимъ

тяжело было выполнять свой долгъ; какъ люди смѣлые, они сочувствовали смѣлости Брэдло. Они только точно исполняли приказанія, затѣмъ выказывали большое добродушіе». Постепенно толпа подателей петицій все болѣе росла; слышался глухой ропотъ, потому что неизвѣстно было, что дѣлалось въ залѣ засѣданія, а всѣ эти люди были глубоко преданы своему «Чарли». Всѣ они были въ большинствѣ случаевъ уроженцы сѣвера Англіи, настойчивые и независимые по природѣ. Они полагали, что имѣютъ право пройти въ залу, и вдругъ, по импульсу, который можетъ вдругъ воодушевить цѣлую толпу на общее дѣло, раздались дружные крики: «петицію, петицію! мы требуемъ справедливости!» и вся толпа хлынула къ дверямъ, приступая къ полиціи, охранявшей входъ. У меня промелькнули въ головѣ слова м-ра Брэдло: «я полагаюсь на васъ; вы удержите ихъ въ границахъ», и какъ только полиція двинулась навстрѣчу толпѣ, я очутилась между двумя лагерями, избравъ позицію на верхней ступени лѣстницы, чтобы каждый человѣкъ въ толпѣ могъ видѣть меня. Когда они отступили на нѣсколько шаговъ, пораженные моимъ появленіемъ здѣсь, я стала убѣждать ихъ держаться спокойно ради м-ра Брэдло, и хранить для него спокойствіе, которое онъ такъ просилъ не нарушать. Мнѣ потомъ передавали, что полиція стала смѣяться, когда я бросилась впередъ,—они сочли безуміемъ мою попытку дать отпоръ устремившейся впередъ толпѣ; но я отлично знала, что друзья м-ра Брэдло не пойдутъ противъ меня, и когда движеніе толпы сразу остановилось, полиція перестала смѣяться и отошла, предоставивъ мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію.

Толпа отступала съ недовольнымъ видомъ, съ трудомъ удерживая себя, обуздывая свое негодованіе, и дѣлая это только ради него. Не знаю, однако, исполнила-ли бы я такъ свято его порученіе, если-бы знала, что происходитъ внутри. Многіе говорили мнѣ впослѣдствіи въ сѣверныхъ городахъ, когда я пріѣзжала туда: «О, если-бы вы дали намъ тогда волю, мы-бы на плечахъ внесли его въ палату, прямо къ креслу предсѣдателя». Вдругъ мы услышали страшный трескъ разбивающагося стекла и выбиваемыхъ рамъ, и чрезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ пришли съ извѣстіемъ, что м-ръ Брэдло на дворѣ парламента. Мы кинулись туда и увидѣли его, безмолвнаго и мертвенно-блѣднаго, съ застывшимъ каменнымъ выраженіемъ лица, съ разорваннымъ платьемъ, неподвижно стоящаго противъ дверей палаты. Позже только мы узнали постыдную исторію того, что случилось: какъ на человѣка, пришедшаго заявить о своемъ правѣ, и пришедшаго однимъ, безъ друзей, чтобы избѣжать столкновенія и насилія, набросилось 14 человѣкъ такъ-называемой центральной бригады, полицейскіе и пристава, какъ они бросились на него, вытолкали его изъ залы засѣданія и столкнули съ лѣстницы, разбивая въ своемъ неистовствѣ окна и двери выхода; онъ-же не отвѣтилъ ни однимъ ударомъ, упо-

требляя свою громадную физическую силу только для пассивнаго сопротивленія. «Изъ всѣхъ, кого я видѣлъ, никто не боролся такимъ образомъ одинъ противъ десяти», сказалъ одинъ изъ полицейскихъ начальниковъ, возмущенный самъ той несправедливостью, которую онъ вынужденъ былъ совершить по долгу службы. Одинъ изъ очевидцевъ такъ описывалъ въ газетахъ сцену, произошедшую въ палатѣ общинъ: «сильнаго, широкоплечаго, увѣсистаго м-ра Брэдло трудно было сдвинуть съ мѣста, тѣмъ болѣе, что онъ противился насилію каждымъ нервомъ и каждымъ мускуломъ. Упираясь и борясь противъ все болѣе возрастающаго числа нападающихъ, онъ отстаивалъ каждый дюймъ пространства съ изумительною настойчивостью, и отказывался отъ него только послѣ нечеловѣческихъ усилій удержать его. Зрѣлище становилось невыносимымъ; жертва насилія теряла послѣднія силы, лицо м-ра Брэдло, несмотря на возбужденіе борьбы, дѣлалось зловѣще блѣднымъ. Члены отказывались служить ему Фраза, сказанная на Трафальгэръ-скверѣ о томъ, что этого человѣка можно сломать, но никакъ не согнуть, приходила многимъ въ голову при взглядѣ на него». Они вытолкали его и на дворѣ произошла короткая отрывистая словесная перепалка. «Я былъ очень близокъ отъ большой опрометчивости, когда очутился у дверей», разсказывалъ онъ впослѣдствіи. «Я былъ сильно взбѣшенъ и сказалъ инспектору Денингу: «скоро я вернусь съ достаточной силой, чтобы устоять». Онъ спросилъ: «когда?» на что я отвѣтилъ: «черезъ минуту, если только я захочу поднять руку». Онъ стоялъ на дворѣ парламента и тамъ, за воротами, было цѣлое море головъ, толпа людей, собравшихся со всѣхъ сторонъ Англіи изъ любви къ нему и для защиты представляемаго имъ великаго права избирать въ члены парламента того, кого они хотятъ. Брэдло никогда не былъ болѣе великимъ, чѣмъ въ этотъ моментъ, когда ему нанесено было тяжкое оскорбленіе и несправедливость торжествовала. Въ немъ кипѣла гордость человѣка съ страстнымъ темпераментомъ, онъ страдалъ къ тому-же отъ физическаго насилія, мускулы болѣли у него отъ страшнаго напряженія, такъ что цѣлыми недѣлями послѣ того ему приходилось ходить съ забинтованными руками; и все-таки онъ имѣлъ достаточно силы духа, чтобы побѣдить свой гнѣвъ, побороть въ себѣ жажду мести, доведенную до крайности физическими страданіями; зная, что тысячи людей стоятъ въ двухъ шагахъ, готовые броситься куда угодно по одному его слову, онъ послалъ сказать имъ, что онъ проситъ ихъ разойтись спокойно, безъ всякихъ манифестацій, и назначилъ мѣсто и время митинга вечеромъ, вдали отъ сцены происшедшихъ событій. Но какія нравственныя муки онъ испытывалъ при этомъ, можетъ понять только тотъ, кто зналъ, до чего сильно было у него преклоненіе предъ авторитетомъ парламентской власти, его уваженіе предъ закономъ и вѣра въ правосудіе. Въ этотъ день разбиты были его политическіе идеалы, его національная гордость, вѣра.

что и относительно врага англійское правительство не измѣнитъ себѣ, и что, несмотря на всѣ свои слабости, англичане ставятъ на первомъ мѣстѣ честь и рыцарство. «По крайней мѣрѣ,—говорилъ онъ мнѣ вечеромъ того дня,—никто изъ-за меня не будетъ сегодня ночевать въ тюрьмѣ; ни одна женщина не обвинитъ меня за то, что ея мужъ убитъ или раненъ, но...» Лицо его исказилось выраженіемъ величайшей муки, и послѣ этого рокового дня Чарльзъ Брэдло сдѣлался другимъ человѣкомъ. Нѣкоторые люди легко относятся къ своимъ идеаламъ, у него-же вся душа горѣла ими; онъ былъ истиннымъ англичаниномъ, преданнымъ законамъ, свободолюбивый до мозга костей, съ національной гордостью, напоминающей патріотовъ XVII в. Его сердце сражено было измѣной; онъ отправился въ парламентъ одинъ, вѣря въ честность своихъ враговъ, готовый подчиниться приговору объ удаленіи изъ палаты или арестѣ—послѣдняго онъ главнымъ образомъ и ожидалъ; но онъ никогда не предполагалъ, что отправившись одинъ навстрѣчу врагамъ, онъ подвергнется грубому и коварному насилію и что члены палаты общинъ загрязнятъ парламентскія традиціи грубымъ оскорбленіемъ законно избраннаго члена и сценой, болѣе достойной кабака, чѣмъ великой палаты общинъ, гдѣ дѣйствовали Гемпденъ и Вэнъ, и члены которой умѣли всегда ограждать себя отъ королевской власти и отстаивать свои права.

Эти бурныя сцены вызвали у правительства обѣщаніе заступничества: м-ръ Брэдло не получилъ законнаго удовлетворенія за причиненное ему оскорбленіе, да и не могъ его получить; дѣйствія парламентской полиціи покрыты были распоряженіемъ самой палаты, но правительство обѣщало поддерживать его притязанія на депутатское мѣсто въ слѣдующую сессію. Это помѣшало намъ начать противъ правительства кампанію, которую мы намѣревались вести. Я организовала на собственный страхъ большое общество людей, поклявшихся отказаться послѣ извѣстнаго срока отъ употребленія всѣхъ продуктовъ, обложенныхъ пошлиной, и взять свои деньги изъ правительственныхъ сберегательныхъ кассъ, что въ значительной мѣрѣ должно было повредить финансовому положенію правительства. Откликъ рабочихъ на мой призывъ былъ истинно трогательный. Одинъ рабочій писалъ мнѣ, что такъ-какъ онъ никогда не куритъ и не употребляетъ спиртныхъ напитковъ, то онъ откажется теперь отъ чая; другіе заявляли, что хотя куреніе единственная роскошь въ ихъ жизни, они все-таки готовы отказаться и отъ нея. Скрѣпя сердце, я стала просить рабочихъ не брать въ руки страшнаго орудія, говоря, что «мы не имѣемъ права создавать финансовыя затрудненія правительству, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда правительство отказывается исполнять свой долгъ и ограждать законъ. Теперь оно обѣщало намъ правосудіе и намъ нужно подождать». Тѣмъ временемъ, м-ръ Брэдло лежалъ больной съ поврежденными мускулами руки, мѣшавшими ему двинуться.

и это привело къ перемирію въ парламентской борьбѣ, съ небольшими только стычками, отъ времени до времени. Я являлась въ парламентъ два, три раза, и одно изъ моихъ обращеній къ собравшейся предъ палатой публикѣ сдѣлалось предметомъ интерпеляціи м-ра Ритчи; въ то-же время сэръ Генри Тейлеръ велъ отчаянную борьбу противъ нашихъ естественно-научныхъ курсовъ. Другимъ осложненіемъ моей тогдашней жизни было упоминаніе моего имени,—получившаго рыночную цѣнность въ ту пору безпрестанной борьбы—на заголовкѣ брошюръ, о которыхъ я не имѣла никакого представленія; это мошенничество моимъ именемъ въ англійскихъ колоніяхъ доставило мнѣ кучу непріятностей. Кромѣ этихъ, волновавшихъ меня тогда дѣлъ, я занята была политической агитаціей въ странѣ, организаціей конгресса свободомыслящихъ въ Лондонѣ, научными занятіями и преподаваніемъ, чтеніемъ естественнонаучныхъ лекцій въ научномъ клубѣ, перепиской съ манчестерскимъ епископомъ, который громилъ свободомыслящихъ, и писаніемъ направленной противъ этого епископа брошюры «Бракъ по завѣту Бога». Среди всей этой работы осенніе мѣсяцы промчались очень быстро.

Съ сожалѣніемъ вспоминаю объ одномъ инцидентѣ той поры. Приведенная въ заблужденіе неполнымъ знаніемъ природы и научныхъ методовъ, а также опасеніемъ, что если мѣшать людямъ науки дѣлать опыты надъ животными, они, быть можетъ, станутъ пробовать тѣ-же снадобья на бѣдныхъ больныхъ въ госпиталяхъ, я написала двѣ статьи, вышедшія потомъ отдѣльной брошюрой, противъ билля сэра Эрдля Вильмота «о полномъ уничтоженіи вивисекціи». Я ограничивала свою защиту оправдываніемъ только высоко-талантливыхъ людей, занятыхъ самостоятельными изслѣдованіями, и принимала на вѣру то, что мнѣ говорили заинтересованные люди о характерѣ опытовъ, не стараясь провѣрить ихъ сама. Это повело къ напечатанію единственной вещи, въ сочиненіи которой я горько раскаиваюсь. Д-ръ Анна Кингсфортъ написала возраженіе противъ моихъ статей и я съ готовностью помѣстила ея отвѣты въ той-же газетѣ, гдѣ появились и мои статьи—въ «National Reformer», и затронувъ тамъ вопросъ о нравственномъ чувствѣ, она сразу нашла во мнѣ откликъ. Въ концѣ концовъ, внимательно изучивъ дѣло, я увидѣла, что вивисекція за границей сильно отличается отъ вивисекціи въ Англіи, увидѣла, что это въ самомъ дѣлѣ истинная жестокость, и перестала говорить хотя-бы слово въ защиту ея.

Въ 1882 г. не наступилъ еще конецъ борьбѣ, въ которую замѣшанъ былъ м-ръ Брэдло и всѣ близкіе ему люди. 7-го февраля онъ въ третій разъ говорилъ предъ палатой общинъ и закончилъ рѣчь предложеніемъ, принятіе котораго положило-бы конецъ распрѣ. «Я готовъ удалиться изъ парламента, сказалъ онъ, — на четыре или пять недѣль, если палата обѣщаетъ за это время, или въ теченіе промежутка времени, необ-

ходимаго для рѣшенія подобнаго вопроса, заняться биллемъ о декларацін. Я радъ покориться закону, и если палата позволитъ мнѣ указать ей путь къ возможному между нами соглашенію, я готовъ это сдѣлать. Нѣкоторые изъ достопочтенныхъ членовъ говорили, что это былъ-бы охранный билль Брэдло. Но Брэдло болѣе гордъ, чѣмъ вы. Пусть билль пройдетъ безъ права примѣненія его къ выборамъ, произошедшимъ до утвержденія его, я обязываюсь не претендовать на свое мѣсто теперь, и когда билль будетъ утвержденъ, я выступлю снова кандидатомъ. Я не боюсь. Если я не гожусь для моихъ избирателей, они могутъ смѣстить меня, но вы на это права не имѣете. Только смерть можетъ остановить мой протестъ». Но палата не вошла въ соглашеніе. Онъ просилъ о 100,000 подписяхъ для поддержки своихъ конституціонныхъ правъ, а въ теченіе 8-го, 9-го и 10-го февраля представлено было 1,008 петицій съ 241,970 подписями; палата отнеслась къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ. Брэдло отказали въ признаніи его мѣста вакантнымъ, лишая такимъ образомъ Нордгемптонъ одного депутата и закрывая путь всякому законному возстановленію правъ. М-ръ Лабушеръ, сдѣлавшій все, что можетъ сдѣлать добросовѣстный товарищъ для собрата, внесъ билль о декларацін, но встрѣтилъ суровый отпоръ. М-ръ Гладстонъ отказалъ въ поддержкѣ билля и всѣ враги свободы стали торжествовать. Изъ состоянія такого спокойнаго проявленія полновластія палата была выбита смѣлымъ поведеніемъ члена, котораго она старалась не подпускать къ себѣ, который неожиданно для пораженной его поведеніемъ палаты пришелъ, произнесъ присягу, занялъ свое мѣсто и сталъ ждать дальнѣйшихъ событій. Палата изгнала его—ей не оставалось, конечно, ничего другого дѣлать послѣ его поступка—и м-ръ Лабушеръ потребовалъ новаго избранія для Нордгемптона, «депутатъ котораго, Чарльзъ Брэдло, изгнанъ изъ палаты». Нордгемптонъ, преданный Брэдло попрежнему, избралъ его въ третій разъ, число его избирателей увеличилось на 359 противъ второго избранія, и это торжество встрѣчено было съ неописуемымъ энтузіазмомъ во всѣхъ большихъ городахъ Англіи. Небольшимъ большинствомъ въ 15 голосовъ въ палатѣ, имѣющей 599 членовъ,—и даже это небольшое большинство было слѣдствіемъ колебанія правительства,—ему отказано было въ правѣ занять свое мѣсто. Но теперь вся либеральная пресса приняла участіе въ спорѣ; вопросъ о присягѣ и декларацін сдѣлался пробнымъ камнемъ каждаго кандидата въ парламентъ и правительство было предупреждено, что оно отчуждаетъ своихъ лучшихъ друзей. «Pall Mall Gazette» сдѣлалась, наконецъ, выразителемъ назрѣвшаго общественнаго мнѣнія: «Чѣмъ билль о присягѣ можетъ принести ущербъ правительству? Мы увѣрены, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что, противодѣйствуя биллю, правительство менѣе всего дѣйствуетъ въ свою пользу на выборахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что выборы будутъ дѣлаться только по этому вопросу.

и всякій либералъ, отказывающійся вотировать за такой билль, потеряетъ поддержку радикаловъ въ нордгемптоновскомъ родѣ при всякихъ выборахъ. Либеральная пресса всей страны высказываетъ полное единодушіе въ этомъ отношеніи; нужно только, чтобы правительство выказало немного больше храбрости и признало, что даже на практикѣ честность лучшая политика». Правительство не было согласно съ этимъ и поплатилось за это, потому что одной изъ причинъ его пораженія, послѣдовавшаго на выборахъ, было негодованіе, возбужденное его колебаніями и трусостью по отношенію къ избирательнымъ правамъ. Я имѣла полное основаніе писать въ маѣ 1882 года, что «Чарльзъ Брэдло, вслѣдствіе причиненнаго ему зла, сдѣлался воплощеніемъ великаго принципа». Въ самомъ дѣлѣ, агитація разросталась въ Англіи все сильнѣе, до тѣхъ поръ, пока избранный опять на общихъ выборахъ онъ былъ, наконецъ, допущенъ къ присягѣ и занялъ свое мѣсто; тогда уже онъ внесъ билль о присягѣ и провелъ его, не только давая этимъ право декларацій членамъ парламента, но устанавливая, что свободомыслящіе имѣютъ право быть присяжными засѣдателями, и освобождая свидѣтелей отъ оскорбленій, которыя наносились отказывающимся приносить присягу; такимъ образомъ онъ закончилъ полной побѣдой единственную въ своемъ родѣ борьбу, и увѣковѣчилъ свое имя въ конституціонной исторіи Англіи.

Въ палатѣ лордовъ, лордъ Редсдаль внесъ билль о недопущеніи атеистовъ въ парламентъ, но въ виду господствовавшаго въ то время общественнаго настроенія, лорды отказались провести его, высказывая, конечно, глубокое сожалѣніе по этому поводу. Но тѣмъ временемъ сэръ Генри Тэйлеръ сталъ требовать въ палатѣ общинъ возбужденія преслѣдованій за святотатство противъ м-ра Брэдло и его друзей и въ то-же время началъ походъ противъ дочерей м-ра Брэдло, противъ меня и д-ра Эвелинга, за наше преподаваніе естественныхъ наукъ. Это были все новыя и новыя осложненія нашей борьбы, но никто изъ насъ не падалъ духомъ и не отчаивался въ конечной побѣдѣ свободомыслія.

ГЛАВА XI.

Дальнѣйшій ходъ борьбы.

Вся эта неустанная борьба на религіозномъ поприщѣ не дѣлала меня слѣпой къ бѣдствіямъ Ирландіи, столь дорогой моему сердцу, сдавленной въ тискахъ «принудительнаго билля» Форстера. Статья, которую я написала тогда подъ заглавіемъ «принудительныя мѣры въ Ирландіи и ихъ послѣдствія», появилась отдѣльной брошюрой и получила широкое распространеніе.

Я говорила въ статьѣ противъ выселенія — 7020 человѣкъ было выселено за кварталъ, оканчивающійся Мартомъ—и о томъ, что нужно

назначить судъ надъ заключенными по подозрѣнію, о возмѣщеніи убытковъ тѣмъ, кто до аграрнаго закона выступалъ противъ беззаконій, устраненныхъ аграрнымъ закономъ; я доказывала, что «никакія мѣры не могутъ повести къ успокоенію Ирландіи не только пока не будутъ освобождены ирландцы, томящіеся въ тюрьмахъ, но пока благородный и несчастный Мэйкель Давиттъ не вернется въ Ирландію свободнымъ человѣкомъ».

Наконецъ, правительство перемѣнило тактику и рѣшило дѣйствовать съ большей справедливостью; оно послало лорда Фредерика Кавендиша въ Ирландію, давъ ему полномочіе освободить «заподозрѣнныхъ», но онъ едва успѣлъ доѣхать, какъ былъ убитъ. Это убійство вѣстника мира было истинно гнуснымъ поступкомъ. Я была въ это время въ Блэкборнѣ, куда пріѣхала читать лекцію «объ ирландскомъ вопросѣ», и только что направилась въ залу собранія, радостная и преисполненная надеждой на близящееся спокойствіе, какъ мнѣ передали телеграмму объ убійствѣ. Я никогда не забуду обнявшаго меня ужаса и отчаянія. «Убитъ не одинъ человѣкъ», писала я черезъ два дня послѣ того, «а убита только что народившаяся надежда на дружбу между двумя націями, вновь раскрыта пропасть ненависти, которая уже близка была къ исчезновенію». Увы, убійство не преминуло привести къ ожидаемымъ послѣдствіямъ, и внушило правительству новую несправедливую мѣру. Оно поспѣшило внести въ парламентъ новый принудительный билль, и провести его черезъ всѣ парламентскія стадіи; несмотря на всеобщее возбужденіе, я продолжала проповѣдывать уклоненіе отъ рѣшительныхъ мѣръ, хотя моя задача становилась все труднѣе. «Безконечно трудно», писала я, «рѣшить въ настоящую минуту ирландскій вопросъ. Торіи неистовствуютъ и хотятъ отомстить цѣлой націи за преступленіе, совершенное нѣсколькими людьми. Виги тоже поднимаютъ крикъ; многіе радикалы, захваченные потокомъ, и чувствующіе, что что-нибудь должно быть сдѣлано, поддерживаютъ дѣйствія правительства, забывая спросить, разумно-ли то, что оно намѣревается дѣлать. У нѣкоторыхъ сохранилась еще стойкость убѣжденія, но ихъ очень мало—слишкомъ мало, чтобы помѣшать принудительному биллю стать закономъ. Но хотя насъ, поднимающихъ голосъ противъ зла, которое мы не въ силахъ предотвратить, немного, мы все-таки можемъ повліять на то, чтобы сдѣлать новый законъ кратковременнымъ, возбуждая общественное мнѣніе къ требованію отмѣны его, какъ можно скорѣе. Когда мѣра, принятая правительствомъ, будетъ понята публикой, битва будетъ на половину выиграна. Теперь мѣра держится, благодаря довѣрію къ правительству, но ее отклонятъ, какъ только настоящее ея значеніе будетъ понято. Убійства, вызвавшія насильственныя мѣры, потрясли Англію тѣмъ сильнѣе, что оказались непредвидѣннымъ переходомъ отъ радости и надежды къ мраку и отчаянію. Новая политика была встрѣчена такъ радостно, а вѣстникъ этого новаго направленія политики былъ

убитъ прежде нежели высохло перо, подписавшее указы о милосердіи и свободѣ. Нечего удивляться, что послѣ криковъ ужаса послѣдовали мѣры мести; но убійство было дѣломъ нѣсколькихъ преступниковъ, между тѣмъ какъ месть касалась всѣхъ ирландцевъ. Я старалась противодѣйствовать паникѣ, которая смѣшиваетъ политическую агитацію и политическое правосудіе съ вопросомъ о преступленіи и наказаніи; правительственная мѣра зажимаетъ ротъ каждому ирландцу, и ставитъ, какъ мы увидимъ, всякое политическое дѣйствіе въ зависимость отъ добросовѣстности губернатора, чиновниковъ и полиціи. Я обрисовывала затѣмъ нищету крестьянъ въ тискахъ землевладѣльцевъ, выселеніе на большую дорогу умирающей матери съ груднымъ ребенкомъ, потерю «всякой мысли о святости человѣческой жизни, когда жизнь самыхъ дорогихъ существъ цѣнится менѣе высоко, чѣмъ шиллинги неуплаченныхъ податей». Я критиковала новый законъ и говорила слѣдующее: «когда законъ вступитъ въ силу, судъ присяжныхъ, право сходокъ, свобода печати, святость семейнаго очага—все это очутится вдругъ въ рукахъ губернатора, полнаго властителя Ирландіи, а личная свобода каждаго будетъ въ рукахъ каждаго полицейскаго. Такова англійская система управленія Ирландіей въ 1882 г., и это называется биллемъ «объ искорененіи преступленій». Я не колебалась представить истину безъ всякихъ прикрасъ: «несомнѣнно», писала я, «что цѣль убійцъ достигнута ими. Они увидѣли въ новой политикѣ правительства путь къ сближенію Англіи и Ирландіи; они знали, что вмѣстѣ съ дружбой придетъ справедливость, и что въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ обѣ страны протянутъ руку одна другой. Чтобы предупредить это, они вырыли новую пропасть—въ надеждѣ, что ужъ ее Англія не захочетъ перешагнуть, залили цѣлою рѣкою крови пути дружбы и заградили трупомъ открывающіяся ворота примиренія и спокойствія. Они достигли цѣли».

Во время этого разгара политической и общественной борьбы до меня дошли первые смутные слухи о теософическомъ обществѣ, о его принципахъ, не выставлявшихъ, какъ я увидѣла, никакихъ опредѣленныхъ требованій для вступленія въ члены общества, ничего, кромѣ—научнаго интереса къ поэтическимъ и мистическимъ религіознымъ ученіямъ востока. Узнала я также о докладѣ полковника Олькота, и вынесла впечатлѣніе, что общество исповѣдуетъ какое-то странное ученіе о возможности общенія съ тѣнями мертвецовъ, о жизни духа, отдѣльной отъ жизни тѣла. Эти свѣдѣнія доходили до меня черезъ нѣсколькихъ индійскихъ атеистовъ, которые спрашивали моего мнѣнія о томъ, могутъ-ли свободомыслящіе примыкать къ теософическому обществу и теософы дѣлаться членами національнаго общества свободомыслящихъ. Я отвѣтила, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлись у меня, что несмотря на то, что свободомыслящіе не имѣютъ права отказывать въ членствѣ теосо-

фамъ, если тѣ пожелаютъ вступить въ ихъ среду, есть однако громадная разница между мистицизмомъ теософовъ и научнымъ матеріализмомъ свободомыслящихъ. Исключительная вѣра въ матеріальный міръ, которая составляетъ неотъемлемый элементъ матеріализма, не оставляетъ мѣста никакому сверхъестественному существованію; поэтому, послѣдовательные члены нашего союза не могутъ примкнуть къ обществу, исповѣдующему такую вѣру».

Е. П. Блаватская написала въ «Theosophist» за августъ 1882 г. небольшую статейку въ отвѣтъ на мои слова. Со свойственной ей деликатностью въ полемикѣ, она высказала предположеніе, что «статья, очевидно, написана подъ вліяніемъ ложныхъ свѣдѣній объ истинномъ значеніи теософическаго общества. Намъ кажется по меньшей мѣрѣ непослѣдовательностью со стороны столь просвѣщенной и здравомыслящей писательницы—резонерство и изданіе автократическихъ указовъ, послѣ того какъ она сама такъ жестоко и такъ несправедливо страдала отъ слѣпого ханжества и общественныхъ предразсудковъ въ ея неустанной борьбѣ за свободу убѣжденій». Приведя мои слова, она продолжала: «До тѣхъ поръ, пока насъ не убѣдятъ въ противномъ, мы предпочитаемъ думать, что вышеприведенныя строчки были внушены м-ссъ Безантъ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ недоброжелателей въ Мадрасѣ, и являются скорѣе результатомъ мелкой личной мести, чѣмъ желанія дѣйствовать согласно принципамъ научнаго матеріализма, составляющаго основу атеизма. Мы можемъ увѣрить радикальную редакцію «National Reformer», что ее ввели въ сильное заблужденіе ложными свѣдѣніями о столь-же радикальныхъ, какъ и они, издателяхъ «Theosophist». Они такъ-же мало склонны къ вѣрѣ въ «сверхъестественное», какъ м-ссъ Безантъ и м-ръ Брэдло».

Е. П. Блаватская, когда ей приходилось иногда говорить о происходящей въ Англіи борьбѣ, обнаруживала удивительно широкіе взгляды. Она говорила съ большимъ уваженіемъ о дѣятельности м-ра Брэдло и его парламентской борьбѣ, и отзывалась съ большимъ сочувствіемъ объ услугахъ, оказываемыхъ имъ дѣлу свободы. Говоря въ другомъ мѣстѣ объ ораторскомъ искусствѣ, противоположномъ краснорѣчію спиритовъ, находящихся въ трансѣ, она упоминала обо мнѣ. «Другая женщина ораторъ», писала она, «заслуживающая вполнѣ свою громкую извѣстность, какъ краснорѣчіемъ, такъ и ученостью — м-ссъ Анни Безантъ — хотя и не вѣритъ въ руководящихъ поступками духовъ, или въ данномъ случаѣ хотя-бы въ свой собственный духъ, однако говоритъ и пишетъ такъ много разумныхъ вещей, что одна изъ ея рѣчей или главъ ея книгъ содержитъ больше полезныхъ для человѣчества мыслей, чѣмъ многіе изъ современныхъ спиритовъ могутъ выразить втеченіе всей своей жизни». Я часто задумывалась надъ тѣмъ, стала ли бы я ея послѣдовательницей,

если бы познакомилась въ то время съ ней или съ какими-нибудь ея произведеніями. Мнѣ кажется, что нѣтъ; я была еще слишкомъ ослѣплена успѣхами западной науки, слишкомъ самонадѣянна, слишкомъ воинственна, слишкомъ подчинена своимъ чувствамъ, чутка къ похваламъ и порицанію. Мнѣ нужно было еще глубже познать глубину человѣческаго горя, услышать болѣе громкіе стоны «великаго сироты»—человѣчества, болѣе настойчиво почувствовать недостатокъ въ большемъ знаніи и болѣе яркомъ свѣтѣ для помощи людямъ—и тогда только я могла бы смирить мою гордость и поступить въ школу оккультизма, отбрасывая свои предразсудки и приступая къ наукѣ о душѣ.

Настойчивыя усилія сэра Генри Тейлера и его друзей возбудить преслѣдованіе за клятвопреступленіе достигли, наконецъ, цѣли и въ іюлѣ 1882 г. м-ръ Футъ, редакторъ «Freethinker», м-ръ Рамсэй, издатель и м-ръ Витль, типографщикъ, были привлечены къ отвѣтственности, при чемъ обвинителемъ выступилъ самъ сэръ Генри Тейлеръ. Сдѣлана была попытка впутать въ дѣло м-ра Брэдло, и обвинители соглашались оставить въ сторонѣ редактора и типографщика, если м-ръ Брэдло лично продастъ имъ нѣсколько экземпляровъ газеты. Но, несмотря на постоянную готовность м-ра Брэдло выгораживать своихъ подчиненныхъ и брать на себя ихъ грѣхи, онъ на этотъ разъ не видѣлъ основанія брать на себя отвѣтственность за газету, которою онъ не завѣдывалъ, и которая, по его мнѣнію, роняла дѣло партіи своими карикатурами и давала лишнее орудіе противникамъ. Онъ отвѣтилъ поэтому, что готовъ продать обвинителямъ какія угодно книги, изданныя имъ самимъ или съ его согласія, и прислалъ вмѣстѣ съ тѣмъ каталогъ подобныхъ изданій. Цѣль сэра Генри Тейлера была очевидна, и м-ръ Брэдло пояснилъ ее печатно въ слѣдующихъ словахъ: «Вышеприведенныя письма ясно показываютъ, что сэръ Генри Тейлеръ, не добившись закрытія естественно-научныхъ классовъ въ научномъ клубѣ, не будучи въ состояніи убѣдить сэра Вернона Гаркура возбудить преслѣдованіе противъ меня и м-ссъ Безантъ, какъ редактора и издательницы этой газеты, хочетъ взвалить на меня отвѣтственность за содержаніе газеты, въ которой я не принимаю никакого участія, на которую не имѣю никакого вліянія и которой совершенно не интересуюсь. Почему сэръ Генри Тейлеръ такъ пламенно желаетъ судить меня за святотатство? Не потому ли, что по 9-му и 10-му §§ III гл. 32 такое обвиненіе «навсегда» закрываетъ доступъ въ парламентъ?» «Whitehall Review» откровенно выставила это желательной цѣлью и м-ръ Брэдло вызванъ былъ въ Mansion House по обвиненію въ печатаніи святотатственныхъ статей въ «Freethinker»; тѣмъ временемъ сэръ Генри Тейлеръ хлопоталъ объ отнятіи у дочерей м-ра Брэдло преподавательскаго диплома; онъ получилъ также разрѣшеніе, приведенное въ исполненіе несмотря на свою недѣйствительность, произвести ревизію

банковыхъ счетовъ м-ра Брэдло и моихъ, хотя я и не была причастна къ этому дѣлу. Оглядываясь назадъ, я поражаюсь невообразимой мелочностью, до которой дошли сэръ Генри Тейлеръ и другіе въ своей защитѣ религіи. Старанія сэра Генри Тейлера кончились однако неудачей, предложеніе его провалилось въ парламентѣ самымъ скандальнымъ образомъ и въ то же время появился въ печати отчетъ объ успѣшной научной дѣятельности дочерей м-ра Брэдло, какъ въ области педагогической, такъ и въ самостоятельныхъ научныхъ трудахъ, и о томъ, что я оказалась единственной на всю Англію обладательницей почетнаго диплома по ботаникѣ.

Слѣдствіемъ безчисленныхъ нападокъ, которыя обрушивались на насъ, было громадное распространеніе нашихъ политическихъ и богословскихъ писаній, и мы перенесли въ сентябрѣ 1882 г. свой издательскій складъ въ большой магазинъ на Fleet Street. Первыми двумя вещами, проданными тамъ, была моя брошюра, заключавшая сильный протестъ противъ возмутительной политики Англіи въ Египтѣ, и критическій разборъ книги Бытія, написанный м-ромъ Брэдло въ промежуткахъ его кипучей дѣятельности. Я бывала въ складѣ ежедневно, за исключеніемъ времени отлучекъ изъ Лондона, до самой смерти м-ра Брэдло въ 1891 г. и единственной моей помощницей была старшая дочь м-ра Брэдло, дѣвушка съ сильнымъ характеромъ и высокой душой, умершая внезапно въ декабрѣ 1888 г. Въ «National Reformer» помощниками моими были д-ръ Эвелингъ, а потомъ м-ръ Джонъ Робертсонъ, теперешній радакторъ газеты. Тамъ же съ 1884 г. работалъ вмѣстѣ со мной Торнтонъ Смитъ, одинъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ м-ра Брэдло, сдѣлавшійся однимъ изъ выдающихся ораторовъ національнаго общества свободомыслящихъ. Среди новыхъ литературныхъ предпріятій, послѣдовавшихъ за расширеніемъ издательскаго дѣла на Fleet-Street, былъ маленькій шестипенсовый журналъ, редактируемый мной самой и носящій названіе «Our Corner». Первый номеръ появился въ январѣ 1883 г. и въ теченіе шести лѣтъ журналъ выходилъ аккуратно и былъ крайне удобнымъ для меня органомъ во время моей дѣятельности по рабочему вопросу. Сотрудниками «Our Corner» состояли Монкюръ Конвэй, профессоръ Л. Бюхнеръ, Ив. Гюйо, проф. Эрнстъ Гекэль, Бернардъ Шо, д-ръ Эвелингъ, Джойнсъ, Робертсонъ и многіе другіе; м-ръ Брэдло и я аккуратно писали каждый мѣсяцъ.

Начало 1883 г. было бурное, повсюду шла борьба и вся Англія возбуждена была сильной конституціонной агитаціей, которая заставила правительство внести новый билль о декларацін; либеральныя ассоціаціи составляли повсюду рѣшительныя постановленія; шли приготовленія къ борьбѣ противъ избранія вновь депутатовъ, измѣнившихъ своему мандату; около тысячи делегатовъ явились въ Лондонъ отъ разныхъ клу-

бовъ, trade-unions и всякаго рода ассоціацій; на Трафаль-гэръ-сквэрѣ устроенъ былъ шумный митингъ, въ Вестминстеръ-Голѣ толпилась возбужденная масса народа. Инспекторъ Денингъ попросилъ м-ра Брэдло выйти къ толпѣ, которая опасается за его сохранность въ стѣнахъ парламента; онъ вышелъ сказать, что «правительство обязалось тотчасъ-же внести билль». Народъ ликовалъ, оглашая воздухъ криками восторга. Таковъ былъ этотъ день, 15-е февраля 1883 г., истинный день побѣды для народа. Это было—отвѣтъ Англіи на воззваніе къ справедливости, и отвѣтъ парламенту, бросившему вызовъ избирательному праву страны.

Едва кончился этотъ инцидентъ, какъ началось вторичное преслѣдованіе за святотатство; м-ръ Футъ, Рамсэй и Кемпъ привлечены были къ отвѣтственности и предстали на судъ, состоявшійся подъ предсѣдательствомъ судьи м-ра Норса, упрямаго сторонника церкви и обрядностей. Судъ кончился разногласіемъ присяжныхъ послѣ блестящей рѣчи м-ра Фута въ защиту самого себя. Судья все время выказывалъ большую суровость и даже отказался выдать подсудимыхъ на поруки между первымъ и вторымъ разбирательствомъ. Они были заключены въ Ньюгэтъ отъ четверга до понедѣльника и намъ позволили говорить съ ними только черезъ рѣшетку отъ половины девятаго до половины десятаго, когда они выпускались для прогулки на тюремный дворъ. Вторичный судъ состоялся въ понедѣльникъ и они были признаны виновными, причемъ м-ръ Футъ приговоренъ былъ къ заключенію на годъ, м-ръ Рамсэй на девять мѣсяцевъ, м-ръ Кемпъ на три. М-ръ Футъ болѣе всѣхъ другихъ держалъ себя съ достоинствомъ и мужествомъ въ своемъ трудномъ положеніи, выслушалъ спокойно тяжкій приговоръ и отвѣтилъ: «Милордъ, благодарю васъ; этотъ приговоръ достоинъ вашей вѣры». Мы постарались облегчить участь осужденныхъ, взявши на себя веденіе ихъ дѣлъ. Д-ръ Эвелингъ сталъ завѣдывать изданіемъ «Freethinker» и журнала м-ра Фута «Progress»; то, что необходимо было сдѣлать для поддержки ихъ семей, было сдѣлано, м-ръ и м-ссъ Фордеръ взяли на себя завѣдываніе книжнымъ магазиномъ м-ра Рамсэя и чрезъ нѣсколько дней все уже было налажено. Хотя большинство изъ насъ не одобряло направленія газеты, не было времени думать объ этомъ, когда возбужденное обвиненіе въ святотатствѣ закончилось обвинительнымъ приговоромъ, и мы всѣ должны были сплотиться, чтобы помочь людямъ, попавшимъ въ тюрьму изъ-за своихъ убѣжденій. Я начала серію статей «о сущности христіанской вѣры и о томъ, отрицаніе чего должно считаться святотатствомъ». Повсюду атеистическое движеніе приняло широкія размѣры, и стало пробуждаться сознаніе, что пересмотръ законовъ о святотатствѣ далеко не устарѣлое дѣло.

Очень сочувственно отнеслась къ намъ въ то время Е. П. Блават-

ская, писавшая въ «Theosophist»: «Мы даже теперь предпочитаемъ положеніе м-ра Фута положенію его строгаго судьи. Да, будь мы осуждены, какъ онъ, мы-бы чувствовали больше гордости быть пострадавшимъ издателемъ, подобно ему, чѣмъ величавымъ судьей въ родѣ м-ра Норса».

Насталъ день суда надъ м-ромъ Брэдло, Футомъ и Рамсэемъ, обвиненными въ святотатствѣ, и на этотъ разъ разбирательство происходило въ королевскомъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ верховнаго судьи лорда Кольриджа. Мнѣ дозволено было сѣсть между м-ромъ Брэдло и м-ромъ Футомъ, такъ какъ мнѣ поручено было приготовлять для м-ра Брэдло всѣ справки, которыя могли-бы ему понадобиться, и отмѣчать пунктъ за пунктомъ то, чѣмъ онъ уже воспользовался. Футъ и Рамсэй введены были подъ конвоемъ; м-ръ Брэдло потребовалъ, чтобы его дѣло разсматривалось отдѣльно, такъ какъ отрицалъ всякую отвѣтственность за газету. На судѣ вполнѣ выяснилось, что и онъ и я не имѣли никакого отношенія къ газетѣ, что мы издавали ее до ноября 1881 г., а потомъ отказались, главнымъ образомъ изъ-за затѣянной въ газетѣ иллюстраціи. Я была призвана свидѣтельницей и сейчасъ-же вышли затрудненія. Сэръ Гардингъ Гиффордъ подвергъ меня строгому допросу, старался запутать меня, какъ только могъ, но полная чистосердечность моихъ отвѣтовъ обезоружила его.

Во время суда произошло нѣсколько курьезныхъ инцидентовъ; сэръ Гардингъ Гиффордъ открылъ засѣданіе очень умной и очень недобросовѣстной рѣчью. Всѣ факты, говорившіе въ пользу м-ра Брэдло, были искажены или скрыты; все, что только могло служить орудіемъ противъ него, было выставлено въ яркомъ свѣтѣ. Среди множества извращеній истины, сдѣланныхъ этимъ благочестивымъ прокуроромъ, было и заявленіе, что перемѣна состава редакціи «Freethinker» совершилась послѣ возбужденія вопроса о преслѣдованіи газеты. Между тѣмъ перемѣна произошла въ ноябрѣ, а вопросъ о преслѣдованіи возбужденъ въ парламентѣ въ февралѣ. Эта очевидная ложь достаточно характеризуетъ недобросовѣстность его пріемовъ, направленныхъ на то, чтобы добиться несправедливаго приговора.

Послѣ рѣчи вызваны были свидѣтели. Сэръ Гардингъ не вызвалъ свидѣтелей, знакомыхъ съ фактами, какъ напр. Норриса, управляющаго магазиномъ, или типографщика Витля. Онъ тщательно устранилъ ихъ, не желая, чтобы истина обнаружилась. Но онъ привлекъ къ разбирательству дѣла двухъ клэрковъ, которые были одно время при складѣ и покупали множество номеровъ «National Reformer» и «Freethinker», совершенно не распространяя ихъ въ публикѣ, но казавшихся Гардингу все-таки удобнымъ средствомъ произвести впечатлѣніе большой виновности подсудимыхъ. Онъ вызвалъ также какого-то чиновника изъ Bri-

tish Museum, который принесъ съ собой двѣ огромныя книги: онѣ представляли собой годовые экземпляры «National Reformer» и «Freethinker», но зачѣмъ они были принесены, никто понять не могъ; прокуроръ, я думаю, понималъ это не больше другихъ, а судья, посмотрѣвши на книги поверхъ очковъ, отнесся къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ къ совершенно не относящимся къ дѣлу предметамъ. Затѣмъ кто-то изъ свидѣтелей показалъ, что м-ръ Брэдло платилъ налоги, какъ обитатель Stonecutter Street, въ чемъ никто не сомнѣвался. Двое полицейскихъ показали, что видѣли его тамъ. «Вы, я полагаю, видѣли тамъ еще многихъ другихъ», замѣтилъ верховный судья. Въ общемъ, это дѣло было однимъ изъ самыхъ гнусныхъ и несостоятельныхъ, которыя когда-либо разбирались на судѣ.

Одинъ свидѣтель, однако, имѣлъ большое значеніе — м-ръ Вудгэмъ, управляющій банка. Когда онъ показалъ, что м-ръ Малонэ, младшій прокуроръ, провѣрялъ банковые счеты м-ра Брэдло, на судѣ пронесся ропотъ негодованія и изумленія. «Однако, однако!» послышались голоса адвокатовъ позади. Судья нагнулся надъ бумагами съ видомъ недоумѣнія и на минуту допросъ долженъ былъ прекратиться изъ за всеобщаго возбужденія. Если только сэръ Гардингъ Гиффордъ не обладаетъ большимъ актерскимъ талантомъ, то очевидно, что и ему не былъ извѣстенъ этотъ гнусный фактъ, потому-что онъ выглядѣлъ такимъ-же пораженнымъ, какъ всѣ его товарищи по суду.

Другой изъ происшедшихъ на судѣ инцидентовъ показываетъ болѣе всего умѣніе м-ра Брэдло быстро понять положеніе дѣла и приноравливаться къ обстоятельствамъ. Онъ хотѣлъ прочесть показаніе Норриса въ Mansion House, чтобы показать, почему не призванъ былъ въ свидѣтели завѣдывающій магазиномъ; судья не согласился дозволить чтеніе. Произошла маленькая пауза; затѣмъ м-ръ Брэдло сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, я полагаю, что достопочтенный прокуроръ потому, быть можетъ, не призвалъ Норриса, что...» и за этимъ все показаніе Норриса послѣдовало въ формѣ предположеній. Судья на минуту опустилъ глаза и не могъ удержаться отъ сдержаннаго смѣха, вызваннаго удачной перемѣной орудія защиты и блестящимъ достиженіемъ цѣли; адвокаты, толпившіеся позади, смѣялись совершенно открыто, заражая присяжныхъ засѣдателей, улыбавшихся противъ воли; невозмутимымъ оставался только самъ м-ръ Брэдло, продолжавшій серьезно излагать вопросы, которые «могли-бы быть предложены Норрису на судѣ». Цѣль защитительной рѣчи м-ра Брэдло была ясная, и онъ самъ формулировалъ ее: «я хочу только показать вамъ, что возбужденіе этого дѣла одна изъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью сразить политическаго противника — что все это продолженіе кампаніи, начатой противъ меня со времени моего вступленія въ парламентъ въ 1880 г. Если бы обвинитель самъ явился на раз-

бирательство, я-бы показалъ вамъ, что онъ былъ въ палатѣ однимъ изъ первыхъ, поднявшихъ противъ меня обвиненіе въ святотатствѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ ни минуты спокойной до понедѣльника на этой недѣлѣ. Меня преслѣдовали взысканіями и процессами. Въ прошлый понедѣльникъ палата лордовъ освободила меня навсегда отъ одного рода обвиненій; сегодня, милостивые государи, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой освободить меня отъ всѣхъ другихъ. Три раза избиратели дѣлали меня своимъ представителемъ, и сэръ Генри Тейлеръ хочетъ, чтобы вы заклеймили меня постыднымъ приговоромъ не за то, что я издавалъ еретическія сочиненія, а за то, что былъ лжецомъ. Я вовсе не желаю быть заключеннымъ въ тюрьму, но я предпочитаю это десять разъ тому, чтобы мои избиратели на одну минуту подумали, что я способенъ лгать для избѣжанія кары. Меня не судятъ въ настоящую минуту за что-либо написанное мною или подъ моимъ вліяніемъ. Какъ милордъ самъ заявилъ сегодня утромъ въ самомъ началѣ разбирательства, рѣчь не идетъ о томъ, святотатственно-ли обвиненное изданіе или нѣтъ? Можно-ли защищать его появленіе или нѣтъ? Это не входитъ теперь въ мою обязанность, и я не хочу разбираться въ этомъ. Я даже не долженъ входить въ разбирательство законовъ о святотатствѣ; не могу, впрочемъ, не высказать, что если бы мнѣ пришлось защищаться теперь противъ нихъ, я-бы сказалъ, что это несправедливые законы, возрожденіе которыхъ большое зло, потому-что они принесутъ больше вреда тѣмъ, кто ихъ вновь призвалъ къ жизни, чѣмъ тѣмъ, противъ которыхъ они возбуждены. Но меня судятъ не за то, что я самъ высказывалъ, писалъ или издавалъ; это обвиненіе—попытка привлечь къ отвѣтственности за изданіе, съ которымъ я не имѣю ничего общаго, и я обращаюсь къ вамъ съ просьбой разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ. Каждый разъ, когда я выигрывалъ дѣло, противъ меня поднималось что-нибудь новое. Первое дѣло, возбужденное противъ меня, имѣло цѣлью сдѣлать мое избраніе недѣйствительнымъ. Когда-же я былъ избранъ вновь, мои противники думали разорить меня громадными денежными взысканіями, и когда взысканія ни къ чему не привели, они затѣяли теперешній процессъ. Дѣло теперь не идетъ о защитѣ моей ереси не потому, чтобы я не былъ готовъ защищать ее, если меня вызовутъ на это законнымъ порядкомъ и если въ ней окажется что-нибудь, подлежащее преслѣдованію законовъ. Я никогда не отказывался отъ даннаго мною однажды слова, отъ того, что я писалъ или совершалъ когда-либо. Поэтому я прошу васъ не дозволять, чтобы этотъ сэръ Генри Тейлеръ, который не осмѣлился даже самъ явиться на судъ, видѣлъ въ васъ ножъ, которымъ можно убить изъ-за угла человѣка, предъ которымъ онъ не осмѣлится стать лицомъ къ лицу».

Заключеніе лорда Кольриджа было великолѣпно по языку, мысли и

теплотѣ тона. Нельзя себѣ представить ничего болѣе трогательнаго, чѣмъ конфликтъ между истиннымъ религіознымъ чувствомъ, ненавидящимъ ересь, и рѣшимостью быть справедливымъ, несмотря на всѣ предубѣжденія; онъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы его христіанскія предубѣжденія не передались также присяжнымъ и не побудили ихъ поступиться справедливостью. Онъ убѣждалъ ихъ дѣлать то, чего требуетъ справедливость, и не поступать съ невѣрующимъ такъ, какъ они не дѣйствовали-бы противъ обыкновенныхъ подсудимыхъ. Затѣмъ онъ говорилъ противъ преслѣдованій за убѣжденія, призналъ, что въ священномъ писаніи существуетъ много необъяснимаго и высказалъ опасеніе, что священныя истины, если во имя ихъ возбуждается преслѣдованіе, могутъ оказаться орудіемъ насилія, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ евангельскимъ духомъ. По ясности и нравственной высотѣ, эта краснорѣчивая рѣчь, произнесенная мелодичнымъ голосомъ, была безподобна, и лордъ Кольриджъ показалъ на дѣлѣ, что истинно христіанскій судья долженъ руководствоваться справедливостью по отношенію къ противникамъ своей религіи.

Ожиданіе приговора привело всѣхъ въ напряженное состояніе, и когда, наконецъ, раздались слова «не виновенъ», ихъ встрѣтили громомъ рукоплесканій, строго, но справедливо остановленныхъ судьей. Вся Англія съ сочувствіемъ отнеслась къ приговору и осудила обвиненіе, какъ возмутительную попытку политическихъ враговъ м-ра Брэдло помѣшать его политической карьерѣ. Такъ, «Pall-Mall Gazette» писала:

«Каковы-бы ни были личные или политическіе протесты, возбуждаемые дѣйствіями м-ра Брэдло, даже его самые непримиримые враги не могутъ отрицать блеска цѣлаго ряда побѣдъ, одержанныхъ имъ въ судѣ. Его оправданіе въ дѣлѣ о святотатствѣ, въ субботу, было послѣднимъ столкновеніемъ, въ которомъ ему удалось самымъ рѣшительнымъ образомъ сразить своихъ враговъ. Эта систематическая травля м-ра Брэдло, продолжающаяся уже столько времени, заключаетъ въ себѣ столько мелочности и пошлости, что слѣдуетъ заставить зачинщиковъ пострадать за нее. Мудрыя и значительныя слова, сказанныя верховнымъ судьей въ заключительной рѣчи, слѣдуетъ запомнить навсегда. «Слѣдуетъ карать тѣхъ людей», — говорилъ онъ. — «которые извращаютъ законъ даже съ лучшими намѣреніями и, по словамъ апостола, творятъ зло, чтобы оно повело къ добру, достойному осужденія». «Не придерживаясь строгости апостола, мы можемъ только сказать, что зачинщики подобныхъ преслѣдованій должны быть присуждены къ денежнымъ взысканіямъ».

Въ отдѣльномъ отъ м-ра Брэдло процессѣ гг. Фута и Рамсэя, м-ръ Футъ самъ защищалъ себя въ очень талантливой рѣчи, которую судья назвалъ въ высшей степени замѣчательной. Лордъ Кольриджъ обратился съ внушеніемъ къ присяжнымъ, говоря имъ, что преслѣдованіе несимпатичныхъ

большинству убѣжденій крайне несправедливо, и что никакое преслѣдованіе, не доходящее до полнаго искорененія, не имѣетъ значенія; онъ упомянулъ также въ саркастическомъ тонѣ о томъ, какъ легко достается слѣдованіе добродѣтели преслѣдователямъ. «Въ большинствѣ случаевъ,—сказалъ онъ,—преслѣдованіе, если только оно не является болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ это возможно въ Англіи XIX в., должно быть безполезнымъ. Вѣрно также то, что это очень легкая форма добродѣтели. Гораздо труднѣе спокойно и безпритязательно слѣдовать въ жизни тому, что мы считаемъ завѣтомъ Божіимъ. Это труднѣе исполняется и не производитъ сенсаціи въ глазахъ свѣта. Гораздо легче обратить свое усердіе противъ кого-нибудь, отличнаго отъ насъ, и подъ видомъ заботливости о славѣ Бога, нападать на человѣка, имѣющаго другія убѣжденія, но жизнь котораго, быть можетъ, болѣе пріятна Богу. И если нападенія совершаются людьми, жизнь которыхъ далеко не безупречна, и набожность которыхъ заключается исключительно въ возбужденіи процессовъ противъ другихъ, то это, несомнѣнно, возбуждаетъ большее сочувствіе къ обвиняемому, нежели къ обвинителю. Еще хуже, если такого рода люди дѣйствуютъ не изъ убѣжденія, что Богъ нуждается въ ихъ вмѣшательствѣ, и если къ мотивамъ ихъ поведенія примѣшиваются партійныя или политическія чувства, совершенно чуждыя всему, что есть высокаго и благороднаго въ человѣческой природѣ; всякій, кто поступаетъ такимъ образомъ не ради чести имени Божьяго, а ради интересовъ партійныхъ, кажется мнѣ заслуживающимъ глубокаго презрѣнія».

Въ концѣ-концовъ, результатомъ процесса было значительное увеличеніе числа членовъ «національнаго общества свободомыслящихъ», широкое распространеніе нашихъ изданій, популярность и вліятельное положеніе въ обществѣ м-ра Фута и то, что онъ оказался мученикомъ за свободу слова. Его нарушеніе требованій хорошаго тона забудется. стойкость его убѣжденій останется навсегда въ памяти. Исторія не спрашиваетъ, говорилъ-ли что-либо безтактное человѣкъ, пострадавшій за свои еретическія убѣжденія, она спрашиваетъ, былъ-ли онъ твердъ въ борьбѣ и вѣренъ познанной имъ истинѣ? Наказаніе, которому подвергнутъ былъ м-ръ Футъ по приговору суда, было очень тяжкимъ: двадцать два часа въ сутки онъ проводилъ въ одиночномъ заключеніи, въ его камерѣ былъ одинъ только стулъ безъ спинки, а для спанья—доска съ тоненькимъ тюфякомъ, занятіемъ его было плетеніе соломы, и только въ послѣдніе мѣсяцы заключенія ему дозволено было читать...

З. В.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Мои воспоминанія объ Александрѣ Викторовнѣ Потаниной.

(Читано на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ память А. В. Потаниной, въ залѣ городской думы, 8 марта 1895 г.).

Мое знакомство съ А. В. Потаниной было непродолжительно, и въ каждую изъ нашихъ встрѣчъ было всегда довольно коротко, потому-что мнѣ случалось ее видѣть лишь въ промежуткахъ между однимъ конченнымъ и другимъ начинаемымъ вновь путешествіемъ. Тѣмъ не менѣе, я успѣлъ узнать и оцѣнить ее вполнѣ достаточно для того, чтобы навѣки быть ей благодарнымъ, а иногда и удивленнымъ ею.

Какъ смотрятъ на того человѣка, который привезетъ изъ далекихъ чужихъ странъ какихъ-то невиданныхъ красивыхъ птицъ, какую-то никому неизвѣстную до тѣхъ поръ породу животныхъ или насѣкомыхъ, какія-то невѣдомыя семейства травъ, растеній, цвѣтовъ, великолѣпныя орхидеи, какихъ-то чудесныхъ змѣй, жучковъ, бабочекъ? Смотрятъ на того человѣка съ большимъ почтеніемъ и любовью, потому-что онъ даетъ новые матеріалы для нашего знанія, а иногда и для нашего любованія, раздвигаетъ нашу мысль, расширяетъ наши горизонты. Точно такъ-же, а можетъ съ еще бо́льшимъ почтеніемъ и любовью смотрѣлъ я, со времени моего знакомства, и на А. В. Потанину, въ той области, которая мнѣ была особенно интересна и дорога: область народнаго художественно-бытового творчества. Я слышалъ давно уже и много про то, что́ такое были для нашей науки путешествія Г. Н. Потанина, и какую роль играла всегда въ нихъ его жена; я слыхалъ много разъ, какая это была совсѣмъ особенная, неутомимая и непоколебимая женщина, не отступавшая никогда отъ принятаго намѣренія: быть помощницей, товарищемъ, совѣтницей, другомъ своего мужа, не только во всѣхъ его житейскихъ и домашнихъ его дѣлахъ, но также и въ его интеллектуальныхъ, научныхъ предпріятіяхъ и трудахъ; я слыхалъ, съ какой энергіей, твердостью и самоотверженіемъ она выполняла это чудесное дѣло. Но сфера географіи, естественныхъ наукъ, путешествій и открытій настолько была далека отъ моей собственной дѣятельности, отъ моихъ задачъ, что я

никогда не воображалъ, что мнѣ когда-то придется быть въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ этой высоко-замѣчательной русской женщиной, что мнѣ придется съ самой личной, такъ сказать, съ самой эгоистической точки зрѣнія радоваться на ея труды, разысканія и открытія, и когда-то говорить о нихъ публично.

Мнѣ привелось познакомиться съ А. В. въ 1883 году, незадолго до начала *третьяго* путешествія мужа и жены Потаниныхъ въ Центральную Азію. Произошло наше знакомство совершенно случайно. Печатая превосходныя описанія своихъ путешествій, и для того разбирая свои путевыя замѣтки и наброски, Г. Н. Потанинъ заинтересовался подробностями одного религіознаго обряда дикихъ сибирскихъ язычниковъ Амурскаго края: задушеніемъ веревками медвѣдя, при чемъ народъ тутъ тянетъ веревки въ разныя стороны. Разыскивая подходящіе факты, подобнаго-же рода, въ миѳологіи и религіозныхъ преданіяхъ другихъ народовъ, Г. Н. съ удивленіемъ встрѣтилъ, однажды, у знаменитаго французскаго археолога Дидрона разсказъ о скульптурномъ барельефѣ одной древней французской церкви романской эпохи, т. е. X, XI или XII в. по Р. Х. На этомъ барельефѣ былъ, по разсказу Дидрона, представленъ какой-то звѣрь, похожій на медвѣдя, удушаемый веревкой, которую народъ тянетъ въ разныя стороны. Какъ извѣстно, на древнихъ европейскихъ средневѣковыхъ церквахъ и соборахъ, не только романскаго, но даже готическаго времени, нерѣдко встрѣчаются изображенія, идущія еще изъ языческой народной древности, и Г. Н. желалъ знать, какъ объясняютъ эту сцену археологи и историки искусства. Для этого, Г. Н. и пришелъ ко мнѣ въ Императорскую публичную библіотеку, надѣясь получить у насъ нужныя ему свѣдѣнія. Мы познакомились съ нимъ и хорошо сошлись, что́, само собою разумѣется, иначе не могло быть съ такимъ симпатичнымъ, интереснымъ и полнымъ знанія человѣкомъ, какъ Г. Н. Потанинъ. Въ одну изъ нашихъ бесѣдъ, вдругъ приходитъ къ намъ и А. В., которая кончила свои занятія въ общей читальной залѣ публичной библіотеки, и собиралась воротиться домой съ мужемъ. Отъ этой маленькой, ничтожной случайности произошло наше знакомство. Какъ я былъ благодаренъ потомъ этой случайности! Не будь ея, Потанины, бывшіе тогда уже на мази къ отъѣзду, уѣхали-бы въ свое далекое-далекое путешествіе, а оно продолжалось цѣлыхъ *три года*, и, кто знаетъ, можетъ быть я такъ никогда и не узналъ-бы А. В. Но что это была бы за потеря для меня!

Впечатлѣніе, произведенное на меня А. В., было совершенно особенное. Она не была красива, но въ ней было что-то такое, необыкновенно-притягательное для меня. Въ ея лицѣ была какая-то страдальческая черта,

которая дѣлала мнѣ ее необыкновенно симпатичною, хотя мнѣ вовсе не было извѣстно, ни тогда, ни теперь, были-ли у ней въ самомъ дѣлѣ страданія въ жизни. Но это были какія-то исключительныя черты, глубоко нарѣзанныя на ея блѣдномъ, серьезномъ лицѣ, и я не могъ смотрѣть на нее безъ особеннаго чувства, совершенно необъяснимаго и мнѣ самому. У ней былъ взглядъ такой, какой бываетъ у людей, много думающихъ, много читавшихъ, много видѣвшихъ и проводящихъ свою жизнь въ томъ, что много видятъ, много читаютъ и много думаютъ. Иногда этотъ взглядъ казался разсѣяннымъ и потеряннымъ, но все таки необыкновенно сосредоточеннымъ и углубленнымъ. Я такихъ людей и такіе взгляды люблю, признаюсь, и съ тѣми людьми непремѣнно знакомлюсь—и близко. У нихъ и шутки, и веселости, все какія-то серьезныя, не похожія на то, что обыкновенно видишь у другихъ. У нихъ цѣлый день всякое лыко въ строку: милаго, граціознаго порханія и пустяковины у нихъ нѣтъ въ заводѣ.

И вотъ, такимъ-то образомъ я тотчасъ-же постарался познакомиться съ этой особенной женщиной, въ которой я сразу чувствовалъ какую-то необыкновенную прочность душевную и надежность умственную. Мы сразу познакомились и стали точно будто старинные знакомые. Мы стали видаться. Послѣ разговоровъ общихъ, я сталъ разспрашивать ее, *когда, скоро*-ли они ѣдутъ, въ какія именно азіатскія мѣста, и что̀ она, Александра Викторовна, намѣрена въ особенности наблюдать или изслѣдовать? Она постоянно отвѣчала мнѣ: «Куда я ѣду? Зачѣмъ? Помогать мужу. Что онъ укажетъ, чѣмъ онъ самъ будетъ заниматься, тѣмъ и я. Ему нельзя поспѣть все сдѣлать—у него столько хлопотъ, столько работы, вотъ я и вздумала дѣлать все, чего онъ не поспѣетъ... Да сверхъ того, путешествія, наблюденія — мнѣ только радость».—«Конечно, конечно, Александра Викторовна, отвѣчалъ я,—ничуть не сомнѣваюсь, что главная ваша цѣль именно эта, и вы ее чудесно исполняете. Заслуги вашего мужа—велики и несомнѣнны, всѣ ихъ глубоко цѣнятъ. Но мнѣ кажется по всему, что у васъ есть тоже и своя *собственная* задача, исключительно вамъ принадлежащая: задача этнографическая, *вещевая*. По вашимъ разговорамъ, по тому, какъ вы интересуетесь тѣми предметами, какіе я вамъ показываю изъ нашихъ собраній, библіотечныхъ—*громадныхъ*, и моихъ собственныхъ—*капельныхъ*, но все-таки кое-что заключающихъ, я не могу не думать, что въ этнографической области вы многое свое собственное преслѣдуете, замѣчаете, заносите на свои листики...» И дѣйствительно, Александра Викторовна съ необыкновеннымъ, совершенно особеннымъ интересомъ разсматривала *костюмы, наряды, орнаменты, рисунки* и *фигуры* множества предметовъ домашней и ежедневной жизни, преимущественно азіатскихъ народностей, которые я ей показывалъ въ атласахъ и великолѣпныхъ увражахъ нашей би-

бліотеки, уже напечатанные, все въ краскахъ, или-же въ рисункахъ отъ руки, но тоже въ краскахъ, мнѣ принадлежащихъ. Въ то время я еще былъ полонъ горячаго интереса и восхищенія, вспоминая нашу чудесную Московскую Всероссійскую выставку 1882 года (т. е. выставку, видѣнную мною всего *за годъ* до знакомства моего съ Григ. Ник. и Алекс. Викт. Потаниными). Я былъ тогда просто пораженъ неизмѣримымъ богатствомъ азіатскихъ предметовъ, полныхъ красоты и оригинальности, на этой выставкѣ; на нихъ я не могъ насмотрѣться тамъ. Множество предметовъ оттуда было у меня тогда-же срисовано, мною самимъ или молодыми хорошими рисовальщиками, по моей просьбѣ или заказу. И я показывалъ Алекс. Викт. эти рисунки: тутъ были рисунки превосходныхъ ковровъ изъ Терской области, изъ Дагестана, изъ разныхъ мѣстностей Сѣвернаго Кавказа, рисунки хивинскихъ шитыхъ тебетеекъ (ермолокъ), коканскихъ поясовъ съ серебряными чеканными и эмалевыми бляхами, туркестанскихъ халатовъ, киргизскихъ узорочныхъ стременъ, хивинскихъ и бухарскихъ ковровъ, мозаичныхъ (изъ цвѣтныхъ кожъ) мужскихъ и женскихъ сапоговъ изъ Казани, казанскихъ-же шитыхъ золотомъ и серебромъ шапочекъ, верблюжьихъ поясовъ изъ Туркестана, и т. д. и т. д. Сверхъ того, я чуть не благоговѣлъ передъ изданіемъ Симакова, «Искусство Средней Азіи», которое вышло въ свѣтъ тоже всего за годъ до моего знакомства съ Потаниными—въ 1882 г., и котораго, буди сказано мимоходомъ, никто у насъ не хотѣлъ тогда знать, да и теперь не хочетъ знать, невзирая на всѣ мои вопли и стенанія въ печати, и еще болѣе невзирая на то, что это изданіе, по красотѣ внѣшности, по важности содержанія, по новымъ художественнымъ матеріаламъ, дѣлаетъ намъ громадную честь передъ всей Европой, которая насъ за то и оцѣниваетъ по достоинству. Но- по французской пословицѣ, «nul n'est prophète en son pays», а иностранцы еще не успѣли по порядку и въ подробности втолковать и разъяснить намъ, что вотъ сколько у насъ есть важныхъ и хорошихъ вещей. Ну, да это ничего, авось всему придетъ своя очередь.—Итакъ, всѣ эти восточныя превосходныя вещи, узнанныя мною въ 1882 г., сильно радовали и восхищали меня также и въ 1883 г., и я радъ былъ радехонекъ, находя себѣ теперь новаго *партнера*, который, вмѣстѣ съ немногими другими, *вистовалъ* мнѣ, и съ которымъ мнѣ можно было всласть восхищаться и восторгаться народнымъ творчествомъ и красотой. И это была женщина! Не истинное-ли чудо? Но въ одну прекрасную минуту среди нашихъ радостей и ликованій съ Алекс. Викт., заговорилъ тоже и Григорій Николаевичъ, до тѣхъ поръ хранившій строгое молчаніе, но, невзирая на свое какъ-будто невозмутимое лицо, горячо любовавшійся на энтузіазмъ, знаніе и сердечное участіе жены въ важныхъ и хорошихъ народныхъ дѣлахъ. Онъ вдругъ заговорилъ:

«А вы не смотрите, Влад. Вас., что она все скромничаетъ. Только мужъ да мужъ все дѣлалъ. Вы спросите, сколько у ней у самой нарисовано въ путешествіи подобныхъ-же вещей, да еще какихъ интересныхъ»... Ну, конечно, я тотчасъ-же усердно присталъ къ моей собесѣдницѣ, и она принуждена была, сколько ни отговаривалась, со всѣми обязательными скромностями, «худымъ рисованьемъ» своимъ, «самоучествомъ» и прочимъ тому подобнымъ,—принуждена была принести мнѣ на другой день то, что у ней было зарисовано, въ дорогѣ и на стоянкахъ, то перомъ, то карандашемъ, то красками, изъ разныхъ любезныхъ и дорогихъ мнѣ *азіатчинъ*. Эти рисунки такъ и остались у меня навсегда съ тѣхъ поръ. Отъ меня они конечно перейдутъ на храненіе въ Императорскую публичную библіотеку. Вотъ они передъ вами. Но только пожалуйста не смущайтесь, господа, ихъ малымъ мастерствомъ и художественностью. Дѣло тутъ не въ этихъ качествахъ, впрочемъ очень почтенныхъ и всегда желательныхъ. Если бъ за 20, за 15, за 10 лѣтъ раньше, люди, окружавшіе Ал. Викт. въ ея молодости, да и она сама, съ ними вмѣстѣ, могли отгадать, кто она такая будетъ впослѣдствіи, куда судьба будетъ ее бросать, какіе важные, наиинтереснѣйшіе предметы она будетъ видѣть и описывать, вѣроятно ее постарались-бы совсѣмъ иначе поучить рисованью. Да, но вотъ бѣда. Никто ничего впередъ не знаетъ. Пословица говоритъ: «Зналъ-бы, гдѣ упадешь, подостлалъ-бы соломки». Но ничего впередъ не знаешь, соломки никакой никогда не подостлано, гдѣ надо. Однакоже, и безъ соломки Александра Викторовна надѣлала много полезнаго и хорошаго. Изъ ея путешествій второй половины 70-хъ годовъ были ею привезены: очень любопытные рисунки узоровъ, вырѣзанныхъ изъ желѣза съ насѣчкой серебряной, и украшающихъ сѣдла, подпруги и стремена киргизовъ Семипалатинской области, около озера Зайсана; далѣе, рисунки женскихъ серегъ изъ окрестностей города Хами, въ Восточномъ или Китайскомъ Туркестанѣ, наконецъ, вышитыхъ золотою и серебряною битью красныхъ суконныхъ женскихъ шапокъ изъ тѣхъ-же мѣстностей. Узнавъ эти рисунки и видя ихъ точность и вѣрность, я сталъ упрашивать Александру Викторовну обращать вниманіе, въ предстоящемъ ей путешествіи, на всяческіе узоры, рисунки и украшенія бытовыхъ предметовъ тѣхъ народовъ Средней Азіи и вообще далекаго Востока, которыхъ она собиралась посѣтить, и не только обращать вниманіе, но и зарисовывать ихъ со всею возможною точностью. Она раздѣляла мое мнѣніе о важномъ значеніи не только для художества, но и для исторіи культуры и религіи, многихъ изъ подобнаго рода украшеній, и потому обѣщалась. Въ особенности я просилъ ее присматриваться какъ можно внимательнѣе къ вышивкамъ по полотну нитками, которыя могутъ ей встрѣтиться въ Средней Азіи. Данныхъ у меня не было для того, чтобы сказать, что такія вышивки непремѣнно должны находиться

въ Средней Азіи, но право предполагать тамъ подобныя вышивки—я имѣлъ, видя рисунки среднеазіатскихъ тканыхъ ковровъ, какіе я встрѣчалъ еще въ 1870 году, въ среднеазіатскомъ отдѣлѣ всероссійской выставки въ Соляномъ городкѣ, въ Петербургѣ, а потомъ на всероссійской выставкѣ 1882 года, въ Москвѣ, наконецъ, въ изданіи Симакова (особенно важную и характерную роль играютъ здѣсь фантастическія птицы, стоящія парами въ профиль, одна къ другой лицомъ, голуби, пѣтухи, павлины,—и всадники, сидящіе на коняхъ не *въ профиль* отъ зрителя, а *лицомъ* къ нему). Сверхъ того, я просилъ Алекс. Викторовну обращать вниманіе на то, нѣтъ-ли какихъ эмалей на разныхъ бытовыхъ предметахъ и украшеніяхъ въ Монголіи, Тибетѣ, Китаѣ и Средней Азіи вообще. Къ этому я былъ въ особенности побуждаемъ тѣмъ, что нѣкоторые англійскіе археологи и изслѣдователи восточнаго искусства, разсматривая индійскія и персидскія эмали, начинали высказывать, хотя и робко и нерѣшительно, предположенія о томъ, что эмаль происходитъ не изъ арійской какой-бы то ни было родины, какъ прежде предполагалось, не изъ среды индійскихъ и персидскихъ народностей, а изъ среды народностей тюркскихъ. Я разсказывалъ Алекс. Виктор., въ общихъ чертахъ, положеніе настоящаго вопроса, важность его рѣшенія и указывалъ на необходимость новыхъ матеріаловъ прямо изъ среды азіатской жизни. Сверхъ общаго интереса, у меня былъ при этомъ и интересъ особенный. Въ то время, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, мы, нѣсколько человѣкъ, были сильно заняты приготовленіемъ къ изданію А. В. Звенигородскаго: «Исторія и памятники византійской эмали», и вопросъ о томъ: откуда идутъ на свѣтѣ эмали, предшествовавшія византійскимъ, много занималъ насъ. А. В., улыбаясь своею тихою, кроткою улыбкою, сказала: «Извольте, обѣщаю всѣмъ этимъ заняться, все сдѣлаю для вашихъ вопросовъ, что могу. Пришлю или привезу вамъ что только можно». И она исполнила свое обѣщаніе.

Мои ожиданія не обманули меня. Александра Викторовна Потанина ничего не забыла, все сдѣлала и привезла съ собою изъ *третьяго* путешествія съ мужемъ по Центральной Монголіи (продолжавшагося съ 15-го августа 1883 г. по 22 октября 1886 года), документы по художественно-этнографической части, чрезвычайной, значительной важности. Я ихъ получилъ отъ нея весной 1887 года.

Это было цѣлое (хотя и маленькое, но очень характерное) собраніе рисунковъ, съ изображеніями эмалей на разныхъ предметахъ женскаго убора (преимущественно убора головного) изъ провинціи или княжества Ордосъ, а также изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго Китая (мѣстечко Тао-Тунза). Нѣкоторыя изъ этихъ эмалей находились на *тарулгѣ* (налобникѣ, по-монгольски), другія на подвѣскахъ и другихъ украшеніяхъ монголокъ; у китаянокъ-же эмали оказывались на той ме-

таллической скобѣ, которая проходитъ сквозь деревянную подставку, на которую намотана коса китаянки. Какого происхожденія эти эмали, и заимствованы-ли онѣ китайцами отъ монголовъ, или монголами отъ китайцевъ, покуда сказать трудно, но вѣроятнѣе всего, что онѣ идутъ отъ *тюркскихъ племенъ*, занимавшихъ мѣстность Ордоса раньше монголовъ, переселившихся туда, по преданію, лишь въ XIII вѣкѣ по Р. Хр. Въ настоящее время большинству даже китайской орнаментики лучшіе знатоки восточнаго искусства, какъ напримѣръ Owen Jones, приписываютъ происхожденіе древне-тюркское. Но, какъ-бы ни было, эти рисунки монгольскихъ и китайскихъ эмалей, до 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія вовсе неизвѣстныхъ въ Европѣ, сдѣлались достояніемъ науки: я сообщилъ эти рисунки профессору Кондакову, писавшему текстъ въ упомянутомъ мною выше изданіи А. В. Звенигородскаго: «Исторія и памятники византійской эмали»; онъ призналъ ихъ важность, рисунки эти напечатаны въ великолѣпной этой книгѣ, и авторъ про нихъ говоритъ въ своемъ текстѣ: «Рисунки эмалей монгольскихъ, изображенныхъ на нашей таблицѣ 26-й, сдѣланы въ Монголіи путешественницей А. В. Потаниной, и принадлежатъ В. В. Стасову. Въ этихъ рисункахъ являются элементы, извѣстные намъ въ Европѣ на пространствѣ отъ VI по X столѣтіе по Р. X. *) и типы, твердо установившіеся въ Сѣверной Индіи около IX вѣка. Эмалью украшаются у монголовъ преимущественно серебряныя ювелирныя издѣлія: подвѣсныя бляшки, діадемы изъ бляхъ съ большими пряжками надъ лбомъ, съ поднизями изъ жемчуга и коралловыми украшеніями, а также подобные головные уборы и повязки. Жемчужина или кораллъ составляетъ центръ: кругомъ условная схема цвѣтка (какъ въ бухарскихъ тканяхъ) расцвѣчена самими листками, желтыми почками, или-же волюты кругомъ зерна налиты синею эмалью; иногда въ синемъ кругѣ лиловая сердцевина и т. д. Издѣлій этихъ, видимо, нисколько не коснулось вліяніе арабскаго стиля, и уже поэтому они заслуживаютъ быть разсмотрѣнными среди *древнихъ* типовъ азіатскаго искусства...»

Но, кромѣ этого важнаго вклада въ науку народной цивилизаціи и этнографіи, А. В. Потанина привезла мнѣ изъ своего 3-го путешествія еще одинъ предметъ, сильно меня поразившій. Это именно былъ небольшой платокъ, носимый у пояса жителями восточнаго склона Тибетскаго нагорія (Западный Сычуань). Онъ вышитъ по бѣлой бязи синими нитками, въ крестикъ, подобно нашимъ обычнымъ крестьянскимъ вышивкамъ, и даже въ самыхъ узорахъ представляетъ нѣкоторое сход-

---

*) Т. е., прибавимъ мы отъ себя, въ эпоху господства въ Европѣ *романскаго*, родомъ *азіатскаго* стиля, принесеннаго въ Европу, начиная со времени такъ-называемаго «переселенія народовъ».

ство съ нашими народными узорами. Такъ, напримѣръ, средняя звѣзда имѣетъ величайшее сходство со множествомъ подобныхъ же звѣздъ, вышитыхъ крестикомъ на русскихъ полотенцахъ, платкахъ и т. д. Она 8-ми угольная, какъ и наши, и наполнена, въ четырехъ своихъ углахъ бѣлыми *крестами,* равно какъ ими-же наполнены, какъ у монголовъ, такъ и у насъ очень часто, цвѣтки, входящіе въ составъ орнаментистики. Въ четырехъ мѣстахъ, кругомъ главной фигуры, помѣщены изображенія *свастики* 卍, т. е. креста съ загнутыми краями, а эта *свастика* относится къ числу древнѣйшихъ фигуръ восточной орнаментаціи, перешедшихъ впослѣдствіи и въ Европу. *Свастика* принадлежитъ не одной буддійской Индіи, а также Индіи болѣе раннихъ временъ, и гдѣ былъ ея первоначальный корень—того до сихъ поръ неизвѣстно. Но, какъ-бы ни было, на разсматриваемой мною вышивкѣ, по середкѣ, между *свастиками,* помѣщены четыре фигуры, которыя суть тѣ-же самыя, которыя мы видимъ на эмаляхъ монгольскихъ головныхъ уборовъ, и которыя носятъ тамъ названіе *орбальджинъ*—бабочка. Въ общемъ-же, звѣзда эта воспроизводитъ собою одну изъ чрезвычайно распространенныхъ символическихъ фигуръ древняго и новаго Востока. Она представлена на стр. 184 тома сочиненій А. В. Потаниной, и, по объясненію Гр. Ник. Потанина (*объясненіе рисунковъ*), «предохраняетъ отъ молніи, и для того изображается на флагахъ судовъ, на потолкахъ въ жилыхъ комнатахъ, выбривается на темени дѣтей, отливается на храмовыхъ медаляхъ, рисуется на бубнахъ, на деревянныхъ торцахъ для гаданья въ кумирняхъ и проч.» Въ свою очередь *свастика* тоже есть сильно распространенная символическая фигура,—*знакъ огня и солнца,* и также фигура, служащая для предохраненія отъ бѣдъ. Мы всего этого и многаго подобнаго-же не могли-бы и подозрѣвать, глядя на русскія вышивки и держа ихъ, безъ всякихъ объясненій отъ кого-нибудь, въ своихъ рукахъ; но ихъ, древнее, религіозное значеніе мало-по-малу начинаетъ разъясняться и указываетъ на древнѣйшія связи Россіи съ Востокомъ, на происхожденіе съ Востока многихъ такихъ предметовъ, которые мы привыкли считать коренными и издревле русскими.

Я тотчасъ-же сталъ просить А. В. вывезти изъ будущаго 4-го ея путешествія по Монголіи и Тибету какъ можно больше образцовъ такого-же вышиванья; я слишкомъ ясно видѣлъ ихъ важность. Ал. Викт. еще новый разъ исполнила мою просьбу, со всегдашнею своею добротой, заботливостью и обязательностью. Въ 1892 году она собрала цѣлую коллекцію монгольскихъ вышивокъ, нарочно для меня. Но эта коллекція представляла еще болѣе значительности и важности, чѣмъ впервые привезенный въ 1887 году платокъ: многіе изъ предметовъ коллекціи

были вышиты не только *крестикомъ*, а и *въ клѣтку* (шитье *двустороннее*), т. е. такимъ способомъ, что шитье выходитъ совершенно одинаково и съ правой и съ лѣвой стороны, а это признается древнѣйшимъ русскимъ шитьемъ. «Такія вышивки, говоритъ Г. Н. Потанинъ въ «объясненіи рисунковъ» тома сочиненій своей глубоко-уважаемой супруги, встрѣчаются *только* въ провинціи Сычуань, къ сѣверу отъ города Ченъ-Ту (столицы этой провинціи), и до Чжао-Хуа, по р. Цзянь-лу-узяну и до Лунь-ан-Фу, по р. Бо-цзяну, и сѣвернѣе»... Какое ихъ употребленіе на практикѣ? На это отвѣтъ даетъ мнѣ одно письмо Гр. Ник. Потанина, написанное мнѣ въ іюлѣ прошлаго 1894 года, вслѣдствіе моихъ вопросовъ. Онъ пишетъ мнѣ: «Открытіе вышивокъ въ Сы-Чуанѣ и оцѣнка ихъ интересности принадлежитъ, среди членовъ нашей экспедиціи, исключительно моей женѣ. Если-бы она не обратила на нихъ вниманія, я ихъ не замѣтилъ-бы. Районъ распространенія этихъ вышивокъ—очень ограниченный. По нашей дорогѣ черезъ провинцію Сы-Чуань мы встрѣчали ихъ только на пространствѣ отъ «Хуа-Чжоу на сѣверѣ до Я-Чжоу на югѣ. Длинныя широкія вышитыя *полосы* (около 3 аршинъ длины) для чего предназначаются, точно не знаю. Только это не полотенца и не части одежды. Я думаю, что это подзоры къ столамъ. Китайцы подвѣшиваютъ къ краямъ верхней доски у столовъ, особенно тѣхъ, которые стоятъ передъ божницами — полосы цвѣтной матеріи. Вышивокъ другой ниткой, кромѣ синей, намъ не встрѣчалось *Платки* также не принадлежатъ къ платью. Это не носовые платки. Они употребляются, чтобы что-нибудь покрывать. Идетъ китаецъ съ дѣтьми въ новый годъ посѣтить свою тещу или старшаго брата, онъ несетъ съ собой подарки: фрукты, печенья, вермишель и проч. Эти подарки уложены въ корзинку, и сверху прикрыты подобнымъ вышитымъ платочкомъ или другимъ какимъ лоскутомъ. Если есть классификація тканьевыхъ предметовъ, эти платки попадутъ въ одну группу не съ носовыми платками, а съ «воздухами». Длинныя и узкія полоски—*пояса*. Не удалось намъ пріобрѣсти *набрюшника* (о которомъ вы спрашиваете) съ такими-же вышивками, но бываютъ; я самъ видѣлъ такіе набрюшники на китайцахъ. Ихъ носятъ мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти, послѣднія на голомъ тѣлѣ, первые поверхъ всего остального платья, чтобы щегольнуть узоромъ. Такой набрюшникъ имѣетъ подкладку, въ которой вырѣзано устье, такъ что набрюшникъ пріобрѣтаетъ видъ кармана; въ немъ носятъ мелкія деньги и другія мелкія вещи. Особый способъ складыванія платковъ съ загнутыми уголками (о которомъ вы спрашиваете) не имѣетъ другого значенія, кромѣ какъ проявленіе эстетическаго вкуса. Вышивки идутъ на подарки, которыми крестьяне сопровождаютъ праздничныя и свадебныя поздравленія. Платокъ складывается только для того, чтобы сконцентрировать вышивки, чтобы для глаза вышла болѣе красивая фигура».

Эти драгоцѣнные для русской этнографіи новые документы я получилъ уже послѣ смерти Александры Викторовны. По ея порученію, супругъ ея Григорій Николаевичъ Потанинъ привезъ мнѣ всю эту коллекцію весной 1894 года, послѣ того какъ предалъ землѣ, въ Кяхтѣ. тѣло дорогой своей жены, спутницы и помощницы.

Я придаю очень высокое значеніе этому открытію Александры Викторовны: оно проливаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя подробности домашняго быта русскаго народа и на древнія связи нашего отечества съ Востокомъ. Тому 20 лѣтъ назадъ, въ своемъ сочиненіи «Русскій народный орнаментъ» (С.-Петербургъ, 1872 г.), я пробовалъ указывать на сходство русскихъ народныхъ вышивокъ, во-первыхъ, съ орнаментикой древнихъ русскихъ рукописей XII, XIII и XIV вѣка, а во-вторыхъ съ финскими вышивками и древне-персидскимъ орнаментомъ. Теперь, благодаря А. В. Потаниной, горизонтъ этого вопроса широко раздвигается и уходитъ въ еще бо́льшую сѣдую древность. Конечно, потребуются еще усилія многихъ изслѣдователей, чтобъ рѣшить предметъ этотъ во всей полнотѣ и подробности, нужны для того еще многіе и многіе матеріалы, но честь почина и открытія навсегда будетъ принадлежать той, чью память мы сегодня чествуемъ.

Ея прахъ почіетъ въ Кяхтѣ, на границахъ Россіи и Азіи. Я подумалъ, что въ ближайшемъ къ тому мѣсту научномъ русскомъ центрѣ хорошо было-бы хранить память о великой заслугѣ нашей путешественницы и изслѣдовательницы, и съ этою цѣлью я упросилъ А. В. Звенигородскаго, издателя упомянутаго мною выше великолѣпнаго изданія: «Исторія и памятники византійской эмали», подарить экземпляръ этой книги, не находящейся въ продажѣ, въ музей Иркутскаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, такъ какъ въ этой книгѣ помѣщены *впервые* вывезенные ею изъ Монголіи рисунки восточно-азіатскихъ эмалей, и разсказывается объ этомъ ея открытіи. Пусть и люди далекихъ сибирскихъ нашихъ мѣстностей знаютъ, видятъ и читаютъ, что̀ сдѣлала не только для нашей, но и для европейской науки, одна изъ русскихъ женщинъ, однажды долго среди нихъ жившая. Другія будущія изданія отдадутъ, конечно, однажды всю честь и выскажутъ всю благодарность А. В. также и по части открытія древне-азіатскихъ народныхъ вышивокъ, прототиповъ и предковъ нашихъ русскихъ народныхъ вышивокъ.

Господа! А. В. Потанина принадлежитъ къ новой породѣ женщинъ въ Европѣ: къ числу тѣхъ женщинъ, которыя сбрасываютъ съ себя цѣпи вѣкового моральнаго рабства и пробуютъ примкнуть къ той-же интеллектуальной дѣятельности, на которой мужчина уже столько сто-

лѣтій проявлялъ всю свою силу дарованія, ума, иногда генія. Мнѣ кажется, въ иныхъ отношеніяхъ справедливо будетъ сказать, что современная женщина стоитъ выше современнаго мужчины. Мужчина — тотъ уже давно отвоевалъ себѣ свое мѣсто, права, признаніе дѣятельности. Женщина-же должна еще всего этого достигать, бороться, завоевывать. Но кто бодро идетъ впередъ, кто стремится храбро и сильно, кто починаетъ, кто завоевываетъ себѣ право, болѣе интересенъ въ тѣ минуты, чѣмъ тотъ, кто уже стоитъ прочно, и свободно дѣйствуетъ. Женщинъ, стремящихся и дѣйствующихъ, теперь, ко всеобщему нашему счастію, уже много, и число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается. Между все возростающею ихъ массою, во всѣхъ отросляхъ интеллигенціи и культуры, я укажу только на двухъ, по роду дѣятельности схожихъ съ А. В. Потаниной. Одна изъ нихъ—гречанка, другая—француженка. Обѣ дѣйствовали лишь немногимъ ранѣе ея. Первая, Софія Шлиманъ, была женой знаменитаго Шлимана, открывателя Трои, Микенъ. Орхомена и другихъ великихъ остатковъ древности. Шлиманъ былъ вначалѣ купецъ, жилъ у насъ на Васильевскомъ Острову, и никто о немъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Но вотъ онъ страшно разбогатѣлъ, сдѣлался почти милліонеромъ, и тутъ-то принялся за то дѣло, которое было его мечтой съ юныхъ лѣтъ, съ отрочества, чуть не съ дѣтства: открыть древнюю Трою, воскресить «Иліаду«. Онъ отлично выучился классическимъ языкамъ, прочиталъ цѣлыя библіотеки объ интересовавшемъ его предметѣ, совершилъ множество путешествій, казавшихся ему нужнымъ приготовленіемъ, и, наконецъ, приступилъ къ своей колоссальной работѣ. Труда, усилій, неудачъ, неподѣлокъ, была безмѣрная громада, но онъ со всѣмъ справился, все преодолѣлъ. И кто-же ему помогалъ? Женщина. И какая женщина? Молодая, изящная—говорятъ, настоящая древняя красавица гречанка, страстная любительница веселій, баловъ, всего молодого, живого и увлекательнаго, и все-таки серьезная на дѣло, могучая, энергическая помощница своего мужа. Подоткнувъ подолъ грубой работнической одежды и засучивъ рукава, она работала лопатой какъ самый простой работникъ, рыла, копала, перебрасывала груды земли и камней, и тутъ-же вмѣстѣ надсматривала за работами и за рабочими, вела дневникъ и счеты, производила уплаты, и такъ безъ конца. А когда вдругъ вынырнвала изъ земли какая-нибудь драгоцѣнная находка, она, затаивъ ее отъ толпы наемныхъ, часто жадныхъ и опасныхъ работниковъ, и ничуть не подавая вида, распускала ихъ на отдыхъ, а сама, закутавъ свою новую драгоцѣнность въ свой платокъ съ плечъ, украдкой уносила ее къ себѣ въ баракъ, или палатку, и укладывала подъ надежные замки. Въ своей «Автобіографіи» Шлиманъ не находилъ потомъ словъ, чтобъ похвалить свою милую помощницу, свою дорогую жену—красавицу, эту въ Аѳинахъ богачиху, танцорку и бальную даму,

а тутъ — храбрѣйшаго и неутомимѣйшаго между всѣми работника-женщину. Когда онъ умеръ, она напечатала его превосходную и важную біографію. —Другая такая женщина была—Жанна Дьелафуа, жена знаменитаго путешественника и открывателя Сузъ и многихъ другихъ городовъ древне-персидскаго царства. Она тоже сопутствовала мужу всегда и повсюду, сама работала, сама распоряжалась, напечатала нѣсколько превосходныхъ и важныхъ книгъ объ открытіяхъ мужниныхъ и своихъ собственныхъ, и вмѣстѣ съ мужемъ привезла въ Парижъ и поставила въ Луврскомъ музеѣ цѣлыя громадныя стѣны съ цвѣтными барельефами (изъ маіолики), изображающими шествіе древнихъ гвардейцевъ-персовъ царя Дарія. Заслуги ея были такъ серьезны и велики, что французское правительство дало ей орденъ Почетнаго Легіона. Вотъ какія были предшественницы, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, у нашей А. В. Потаниной. Вотъ къ какому племени и породѣ она примыкаетъ.

Господа! У насъ нѣтъ ордена Почетнаго Легіона, и крестовъ у насъ женщинамъ не даютъ. Но у насъ уже начинается «легіонъ почетныхъ женщинъ», и, кажется, онъ скоро выростетъ широко и могуче. Въ немъ одною изъ первыхъ, первоначальныхъ, будетъ, однажды, навѣрное, считаться та, чей портретъ, среди креповъ и пальмъ, стоитъ теперь вотъ передъ вами всѣми. Позвольте-же мнѣ предложить вамъ, господа, провозгласить этой нашей дорогой женщинѣ:

Слава, слава, слава!

В. Стасовъ.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Что такое Россія и что ей нужно? Вотъ вопросы, на которые, по мнѣнію «охранителей», они одни могутъ дать и всегда давали одинъ и тотъ-же опредѣленный и ясный отвѣтъ. Какой отвѣтъ они могутъ дать,— пока неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ былъ-бы по счету третьимъ, такъ какъ они уже дали два опредѣленныхъ отвѣта.

До октября прошлаго года «охранительная» печать доказывала, что только послѣдніе люди, въ родѣ нашихъ либераловъ, могутъ безъ краски стыда на лицѣ хлопотать для Россіи о какомъ-то мѣстѣ въ семьѣ западныхъ народовъ. Конечно, географическія условія вынуждаютъ Россію жить рядомъ съ этими народами, но, къ счастію, *рядомъ* еще не значитъ *среди*, и тѣ-же географическія условія избавляютъ насъ отъ необходимости быть членами ихъ семьи. Россія можетъ и должна жить на ряду съ западными сосѣдями своей самобытной россійской жизнью. Въ этомъ состоитъ провиденціальное историческое назначеніе Россіи. Въ октябрѣ прошлаго года вся эта исторія съ провиденціальнымъ назначеніемъ была передѣлана. Тѣ-же органы «охранительной» печати съ равнымъ успѣхомъ стали доказывать, что для Россіи провиденціально назначена самая главная роль въ семьѣ западныхъ культурныхъ народовъ. Говорятъ они объ этой роли высокимъ стилемъ. Оказывается, что историческая миссія Россіи сводится къ огражденію мира среди культурныхъ народовъ запада, къ охраненію благъ культуры, къ обезпеченію всѣмъ мирнаго и спокойнаго ими пользованія для столь-же мирнаго и спокойнаго преуспѣянія. Роль, безспорно, и великая и завидная. Будемъ вѣрить, что по чувству патріотизма «охранители» желаютъ сохранить ее за Россіей, но въ то-же самое время по чувству грубаго эгоизма они желаютъ отстоять свое право на существованіе, хотя то и другое несовмѣстимо. Они прекрасно понимаютъ, что отстаиваемая ими историческая миссія Россіи среди культурныхъ

народовъ обязываетъ ее жить общей жизнью съ этими народами. Чтобы охранять миръ между культурными народами—нужно самому быть культурнымъ и въ своей домашней жизни вести войну не противъ культурныхъ основъ общежитія, а—въ ихъ пользу. Охранители-же олицетворяютъ въ себѣ войну не за, а противъ культурныхъ формъ общежитія. Такимъ образомъ, принятая ими на себя миссія по отношенію къ внутренней жизни Россіи является прямой войной противъ той миссіи, которая, по ихъ собственному мнѣнію, выпала на долю Россіи по отношенію къ культурнымъ народамъ запада. Въ виду этого, «охранителямъ» остается или подписаться подъ давно заслуженной ими кличкой враговъ отечества или доказать свой патріотизмъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Патріотизмъ обязываетъ ихъ подчинить свою миссію интересамъ отечества. Если они не желаютъ быть врагами отечества, то должны сдѣлать радикальный поворотъ, по крайней мѣрѣ, въ двухъ пунктахъ. Вмѣсто разныхъ эмпирическихъ попытокъ разыскать ключъ къ тому секретному будущему, которое должно быть нашимъ удѣломъ въ нашей внутренней жизни, они должны видѣть рѣшеніе этой загадки въ общихъ идеяхъ и общихъ началахъ культурной жизни человѣчества. Это во первыхъ. Во вторыхъ, они не должны злоупотреблять слабой культурностью Россіи и, ссылаясь на нее, не должны требовать, чтобы Россія всегда оставалась малокультурной страной. Бросивъ свое двусмысленное отношеніе къ школѣ, которая, въ лучшемъ случаѣ, все-таки является той одной ласточкой, которая весны не дѣлаетъ, они должны вспомнить слѣдующія слова Каткова: «иные думаютъ, что правило благоразумія, будто-бы, требуетъ не вдругъ заводить хорошее, но понемножку и по частямъ. У этихъ людей всегда на языкѣ незрѣлость общества, неразвитость народа и т. п. Они думаютъ, что дѣло пойдетъ лучше, если давать лучшее устройство понемногу. Къ сожалѣнію, они забываютъ, что всякая система можетъ развиваться и принести пользу только тогда, когда взяты ея начала во всей ихъ истинѣ и полнотѣ. Отрывочная система не только не приноситъ пользы, но причиняетъ существенный и, быть можетъ, непоправимый вредъ» *). Эти слова были сказаны Катковымъ по поводу подготовлявшейся великой судебной реформы. Судебная реформа, по Высочайшему соизволенію, должна была опираться не на эмпирическія экскурсіи въ область нашего самобытнаго прошлаго, а должна была подчиниться *общимъ идеямъ и тѣмъ общимъ началамъ*, «несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ». Общія же идеи и общія начала не могутъ толкать практическую политику на путь смѣлыхъ и рискованныхъ экспериментовъ. Они очищаютъ практическую политику отъ случайныхъ компромиссовъ съ началами ис-

*) «Русск. Вѣсти.» 1860 г., № 2.

тины и справедливости, а эти случайные компромиссы съ истиною и справедливостію, какъ показываетъ исторія, и ведутъ на путь смѣлыхъ и рискованныхъ мѣропріятій. Наоборотъ, реформы, построенныя на общихъ философскихъ и соціальныхъ идеяхъ, отрицаютъ игру съ правдой, отрицаютъ полу-правду и полу-справедливость. Вотъ почему и наша великая судебная реформа, будучи, по словамъ покойнаго Безобразова, памятникомъ «умственнымъ», опираясь не на эмпирическія данныя, а на общія идеи, могла быть только отрицаніемъ той благоразумной политики, которая «будто-бы требуетъ не вдругъ заводить хорошее, но понемножку и по частямъ». Она не считалась съ тѣми благоразумными политиками, которые, ссылаясь «на незрѣлость общества, неразвитость народа», всячески силились погубить тѣ учрежденія и порядки, которые могли-бы сдѣлать общество зрѣлымъ и народъ развитымъ. Дѣятели судебной реформы цѣнили по достоинству этихъ патріотовъ, но все-таки считали нужнымъ возражать имъ въ своихъ «соображеніяхъ», и серьезно разбирали вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между учрежденіями и развитіемъ общества. «Конечно, развитость народа, говорили они въ своихъ *Соображеніяхъ*,—имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежит также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва-ли не желательнѣе всякого иного учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятіе о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа представляетъ основаніе для скорѣйшаго введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые-бы вполнѣ его понимали».

Что-же показалъ опытъ? Обнаружилъ онъ заблужденія въ сужденіяхъ дѣятелей судебной реформы по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между учрежденіями и развитіемъ общества?

Для неблаговидныхъ патріотовъ, настаивавшихъ на полномъ согласованіи достоинства учрежденій съ незрѣлостью общества и неразвитіемъ народа во всемъ построеніи великой судебной реформы, не на экспериментальныхъ данныхъ, а на общихъ идеяхъ, наибольшимъ абсурдомъ представлялось введеніе суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ въ странѣ вчера освобожденныхъ рабовъ!.. Вѣдь это будетъ не судъ, а даровое представленіе либеральныхъ комедій. Къ сожалѣнію, даже тѣ люди, пониманію которыхъ могло быть доступно воспитательное значеніе культурныхъ учрежденій, робѣли предъ полнымъ признаніемъ и практическимъ примѣненіемъ той истины, что «хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество». Признавая великое воспитательное значеніе культурныхъ учрежденій, они считали судъ присяжныхъ въ странѣ вчерашнихъ рабовъ не нормальнымъ нововведеніемъ, а скачкомъ и скачкомъ

притомъ неосуществимымъ. «Между ними вставилъ и свое вѣское слово высокоталантливый ученый юристъ, лекціи котораго «о судебно-уголовныхъ доказательствахъ», читанныя въ 1860 г., оканчивались заявленіемъ о невозможности суда присяжныхъ для Россіи. Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ народъ до того нравственно простъ, что часто не разумѣетъ преступности большинства преступленій, — гдѣ онъ до того политически простъ, что считаетъ судъ страшилищемъ, а осужденныхъ несчастными,—гдѣ мѣсто уваженія предъ закономъ занимаетъ страхъ предъ начальствомъ и самый законъ разсматривается, какъ начальственный приказъ—тамъ не можетъ быть и рѣчи о судѣ присяжныхъ» *). Даже теперь, спустя 30 лѣтъ, введеніе суда присяжныхъ при судебной реформѣ 1864 г. — представляется не нормальнымъ, неизбѣжнымъ и естественнымъ, а какимъ-то весьма смѣлымъ шагомъ, предъ которымъ можно было отступить въ смущеніи.

Открывая совѣщанія прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ по вопросу о судѣ присяжныхъ, А. Ѳ. Кони сказалъ: «введеніе суда присяжныхъ въ странѣ только что освобожденной отъ крѣпостного права было весьма смѣлымъ шагомъ. Крѣпостныя отношенія, во всякомъ случаѣ, по существу своему, не могли быть школою для чувства законности ни для крестьянъ, ни для ихъ собственниковъ. А между тѣмъ и тѣ, и другіе—особливо первые, вчерашніе безправные люди,—призывались въ большомъ количествѣ, чтобы творить судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Можно было отступить въ смущеніи предъ возможностью полнаго непониманія ими своей задачи и ограничиться какими-либо полумѣрами, въ видѣ частичныхъ улучшеній стараго суда. Но составители судебныхъ уставовъ съ довѣріемъ отнеслись къ духовнымъ силамъ и къ здравому смыслу своего народа. Они рѣшились къ только что даннымъ людямъ сельскаго сословія гражданскимъ правамъ присоединить и высокую обязанность быть судьею. Это довѣріе нашло себѣ отзывъ и въ великодушномъ сердцѣ законодателя и смѣлый шагъ былъ сдѣланъ» **).

Сдѣланный смѣлый шагъ всегда даетъ поводъ къ возраженіямъ именно по причинѣ своей смѣлости. Оказанное довѣріе всегда можетъ вызывать вопросъ о томъ, насколько оно заслуженно и умѣстно. Смѣлый шагъ и довѣріе, какъ причина появленія какого-нибудь учрежденія, всегда сообщаютъ этому учрежденію субъективный, случайный характеръ и оставляютъ въ немъ слѣды явной или нѣкоторой рискованности. Такое учрежденіе можетъ входить въ плоть и кровь государственнаго организма, но это же будетъ результатъ случайный, а не естественный и напередъ очевидный. И если намъ на самомъ дѣлѣ приходится констатировать,

*) А. Кони. Спорный вопросъ нашего судоустройства. «Вѣстн. Европы» 1881 г., № 1.
**) Журналъ министерства юстиціи, февраль 1895 г.

что данное учрежденіе вошло въ плоть и кровь народа, хотя и являлось результатомъ сдѣланнаго смѣлаго шага и довѣрія, то мы съ ликованіемъ и радостью указываемъ на такія выигранныя послѣдствія. Радость и ликованіе, по случаю выигрыша, однако, не имѣютъ мѣста тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о будничной и самой обычной потребности государственнаго организма и о такомъ же естественномъ и обычномъ способѣ ея удовлетворенія. Удовлетвореніе естественной потребности не суррогатами, а неподдѣльными и натуральными продуктами не можетъ быть выраженіемъ довѣрія къ силамъ организма и не можетъ вызывать смущенія на счетъ послѣдствій. Наоборотъ, удовлетвореніе естественной потребности разными суррогатами является излишнимъ довѣріемъ къ силамъ организма и такимъ смѣлымъ шагомъ, предъ которымъ можно отступать въ смущеніи. Потребность въ правосудіи есть естественная потребность государства и народа, а судъ присяжныхъ есть такое же естественное, неподдѣльное, натуральное средство для ея удовлетворенія. Поэтому напередъ можно было сказать, что судъ присяжныхъ, не являясь ни смѣлымъ экспериментомъ, ни актомъ довѣрія, обязательно и непремѣнно войдетъ въ плоть и кровь государственнаго организма, какъ натуральное средство удовлетворенія одной изъ естественныхъ потребностей этого организма *). И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что судъ присяжныхъ не обнаружилъ слѣдовъ рискованности своего происхожденія, и спустя 30 лѣтъ, выражаясь словами А. Ѳ. Кони, «столь глубоко вошелъ въ русскую жизнь, что едва-ли можетъ серьезно и безпристрастно быть возбуждаемъ вопросъ объ его отмѣнѣ **)».

Вотъ почему совѣщанію прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ былъ предложенъ на обсужденіе «вопросъ не о возможности отмѣны этой формы уголовнаго правосудія, а лишь о *дѣятельности присяжныхъ* и о томъ, нужны-ли и какія именно измѣненія въ этомъ учрежденіи ***)». Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ, въ свою очередь, былъ отданъ подъ судъ и подъ судъ такихъ строгихъ для него судей, какъ предсѣдатели и прокуроры судебныхъ палатъ. Назначеніе такого строгаго суда надъ судомъ присяжныхъ если вообще и можно было-бы признать несогласнымъ съ интересами полной объективности, то, по условіямъ времени, его слѣдуетъ признать весьма цѣлесообразнымъ. Благопріятный приговоръ такого суда надъ судомъ присяжныхъ долженъ былъ успокоить общество на счетъ дальнѣйшей судьбы основныхъ гарантій правосудія и усмирить разрушительныя страсти нашихъ «охрани-

---

*) Ближе всѣхъ къ истинѣ стоялъ А. М. Унковскій, утверждая, что «судъ присяжныхъ годится одинаково *для всѣхъ народовъ и для всѣхъ степеней развитія*». См. Джаншіевъ, А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, приложенія, стр. 6.

**) Журналъ министерства юстиціи, февраль 1895 г.

***) Ibid.

телей». И на самомъ дѣлѣ, судъ присяжныхъ былъ оправданъ судомъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ. «По вопросу объ удовлетворительности дѣятельности присяжныхъ засѣдателей большинство членовъ совѣщанія (18) пришло къ выводу, что по дѣятельности своей этотъ судъ не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особливо, въ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости». Меньшинство совѣщанія представляли всего два члена, но въ результатѣ получился «общій выводъ безусловно на пользу присяжныхъ. Судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни *)».

Такимъ образомъ, самые строгіе судьи признали естественное воспитательное значеніе суда присяжныхъ и признали его лучшимъ судомъ, какой только могли себѣ представить для дѣлъ серьезныхъ вообще и въ частности для дѣлъ, связанныхъ съ тонкими уликами. Отъ сокращенія и ограниченія дѣятельности такого суда должны пострадать интересы строгой уголовной репрессіи по дѣламъ серьезнымъ вообще и въ особенности серьезнымъ по своей политической окраскѣ. Судъ присяжныхъ и есть «*ревностный стражъ общественной безопасности и строгій судья злодѣяній*». Такъ говоритъ проф. И. Фойницкій и въ этомъ пунктѣ нуждаются въ напоминаніи азбучныя истины, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не всегда и не всѣмъ доступныя, хотя и общепризнанныя даже въ нашей офиціальной литературѣ. Тотъ же товарищъ оберъ-прокурора сената И. Я. Фойницкій говоритъ: «будучи установленіемъ судебнымъ, а не политическимъ, присяжные засѣдатели должны быть приглашены къ сужденію тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ участіе ихъ обезпечиваетъ наиболѣе успѣшное достиженіе цѣлей правосудія. Поэтому въ высшей степени неправильнымъ представляется опредѣленіе вѣдомства ихъ по соображеніямъ не судебной способности этого института, а его способности или годности политической; будетъ-ли примѣнена такая мѣрка въ видахъ передачи присяжнымъ дѣлъ политическаго характера или изъятія таковыхъ изъ ихъ вѣдомства, она одинаково нежелательна; въ первомъ случаѣ потому, что присяжнымъ сообщается характеръ политическаго института и въ дѣятельность ихъ вводятся политическія страсти; во второмъ — потому, что этимъ обнаруживается недовѣріе законодателя къ присяжнымъ, имѣющее въ результатѣ ненормальныя отношенія между составными частями присяжнаго суда и даже антагонизмъ присяжныхъ къ правительственной власти. Судъ при-

---

*) Ibid.

сяжныхъ представляетъ наиболѣе гарантій не только для свободы, но и для порядка». Тутъ проф. Фойницкій соглашается съ Миттермайеромъ, что «въ политическихъ процессахъ самую надежную опору правительства составляютъ именно частныя лица, простые граждане, потому что интересы ихъ всегда тождественны съ интересами правительства, вслѣдствіе чего враги порядка непремѣнно должны ждать отъ нихъ осужденія». «Но для этого—добавляетъ отъ себя г. Фойницкій—весьма важно, чтобы присяжные не могли смотрѣть на себя ни какъ на политическое орудіе партіи, ни какъ на установленіе, которое терпится властью неохотно и лишь въ предѣлахъ крайней необходимости» *).

Было-бы трудно оспаривать, что въ исторіи отношеній къ нашему суду присяжныхъ обнаруживались такія увлеченія, которыя не совпадали съ интересами уголовной репрессіи. Прежде всего, у насъ былъ допущенъ и затѣмъ получилъ широкое примѣненіе, по выраженію Н. В. Муравьева, «суррогатъ нашего присяжнаго суда **)». Совѣщанію прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ и было предложено обсудить вопросъ о дѣятельности суда присяжныхъ и замѣняющаго его суррогата, т. е. суда сословныхъ представителей ***). На разрѣшеніе совѣщанія предсѣдателемъ А. Ѳ. Кони былъ поставленъ такой вопросъ: «слѣдуетъ-ли удержать и на будущее время по какимъ-либо дѣламъ, *кромѣ дѣлъ о гогосударственныхъ преступленіяхъ, по соображеніямъ, принятымъ составителями судебныхъ уставовъ*, учрежденія временныхъ судей въ лицѣ сословныхъ представителей, присоединяемыхъ къ составу судовъ—и какихъ именно судовъ—окружныхъ или судебныхъ палатъ?»

Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ были переданы составителями судебныхъ уставовъ суду сословныхъ представителей по слѣдующимъ соображеніямъ.

«Установленіе особеннаго порядка судопроизводства по какому-либо роду дѣлъ принимается всегда общественнымъ мнѣніемъ съ недовѣрчивостью. Причина тому заключается въ общемъ убѣжденіи, что порядокъ дѣйствій, необходимыхъ для огражденія истины въ уголовномъ дѣлѣ, не зависитъ отъ свойства преступнаго дѣянія, но долженъ представлять во всякомъ случаѣ одинаково справедливое соглашеніе мѣръ, вызываемыхъ преслѣдованіемъ преступленія - одинаково основательный способъ вывода заключенія изъ данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ и выясненныхъ судебными преніями. Поэтому изъятія изъ общаго порядка судопроизвод-

*) Уголовное судопроизводство, 520 – 21 стр.

**) Муравьевъ. Къ вопросу о судѣ присяжныхъ въ Журналѣ гражд. и уг. права за 1881 г. № 2.

***) Заключенія этого совѣщанія вмѣстѣ со вступительной рѣчью его предсѣдателя А. Ѳ. Кони опубликованы во 2 кн. Журнала м—ва юстиціи за 1895 г.

ства должны быть допускаемы только при совершенной невозможности распространенія сего порядка на какой-либо родъ дѣлъ. Но эти особенныя дѣйствія не выходятъ изъ объема общаго устава уголовнаго судопроизводства и не должны нарушать равномѣрности огражденій, на которыя имѣетъ право всякій обвиняемый, въ какомъ-бы преступленіи онъ ни обвинялся. Если можно допустить въ этомъ отношеніи какое-либо различіе, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы обвиняемые въ тяжелыхъ преступленіяхъ пользовались бо̀льшими огражденіями, потому что исправленіе ошибочныхъ приговоровъ по тяжкимъ преступленіямъ затруднительнѣе, а иногда и вовсе невозможно. На этомъ основаніи всѣ особенности уголовнаго судопроизводства должны-бы сводиться къ различію въ подсудности, которая не можетъ быть одинаковою для всѣхъ дѣлъ... и къ установленію для дѣлъ болѣе важныхъ, въ особенности-же имѣющихъ большое вліяніе на благосостояніе государства, такихъ правилъ, которыми-бы обезпечивалось всестороннее, тщательное и безпристрастное производство, разсмотрѣніе и рѣшеніе сихъ дѣлъ.

Хотя всякое изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства уголовнаго возбуждаетъ недовѣріе къ суду, котораго дѣйствія въ такомъ случаѣ, обыкновенно, истолковываются превратно, какъ предпринятыя, будто-бы, не въ общихъ видахъ открытія истины, но не слѣдуетъ, однако, смѣшивать собственно порядка судопроизводства въ смыслѣ тѣхъ судебныхъ формъ, посредствомъ коихъ устанавливается равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою, съ порядкомъ подсудности, въ которомъ всегда и вездѣ допускались различія не только территоріальныя, но также по роду преступленій и проступковъ, и различія эти не возбуждали предубѣжденія противъ правосудія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя дѣла особенной важности для государства разсматриваются непосредственно въ судахъ высшихъ и могутъ производиться съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особенностей, не противорѣчащихъ основному началу равновѣсія между обвиненіемъ и защитою. Подобнымъ правиломъ, напротивъ того, совершенно обезпечивается правильный судъ по особенно важнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и о государственныхъ преступленіяхъ, а потомъ уже не представится надобности утверждать для отдѣльныхъ случаевъ особые суды, дѣйствія которыхъ почти всегда возбуждаютъ недовѣріе...

Все вышеизложенное приводитъ къ убѣжденію, что въ настоящее время судъ по государственнымъ преступленіямъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы высокое общественное положеніе судей служило ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія, чтобы при семъ подсудимые пользовались всѣми средствами защиты, установленными общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, и чтобы вмѣстѣ съ судьями, въ охраненіи государственныхъ учрежденій и общаго спокойствія и въ огражденіи подсудимыхъ,

участвовали представители какъ правительственной власти, такъ и всѣхъ сословій» *).

Соображенія составителей судебныхъ уставовъ по своей ясности не нуждаются въ комментаріяхъ, и каждый, сопоставивъ посылки и заключенія, можетъ придти къ вполнѣ опредѣленному выводу. Взглядъ-же составителей судебныхъ уставовъ на исключительную политическую репрессію вообще и военно-судебную въ частности выраженъ ими въ приведенныхъ соображеніяхъ съ достаточной опредѣленностью. Къ сожалѣнію, узаконеніе даже самыхъ элементарныхъ истинъ иногда не поддается и могучей волѣ монарховъ. Такъ, у насъ еще Александромъ I былъ изданъ слѣдующій манифестъ 1 апрѣля 1801 г.

«Нравы вѣка и особенныя обстоятельства прошедшихъ временъ побудили государей предковъ нашихъ, между прочими временными установленіями, учредить тайную канцелярію, которая подъ разными именами существовала даже во времена бабки нашей императрицы Екатерины. Признавъ судилище сіе установленному въ Россіи образу правленія несвойственнымъ и правиламъ Ея противнымъ, Она торжественно уничтожила и отвергла его. Такимъ образомъ, имя сей канцеляріи въ изложеніи законовъ было уже изглажено. Между тѣмъ, однакоже, по уваженію обстоятельствъ, признано было нужнымъ продолжать ея дѣйствія подъ названіемъ тайной экспедиціи со всевозможнымъ умѣреніемъ правилъ Ея личною мудростью и собственнымъ Высочайшимъ дѣлъ разсмотрѣніемъ. Но какъ съ одной стороны впослѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому своему существу перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надлежащаго оплота злоупотребленіямъ, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ необходимую непоколебимость, а съ другой стороны, находя, что *въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою законовъ*, повелѣваемъ: не только названіе, но и самое дѣйствіе тайной экспедиціи навсегда упразднить, всѣ дѣла въ оной бывшія отдать въ государственный архивъ къ общему забвенію, на будущее-же время вѣдать ихъ въ первомъ и въ пятомъ департаментахъ правительствующаго сената и во всѣхъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ вѣдаются дѣла уголовныя. Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и *поручая единому дѣйствію закона охраненіе имени Нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества и злобы*, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико Мы удостовѣрены въ вѣрности ихъ къ Намъ и престолу Нашему, и что пользъ нашихъ Мы не раздѣляемъ отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли» (П. С. З. № 19813).

*) Судебные уставы съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ они основаны. Изд. госуд. канцеляріи. Т. II, 362, 392 стр. и т. III, 387 стр.

Этотъ Высочайшій манифестъ, будучи историческимъ документомъ, основанъ на тѣхъ общихъ идеяхъ и началахъ, которыя, даже будучи проведены въ жизнь и дѣйствующее законодательство, не старѣются, а всегда остаются жизненными и современными. Само-собою понятно, что такое значеніе Высочайшаго манифеста 1 апрѣля 1801 г. удваивается въ виду того, что выраженныя въ немъ основныя начала совсѣмъ не проходятъ красной нитью черезъ всю современную практику и все дѣйствующее теперь законодательство. Если-же съ 1801 г. по части благоустройства сдѣланъ какой-либо шагъ впередъ, то тѣмъ болѣе своевременно вспомнить, что *«въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою законовъ»*. Между такимъ значеніемъ общихъ законовъ и общихъ формъ судопроизводства, съ одной стороны, и благоустройствомъ съ другой — существуетъ тѣсная связь. Благоустройство, порядокъ и законность крѣпнутъ и упрочиваются въ прямой зависимости отъ упроченія общей силы законовъ. Чѣмъ больше эта общая сила законовъ обезличивается разными исключительными пособіями и поддержками, тѣмъ болѣе блѣднѣютъ и слабѣютъ законность и порядокъ. Если-же, въ виду такихъ результатовъ, вмѣсто возстановленія общей силы законовъ, умножается число исключительныхъ законовъ и исключительныхъ формъ ихъ примѣненія къ правонарушеніямъ, то въ общемъ итогѣ законность, порядокъ и благоустройство окажутся развинченными въ конецъ и замѣненными сплошною массою однихъ исключеній и временныхъ мѣръ. Обычно такимъ характеромъ отличается революціонное законодательство, сочиняемое съ быстротою молніи по каждому ничтожному поводу для поддержанія пестрой серіей исключительныхъ мѣръ не менѣе пестраго революціоннаго режима и правопорядка. Само-собою понятно, что такой характеръ законодательства и судоотправленія противорѣчитъ благоустройству и общественному порядку какъ при явномъ революціонномъ режимѣ, такъ и при другомъ режимѣ, повидимому, прямо враждебномъ революціонному. Такое развинченное на рядъ исключеній законодательство и судоотправленіе могутъ поддерживать общій терроръ въ странѣ, какъ то и было во время французской революціи.

Было-бы, конечно, смѣшно напоминать, что задачи нашей комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ носятъ совершенно противоположный характеръ. Ей данъ краткій, но ясный Высочайшій наказъ: «сдѣлать такъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи». Такой Высочайшій наказъ уже по одной своей формѣ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Высочайшая власть не признаетъ нѣкоторыя изъ существующихъ формъ судоотправленія отвѣчающими интересамъ дѣйствительнаго правосудія, поддерживаемымъ только общею силою законовъ, а не исключительными формами судоотправленія. Задача комиссіи, по смыслу Высочай-

шаго наказа, сводится, очевидно, не къ размноженію и упроченію этихъ исключительныхъ формъ, противорѣчащихъ интересамъ дѣйствительнаго правосудія, а къ упроченію общей силы законовъ, къ собиранію этой силы въ одно цѣлое, если она на самомъ дѣлѣ обезличена и развинчена на мелкія части разными исключительными, временными законами и исключительными формами судоотправленія. Наказъ Александра III — «сдѣлать такъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи», въ сущности, есть приказъ сдѣлать такъ, чтобы *общая сила* законовъ дѣйствительно царила въ Россіи при отправленіи правосудія. И врядъ-ли кто взялся-бы доказывать, что наказъ Александра III—«сдѣлать такъ, чтобы дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи» — въ своемъ принципѣ не совпадаетъ съ завѣтомъ Александра Благословеннаго, что «въ благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою законовъ».

Составители судебныхъ уставовъ 1864 г. и преслѣдовали такую именно задачу. Другой задачи не можетъ быть и у комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, если она останется вѣрной смыслу даннаго ей Высочайшаго наказа. Однако, положеніе комиссіи до крайности облегчается работами составителей судебныхъ уставовъ и этими самыми уставами. Признавая общую принципіальную выдержанность судебныхъ уставовъ, комиссіи остается прослѣдить, насколько составители судебныхъ уставовъ, въ своихъ мотивахъ всегда имѣвшіе въ виду общую силу законовъ, иногда были не послѣдовательны въ своихъ выводахъ, а черезъ то и подыскивали формы судоотправленія, не соотвѣтствующія интересамъ общей силы законовъ. Отъ такихъ ошибокъ никто не гарантированъ, а потому насъ не должно удивлять противорѣчіе между основными посылками и заключеніемъ въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ составителей судебныхъ уставовъ. Сама жизнь, конечно, не замедлила обнаружить это противорѣчіе, и совѣщаніе прокуроровъ и предсѣдателей судебныхъ палатъ указало на это, отмѣченное жизнью, противорѣчіе между интересами правосудія и судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, т. е. предводителей дворянства, городского головы и волостного старшины. Вспомнимъ, что предсѣдатель совѣщанія А. Ѳ. Кони предложилъ на его разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: «слѣдуетъ-ли удержать и на будущее время по какимъ-либо дѣламъ, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, по соображеніямъ, принятымъ составителями судебныхъ уставовъ, учрежденіе «временныхъ судей» въ лицѣ сословныхъ представителей, присоединяемыхъ къ составу судовъ?»...

Что-же отвѣтило на этотъ вопросъ совѣщаніе?

«Обращаясь къ суду съ участіемъ сословныхъ представителей, совѣщаніе высказалось объ *общихъ свойствахъ* этого суда въ настоящее время. Свойства эти не могутъ быть признаны отрадными и во многихъ отношеніяхъ идутъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которымъ долженъ

удовлетворять правильно устроенный судъ. Такъ, прежде всего, пріобщаемые къ составу палатъ «временные члены» почти никогда не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій. Во многолѣтней практикѣ бывшаго старшаго предсѣдателя кіевской, а нынѣ московской судебной палаты, на массу дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей пришлось лишь одно дѣло, въ которомъ эти представители образовали стойкою защитою и единствомъ своихъ мнѣній большинство. По заявленію старшаго предсѣдателя одной изъ другихъ палатъ, «временные члены» относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и, во всякомъ случаѣ, не вносятъ въ обсужденіе дѣла той строгости, въ разсчетѣ на которую была создана подсудность по 201¹ и 1105 ст. уг. суд. Напримѣръ, по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, обыкновенно, по входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла,—представители дворянства справляются о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе, и съ размѣромъ его сообразуютъ и выводъ свой о виновности,—представители города спрашиваютъ у предсѣдателя — нельзя-ли оправдать подсудимаго? Волостные старшины-же на вопросъ объ ихъ мнѣніи обращаются, въ свою очередь, къ предсѣдателю съ вопросомъ: «какъ прикажете?» Поэтому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозное и, слѣдовательно, неправосудное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ практика палатъ (подтверждается и кассаціонными рѣшеніями), *надлежащіе* сословные представители отъ дворянства и городовъ всемѣрно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно не подходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлей и т. п. Между тѣмъ, участіе сословныхъ представителей дѣлаетъ этотъ судъ чрезвычайно громоздкимъ, неудобнымъ для сторонъ и свидѣтелей и очень дорого стоящимъ. Въ послѣднемъ отношеніи были указаны примѣры, гдѣ по одному изъ дѣлъ, подсудныхъ этому суду, въ казанскомъ округѣ, судебныя издержки дошли до 1.600 р., а по другому, въ московскомъ округѣ, даже до 6,000 р.—Хотя и были, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказаны мнѣнія, что сословные представители, при болѣе самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, могли-бы принести свою долю пользы, сообщая цѣнныя для судей мѣстныя и бытовыя свѣдѣнія,— но большинство признало, что этою гадательною пользою не искупаются приведенные выше недостатки, вызываемые ст. 201¹ и 1105 уст. уг. суд.».

Объ этихъ 201¹ и 1105 ст. устава уг. суд. мы поговоримъ особо въ слѣдующей статьѣ. Теперь-же обращаемъ вниманіе читателей на заключеніе совѣщанія объ «*общихъ свойствахъ*» суда съ участіемъ сословныхъ

представителей. Заключеніе совѣщанія, не говоря уже о другихъ, болѣе исключительныхъ формахъ уголовной политической репрессіи, является смертнымъ приговоромъ и для суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Однако, въ вопросѣ предсѣдателя, судъ этотъ, какъ форма уголовной политической репрессіи, предполагался подлежащимъ безусловному сохраненію по вышеприведеннымъ соображеніямъ составителей судебныхъ уставовъ, которые за него высказались лишь потому, что не вывели послѣдовательныхъ заключеній изъ выставленныхъ ими основныхъ посылокъ. Совѣщаніе, отвергая судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, само собою понятно, должно было что-либо предложить въ его замѣну. И тутъ, къ сожалѣнію, только два члена совѣщанія, устраняя противорѣчіе между посылками и заключеніемъ въ соображеніяхъ составителей судебныхъ уставовъ, высказались категорически и безусловно за *обыкновенный* судъ присяжныхъ. Однако и большинство въ принципѣ, все-таки, стояло за тотъ-же судъ присяжныхъ, но съ нѣкоторыми его измѣненіями, оставаясь вѣрнымъ своему заявленію, что онъ, вообще, представляетъ «лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ».

Къ сожалѣнію несмотря на такое заявленіе о достоинствахъ суда присяжныхъ, вопросъ о возстановленіи и расширеніи его компетенціи на совѣщаніи прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, вообще, не получилъ яснаго и опредѣленнаго разрѣшенія. Помимо дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, изъ компетенціи суда присяжныхъ разными новеллами была изъята и масса другихъ дѣлъ и притомъ безъ передачи или съ передачей суду съ участіемъ сословныхъ представителей. Мы теперь и переходимъ къ этимъ другимъ дѣламъ, не принадлежащимъ къ категоріи государственныхъ преступленій.

Предсѣдатель совѣщанія въ своей вступительной рѣчи сказалъ: «второй вопросъ изъ области условій дѣятельности присяжныхъ касается *подсудности*. Первые годы существованія этого суда онъ былъ заваленъ дѣлами о кражахъ, изъятыхъ затѣмъ изъ его вѣдѣнія закономъ 1882 г. Эти дѣла обременяли и судебныхъ слѣдователей. Отсюда медленность въ ихъ производствѣ и, какъ результатъ ея, долгое содержаніе подъ стражею обвиняемыхъ. Поставленное на судѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ совершенія преступленія, дѣло выцвѣтало въ своей живой обстановкѣ,—присяжные находили, что въ сущности слѣдователь уже достаточно «наказалъ» подсудимаго и часто оправдывали послѣдняго. Необходимо было серьезно и трезво взглянуть на дилемму: или строгая кара, которою не всегда угрожаетъ прилагаемый законъ, или дѣйствительная репрессія, хотя и съ меньшею карою. Изъятіе у присяжныхъ дѣлъ о нѣкоторыхъ кражахъ, совершенное закономъ 1882 г., принесло несомнѣнно полезные результаты и значительно сократило число оправда-

тельныхъ приговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, долгій опытъ обнаружилъ, что присяжнымъ *чуждо* понятіе о преступленіяхъ противъ *системы*, въ которыхъ, съ одной стороны, совершенно отсутствуетъ лично, прямо или косвенно потерпѣвшій, а съ другой—бытовыя условія, вызывавшія очень часто нарушенія установленныхъ правилъ, возбуждаютъ живое состраданіе къ обвиняемому. Поэтому по преступленіямъ противъ паспортной системы, сознаніе устарѣлости и напрасной тягости которой выразилось въ образованіи ряда комиссій, завершившемся новымъ закономъ о паспортахъ, присяжные почти всегда выносили оправдательные приговоры. «Коррекціонализація» этихъ преступленій, совершенная въ 1885 году, освободила присяжныхъ отъ дѣлъ, *смущавшихъ ихъ совѣсть*. Нынѣ возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли путемъ коррекціонализаціи изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ еще какія-либо дѣла, характеръ коихъ не соотвѣтствуетъ сложному аппарату этого суда и его отношенію къ понятію о преступленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется-ли желательнымъ вернуть на разсмотрѣніе этого суда нѣкоторыя изъ дѣяній, изъятыхъ изъ него въ 1889 г. при окончательномъ начертаніи ст. 201[1] уст. угол. суд. съ ея широкою и пестрою, по своимъ основаніямъ, безприсяжною подсудностью?»

Въ этой постановкѣ вопроса предусматривается напередъ, какъ возможность дальнѣйшаго ограниченія компетенціи суда присяжныхъ путемъ коррекціонализаціи, такъ и возможность ея расширенія. Останавливаясь прежде всего на ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ путемъ коррекціонализаціи, мы видимъ, что оно допускается въ виду *отношенія* этого суда *къ понятію о преступленіи*. Признается, что присяжнымъ чуждо понятіе о преступленіи противъ системы вообще и противъ паспортной въ особенности. Коррекціонализація этихъ преступленій уже принесла свои благія послѣдствія «*освободивъ присяжныхъ отъ дѣлъ, смущавшихъ ихъ совѣсть*». Такимъ образомъ, для того или иного отношенія къ дальнѣйшему ограниченію компетенціи суда присяжныхъ, путемъ коррекціонализаціи, необходимо выяснить себѣ характеръ преступленій противъ системы вообще и противъ паспортной системы въ частности. Тогда намъ станетъ ясно, насколько совѣсть присяжныхъ нуждалась и нуждается въ опытахъ по освобожденію отъ смущавшихъ ее дѣлъ.

Разъясненіе этого интереснаго вопроса мы находимъ въ прекрасной статьѣ А. О. Кони «Спорный вопросъ нашего судоустройства», помѣщенной въ январской книгѣ «Вѣстн. Европы» за 1881 г. Въ преступленіяхъ противъ системы—говоритъ А. О. Кони.—«нѣтъ непосредственно потерпѣвшаго, нѣтъ обиженнаго, притѣсненнаго подсудимымъ, лишеннаго своего права. Нѣтъ не только потерпѣвшаго человѣка, но нѣтъ и опредѣленнаго учрежденія—банка, присутственнаго мѣста, конторы и

т. п., которое могло-бы считаться потерпѣвшимъ. Здѣсь чистое нарушеніе системы правилъ, признанныхъ законодательствомъ необходимыми для поддержанія общественнаго порядка. Такихъ правилъ много относительно различныхъ сторонъ общественной жизни, и нарушеніе большей части изъ нихъ сопряжено съ причиненіемъ кому-либо вреда или опасности. Таковы правила карантинныя, правила объ огражденіи личной безопасности и т. п. При обвиненіи кого-либо въ ихъ нарушеніи всегда возможно и даже необходимо указаніе на то, что дѣйствіе подсудимаго грозило опасностью, напримѣръ, распространеніемъ повальной и заразительной болѣзни цѣлому ряду лицъ, иногда цѣлому краю,—или что неисполненіе имъ постановленій, ограждающихъ личную безопасность, имѣло своимъ послѣдствіемъ чью-нибудь смерть, увѣчье, страданіе. Въ этихъ случаяхъ *возможное* зло такъ очевидно, *причиненное* зло такъ осязательно, что потерпѣвшаго искать не приходится. Онъ тутъ предъ судомъ, или въ живомъ реальномъ образѣ обиженнаго, пострадавшаго человѣка, или въ образѣ, твердо рисуемомъ яснымъ сознаніемъ общей опасности».

Указавъ на такія особенности преступленій противъ системы, А. Ѳ. Кони продолжаетъ: «но ничего подобнаго нѣтъ въ паспортныхъ дѣлахъ. Обвинитель можетъ указать суду лишь на нарушенія закона, на преступное уклоненіе отъ правилъ, ограждающихъ цѣлую паспортную систему. На вопросы, кому причиненъ вредъ? кто пострадалъ?—обвинитель можетъ только отвѣтить: закону, системѣ... Но это вредъ отвлеченный, понятный для человѣка, получившаго учено-юридическое образованіе, но совершенно недоказательный для лица, взятаго изъ общества, изъ народа, чтобы судить «вреднаго» человѣка. Нѣтъ потерпѣвшаго, нѣтъ явнаго вреда, нѣтъ нагляднаго насилія, нѣтъ слѣдовъ хитрости, коварства со стороны обвиняемаго—и присяжные невольно обращаются къ самому преступленію. Они стараются въ его внутренней сторонѣ найти данныя для того, чтобы по совѣсти признать преступникомъ подсудимаго. Быть можетъ, разсмотрѣніе внутренней стороны паспортнаго преступленія укажетъ на такое напряженіе порочныхъ побужденій, на такой умыселъ, которые придаютъ этому преступленію особую опасность и важность, подобно тому, какъ въ отравленіи коварство средства, а въ поджогѣ—безграничность ускользающихъ отъ воли поджигателя послѣдствій дѣлаютъ эти преступленія особенно тяжкими. Но и съ этой стороны присяжные не встрѣчаютъ ничего, могущаго указать имъ ни на важность дѣянія подсудимаго, ни на его собственную испорченность. Преступленіе совершается просто и безъ особыхъ приготовленій, послѣдствія его скорѣе всего и даже почти исключительно отражаются на самомъ обвиненномъ, а играющіе въ обвинительной рѣчи иногда такую большую роль «злая воля» и «преступный умыселъ» на-

правляются не на какое-либо живое лицо, а на безжизненный документъ, связывающій человѣка по рукамъ и по ногамъ. Ни мщенія, ни ненависти, ни корысти не находятъ присяжные во внутренней сторонѣ паспортнаго преступленія,—нѣтъ и свободнаго выбора и обдумыванія средствъ, нѣтъ и пользованія плодами преступленія въ ущербъ другимъ,—нѣтъ, наконецъ, и подавленнаго въ себѣ обвиняемымъ голоса совѣсти, которая могла-бы трепетать и отвращаться отъ замышляемаго недобраго, мрачнаго, вреднаго дѣла. Все, напротивъ, просто, несложно. Средства преступленія, такъ сказать, предуказаны самимъ содержаніемъ паспорта, и въ томъ, что содѣяно обвиняемымъ, вмѣсто внутренней борьбы съ совѣстью и внѣшняго очевиднаго вреда, — невольно усматривается родъ жалкой и по большей части неудачной *самообороны* противъ системы, связавшей обвиняемаго въ его житейской обстановкѣ цѣлою сѣтью стѣснительныхъ и тяжелыхъ правилъ. Не найдя особыхъ данныхъ для осужденія и во внутренней сторонѣ преступленія, присяжные обращаются невольно къ вопросу о томъ: что же сдѣлалъ въ дѣйствительности вреднаго и дурного подсудимый и за что его слѣдуетъ сурово наказать? Тогда-то на первый планъ выступаютъ, сами собою, *обстановка* этихъ преступленій и *бытовыя особенности*, ихъ вызывающія. Тогда выступаетъ снова паспортная система—но не въ качествѣ потерпѣвшаго лица, а въ видѣ житейскаго явленія, испытаннаго и провѣреннаго присяжными на самихъ себѣ. Люди жизни, они *совершенно законно* обращаются къ жизни и въ ней ищутъ отвѣта на тревожащіе ихъ вопросы. Судьи по убѣжденію совѣсти, они знаютъ, что отъ нихъ ожидается приговоръ не *юридическій*, а *правосудный* въ настоящемъ смыслѣ слова. Не заглушая своихъ сомнѣній формальными указаніями закона, они безтрепетно вглядываются въ житейскія явленія и въ ихъ внутреннемъ смыслѣ ищутъ себѣ поддержки и указанія. Узкое юридическое пониманіе можетъ не мириться съ тѣмъ, что въ приговорахъ по такимъ даннымъ «совершилъ» и «виновенъ»—очень часто вовсе не являются синонимами,—но широкое правовое чувство никогда не оскорбится этимъ. Строгій законникъ можетъ не соглашаться съ такими приговорами и даже негодовать на нихъ, но законодатель, который захочетъ быть живымъ выразителемъ потребностей своего народа, долженъ будетъ прислушаться къ такимъ приговорамъ и въ нихъ найти указаніе, куда должна быть направлена его дѣятельность».

Указавъ на всѣмъ извѣстные недостатки и стѣсненія паспортной системы, удержанной теперь подъ названіемъ положенія о видахъ на жительство, А. Ѳ. Кони утверждалъ, что «присяжные произносятъ оправдательный приговоръ потому, что, будучи представителями суда по совѣсти, они не могутъ холодно и бездушно произнести слово осужденія въ большинствѣ дѣлъ о паспортныхъ преступленіяхъ... Требовать отъ нихъ иной

дѣятельности, чѣмъ та, которую они проявляютъ, значитъ ждать отъ нихъ рѣшеній, которыя, никого не удовлетворяя, подъ ложною внѣшнею правильностью скрывали-бы великую внутреннюю несправедливость. Русскій судъ присяжныхъ, произнося свои оправдательныя рѣшенія относительно обвиняемыхъ, преступленіе которыхъ обусловилось недостатками паспортной системы, является настоящимъ судомъ, въ приговорахъ котораго должна звучать не одна формальная правда, но громко вопіющая правда жизненная. Не порицать надо этотъ судъ за такіе приговоры, но прислушиваться къ нимъ и видѣть въ нихъ живыя указанія на тѣ стороны общественнаго устройства, въ которыхъ требованія жизни опередили остановившееся въ своемъ движеніи законодательство».

Вотъ какое важное значеніе имѣли оправдательные приговоры суда присяжныхъ по преступленіямъ противъ паспортной системы. Они могли вызывать негодованіе строгихъ законниковъ, но это негодованіе свидѣтельствовало о невѣжествѣ этихъ законниковъ, а не о слабостяхъ присяжныхъ засѣдателей. Оправдательные приговоры ничего не говорятъ ни о слабости, ни о строгости суда присяжныхъ. Шаблонный пріемъ процентнаго учета оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ утратилъ то значеніе, которое ему склонны придавать, какъ близорукіе друзья, такъ и невѣжественные враги суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ не долженъ быть ни строгимъ, ни слабымъ, а долженъ и можетъ быть только правосуднымъ. Нужно усвоить себѣ роль и смыслъ приговора присяжныхъ въ отправленіи правосудія. «Присяжныхъ спрашиваютъ не о томъ, совершилъ-ли подсудимый преступное дѣяніе, а виновенъ-ли онъ въ *томъ, что совершилъ его*;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію» *).

Такое значеніе имѣетъ приговоръ присяжныхъ и по дѣламъ о преступленіяхъ противъ системы. Всѣ стройные ряды вычисленій съ поражающими процентами оправдательныхъ приговоровъ ничего не могутъ сказать о преднамѣренной слабости суда присяжныхъ или объ отсутствіи у нихъ понятія о преступленіяхъ противъ системы. Изъ всѣхъ видовъ преступленій присяжные, навѣрно, наибольшее число оправдательныхъ приговоровъ вынесли именно по преступленіямъ противъ паспортной системы. О чемъ же свидѣтельствовали эти приговоры и чѣмъ они вызывались? Присяжнымъ не было чуждо понятіе о преступленіяхъ противъ системы и дѣла о нарушеніяхъ паспортной системы не смущали ихъ совѣсть. Они выносили оправдательные приговоры не по смущенію и не по искушенію совѣсти, а по требованію совѣсти и по долгу нравственной отвѣтственности предъ закономъ и волею законодателя. Законъ и воля законодателя запрещаютъ имъ выносить приговоры, которые «подъ лож-

*) А. Ѳ. Кони. Спорный вопросъ нашего судоустройства.

ною внѣшнею правильностью скрывали бы великую внутреннюю несправедливость». Какое бы ясное представленіе о преступленіяхъ противъ системы они ни имѣли, — они знаютъ, что свое ясное представленіе о характерѣ и природѣ преступленія они не должны ставить впереди своей обязанности выносить приговоры по требованію совѣсти, въ которомъ должна звучать «не одна формальная правда, но громко вопіющая правда жизненная». Вотъ почему присяжные обязаны были выносить массу оправдательныхъ приговоровъ по преступленіямъ, вызывавшимся недостатками паспортной системы и ея коренными противорѣчіями требованіямъ справедливости и общественнаго благоустройства. Такими недостатками могутъ страдать и другія системы правилъ, помимо правилъ о паспортной системѣ. Оправдательные приговоры по преступленіямъ противъ такихъ системъ нельзя объяснять отсутствіемъ у присяжныхъ понятія о преступленіяхъ противъ системъ, и притомъ отсутствіемъ, подающимъ поводъ къ освобожденію присяжныхъ отъ дѣлъ, будто-бы смущающихъ ихъ совѣсть.

Такая постановка вопроса противорѣчила бы тѣмъ фактическимъ условіямъ, которыми вызываются оправдательные приговоры присяжныхъ. Она противорѣчитъ и самому понятію о приговорѣ суда присяжныхъ. Далѣе забота о томъ, чтобы совѣсть присяжныхъ не подвергалась смущенію, и оперированіе надъ однѣми цифрами оправдательныхъ приговоровъ могутъ завести слишкомъ далеко по пути освобожденія совѣсти присяжныхъ отъ рѣшенія тѣхъ или другихъ дѣлъ. Почему именно такія соображенія о смущающейся совѣсти и о массѣ оправдательныхъ приговоровъ умѣстны и принципіально правильны только для однихъ приговоровъ присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ системы? Съ равнымъ успѣхомъ и по всякимъ другимъ преступленіямъ извѣстное число оправдательныхъ приговоровъ можно истолковать въ томъ смыслѣ, что по данному виду преступленій совѣсти присяжныхъ грозитъ смущеніе или что имъ чуждо самое понятіе объ этомъ преступленіи, хотя-бы въ ихъ приговорахъ звучала вопіющая жизненная правда. Все дѣло свелось бы къ защитѣ системы правилъ или отдѣльныхъ карательныхъ предписаній закона отъ той жизненной правды, которая выражается въ приговорахъ присяжныхъ. Такая защита уголовныхъ законовъ вообще и системы правилъ въ частности являлась бы въ высшей степени опаснымъ экспериментомъ для общественнаго благоустройства и для общей силы законовъ. Вѣдь защита законовъ отъ жизненной правды не сдѣлаетъ ихъ болѣе близкими къ этой правдѣ и вполнѣ отвѣчающими условіямъ жизни и требованіямъ справедливости. Всякаго рода ветхіе законы оставались-бы не всегда ветхими и, въ силу своей ветхости, были-бы обречены на безсиліе тѣмъ болѣе опасное, что они размѣнялись-бы на тысячи разныхъ «обходовъ» и «выходовъ», уже явно противозаконныхъ.

Голосъ жизненной правды, выражающейся въ приговорахъ суда присяжныхъ, имѣетъ для силы законовъ громадное значеніе. Приговоры присяжныхъ помогаютъ законодателю идти въ уровень съ требованіями жизни и требованіями общественнаго мнѣнія. Вѣдь никакая санкція не можетъ сообщить закону должную силу, если онъ противорѣчитъ требованіямъ жизни и общественному мнѣнію. Законы на самомъ дѣлѣ только тѣмъ и могутъ быть сильны, что они стоятъ въ болѣе или менѣе полномъ согласіи съ условіями и запросами дѣйствительности. Строгіе законники не должны негодовать на массовые оправдательные приговоры присяжныхъ, но должны, выражаясь словами А. Ѳ. Кони, «прислушиваться къ нимъ и видѣть въ нихъ живыя указанія на тѣ стороны общественнаго устройства, въ которыхъ требованія жизни опередили остановившееся въ своемъ движеніи законодательство».

Такою помощью суда присяжныхъ для укрѣпленія силы законовъ путемъ согласованія ихъ съ условіями и запросами жизни приходится особенно дорожить въ громадной странѣ съ разнообразнымъ населеніемъ. Тутъ сплошь и рядомъ присяжные нужны для того, чтобы волей законодателя, какъ и надлежитъ, санкціонировалась не формальная, а жизненная правда. Коронные судьи, по своему положенію стоящіе слишкомъ далеко отъ пестрыхъ массъ деревенскаго населенія, сами по себѣ не могли бы оказаться на высотѣ воли законодателя, желающаго дать перевѣсъ жизненной правдѣ надъ правдой формальною. Къ сожалѣнію, вопреки всѣмъ требованіямъ общественнаго благоустройства, мы зашли далѣе, чѣмъ нужно, отвергая помощь присяжныхъ въ служеніи запросамъ дѣйствительной жизни и въ упроченіи силы законовъ. Не удивительно, если на вопросъ предсѣдателя о возможности дальнѣйшихъ опытовъ по ограниченію компетенціи суда присяжныхъ большинство въ совѣщаніи прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ отвѣтило, что этимъ путемъ дальше идти нельзя и «высказалось противъ всякаго дальнѣйшаго ограниченія».

И. Стиваль.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Д. И. Писаревъ.

Библіографическія замѣтки Писарева въ журналѣ «Разсвѣтъ».—,Эмансипація женщины.—Три статьи о Гончаровѣ, Тургеневѣ и Толстомъ.—Эстетическіе, моральные и религіозные взгляды Писарева въ этомъ періодѣ его литературной дѣятельности.—Первые шаги его въ «Русскомъ Словѣ».—Безплодное обличеніе нравовъ.—Книжки для народа.—Идеи Платона предъ судомъ Писарева.—Схоластика XIX вѣка.—Торжество матеріализма.—Компилятивныя статьи по естествознанію.—Характеристики Писемскаго, Тургенева, Гончарова.—Нападки на Фета и Полонскаго.—Базаровъ.—Ошибка Писарева въ характеристикѣ этого типа.—Паденіе и смерть Базарова.— Статья Н. Страхова объ «Отцахъ и дѣтяхъ».

Статья II.

I.

Свои первые литературные шаги Писаревъ сдѣлалъ, какъ мы уже знаемъ, въ журналѣ «Разсвѣтъ», предназначенномъ для взрослыхъ дѣвицъ. Выпуская первую книгу этого новаго изданія, В. Кремпинъ изложилъ свою программу въ отдѣльной замѣткѣ «Отъ редакціи», написанной витіеватымъ слогомъ, съ нѣкоторою наивностью юнаго ратоборца въ совершенно новой для него области литературнаго служенія обществу. Современная русская жизнь рисуется Кремпину въ чрезвычайно яркихъ краскахъ. Историческій моментъ, въ который ему пришлось выступить на поприщѣ журналистики, кажется ему преисполненнымъ великихъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ уже имѣются необходимыя умственныя и нравственныя силы. Геній преобразованія паритъ надъ русскою землею, съ паѳосомъ восклицаетъ редакторъ «Разсвѣта». Плавнымъ, неторопливымъ полетомъ онъ проникаетъ въ толщи народа, стряхнувшаго съ себя прежнюю умственную инерцію, закоснѣлую отсталость извѣстныхъ привычекъ и пристрастій. Носясь надъ огромнымъ пространствомъ Рос-

сіи, онъ заглядываетъ повсюду. Шире растворилъ онъ двери высшихъ учебныхъ заведеній, повсюду разбросалъ онъ многочисленныя сѣти новыхъ путей. Желая связать въ одно духовное цѣлое высшіе и низшіе классы, заглянулъ онъ и въ крестьянскую избу. Наконецъ, на разсвѣтѣ новаго дня, добрый геній разбудилъ и спящую русскую женщину, указавъ ей на тотъ путь, по которому она должна идти, чтобы сдѣлаться гражданкою и приготовить себя къ высокому долгу — «быть воспитательницею новаго, возрождающагося поколѣнія». Кремпинъ считаетъ своимъ долгомъ громко провозгласить, что главная цѣль «Разсвѣта» — возбудить сочувствіе молодыхъ читательницъ къ тому направленію, которое приняло русское общество въ послѣднее время и которое слило въ одно живое ученіе новѣйшія идеи и христіанскую философію. Онъ не смѣетъ думать, что журналъ его будетъ имѣть сильное вліяніе на женское образованіе, но онъ будетъ твердо проводить только извѣстныя мысли, не уклоняясь въ сторону и не вдаваясь ни въ какія постороннія для педагогическаго изданія стремленія и цѣли... Давъ затѣмъ самую краткую характеристику важнѣйшихъ отдѣловъ «Разсвѣта», Кремпинъ въ заключеніе объявляетъ, въ немногихъ строкахъ, что въ его журналѣ будетъ помѣщаться подробная библіографія, предназначенная впрочемъ, не для дѣвицъ, а для родителей и наставниковъ, чтобы, во-первыхъ, сообщить имъ новыя педагогическія идеи о женскомъ воспитаніи и, во-вторыхъ, чтобы дать имъ возможность руководить чтеніемъ и развитіемъ своихъ дочерей *)...

Въ этомъ библіографическомъ отдѣлѣ «Разсвѣта» Писаревъ и началъ свою журнальную дѣятельность. Въ рядѣ краткихъ, сжатыхъ и мѣткихъ рецензій онъ сразу обнаружилъ свой природный литературный талантъ, широко развернувшійся, однако, только впослѣдствіи, на страницахъ «Русскаго Слова», внѣ узкой, стѣсняющей рамки журнала съ чисто педагогическими цѣлями и сокращенною программою изданія, предназначеннаго для ограниченнаго круга читателей. Писаревъ быстро освоился съ предоставленнымъ ему дѣломъ. Откликаясь на прогрессивные запросы времени, онъ въ грудѣ литературныхъ матеріаловъ, приходившихъ въ редакцію, постоянно выбираетъ все то, что можетъ дать поводъ съ большею или меньшею полнотою обсудить увлекательный и важный вопросъ о женской эмансипаціи. Съ чуткостью партійнаго бойца, онъ улавливаетъ каждый прогрессивный намекъ, который подъ его краснорѣчивымъ перомъ развертывается въ рядъ стремительныхъ, смѣлыхъ разсужденій, отличающихся удивительною прямотою. Повсюду въ его рецензіяхъ виденъ живой умъ, не склонный къ уступкамъ, рѣдко загорающійся сек-

*) «Разсвѣтъ», журналъ наукъ, искусствъ и литературы для дѣвицъ, 1859 г., стр. I—VI.

тантскимъ огнемъ, но нигдѣ не теряющій власти надъ собою, умъ рѣшительный и упорный въ каждомъ изъ своихъ отчетливыхъ и ясныхъ доказательствъ. Овладѣвъ существомъ предмета, Писаревъ въ своихъ многочисленныхъ библіографическихъ замѣткахъ является убѣжденнымъ поборникомъ самаго широкаго взгляда на задачу женскаго воспитанія и образованія. Въ наше время, говоритъ онъ, большинство женщинъ, при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ, при самомъ тепломъ, искреннемъ желаніи принести пользу обществу, часто не имѣетъ никакихъ средствъ благотворно воздѣйствовать даже на свой домашній кругъ. Не получивъ основательнаго образованія, онѣ не могутъ воспитать своихъ дѣтей сообразно съ требованіями и духомъ времени. Всѣ виды гражданской дѣятельности, наука, литература, искусство, при современныхъ условіяхъ жизни, почти недоступны женщинѣ. Все воспитаніе женщины направлено къ тому, чтобы поставить ее въ полную, безотвѣтную зависимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но справедливо-ли такое положеніе вещей? Почему женщинѣ не заняться наукою для науки? Почему ей не посвятить себя искусству, если она чувствуетъ къ нему внутреннее призваніе? Излагая въ одномъ мѣстѣ взгляды Фенелона, Писаревъ высказывается за полное расширеніе гражданской и человѣческой дѣятельности женщины. Для государственнаго и частнаго благосостоянія необходимо совокупное, согласное дѣйствіе обоихъ половъ. Только правильное развитіе мужчины и женщины можетъ быть прочнымъ залогомъ прогресса. Имѣя свои спеціальныя обязанности, женщина должна, тѣмъ не менѣе, наравнѣ съ мужчиною получать прочное систематическое образованіе—въ интересахъ самого общества, которому нельзя служить съ пользою безъ настоящаго просвѣщенія. Но выступая борцомъ за женскую эмансипацію, Писаревъ не хочетъ однако замалчивать тѣхъ фактовъ, которые онъ считаетъ порожденіемъ историческихъ обстоятельствъ. «Больно и грустно видѣть, пишетъ онъ, что часто лучшія наши женщины не умѣютъ мыслить, не проводятъ даже на словахъ ни одной идеи до конца, строятъ странные силлогизмы, увлекаются воображеніемъ и чувствомъ и часто, совершенно не кстати, даютъ имъ перевѣсъ надъ логическими доводами ума *)». Отсутствіе гармоніи между чувствомъ и умомъ составляетъ печальный признакъ женскаго характера, какъ онъ сложился въ условіяхъ современнаго соціальнаго быта, носящаго на себѣ печать прошлаго деспотизма и варварства. Женщинѣ, какъ и мужчинѣ, съ горячностью протестуетъ Писаревъ, дана одинаковая сумма прирожденныхъ способностей. Но воспитаніе женщины, не упражняя ея критическихъ способностей, съ молодыхъ лѣтъ усыпляетъ ея мысль и доводитъ въ ней чувство до болѣзненныхъ, колоссальныхъ размѣровъ. Это воспитаніе надо передѣ-

*) «Разсвѣтъ», 1859, № 8. Библіографія, стр. 61.

лать въ принципѣ. Уравновѣсивъ въ женщинѣ умъ и чувство, надо пріучить ее къ самостоятельному анализу сложныхъ жизненныхъ явленій, надо пріучить ее «послѣдовательно, безъ увлеченія, но съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ проводить въ жизнь добытыя убѣжденія». Вотъ въ чемъ заключается настоящая эмансипація женщины. Внесите въ женское воспитаніе науку во всемъ ея строгомъ величіи, и дѣло эмансипаціи двинется по вѣрному пути. Дайте женщинѣ убѣжденія, и она завоюетъ себѣ подобающее положеніе въ обществѣ. Откройте ей доступъ къ умственному свѣту, и вѣрная своимъ природнымъ силамъ, впечатлительная къ красотѣ, легкая и гибкая при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, она внесетъ движеніе и живыя страсти въ стоячія воды семейнаго и общественнаго быта.

Среди этихъ убѣжденныхъ разсужденій о женскомъ вопросѣ, имѣющихъ строго теоретическій характеръ и изложенныхъ съ обычною простотою литературныхъ выраженій, мѣстами въ рецензіяхъ Писарева мелькнетъ невольное замѣчаніе, выдающее юношескую грезу о личномъ счастьѣ—безбурномъ, спокойномъ, ровномъ. Романъ съ Раисою былъ еще въ полномъ разгарѣ. Не умѣя прятать свои настроенія, онъ иногда, среди общихъ разсужденій на данную тему, открываетъ мечту своего сердца въ простыхъ и трогательныхъ фразахъ, безъ прогрессивнаго задора, почти не заботясь о томъ, чтобы сгладить сентиментальные оттѣнки своего чувства. Самая идея женской эмансипаціи часто выступаетъ у него въ скромныхъ словахъ безъ всякаго звона и даже съ оговорками, которыя едва-ли отвѣчали радикальнымъ запросамъ времени. Онъ не разрушаетъ въ корнѣ старыхъ представленій объ этомъ предметѣ. Выступая подъ новымъ, прогрессивнымъ знаменемъ, онъ хотѣлъ бы только восполнить пробѣлъ въ современной ему системѣ женскаго воспитанія, расширить самое понятіе о женской личности и тѣмъ какъ бы намѣтить программу необходимыхъ реформъ въ соціальной жизни русскаго общества. Его смѣлая критика, воюя съ предразсудками, не трогаетъ нѣкоторыхъ святынь, съ которыми неразрывно связаны высшіе духовные интересы человѣка. Прокладывая новые пути въ этомъ важномъ соціальномъ вопросѣ, онъ нигдѣ не доводитъ своего анализа до крайнихъ предѣловъ, нигдѣ не обнаруживаетъ настоящей революціонной страсти, обращенной на самыя основы семейной жизни. Самостоятельность женщины, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Писаревъ, состоитъ въ *разумномъ* употребленіи тѣхъ способностей, которыя вложила въ нее природа, а не въ пустомъ нарушеніи «безвредныхъ условій общественности» *). Эмансипація женщины, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «состоитъ не въ безплодномъ ниспроверженіи общественныхъ приличій, а въ реформѣ женскаго вос-

*) «Разсвѣтъ», 1859, № 7, *Русскія періодическія изданія*, стр. 15.

питанія» *). Жоржъ-Зандъ отнеслась къ вопросу о самостоятельности женщины не такъ, какъ слѣдовало. Она обратила преимущественное вниманіе на стѣснительные законы свѣта, ограничивающіе кругъ ея независимой и самостоятельной дѣятельности. Не имѣя власти надъ своими крайними идеями, она потребовала уничтоженія этихъ неосмысленныхъ законовъ и сама же первая ихъ нарушила. Въ этой области вся агитаціонная работа Жоржъ-Зандъ не могла дать благихъ результатовъ. Она впала въ роковую ошибку, потребовавъ независимости для женщины,— «тогда какъ слѣдовало сначала требовать для женщины серьезнаго образованія». Нападая на внѣшнія стѣсненія, «основанныя на внутренней слабости и неразвитости самой женщины», Писаревъ хотѣлъ бы, чтобы вопросъ о женскомъ воспитаніи и образованіи былъ подвергнутъ спокойному и хладнокровному обсужденію. Не увлекаясь никакой теоріей, надо понять истинное назначеніе женщины, чтобы незыблемыми доводами оградить ея лучшія права подруги своего мужа, матери и воспитательницы своихъ дѣтей. «Женщина, близкая къ идеалу, развитая во всѣхъ отношеніяхъ, всегда будетъ и хорошею женою и примѣрною матерью»,— съ догматической твердостью изрекаетъ отважный, блестящій, но не глубокій Писаревъ. Мужъ имѣетъ право, говоритъ онъ въ одной рецензіи, *требовать* отъ жены не только любви, но и дружбы, «а для дружбы необходимо взаимное уваженіе и одинаковое развитіе». Мужъ *долженъ* найти въ женѣ сочувствіе. Имѣя высшія духовныя потребности, онъ *долженъ* удовлетворять ихъ въ семейномъ кругу, при содѣйствіи развитой жены, «способной мыслить и усваивать себѣ отвлеченныя идеи». Отъ этой догмы, обоснованной по новому, но построенной въ старомъ, ортодоксальномъ стилѣ, Писаревъ не уходитъ ни на шагъ. Мѣняя подчасъ аргументы въ борьбѣ за эмансипаціонную идею, онъ никогда не измѣняетъ главному, какъ онъ его понимаетъ, принципу женскаго воспитанія. Старая догма остается неприкосновенною. При всемъ публицистическомъ размахѣ, разсужденія Писарева парятъ не высоко надъ землею, не освѣщая глубинъ вопроса, не открывая никакихъ новыхъ умственныхъ горизонтовъ. Передовая тенденція, по плечу самому среднему читателю, нерѣдко вспыхиваетъ у него между двумя прозаическими по содержанію, но зажигательными по формѣ тирадами о женской самостоятельности—въ простодушной, наивной мечтѣ о какомъ то особенномъ семейномъ строѣ, съ интеллигентною, прогрессивною женою у кормила правленія. Какія свѣтлыя перспективы! Какое широкое поприще открыто для передовой женщины! О мужѣ не приходится говорить,—его дѣло ясно, его служеніе обществу, какія бы формы оно ни приняло, историческими силами выведено на вѣрную дорогу. Все дѣло въ *ней*. Какъ *она* устроится

---

*) «Разсвѣтъ», 1859, № 11, *Русскія періодическія изданія*, стр 51—52.

при новыхъ понятіяхъ, получившихъ осуществленіе въ прогрессивной системѣ воспитанія? Чѣмъ наполнитъ она часы, свободные отъ прямыхъ и самыхъ важныхъ для нея обязанностей? Писаревъ съ юношескимъ увлеченіемъ набрасываетъ слѣдующую картину, которая въ свое время, конечно, подхватывала и уносила всякое живое, пылкое воображеніе. Въ прогрессивной семьѣ женщина имѣетъ свое опредѣленное дѣло. Она занимается журнальными переводами, и при этомъ она вовсе не теряетъ своей материнской нѣжности. Сидя «надъ денежными работами», она ни на минуту не забываетъ о своемъ ребенкѣ, и свѣтлыя мысли, одна увлекательнѣе другой, возбуждаютъ въ ней энергію въ тяжелыя минуты труда, нужды, физической или умственной усталости. Осмысленная дѣятельность развиваетъ въ ней силу ума, не уничтожая естественныхъ чувствъ и побужденій, вложенныхъ въ нее природою... *).

Въ двѣнадцати книгахъ «Разсвѣта» 1859 года библіографическій отдѣлъ, руководимый Писаревымъ, былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ и живыхъ въ журналѣ. Кремпинъ не могъ найти для себя лучшаго сотрудника, чѣмъ Писаревъ, въ средѣ студенческой молодежи, которая постоянно, во всѣ эпохи, высылала на журнальное поле своихъ бойкихъ, смѣлыхъ ратоборцевъ и застрѣльщиковъ передового движенія. Добролюбовъ тоже началъ свою литературную карьеру еще на скамьѣ Педагогическаго института и началъ съ полнымъ успѣхомъ, сразу возбудивъ своимъ острымъ, ядовитымъ перомъ журнальныя страсти и сразу-же сдѣлавшись блестящею надеждою «Современника», товарищемъ и другомъ Чернышевскаго. Подобно Добролюбову, Писаревъ выступаетъ съ небольшими на первыхъ порахъ рецензіями, написанными въ сдержанномъ, но смѣломъ тонѣ, закругленными, безупречно литературными періодами, отражающими свѣтлое и ровное настроеніе. Не вдаваясь въ настоящую критику, Писаревъ постоянно заботится о логической полнотѣ проводимой имъ публицистической мысли и лишь моментами, уступая порывамъ прирожденнаго таланта и внутренней потребности писать изящными красками, онъ бросаетъ на ходу отдѣльныя, частныя замѣчанія, обличающія тонкій вкусъ незауряднаго литератора и цѣнителя художественныхъ произведеній. Три рецензіи Писарева объ «Обломовѣ», «Дворянскомъ гнѣздѣ» и «Трехъ смертяхъ», напечатанныя въ послѣднихъ книгахъ «Разсвѣта», должны были обратить на себя всеобщее вниманіе—по своему тону, по мѣткости и сжатости отдѣльныхъ художественныхъ характеристикъ, по богатству литературныхъ выраженій для передачи чисто поэтическихъ впечатлѣній. Въ этихъ замѣткахъ нельзя было не увидѣть прямого критическаго дарованія съ эстетическимъ чутьемъ къ красотѣ, съ умѣньемъ проникаться художественными идеями. Для молодого студента, который только

*) «Разсвѣтъ», 1859, № 7, *Русскія періодическія изданія*, стр. 14.

еще испытывалъ свои литературныя силы, эта блистательная проба пера надъ тремя замѣчательными произведеніями русскаго искусства была настоящимъ тріумфомъ. Мы уже знаемъ, что Гончаровъ отдалъ рецензіи Писарева предпочтеніе передъ многими другими статьями о его романѣ. Въ статейкѣ о «Дворянскомъ гнѣздѣ» попадаются психологическія опредѣленія, рисующія оригинальныя особенности Тургеневскаго художественнаго письма выразительно, съ полной рельефностью. Съ убѣжденіемъ умнаго эстетика, легко и свободно разбирающагося въ самыхъ тонкихъ, внутреннихъ движеніяхъ художественной идеи, Писаревъ, подъ конецъ своей статьи, воздаетъ Тургеневу справедливую хвалу за то, что онъ не держитъ въ своемъ романѣ открыто передъ всѣми никакой внѣшней тенденціи. «Чѣмъ менѣе художественное произведеніе, говоритъ онъ, сбивается на поученіе, чѣмъ безпристрастнѣе художникъ выбираетъ фигуры и положенія, которыми онъ намѣренъ обставить свою идею, тѣмъ стройнѣе и жизненнѣе его картина, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ ею желаннаго дѣйствія» *). Въ романѣ нѣтъ ни тѣни дидактизма, а между тѣмъ встающая въ немъ картина русской жизни полна высокаго поучительнаго смысла и отражаетъ въ себѣ цѣлую эпоху. При этомъ на всемъ произведеніи лежитъ печать опредѣленной національности, переданной съ настоящею глубиною художественнаго пониманія, очищенной и осмысленной огромною силою поэтическаго таланта.

Въ разборѣ «Трехъ смертей» Писаревъ открываетъ типическія особенности художественнаго творчества Толстого. Его опредѣленія психологическихъ пріемовъ молодого писателя кратки и полны содержанія. Еще не имѣя передъ собою настоящаго Толстого, во всей громадности его беллетристическаго таланта и сложныхъ внутреннихъ страстей, выведшихъ его на путь моральнаго и религіознаго проповѣдничества, Писаревъ, тѣмъ не менѣе, съ прозорливостью тонкаго критика, улавливаетъ главные признаки этого исключительнаго, титаническаго дарованія. На немногихъ страницахъ образъ молодого Толстого встаетъ въ правдивыхъ и смѣлыхъ чертахъ, съ яркимъ выраженіемъ поэтической вдохновенности. Поэтическія достоинства «Трехъ смертей», глубокій философскій смыслъ этого произведенія, его скрытый паѳосъ, который даетъ себя чувствовать за эпически спокойными чертами простого разсказа—все это отмѣчено съ полнымъ знаніемъ дѣла, въ яркихъ фразахъ, чуждыхъ всякой искусственности. Пересказывая важнѣйшія части этого произведенія, Писаревъ дѣлаетъ по пути нѣкоторыя замѣчанія, бросающія критическій свѣтъ на его внутренній смыслъ. Какъ-бы сравнивая мысленно Гончарова, Тургенева и Толстого, рецензентъ съ особенною силою подчеркиваетъ характерныя свойства разбираемаго имъ писателя. Никто, говоритъ Писа-

*) «Разсвѣтъ» 1859. № 11, *Русскія книги*, стр. 40.

ревъ, не простираетъ далѣе Толстого своего анализа. Никто такъ глубоко не заглядываетъ въ душу человѣка. У какого автора мы найдемъ такую упорную, неумолимую послѣдовательность въ разборѣ самыхъ сокровенныхъ побужденій, самыхъ мимолетныхъ и, повидимому, случайныхъ движеній души? Читая произведенія Толстого, мы видимъ, какъ развивается и формируется въ умѣ человѣка извѣстная мысль, черезъ какія видоизмѣненія она проходитъ, какъ накипаетъ въ груди опредѣленное чувство, какъ вдругъ просыпается и разыгрывается воображеніе и какъ, въ самомъ разгарѣ мечтаній, грубая жизненная дѣйствительность разбиваетъ самыя пылкія надежды. Таинственныя, неясныя влеченія передаются у него въ словахъ, не разсѣевающихъ фантастическаго тумана. Нѣкоторыя картины возникаютъ у него какъ-бы внезапно, отъ единаго взмаха пера. Природа и человѣкъ живутъ у него одною жизнью, выступающею въ линіяхъ и контурахъ, доступныхъ осязанію. Желая дать своимъ читателямъ непосредственное представленіе о талантѣ Толстого, Писаревъ дѣлаетъ нѣсколько выписокъ изъ его разсказа, которыя должны говорить сами за себя. Этимъ способомъ онъ наглядно показываетъ настоящія достоинства этого художественнаго произведенія, достоинства, которыя заключаются «не во внѣшнемъ планѣ, не въ нити сюжета, а въ способѣ его обработки, въ группированіи подмѣченныхъ частностей, дающихъ цѣлому жизнь и опредѣленную физіономію» *).

Вотъ съ какими критическими взглядами подходилъ къ литературнымъ произведеніямъ Писаревъ въ 1859 году, на страницахъ «Разсвѣта», можно сказать, наканунѣ жаркой, но безплодной битвы съ Пушкинымъ. Въ этихъ эстетическихъ и по содержанію и по тону разсужденіяхъ еще нельзя открыть будущаго Писарева, стремительнаго діалектика съ блестящими, но фальшивыми парадоксами, съ разрушительнымъ задоромъ противъ всякаго искусства, съ мятежными страстями, направленными въ ложную сторону поддѣльною и жалкою философіею бурной эпохи журнальныхъ препирательствъ. Онъ оцѣниваетъ художественныя произведенія, прислушиваясь къ своему природному эстетическому чутью или слѣдуя внушеніямъ своего неглубокаго, но яснаго смысла. Не воспитавъ своего ума ни въ какой философской школѣ, онъ не дѣлаетъ никакихъ серьезныхъ обобщеній, не роняетъ ни единой мысли изъ болѣе или менѣе цѣльной системы понятій, руководящихъ его критическими сужденіями. Въ отрывочныхъ фразахъ, никогда не поражающихъ ни парадоксальностью, ни глубиною теоретическаго анализа, можно прослѣдить наиболѣе извѣстныя, наиболѣе популярныя истины, составляющія азбуку всякаго критическаго мышленія, но ни въ одной изъ раннихъ замѣтокъ Писарева мы не найдемъ и слабаго отблеска устойчивой доктрины, владѣющей всѣми его

*) «Разсвѣтъ» 1859. № 12. *Русскія періодическія изданія*, стр. 74.

настроеніями и убѣжденіями. Его отдѣльные взгляды отличаются логическою простотою, не требующей серьезной критики, но и эти взгляды, безъ сомнѣнія, могли бы блестяще развернуться съ теченіемъ времени, если бы Писаревъ такъ быстро не измѣнилъ своему природному таланту, если бы онъ не отравилъ своего ума эстетическимъ ученіемъ, не заключающимъ въ себѣ никакой глубокой мысли, хотя и выраженнымъ съ необычайными претензіями на полную философскую непогрѣшимость. Молодой Писаревъ стоялъ на вѣрномъ пути, когда изготовлялъ свои небольшія, но всегда талантливыя рецензіи для журнала Кремпина. Собираясь давать постоянные отчеты о прочитанныхъ имъ произведеніяхъ, онъ прямо заявляетъ, къ чему будутъ по преимуществу тяготѣть его симпатіи. «Литературныя произведенія, повѣсти, романы, говоритъ онъ, въ которыхъ свѣтлая, живая мысль представлена въ живыхъ образахъ, займутъ безспорно первое мѣсто въ нашемъ обзорѣ. На это есть причина. Прекрасная мысль, представленная въ художественномъ разсказѣ, проведенная въ жизнь, сильнѣе, глубже подѣйствуетъ на молодую душу, оставитъ болѣе благотворные и прочные слѣды, нежели отвлеченное разсужденіе» *). Его задача, какъ литературнаго критика, должна заключаться въ томъ, чтобы уловить идею художественнаго произведенія и затѣмъ, оцѣнивъ ея вѣрность, прослѣдить, какимъ образомъ «она вложилась въ образы», соотвѣтствующіе ея содержанію. Отъ каждой повѣсти онъ считаетъ себя въ правѣ требовать вѣрности характеровъ, живости дѣйствія и, при болѣе или менѣе серьезномъ замыслѣ писателя, художественной комбинаціи событій, проводящихъ опредѣленную мысль безъ всякой натяжки и тенденціознаго усилія. «Повѣсть, по нашимъ современнымъ понятіямъ, рѣшительно заявляетъ Писаревъ,—должна быть не нравоученіемъ въ лицахъ, а живымъ разсказомъ, взятымъ изъ жизни». Рука автора должна быть для насъ совершенно незамѣтна.

О самомъ эстетическомъ наслажденіи художественнымъ произведеніемъ Писаревъ выражается постоянно съ пылкимъ сочувствіемъ. Человѣку свойственно стремленіе къ прекрасному, пишетъ онъ въ одной рецензіи, и настоящее эстетическое образованіе должно пріучать его любить и понимать красоту. Говоря о русской лирической поэзіи, этотъ будущій врагъ искусства въ его лучшихъ образцахъ не находитъ никакихъ словъ для опредѣленія наиболѣе сильныхъ ея сторонъ. «Никакая характеристика, заявляетъ онъ, не можетъ дать полнаго понятія о поэзіи Пушкина или юморѣ Гоголя, не можетъ замѣнить того эстетическаго наслажденія, которое доставляетъ чтеніе ихъ произведеній» **)...

Между этими отрывочными, но несомнѣнно эстетическими сужденіями

*) «Разсвѣтъ» 1859. № 1. *Библіографія*, стр. 2.
**) «Разсвѣтъ» 1859. № 1. *Русскія книги*, стр. 13.

въ рецензіяхъ «Разсвѣта» разсѣяно множество замѣчаній, выражающихъ симпатію Писарева къ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ. Нѣжными словами отмѣчаетъ онъ «теплую вѣру» и глубокое чувство «истиннаго христіанина» въ связи съ нѣсколькими замѣчаніями о «великомъ, священномъ событіи нашего искупленія *)». Въ разныхъ мѣстахъ говорится съ полнымъ убѣжденіемъ о *святости* долга, о томъ, что каждый человѣкъ самъ управляетъ своею судьбою, что истинное развитіе ведетъ человѣка къ нравственному совершенству, научая его находить счастье «въ самомъ процессѣ самосовершенствованія **)». Надо отыскивать истину ради истины, ибо только этимъ способомъ человѣкъ развиваетъ свои умственныя силы, дѣлается нравственнѣе и чище, говоритъ съ увлеченіемъ Писаревъ. «Безкорыстный трудъ, пишетъ онъ, приноситъ съ собою самую прекрасную награду: онъ даетъ человѣку тихое внутреннее удовлетвореніе, сознаніе исполненнаго долга, онъ вырабатываетъ въ немъ твердость убѣжденій и самостоятельный, безстрастный и, въ то же время, полный теплаго сочувствія взглядъ на людей и на жизнь». Въ наше время, прибавляетъ Писаревъ въ другомъ мѣстѣ, наука не ведетъ ни къ отрицанію законовъ нравственности, ни къ отрицанію истинъ религіи. Ратуя за лучшее воспитаніе молодого женскаго поколѣнія, Писаревъ бросаетъ на страницы слѣдующія краснорѣчивыя фразы: «Благотворное вліяніе природы на молодую душу можетъ только тогда достигнуть полнаго своего развитія, когда вліяніе это будетъ, по возможности, осмыслено, когда наставники поставятъ воспитанницъ лицомъ къ лицу съ природою, когда они укажутъ имъ на ея вѣчныя красоты, когда научатъ ихъ дорожить тѣмъ святымъ чувствомъ радости и благоговѣнія, которое возбуждаютъ въ насъ просторъ, свѣтъ, чистый воздухъ, зелень, лѣса, поля, — словомъ, все то, что живетъ, въ чемъ проявляется вѣчная премудрость Творца»... ***)

II.

Въ декабрьской книгѣ «Русскаго Слова» за 1860 годъ впервые появляется имя Писарева подъ двумя литературными произведеніями. Онъ выступаетъ въ качествѣ переводчика поэмы Гейне «Атта Троль» и автора злой, но мѣстами справедливой рецензіи, написанной по поводу вышедшаго въ Москвѣ «Сборника стихотвореній иностранныхъ поэтовъ» В. Костомарова и Ѳ. Берга. Стихотворный переводъ Писарева не отличается никакими особенными достоинствами и, несмотря на полную вѣрность подлиннику, совершенно не передаетъ его великолѣпныхъ, поэтическихъ

*) Тамъ же, стр. 3.

**) «Разсвѣтъ», 1859, № 11. *Русскія книги*, стр. 35.

***) «Разсвѣтъ», 1859. № 8. *Русскія періодическія изданія*, стр. 79.

красокъ, озаренныхъ удивительнымъ сатирическимъ остроуміемъ. Разборъ небольшой московской книжки занимаетъ нѣсколько печатныхъ страницъ и, по сравненію съ рецензіями «Разсвѣта», производитъ впечатлѣніе черезчуръ суроваго литературнаго приговора, въ которомъ собственно эстетическая идея играла второстепенную роль. Черезъ полтора года по напечатаніи этой рецензіи Писареву пришлось вернуться къ переводамъ Костомарова и Берга, и тогда онъ въ гнѣвной статейкѣ, напечатанной въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года, безпощадно раскритиковалъ новый сборникъ стихотвореній подъ названіемъ «Поэты всѣхъ временъ и народовъ». Но, несмотря на быстрое развитіе Писарева въ извѣстномъ направленіи, обѣ эти рецензіи образуютъ одно согласное цѣлое безъ малѣйшаго внутренняго противорѣчія между отдѣльными мыслями и сужденіями. То, что въ менѣе рѣшительныхъ фразахъ только намѣчено въ рецензіи 1860 г., то въ критической замѣткѣ, появившейся черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, выражено въ самыхъ энергическихъ, смѣлыхъ словахъ, безъ всякой оговорки, съ явнымъ презрѣніемъ къ какимъ бы то ни было чисто эстетическимъ или поэтическимъ красотамъ. Въ короткій промежутокъ времени, наполненный многочисленными литературными трудами самаго разнообразнаго содержанія, Писаревъ успѣшно овладѣваетъ настроеніемъ эпохи и, недавній моралистъ и эстетикъ, онъ вдругъ выступаетъ ярымъ фанатикомъ самой крайней реалистической философіи. Его богатая, плавная рѣчь, прежде сверкавшая въ патетическія минуты красивыми образами, охлажденная новыми понятіями, пріобрѣла особенную рѣзкость. Его полемическая насмѣшка, проникнутая непримиримою злобою, звучитъ обидно, дерзко, вызывая отвѣтное раздраженіе. Наслажденіе самимъ искусствомъ, прежде имѣвшее такое большое значеніе въ глазахъ Писарева, теперь уже признано вредною забавою, недостойною серьезнаго, мыслящаго человѣка. Писаревъ быстро переродился въ новой журнальной атмосферѣ, насыщенной эстетическими и философскими идеями Чернышевскаго, статьи котораго въ то время волновали весь литературный міръ. Онъ сдѣлался партизаномъ извѣстнаго литературнаго движенія и критика въ его рукахъ стала мало-по-малу превращаться въ орудіе публицистической агитаціи, совершенно не считающейся съ самостоятельными задачами и цѣлями художественнаго творчества. Его литературныя сужденія, выигравъ въ рѣзкости тона, приняли направленіе, прямо враждебное тонкому, чуткому воспріятію поэтическихъ впечатлѣній. Уже въ рецензіи, написанной о «Сборникѣ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ», слышится неудовольствіе по поводу литературныхъ произведеній, въ которыхъ свободно развивается чисто-лирическое содержаніе, безъ малѣйшаго оттѣнка гражданственной сатиры. Въ библіографической замѣткѣ о томъ же предметѣ въ «Русскомъ Словѣ» 1862 года это неудовольствіе, какъ мы уже говорили, пріобрѣтаетъ характеръ яв-

наго протеста съ сатирическимъ издѣвательствомъ надъ разными «цвѣтистыми» опредѣленіями поэтическаго искусства. Писаревъ глумится не только надъ невинными переводчиками, но совершенно откровенно, не чувствуя комизма своихъ словъ, бьетъ полемическою насмѣшкою даже Карлейля—критика съ неподражаемымъ талантомъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ пророка. В. Костомаровъ приводитъ въ предисловіи, предшествующемъ переводу нѣкоторыхъ стихотвореній англійскаго поэта Бэрнса, отдѣльныя опредѣленія и выраженія изъ критической статьи о немъ, написанной Карлейлемъ. По блеску яркихъ уподобленій, — это искры настоящей поэзіи, какія постоянно вылетали изъ подъ огненнаго пера великаго писателя. Карлейль оставилъ въ англійской литературѣ цѣлый рядъ безподобныхъ характеристикъ и между ними статья его о Бэрнсѣ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Онъ родился поэтомъ, пишетъ Карлейль, и поэзія была «небеснымъ элементомъ его существа *)». На ея крыльяхъ онъ уносился въ область чистѣйшаго эфира, чтобы только не унизить себя и не осквернить свое чистѣйшее искусство. «Низко подъ его ногами лежали гордость и страсти свѣта. Онъ одинаково смотрѣлъ внизъ и на благородныхъ, и на рабовъ, и на князей, и на нищихъ,—смотрѣлъ своимъ яснымъ взглядомъ, съ братскою любовью, съ сочувствіемъ и съ состраданіемъ **)». Цитируя эти фразы изъ статьи Костомарова, Писаревъ ехидно смѣется надъ ихъ «цвѣтистымъ» содержаніемъ. Карлейль облекъ въ поэтическую ризу самую простую мысль, которую можно было бы передать слѣдующими прозаическими словами: «Робертъ Бэрнсъ былъ честный человѣкъ, никого не обманывалъ и ни передъ кѣмъ не подличалъ». Въ другомъ мѣстѣ, дѣлая параллельную характеристику Бэрнса и Байрона, Карлейль говоритъ: «Байронъ и Бэрнсъ были оба миссіонеры своего времени. Цѣль ихъ миссіи была одна и та же—научить людей чистѣйшей истинѣ. Они должны были исполнить цѣль своего призванія—тяжко лежало на нихъ это божественное повелѣніе. Они изнывали въ тяжелой болѣзненной борьбѣ, потому что не знали ея точнаго смысла: они предугадывали его въ какомъ-то таинственномъ предчувствіи, но должны были умереть, не высказавши его ясно ***)». Эти вдохновенныя фразы, отражающія цѣлую историческую философію, не возбуждаютъ въ Писаревѣ ничего, кромѣ желанія отшутиться ироническимъ замѣчаніемъ. Карлейль вѣритъ въ какія-то историческія миссіи! Онъ не только пишетъ красиво, но и думаетъ красиво, такъ что «вы, при всѣхъ усиліяхъ, не дороетесь ни до какой простой человѣческой мысли!..»

---

*) *Поэты всѣхъ временъ и народовъ*, Москва, 1862, стр. 45.

**) Ibidem, стр. 46.

***) Ibidem, стр. 47.

Рецензія о «Сборникѣ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ» была только первымъ дебютомъ Писарева въ критическомъ отдѣлѣ «Русскаго Слова». За нею послѣдовали двѣ небольшихъ статьи, довольно близкихъ по содержанію, объ «Уличныхъ типахъ» А. Голицынскаго и разныхъ книжкахъ для простого народа. Обѣ эти статьи написаны съ литературнымъ жаромъ. Писаревъ возмущается, въ замѣткѣ о книгѣ Голицынскаго, всякимъ безплоднымъ обличеніемъ нравовъ, если оно не проникнуто живою любовью къ человѣку, если оно не обнаруживаетъ умѣнья разглядывать настоящую физіономію народа за его случайною, «историческою маскою». Необходимо, чтобы обличеніе не было клеветою на жизнь, говоритъ Писаревъ. Необходимо, чтобы оно было не «камнемъ, брошеннымъ въ грѣшника, а осторожнымъ и бережнымъ раскрытіемъ раны, на которую мы не имѣемъ права смотрѣть съ ужасомъ и отвращеніемъ». Если писатель смѣется надъ тѣмъ, что въ каждой гуманной личности должно возбудить чувство грусти, состраданія или ужаса, тогда мы въ правѣ сказать, что такой смѣхъ—кощунство. «Это—гаерство, которому нуженъ канатъ и дурацкая шапка, чтобы развлекать публику, а не любовь и симпатія къ народу». Въ статейкѣ о народныхъ книжкахъ онъ выступаетъ горячимъ поборникомъ самаго широкаго народнаго образованія и полнаго сближенія интеллигенціи съ простою массою. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы велась разумная поэтическая и педагогическая пропаганда въ средѣ народа—такая пропаганда, которая безъ всякаго грубаго насилія освободила-бы простого русскаго человѣка отъ угнетающаго его невѣжества. Мы можемъ возвратить себѣ довѣріе народа, говоритъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ, «только тогда, когда станемъ къ нему снисходительными братьями». При этомъ Писаревъ не возлагаетъ никакихъ надеждъ на разныя дешевыя изданія, за которыя берутся обыкновенно люди безъ настоящаго таланта. Грошовою книжкою, говоритъ онъ, нельзя вылѣчить народъ отъ вѣковыхъ предразсудковъ. Пересмотрѣвъ цѣлый десятокъ брошюръ, онъ пришелъ къ твердому, но мало утѣшительному убѣжденію. Это—«топорныя произведенія промышленнаго пера», которыя не могутъ принести никому никакой пользы. Но дѣло русской народности не стоитъ однако на одномъ мѣстѣ: его двигаютъ не грошовыя изданія, его выносятъ на своихъ плечахъ настоящіе публицисты, ученые и художники, вырабатывающіе и проводящіе въ общественное сознаніе новыя понятія и новые идеалы *)...

Двѣ статьи: «Идеализмъ Платона» и «Схоластика XIX вѣка» открываютъ передъ нами въ первый разъ настоящаго Писарева. Въ нихъ онъ является передъ читателемъ во всеоружіи своего молодаго діалектическаго таланта, съ цѣльнымъ и законченнымъ міровоззрѣніемъ, писате-

---

*) „Русское Слово", 1861, мартъ *Русская Литература*, стр. 111.

лемъ, горячо симпатизирующимъ философскимъ идеямъ Чернышевскаго, но не лишеннымъ и своей собственной оригинальной черты. Съ этими статьями «Русское Слово» вышло на новую дорогу и, при видимомъ согласіи съ нѣкоторыми либеральными журналами, заняло совершенно особое мѣсто среди другихъ органовъ петербургской и московской печати. Въ рѣзкихъ фразахъ Писаревъ провозглашаетъ свое вѣроученіе. Не преклоняясь ни передъ какими авторитетами, онъ увѣренно и твердо ставитъ свои собственныя теоремы рядомъ съ философіей Платона, неудовлетворяющею современнаго человѣка. Онъ проповѣдуетъ индивидуализмъ и эгоизмъ, какъ рѣшительное средство выйти на свѣжій воздухъ и сбросить съ себя невыносимую тиранію «общаго идеала». Его ученіе основано на неискоренимыхъ требованіяхъ живой человѣческой личности. Прогрессивныя стремленія должны быть выраженіемъ индивидуальной воли, освобожденной отъ ненужныхъ цѣпей какой-бы то ни было нравственной философіи. Съ неустрашимою смѣлостью Писаревъ защищаетъ свою мысль на сотню различныхъ ладовъ. Не отступаясь ни передъ какими теоретическими трудностями, онъ каждымъ новымъ своимъ доводомъ стремится придать своимъ словамъ рельефность и яркость настоящаго литературнаго манифеста. Съ какой-то дикою силою онъ обрушивается на Платона и, даже не изучивъ серьезно его системы, имѣя о ней самое поверхностное, школьническое представленіе, по безцвѣтнымъ компиляціямъ русскихъ популяризаторовъ, онъ подвергаетъ ее жестокому бичеванію за отсутствіе логической простоты и убѣдительныхъ научныхъ доказательствъ. Легендою вѣковъ Сократъ и Платонъ поставлены на высокій пьедесталъ передъ всѣмъ человѣчествомъ. Ихъ идеи считаются святынею, ихъ философія служитъ предметомъ благоговѣйнаго изученія для множества ученыхъ. Писаревъ не намѣренъ развѣнчивать «почтенныхъ стариковъ», но онъ не пойдетъ и по слѣдамъ разныхъ нѣмецкихъ критиковъ, которые не могутъ говорить объ этихъ «генералахъ отъ философіи» иначе, какъ съ самыми низкими поклонами. «Доктринерство» Платона возмущаетъ его душу. Именно Платонъ воспѣлъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ болѣзненный разладъ между матеріей и духомъ, между низшими и высшими потребностями человѣка, ту самую болѣзнь, которая, спустя много вѣковъ, породила «нашихъ грызуновъ и гамлетиковъ, людей съ ограниченными умственными способностями и съ безконечными стремленіями» *). Платонъ говоритъ о какой-то абсолютной, для всѣхъ обязательной истинѣ, объ идеяхъ, стоящихъ выше земной жизни, но «пора-же, наконецъ, понять, господа, что общій идеалъ такъ-же мало можетъ предъявить правъ на существованіе, какъ общіе очки, или общіе сапоги, сшитые по одной мѣркѣ и на одну ко-

---

*) „Русское Слово“, 1861, апрѣль, *Русская Литература*, стр. 46.

лодку» *). Вся философія Платона не вытекла живою струею изъ его непосредственнаго чувства, не была вызвана условіями и обстановкою его жизни, а выработана путемъ однихъ только логическихъ умозаключеній. Онъ не былъ вѣренъ своему ученію. Грекъ, гражданинъ свободнаго народа, «здоровый и красивый мужчина, къ которому по первому призыву соберутся на роскошный пиръ друзья и гетеры», онъ старался доказать въ своихъ сочиненіяхъ, что въ этомъ мірѣ все зло. Онъ говорилъ противъ очевидности. Воздвигая гоненіе на земное начало, онъ платилъ обильную дань не только наслажденіямъ, но и порокамъ своего времени. Въ этомъ мірѣ все есть зло? А полная чаша вина при звукахъ нѣжной лиры? А ласка женщины? А звучный гекзаметръ? А дружба, которая, по мнѣнію грековъ, была выше и чище любви? Нѣтъ, Платонъ грубо ошибался въ своихъ отвлеченныхъ философскихъ разсужденіяхъ, выдавая «фантастическія бредни» за вѣчную истину. Онъ брался за рѣшеніе практическихъ вопросовъ, даже не умѣя ихъ поставить какъ слѣдуетъ, и его политическія размышленія «распадаются въ прахъ отъ самаго легкаго прикосновенія критики». Онъ вдавался въ заблужденія, которыхъ нельзя было-бы простить теперь «любому студенту» **).

Раздѣлавшись съ Платономъ, Писаревъ печатаетъ обширную статью, направленную противъ современной русской журналистики и критики. Первая половина этой статьи появилась въ майской книгѣ «Русскаго Слова», вторая—въ сентябрьской. Но обѣ части связаны между собою единствомъ основной мысли, при чемъ послѣднія главы статьи имѣютъ чисто полемическій характеръ. Мы уже касались этихъ шумныхъ страницъ въ нашихъ прежнихъ работахъ. Вмѣшавшись въ борьбу Чернышевскаго съ «Отечественными Записками», Писаревъ на практикѣ показалъ, какіе выводы можно получить, если приложить его теорію индивидуализма и эгоизма къ живымъ фактамъ современной литературы. Статья Чернышевскаго объ «Антропологическомъ принципѣ» показалась ему неразрушимою въ своихъ научныхъ доводахъ и, не говоря вслухъ объ источникѣ, онъ въ немногихъ разсужденіяхъ набрасываетъ цѣлое матеріалистическое ученіе въ тѣхъ самыхъ скандально-грубыхъ чертахъ, въ какихъ оно выражено было знаменитымъ публицистомъ «Современника». Возраженія Юркевича, конечно, ничего не стоятъ въ глазахъ Писарева. Матеріализмъ неопровержимъ, потому что за него простая, незамысловатая логика здраваго смысла. Въ практической жизни мы всѣ матеріалисты, всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями. Самый крайній идеалистъ, садясь за письменный столъ, сразу попадаетъ

---

*) Тамъ-же, стр. 48.

**) «Русское Слово», 1861, апрѣль, стр. 41, 58.

въ условія, имѣющія очевидно матеріальный характеръ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ ищетъ начатую работу, шаритъ по разнымъ угламъ, и если тетрадь или книга не попадется на глаза, отправляется искать въ другое мѣсто, хотя-бы *сознаніе* говорило ему, что онъ положилъ ее именно на письменный столъ. Самое твердое *убѣжденіе* разрушается при столкновеніи съ очевидностью, потому что свидѣтельству нашихъ чувствъ мы всегда придаемъ больше значенія, нежели соображеніямъ разсудка. «Проведите это начало, говоритъ Писаревъ, во всѣ сферы мышленія, начиная отъ низшихъ до высшихъ, и вы получите полнѣйшій матеріализмъ: я знаю только то, что вижу или вообще въ чемъ могу убѣдиться свидѣтельствомъ моихъ чувствъ». Повторивъ въ этихъ фразахъ знаменитые въ своемъ родѣ аргументы Чернышевскаго, Писаревъ затѣваетъ легкій философскій споръ съ Лавровымъ и затѣмъ, въ послѣдней половинѣ статьи, горячо схватывается съ сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ», которые усомнились въ достоинствахъ и солидности «Полемическихъ красотъ».

Въ первыхъ главахъ «Схоластики XIX вѣка» Писаревъ съ большою подробностью вычерчиваетъ тѣ самые взгляды, которые развиты имъ въ статьѣ объ «Идеализмѣ Платона». Онъ рѣшительно противъ всякихъ общихъ теорій, превращающихъ, по его мнѣнію, живые факты въ отвлеченныя, безжизненныя и безцвѣтныя понятія. Органъ постоянно прогрессирующаго сознанія, литература, а съ нею и журнальная критика, не должны задаваться никакими однообразными принципами, которые мѣшаютъ улавливать явленія жизни въ ихъ настоящемъ колоритѣ и пестротѣ природныхъ красокъ. «Насъ заѣли фразы, восклицаетъ Писаревъ вслѣдъ за Катковымъ. Мы пустились въ діалектику, воскресили схоластику и вращаемся въ заколдованномъ кругу словъ и отвлеченностей, которыя мѣшаютъ намъ дѣлать настоящее дѣло». Слѣдуя за готовыми ученіями, люди безъ оригинальнаго таланта довели литературную критику до полнаго паденія. Они заставили ее тратить силы въ безплодныхъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ въ то самое время, когда жизнь шумѣла за ихъ окномъ. Надо откинуть всякую схоластику, и тогда возрожденіе станетъ возможнымъ. Пусть литература, чуткая къ потребностямъ дня и не раболѣпствующая ни передъ какими общими теоріями, займется фактами жизни, и тогда она откроется для цѣлаго потока свѣжихъ и новыхъ впечатлѣній. Пусть наша критика разсматриваетъ «отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ» — все это ея настоящее дѣло. Чѣмъ меньше въ ней будетъ отвлеченностей и общихъ взглядовъ, чѣмъ внимательнѣе она будетъ обсуживать «отдѣльные случаи вседневной жизни», тѣмъ она будетъ плодотворнѣе.

Эта точка зрѣнія получила, наконецъ, въ статьяхъ Писарева пере-

вѣсъ надъ прежними эстетическими взглядами. Индивидуализмъ, не имѣющій другого принципа, кромѣ безусловной вѣры въ личный порывъ и личное впечатлѣніе, оригинальность мнѣнія, заключающаяся въ полной отрѣшенности отъ всякой общей умственной дисциплины, живое сліяніе съ конкретною историческою жизнью, безъ малѣйшей попытки подвергнуть ее серьезной критикѣ на основаніи высшихъ, отвлеченныхъ началъ—вотъ тѣ новыя идеи, которыя захватили и увлекли Писарева почти съ самаго начала его литературной дѣятельности на страницахъ «Русскаго Слова». Вооружившись противъ деспотической власти внѣшнихъ жизненныхъ обрядовъ и привычекъ, управляемыхъ шаблономъ, Писаревъ, заодно съ пошлою рутиною соціальныхъ нравовъ, сталъ разрушать и неизмѣнные законы общечеловѣческой логики. Ненависть ко всему, что стѣсняетъ свободную личную работу извнѣ, вдругъ раздулась у него въ слѣпую, страстную вражду противъ всякаго общаго принципа, противъ высшихъ идей, направляющихъ нашу дѣятельность въ извѣстную сторону. Живое протестантское чувство перелилось у него черезъ свои естественныя границы. Духъ свободнаго индивидуализма принялъ, подъ перомъ Писарева, поистинѣ уродливую форму, совершенно заслонивъ высокую мысль о возможной нравственной и умственной солидарности между людьми. Увлеченный собственною діалектикою, Писаревъ какъ-бы забылъ, что самое оригинальное ученіе, въ своихъ послѣднихъ выводахъ и конечныхъ стремленіяхъ, всегда сливается съ общечеловѣческими понятіями. Его оригинальность имѣетъ вершину, на которой оно останавливаетъ свой полетъ—подобно струѣ фонтана, которая, взлетѣвъ на извѣстную высоту, срывается и всею своею свѣтлою тяжестью падаетъ внизъ, въ общій бассейнъ...

III.

Убѣжденія Писарева опредѣлились во всѣхъ важнѣйшихъ подробностяхъ. Матеріалистъ въ области философіи и проповѣдникъ безграничной личной свободы въ практической области, онъ будетъ отнынѣ работать въ двухъ направленіяхъ, проводя въ каждомъ изъ нихъ свои излюбленныя мысли. Статьи его, написанныя вплоть до заключенія въ крѣпость, могутъ быть раздѣлены по темѣ на двѣ группы, хотя ихъ внутренній смыслъ и тутъ и тамъ одинъ и тотъ-же. Собственно критическая работа, какъ понималъ ее Писаревъ во дни сотрудничества въ «Разсвѣтѣ», съ глубокими требованіями художественности, отошла на задній планъ, уступивъ мѣсто публицистической агитаціи *по поводу* произведеній искусства. Не занимаясь серьезно ни наукою, ни философіею, часто компилируя лишь по двумъ, тремъ сочиненіямъ, Писаревъ умѣлъ, однако, придавать каждой своей статьѣ законченный характеръ самостоя-

тельнаго разсужденія. Онъ съ увѣренностью защищаетъ чужія мысли, обставляетъ ихъ множествомъ извѣстныхъ примѣровъ и, непомѣрно растягивая изложеніе, захватываетъ въ свои статьи какъ можно больше доказательствъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей. Но давая легкую и бойкую популяризацію научныхъ вопросовъ, Писаревъ при этомъ никогда не забываетъ своихъ агитаціонныхъ цѣлей. Подробное и всегда добросовѣстное изложеніе разныхъ научныхъ истинъ самаго примитивнаго свойства онъ постоянно пересыпаетъ публицистическими замѣчаніями, вносящими оживленіе и фосфорическій блескъ въ сухую по содержанію журнальную работу. Надъ разсужденіями, слѣдующими по стопамъ новѣйшихъ европейскихъ авторитетовъ, витаетъ самостоятельная философская идея, выработанная совокупными силами двухъ радикальныхъ петербургскихъ редакцій. Освѣщая жизнь съ разныхъ сторонъ, она не дастъ заблудиться писателю въ дебряхъ схоластики. Пренебрегая разными иностранными книжками, Чернышевскій самъ, собственными силами, воздвигъ обширное философское зданіе, а Писаревъ, его смѣлый соратникъ, съ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, послѣдовательно доведетъ его идеи до самыхъ крайнихъ положеній, призвавъ на помощь ходячіе афоризмы новѣйшаго естествознанія. Только что окончивъ статьи о Платонѣ и схоластикѣ XIX вѣка, Писаревъ печатаетъ популярное изложеніе «Физіологическихъ эскизовъ» Молешота и «Физіологическихъ писемъ» Карла Фохта. Къ этимъ двумъ литературнымъ работамъ онъ присоединяетъ въ февральской книгѣ «Русскаго Слова» 1862 года пространную популяризацію «Физіологическихъ картинъ» Людвига Бюхнера, чтобы авторитетомъ этого извѣстнаго въ русскомъ обществѣ имени подкрѣпить грубые парадоксы двухъ другихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Не обладая никакими самостоятельными знаніями въ этой сферѣ, Писаревъ передаетъ физіологическія разсужденія трехъ писателей съ необычайною пунктуальностью, часто говоря ихъ словами, пользуясь ихъ образами и открывая свободный полетъ собственнымъ мыслямъ только тамъ, гдѣ кончается точное изслѣдованіе и начинается міръ широкихъ философскихъ выводовъ. Всѣ факты научнаго наблюденія и опыта только подтверждаютъ, въ глазахъ Писарева, матеріалистическое ученіе Чернышевскаго. Строгое изученіе человѣка, разсѣявъ бредни людей, одержимыхъ «узколобымъ мистицизмомъ», привело къ твердому убѣжденію, что въ мірѣ нѣтъ ничего таинственнаго, загадочнаго. Въ природѣ существуетъ только матерія съ ея физическими и химическими свойствами. «Надо полагать и надѣяться, изрекаетъ Писаревъ, что понятія *психическая* жизнь, *психологическое* явленіе будутъ со временемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена. Они пойдутъ туда-же, куда пошелъ философскій камень, жизненный элексиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова

и иллюзіи гибнуть,—факты остаются». Что такое чувство? Въ немъ нѣтъ ничего психическаго, неразложимаго на опредѣленные матеріальные факты. Слѣдуя за Фохтомъ, Писаревъ даетъ свое собственное научное опредѣленіе. «Чувство, говоритъ онъ, есть такое раздраженіе въ мозговыхъ нервахъ, которое мгновенно, по крайней мѣрѣ, быстро и притомъ непроизвольно проходитъ черезъ всѣ нервы нашего тѣла и черезъ эти нервы такъ или иначе дѣйствуетъ на обращеніе крови» *). Вотъ что такое чувство. Опредѣливъ съ удивительнымъ успѣхомъ одно психическое явленіе, Писаревъ предлагаетъ намъ не менѣе блистательное объясненіе и другого. Что такое мысль? «Мысль, говоритъ Писаревъ, есть такое раздраженіе мозговыхъ нервовъ, которое распространяется въ нихъ медленно и не дѣйствуетъ на нервы тѣла. Оно совершается въ извѣстномъ порядкѣ, за которымъ мы сами можемъ прослѣдить и для котораго у насъ есть даже готовое названіе—логическая послѣдовательность» **). Вотъ что такое мысль. Это—раздраженіе мозговыхъ нервовъ, не дѣйствующее на нервы тѣла. Вся бѣда философовъ старой школы, по мнѣнію Писарева, заключается въ томъ, что они смотрѣли на вещи не тѣлесными, а «умственными очами». Они задавались неосуществимыми задачами—открыть общія свойства естества, основныя начала жизни, объяснить конечныя цѣли природы и человѣка. На этомъ пути ихъ могло ожидать только полное фіаско. Занимаясь подобною «дребеденью», они теряли способность обращаться какъ слѣдуетъ съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножемъ. Настоящій мыслитель только тотъ, кто видитъ вещи въ ихъ полной простотѣ, кто жизнь человѣческую изучаетъ не съ высоты отвлеченныхъ философскихъ теорій, а съ помощью анатомическаго ножа или химическаго и физіологическаго опыта. Мы похожи на ходячія печи, говорилъ Либихъ, — вотъ научный взглядъ на человѣка. Измѣните пищу человѣка, и мало-по-малу онъ измѣнится весь. Каждая дикая мысль, каждое отчаянное движеніе души могутъ быть приведены «въ нѣкоторую зависимость отъ неправильнаго или недостаточнаго питанія». Мы рождены изъ матеріи и живемъ матеріею. «Черты нашего лица и мысли нашего мозга имѣютъ такую-же географію, какъ и растенія» ***). Газы, соли, кислоты, щелочи соединяются и видоизмѣняются, кружатся и движутся безъ цѣли и безъ остановки, проходятъ черезъ наше тѣло, порождая новыя тѣла—вотъ наша жизнь, вотъ наша исторія. Вотъ открытіе новѣйшей науки, не увлекающейся больше никакою дребеденью. Факты физіологическаго процесса, не объединенные никакою отвлеченною мыслью, не сложенные въ опредѣленную систему подъ руководствомъ извѣстной философской идеи—вотъ

*) „Русское Слово» 1861, сентябрь, *Иностранная Литература*, стр. 14.

**) Тамъ-же, стр. 15.

***) „Русское Слово", 1861, іюль, *Иностранная Литература*, стр. 49.

обширное поле для научнаго изслѣдованія. Откинувъ всякія бредни, естествознаніе не ставитъ себѣ никакихъ заманчивыхъ, но вредныхъ для науки цѣлей. «Цѣль естественныхъ наукъ—никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія» *). Для естествоиспытателя, говоритъ Писаревъ, нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе...

Придя съ помощью Молешота, Фохта и Бюхнера къ этимъ превосходнымъ выводамъ, Писаревъ обращается къ прогрессивной части русской публики съ нѣсколькими юношески самодовольными словами. Онъ надѣется, что эти новыя идеи будутъ имѣть благотворное вліяніе на молодое поколѣніе, сбрасывающее съ себя «оковы рутиннаго фразерства и подавляющаго мистицизма». Легче дышать, когда вмѣсто призраковъ видишь «осязательныя явленія». Веселѣе жить, когда знаешь, съ какими силами приходится считаться, надъ какими фактами надо получить господство. «Я беру въ руки топоръ и знаю, что могу этимъ топоромъ срубить себѣ домъ или отрубить себѣ руку. Я держу въ рукѣ бутылку и знаю, что налитое вино можетъ доставить мнѣ умѣренное наслажденіе, или довести меня до уродливыхъ нелѣпостей». Въ каждой частицѣ матеріи лежитъ и наслажденіе и страданіе. Все дѣло въ томъ, чтобы пользоваться ея свойствами такъ, какъ мы пользуемся топоромъ и виномъ...

За статьями, излагающими разныя популярныя книги по естествознанію, послѣдовалъ рядъ критическихъ очерковъ о Писемскомъ, Тургеневѣ и Гончаровѣ. Съ развернутымъ знаменемъ убѣжденнаго индивидуалиста Писаревъ кинулся въ горячую битву съ отживающими, консервативными элементами русской жизни. Разбирая произведенія новѣйшей литературы, онъ уже не вдается болѣе ни въ какія эстетическія оцѣнки, но пользуется богатымъ художественнымъ матеріаломъ для того, чтобы въ рѣзкихъ выраженіяхъ заклеймить пошлую рутину житейскихъ обычаевъ и взглядовъ. Не сосредоточиваясь на поэтической картинѣ, созданной творческимъ талантомъ, онъ обсуживаетъ самую жизнь, въ ея нестройномъ видѣ, съ ея дѣйствительными изъянами и пороками. Законы искусства его не интересуютъ. Отраженіе жизни въ художественномъ зеркалѣ, психологическіе и нравственные мотивы творческаго процесса, великая тайна выраженія идей въ опредѣленныхъ поэтическихъ формахъ—все то, на чемъ по преимуществу останавливается настоящая литературная критика, совершенно отодвинуто Писаревымъ въ сторону. Онъ анализируетъ только взаимныя отношенія между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, и въ этомъ анализѣ онъ видитъ свою пря-

*) „Русское Слово“, 1861, сентябрь, *Иностранная Литература*, стр. 4.

мую задачу. Самыми ядовитыми словами бичуетъ онъ старыя поколѣнія за ихъ ретроградныя тенденціи въ вопросахъ личной морали. Съ холодною злостью предаетъ онъ открытому поруганію безсильныя, дряхлыя понятія полуинтеллигентной черни—въ цѣломъ потокѣ фразъ, отличающихся удивительною яркостью. Агитаторъ, настоящій агитаторъ проснулся въ Писаревѣ, и никогда еще русская журналистика не оглашалась такимъ удалымъ призывомъ къ полной нравственной и умственной эмансипаціи. Отбросивъ всякія условныя стѣсненія, Писаревъ заговорилъ съ читателемъ тѣми словами, которыя должны быть понятны всѣмъ и каждому. Ненавидя полумѣры, онъ потребовалъ коренной ломки тѣхъ условій жизни, въ которыхъ развиваются молодыя поколѣнія. Ничто не избѣгло его безпощадной критики. Отдаваясь прогрессивному теченію времени, онъ, безъ яркихъ философскихъ идей, съ ограниченнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, инстинктивно сталъ наносить мѣткіе удары русскому патріархальному быту во всѣхъ его типическихъ проявленіяхъ. Его публицистическія тирады, озаренныя огнемъ, въ статьяхъ предназначенныхъ дать критическое освѣщеніе важнѣйшимъ произведеніямъ русской литературы, производятъ сильное и продолжительное впечатлѣніе, несмотря на то, что часто не только не облегчаютъ, но даже затрудняютъ пониманіе того художественнаго явленія, о которомъ идетъ рѣчь. Мѣшая правильному критическому анализу, онѣ, тѣмъ не менѣе, органически сливаются съ другими его разсужденіями, образуя наиболѣе патетическія мѣста въ его лучшихъ статьяхъ, написанныхъ въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности.

Такой характеръ имѣютъ важнѣйшіе очерки Писарева, напечатанные въ «Русскомъ Словѣ» 1861 и 1862 годовъ. Совершенно извративъ свою критическую задачу, онъ наполнилъ ихъ публицистическими размышленіями на самыя передовыя темы. Только иногда, давая передышку утомленнымъ силамъ оратора, Писаревъ въ немногихъ фразахъ старается показать типическія свойства разбираемаго писателя, и тогда передъ нами, какъ молніи, вспыхиваютъ смѣлыя, яркія метафоры, говорящія о настоящемъ критическомъ талантѣ. Все вниманіе Писарева сосредоточено на публицистической темѣ, которую онъ разрабатываетъ съ полнымъ увлеченіемъ. Вопросы поэзіи вдругъ получили у него иную постановку, и до неожиданности новая эстетическая теорія, представляющая однако прямой логическій выводъ изъ философскихъ идей Чернышевскаго, стала съ необычайною помпою развертываться въ его критическихъ статьяхъ, угрожая разрушительными парадоксами и цѣлымъ, небывалымъ еще въ русской литературѣ, походомъ на искусство.

Разсмотримъ по порядку эти критическіе очерки Писарева и отмѣтимъ все то, что выдается въ нихъ по литературному таланту или блеску публицистическаго краснорѣчія. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Писаревъ напеча-

талъ обширный разборъ одного изъ лучшихъ произведеній Писемскаго «Тюфякъ». О самомъ Писемскомъ мы находимъ въ этой статьѣ только нѣсколько отрывочныхъ фразъ, удачно передающихъ характерныя особенности его огромнаго дарованія. Это — неполное, мимолетное опредѣленіе его художественной манеры, но, мелькая между многочисленными и слегка монотонными разсужденіями о любви и женской самостоятельности, счастливая характеристика писательской личности производитъ отрадное, богатое впечатлѣніе. Сопоставляя Писемскаго съ Гончаровымъ, Писаревъ указываетъ на яркое различіе этихъ двухъ художниковъ. Между ними очень мало сходства. При всей своей объективности, Гончаровъ долженъ быть названъ лирикомъ по сравненію съ Писемскимъ. Въ произведеніи Писемскаго нѣтъ ни единой черты субъективнаго отношенія автора къ своимъ героямъ. Грязь жизни остается у него грязью, сырой фактъ—бьетъ въ глаза. Онъ рисуетъ не выдающихся людей, стоящихъ надъ уровнемъ массы, а дюжинныхъ лицедѣевъ русской жизни, задыхающихся въ ея смрадной атмосферѣ. Этимъ Писемскій отличается между прочимъ и отъ Тургенева. Читая Тургенева, мы забываемъ ту почву, на которой выросли второстепенныя лица его повѣстей и романовъ и слѣдимъ съ особеннымъ вниманіемъ за самостоятельнымъ развитіемъ его главныхъ героевъ. У Писемскаго мы ни на минуту не можемъ забыть, гдѣ происходитъ дѣйствіе. «Почва постоянно будетъ напоминать о себѣ крѣпкимъ запахомъ, русскимъ духомъ, отъ котораго не знаютъ, куда дѣваться, дѣйствующія лица, отъ котораго порою и читателю становится тяжело на душѣ *)». Вотъ и все, что мы находимъ по части эстетическаго объясненія таланта Писемскаго въ статьѣ Писарева, носящей названіе «Стоячая вода». Все прочее въ ней—сплошная публицистика, съ постоянными взрывами злого смѣха надъ современными житейскими нравами. Писаревъ возмущается тѣмъ обществомъ, которое не выноситъ ничего яркаго—ни яркихъ пороковъ, ни проявленій сильной страсти, ни живыхъ движеній мысли. Горячее слово, сказанное въ защиту женской личности, можетъ упрочить за вами, въ глазахъ этого общества, репутацію развратнаго и опаснаго человѣка. Ни одна идея не доступна ему въ полномъ своемъ объемѣ. Все истинно широкое и прекрасное встрѣчаетъ его тупое недовѣріе и наглую насмѣшку. Пресмыкаясь въ ничтожествѣ, общество это живетъ по правиламъ своего узкаго, мѣщанскаго кодекса, удовлетворяясь мелкимъ либерализмомъ, эмансипирующимъ личность *до извѣстныхъ предѣловъ*, мелкимъ скептицизмомъ, допускающимъ критику ума только *въ извѣстныхъ границахъ*. Излагая различныя перипетіи разсказа, Писаревъ повсюду выдвигаетъ на первый планъ мысль, что женщина должна быть совершенно свободна въ своей любви и при-

*) «Русское Слово» 1861, октябрь, *Стоячая вода*, стр. 16.

вязанностяхъ, и съ паѳосомъ молодого демагога накидывается на лицемѣрную житейскую мораль, которая угрожаетъ ей позоромъ за малѣйшее уклоненіе отъ бездушныхъ правилъ устарѣлаго семейнаго устава. Онъ не видитъ въ русской жизни ничего достойнаго пощады въ этомъ отношеніи. Надо сжечь всѣ корабли, чтобы не было возврата къ прошедшему, восклицаетъ Писаревъ. Надо идти смѣлѣе впередъ, шагая черезъ развалины «прежнихъ симпатій, вѣрованій, воздушныхъ замковъ». Надо идти впередъ безъ оглядки, безъ сожалѣнія, не унося съ собою «никакихъ пенатовъ и реликвій, не раздваивая своего нравственнаго существа между воспоминаніями и стремленіями *)». Герои Писемскаго возбуждаютъ въ Писаревѣ негодованіе своимъ безволіемъ и неумѣніемъ выйти изъ подъ гнета патріархальнаго строя. Въ нихъ нѣтъ настоящаго прогрессивнаго духа, того протестующаго эгоизма, который ведетъ къ полному освобожденію личности.

Въ ноябрьской книгѣ «Русскаго Слова» мы находимъ другую огромную статью Писарева «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ», разрѣшающую по своему, въ самомъ началѣ, нѣсколько чрезвычайно важныхъ теоретическихъ вопросовъ и затѣмъ представляющую анализъ художественныхъ произведеній трехъ названныхъ писателей. Особенно подробно Писаревъ останавливается на Гончаровѣ, которому даетъ совершенно новую, по сравненію со статьею въ «Разсвѣтѣ», характеристику, противорѣчащую всѣмъ его прежнимъ эстетическимъ убѣжденіямъ, фальшивую по содержанію и мелкую по своей крикливой придирчивости къ нѣкоторымъ чертамъ этого замѣчательнаго художественнаго таланта. Но еще не занявшись настоящимъ предметомъ статьи, Писаревъ для эффектнаго начала бросаетъ грубое осужденіе людямъ съ выдающимся поэтическимъ талантомъ, на томъ единственномъ основаніи, что въ ихъ произведеніяхъ онъ не видитъ прямого отвѣта на требованія современной эпохи. По его мнѣнію, молодое поколѣніе, которое должно считаться высшею инстанціею при разрѣшеніи серьезныхъ литературныхъ вопросовъ, имѣетъ право остановиться въ полномъ недоумѣніи передъ дѣятельностью такихъ писателей, какъ Фетъ, Полонскій, Мей. Они ничего не внесли въ сознаніе русскаго общества. Ни однимъ своимъ произведеніемъ они не шевелили протестантскаго чувства своихъ читателей. Прогрессивная молодежь, прикинувъ къ ихъ сочиненіямъ новое критическое мѣрило, въ правѣ задать «этимъ господамъ» рядъ очень важныхъ вопросовъ, на которые она навѣрно не получитъ никакого отвѣта. «Сказали-ли вы теплое слово за идею? можетъ спросить ихъ молодое поколѣніе. Разбили-ли вы хоть одно господствующее заблужденіе? Стояли-ли вы сами хоть въ какомъ-нибудь отношеніи выше воззрѣній вашего времени» **). На всѣ эти

*) *Стоячая вода*, стр. 17.

**) «Русское Слово» 1861, ноябрь, *Писемскій*, *Тургеневъ и Гончаровъ*, стр. 2.

вопросы такіе версификаторы, какъ Мей, Фетъ, Полонскій, подобно Щербинѣ и Грекову, не въ правѣ откликнуться ни единымъ положительнымъ словомъ. Шлифуя русскій стихъ, они только усыпляли общество своими «тихими мелодіями» и воспѣвали на тысячу ладовъ «мелкіе оттѣнки мелкихъ чувствъ». Ихъ стихотворенія не оставляютъ въ памяти почти никакихъ слѣдовъ, содержаніе ихъ улетучивается съ такою-же быстротою, какъ забывается докуренная сигара. Интересоваться ихъ дѣятельностью нѣтъ почти никакого смысла, потому что чтеніе ихъ поэтическихъ писаній «дѣйствительно хорошо только въ гигіеническомъ отношеніи, послѣ обѣда», а самые стихи полезны въ очень ограниченномъ смыслѣ слова— для верстки листовъ, «для пополненія бѣлыхъ полосъ, т. е. страницъ между серьезными статьями и художественными произведеніями, помѣщающимися въ журналахъ» *). «Попробуйте, милостивый государь, обращается Писаревъ съ коварнымъ подмигиваніемъ къ читателю, переложить два, три хорошенькихъ стихотворенія Фета, Полонскаго, Щербины или Бенедиктова въ прозу и прочтите ихъ такимъ образомъ. Тогда всплывутъ наверхъ, подобно деревянному маслу, два драгоцѣнныя свойства этихъ стихотвореній: во-первыхъ, неподражаемая мелкость основной идеи, и во-вторыхъ—колоссальная напыщенность формы» **). При внимательномъ изученіи, въ нихъ не оказывается совершенно того внутренняго содержанія, котораго нельзя замѣнить никакими «фантастическими арабесками». Авторы этихъ стихотвореній не настолько развиты, чтобы стать въ одинъ уровень съ требованіями вѣка, и не настолько умны, чтобы силою собственнаго здраваго смысла выхватить новыя идеи изъ воздуха эпохи. «Они не настолько впечатлительны, чтобы, смотря на окружающія явленія обыденной жизни, отражать въ своихъ произведеніяхъ физіономію этой жизни съ ея бѣдностью и печалью. Имъ доступны только маленькія треволненія ихъ собственнаго, узенькаго психическаго міра». Изъ всѣхъ современныхъ лириковъ Писаревъ выдѣляетъ только Майкова и Некрасова. Некрасова онъ уважаетъ «за его горячее сочувствіе къ страданіямъ простого человѣка, за честное слово, которое онъ всегда готовъ замолвить за бѣдняка и угнетеннаго». Майкова — «какъ умнаго и совершенно развитого человѣка, какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью, какъ поэта, имѣющаго опредѣленное, трезвое міросозерцаніе». Но у Фета и Полонскаго нѣтъ ни міровоззрѣнія, ни простого сочувствія людскимъ страданіямъ. Три писателя, имена которыхъ перейдутъ въ потомство въ неразрывномъ союзѣ, которые постоянно тяготѣли другъ къ другу и, несмотря на упорный свистъ журнальной критики, сумѣли твердо устоять на своихъ мѣстахъ, не принося

---

*) Тамъ-же, стр. 5.

**) Тамъ-же.

безсмысленныхъ жертвъ никакимъ капризнымъ богамъ, оказались почему-то не заслуживающими общаго суда и приговора. Судьба, страннымъ образомъ воплотившаяся въ сужденіяхъ Писарева, нашла нужнымъ пощадить одного только Майкова отъ публичнаго посрамленія на глазахъ передовой толпы. Даже Фету Писаревъ отказываетъ въ настоящемъ поэтическомъ талантѣ, хотя талантъ этотъ бьетъ въ глаза и моментами играетъ удивительными красками. Двумя годами раньше Писаревъ навѣрно не рѣшился-бы поставить такъ низко писателя, который съ рѣдкимъ искусствомъ описалъ цѣлый міръ новыхъ и свѣжихъ впечатлѣній, обнаруживъ при этомъ поразительную отзывчивость на самыя нѣжныя движенія человѣческой души. Но подъ конецъ 1861 года Писаревъ, обуреваемый стремленіями эпохи, съ ея гражданственною страстью, не нашедшею для себя настоящихъ теоретическихъ оправданій, съ ея грубыми философскими предразсудками, широко распространявшимися въ окружающей атмосферѣ, долженъ былъ пойти въ разрѣзъ съ своимъ собственнымъ критическимъ чутьемъ въ угоду новому шаблону. Передъ его строгимъ трибуналомъ Фетъ оказался какимъ-то умственнымъ ничтожествомъ, а Полонскій поэтическимъ пигмеемъ, съ которымъ легко раздѣлаться нѣсколькими пренебрежительными фразами — тотъ самый Полонскій, котораго Майковъ еще въ 1855 году воспѣлъ въ слѣдующихъ звучныхъ стихахъ, прекрасно передающихъ лучшія особенности его лирическаго таланта, полнаго огня и вдохновенія:

Твой стихъ, росой и ароматомъ
Родной и небу и землѣ,
Блуждаетъ странникомъ косматымъ
Между міровъ, свѣтя во мглѣ.
Люблю въ его кудряхъ я длинныхъ
И пыль отъ млечнаго пути,
И желтый листъ дубравъ пустынныхъ,
Гдѣ отдыхалъ онъ въ забытьи.
Стремится рѣчь его свободно.
Какъ въ звонѣ стали чистой, въ ней
Закалъ я слышу благородной,
Души возвышенной твоей.

Но оцѣнка русской лирической поэзіи, сдѣланная Писаревымъ, прямо вытекаетъ изъ его общихъ поэтическихъ положеній, выраженныхъ съ обычною смѣлостью, не знающею никакихъ границъ, не останавливающеюся даже передъ явными логическими абсурдами. Упрощая смыслъ самого поэтическаго творчества до степени нехитраго проявленія извѣстной нервной впечатлительности, соединенной съ «техническимъ» умѣніемъ отливать готовую идею въ опредѣленную, виртуозную форму, Писаревъ не могъ уже отнестись съ сочувствіемъ къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ нѣтъ открытой, бьющей въ глаза, современной тенденціи.

Тамъ, гдѣ поэтическій образъ органически неотдѣлимъ отъ идеи, гдѣ внѣшняя форма, облекая творческую мысль художника во всѣхъ ея подробностяхъ, не можетъ быть искусственно оторвана отъ нея, не можетъ открыть своего глубокаго внутренняго содержанія иначе, какъ въ широкомъ критическомъ истолкованіи по эстетическимъ законамъ красоты, тамъ Писаревъ уже не видитъ теперь ничего, кромѣ пустыхъ словъ и фантастическихъ арабесокъ. Надо, чтобы мысль висѣла надъ произведеніемъ, какъ ярко размалеванная вывѣска. Читатель, «платящій за произведеніе деньги», въ правѣ требовать, чтобы художникъ точно опредѣлилъ, въ выраженіяхъ, не порождающихъ никакого сомнѣнія, свои симпатіи и антипатіи, потому что лирика, занятая только «любовными похожденіями» и «нѣжными чувствованіями», не имѣетъ права серьезно претендовать на видную роль въ развитіи общества. Кому какое дѣло, спрашиваетъ Писаревъ, до того, что чувствуетъ тотъ или другой поэтъ, при видѣ любимой имъ женщины? Кому охота вооружаться терпѣніемъ и микроскопомъ, чтобы слѣдить за мелкими движеніями мелкихъ душъ Фета, Мея или Полонскаго...

Характеристика Гончарова, представленная въ этой статьѣ и дополненная черезъ мѣсяцъ въ критическомъ очеркѣ, подъ названіемъ «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова», даетъ прекрасный образчикъ тѣхъ заблужденій, въ которыя часто впадала мысль Писарева, несмотря на его природную чуткость къ поэтическимъ и художественнымъ красотамъ. Какъ мы уже говорили, Писаревъ разошелся въ этой характеристикѣ съ своей собственной замѣткой о Гончаровѣ, написанной для «Разсвѣта». Горячая симпатія къ таланту Гончарова, сказавшаяся тогда въ немногихъ, но смѣлыхъ разсужденіяхъ, смѣнилась теперь какою-то странною враждою, упорнымъ чувствомъ неудовольствія всею его художественною манерою, лучшими сторонами его творческаго процесса. На писательскую личность Гончарова брошенъ здѣсь другой свѣтъ, и все, что прежде вмѣнялось ему въ особую заслугу, теперь призвано къ отвѣту передъ обличительной критикой новаго направленія.

Бойко перебирая наиболѣе яркія стороны въ произведеніяхъ Гончарова, Писаревъ не находитъ нигдѣ ни одной черты, ни одного образа, которымъ могъ бы подарить свое сочувствіе. Все въ нихъ вдругъ оказалось ничтожнымъ, мелкимъ, фальшивымъ. Еще недавно великій художникъ, сумѣвшій разгадать, понять и отразить въ совершенномъ образѣ одну изъ типическихъ особенностей русскаго національнаго характера, писатель съ огромнымъ умомъ, никогда не уклоняющимся въ сторону отъ настоящаго искусства, съ его полнымъ, цѣльнымъ и свободнымъ творчествомъ, Гончаровъ въ новой характеристикѣ Писарева вышелъ какимъ-то жалкимъ педантомъ безъ опредѣленнаго взгляда на вещи, безъ

художественнаго паѳоса, безъ умѣнія проникаться внутренними мотивами русской жизни. Своею опрометчивою рѣзкостью эти страницы Писарева о Гончаровѣ непосредственно примыкаютъ къ его статьямъ о Пушкинѣ и, вмѣстѣ съ ними, останутся навсегда неопровержимымъ доказательствомъ полной логической несостоятельности его основныхъ теоретическихъ положеній.

Писаревъ не можетъ найти у Гончарова ни одной новой и свѣжей мысли. Его «микроскопическій анализъ» останавливается только на мелочахъ, не проникая глубоко въ суть предмета. Великій мастеръ обрабатывать разныя бездѣлушки, онъ никогда не поднимается до созиданія настоящихъ живыхъ типовъ. «Гончаровъ, какъ художникъ, говоритъ Писаревъ, то же самое, что Срезневскій, какъ ученый *)». Онъ творитъ для процесса творчества, не заботясь о важности сюжета, не спрашивая себя о томъ, высѣкаетъ-ли онъ своимъ рѣзцомъ великолѣпную статую, или вытачиваетъ ничтожное украшеніе для письменнаго стола. Ни одно изъ созданій Гончарова не вноситъ никакого свѣта въ окружающую жизнь, и потому «мы можемъ взглянуть на всю его дѣятельность, какъ на явленіе чрезвычайно оригинальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени безполезное». Даже «Обломовъ» показался теперь молодому критику ничтожной, *клевотнической* выдумкой на русскую дѣйствительность **). Въ этомъ романѣ дѣйствующія лица вращаются въ безразличной атмосферѣ, ничѣмъ не обнаруживающей своего чисто русскаго колорита. Отдѣлайтесь отъ обаянія великолѣпнаго языка, отбросьте аксесуары, мало относящіеся къ дѣлу, обратите вниманіе на тѣ фигуры, въ которыхъ сосредоточивается мысль романа, и вы увидите, что во всемъ произведеніи нѣтъ ничего русскаго, нѣтъ ничего типичнаго. Даже Ольга, та самая Ольга, которую такъ недавно Писаревъ оцѣнилъ съ увлеченіемъ въ своей студенческой рецензіи, кажется ему теперь только красивою маріонеткою...

Объективное творчество Гончарова, не обнаруживающее его личныхъ взглядовъ, являющееся передъ читателемъ въ образахъ и картинахъ безъ всякаго партійнаго клейма, произвело замѣшательство въ критическихъ сужденіяхъ Писарева. Огромная идея Обломова, обнимающая цѣлую національную психологію, но не дающая никакихъ конкретныхъ указаній, пригодныхъ для данной минуты, не могла не подвергнуться критическимъ нападкамъ съ его стороны. Произведеніями Тургенева можно было воспользоваться для цѣлей журнальной агитаціи. Его художественное дарованіе, никогда не перестававшее слѣдить за вѣяніями эпохи, постоянно давало матеріалъ для публицистическихъ разсужденій на живыя темы.

---

*) «Русское Слово» 1861, ноябрь, *Русская литература*, стр. 14.

**) Тамъ-же, стр. 23.

Новые люди, выступавшіе у Тургенева въ яркомъ освѣщеніи, раздражавшемъ и поднимавшемъ нервы, не могли не сдѣлаться предметомъ самыхъ горячихъ дебатовъ въ литературѣ и жизни. Но въ эпическомъ творчествѣ Гончарова Писаревъ не нашелъ этой волнующей стихіи живой современности, и потому онъ, открыто покаявшись въ своихъ прошлыхъ ошибкахъ, въ рѣзко написанной характеристикѣ развѣнчалъ и низвергъ того бога, которому недавно пропѣлъ почти восторженный гимнъ. И эта новая оцѣнка выдающагося художника, наглядно показавшая воинствующій духъ молодого писателя, произвела въ свое время огромную сенсацію, хотя для понимающихъ людей не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что въ литературномъ отношеніи Писаревъ сдѣлалъ очень грубый промахъ...

Въ послѣдней статьѣ этого года — «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова» — Писаревъ опять выступаетъ пламеннымъ защитникомъ полной женской эмансипаціи. Съ настоящимъ краснорѣчіемъ, онъ, не щадя обличительныхъ красокъ, рисуетъ всю ненормальность того положенія, которое занимаетъ женщина въ современномъ обществѣ. Своею свѣжею наивностью многія страницы этой статьи производятъ впечатлѣніе увлекательныхъ монологовъ, вырванныхъ изъ превосходнаго художественнаго произведенія. Писаревъ самъ набрасываетъ рядъ картинъ, въ которыхъ личная и семейная жизнь стараго поколѣнія расходится съ идеальными формами бытовыхъ и нравственныхъ отношеній, рисующимися его пылкому воображенію. Привязывая свои разсужденія къ случайнымъ образамъ, взятымъ изъ романовъ Тургенева, Писемскаго и Гончарова, онъ совершенно не стѣсняется находящеюся передъ его глазами художественною рамкою и даетъ свободный полетъ своей собственной фантазіи. Онъ какъ бы вмѣшивается въ событія интереснаго романа или повѣсти, и гдѣ его личное убѣжденіе не сходится съ настроеніемъ изображенныхъ героевъ, обращается къ нимъ съ внушительными рѣчами, выражающими горячее чувство протеста. Тирады, проникнутыя рыцарскою готовностью биться до послѣдней возможности за права русской женщины, чередуются со страницами, на которыхъ преступленіе мужчинъ рисуется въ ужасающихъ фразахъ. «Посмотримъ, что мы даемъ нашимъ женщинамъ, восклицаетъ Писаревъ. Посмотримъ — и покраснѣемъ отъ стыда! Порисоваться передъ женщиною изяществомъ чувствъ, огорошить ее блестящею оригинальностью вычитанной мысли, очаровать ее красивою смѣлостью честнаго порыва — это наше дѣло. А дальше, дальше, когда надо эту же самую женщину поддержать, защитить, ободрить — мы на попятный дворъ, мы начинаемъ дѣлаться благоразумными, мы стараемся залить тотъ пожаръ, который сами раздули. Да, вотъ мы каковы» *). И среди такихъ разсужденій на эмансипаціонную тему

*) «Русское Слово» 1861, Декабрь, *Женскіе типы*, стр. 6.

Писаревъ вдругъ, по старой памяти, бросаетъ нѣсколько замѣчаній, относящихся къ дѣлу и, вѣрнѣе самыхъ смѣлыхъ монологовъ, выводящихъ его на широкую литературную дорогу. Въ разсматриваемой статьѣ есть одна страница, на которой въ немногихъ словахъ дается прекрасная характеристика Писемскому, характеристика уже намѣченная, какъ мы видѣли, въ предыдущемъ очеркѣ. Сравнивая Тургенева съ Писемскимъ, Писаревъ говоритъ: «у Тургенева мы находимъ разнообразіе женскихъ характеровъ, у Писемскаго разнообразіе положеній. Тургеневъ входитъ своимъ тонкимъ анализомъ во внутренній міръ выводимыхъ личностей, Писемскій останавливается на яркомъ изображеніи самого дѣйствія. Романы Тургенева глубже продуманы и прочувствованы, романы Писемскаго плотнѣе и крѣпче построены». Тургеневъ иногда мудритъ надъ жизнью, у Писемскаго букетъ нашей жизни, «какъ крѣпкій запахъ дегтя, коноплянника и тулупа», поражаетъ нервы читателя съ огромною силою. Общая атмосфера нашего быта схвачена у Писемскаго полнѣе, чѣмъ у Тургенева. Онъ лѣпитъ прямо съ натуры, и некрасивыя, грубыя, «кряжистыя» созданія его таланта передаютъ русскую дѣйствительность безъ малѣйшей тенденціи въ ту или другую сторону *).

Несмотря на нѣкоторое преувеличеніе, въ этой параллельной характеристикѣ фигура Писемскаго встаетъ, какъ живая. Въ минуты, свободныя отъ публицистическихъ тревогъ, Писаревъ умѣлъ показывать себя настоящимъ критикомъ. Поэтическія сравненія возникали у него съ необычайною легкостью, и надо было съ сектантскимъ упорствомъ постоянно загонять свои разсужденія на готовые рельсы, чтобы свѣтлое дарованіе вдругъ не измѣнило въ немъ убѣжденіямъ партійнаго бойца, презирающаго всякія праздныя забавы искусства...

IV.

«Отцы и дѣти» появились въ февральской книгѣ «Русскаго Вѣстника» 1862 года, а въ мартѣ мѣсяцѣ Писаревъ уже печатаетъ свой критическій разборъ этого романа. По силѣ таланта—это одна изъ лучшихъ его статей. Произведеніе Тургенева глубоко захватило его, взволновало и очаровало. Не поддавшись никакимъ партійнымъ соображеніямъ, онъ съ пыломъ и жаромъ оцѣнилъ его художественныя достоинства, его огромное литературное значеніе и, несмотря на враждебное настроеніе передовой печати, усмотрѣвшей въ романѣ лукавую мысль осмѣять лучшихъ героевъ современнаго общества, Писаревъ отнесся къ Тургеневу съ полнымъ уваженіемъ за широкую и смѣлую постановку важнаго вопроса о новомъ поколѣніи. Онъ не уличаетъ Тургенева ни въ какихъ ретроград-

*) «Русское Слово» 1861, Декабрь, *Русская Литература*, стр. 23.

ныхъ тенденціяхъ, какъ это дѣлалъ Антоновичъ, и главный герой произведенія, Базаровъ, очерченный художникомъ съ необычайною силою таланта, кажется ему не пародіей на новыхъ русскихъ людей, а ихъ лучшимъ и совершеннѣйшимъ оправданіемъ, хотя между Базаровымъ въ романѣ и Базаровыми въ жизни есть, по мнѣнію критика, существенная разница. Писаревъ согласенъ допустить, что Тургеневъ не сочувствуетъ вполнѣ ни «отцамъ», ни «дѣтямъ», что его отрицаніе гораздо глубже и серьезнѣе «отрицанія тѣхъ людей, которые, разрушая то, что было до нихъ, воображаютъ себѣ, что они—соль земли и чистѣйшее выраженіе полной человѣчности». Но, не угождая никому, Тургеневъ въ главномъ, въ самомъ существенномъ не погрѣшилъ противъ фактовъ дѣйствительной жизни, и Базаровъ, съ его крупнымъ умомъ, желѣзною волею, со всѣми привлекательными чертами его яркой индивидуальности, стоитъ передъ нами, какъ живой человѣкъ, какъ героическій характеръ, не измѣнившій себѣ съ начала до конца романа ни единымъ поступкомъ, ни единымъ словомъ. Взглянувъ на Базарова со стороны, разсмотрѣвъ его тѣмъ холоднымъ, испытующимъ взглядомъ, который вырабатывается опытомъ жизни, Тургеневъ оправдалъ и оцѣнилъ его по достоинству, удостовѣрилъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми. «Этого слишкомъ достаточно, говоритъ Писаревъ, для того, чтобы снять съ романа Тургенева всякій, могущій возникнуть, упрекъ въ отсталости направленія, этого достаточно даже для того, чтобы признать его романъ практически полезнымъ для настоящаго времени». Вся статья Писарева имѣетъ одну только цѣль: объяснить Базарова какъ можно полнѣе, выставить его главные принципы въ самомъ яркомъ освѣщеніи, показать его живую связь съ новыми стремленіями русскаго общества. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за движеніемъ разсказа, и повсюду онъ видитъ блескъ идеи, воплощенной въ сильной, художественной фигурѣ. Какова эта идея? Что въ ней новаго по сравненію съ старыми понятіями «отцовъ?» Какіе новые пути она открываетъ молодымъ силамъ, не желающимъ идти старыми путями? Базаровъ—чистый эмпирикъ. Прослушанный имъ курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ развилъ въ немъ природный умъ и отучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія. Опытъ сдѣлался для него единственнымъ источникомъ научнаго познанія, личное ощущеніе—точкою опоры для всякаго доказательства. Какъ эмпирикъ, Базаровъ «признаетъ только то, что можно ощупать руками, увидать глазами, положить на языкъ, словомъ, только то, что можно освидѣтельствовать однимъ изъ пяти чувствъ». Для Базарова не существуетъ никакихъ идеаловъ и, кромѣ непосредственнаго влеченія, онъ можетъ руководиться въ жизни только еще разсчетомъ. «Ни надъ собою, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого

принципа. Впереди—никакой высокой цѣли, въ умѣ—никакого высокаго помысла, и при всемъ этомъ—сила огромная» *). Его можно назвать убѣжденнымъ циникомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Онъ циникъ по складу своего ума и по рѣзкости своихъ внѣшнихъ манеръ, и, несмотря на этотъ двойной цинизмъ, приводящій постоянно въ замѣшательство его знакомыхъ, онъ обладаетъ непонятною силою притягивать къ себѣ людей. Къ нему тянутся всѣ, въ каждомъ обществѣ онъ быстро дѣлается центромъ вниманія, умъ его производитъ возбуждающее дѣйствіе на людей различныхъ классовъ... Давъ такую общую характеристику Базарову, Писаревъ приступаетъ къ подробному анализу важнѣйшихъ событій романа. Отношеніе Базарова къ Аркадію Кирсанову, къ родителямъ, къ представителямъ стараго поколѣнія, въ особенности къ Павлу Петровичу Кирсанову, отношеніе Базарова къ народу, любовь къ Одинцовой и, наконецъ, потрясающая по художественной силѣ картина смерти Базарова,—все это Писаревъ изучаетъ и освѣщаетъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ какъ бы живетъ мыслями и чувствами Базарова. Въ художественномъ образѣ Базарова онъ увидѣлъ черты своей собственной умственной и нравственной физіономіи, отраженіе своихъ лучшихъ симпатій и влеченій. Нѣкоторыя фразы Базарова звучатъ въ его ушахъ, какъ выраженіе его личной мысли. Непримиримое отрицаніе, съ которымъ онъ относится къ патріархальному строю русской жизни, могло бы показаться блестящимъ поэтическимъ комментаріемъ къ его собственнымъ идеямъ, изложеннымъ въ нѣкоторыхъ его статьяхъ. Писареву не кажется труднымъ объяснить самыя мелкія проявленія его натуры и, становясь на мѣсто Базарова, проникаться его духомъ, говорить его афоризмами, продолжать его дѣятельность въ фантастическихъ условіяхъ грядущей эпохи. Между нимъ и Базаровымъ нѣтъ никакого разногласія, въ ихъ главныхъ, принципіальныхъ убѣжденіяхъ, хотя онъ видитъ нѣкоторыя его грубыя заблужденія въ несущественныхъ, второстепенныхъ вопросахъ. Человѣкъ съ изысканно аристократическими манерами, съ привычками утонченнаго внѣшняго изящества, Писаревъ недоволенъ угловато-рѣзкими пріемами Базарова въ обращеніи съ людьми, пріемами, которые, очевидно, должны *уронить* и *опошлить* его въ глазахъ фешенебельныхъ читателей. «Можно быть крайнимъ матеріалистомъ, заявляетъ Писаревъ, полнѣйшимъ эмпирикомъ, и въ то-же время заботиться о своемъ туалетѣ, обращаться утонченно вѣжливо съ своими знакомыми, быть любезнымъ собесѣдникомъ и совершеннымъ джентльменомъ». Еще не дойдя до явнаго и безусловнаго отрицанія искусства, Писаревъ упрекаетъ Базарова за опрометчивыя сужденія въ эстетической области. Базаровъ «завирается». Онъ отрицаетъ съ

*) «Русское Слово» 1862, мартъ, *Базаровъ*, стр. 6.

плеча вещи, которыхъ не знаетъ. Поэзія, по мнѣнію Базарова, ерунда, читать Пушкина—потерянное время, заниматься музыкою—смѣшно, наслаждаться природою—нелѣпо. Затертый трудовою жизнью, Базаровъ потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ «способность наслаждаться *пріятнымъ раздраженіемъ* зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ разумныя основанія отрицать или осмѣивать эту способность въ другихъ» *). Здѣсь Базаровъ не вѣренъ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, и рѣшительно отвергая всякое значеніе за эстетическими удовольствіями, онъ этимъ самымъ вдается въ нѣкоторый умственный деспотизмъ и, во всякомъ случаѣ, уклоняется съ пути чистаго эмпиризма. «Послѣдовательные матеріалисты, въ родѣ Карла Фохта, Молешота и Бюхнера, не отказываютъ поденщику въ чаркѣ водки, а достаточнымъ классамъ употребленіе наркотическихъ веществъ,—отчего-же, спрашиваетъ Писаревъ, допуская употребленіе водки и наркотическихъ веществъ вообще, не допустить наслажденія красотою природы, мягкимъ воздухомъ, свѣжею зеленью, нѣжными переливами контуровъ и красокъ?» **). Базаровъ съ ненужною подозрительностью ищетъ проявленій романтизма тамъ, гдѣ его никогда не было. Онъ хотѣлъ-бы предписывать человѣку законы. Онъ хотѣлъ-бы запретить ему извѣстныя удовольствія—вопреки здравой и вѣрной теоріи личныхъ ощущеній, имѣющихъ въ его собственныхъ глазахъ высшій авторитетъ предъ всѣми другими, старыми критеріями.

Отъ Писарева не ускользнули нѣкоторыя тонкія, едва замѣтныя черты, обнаруживающія смущенное состояніе духа Базарова послѣ любовной неудачи съ Одинцовою. Ему понятно, что, несмотря на всю свою убѣжденность, Базаровъ въ глубинѣ души заталъ стремленія и чувства, выходящія изъ рамки нигилизма. Увлеченный до фанатизма извѣстною мыслью, цѣлою системою теоретическихъ понятій, Базаровъ постоянно сковывалъ свою богатую природу въ опредѣленномъ направленіи. Никогда онъ не пошелъ-бы въ разрѣзъ не только съ своими убѣжденіями, но и привычками, пока онъ могъ твердо держаться на холодной высотѣ своихъ сознательныхъ, разсудочныхъ требованій. Но вотъ случилось несчастье. Базаровъ умираетъ, и въ минуту смерти онъ какъ-бы сбрасываетъ съ себя всякія оковы и показываетъ свою натуру такою, какою никто не видѣлъ ее въ обыкновенное время, въ суматохѣ жизни, съ ея вѣчною борьбою желаній, предразсудковъ, съ ея никогда не умолкающимъ гуломъ препирательствъ изъ-за каждаго пустяка. Передъ смертью Базаровъ становится *естественнѣе*, человѣчнѣе, непринужденнѣе и, открывшись весь, возбуждаетъ къ себѣ такое сочувствіе, какого никогда

*) *Базаровъ*, стр. 23.
**) *Базаровъ*, стр. 25.

не вызывалъ въ минуты полнаго здоровья, когда «онъ холоднымъ разсудкомъ контролировалъ каждое свое движеніе и постоянно ловилъ себя на романтическихъ поползновеніяхъ»...

На послѣднихъ страницахъ своей статьи Писаревъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ главную идею «Отцовъ и дѣтей». Смыслъ романа, пишетъ онъ, такой: «Теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности, но въ самыхъ увлеченіяхъ сказываются свѣжая сила и неподкупный умъ. Эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержатъ ихъ въ жизни *)»... Вотъ какъ понялъ Писаревъ замѣчательное произведеніе Тургенева. Сличая идеи Базарова съ собственными мыслями и настроеніями, онъ пришелъ къ убѣжденію, что у Тургенева всѣ намѣренія, вольныя и невольныя, склонились къ тому, чтобы не только оправдать, но и возвеличить новое движеніе умовъ въ русскомъ обществѣ. Если откинуть нѣкоторыя ничтожныя логическія погрѣшности Базарова, то окажется, что онъ правъ передъ всѣми окружающими его людьми, что опредѣленныя убѣжденія проникаютъ все его существо, что въ его характерѣ нѣтъ ни малѣйшей трещины. Сужденія Базарова объ искусствѣ можно оставить въ сторонѣ, какъ совершенно ничтожный промахъ, нисколько не вліяющій на всѣ его другія понятія. Его внѣшняя неделикатность и даже чрезмѣрная рѣзкость въ обращеніи съ людьми не имѣетъ никакого серьезнаго значенія и вовсе не вытекаетъ изъ его общихъ понятій. Это все случайныя черты въ художественной фигурѣ, выхваченной непосредственно изъ жизни, но не во всемъ пользующейся сочувствіемъ самого Тургенева. Базаровъ могъ-бы быть и человѣкомъ съ изящными манерами, а къ искусству онъ могъ-бы относиться съ тѣмъ-же снисходительнымъ одобреніемъ, съ какимъ извѣстные матеріалисты, въ родѣ Карла Фохта, Молешота и Бюхнера, относятся къ чаркѣ водки, выпиваемой рабочимъ человѣкомъ въ минуты отдохновенія отъ тяжелаго труда...

Но характеръ Базарова глубже и рѣшительнѣе, чѣмъ это показалось Писареву. Базаровъ отрицаетъ искусство, Пушкина, Рафаэля, какъ пустую и ничтожную романтику, не по ошибкѣ, а по строгому и ясному для него убѣжденію. Его отрицаніе простирается на все, что поднимается выше обычнаго жизненнаго опыта съ его нехитрою системою простыхъ и постоянно повторяющихся ощущеній. Шире Писарева понимаетъ онъ высокую цѣль искусства и, не желая измѣнить своему эмпирическому взгляду на задачу человѣческой жизни, онъ рѣшительно и твердо отвергаетъ его, какъ ненужную и даже вредную забаву. Въ этомъ отрицаніи высшихъ проявленій человѣческаго духа Базаровъ обнаружи-

*) *Базаровъ*, стр. 54.

ваетъ честную прямоту своихъ непреклонныхъ убѣжденій и, какъ мыслящій умъ, безконечно поднимается надъ жалкими уподобленіями Писарева, который не видитъ никакой разницы между «пріятнымъ раздраженіемъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ» и самыми глубокими поэтическими впечатлѣніями. Онъ не вѣритъ не только въ искусство, но и въ науку, хотя онъ готовъ признать, что порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта. «Я уже доложилъ вамъ, говоритъ онъ, обращаясь къ Павлу Петровичу Кирсанову,—что ни во что не вѣрю. Что такое наука—наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, знанія, а науки вообще не существуетъ вовсе». Онъ отрицаетъ даже эстетическое наслажденіе природою, потому что и она постигается вовсе не одними простыми ощущеніями. Глядя вдаль на пестрыя поля, красиво и мягко освѣщенныя лучами заходящаго солнца, Аркадій Кирсановъ спрашиваетъ Базарова:

— И природа пустяки?

— И природа пустяки, отвѣчаетъ Базаровъ, въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ.

Въ рѣшительной схваткѣ съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ онъ смѣло отрекается отъ всякой солидарности съ нимъ въ чемъ-бы то ни было.

— Мы дѣйствуемъ,—говоритъ онъ ему,—въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ. Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе—мы отрицаемъ.

— Все?

— Все.

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить...

— Все, съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

Въ этомъ безпощадномъ отрицаніи, не знающемъ никакихъ границъ, Базаровъ какъ-бы видитъ свое призваніе, въ этомъ—его особая оригинальность, сила. Смѣлый и глубокій умъ, онъ не поставитъ искусство въ одну линію съ грубыми средствами внѣшняго возбужденія, а выдѣливъ его изъ всѣхъ орудій обычнаго вліянія на людей, тѣмъ сильнѣе ударитъ въ него своею саркастическою насмѣшкою. Съ послѣдовательностью настоящаго мыслителя, онъ не боится никакихъ выводовъ изъ своихъ словъ и только собственная шаткость и постоянныя колебанія Писарева въ важныхъ вопросахъ морали и эстетики помѣшали ему замѣтить всю непреклонную твердость Базарова въ принципіальномъ для него дѣлѣ отрицанія всякаго искусства. Въ этой умственной твердости Базарова и весь интересъ романа. Художникъ надѣлилъ своего героя лучшими нравственными качествами, щедрою рукою расписалъ его острыя діалектическія способности, не пожалѣлъ и красокъ для изображенія его полнаго жизненныхъ силъ темперамента.

Ни въ чемъ не отказано Базарову. Какъ типическое выраженіе извѣстнаго умственнаго движенія, онъ владѣетъ всѣми безъ исключенія аргументами своей философіи, всѣми орудіями самозащиты и активнаго натиска на старый порядокъ вещей. Онъ сосредоточенное воплощеніе всѣхъ стремленій даннаго историческаго момента. И вотъ мы видимъ Базарова, по волѣ художника, въ живой борьбѣ съ цѣлымъ строемъ чуждыхъ ему теоретическихъ и практическихъ понятій. Съ холоднымъ сарказмомъ онъ отражаетъ мѣткіе удары своего главнаго идейнаго противника, Павла Петровича Кирсанова, съ чувствомъ полнаго умственнаго превосходства даетъ онъ шутливую реплику на скромныя и боязливыя замѣчанія его брата, Николая Кирсанова. Никогда не чувствуя себя побѣжденнымъ въ чемъ-бы то ни было, онъ борется съ ними на почвѣ чистой разсудочности, и каждому старому, «романтическому» понятію ему не трудно на словахъ противопоставить свое рѣшительное отрицаніе. Въ ихъ собственной жизни ничто не можетъ смутить его внутреннія настроенія и чувства, скрытыя гдѣ-то въ глубинѣ и совсѣмъ не выражающіяся въ его рѣзкихъ полемическихъ фразахъ. Надо, чтобы случилось нѣчто роковое, важное, надо, чтобы какое-нибудь событіе въ его личной жизни потрясло все его духовное существо, и тогда этотъ могучій на видъ человѣкъ встанетъ передъ нами въ болѣе правдивомъ и глубокомъ освѣщеніи. Предъ фактами жизни, которыхъ нельзя уложить въ тѣсную рамку двухъ, трехъ разсудочныхъ понятій, философія Базарова обрисуется съ ея истинными недостатками, во всей своей логической безпомощности. Базаровъ отрицаетъ искусство, смѣется надъ музыкой, съ явною бравадою подчеркиваетъ свой исключительно чувственный взглядъ на женщину. Не встрѣчая серьезныхъ препятствій на своемъ пути, онъ съ легкостью великана справляется съ окружающими его умственными и нравственными карликами, разрѣшая съ веселымъ смѣхомъ всѣ ихъ сомнѣнія и недоразумѣнія. Никакія сильныя впечатлѣнія не овладѣваютъ его умомъ. Не чувствуя пока никакого разлада между внутренними запросами души и своею строго выработанною системою разсудочныхъ понятій, онъ ни предъ чѣмъ не останавливаетъ своего отрицанія, ничѣмъ не смущается, никогда критически не обозрѣваетъ своихъ собственныхъ мыслей. Безъ бурь протекаетъ его безпечная жизнь въ обществѣ, которое не въ силахъ задѣть извнутри его сатанинское самолюбіе, напугать его духъ неразгаданнымъ обаяніемъ красоты, требующей высшаго признанія, какими-нибудь неожиданными впечатлѣніями и обстоятельствами...

Любовь къ Одинцовой смутила и ошеломила Базарова. Его эмпирическія понятія не выдержали новаго испытанія,—и его крѣпкая натура прорвалась наружу, сломивъ преграду, поставленную трезвыми реалистическими убѣжденіями. Несмотря на могучую волю, Базаровъ чувствуетъ

приливъ новыхъ настроеній, не поддающихся простому отрицанію, куда-то его толкающихъ, къ чему-то призывающихъ всѣ силы его существа. Непонятная тайна овладѣла его душою. Романъ съ Одинцовой, по красотѣ и яркости изображенія представляющій настоящій поэтическій перлъ, показываетъ намъ Базарова въ самую критическую для него минуту. Въ этомъ романѣ онъ обнаруживается весь до конца. Жертва собственныхъ заблужденій, Базаровъ не могъ подчинить себѣ человѣка, который искалъ, но не нашелъ для себя настоящаго свѣта. Въ своемъ гордомъ удаленіи отъ міра Одинцова тщательно оберегала свою личность отъ всякаго соучастія въ суетливомъ движеніи обыденныхъ, жизненныхъ интересовъ. Давно уже принадлежа себѣ одной, она могла мечтать только о настоящемъ счастьи, съ возбужденіемъ всѣхъ поэтическихъ настроеній, съ глубокою, безграничною личною жертвою, принесенною во имя любви. Замкнувшись отъ людей по чувству эстетическаго и нравственнаго превосходства надъ ними, она—красивая, изящная, спокойная, умная—могла рѣшиться разорвать съ привычнымъ одиночествомъ только въ минуту «поэтическаго» экстаза. Иной побѣды надъ собою Одинцова не могла допустить, и вотъ почему Базаровъ, при всемъ умѣніи смущать людей дерзновенною смѣлостью своихъ рѣзкихъ сужденій, оригинальными взглядами на жизнь, твердостью воли, оказался совершенно безсильнымъ человѣкомъ въ борьбѣ съ этою своенравною женщиною, искавшею не страстныхъ наслажденій, а страстной любви—таинственной, глубокой, красивой...

Осторожною рукою Тургеневъ отмѣчаетъ всѣ моменты смущенной борьбы Базарова съ Одинцовой. Несмотря на всю свою разсудочность, этотъ всесильный отрицатель съ первой-же минуты знакомства съ красивою женщиною чувствуетъ какую-то неловкость и робость, замѣтную для другихъ. Когда Одинцова въ простомъ утреннемъ платьѣ, молодая и свѣжая при свѣтѣ весенняго солнца, впервые явилась передъ нимъ, Аркадій Кирсановъ «съ тайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ какъ-будто сконфузился», между тѣмъ какъ она оставалась совершенно спокойною. Сразу не найдя вѣрной ноты, Базаровъ, въ первыя минуты посѣщенія, говоритъ черезчуръ много, явно стараясь занять свою собесѣдницу,—что опять удивляетъ Аркадія. Молодому Кирсанову показалось даже, что Базаровъ и самую тему для разговора выбралъ совершенно неподходящую, хотя Одинцова слушала его съ привѣтливымъ, тонкимъ выраженіемъ на лицѣ. Прекрасные глаза ея свѣтились вниманіемъ, но вниманіемъ безмятежнымъ. Она дѣлала свои краткія замѣчанія съ интеллигентною учтивостью, и уловивъ однажды, что Базаровъ не любитъ разсужденій объ искусствѣ, тихо навела рѣчь на ботанику. Когда, наконецъ, пріятели поднялись и стали прощаться, Одинцова ласково поглядѣла на нихъ, протянула имъ свою красивую бѣлую руку и, подумавъ немного, съ нерѣшительностью проговорила:

— Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ въ Никольское.

— Помилуйте, Анна Сергѣевна, воскликнулъ Аркадій, я за особенное счастье почту...

— А вы, мсье Базаровъ?

Базаровъ только поклонился и Аркадію въ послѣдній разъ пришлось удивиться: онъ замѣтилъ, что пріятель его покраснѣлъ...

Впечатлѣнія Базарова усиливаются по мѣрѣ его знакомства съ Одинцовой, и обыкновенно выдержанный, холодный тонъ его разсужденій пріобрѣтаетъ новый оттѣнокъ смущеннаго раздраженія. Въ первый разъ онъ столкнулся съ человѣкомъ, владѣющимъ собою съ полнымъ совершенствомъ и, при сходствѣ горделивыхъ привычекъ и свободнаго отношенія къ жизни, преисполненномъ иныхъ влеченій и желаній. Не имѣя никакихъ сильныхъ вѣрованій и не подчиняясь предразсудкамъ свѣта, Одинцова ни передъ чѣмъ не уступала и никуда не шла, говоритъ Тургеневъ. Она многое видѣла, многое занимало ее глубоко, но ничто не удовлетворяло вполнѣ. Въ ея пытливомъ умѣ сомнѣнія никогда не утихали до забывчивости и никогда не доростали до тревоги. Не спѣша и не волнуясь, она проводила дни въ тихомъ мечтаніи о новой жизни, не предназначенной, повидимому, ей въ удѣлъ. Къ грязной сторонѣ отношеній между мужчиною и женщиною она получила тайное отвращеніе, и потребность любви просыпалась въ ней по временамъ вмѣстѣ съ тоскливою надеждою на свѣжія, яркія, поэтическія впечатлѣнія. Въ первомъ интересномъ разговорѣ съ Базаровымъ она, истомленная долгимъ ожиданіемъ, ловитъ каждое его слово, отражающее хотя-бы въ самой малой степени движеніе и свѣтъ поэтической мысли, подкупающее волненіе эстетическаго чувства.

— Зачѣмъ вы, спрашиваетъ ее Базаровъ,—съ вашимъ умомъ, съ вашей красотой, живете въ деревнѣ?

— Какъ? Какъ вы это сказали? съ живостью подхватила Одинцова. Съ моей... красотою?

Поэтическое слово подхватываетъ ее сразу и, среди множества фразъ, произнесенныхъ Базаровымъ съ какимъ-то особеннымъ напряженіемъ и передающихъ въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ его неустрашимо мятежный духъ, оно одно только и зажигаетъ ея воображеніе. Неподвижная и медлительно увѣренная въ каждомъ своемъ замѣчаніи, она внезапно срывается съ мѣста при первыхъ звукахъ свободнаго лирическаго изліянія. Радужныя краски загораются передъ ея глазами и, охваченная магическимъ очарованіемъ, она уже готова броситься впередъ съ закрытыми глазами. Но Базаровъ, нахмурившись отъ произведеннаго имъ самимъ романтическаго впечатлѣнія, быстро переводитъ свою мысль на другой, ему болѣе знакомый, безцвѣтно-прозаическій языкъ, и поэтиче-

ское очарованіе, возбужденное завѣтнымъ словомъ, разсѣевается окончательно въ холодномъ воздухѣ обычныхъ споровъ и разсужденій. Недовольная безцѣльною твердостью его рѣчей, лишенныхъ мечтательной силы, Одинцова какъ-бы сама наталкиваетъ Базарова на болѣе глубокія сужденія. Видя передъ собою человѣка съ самобытнымъ умомъ, она хотѣла-бы силою вырвать изъ него какое нибудь глубокое, личное признаніе, способное увлечь и потрясти все ея существо. Но Базаровъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, хотя и не вѣрный, можетъ быть, своимъ собственнымъ внутреннимъ порывамъ, не отдается ни за что во власть манящей и дразнящей его стихіи. Смущенный обаятельной красотой Одинцовой и чувствуя бурный приливъ необычной страсти, онъ съ какимъ-то отчаяніемъ поднимаетъ тонъ своихъ и безъ того холодныхъ, рѣжущихъ изреченій. Отрицаніе всякаго романтизма глубоко въѣлось въ его натуру, обезсиливъ ея глубокіе, таинственные корни, и жадно ища всякой новой встрѣчи съ Одинцовой, мечтая о ней съ изступленнымъ вдохновеніемъ, онъ при этомъ не находитъ того настоящаго пути, который могъ-бы привести его къ желанной цѣли. Въ Базаровѣ закипаетъ глухая внутренняя борьба съ самимъ собою. Съ первыхъ-же дней пребыванія въ имѣніи Одинцовой, въ немъ происходитъ замѣтная перемѣна. Раздраженіе растетъ въ немъ съ каждымъ часомъ, неожиданные образы стали кружиться и волновать вдругъ проснувшуюся въ немъ фантазію. Закоренѣлый врагъ всякихъ романтическихъ иллюзій, онъ, къ великому своему изумленію, увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ настоящею романтическою опасностью. Несмотря на протестующіе доводы разсудка, онъ не въ силахъ отвернуться отъ Одинцовой. Не одна только кровь загорѣлась въ немъ. «Что-то другое въ него вселилось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость». Потрясенный собственнымъ безсиліемъ, Базаровъ становится все мрачнѣе и мрачнѣе. Его свѣтлыя мысли оказались ничтожными въ борьбѣ съ таинственными влеченіями его души. Не охватывая всего ея содержанія, его теоретическія понятія не могутъ пролить ни единаго луча свѣта на этотъ темный міръ страстей и чувствъ, внезапно открывшійся въ его собственной, личной жизни. Ему нечѣмъ защититься отъ приближающейся грозы. Не сдѣлавъ еще половины своего пути, онъ вдругъ столкнулся съ препятствіемъ, которое нельзя сдвинуть съ мѣста никакимъ отрицаніемъ, никакою насмѣшкою, никакими обычными средствами нигилистической борьбы за личную свободу. Имъ овладѣваетъ настроеніе, близкое къ отчаянію. Не желая выдать своихъ чувствъ, онъ часто убѣгаетъ въ лѣсъ, или забирается на сѣновалъ, въ сарай, чтобы забыться и успокоиться отъ обступающихъ его со всѣхъ сторонъ впечатлѣній. Но и вдали отъ людей онъ чувствуетъ себя безпомощнымъ остановить прибой шумныхъ и властныхъ чувствъ.

Вдругъ ему представится, что цѣломудренныя руки Одинцовой когда-нибудь обовьются вокругъ его шеи, что ея гордыя губы отвѣтятъ на его поцѣлуй. Иногда ему кажется, что въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженіи ея лица можно уловить что-то особенное. Но вотъ надежда смѣняется разочарованіемъ, и гнѣвный Базаровъ не въ силахъ задушить въ себѣ бѣшеныхъ взрывовъ настоящаго романтическаго отчаянія. «Тутъ онъ обыкновенно топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ»...

Въ любовномъ объясненіи съ Одинцовой вся внутренняя смута Базарова вырвалась въ грубыхъ и рѣзкихъ движеніяхъ, приведшихъ къ неизбѣжной для него катастрофѣ. Онъ задыхался, все тѣло его видимо трепетало. «Но это было не трепетаніе юношеской радости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая страсть, похожая на злобу и, быть можетъ, сродни ей».

Съ этого момента въ Базаровѣ происходитъ глубокій переломъ, измѣняющій всю его нравственную и умственную физіономію. Онъ уже не прежній Базаровъ. Въ разсужденіяхъ его прорываются отголоски какихъ-то новыхъ настроеній, таинственнаго внутренняго броженія прежде угнетенныхъ элементовъ его душевной жизни. Испытавъ полную неудачу съ женщиною, овладѣвшею всѣмъ его воображеніемъ, онъ вдругъ смирился, сгорбился и, шатаясь отъ внутреннихъ содроганій, быстро ушелъ съ глазъ людей, вѣрившихъ въ безпредѣльную твердость его характера. Во всѣхъ его поступкахъ и словахъ, отъ прощанія съ Одинцовой до рокового часа смерти, нѣтъ уже прежней выдержанности, чувствуется умственная растерянность, страстное исканіе новыхъ началъ, новыхъ идей, способныхъ озарить и воодушевить его горькую, терпкую, бобыльную жизнь среди людей. Предъ нимъ какъ будто раскрываются новые философскіе горизонты. Онъ уже видитъ все ограниченное могущество человѣка въ этомъ мірѣ, обвѣянномъ кругомъ таинственными силами, въ этомъ мірѣ, представляющемъ всѣмъ своимъ строемъ одну огромную загадку, недоступную человѣческому пониманію. «Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, говоритъ Базаровъ, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ, и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже». Тоскливая скука, глухое безпокойство закрались въ его душу. Даже простымъ мужикамъ, съ которыми онъ прежде умѣлъ говорить (какъ хвалился онъ въ спорѣ съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ), онъ теперь, въ минуту внутренняго разлада съ самимъ собою, кажется только «чѣмъ-то

въ родѣ шута гороховаго». Все въ немъ поколебалось, смутилось, дрогнуло отъ налетѣвшей стихіи, съ которою онъ не могъ совладать обычнымъ путемъ. Даже *случайное* зараженіе тифознымъ ядомъ дополняетъ и дорисовываетъ одною мрачно пылающею краскою печальную картину паденія прежнихъ твердыхъ устоевъ его характера, трагическое смущеніе всего его существа. Въ послѣдніе часы передъ смертью онъ окончательно сбрасываетъ съ себя прежнія цѣпи, обнаруживаетъ свою настоящую, по природѣ мягкую натуру, не развернувшуюся при жизни. Одинъ только разъ на лицѣ его отразилось чувство ужаса, непримиримое отвращеніе ко всякимъ пустымъ обрядностямъ, но это случилось уже въ ту минуту, когда, окутанный предсмертнымъ туманомъ, онъ вдругъ раскрылъ одинъ глазъ и увидѣлъ себя во власти любящихъ, честныхъ, но жалкихъ исполнителей послѣднихъ печальныхъ предписаній.

Вотъ настоящая, какъ намъ кажется, фигура Базарова, которую Писаревъ, несмотря на все свое увлеченіе, понялъ и освѣтилъ крайне односторонне. Мысль романа, глубокая, смѣлая и, по моменту ея выраженія передъ русскимъ обществомъ, протестантская въ лучшемъ смыслѣ слова, осталась для него неясною, далекою, чуждою. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что Тургеневъ не задавался тенденціозною цѣлью осмѣять, представить въ карикатурномъ видѣ новое движеніе умовъ въ русскомъ обществѣ, въ чемъ безтактно обвиняла его опрометчивая критика «Современника». По складу своихъ убѣжденій, не измѣнявшихся до конца его жизни, по духу широкой, изысканной интеллигентности, которымъ была проникнута вся его тонкая аристократическая натура, Тургеневъ самъ стоялъ во главѣ лучшихъ стремленій молодой Россіи, не сочувствуя ей только въ ея ложномъ философскомъ взглядѣ на литературу, на искусство. Ни одной черты въ Базаровѣ онъ не довелъ до карикатурнаго преувеличенія. Фигура Базарова, могучая, яркая, точно высѣченная изъ бронзы, рисуется предъ нами во всемъ великолѣпіи огромныхъ нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ, озаренная со всѣхъ сторонъ безпристрастнымъ искусствомъ замѣчательнаго русскаго художника. Но, писатель съ широкимъ философскимъ міровоззрѣніемъ, Тургеневъ показываетъ намъ своего героя на яркомъ фонѣ настоящей жизни, съ ея случайными, переходными *историческими* задачами и *вѣчными* эстетическими и моральными запросами, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на этомъ богатомъ фонѣ, блистающемъ роскошью лучшихъ поэтическихъ красокъ, колоссальная, въ своемъ родѣ, фигура Базарова теряетъ понемногу свою власть надъ нашимъ воображеніемъ, обнаруживаетъ свои слабыя стороны, свои явные недочеты. Но въ этомъ виноватъ не художникъ, а самъ Базаровъ, представленный Тургеневымъ со всею возможною правдивостью и смѣлостью, со всею любовью психолога, поднесшаго ярко-горящій свѣтильникъ къ загадочному явленію рус-

ской культуры и, послѣ долгаго, пристальнаго изученія съ разныхъ сторонъ, вынесшаго его на судъ людей въ изысканно и тонко-обработанной художественной формѣ. А Базаровъ въ произведеніи Тургенева еще ярче, свѣтлѣе и могущественнѣе настоящаго историческаго Базарова...

Черезъ мѣсяцъ послѣ появленія статьи Писарева Страховъ напечаталъ въ апрѣльской книгѣ «Времени» критическій разборъ «Отцовъ и дѣтей». Пользуясь нѣкоторыми разсужденіями Писарева, Страховъ съ истиннымъ литературнымъ талантомъ обнаруживаетъ главныя погрѣшности его критической оцѣнки и затѣмъ, на послѣднихъ, блестящихъ по языку и мѣткихъ по глубинѣ философскаго анализа, страницахъ освѣщаетъ романъ Тургенева подъ своимъ собственнымъ угломъ зрѣнія. «Глядя на картину романа спокойнѣе и въ нѣкоторомъ отдаленіи, пишетъ онъ, мы легко замѣтимъ, что хотя Базаровъ головой выше всѣхъ другихъ лицъ, хотя онъ величественно проходитъ по сценѣ, торжествующій, уважаемый, любимый и оплакиваемый, есть, однакоже, что-то, что въ цѣломъ стоитъ выше Базарова». Выше Базарова не тѣ или другія лица, изображенныя въ произведеніи Тургенева, а та жизнь, которая ихъ одушевляетъ. «Выше Базарова — тотъ страхъ, та любовь, тѣ слезы, которыя онъ внушаетъ. Выше Базарова — та сцена, по которой онъ проходитъ». Вотъ то настоящее, таинственное нравоученіе, которое Тургеневъ вложилъ въ свое произведеніе. Общія силы жизни—вотъ на что устремлено все вниманіе художника. Тургеневъ показываетъ намъ, какъ эти силы воплощаются въ отдѣльныхъ лицахъ, какъ онѣ воплотились въ Базаровѣ, — въ этомъ титанѣ, возставшемъ на лучшія стороны своей собственной человѣческой природы. Но Базаровъ побѣжденъ и побѣжденъ не лицами и не случайностями жизни, но смысломъ, самою идеею жизни, и «такая идеальная побѣда надъ нимъ возможна была только при условіи, чтобы онъ былъ возвеличенъ настолько, насколько ему свойственно величіе» *)

Эти краткія замѣчанія Страхова глубже проникаютъ въ художественный замыселъ «Отцовъ и дѣтей», вѣрнѣе освѣщаютъ поэтическія достоинства этого романа, чѣмъ стремительныя, яркія, публицистическія разсужденія Писарева, изрѣдка пересыпанныя мѣткими фразами о литературномъ талантѣ Тургенева, объ увлекательной прелести его тонкой творческой работы въ свѣжихъ и новыхъ направленіяхъ.

А. Волынскій.

---

*) *Н. Страховъ*, Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Изданіе третье, 1895, стр. 47.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе марта мѣсяца.

Авенаріусъ, В. П. Во львиной пасти, ист. повѣсть для юнош. Спб. 1895.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Пер. съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Т. IV, вып. XIV. Спб. 1895.

Аполловъ А. Необыкновенный случай. Быль. Изд. «Посредника». М. 1895. Ц. 1½ к.

Архангельскій С. М О русскихъ гражданскихъ законахъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1895. Ц. 20 к.

Асосковъ К. О подсудности судебныхъ дѣлъ. Ч. I. Тв. 1894.

Базилевскій М Дабби Мейръ, его жизнь и дѣятельность. Изд. «Наша старина». Од. 1895. Ц 15 к.

Бакай Н. Н. Къ 25-ти-лѣтію красноярской женской гимназіи (1869—1894 гг.). Кр. 1895.

Берендтсъ Э. О шведско-норвежской уніи. Историко-полит. этюдъ. Яросл. 1895.

Бобровъ Евгеній. О понятіи искусства. Юрьевъ. 1894.

Богдановъ М. Разсказы о птицахъ для юношества. М. 1895. Ц 75 к.

Божеряиновъ И. Н. Историческій очеркъ русскаго печатнаго дѣла. Спб. Ц. 30 к.

Бубновъ А. Н. Элементарный курсъ счетоводства. Симбирскъ. 1892. Ц. 60 к.

Венгеровъ С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т.IV. Боборыкинъ-Богоявленскій,Вавиловъ-Введевскій. Спб. 1895.

Вознесенскій А. И Братья Шуйскіе. Хроника въ 5-ти дѣйств. М. 1894. Ц. 2 р

Воскресенскій Е. Темы и вопросы для письмен. упраж. по рус. яз. и литерат. бесѣдъ. М. 1895. Ц. 30 к.

Георгіевскій П. И. Политическая экономія, второе изданіе. Ч. II, вып. I. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Гервинусъ, автобіографія съ 4-мя портр., пер. Эд. Циммермана. М 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Гофштеттеръ И. Доктрины капитализма. Спб 1895. Ц. 30 к.

Гуляевъ А. Л., полковникъ. Отрывки изъ прошлаго уральскаго войска. Уральскъ 1895.

Даневскій Всеволодъ, проф. Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. М. 1895.

Дементьева Н М. Іоанна Д'Аркъ. Историческая хроника. Москва. 1895. Ц. 4 р. 50 к.

Демолэнсъ Едмонъ. Какъ воспитывать и устраивать нашихъ дѣтей. Пер. съ франц. Гр. Н С Ланской. Спб. 1895. Ц. 25 к.

Дерюжинскій В. Ф. Habeas-Corpus Актъ и пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ (б. Дерптъ). 1895. Ц. 2 р. 50 к.

Дружининъ Н. П. Необходимыя для всѣхъ свѣдѣнія о податяхъ, пошлинахъ, сборахъ и о воинской повинности. Спб. 1894. Ц. 40 к.

Ивановъ Ив. Положението на Бъмаритѣ въ Македония. София. 1895. Ц. 25 стот.

Карквета. Стихотворенія. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Карлетти Т. Очерки. Современная Россія, пер. съ итал. Анны Волховской. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Фонъ-Кауфманъ Р. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Пер. съ 3.го нѣм. изд. А. Гурьева. Спб. 1895.

Козминъ К. В. Къ вопросу о Петерб.-Пермской ж. д. Спб. 1895.

Комаровъ А. Ф. Народная школа. Руков. для учащихъ въ начальн. училищахъ. М. 1895. Ц. 60 к.

Короваевъ, А. Земскій врачъ. Совѣты беременнымъ и бабкамъ повитухамъ. Изд. «Посредника». М. 1895. Ц. 6 к.

Красноперовъ Ст. Пчелиный уставъ или уходъ за пчелами, руков. для пчеляковъ. Изд. «Посредника». М. 1895. Ц. 12 к.

Кривенко С. Н. На распутьи (культ. скиты и культ. одиночки). Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Кулябко-Корсцкій А. Кеммернъ и его цѣлебныя силы. Путев. для врачей и больныхъ. Рига 1895.

Кудрявцевъ П. Ф. Земская медицина и заболѣваемость населенія въ Херс. уѣздѣ за 1893 г. Земскій санит. врачъ. Х. 1894.

Лавровскій Константинъ. Лучшее средство противъ пожарныхъ бѣдствій. М. 1895. Ц. 6 к.

Liszt Franz von. Задачи уголовной политики въ излож. Бор. Гуревича. Спб. 1895.

Майнъ-Ридъ капитанъ. Квартеронка. М. 1895 г.

Мануиловъ А. Аренда земли въ Ирландіи. М. 1895. Ц. 2 р. 50 к.

Маръ Н. Стихотворенія. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Меркель проф. Сила и право, пер. съ нѣмец. Изд. «Междунар. библ.». Од. 1895 г. Ц 15 к.

Микуличъ В. Мимочка отравилась. Очеркъ. Изд. «Посредника» для интел. чит. М. 1895. Ц. 35 к.

Немировичъ-Данченко Влад. И. Старый домъ (мертвая ткань). М 1895. Ц. 1 р.

Нестеровъ Н. С. Сахарный кленъ и культурное производство въ Сѣв. Америкѣ. Спб 1895. Ц. 40 к

Огородниковъ П. Н. Земская медицина. Рождаемость, заболѣваемость и смертность населенія. Тирасп. уѣзда, Херсонской губ. въ 1893 г. Од. 1894.

Пахарнаевъ А. И. Законъ, обычай и волостной судъ (руковод. для крест.). Пермь. 1894 Ц. 60 к.

Перцовъ П. Письма о поэзіи. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Пославская А. и Мандельштаммъ Е. женщ. врачи. Обзоръ 10-лѣтней дѣят. амбул. лѣчебн. для тузем. женщ. и дѣтей въ г. Ташкентѣ 1883—94 гг. Ташк. 1894.

Прель Карлъ дю д-ръ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существ. Пер. съ нѣмец. М. С. Аксенова. Спб. 1895. Ц. 3 р. 50 к

Ределинъ Марія. Домъ и хозяйство Т. I и II. Ц. за оба тома 4 р. Спб.

Реклю Элизе. Земля опис. земн. шара, пер. безъ проп. съ послѣд. фран. изд. А. В. Мезіера подъ ред. и съ прим. Н. А. Рубакина. Вып. III. Подземныя силы. Спб. 1895. Ц. 1 р. 10 к.

Его-же. Земля, опис. земного шара пер. безъ проп. съ послѣд. франц. изд. Д. Д. Струнина подъ ред. и съ прим. Н. А. Рубакина. Вып. IV. Океанъ. Спб. 1895. Ц. 1 р. 10 к.

Рибо Т. Изслѣдованіе аффективной памяти, пер. съ франц. Е. Максимовой. Спб. 1895. Ц. 25 к.

Риттеръ А. А. фонъ. Отзвуки минувшаго (воспоминанія стараго помѣщика). Изд. 2-е Ц. 1 р.

Рудинъ В. В., врачъ. Заразныя болѣзни, ихъ признаки. Руковод. для простого народа. Изд. «Посредника». М. 1895. Ц. 6 п.

Свирскій А. И. По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки М. 1895. Ц. 1 р.

Семеновъ С. Т. Настасья Большениха. Разсказъ для взрослыхъ. М. 1895. Ц 3 к.

Его-же. Страшное дѣло. Разсказъ для взрослыхъ. М. 1894. Ц. 3 к.

Соловьевъ М. Элементарный учебникъ минералогіи и основаніе геологіи. Спб. 1895. Ц. 80 к.

Его-же. Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологіи. Спб. 1895. Ц. 80 к.

Страховъ Н. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н Толстомъ. Изд. 3-е. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Стукаличъ В. Краткая замѣтка о бѣлорусскомъ нарѣчіи. Вит. 1895.

Суриковъ И. Стихотворенія. Дѣтскіе годы. Изд. «Посредника». М. 1895. Ц. 3 к.

Его-же. Стихотворенія. Пѣсни горя-злосчастья. Изд. «Посредника». М. 1895. Ц 3 к.

Тезяковъ Н. Санит. врачъ. Земскія школы елисаветгр. уѣзда. въ санит. отнош. Ел. 1895.

Толстая В. С. Составила по Диккенсу. Дочь каторжника. М. 1895. Ц. 25 к.

Тэнъ Ипполитъ. Объ умѣ и познаніи 2-е изд. Пер. съ франц., испр. и дополн. по посл. изд. подл. подъ ред. Н. Н. Страхова. Спб. 1894.

Унгеръ д-ръ. Естественное и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Пер. съ нѣм. врачей М. Немзейра и А. Фейта. Спб 1895. Ц. 30 к.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Пер. съ послѣд. 7-го испр. и допол. англ. изд. М. Ловцевой, подъ ред. и съ предисл. Н. Дружинина. Спб. 1895. Ц. 1 р.

Филипповъ Александръ, проф. юрьев. унив. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Ч. I. Юр. 1895, Ц. 3 р. 50 к.

Хельчицкій Петръ. Сочиненія. I. Сѣть вѣры. II. Реплика противъ Бискунца. Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію отд. рус. яз. и словесности ординар. академ И. В. Ягичъ. Спб 1893.

Хиггинсонъ Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Пер. Д. Л. Муратова. М. 1895. Ц. 1 р.

Чоглоковъ Л. А. Руководство для сельскихъ старостъ о порядкѣ исполн. обязан. возложен. па нихъ законами. Пермь 1894 г. Ц. 35 к.

Шахрай Л. М. Еврейскія секты. Изд. «Наша Старина». Од. 1895. Ц. 15 к.

Шеллеръ А. К. Полное собраніе сочиненій. Т. XIV. Спб. 1895.

Шепердъ Е. Р. Матерямъ для дочерей (краткія свѣдѣнія по женской физіологіи и гигіенѣ), пер. съ англ. Е. А. Дунаевой. Изд. «Посредника» для интел. чит. М. 1895. Ц. 40 к.

Шперкъ Ѳеодоръ. Философія индивидуализма. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Шредеръ д-ръ мед. З. Женскій врачъ, общедоступное излож. женскихъ болѣзней. Пер. съ нѣм. Кіевъ. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Щербаковъ С. Внѣчувственное въ явленіяхъ физич. міра по даннымъ опытамъ. Ц. 20 к.

Его-же. Историческій очеркъ развитія ученія о движеніи небесныхъ тѣлъ. Спб. 1894. Ц. 40 к.

Якимовъ Н. М. Бѣдный Тунгатай. Тифлисъ 1894. Ц 15 к

Янжулъ И. И. Изъ психологіи народовъ. Изд. «Рус Библ.». Од. 1895. Ц. 20 к.

Ястребовъ В. Н. Воспитаніе Петра Великаго. Изд. Кир. Меѳ. книж. скл. Од. 1894. Ц. 10 к.

Элерсъ Отто. Популярная политическая экономія. Изд. «Междун. Библ.». Од. 1895. Ц. 50 к.

Альманахъ русскаго сельскаго хозяина на 1895 г., сост. подъ ред. К. И. Масленникова.

Воспоминанія суворовскаго солдата съ портр. автора воспом. Изд. при пос. В. У. К. Гл. Шт. подъ ред. Д. Ѳ. Масловскаго. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Въ волнахъ жизни. Литерат. сборникъ. Изд. Н. Полонскаго. Од. 1895. Ц. 50 к.

Доклады пермской губерн. земск. управы пермск. земск. собр. XXV очеред. сессіи. П. 1895.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Петербургское земство о положеніи крестьянъ губерніи. — Крестьянскія артели въ Херсонской губерніи. — „Бѣлоризцы“ въ Симбирскѣ. — Потребительскія лавки въ Подольской губерніи.—Бабій бунтъ въ губерніи Полтавской.—Разоблаченное „чудо“.— „Сѣверный Кавказъ“ о введеніи земства. — Государевъ садъ въ Кіевѣ. — Сибирскія газеты о китайскихъ дѣлахъ.—Одесскій фельетонистъ.

Цѣлая треть крестьянъ - хозяевъ въ Петербургской губерніи, по отзыву земства, «безлошадны», пятая часть не имѣютъ коровъ... Что такое сельскій хозяинъ безъ лошади, какъ живетъ крестьянская семья безъ коровы? На это свидѣтельство земства было обращено вниманіе въ другомъ нашемъ отдѣлѣ. Прибавлю, что, по тому-же докладу земской управы, крестьянамъ, считая по 14 мѣръ на наличную душу, требуется на собственное потребленіе 925 т. четвертей ржи, въ дѣйствительности-же остается изъ средняго сбора, за вычетомъ сѣмянъ, только 388 четвертей; да овса имъ не хватаетъ противъ необходимаго для нихъ количества 250 т. четвертей. Петербургская губернія — провинція и подлежитъ моему обозрѣнію. Скажутъ, это—провинція бѣдная, съ плохой почвой и плохимъ хозяйствомъ. Но почему-же она остается такою, когда въ Петербургъ стекаются, а отчасти въ немъ производятся десять сотенъ бюджетныхъ милліоновъ, когда въ немъ сосредоточены и болѣе десятой части всѣхъ научныхъ силъ Россіи, и вольно-экономическое общество, и собраніе экономистовъ, и экономическіе обѣды, не говоря о министерствѣ земледѣлія, которое еще не успѣло приступить къ практической дѣятельности? Да и самая близость Петербурга не составляетъ-ли большого ресурса для губерніи? Вѣдь на около милліона населенія уѣздовъ, въ одномъ Петербургѣ—равное населеніе, то есть на каждаго жителя въ уѣздахъ—приходится одинъ петербуржецъ. Итакъ, если-бы губернія производила въ пять разъ болѣе хлѣба, молока, кожъ, льна, рыбы, чѣмъ она производитъ, то все это нашло бы вѣрный сбытъ въ ея же предѣлахъ, на потребленіе самыхъ уѣздовъ и Петербурга.

Говорятъ—почва болотная. Но на той-же почвѣ, рядомъ съ низкими и рѣдкими колосьями крестьянскихъ полей, у частныхъ владѣльцевъ и колонистовъ рожь стоитъ выше пояса, иногда выше плечъ. Въ Петербургѣ всякіе машиностроительные заводы, склады сельско-хозяйственныхъ машинъ, слесарныя мастерскія, лавки всевозможныхъ металлическихъ издѣлій; а у крестьянъ Петербургской губерніи только и есть желѣза. что топоръ и гвозди, да подковы. На телѣгахъ часто оси деревянныя и скобки не найдешь. вся упряжь, кромѣ чрезсѣдельника — веревочная и деревянная. Плуги и вѣялки только въ самое послѣднее время стали пріобрѣтаться. Средній урожай ржи—самъ-четвертъ, а овса—самъ-третей. При такихъ условіяхъ, не только бо̀льшую часть хлѣба приходится покупать, но еще и часть денежныхъ сборовъ покрывать—отхожими промыслами и вотъ гдѣ важное подспорье для населенія губерніи представлялъ-бы Петербургъ, вѣчно строющійся, чистящійся, требующій десятковъ тысячъ извозчиковъ и рабочихъ. Между тѣмъ, даже въ числѣ петербургскихъ извозчиковъ не мало людей изъ другихъ губерній, такъ называемые «ломовые» почти всѣ изъ губерній Рязанской, Калужской и проч., а среди приходящихъ сюда на лѣтніе заработки каменщиковъ и плотниковъ большинство — не изъ петербургской губерніи. Плотника такъ прямо и кличутъ – костромской. При ранней веснѣ, долго не приступаютъ къ починкѣ мостовыхъ, потому что рабочіе еще «не пріѣхали». Буфетчики всѣ—ярославцы, да много изъ нихъ и другихъ приказчиковъ: часть кучеровъ, дворниковъ и половыхъ — татары и т. д. Понятно, что рабочее населеніе въ городахъ не можетъ состоять исключительно изъ жителей ближайшихъ мѣстностей, но рабочіе издали пріѣзжаютъ въ большомъ числѣ только туда, гдѣ недостаточно рабочихъ мѣстныхъ. Оставляя въ сторонѣ лежащіе на крестьянахъ сборы, надо все-таки допустить, что у населенія Петербургской губерніи недостаетъ и инпціативы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже слабое развитіе промысловъ кустарныхъ. И для улучшенія крестьянскаго хозяйства, какъ я уже говорилъ въ предшествующемъ обзорѣ, было-бы весьма важно содѣйствіе не однѣхъ земскихъ управъ, но и непосредственно—земцевъ, живущихъ въ уѣздѣ.

Хотѣлъ-бы я знать, кто тѣ достойные уваженія образованные люди. которыми былъ составленъ договоръ крестьянскихъ земледѣльческихъ *артелей*, который былъ напечатанъ въ одесскихъ газетахъ и въ «Екатеринос.л. губ. Вѣдомостяхъ». Авторъ статьи «Земледѣльческія артели» въ «Одесск. Листкѣ», г. И. Б—овъ, объясняетъ возникновеніе этихъ артелей именно нуждою крестьянъ, безсиліемъ значительнаго числа дворовъ вести хозяйство отдѣльно. Онъ ссылается на опытъ шадринскаго уѣзднаго земства (Пермской губ.), который показалъ, что земледѣльческія артели — большая сила и что надъ ними слѣдуетъ поработать. Далѣе авторъ, со словъ организатора земледѣльческихъ артелей въ Шадринскомъ уѣздѣ, Н. Федорова. приводитъ слѣдующіе факты: къ 1891 году въ томъ уѣздѣ насчитывалось

8,750 семействъ, окончательно перешедшихъ въ пролетаріатъ, не имѣвшихъ ни лошадей, ни орудій, ни посѣвовъ; а послѣ неурожая, къ нимъ прибавились еще 15,240 семействъ. Итакъ, въ уѣздѣ образовался пролетаріатъ изъ 24 тысячъ семействъ, въ составѣ 115 тысячъ душъ обоего пола, цѣлыхъ 38 проц. всего населенія—неспособныхъ къ веденію хозяйства. Тогда г. Федоровъ, секретарь шадринской земской управы, принялся за устройство земледѣльческихъ артелей, на средства сначала частныя, а потомъ земскія. Въ 1892 г., онъ организовалъ 54 такихъ артели, въ 1893 г.—14. «Дѣло пошло настолько успѣшно, что пермское губернское земство постановило давать ежегодно по 20 т. р. на устройство крестьянскихъ землевладѣльческихъ артелей». По отзыву г. Н. Б—ова, на сѣверѣ Херсонской губерніи положеніе крестьянъ еще хуже, чѣмъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, а именно число крестьянъ не имѣющихъ рабочаго скота составляетъ 50 проц. всего населенія. Авторъ выражаетъ надежду, что и мѣстное земство начнетъ содѣйствовать основанію земледѣльческихъ артелей.

Между тѣмъ, въ Александрійскомъ уѣздѣ уже стали возникать земледѣльческія артели. Когда у половины крестьянъ не имѣется лошадей, то невозможно продолжать земледѣлія иначе, какъ артелью. «Дайте артели изъ 4—6 хозяевъ одинъ плугъ съ 4 лошадьми и надѣльная земля ихъ не будетъ пустовать, она будетъ вспахана и засѣяна при затратахъ въ 4—5 разъ меньшихъ, чѣмъ при единоличномъ веденіи хозяйства»—говоритъ тотъ-же авторъ. Не знаю, сколько доселѣ составилось артелей въ Александрійскомъ уѣздѣ. Видно только, что вызвало ихъ разстройство крестьянскаго хозяйства. Но, какъ сказано выше, и въ Петербургской губерніи цѣлая треть крестьянъ оказываются безлошадными. Желательно, чтобы при указаніяхъ изъ земской среды, какъ было въ Шадринскомъ уѣздѣ, и при помощи земства, эти нынѣ безсильные хозяева и здѣсь стали соединяться въ артели. При успѣшномъ веденіи дѣла, земледѣльческая артель могла-бы послужить примѣромъ и для другихъ крестьянъ, имѣющихъ средства для веденія отдѣльныхъ хозяйствъ, такъ какъ земледѣльческая артель представляетъ несомнѣнно болѣе совершенную форму пользованія землей, чѣмъ нынѣшняя община. Артель является болѣе полнымъ выраженіемъ основной идеи общины. Переходъ отъ общинныхъ передѣловъ земли, съ частнымъ ею пользованіемъ, безъ всякой солидарности съ обществомъ, кромѣ въ уплатѣ податей—къ общинному труду составилъ-бы огромный успѣхъ въ сельскомъ бытѣ. Въ одной изъ первыхъ моихъ статей, два года тому, я высказывалъ, что потому и слѣдуетъ дорожить нынѣшней общиной, что отъ нея возможенъ переходъ къ настоящей земледѣльческой артели и что необходимо законодательное поощреніе общественныхъ запашекъ—не для одного только пополненія запасныхъ магазиновъ, но прямо съ той цѣлью, чтобы общественная запашка, постепенно расширяясь, охватила наконецъ все пространство крестьянскихъ полей.

Текстъ договора, помѣщенный въ названныхъ выше газетахъ списанъ съ формальныхъ договоровъ, заключенныхъ нотаріальнымъ порядкомъ 57-ю крестьянами селеній Аджамки и Федваря, подавшими въ александрійскую земскую управу заявленія о томъ, что они рѣшили отказаться отъ единоличнаго веденія хозяйства и весть его впредь артелями. Въ этомъ текстѣ, который составленъ, очевидно, человѣкомъ образованнымъ, простымъ языкомъ прекрасно изложены и самое устройство земледѣльческой артели, и поводы для перехода къ этой формѣ крестьянскаго хозяйства. Для примѣра приведу нѣсколько первыхъ строкъ. «Много лѣтъ уже—такъ начинается договоръ—мы, какъ наши отцы и дѣды, жили и вели хозяйство отдѣльно каждый; но долгій и тяжелый опытъ, особенно въ недавніе, неурожайные годы, убѣдилъ насъ, что каждому изъ насъ въ отдѣльности невозможно, при теперешнихъ еще цѣнахъ на хлѣбъ, выбиться изъ нужды, чтобы вести самому хозяйство и быть полнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ, т. е. имѣть плугъ, всѣ другія земледѣльческія орудія и рабочій скотъ для нихъ, въ особенности при нашей крайней бѣдности, не имѣя своего скота... Мы убѣдились также, что при отдѣльномъ хозяйствѣ, если кого постигаетъ какое-либо несчастье, напр. болѣзнь, увѣчье, пожаръ и т. п., то человѣкъ разоряется и ему трудно поправиться; одному, при бѣдности, невозможно никакъ улучшить свое хозяйство, пріобрѣтать хорошія земледѣльческія орудія и машины, хорошій скотъ». Чтобы получить возможность приступить къ улучшеніямъ, ввесть травосѣяніе и получить доступъ къ мелкому промышленному кредиту въ отдѣленіи государственнаго банка, а также и для того, чтобы «отвыкать отъ злобы другъ къ другу и учиться взаимному уваженію и любви», крестьяне постановили всю свою надѣльную и арендную землю соединить въ одно цѣлое, владѣть и пользоваться ею сообща, пахать ее, засѣвать и убирать «подъ рядъ», безъ различія въ чьемъ она надѣлѣ, какъ будто эта земля одного хозяина, а хозяиномъ считается вся артель».

Въ договорѣ точно и практично опредѣлены всѣ условія перехода отъ частнаго пользованія землей къ общественному, и самый порядокъ этого пользованія, т. е. веденія работъ и дѣлежа сбора, при чемъ само собой является и общественное призрѣніе больныхъ, калѣкъ, сиротъ и старцевъ. Передамъ вкратцѣ основанія этого замѣчательнаго соглашенія. Количество земли у крестьянъ, вступающихъ въ артель, не одинаково, но артель не требуетъ никакого пожертвованія и не одаряетъ малоземельныхъ на счетъ многоземельныхъ. Такъ какъ первые будутъ при общемъ пользованіи получать хлѣбъ съ большей доли земли, чѣмъ тотъ надѣлъ, которыми они владѣли, то они съ самаго начала вознаграждаютъ хозяевъ болѣе крупныхъ деньгами за пріобрѣтаемый у нихъ излишекъ земли, противъ равной для всѣхъ доли въ общемъ пользованіи. Для этого все количество земли крестьянъ, вступающихъ въ артель, раздѣляется на число товарищей, напр. на 4 или 5, и затѣмъ, тотъ, у кого

своей земли, включаемой въ составъ артельной—меньше, чѣмъ эта средняя доля, тотъ за все недостающее у него количество доплачиваетъ въ артель три четверти или четыре пятыхъ цѣны; а тотъ, у кого земли было больше, чѣмъ придется на товарища, тотъ получаетъ отъ всей артели также три четверти или четыре пятыхъ цѣны за весь уступаемый имъ въ общее пользованіе излишекъ земли, противъ общей, равной части, какая приходится на каждаго товарища.

Всѣ податные и страховые платежи уплачиваются сообща. Всѣ земледѣльческія орудія и машины, лошади, крупный и мелкій скотъ и хлѣбъ находятся въ общемъ пользованіи всей артели и помѣщаются въ избранномъ для того артельномъ дворѣ. Если артель пожелаетъ, то покупаетъ сообща-же не только дополнительный инвентарь, но и нужные всѣмъ товары, для сапогъ и одежды, керосинъ и т. д., которые оптомъ можно купить дешевле и лучшаго качества. Живетъ каждое семейство въ своемъ домѣ или квартирѣ и, получая свою часть изъ урожая, устраиваетъ свою жизнь, какъ хочетъ, и каждый, сверхъ общей для всѣхъ работы, можетъ заниматься иною отдѣльно и пользоваться отдѣльно-же всѣмъ, что онъ выручитъ. Какъ съ землею, такъ и съ прочимъ вносимымъ въ общее пользованіе имуществомъ. Опредѣляется стоимость его, дѣлится на число товарищей и кто внесъ меньше средней доли, тотъ за недостающее у него доплачиваетъ $^3/_4$, $^4/_5$ и т. д., смотря по числу товарищей, а кто внесъ больше, тотъ получаетъ въ такомъ-же размѣрѣ отъ артели за уступаемый имъ излишекъ. Напр. если лошадей оказывается въ среднемъ по 2 на товарища, то тотъ, кто отдаетъ 3 лошади, получаетъ за лишнюю лошадь, при цѣнѣ ея въ 40 р.—только 30 рублей, если товарищей—четверо или 32 р., если ихъ пятеро, такъ какъ сверхъ того, онъ самъ остается владѣльцемъ той лошади, въ первомъ случаѣ—въ $^1/_4$, а во второмъ—въ $^1/_5$ части, т. е. имѣетъ еще 10 или 8 рублей въ общей артельной собственности.

Работа въ полѣ и на артельномъ дворѣ — общая, а гдѣ нужно устанавливается старшимъ очередь. Уходъ товарища на стороннія заработки допускается съ согласія артели, но съ уплатой ей за пропущенные дни. Урожай собирается, свозится на одинъ общій дворъ, молотится, дѣлится и излишекъ его продается, все это—сообща. Интересны условія дѣлежа. По отборѣ сѣмянъ для посѣва и, если можно, хлѣба на запасъ, остальное дѣлится между всѣми дѣйствительными участниками въ артельной работѣ, по числу рабочихъ душъ, *безъ различія пола*, поровну, но подростки отъ 14 до 17 и дѣвушки отъ 13 до 16 считаются полурабочими и получаютъ половину противъ полнаго работника, дѣти-же отъ 10 до 13 лѣтъ—за треть рабочаго, отъ 8—10 лѣтъ за четверть рабочаго и соотвѣтственную тому получаютъ часть продуктовъ. Дѣти до 8 лѣтъ ничего не получаютъ, но если на 1 — 2 рабочихъ въ семьѣ приходится 4 — 5 малыхъ дѣтей, то артель прибавляетъ на нихъ содержаніе по своему усмотрѣнію.

Зимою полагается занятіе ремеслами артельное-же или отдѣльное по

семьямъ. За больного работаетъ товарищъ, не уменьшая его части въ урожаѣ; но если болѣзнь продолжится болѣе 3-хъ мѣсяцевъ и если больной сдѣлается совсѣмъ неспособнымъ къ труду, то ему предоставляется поставить за себя рабочаго и получать вмѣстѣ съ нимъ одну долю урожая, въ качествѣ полурабочаго; въ случаѣ нужды полагается выдавать больному и «харчи» отъ артели. Если впослѣдствіи больной поправится на столько, что будетъ въ состояніи и самъ исполнять не тяжелыя или совсѣмъ легкія работы, напр., пасти скотъ, то ему выдается еще одна часть какъ полу-треть- или четверть-рабочему, смотря по его силамъ и рѣшенію артели. Во все время болѣзни семья товарища остается въ артели на равномъ со всѣми работниками правѣ. Такія-же уменьшенныя доли признаются и за стариками, еще способными къ менѣе трудной работѣ. Въ случаѣ смерти товарища, на его мѣсто принимается другой. Артель выбираетъ на 1 годъ старосту, который, по совѣту со всѣми, долженъ весть порядокъ въ хозяйствѣ и всѣ счеты; его должны всѣ слушаться. Но этотъ староста—товарищъ по работѣ, равный всѣмъ другимъ; «онъ и думать даже не долженъ, что можетъ только командовать, а свою работу сваливать на другихъ».

Замѣченный въ нехорошихъ дѣлахъ, напр. въ воровствѣ или предающійся пьянству, удаляется изъ артели и на его мѣсто принимается другой. Артель можетъ принимать на себя и другія работы или вступать въ обязательства по покупкѣ лѣса или земли, подрядамъ и проч., для чего можетъ соединяться съ другими артелями; она можетъ соединяться съ ними и для постояннаго веденія сельскаго хозяйства на такихъ-же основаніяхъ, какъ она ведетъ его сама. По истеченіи пяти лѣтъ, если кто пожелаетъ—можетъ выйти изъ артели, при чемъ получаетъ, по учету, приходящуюся на него часть всего имущества ея, какъ бывшаго при ея основаніи, такъ и пріобрѣтеннаго при его участіи; часть эта выдается ему деньгами или въ натурѣ. Но тому, кто оставитъ артель до 5-ти лѣтъ, безъ общаго согласія, выдается только половина той части, какая-бы на него пришлась. Если чрезъ пять лѣтъ артель совсѣмъ разстроится, то, по уплатѣ ея долговъ, остальное имущество раздѣляется между всѣми по числу рабочихъ душъ. Всѣ дѣти въ семьяхъ, принадлежащихъ къ артели, мальчики и дѣвочки, обязаны ходить въ школу.

Итакъ, вотъ образцовая организація *истинной* крестьянской земельной общины, не такой, въ которой связь проявляется только въ передѣлахъ да въ круговой порукѣ, въ которой одни общинники—безлошадные, а другіе кулаки, одни — земледѣльцы, а другіе — фабричные, вовсе не живущіе въ общинѣ. Въ той, дѣйствительной общинѣ, которая назвала себя крестьянской артелью, весь трудъ и урожай, рискъ и отвѣтственность, призрѣніе больныхъ и старыхъ — общіе. А между тѣмъ, нѣтъ никакого закабаленія: сохраняется и личное имущество—въ деньгахъ, домахъ, домашнихъ вещахъ и во всемъ, что не вошло въ составъ

артели или что пріобрѣтено вновь. Сохраняется и право личнаго заработка, даже отхода на промыслы, женщины получаютъ равную съ мужчинами долю въ продуктахъ общаго труда. И выйти можно изъ этой общины, а пьяницъ и воровъ она сама не терпитъ въ своемъ составѣ.

Вотъ лучшій способъ пользованія землей, тотъ, при которомъ то-же самое пространство земли можетъ прокормить наибольшее число населенія, и тотъ, который, устраняя дѣленіе земледѣльцевъ на хозяевъ и работниковъ, а стало быть и издержку на наемъ, тяготѣющую на крупномъ хозяйствѣ, тѣмъ не менѣе представляетъ и всѣ выгодныя условія послѣдняго: отсутствіе чрезполосицы между пестро разбросанными въ трехъ поляхъ участками и отдаленности надѣла отъ жилища, возможность получить нѣкоторыя оборотныя средства путемъ кредита и возможность перехода къ улучшеніямъ, при общемъ согласіи, общими силами, между тѣмъ, какъ нынѣ трудно отдѣльному хозяину заводить улучшенія, рискуя, что его лишній инвентарь будетъ описанъ за долги хозяевъ нерадивыхъ, а тотъ или другой улучшенный имъ участокъ можетъ отъ него отойти при первомъ-же передѣлѣ, безъ всякаго вознагражденія.

Повторяю, что и нынѣшнюю общину слѣдуетъ оберегать отъ раздробленія на участки безсильнаго, дробнаго, личнаго владѣнія. Ею слѣдуетъ дорожить, но именно въ виду развитія ея-же основного начала—въ форму болѣе совершенную, въ форму земледѣльческой производительной артели. Къ сожалѣнію, одесскія газеты не сообщаютъ свѣдѣній о положеніи артелей, образовавшихся по описанному образцу. «Одесскія Новости» говорятъ только, что «существующія въ Александрійскомъ уѣздѣ крестьянскія артели дали блестящіе результаты». Но когда онѣ возникли и кто имъ написалъ первый договоръ? Затѣмъ, сколько ихъ и какъ великъ ихъ составъ? Это дѣло заслуживало-бы обстоятельнаго описанія, и если артели дѣйствительно удались, то прямая обязанность печати придать имъ возможно большую извѣстность, такъ, чтобы земства могли ознакомить крестьянъ другихъ губерній съ этимъ образцомъ. «Одесскія Новости» сообщаютъ еще, что крестьянскія артели Александрійскаго уѣзда обращались во 2 елисаветградское отдѣленіе государственнаго банка съ ходатайствомъ объ открытіи имъ кредита, но что отдѣленіе имъ отказало по двумъ причинамъ: въ скоромъ времени въ Александрійскомъ уѣздѣ будетъ находиться спеціальный агентъ банка, къ которому онѣ и должны обратиться, а сверхъ того, для опредѣленія кредитоспособности заемщиковъ, необходимы данныя о положеніи ихъ хозяйствъ, о недоимкахъ и другихъ лежащихъ на нихъ долгахъ. Если артели такихъ данныхъ не представили, то достаточно было и одного этого мотива для отказа. Но если данныя тѣ будутъ представлены тому-же отдѣленію банка, неужели оно откажетъ только потому, что въ Александрійскомъ уѣздѣ будетъ въ скоромъ времени находиться спеціальный агентъ? Если, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ нѣсколько артелей, дѣйствующихъ съ успѣхомъ на описанныхъ выше основаніяхъ, то это

фактъ столь большого значенія, что министерства финансовъ и земледѣлія должны были-бы обратить на него серьезное вниманіе.

Примѣровъ взаимопомощи среди крестьянскихъ обществъ и стараній объ улучшеніи быта у насъ и раньше бывало не мало, но доселѣ такія соглашенія обыкновенно являлись какъ слѣдствіе импульса нравственнаго, подъ вліяніемъ новаго ученія о томъ, «какъ слѣдуетъ жить». По большей части, подобное движеніе облекалось въ форму сектантства. Такъ, извѣстно, что молоканскія общества, по крайней мѣрѣ въ первое время, вели исправнѣе хозяйство и болѣе воздержную жизнь, чѣмъ окружавшее ихъ населеніе. Въ штундистскомъ движеніи также за импульсомъ нравственнымъ шли и старанія объ улучшеніи быта. Не всегда, впрочемъ, такія согласія образовывались прямо въ видѣ новыхъ религіозныхъ толковъ.

Приведу любопытный примѣръ изъ симбирской корреспонденціи «Волжскаго Вѣстника». Въ ней описаны мѣстное «общество бѣлоризцевъ» и основатель его, симбирскій мѣщанинъ Вас. Ив. Писцовъ. Начну прямо съ того, что всѣ бѣлоризцы крещены и вѣнчаны въ церкви, нѣкоторые изъ нихъ даже поютъ и читаютъ во время богослуженія», противоправославнаго—по словамъ корреспондента—тутъ нѣтъ ни крупицы», и самъ Писцовъ — «вовсе не сектантъ, а такой-же православный, какъ всѣ мы, можетъ быть даже и больше». «Бѣлоризцами» его и его близкихъ и приверженцевъ называютъ потому, что они одѣты во все бѣлое: бѣлая шляпа, бѣлый, просторный халатъ, конечно, самодѣльные. «Ученіе бѣлоризцевъ—пишетъ корреспондентъ—это нравственно-экономическое ученіе. Основа его та, что всѣ люди живутъ не такъ, какъ надо жить, и не такъ, какъ жили и учили св. отцы; что надо жить по правдѣ, просто, разумно, не давая воли страстямъ, и это для того, чтобы жилось легко и свободно». Вотъ основа, которая намъ знакома со словъ несравненно болѣе авторитетныхъ, чѣмъ голосъ почтеннаго Писцова. Бѣлоризцы живутъ скромно, никогда не пьютъ ни крѣпкихъ напитковъ, ни чая, не ѣдятъ мяса, рыбы, молока, яицъ, прежде не ѣли даже лука и хрѣна. Они употребляютъ только растительное и ѣдятъ только два раза въ день. Одѣваются они въ самодѣльное и ходятъ въ бѣломъ не по предразсудку какому, но потому, что это—цвѣтъ холста, а краски не нужно. Все лишнее въ одеждѣ они презираютъ, говоря, что это—«фасонъ», и что «дурачокъ красненькое любитъ».

Работаютъ бѣлоризцы много: пашутъ, сѣютъ, занимаются садами и огородами, плотничаютъ, кладутъ печи, шьютъ сапоги, но все больше «около дома», а наниматься они не любятъ. И для того именно стараются какъ можно меньше покупать, а все дѣлать себѣ сами, чтобы не быть въ зависимости отъ какого-либо хозяина. Они читаютъ церковныя и гражданскія книги, какія попадутся, охотно перенимаютъ все новое, что имъ кажется полезнымъ, а церемоній не любятъ. Даже свадьбы у нихъ обходятся «безъ всякихъ вечеровъ, безо всего, что сопряжено съ

выпивкой». Въ самомъ Симбирскѣ, по словамъ корреспондента, бѣлоризцевъ всего нѣсколько семей, но среди окрестныхъ крестьянъ ихъ больше. Но въ деревняхъ приверженцы Писцова уже менѣе понимаютъ смыслъ его ученія и стали смахивать на обыкновенныхъ сектантовъ, чему много способствуетъ то, что другіе крестьяне относятся къ нимъ враждебно, какъ относятся въ деревняхъ, да и въ Симбирскѣ къ самому Писцову. Недавно онъ даже подвергся нападенію пьяной толпы, когда остановился на ночлегъ въ деревнѣ; толпа ломилась въ избу и только твердость хозяйки, отказавшейся отворить двери, несмотря на застращиваніе урядникомъ, спасла Писцова отъ насилій. Откуда-же такая вражда? Она объясняется тѣмъ, что примѣръ Писцова и его подражателей, самый ихъ образъ жизни является укоромъ для другихъ, а сверхъ того, бѣлоризцы, въ особенности-же самъ ихъ глава, любятъ говорить правду въ глаза и даютъ понять другимъ свое превосходство. Разсказавъ о томъ, что Писцова чуть было не побили, корреспондентъ казанской газеты заключаетъ письмо слѣдующими словами: «такъ встрѣчаютъ у насъ піонеровъ въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ, распущенностью и необузданностью». Прибавлю, что не только въ деревнѣ, но и въ значительной части печати проявляется, если не враждебность, то легкомысліе въ отношеніи къ ученію, что «люди не такъ живутъ, какъ надо», къ проповѣди, которая во имя блага человѣка осуждаетъ необузданность и распущенность.

Еще нѣсколько словъ о самомъ Писцовѣ. Онъ велъ большія торговыя дѣла и былъ богатъ, но около тридцати лѣтъ тому вдругъ оставилъ эти дѣла, задумавъ жить «просто и свободно». Онъ рѣшилъ бросить какъ дѣла, такъ и всѣ излишества, сразу продалъ свои мебель, посуду, платье, завелъ все простое, одѣлся самъ и одѣлъ домашнихъ такъ, какъ они теперь ходятъ, и пересталъ ѣсть мясо. Дѣла онъ, впрочемъ, не совсѣмъ бросилъ, такъ какъ покупаетъ дома и сады. Работы въ садахъ онъ по возможности исполняетъ своей семьей, только въ особыхъ случаяхъ нанимая рабочихъ. Имѣетъ деньги, но не держитъ ихъ въ банкѣ, и если дастъ кому въ долгъ, то не беретъ процентовъ, считая это грѣхомъ. Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» разсказанъ другой примѣръ подобной перемѣны въ душѣ богатаго торговаго человѣка. Былъ на Волгѣ судопромышленникъ Ч—въ, имѣлъ пароходы, и баржи, и домъ, «жилъ въ богатствѣ и почетѣ»—и вдругъ исчезъ. Прошли мѣсяцы безъ извѣстій о немъ, произведена была ликвидація его дѣлъ, имущество продано съ аукціона, осталось много и дѣти получили свои доли. Затѣмъ оказалось, что Ч—въ, не взявъ съ собой рѣшительно ничего, ушелъ на Аѳонъ и постригся. «Стало противно богатство—разсуждаетъ саратовскій корреспондентъ газеты — рубль былъ побѣжденъ человѣкомъ; но это рѣдко бываетъ, рѣдко удается такая побѣда».

Въ газетѣ «Жизнь и Искусство» и въ «Новоросс. Телеграфѣ» изложенъ циркуляръ подольскаго губернатора, приглашающій мировыхъ по-

средниковъ губерніи «немедленно приступить къ устройству въ селахъ и деревняхъ общественныхъ потребительныхъ лавокъ». Такое распоряженіе состоялось вслѣдствіе примѣра, уже поданнаго однимъ мировымъ посредникомъ Могилевскаго уѣзда Окуловымъ. Подъ его руководствомъ заведены въ пяти селахъ его участка такія общественныя лавки и въ теченіе полугода своей дѣятельности онѣ дали хорошіе результаты. Основной капиталъ каждой изъ нихъ составляетъ отъ 333 до 600 рублей и въ теченіе полугодія сдѣлалъ оборотъ въ одной лавкѣ $3^1/_2$ раза, а въ другихъ 4 и даже 5 разъ. При назначеніи такихъ цѣнъ на товары, что барышъ ограничивается 10-ю процентами, это уже составляетъ отъ 35 до 50 процентовъ—въ полугодіе. Вотъ какъ прибыльна мелочная торговля. Между тѣмъ, при такомъ размѣрѣ барыша, который значительно ниже получаемаго частными лавочниками, для крестьянъ, по совокупности ихъ покупокъ, оказывается сбереженіе не менѣе 2 рублей на семью, да при этомъ устраняется еще обмѣриваніе и обвѣшиваніе, практикуемыя сельскими торговцами или сберегаются издержки, сопряженныя съ поѣздками въ городъ для закупокъ.

Осмотрѣвъ лавки, заведенныя подъ руководствомъ г. Окулова и выслушавъ его объясненія, губернаторъ пригласилъ всѣхъ посредниковъ въ губерніи приступить къ устройству такихъ лавокъ. Приглашенія начальства обыкновенно передаются населенію въ смыслѣ приказаній. Между тѣмъ, въ дѣлѣ ассоціаціонномъ слѣдовало бы, для самой успѣшности его, устранить всякій характеръ принудительности. Осторожность необходима уже и потому, что опытъ имѣется еще слишкомъ ограниченный, опытъ всего пяти лавокъ въ теченіе одного полугодія. При томъ же, главнымъ условіемъ успѣха было то, что одинъ посредникъ взялся за это дѣло добровольно, руководилъ имъ по собственной охотѣ, не имѣлъ предписанія свыше, стало быть, долженъ былъ самъ убѣждать крестьянъ, словомъ занялся живой, не офиціальной только организаціею этого дѣла. И въ другихъ участкахъ дѣло удастся только при томъ же условіи, чтобы у посредниковъ было собственное желаніе заняться этимъ дѣломъ и чтобы крестьяне были убѣждены въ его желательности и возможности.

Но сдѣлавъ эту оговорку, я могу отнестись только съ сочувствіемъ къ самому проекту начальника Подольской губерніи—оказать содѣйствіе къ устройству общественныхъ лавокъ для устраненія мелкихъ торговыхъ посредниковъ, которые взимаютъ съ народа огромную дань дороговизной товара, обмѣромъ и пониженіемъ его качества. Въ циркулярѣ сказано, что лавки могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ только въ такихъ селеніяхъ, гдѣ не меньше 100 дворовъ и притомъ не слишкомъ близкихъ къ городу или торговому мѣстечку. Эти два условія уже значительно уменьшаютъ число сельско-общественныхъ лавокъ возможное въ Подольской губерніи. Сто дворовъ имѣютъ только болѣе значительныя селенія, обыкновенно села и крестьянскіе приселки при мѣстечкахъ. Но «торговыхъ мѣстечекъ» въ юго-западномъ краѣ такое множество, что рѣдко гдѣ село съ церковью

сколько нибудь далеко отъ такого мѣстечка. А въ приселкахъ послѣднихъ едва-ли возможна общественная лавка. Но все-таки найдутся и такія значительныя селенія, которыя лежатъ верстахъ въ 20 отъ мѣстечка. Въ нихъ общественная лавка можетъ учредиться на капиталъ, составленный посредствомъ добровольныхъ взносовъ сельскихъ обществъ по раскладкѣ общественныхъ доходовъ отъ питейной аренды, отчисленій изъ прибылей сельскихъ банковъ, частныхъ пожертвованій, наконецъ займовъ.

Харьковская палата судила 16 женщинъ за сопротивленіе властямъ. Дѣло было изложено въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ»; оно заслуживаетъ вниманія. Въ ноябрѣ 1893 г. въ село Богатую Чернетчину, Полтавской губерніи, явилась для борьбы съ эпизоотіей комиссія изъ предсѣдателя и члена управы, ветеринаровъ, фельдшеровъ и становаго. Взявъ съ собой мѣстныя сельскія власти, комиссія въ теченіе нѣсколькихъ дней убивала крестьянскій скотъ, на которомъ была чума. Крестьяне не противились, хотя слышались жалобы. Но затѣмъ, когда комиссія, раздѣлясь на нѣсколько партій, отправилась для осмотра остальнаго скота въ разныя стороны, то на пути той партіи, въ которой ѣхалъ предсѣдатель, явились около 20-ти женщинъ, которыя стали кричать «убирайтесь вонъ, мы сами справимся съ чумой», поворотили назадъ телѣгу, на которой былъ предсѣдатель, и махали палками, такъ что партія, по выраженію отчета, «дала тягу» къ ямамъ, въ которыя закапывали убитыхъ животныхъ. И остальныя партіи комиссіи отступили къ тому-же пункту. Тогда толпа женщинъ, въ числѣ уже около 100, двинулась къ ямамъ и не обращая вниманія на уговоры становаго и старшины, наступала, требуя, чтобы ей выданы были ветеринары. По совѣту становаго, ветеринары бѣжали, а вниманіе толпы было отвлечено приближавшейся группою людей, которые подъ предводительствомъ урядника вели къ ямамъ животныхъ назначенныхъ къ убою. Женщины отбили у этихъ людей скотъ и разогнали ихъ палками, а потомъ бросились къ дому еврея, гдѣ остановилась комиссія, и требовали выдачи ветеринаровъ. Но ветеринары уже бѣжали, а послѣдовали-ли за ними остальные члены комиссіи—въ отчетѣ не сказано. Женщины одержали полную побѣду.

Это дѣло было прозвано «бабьимъ бунтомъ». Судились 16 женщинъ, уличенныхъ въ главномъ участіи въ бунтѣ. На судѣ выяснилось, что женщины начинали бунтъ не прямо съ дѣйствія или хотя-бы маханія палками. Онѣ сперва падали на колѣни и умоляли не убивать ихъ скотъ. Послѣдствіями бабьяго бунта было появленіе въ село военной команды для экзекуціи, при которой мужьямъ буянившихъ бабъ, по выраженію волостного старшины, была «оказана благодарность (т. е. порка)», да солдаты съѣли нѣсколько штукъ скота. Палата приговорила 16 женщинъ къ тюремному заключенію однѣхъ на годъ, другихъ на полгода, но освободила ихъ отъ наказанія за силою манифеста. Бабы упали передъ судомъ на колѣни и отвѣчали громкими рыданіями на объявленное имъ помилованіе.

Случаи сопротивленія убою скота въ зачумленныхъ селеніяхъ обыкновенно объясняются «невѣжествомъ» крестьянъ, какъ будто необходимо образованіе, чтобы убѣдиться въ заразительности чумы на скотъ и въ томъ, что выгоднѣе получить за животное деньги по справедливой оцѣнкѣ, чѣмъ лишиться скотины отъ чумы и не получить ничего. Между тѣмъ, мы видимъ, что это—случаи исключительные, тогда какъ невѣжество крестьянъ, къ сожалѣнію, вовсе не исключительное явленіе. Въ большинствѣ-же случаевъ, никакого сопротивленія коммиссіямъ не оказывается, а значитъ и тамъ, гдѣ оно случается, причиной его не невѣжество, а скорѣе недовѣріе крестьянъ. Какъ извѣстно, сопротивленіе выражалось иногда въ такой формѣ, что главные виновные присуждались впослѣдствіи къ отдачѣ въ исправительныя роты военнаго вѣдомства. Мыслимо-ли, однако, чтобы крестьяне или казаки рѣшались на употребленіе насилія противъ власти, если-бы имъ съ самаго начала все было толково объяснено и если-бы—это главное—они тутъ-же, тотчасъ получали-бы деньги? Но если за этими деньгами нужно еще ходить и получить ихъ неизвѣстно когда, да еще они, пожалуй, будутъ зачтены за недоимку, а тѣмъ болѣе, если распространится такой слухъ, что за деньгами и совсѣмъ напрасно ходить, тогда другое дѣло. Газетный отчетъ о «бабьемъ бунтѣ» не объясняетъ, какимъ образомъ производилось вознагражденіе хозяевъ за убиваемый скотъ: немедленною-ли выдачей, на мѣстѣ, наличныхъ денегъ, или врученіемъ квитанцій, или просто занесеніемъ именъ хозяевъ и числа взятыхъ у нихъ головъ скота—въ реестръ. Во всякомъ случаѣ слѣдовало-бы вознагражденіе всегда выплачивать тутъ-же, при самомъ отобраніи животныхъ.

Другой случай сопротивленія, угрожающій болѣе тяжкими для виновныхъ послѣдствіями, былъ недавно разсказанъ въ «Спб. Вѣд.», но я нахожу его въ «Волжскомъ Вѣстникѣ». Газета не говоритъ, въ какомъ уѣздѣ село Вязовецъ, гдѣ произошелъ этотъ случай. Крестьянинъ, желая поправить свои дѣла, далъ иконописцу обновить старый образъ, а потомъ объявилъ народу о такомъ «чудѣ», будто «Господь его помиловалъ, обновившись въ одну ночь на иконѣ». Все окрестное населеніе двинулось къ ней, стали ставить передъ ней свѣчи, дарить хозяину деньги, куски полотна и т. д. Приказано было взять эту икону и помѣстить въ церковь. Крестьяне не дали. Тогда командированы были урядники, но крестьяне прибили ихъ и заперли, а бабы и ребятишки будто-бы «въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ подвергали ихъ инквизиціоннымъ пыткамъ». Неужели бабамъ извѣстны были именно «инквизиціонныя» пытки? Весьма сомнительно, чтобы бабы и ребятишки могли производить хотя-бы и тѣ пытки, какія практиковались у насъ самихъ вплоть до Екатерины II. Наконецъ, присланъ былъ эскадронъ драгунъ, который взялъ икону и арестовалъ зачинщиковъ.

Во «Внутр. Обозрѣніи» предшествующей книжки нашего журнала было сказано нѣсколько словъ о желательности скорѣйшаго распростра-

ненія земскихъ учрежденій на возможно большее пространство Россіи. Въ «Сѣверномъ Кавказѣ» была дѣльная статья, доказывавшая ихъ необходимость для Ставропольской губерніи. Газета находитъ страннымъ, что тамъ нѣтъ земства, когда оно есть въ Крыму и въ Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что населеніе Ставропольской губерніи вовсе не бѣдно. Между тѣмъ, въ 1893 году въ ней приходились 1 врачъ на 76,400 и 1 больничная кровать на 120,000 душъ сельскаго населенія. Мѣстныя санитарныя условія «невозможны»; смертность выражается цифрой 53 на 1,000 (въ 1891 г.), то-есть выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Ничего не дѣлается для статистическаго изслѣдованія губерніи, для улучшенія земледѣлія и народнаго образованія, для устраненія бездорожья. «Введеніе земскихъ учрежденій,—говорила газета,—дастъ лучшей части нашего общества ту плодотворную и отвѣтственную дѣятельность, въ которой она нуждается, оздоровитъ и ускоритъ пульсъ всей общественной жизни».

Не могу не замѣтить, что послѣднему аргументу нѣсколько противорѣчитъ замѣчаніе въ той-же статьѣ, что «всѣ доводы охранителей (противъ земства) сами по себѣ мало убѣдительные, потеряли всякую почву съ 1890 г., когда по новому земскому положенію земство поставлено почти подъ безграничный контроль администраціи». Но и безъ ускоренія пульса общественной жизни земскія учрежденія ведутъ полезную работу, которой безъ нихъ никто не сдѣлаетъ, кладутъ хоть начало мѣропріятій на пользу народнаго здоровья, образованія, улучшеній въ хозяйствѣ, наконецъ, служатъ необходимой школой общественнаго самоуправленія. Могу только присоединиться къ заключительному пожеланію почтенной газеты, чтобы еще въ настоящемъ году «населеніе Ставропольской губерніи получило возможность, въ лицѣ своихъ законныхъ представителей, громко говорить о своихъ нуждахъ и само заботиться объ ихъ удовлетвореніи».

Мусульмане вѣрятъ, что каждому, кто посадилъ дерево, отпустятся нѣсколько грѣховъ. Въ этомъ отношеніи наши городскіе муниципалитеты стоятъ на низшей ступени культуры, чѣмъ турки, персіяне и хотя-бы крымскіе татары. Если въ Петербургѣ завелся 20 лѣтъ тому-назадъ новый садъ, то это было по стараніямъ общества садоводства, а не городского управленія. Если городскіе сады завелись въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, то они явились, большей частью, плодомъ заботливости «просвѣщенныхъ» администраторовъ, но не выборныхъ городскихъ отцовъ. Тѣ, напротивъ, и въ возросшій издавна, помимо городского самоуправленія, старый садъ, гдѣ онъ есть (въ рѣдкомъ губернскомъ городѣ) наровятъ непремѣнно впустить распивочное заведеніе, по тому реальному соображенію, что оно будетъ платить городу нѣсколько сотенъ аренды, а садъ—только мертвый капиталъ. Распивочное заведеніе, построивъ помѣщеніе для буфета и кухни, начнетъ постепенно строить ледникъ, сарай для дровъ, кегельбанъ, эстраду для случайной музыки, «карусель», бесѣдку для прохладительныхъ водъ, и т. д.—вплоть до барака съ от-

крытой сценой и платными скамейками передъ ней, американскихъ горъ и т. п. Однимъ словомъ, кабатчикъ постепенно вырубитъ добрую часть сада, разсчитывая, что для прогулки нѣтъ нужды въ большомъ пространствѣ и чѣмъ ближе гулять вокругъ буфета, тѣмъ лучше.

«Кіевское Слово» жалуется, что, такъ-называемый, Государевъ садъ въ Кіевѣ, разведенный при Елисаветѣ Петровнѣ, поступивъ въ завѣдываніе городского управленія, сталъ подвергаться «постепенному урѣзыванію». Въ него впустили сперва Шато-де-флеръ, затѣмъ зданіе минеральныхъ водъ, потомъ водопроводныя сооруженія, наконецъ, усадьбу купеческаго клуба и теперь уцѣлѣла уже «сравнительно небольшая часть бывшаго Государева сада, но, къ сожалѣнію, и на этотъ остатокъ въ послѣднее время высказываются взгляды, какъ на нѣчто ненужное, какъ на праздное мѣсто, пригодное для новыхъ построекъ и сооруженій». Въ городской думѣ выдвигается проектъ объ отведеніи части того сада подъ новое зданіе для конторы государственнаго банка, при чемъ заявляется такое именно соображеніе, что за мѣсто въ упомянутомъ садѣ «могутъ быть получены не малыя деньги, тогда какъ садъ представляетъ собою мертвый капиталъ». За границей, въ большихъ городахъ, муниципалитеты смотрятъ на сады совсѣмъ иначе. Въ Лондонѣ всѣ повторяютъ, что Regent's, St. James, Hyde парки это—*легкія* Лондона. Въ Парижѣ, въ тюльерійскій садъ проникли два кафѐ, на обѣихъ «террассахъ», но никто тамъ не думаетъ, что этотъ садъ представляетъ собой нѣчто ненужное и только «мертвый капиталъ». На бульварахъ въ Парижѣ стоятъ высокія деревья, которыя охранены рѣшеткою у основанія и желѣзными прутьями вокругъ. Берлинскій Thiergarten, послѣ проведенія сбоку его улицы съ красивыми виллами, признается гордостью германской столицы, неприкосновенной для вырубки съ торговой цѣлью. Воображаю, что сказали-бы римляне, если-бы имъ предложить кіевскую муниципальную мысль, что городской садъ — нѣчто ненужное, мертвый капиталъ, что садъ на Monte Pincio, въ концѣ улицы Корсо, практичнѣе было-бы урѣзать подъ винныя лавки или хотя-бы подъ возведеніе такого полезнаго зданія, какъ помѣщеніе для конторы государственнаго банка, съ надлежащими квартирами, погребами, конюшнями...

Пока не построена великая восточная дорога, Сибири дальше до «Россіи»—какъ тамъ говорятъ—чѣмъ до Китая. Въ Сибирскихъ газетахъ встрѣчаются нѣкоторые «отзвуки» войны Китая съ Японіей. Въ иркутскомъ «Восточномъ Обозрѣніи» нерѣдко бываютъ переводы разныхъ странныхъ указовъ богдыхана. Но я не видѣлъ въ этой газетѣ того жалобнаго манифеста китайскаго императора, который появился въ нѣсколькихъ провинціальныхъ и столичныхъ вѣдомостяхъ, того въ которомъ сынъ неба обвиняетъ своихъ генераловъ въ трусости и обѣщаетъ совершить самоубійство, если японцы возьмутъ Пекинъ. Довольно невѣроятное заявленіе даже для той колоссальной, сплошной оперетки, какою намъ, конечно по незнанію, представляется жизнь Китая. Вице-короля

Ли-Хун-Чана императоръ сперва будто-бы лишилъ — въ видѣ легкаго предостереженія—желтой куртки для верховой ѣзды. Послѣ этого, Ли-Хун-Чанъ, очевидно, уже не могъ ѣздить верхомъ. Потомъ его будто-бы лишили чиновъ, но оставили въ должности генералъ-губернатора. Затѣмъ, ему будто-бы возвратили и чины и «желтую куртку для верховой ѣзды» и отправили его чрезвычайнымъ посломъ для переговоровъ о мирѣ. Тутъ явны выдумки, примѣшанныя къ дѣйствительнымъ фактамъ. Трудно понять обычаи народа, замкнутаго въ совершенно самостоятельной національной культурѣ, какую и намъ рекомендовали славянофилы. Въ русскомъ языкѣ есть изреченіе «чинъ чина почитай», которое нѣсколько приближается къ китайскимъ звукамъ; но оно еще не даетъ ключа къ пониманію сложныхъ явленій своеобразной, вполнѣ свободной отъ «рабскаго подражанія европейскому западу», китайской жизни.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ одномъ одесскомъ фельетонистѣ. Въ числѣ ихъ состоитъ одинъ малоодаренный, но съ большими претензіями на остроуміе и ученость. Онъ наводняетъ «Одесскій Листокъ» сѣрой мутью съ такими потугами на юморъ, какъ, напр., «вотъ положеніе, основоположеніе, начало, основоначало, сентенція, тенденція, смыслъ, мысль» и т. п. Подписывается этотъ остроумецъ Барономъ Иксомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ курьезовъ онъ попалъ въ мой обзоръ «елочной литературы» (февраль). Я всегда отношусь съ сочувствіемъ къ малѣйшему проблеску таланта, но я-же обязанъ указывать и на уродливыя явленія печати и на смѣхотворныя въ ней фигуры. Остановившись передъ той изъ нихъ, о которой рѣчь, я показалъ, что бездарность свою она прикрываетъ павлиньими перьями—ссылками на авторовъ, которыхъ никогда она не читала, и на мнимыя научныя истины, которыя она перевираетъ точно такъ-же, какъ и не читанныхъ и не понимаемыхъ ею писателей. Фельетонистъ привелъ, будто-бы, изъ Данте «Come duro e cale», и изъ этихъ словъ, по своему обыкновенію, тотчасъ сочинилъ пошлость—«комедурію», увѣряя, что жизнь есть комедурія. Затѣмъ онъ съ десятокъ разъ повторялъ эти безсвязныя слова «come duro» и проч., съ восклицательными знаками, уснащая ими свои собственныя тривіальности, будто вдохновляясь Дантомъ. Точно также онъ пустилъ въ глаза читателямъ, все изъ хвастовства, «огненную космическую пыль», которая, по его свѣдѣніямъ, бывъ сперва огненною, потомъ сгущается, что составляетъ вздоръ. То было на святкахъ, когда допускается невинное ряженье, но ряженье вороны въ павлиньи перья, съ цѣлью саморекламы, и въ то время все-таки остается смѣшнымъ.

Фельетонистъ ужасно разсердился на меня и залилъ «Одесскій Листокъ» новымъ потокомъ своего рекламистаго балагурства, гдѣ увѣрялъ, что онъ получаетъ «отъ одесской публики массу писемъ съ выраженіемъ признательности за возбужденіе въ нихъ (т. е. въ читателяхъ) добрыхъ гражданскихъ чувствъ», даже привелъ выписку изъ кишиневскаго письма, въ которомъ ему сообщалось, что Кишиневъ, какъ Одесса и многіе другіе

города, «задумываются» надъ его фельетонами, надъ его «трудами, которые являются настоящими, искренними двигателями общественнаго прогресса» и проч. Но это—обычная реклама, которая къ дѣлу не идетъ. А какія оправданія онъ представилъ на счетъ того, что приводилъ съ чужого голоса, изъ третьихъ рукъ, для шика, и перепуталъ? Оказывается, что Данте онъ цитировалъ по Карлейлю, хотя самъ ссылался прямо на итальянскаго поэта. И, конечно, цитировалъ даже не по оригинальному тексту Карлейля, а по русскому переводу, а вѣроятнѣе, что и этого перевода-то онъ не видалъ, такъ какъ дѣлаетъ теперь такую ссылку: «См. Карлейля, статью его «Дантъ, Героическое значеніе поэта». между тѣмъ какъ въ переводѣ статья названа: «Герой, какъ поэтъ.—Данте — Шекспиръ». Просто, слышалъ отъ пріятеля, а похвастать непремѣнно хотѣлось. Такъ и съ «огненной» пылью, которая потомъ сгустилась. Онъ поучаетъ меня, что «на уплотненіе туманностей необходимо громадное количество *теплоты* (курсивъ автора) и удивляется, что я такихъ элементарныхъ вещей не знаю». Но не стану разбирать пустяковъ, которые онъ преподноситъ по этому поводу. «Откуда взялась эта теплота, это горѣніе, огонь—не знаю,—говоритъ онъ.—Спросить нужно у астрономовъ-физиковъ». Нѣтъ, достаточно спросить у ученика старшаго класса любой изъ одесскихъ гимназій, который и объяснитъ, что не сгущеніе явилось результатомъ теплоты, но какъ-разъ наоборотъ.

Этотъ «публицистъ» изъ кожи лѣзетъ теперь, чтобы извернуться. «Маленькая, ничтожная неточность—поставить связь è не на мѣстѣ, то-есть вмѣсто è duro—duro è», оправдывается онъ. Duro-то тутъ, какъ тутъ. Но напрасно авторъ подтасовываетъ, какъ-будто имъ была и раньше употреблена глагольная форма «есть (è)», а не союзъ «и (e)». «Ничтожная» эта неточность—совершенно такая-же, какъ если не зная по французски, но желая щегольнуть французской фразой, написать *et* вмѣсто *est*. Сверхъ того, передъ словомъ *calle* пропущенъ членъ. Въ этой ошибкѣ легко извинить одесскаго фельетониста, такъ какъ она сдѣлана въ оригинальномъ текстѣ Карлейля («On Heroes», etc., стр. 251), какъ у него-же не точно приведены слова «non ragionar di lor», а именно поставлено «ragioniam». Скажутъ, если ошибки могутъ быть у великихъ писателей, то онѣ простительны одесскому фельетонисту. Ошибки-то простительны, какъ простительна и бездарность, но непростительны реклама, ряженье въ павлиньи перья, увѣреніе, будто его, «комедура», голова «переполнена и Байронами, и Карлейлями, и Боклями, и представляетъ собою какую-то ходячую энциклопедію», когда она представляетъ собою только «туманность оплотненную теплотою». Рекламу необходимо гнать изъ печати, какъ-бы это и ни было скучно.

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Путевыя замѣтки *).

Массачусетсъ, и въ особенности Бостонъ, справедливо гордятся тѣмъ, что дали отечеству цѣлый рядъ выдающихся людей, въ томъ числѣ и женщинъ. Между ними есть имена, окруженныя ореоломъ мужества, добродѣтели и преданности родинѣ: Анна Hutchinson, жены Адамсовъ, Кноксовъ, Гэнкоковъ помогали своей энергіей, своей самоотверженностью торжеству независимости. Но по моему едва-ли не самая героическая изъ нихъ была мистриссъ Cushing, которая, во время деклараціи правъ, рѣшилась, вмѣстѣ со своими товарками, одѣваться въ звѣриныя шкуры, лишь-бы не покупать англійскіе товары. Дебора Samson, служившая въ рядахъ революціонной арміи, была также уроженкой Масачусетса. Самый краснорѣчивый публичный протестъ противъ невольничества исходилъ изъ устъ женщинъ Бостона. Lydia Maria Child боролась рука объ руку съ такими поборниками свободы, какъ Garrison и Wendell Phillips; Maria Chapman содѣйствовала побѣдѣ добра обаяніемъ своей душевной твердости и красоты Во время войны Сѣвера съ Югомъ женщины повсюду соперничали между собой въ самоотверженности, а «Ассоціація Дамъ» изъ Новой Англіи доставила солдатамъ Сѣвера болѣе 314,000 дол. деньгами и припасами. М-съ Livermore, хорошо извѣстная, какъ предсѣдательница перваго съѣзда «Ассоціаціи женскаго прогресса», организовала тогда первый изъ тѣхъ базаровъ (sanitary fairs), которые дали впослѣдствіи столь плодотворные результаты. Ея двойной даръ—писать и говорить, ея изумительная дѣятельность были во все время войны къ услугамъ Союза. Clara Barton, глава организаціи Краснаго Креста; Susan Anthony и Lucy Stone, руководительницы движенія въ пользу участія женщинъ въ выборахъ; вели-

*) См. «Сѣверный Вѣстникъ», мартъ.

кодушная аболюціонистка Lucrecia Coffin Mott—всѣ родились въ Массачусетсѣ, хотя ихъ вліяніе распространялось далеко за его предѣлы.

А развѣ можно перечислить имена всѣхъ женщинъ, содѣйствовавшихъ прогрессу наукъ о воспитаніи? Я постараюсь указать, при посѣщеніи колледжей, на ту жизнь, которую вдова великаго натуралиста м-ъ Agassiz внесла и продолжаетъ вносить въ женское отдѣленіе университета Harvard'а. Одна изъ дочерей Agassiz'а, м-съ Shaw, также занималась педагогикой съ знаніемъ дѣла, равнымъ ея щедрости. Около 1860 г. миссъ Elizabeth Peabody ввела въ Америкѣ фребелевскій методъ; м-съ Shaw основала и поддерживала въ теченіе 15-ти лѣтъ шестнадцать свободныхъ дѣтскихъ садовъ, принадлежащихъ теперь городу. Подъ ея руководствомъ и благодаря ея неистощимой щедрости производились всякаго рода опыты: введеніе ручного труда въ общественныя ремесленныя каникулярныя школы, ясли и т. п. Ея приготовительная школа для дѣвочекъ и мальчиковъ долго оставалась единственной въ своемъ родѣ: здѣсь обнаруживается духъ независимости и предпріимчивости поистинѣ національный; желаніе воспитать своихъ дѣтей по собственному усмотрѣнію, внѣ существующихъ методовъ, побудило м-съ Shaw создать это учрежденіе. М-съ Mary Hemenway заслуживаетъ особой похвалы за то, что она поняла необходимость поощренія спеціально женскихъ отраслей труда въ Америкѣ, гдѣ изъ любви къ греческому языку обыкновенно пренебрегаютъ кухней и шитьемъ: она устроила при школахъ практическіе курсы, имѣющіе цѣлью образованіе хозяекъ; она позаботилась привести въ лучшее состояніе бренное тѣло, слишкомъ презираемое молодыми учеными американками, прибавивъ занятія гимнастикой къ прочимъ урокамъ; она зажгла огонь патріотизма, взявъ на себя расходъ на устройство свободныхъ лекцій по исторіи Америки,—лекцій, читавшихся въ одной старинной церкви Юга, среди живыхъ реликвій этой исторіи; она положила основаніе первому музею американской археологіи.

По части наукъ Массачусетсъ произвелъ женщину-астронома, высокоцѣнимаго Гершелемъ, Гумбольдтомъ и Леверріеромъ,—Марію Митчель; по части искусствъ—скульптора Анну Whitney, двѣ статуи которой красуются на площадяхъ Бостона; нѣсколько живописцевъ,—я посѣтила мастерскія миссъ Greene и миссъ Bartol, м-съ Sears и м-съ Whitman; знаменитую актрису Шарлотту Cushman. Первая книга американскихъ стихотвореній, появившаяся въ 1650 г., принадлежала перу женщины Anne Bradsheet. Margaret Fuller, 8-ми лѣтъ писавшая стихи по-латыни, читавшая лекціи по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски, прикосновенная къ расцвѣту трансцендентализма и фурьеристскимъ опытамъ на Брукской фермѣ, основала знаменитые классы разговоровъ, вліяніе которыхъ и до сихъ поръ чувствуется въ Бостонѣ. Она имѣла цѣлью обозрѣть всѣ отрасли знанія, указать на ихъ взаимную связь, систематизировать мысль, привить женщинамъ столь рѣдкія у нашего пола качества—ясность и точность.

Я была знакома со многими работами мистриссъ Ward Howe по соціальнымъ и другимъ вопросамъ; я знала, что въ теченіе 40 лѣтъ имя м-съ Howe встрѣчалось во всѣхъ движеніяхъ, касающихся женскаго вопроса въ Америкѣ; но я все-таки не подозрѣвала значенія ея роли до одного очень простого случая, который я здѣсь разскажу. Однажды утромъ, въ саняхъ, я отправилась въ прекрасное имѣніе около Мильтона. Я болтала послѣ завтрака съ американцами, принадлежащими къ лучшему обществу, хорошо знакомыми со всѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, хотя они и не проводятъ, какъ многіе другіе, большую часть жизни за границей, понимая, что и на родинѣ остается сдѣлать еще много существеннаго, и что ихъ долгъ принять участіе въ этой работѣ. Очень любезный старикъ передавалъ намъ свои воспоминанія о Парижѣ и о томъ, до сихъ поръ живомъ впечатлѣніи, какое произвела на него Рашель, пѣвшая, или вѣрнѣе декламировавшая Марсельезу. Вдругъ въ одномъ изъ угловъ гостиной послышалась тихая музыка, родъ военнаго марша, который наигрывала молодая дама на роялѣ. Я спросила, что это такое; мнѣ отвѣтили, что это «Battle Hymn», военный гимнъ солдатъ сѣвера изъ временъ гражданской войны. Сначала, какъ мнѣ сказали, музыка сопровождалась грубыми и кровожадными словами, криками мести, внушенными смертью Джона Броуна, стараго поселенца-аболюціониста, пытавшагося вызвать возстаніе негровъ еще до объявленія войны, овладѣвшаго городомъ при помощи 22 людей, защищавшаго арсеналъ пока держалось его ничтожное войско; покрытый ранами онъ былъ приговоренъ къ повѣшенію и далъ своею казнью послѣдній толчекъ уже назрѣвшему вопросу. «Old John Brown» повторялся всѣми и м-съ Ward Howe, измѣнивъ его слова, сдѣлала изъ него «Гимнъ войны». Когда я попросила спѣть этотъ гимнъ громко, два голоса его затянули; къ нимъ скоро присоединились другіе,—голоса всѣхъ присутствующихъ, и молодыхъ, и старыхъ, съ волненіемъ слились въ одинъ хоръ, такъ-какъ тутъ были люди, помнившіе свое участіе въ войнѣ, другіе помнили о погибшихъ въ тѣ четыре года, когда звуки этого воинственнаго гимна сливались съ шумомъ выстрѣловъ и громомъ пушекъ. Раньше чѣмъ замерли послѣднія слова, въ которыхъ людей убѣждаютъ умереть за свободу, какъ Христосъ умеръ за нихъ, я поняла, что Америка обладаетъ своею марсельезою, соотвѣтствующею ея темпераменту, авторомъ которой была женщина, соперница м-съ Beecher Stowe. М-съ Stowe изъ далекаго дома деревенскаго священника нанесла смертельный ударъ невольничеству своей знаменитой книгой, получившею всемірную извѣстность; м-съ Howe въ свою очередь бросила въ среду послѣдовавшихъ битвъ суровую религіозную пѣснь, сдѣлавшуюся съ теченіемъ времени національнымъ гимномъ побѣдителей Сѣвера.

Велико было мое удивленіе, когда я впослѣдствіи встрѣтилась съ авторомъ Battle Hymn'а. Я думала увидѣть старую женщину, такъ-какъ во всѣхъ ея біографіяхъ указанъ годъ ея рожденія—1819, и я не знаю

почему, мысленно придавала ей тотъ видъ нѣсколько мужской повелительности, который бываетъ у многихъ сильныхъ женщинъ. Я увидѣла особу съ необыкновенно свѣжимъ цвѣтомъ лица, свѣтлой улыбкой и взглядомъ. Она одѣвается безъ малѣйшей эксцентричности; у ней простыя и прекрасныя манеры, а тэмбръ ея мягкаго голоса одинъ изъ наиболѣе пріятныхъ изо всѣхъ, когда либо слышанныхъ мною. Если-бы м-съ Howe случайно вздумала проповѣдывать самыя пагубныя ученія, она была-бы крайне опасна, такъ могущественны въ ней тактъ и обаяніе, позволяющіе на все дерзать.

Я привѣтствовала ее въ ея царствѣ, въ клубѣ женщинъ Новой Англіи, котораго она состоитъ предсѣдательницей. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ былъ основанъ этотъ клубъ, чтобы дать помѣщеніе для собраній многочисленныхъ дамъ, живущихъ въ окрестностяхъ Бостона и пріѣзжавшихъ по какому-нибудь дѣлу въ городъ; это послужило основаніемъ для еженедѣльныхъ собраній, на которыхъ обсуждаются различныя темы: искусство, литература, воспитаніе и т. п. Эти бесѣды пріобрѣтали все большее значеніе по мѣрѣ увеличенія числа членовъ; часто посторонніе ораторы принимали участіе въ преніяхъ.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ понедѣльниковъ я посѣтила просторное и удобное помѣщеніе въ Park-Street'ѣ. Можно было подумать, что это пріемный день въ частномъ домѣ. Эстрада отсутствовала, а стоялъ хорошо сервированный чайный столъ. Всѣ 230 членовъ не были налицо, гораздо менѣе того, но все-таки здѣсь было многочисленное собраніе, среди котораго находился одинъ мужчина; единственный оставшійся въ живыхъ изъ той группы великихъ мужскихъ умовъ, которые съ самаго основанія клуба присоединились къ нему въ качествѣ его почетныхъ членовъ. Самыя выдающіяся женщины города входили одна за другой и м-съ Howe знакомила ихъ съ иностранными посѣтительницами, миссъ Spence и со мной. Миссъ Spence—австралійская знаменитость; она пріѣхала изъ своей родины, очень живая, очень разговорчивая, съ видомъ интеллигентнымъ и деревенскимъ въ одно и то-же время, и съ жаромъ вела бесѣды о правахъ меньшинства. Мы слушали, какъ она намъ разсказывала о способѣ подачи голосовъ въ Австраліи. Но м-съ Howe главнымъ образомъ приковывала мое вниманіе: какъ только засѣданіе было открыто, свѣтская женщина преобразилась въ предсѣдательницу; нельзя словами передать спокойную увѣренность и вѣжливую внушительность, съ которыми она три раза ударила молоткомъ по столу, призывая къ молчанію. Ея умѣнію держать себя могъ-бы позавидовать любой президентъ палаты. Она произнесла блестящую импровизацію; затѣмъ, покончивъ съ дѣлами, она перешла къ чайнымъ чашкамъ и къ представленіямъ, исполняемымъ ею съ изысканной любезностью хозяйки дома. Дѣйствительно не существуетъ города, гдѣ-бы женскій элементъ былъ лучше представленъ, чѣмъ въ Бостонѣ; я могла въ этомъ убѣдиться во время веселыхъ завтраковъ, которые чередовались то у м-съ Howe, то у другихъ членовъ французскаго

клуба. Никогда во Франціи въ собраніи женщинъ не было-бы столько увлекательности, столько милой любезности; отсутствіе мужчинъ заставило-бы насъ испытать чувство, которое одна молодая дѣвушка изъ Вашингтона сравнила съ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ ѣды сандвича безъ масла. Въ Бостонѣ, напротивъ того, цвѣтъ женскаго общества находитъ удовольствіе въ томъ, что сами эти дамы, считающія другъ друга «сестрами», называютъ своимъ «очарованнымъ кругомъ».

Но, повторяю, нѣтъ ничего болѣе чуждаго нашимъ привычкамъ. Можете вы себѣ представить дюжину дамъ, въ опредѣленные дни возлагающихъ на себя трудъ говорить во все время завтрака на чужомъ для нихъ языкѣ, съ цѣлью не забыть его и усовершенствоваться въ немъ? Нѣкоторыя невѣрности проскальзываютъ въ ихъ сужденіяхъ о французской жизни; одна изъ нихъ, напр., говорила мнѣ, что лучшая статуя въ Парижѣ—Іоанна Д'Аркъ Fremiet'a; другая считаетъ наивнымъ геніемъ Метерлинка, всѣ произведенія котораго она читала. А великая Margaret Fuller развѣ не ставила Эженя Сю рядомъ съ Бальзакомъ? Страстная поклонница Жоржъ Занда, она находила, однако, ея «Письма путешественницы» довольно пустыми и гораздо выше ставила «Les sept cordes de la lyre», а одна изъ ея знаменитыхъ пріятельницъ называла Альфреда де Виньи будуарнымъ писателемъ, судя о немъ, безъ сомнѣнія, по первымъ страницамъ «Исторіи бѣшеной блохи». Конечно и мы часто дѣлаемъ крупныя ошибки въ нашей оцѣнкѣ иностранныхъ литературъ, но всегда утѣшительно убѣдиться, что и иностранцы, относительно нашей, дѣлаютъ также часто не менѣе грубые промахи.

Точка зрѣнія м-съ Ward Howe не такъ сильно, какъ у многихъ ея соотечественницъ, отличается отъ нашей; она еще чувствуетъ на себѣ вліяніе продолжительнаго пребыванія во Франціи, своихъ сношеній съ выдающимися французами, и передаетъ свои впечатлѣнія обо всемъ этомъ на французскомъ языкѣ, которымъ она владѣетъ съ поразительнымъ совершенствомъ. Занятія наукой и размышленія помогли ей сохранить чисто юношескую живость, приправленную небольшой долей лукавства. Трудно быть умнѣе ея. Мнѣ хотѣлось заставить ее говорить о себѣ, но я въ этомъ мало успѣла. Мнѣ уже отъ другихъ приходилось слышать, какъ ей трудно давались ея первые литературные шаги. Ея отецъ, типъ отца старой школы, не позволялъ дочерямъ ничѣмъ выдѣляться. Она въ сущности только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего замужества начала то письменное и устное дѣло, надъ которымъ до сихъ поръ работаетъ. Julia Ward вышла замужъ за д-ра Howe, человѣка, двинувшаго впередъ воспитаніе глухонѣмыхъ, развившаго такія удивительныя дарованія у извѣстной Laur'ы Bridgeman, глухой, нѣмой и слѣпой. У Laur'ы Bridgeman теперь есть соперница въ лицѣ Елены Келлеръ, обученной по тѣмъ-же методамъ. Д-ръ Howe съ такимъ-же рвеніемъ старался воспользоватъся малѣйшимъ проблескомъ пониманія у идіотовъ. Мнѣ разсказывали, что за недостаткомъ времени въ теченіе дня, онъ давалъ имъ уроки по но-

чамъ, въ виду того, что часы не существуютъ у этихъ несчастныхъ мозговъ; свою-же усталость онъ ставилъ ни во что. До конца своей жизни онъ дѣлалъ настоящія чудеса, благодаря своей горячей преданности наукѣ и человѣколюбію. Въ это время м-съ Howe, вмѣстѣ съ Margaret Fuller, съ такимъ-же рвеніемъ и осторожностью руководили женскимъ движеніемъ. О ней можно было-бы сказать то, что было сказано объ ея предшественницѣ и другѣ: она никогда не вдавалась въ крайности, никогда не смотрѣла на женщину, какъ на противника и соперника мужчины, но какъ на его дополненіе, вѣря, что успѣхи одного нераздѣльны съ развитіемъ другого.

Я слышала говорящею однажды утромъ въ «унитарной церкви» ее, какъ убѣжденная, но независимая христіанка. Въ Америкѣ нерѣдко женщины проповѣдуютъ; насчитываютъ сотни женщинъ-пасторовъ; особенно часто онѣ бываютъ священниками на западѣ и повидимому ихъ приходы оказываются не хуже управляемыми, чѣмъ другіе. Даже въ Бостонѣ, гдѣ офиціальное попеченіе о душахъ находится всецѣло въ рукахъ мужчинъ, женщины допускаются къ извѣстному сотрудничеству въ нѣкоторыхъ церквахъ или по крайней мѣрѣ ихъ притворахъ. Притворъ, въ которомъ м-съ Howe своимъ серебристымъ и проникающимъ въ душу голосомъ краснорѣчиво бесѣдовала съ нами о вещахъ духовныхъ и въ то-же время практическихъ, принадлежалъ къ церкви «Учениковъ». Она говорила о личной религіозности, указывала на пользу семейной молитвы, на хорошія стороны нѣкоторыхъ обрядовъ, необходимость которыхъ казалась ей прежде сомнительной. Никогда абсолютная прямота не выражалась болѣе трогательно. М-съ Howe старалась доказать, что даже тѣ, кто считаетъ себя наиболѣе обездоленными въ этомъ мірѣ, должны благодарить Бога за тысячи вещей, хотя-бы напр. за солнце, за дарованіе каждому человѣку безкорыстныхъ друзей, и, больше всего, за дарованіе ему разума.

Послѣ м-съ Howe стала говорить съ легкостью и необычайной силою жена достопочтеннаго C. G. Ames'a, пастора той церкви, гдѣ мы находились. Она подробно остановилась на вопросѣ о благодарности, обязательной не только по отношенію къ Богу, но и къ ближнимъ. Думаемъ-ли мы когда-нибудь о томъ, что-бы съ нами сталось, если-бы всѣ тѣ, кого мы считаемъ малыми, униженными, невѣжественными, не помогали намъ нести тяжести той матеріальной задачи, которая надъ нами ежедневно тяготѣетъ. И женщина-ораторъ перечислила наши обязанности относительно прислуги, поставщиковъ, этого живого механизма нашего существованія; уплативъ имъ жалованье, мы совершенно напрасно перестаемъ считать себя въ долгу у нихъ.—Я уже раньше знала м-съ Ames по прекраснымъ статистическимъ изслѣдованіямъ, дающимъ возможность по первоисточникамъ изучить во всѣхъ областяхъ результаты дѣятельности женщинъ Массачусетса. Она предсѣдательница комитета, занимающагося исключительно этими вопросами.

Затѣмъ встали молодыя матери и заговорили о религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, о привычкахъ благочестія въ семьѣ, о книгахъ обычной морали, извѣстныхъ подъ именемъ little helps (малыхъ пособій); это былъ обмѣнъ полезныхъ наблюденій. Мнѣ кажется, что въ собраніяхъ первыхъ христіанъ должно было происходить нѣчто подобное, тѣмъ болѣе, что послѣ рѣчей наступила «трапеза», но трапеза по американски. Чай былъ поданъ въ одномъ изъ отдѣленій притвора, и м-съ Ames, смѣясь, спросила меня, не скандализирована-ли я, видя, что церковь сообщается съ кухней. Я поспѣшила отвѣтить, что я видѣла и лучше этого вещи на западѣ, гдѣ очень часто церковь, будучи въ то-же время и meetinghouse'омъ, выбирается мѣстомъ собраній, не имѣющихъ никакого религіознаго характера. Я прибавила, что тамъ одна дама, очевидица моего удивленія, отвѣтила мнѣ какъ истая пуританка: «Только развлеченія могли-бы быть неумѣстны въ церкви, а они неумѣстны вездѣ».

Въ послѣдній разъ я видѣла миссисъ Howe вскорѣ послѣ проведенія въ палатѣ представителей Массачусетса проекта закона, касающагося участія женщинъ въ муниципальныхъ выборахъ; онъ прошелъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 106; она видѣла въ этомъ предзнаменованіе окончательнаго согласія конгресса и въ тотъ-же день отправилась въ какое-то публичное собраніе требовать общаго избирательнаго права для женщинъ своей страны, основываясь на томъ, что онѣ уже давно къ этому подготовлены.—Этого рода требованія м-съ Howe ставитъ съ той-же спокойною ясностью, съ какою она излагаетъ въ церкви свои теоріи практическаго и личнаго христіанства; какова-бы ни была тема, она всегда приступаетъ къ ней съ чувствомъ мѣры, безъ какихъ либо крайностей, хотя огонекъ блеститъ въ ея голубыхъ глазахъ, оставшихся такими молодыми.

Со смертью Lucy Stone ея значеніе, какъ leader'а, кажется еще возросло. Извѣстно, что Lucy Stone была предсѣдательницею исполнительнаго комитета «Ассоціаціи для избирательныхъ правъ американской женщины»,—ассоціаціи, основанной ею въ 1869 г. при помощи W. Garrison'а, G. W. Curtis'а, полковника Higginson'а, м-съ Livermore и самой м-съ Ward Howe.—Любопытная исторія этого піонера-женщины заслуживаетъ быть написанною. Будучи еще совсѣмъ ребенкомъ, она рѣшила идти въ университетъ учиться по гречески и еврейски, чтобы въ оригиналѣ изучить библію и узнать, находятся-ли дѣйствительно въ текстѣ возмущающія ее слова: «Твой мужъ будетъ господствовать надъ тобой». Она зарабатывала себѣ пропитаніе ручнымъ трудомъ, сама готовила для себя кушанье, платя за свою бѣдную квартиру по 50 су въ недѣлю. По выходѣ изъ Обервинскаго университета, она посвятила себя обученію невольниковъ, бѣжавшихъ отъ своихъ хозяевъ, и съ 1847 г. начала свои знаменитыя лекціи о правахъ женщинъ, сама наклеивая свои афиши, пренебрегая насмѣшками и всякаго рода опасностями, возбуждая толпу своимъ краснорѣчіемъ и страннымъ магнетизмомъ, казалось, от-

дѣлявшимся отъ нея. Выйдя замужъ за Henry Blackwell'а, также поборника женскихъ правъ и уничтоженія невольничества, она никогда не носила фамиліи своего мужа. Blackwell это одобрялъ; онъ присоединился къ ея протесту противъ несправедливости закона, предоставляющаго мужу полную власть надъ личностью, имуществомъ и дѣтьми своей жены. Это супружество было въ теченіе 40 лѣтъ образцовымъ. Бюстъ Lucy Stone, работы Anne Whitney, на Чикагской выставкѣ, производилъ впечатлѣніе рѣдкой привлекательности и доброты. Когда она умерла въ Бостонѣ въ прошломъ октябрѣ, ея похороны въ унитарной церкви «Учениковъ» походили на тріумфъ: онѣ привлекли массу народа и сопровождались внушительными манифестаціями. Избирательные цвѣта — желтый и бѣлый—были представлены цѣлыми грудами розъ и хризантемъ.—Другая женщина, игравшая видную роль въ крестовомъ походѣ противъ невольничества, м-съ Edna Cheney, съ которой я имѣла честь познакомиться у м-съ Howe, лучше всѣхъ говорила о Lucy Stone, противопоставляя ее двумъ или тремъ «viragos», на которыхъ, къ сожалѣнію, въ Европѣ указываютъ всякій разъ, какъ только заходитъ рѣчь объ американскихъ поборницахъ правъ.

Прежде, сама м-съ Cheney была горячимъ апостоломъ женской эмансипаціи; но теперь все ея рвеніе сосредоточивается повидимому на превосходной больницѣ для женщинъ и дѣтей — New England Hospital for women and children», гдѣ служатъ доктора-женщины. М-съ Cheney предсѣдательница административнаго совѣта больницы и одна изъ его директрисъ.

Извѣстно, что первая женская медицинская школа была основана въ Бостонѣ въ 1848 г. Тогда другой не существовало нигдѣ во всемъ мірѣ. Теперь она слилась съ медицинскимъ факультетомъ университета. Въ Бостонѣ насчитываютъ 39 женщинъ докторовъ аллопатовъ, 41 гемеопатовъ и болѣе 89 практикуетъ безъ диплома, такъ какъ въ Массачусетсѣ нѣтъ закона, запрещающаго кому-бы то ни было врачебную практику.

Миссъ Ticknor—представительница очень оригинальнаго дѣла, возникшаго по ея иниціативѣ, безъ шума, приносящаго неисчислимые результаты: я говорю объ «обществѣ поощренія домашнихъ занятій». Первую мысль о такой ассоціаціи ей подала Англія, гдѣ умные люди открыли ту великую истину, что трудъ больше всего другого необходимъ для счастія и что люди, не поставленные въ необходимость трудомъ поддерживать свое существованіе и неспособные наполнить свою жизнь какимъ нибудь поглощающимъ занятіемъ, заслуживаютъ такого-же сожалѣнія, какъ и неимущіе.—Сначала она предполагала только письменно направлять молодыхъ дѣвушекъ по выходѣ ихъ изъ школы, и такимъ образомъ помогать имъ продолжать свою интеллектуальную жизнь, по большей части слишкомъ скоро забрасываемую. Потомъ ея задача рас-

ширилась. «Мнѣ показалось,—говоритъ она,—что мы могли-бы для всѣхъ женщинъ, даже для самыхъ униженныхъ, увеличить притягательность домашняго очага, доставляя имъ случай размышлять, знакомя ихъ съ мыслями великихъ умовъ, которые такъ сказать составляли-бы ихъ общество, пока онѣ занимаются своею ежедневною работою; мнѣ показалось, что эти женщины съ удовольствіемъ смотрѣли-бы на чудеса природы изъ далекой деревенской глуши и наслаждались-бы произведеніями искусства, если-бы имъ случайно пришлось съ ними столкнуться».

Въ 1873 г. шесть дамъ посвятили себя перепискѣ съ 45 лицами, первоначально записавшимися въ число студентокъ; въ настоящее время 190 дамъ находятся въ сношеніяхъ съ 423 студентками, не считая 46-ти клубовъ, извѣстныхъ подъ однимъ общимъ именемъ, за которымъ стоитъ многочисленная группа лицъ, соединившихся въ видахъ экономіи и удовольствія совмѣстнаго труда. — Къ каждой ученицѣ относятся, сообразуясь съ ея спеціальными нуждами, но всегда соблюдается и общее правило относительно того, къ какому изъ шести отдѣловъ, обнимающихъ извѣстную область знаній, принадлежитъ корреспондентка. Работа состоитъ въ чтеніи, въ замѣткахъ, составляемыхъ по памяти; результаты ея провѣряются ежемѣсячною перепиской, допускающею частые экзамены на разстояніи. Ничтожный ежегодный взносъ на нужды управленія и на почтовые расходы обезпечиваетъ обращеніе книгъ, которыхъ теперь насчитывается до 2,000 томовъ. Занимаются сразу однимъ, самое большее двумя предметами; разумныя руководительницы больше всего боялись той поверхностной и слишкомъ расплывчатой культуры, которая является общимъ недостаткомъ въ Америкѣ. Каждая студентка избираетъ одинъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

Исторію, раздѣленную на пять секцій. Секція древней исторіи заключаетъ въ себѣ и классическую литературу и даже греческихъ и латинскихъ авторовъ, при чемъ по желанію оказывается содѣйствіе для изученія этихъ двухъ языковъ. — Политическая экономія неразрывно связана съ теоріей и исторіей благотворительности.

Науки во всѣхъ ихъ отрасляхъ, обнимающія и гигіену, чѣмъ объясняется знакомство большинства американокъ съ вопросами дренажа, отопленія, освѣщенія и вентиляціи. Въ естественныхъ наукахъ слѣдуютъ методу проф. Agassiz'a—учиться по образцамъ, а не по книгамъ. Гербаріи, всякаго рода коллекціи обращаются среди учащихся, такъ-же какъ портфели съ фотографіями и гравюрами для студентокъ, избравшихъ третій курсъ, а именно отдѣлъ изящныхъ искусствъ. Къ курсу изящныхъ искусствъ примыкаетъ секція воображаемыхъ путешествій по Европѣ, которыя, въ этой странѣ дѣятельности по преимуществу, составляютъ предметъ наслажденія для всѣхъ женщинъ слишкомъ бѣдныхъ или слишкомъ больныхъ, чтобы путешествовать въ дѣйствительности. Четвертый курсъ посвященъ нѣмецкому языку; пятый — изученію по французски исторіи и литературы Франціи, шестой наконецъ—англійской литературѣ;

секція риторики заключаетъ многочисленныхъ студентокъ, сочиненія которыхъ тщательно прочитываются и исправляются.

«Общество поощренія домашнихъ занятій» достигло уже многихъ благихъ результатовъ. Развитіе вкуса распространяется на всѣ подробности жизни; матери подготовляются къ роли наставницъ, а какой это драгоцѣнный рессурсъ для многихъ дѣвушекъ, не вышедшихъ замужъ! Я помню радостное лицо одной старой дѣвушки, встрѣченной мною въ холодной деревушкѣ Новой Англіи, гдѣ долгія зимы должны нагонять невыразимую тоску на всякаго, не имѣющаго поглощающаго его занятія. Она жила этой перепиской, связывающей ее съ міромъ, со всѣмъ, что онъ представляетъ лучшаго; не покидая своего очага она путешествовала, слѣдила за всѣмъ; она удовлетворяла тому умственному голоду, который для иныхъ такъ-же мучителенъ, какъ голодъ физическій. И я не могла не пожелать, чтобы и у насъ было подобное прибѣжище для столькихъ провинціалокъ, праздныхъ и недовольныхъ. Лица всякихъ общественныхъ слоевъ встрѣчаются среди студентокъ: одна изъ нихъ, изъ далекой глуши, писала слѣдующія трогательныя строки: «Переписавъ свой урокъ и прибивъ его къ стѣнкѣ своей кухни, я ужъ больше не скучаю за мытьемъ посуды»...

Многія поддерживаютъ переписку въ теченіе 10, 12 и 18 лѣтъ. Между женщинами, которыхъ эта переписка сближаетъ, часто возникаетъ дружба, онѣ дѣлаютъ другъ другу взаимныя одолженія. Нѣкоторыя ученицы переходятъ въ разрядъ учительницъ. Напр., одна бѣдная глухая, почти ничего не имѣющая, сдѣлалась хорошимъ ботаникомъ и получила выгодную должность, соотвѣтствующую ся вкусамъ. Вокругъ этого общества, дѣятельной покровительницей котораго состоитъ миссъ Анна Ticknor, возникли въ разныхъ частяхъ Америки многія другія.

Съ нею у меня были очень поучительные разговоры. Нельзя безнаказанно быть наслѣдницей цѣлаго поколѣнія ученыхъ, дочерью профессора Ticknor'а, обладателя прекрасной коллекціи книгъ, снабжавшаго ими всѣхъ желающихъ, добродѣтель столь рѣдко встрѣчаемая у библіофиловъ. Она сообщила мнѣ массу свѣдѣній объ очень интересномъ предметѣ—о свободныхъ общественныхъ библіотекахъ. Въ Массачусетсѣ 352 города, и изъ нихъ 300 имѣютъ вольныя библіотеки, т. е. библіотеки, предназначенныя къ обращенію среди обитателей данной мѣстности. (Насчитываютъ около 200 библіотекарей-женщинъ, и сверхъ того много ассистентовъ). Почти всѣ эти учрежденія были созданы по частному почину, хотя теперь правительство оказываетъ небольшую денежную помощь запоздавшимъ городамъ. Пожертвованія частныхъ лицъ деньгами, не говоря о книгахъ, превышаетъ 5 милліоновъ долларовъ. Вольныя-же библіотеки не только содѣйствуютъ распространенію всеобщаго образованія, но въ нихъ, изъ года въ годъ, собираются всѣ документы, касающіеся города: генеалогія, семейныя хроники, всякія печатныя свѣдѣнія, относящіяся

къ развитію соціальному, политическому, экономическому и нравственному мѣстнаго населенія.

Нечего говорить, что большая библіотека въ Бостонѣ является вѣнцомъ всей системы и примѣромъ для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ.— Любопытная подробность: началомъ ея послужили книги, присланныя въ 1840 г. изъ Франціи и принесенныя въ даръ однимъ французомъ г-мъ Ватермаромъ. Но рѣшительный толчекъ былъ данъ Георгомъ Ticknor'омъ: это теперь самая большая свободная библіотека во всемъ мірѣ: болѣе двухъ милліоновъ книгъ находятся въ обращеніи и скоро она будетъ переведена въ достойное ея зданіе, достроивающееся на главной площади Бостона, Copley Square, рядомъ съ музеемъ изящныхъ искусствъ и противъ церкви св. Троицы, этого шедевра Richardson'а, украшеннаго великолѣпной живописью на стеклѣ, работы La-Farge'а, Burne Jones'а и William'а Moris'а.

Благотворительныхъ организацій въ Бостонѣ безчисленное множество и первыя недѣли своего пребыванія въ этомъ городѣ, я приписывала ихъ изумительной дѣятельности очевидное уничтоженіе пауперизма. «Но однако» спросила я одну изъ дамъ, съ наибольшимъ рвеніемъ посвящающую себя дѣламъ благотворительности, «вы помогаете только тѣмъ, кто этого заслуживаетъ помогая самъ себѣ; что-же дѣлается съ остальными, съ тѣми, кто не желаетъ работать, съ тою богемою, которая на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы не подчиняется никакимъ правиламъ? Нѣтъ большого города, гдѣ-бы нищіе не протягивали руки за подаяніемъ. Какъ избавились вы отъ этой категоріи людей?» Она мнѣ отвѣтила: «У насъ есть острова», и привела мнѣ слова извѣстнаго профессора, такъ формулировавшаго этическіе принципы, примѣнительные къ соціальному прогрессу: «Нѣкоторая часть населенія никогда не будетъ въ состояніи назвать себя свободною въ томъ смыслѣ, что воспитаніе бѣдныхъ дѣтей, въ случаѣ необходимости даже противъ воли родителей, должно быть прогрессивно направляемо обществомъ, и что это самое общество имѣетъ право порабощать (to enslave) всѣхъ тѣхъ, кто добровольно избираетъ бродяжническую жизнь. Прошло то время, когда добрыя души давали бродягамъ хлѣбъ и убѣжище. Всякій бродяга въ цивилизованномъ обществѣ долженъ быть арестованъ и принуждаемъ работать подъ наблюденіемъ общества».

Такъ вотъ какою цѣною независимости и обезличенія однихъ, покупается то, что лучшіе и разумнѣйшіе граждане республики зовутъ свободою всѣхъ. Размышленія на эту тему поучительны; но я желаю, чтобы мы, европейцы, несмотря на соціальный прогрессъ, никогда не дошли-бы до такой строгости, чтобы, въ память прекрасныхъ христіанскихъ легендъ о бѣдности, нищіе никогда не изгонялись-бы изъ притворовъ нашихъ церквей. Церковь, въ которой не будетъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ оборван-

наго нищаго, допущеннаго молиться на ряду съ богатымъ, не будетъ въ нашихъ глазахъ вполнѣ домомъ Божьимъ. Въ Америкѣ протестанты и католики мнѣ говорили, что очень легко всякому приличному и почтенному бѣдному достать себѣ чистую одежду для посѣщенія церковной службы. Но развѣ не позволительно всякому, кто не почтененъ (respectable) помолиться или хотя-бы погрѣться, слушая музыку органа и почти безсознательно воспринимая вліяніе добра и истины?

Не одни только исправительныя заведенія устроены на сосѣднихъ съ Бостономъ островахъ; «poor-houses»—убѣжища для нищихъ—также отнесены на Long-Island. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня однажды утромъ прошлой весной видомъ гавани, залитой солнцемъ. За многочисленными судами, стоящими на якорѣ, виднѣлись острова, живописно разбросанные не въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга; этотъ архипелагъ, казалось, имѣлъ единственной цѣлью—увеличить красоту панорамы, которая, съ своими извилистыми берегами, изрѣзанными въ видѣ выступовъ и полуостровоьъ, тянется съ Массачусетскаго залива и тамъ теряется въ голубой дали. Я знала, однако, что каждое изъ этихъ пятенъ служило мѣстомъ стока тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, отъ которыхъ городъ тщательно очищается, вмѣстилищемъ порока и нищеты; я знала также, что въ Бостонѣ только-что произвело скандалъ обнаруженіе прискорбныхъ злоупотребленій въ администраціи этихъ грустныхъ убѣжищъ. И если справедливость восторжествовала, то и на этотъ разъ это произошло благодаря женщинѣ, забившей тревогу. М-съ Lincoln принадлежитъ честь разоблаченій того, что происходило въ больницѣ для бѣдныхъ на Island'ѣ, а разслѣдованіе открыло массу возмутительныхъ подробностей. М-ръ и м-съ Lincoln, постоянно участвующіе въ бостонскихъ крупныхъ дѣлахъ благотворительности, рѣшаются при случаѣ поднять густое покрывало, набрасываемое въ Америкѣ на некрасивыя вещи, о которыхъ не принято говорить. Дѣло, особенно привлекающее этихъ супруговъ-филантроповъ—это жилища для рабочихъ. Трудная задача! Tenement - house'ы, гдѣ бокъ-о-бокъ копошатся многочисленные жильцы, просто адъ для англосакса; ему необходимо—и это требованіе трудно понять людямъ, бладающимъ болѣе общительнымъ темпераментомъ—свое собственное жилище, какъ-бы мало оно ни было, но гдѣ-бы онъ могъ не бояться соприкосновенія съ сосѣдями, ему нужно то, что непереводимо на другой языкъ — «privacy его home'а», чтобы частная жизнь его была окружена стѣнами, хозяиномъ которыхъ былъ - бы онъ самъ. М-ръ и м-съ Lincoln рѣшили, что за неимѣніемъ лучшаго и tenement-house можетъ быть исправленъ, сдѣлаться возможнымъ для семейной жизни. Чтобы достичь этого, они храбро занялись управленіемъ нѣсколькихъ многоэтажныхъ, приведенныхъ въ порядокъ домовъ; ставъ на мѣсто домохозяина, они. въ качествѣ управляющихъ, лично наблюдаютъ за ними; это очень полезно для порядочныхъ жильцовъ, избавленныхъ такимъ образомъ отъ дурного сосѣдства.

Я была приглашена къ нимъ на очень интересный вечеръ. Нѣкто м-ръ Riis, родомъ голландецъ, писатель и лекторъ, прочелъ намъ короткую повѣсть своего сочиненія, подъ заглавіемъ «Skippy», раздирательную исторію уличнаго мальчишки, кончающаго висѣлицей, хотя отъ природы онъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться хорошимъ американцемъ. Тайна его крушенія заключалась въ томъ, что ему недоставало «home'а», съ дворомъ, гдѣ дѣти, жаждущіе игръ, могли-бы свободно бросать свои мячи. И передъ глазами Skippy, подъ зловѣщимъ колпакомъ, въ послѣднюю минуту передъ казнью, встаютъ не его преступленія, за которыя онъ едва-ли и отвѣтственъ, а гнусный tenement-house, первопричина всѣхъ его бѣдствій. Комментаріи, сопровождающіе этотъ разсказъ, тѣмъ болѣе вѣски, что м-ръ Riis, если не ошибаюсь, долго занималъ важную должность въ полиціи.

Послѣ него многіе другіе говорятъ о дѣтяхъ несчастныхъ и заброшенныхъ, между прочимъ одна молодая дѣвушка изъ Буффало, увлекающаяся теперь дѣломъ проповѣди нравственности въ предмѣстьи этого промышленнаго и, повидимому, если судить по храбро сообщаемымъ ею подробностямъ о проституціи 6-ти-лѣтнихъ дѣтей, крайне развратнаго города. Присутствующія дамы краснѣютъ, что не мѣшаетъ имъ потомъ съ удовольствіемъ заняться прекраснымъ супомъ изъ устрицъ и разнообразными закусками. «Я вамъ покажу моихъ «Skippys»,—сказала мнѣ одна изъ нихъ,—«и вы увидите, что̀ мы изъ нихъ дѣлаемъ».

И дѣйствительно, въ слѣдующую субботу, между 7-ю и 8-ю часами вечера, она привела меня въ обширное помѣщеніе въ родѣ танцовальной залы, нанятое ею въ центрѣ населеннаго квартала для упражненій ея бригады. Эта бригада образована изъ уличныхъ мальчишекъ, изъ которыхъ она пытается сдѣлать людей, руководствуясь рецептомъ профессора Друммонда, покрывшаго Англію, а слѣдовательно и Америку, прекрасно дисциплинированными ротами мальчишекъ. Этихъ маленькихъ оборванцевъ, никогда не бывавшихъ даже въ воскресной школѣ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о послушаніи и уваженіи, заманиваютъ подобіемъ мундира, который они, однако, могутъ надѣть только тогда, когда научатся дѣлать упражненія. Всѣ мальчики всего міра имѣютъ природную склонность играть въ солдаты; мало-по-малу, научась маневрировать по приказанію, они научаются также и тому, что у солдата не должно быть грязныхъ рукъ, нечесанныхъ волосъ, разорванной одежды; они пріучаются къ точности, къ подчиненію извѣстнымъ правиламъ. Но сколько требуется терпѣнія отъ офицера! Два студента изъ Гарварда, хорошо знакомые съ военной службой, посвящаютъ себя образованію той бригады, съ которой я въ этотъ вечеръ познакомилась. Передъ нами было собраніе маленькихъ разбойниковъ, обутыхъ по большей части въ стоптанные сапоги, совершенно не соотвѣтствующіе ихъ росту и при помощи которыхъ они надѣляли другъ друга ужасающими пинками. Они еще едва начали азбуку своего ремесла и упражненія служатъ предлогомъ для

тысячи шалостей; немыслимо ихъ заставить молчать. Наконецъ, разразился бунтъ, заставившій начальство очистить залу, чтобы отдѣлить зачинщиковъ отъ другихъ, обнаруживающихъ нѣкоторую добрую волю. Напрасно великодушная организаторша бригады старалась ихъ усовѣстить, напрасно показывала она имъ очень интересныя гравюры, приложенныя къ статьѣ о системѣ Друммонда въ Mac Clure's Magazin'ѣ. Они кричали, смотря на указываемые имъ идеалы: «Это оловянные солдатики!» И снова слышались взрывы хохота, и снова всѣ попадавшіеся подъ руку предметы, съ плевальницами включительно, бросались ими другъ другу въ голову. Это всегда такъ вначалѣ.

Уличный «гаврошъ» въ Америкѣ поистинѣ что-то ужасное и онъ это нисколько не скрываетъ, такъ какъ лицемѣріе ему, повидимому, столь-же чуждо, какъ и уступчивость. Онъ нагло смѣется надъ учеными господами и прекрасными дамами, выбивающимися изъ силъ, чтобы сдѣлать ему добро; но зато ему никогда не приходитъ въ голову обмануть ихъ лицемѣрными и заискивающими гримасами. Цѣлыми недѣлями придется еще бороться съ бѣснованіемъ этихъ строптивыхъ; потомъ ихъ укротитъ боязнь быть выгнанными разъ навсегда, они сдѣлаются достойными носить славные знаки отличія. Съ этого момента легко будетъ руководить ими, какъ однимъ человѣкомъ.—Видишь, какъ такія бригады идутъ въ купальни, маршируя какъ солдаты; видишь, какъ они отправляются въ одинъ изъ деревенскихъ лагерей, такъ часто встрѣчающихся въ Америкѣ и дающихъ возможность самымъ бѣднымъ жителямъ города воспользоваться нѣсколькими днями отдыха на открытомъ воздухѣ, съ пользой провести свободное время, не затрачивая при этомъ почти ничего. Я гдѣ-то читала, что нигдѣ развитіе этихъ бригадъ такъ не внушительно, какъ въ Санъ-Франциско, что 400 мальчиковъ безъ надзора образовали такой лѣтній лагерь въ 128 миляхъ отъ города, на берегу Pacific Grove. Всѣ они достигли, такъ-называемой, «christian manliness», христіанской возмужалости, которая ставится для нихъ цѣлью и которая предписываетъ прежде всего уваженіе къ самому себѣ; они были признаны способными управлять сами собою. Отцовская власть хорошаго офицера можетъ много помочь въ достиженіи этой цѣли; но разсчитываютъ также на вліяніе женщинъ.

Всякой молодой американкѣ, дѣятельной и энергичной, доставляетъ удовольствіе содѣйствовать образованію этой арміи долга. Я помню мое удивленіе, когда одна мать семейства сказала мнѣ самымъ обыкновеннымъ тономъ: «Одна изъ моихъ дочерей чувствуетъ призваніе къ занятіямъ въ дѣтскомъ саду; другая управляетъ бригадой мальчиковъ». Мнѣ впослѣдствіи представился случай убѣдиться, какъ распространена этого рода благотворительность. Любезная дочь одного богатаго издателя показала мнѣ клубъ, гдѣ члены ея команды находятъ книги, игры, гимнастику, маленькій театръ. Сопровождая меня потомъ черезъ одну изъ лучшихъ въ мірѣ типографій—Riverside Press въ Кембриджѣ—она подозвала

и съ гордостью мнѣ представила одного изъ своихъ «boys», помѣщеннаго къ ея отцу, усердно помогающему дочери въ этомъ дѣлѣ, всецѣло поглощающемъ ее... Можетъ быть, дѣйствительно, женщинамъ и подобаетъ воспитывать мужчинъ: являющійся у нихъ почти съ рожденія инстинктъ материнства подготовляетъ ихъ къ этой задачѣ.

Я все болѣе и болѣе восхищаюсь общественнымъ пониманіемъ, обнаруживаемымъ при всѣхъ обстоятельствахъ бостонскими дамами; имъ не чуждо ни одно городское или государственное дѣло, онѣ непрестанно двигаютъ колесо прогресса. Одна изъ нихъ, объясняя мнѣ, почему она не желаетъ, чтобы полъ, къ которому она принадлежитъ, былъ допущенъ къ выборамъ, сказала: «Мнѣ тогда нельзя будетъ свободно обращаться ко всѣмъ нашимъ политическимъ дѣятелямъ, чтобы добиваться того, чего я хочу». А то, чего она хочетъ, чего онѣ всѣ хотятъ — это общее благо; онѣ не позволяютъ себѣ, даже въ дѣлахъ благотворительности, слѣдовать слѣпому порыву добраго сердца, имѣя всегда передъ глазами великія соціальныя задачи, особенно-же двѣ опасности, съ которыми приходится бороться въ каждой странѣ: скопленіе въ большихъ городахъ неспособныхъ къ труду людей и слишкомъ частое смѣшеніе несчастныхъ, которымъ надо помогать, съ бѣдствующими по собственной винѣ, которыхъ надо исправлять. Въ старыхъ государствахъ очень-бы удивились, видя легкость, съ какой эти попытки исправленія примѣняются американскими филантропами къ личнымъ свойствамъ людей, чтобы затѣмъ перейти къ внѣшнимъ условіямъ ихъ жизни. Напримѣръ, пьянство—язва общества, а потому пьяницу можно запереть въ «Inebriate House» и лѣчить его до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится работать для своей семьи. Я однажды встрѣтила въ одномъ очень элегантномъ обществѣ, за пятичасовымъ чаемъ, изящную молодую даму, посвящающую всѣ свои заботы болѣницѣ для пьяницъ. Мнѣ приходилось не разъ видаться съ дамой, занимающей одно изъ самыхъ видныхъ положеній въ бостонскомъ обществѣ и выбравшею себѣ спеціальностью посѣщеніе мужской тюрьмы. Она съ особаго разрѣшенія допускается въ камеры, бесѣдуетъ съ приговоренными, пріобрѣтаетъ изумительное вліяніе на нихъ. Она безстрашно осталась запертою съ глазу-на-глазъ съ убійцей, съ которымъ не могли ничего подѣлать и который, подобно другимъ, не устоялъ противъ ея рѣчей, противъ ея горячей жалости къ нему. Достаточно ее увидать, чтобы понять причину ея власти надъ людьми: все еще прекрасная съ своими сѣдыми волосами, съ своимъ орлинымъ взоромъ, полнымъ огня, съ нѣкоторой добродушной рѣзкостью, съ выраженіемъ силы, энтузіазма во всемъ ея существѣ, она представляется воплощеніемъ «fearlesness» (неустрашимости); она ничего не боится и не можетъ ничего бояться. Она не обращается съ избитыми, нѣжными увѣщаніями, она говоритъ съ этими отверженными о тѣхъ искушеніяхъ и несчастіяхъ, отъ которыхъ не избавлены и тѣ, кого они считаютъ баловнями судьбы; она даетъ имъ чувствовать, что всѣ люди въ общемъ сходны между собой, что всѣмъ

приходится бороться, что для всѣхъ побѣда трудна. Я ее слышала, и мнѣ кажется я могу себѣ уяснить цѣлесообразность способовъ, употребляемыхъ ею, чтобы тронуть слушающихъ ее закоренѣлыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, получившій свободу послѣ десятилѣтняго тюремнаго заключенія и возстановившій за границей свое доброе имя, явился къ ней въ своемъ новомъ видѣ честнаго человѣка и сказалъ, что она одна спасла его отъ отчаянія, отъ самоубійства, и что ей онъ обязанъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. «А это», прибавила она, передавая мнѣ этотъ фактъ,—«одна изъ тѣхъ наградъ, которыя все выкупаютъ».

Я присутствовала на засѣданіи «Ассоціаціи благотворительныхъ обществъ Бостона», имѣющей цѣлью обезпечить гармоническую дѣятельность разныхъ благотворительныхъ учрежденій, воспрепятствовать нищенству, научно изучить лучшіе методы для облегченія нищеты. Не нужно милостыни, нужны друзья—вотъ девизъ этого общества. Оно доставляетъ мѣста, работу, оно вырываетъ задолжавшихъ бѣдныхъ изъ когтей безжалостныхъ ростовщиковъ, такъ-какъ ростовщичество вмѣстѣ съ whisky (водкой)—злѣйшіе враги американскаго народа. Въ этомъ году, бывшемъ вслѣдствіе финансовой паники, сокращенія производства и закрытія многихъ фабрикъ, годомъ исключительныхъ бѣдствій для неимущихъ, ассоціація работала съ особеннымъ рвеніемъ. Въ обсуждавшихся при мнѣ случаяхъ нищеты меня особенно поразила роль одной изъ присутствующихъ дамъ, миссъ А. Та особаго рода благотворительность, какою она занимается, доказываетъ на сколько знаніе языковъ способствуетъ расширенію ума и сердца, создаетъ у насъ какъ-бы новыя стороны души. Не знай она всѣхъ европейскихъ языковъ, миссъ А. была-бы обыкновенной бостонской пуританкой, взвѣшивающей добро и зло на вѣсахъ строгой справедливости; теперь-же она сдѣлалась переводчикомъ несчастныхъ иностранцевъ. Она сдѣлалась толкователемъ ихъ нуждъ, заступницей ихъ чувствъ, не могущихъ измѣниться подъ вліяніемъ новой окружающей атмосферы. Итальянцы по преимуществу ея дѣти: она ихъ выслушиваетъ, она сама подвергается осужденію, защищая то, что наиболѣе заслуживаетъ порицанія у этихъ несчастныхъ, бездомныхъ, которые въ предмѣстьяхъ Бостона слишкомъ упорно вспоминаютъ Неаполь или Палермо. Я говорила выше, что всѣ занимаются хорошими бѣдными, миссъ А. быть можетъ единственная, интересующаяся порочными, любящая ихъ за ихъ грѣхи и за ихъ слабости. Принадлежа сама къ тому старому развращенному свѣту, откуда пріѣзжаютъ эмигранты, я чувствую къ ней за это благодарность, какъ будто я сама одна изъ нихъ.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Первый вторникъ каждаго мѣсяца (кромѣ, конечно, лѣтнихъ) собирается въ залѣ вольно-экономическаго общества на засѣданіе комитета грамотности не мало членовъ комитета и постороннихъ посѣтителей. Послѣднее засѣданіе, 7 марта, было однимъ изъ наиболѣе многолюдныхъ. Въ началѣ этого засѣданія было прочитано симпатичное ходатайство начальныхъ учителей одной изъ земскихъ губерній, присланное въ комитетъ грамотности. Это—одно изъ тѣхъ желаній, которыя въ послѣднее время заявлялись въ нѣкоторыхъ земствахъ: учителя просятъ, чтобы комитетъ грамотности ходатайствовалъ передъ кѣмъ надлежитъ объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній по крайней мѣрѣ лицъ, окончившихъ курсъ сельской школы. Отъ совѣта комитета грамотности было заявлено собранію, что совѣтъ, конечно, раздѣляетъ мнѣніе лицъ, приславшихъ эту просьбу въ комитетъ; но совѣтъ находитъ, что не слѣдуетъ такъ узко ставить этотъ вопросъ. По мнѣнію совѣта, тѣлесное наказаніе глубоко унижаетъ не только бывшихъ учениковъ начальныхъ училищъ, но и весь русскій народъ, а потому слѣдуетъ ходатайствовать вообще объ отмѣнѣ этого наказанія. Совѣтъ нашелъ, что въ такомъ видѣ вопросъ этотъ выходитъ изъ круга предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію комитета грамотности, а потому предложилъ комитету передать это дѣло на обсужденіе вольно-экономическаго общества. Члены комитета единодушно согласились съ такимъ заключеніемъ совѣта. При этомъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи бывшихъ начальныхъ учителей разсказалъ изъ своей практики случай, доказывающій, до какой степени въ ученикахъ сельской школы подъ вліяніемъ гуманнаго обращенія съ ними въ школѣ развивается нравственная чуткость и впечатлительность: мальчикъ былъ наказанъ тѣмъ, что его поставили въ классѣ въ уголъ; этотъ мальчикъ потомъ такъ горевалъ и плакалъ дома, что отецъ пришелъ къ учителю узнать, что такое сдѣлали съ его сыномъ.

Въ томъ-же засѣданіи членъ комитета, г. Протопоповъ, прочелъ сообщеніе о «нѣкоторыхъ чертахъ внѣ-школьнаго образованія въ Сѣверо-

Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ». Болѣе всего г. Протопоповъ обратилъ вниманіе на вечернія школы. Какъ и у насъ воскресныя и вечернія школы, такъ и вечернія школы въ Америкѣ основываются преимущественно для рабочаго класса, для тѣхъ взрослыхъ людей, которые чувствуютъ потребность учиться, но бываютъ свободны только по вечерамъ. Но, не говоря уже о томъ, что эти школы гораздо быстрѣе распространяются въ Америкѣ, чѣмъ наши воскресныя и вечернія школы, есть большая разница и въ характерѣ этихъ школъ тамъ и у насъ. Въ то время, какъ у насъ воскресныя и вечернія школы ограничиваются элементарнымъ курсомъ, научая только читать и писать, школы этого типа въ Америкѣ расширяютъ свои курсы, насколько это оказывается возможнымъ. Такимъ образомъ, тамошнія вечернія школы имѣютъ скорѣе характеръ общеобразовательныхъ, чѣмъ начальныхъ учебныхъ заведеній. Еще болѣе замѣчательное явленіе представляетъ въ Америкѣ такъ-называемое «распространительное университетское образованіе», которое получило свое начало въ Англіи и оттуда перешло въ Новый Свѣтъ, гдѣ развилось еще шире, чѣмъ на своей родинѣ. Распространительнымъ университетскимъ образованіемъ называется курсъ лекцій, соединенный съ письменными работами и экзаменами. На эти лекціи собираются не только рабочіе, но и представители средняго класса.

Стремленіе къ самообразованію проявляется и въ русскомъ обществѣ, хотя и не съ такою силою. Мы, вообще, не любопытны. Нѣкоторое подобіе того широкаго образовательнаго движенія, которое замѣчается въ Англіи и Америкѣ, у насъ представляютъ публичныя лекціи, читаемыя нѣкоторыми изъ профессоровъ и литераторовъ преимущественно въ залахъ педагогическаго музея. Такъ въ послѣдній мѣсяцъ тамъ читали лекціи: проф. О. Д. Хвольсонъ—о резонансѣ въ явленіяхъ свѣтовыхъ и электрическихъ, проф. Глазенапъ — о небесныхъ свѣтилахъ, г. Трачевскій—о Наполеонѣ I, М. Ю. Гольдштейнъ—о явленіяхъ жизни въ кристаллахъ, проф. Н. И. Карѣевъ—«сущность гуманитарнаго образованія», М. М. Манасеина— о довѣріи и самодовѣріи. Всѣ эти чтенія, можетъ быть, даютъ возможность постояннымъ посѣтителямъ ихъ пополнить кое-какіе пробѣлы въ своихъ знаніяхъ или услышать кое-что общедоступное изъ тѣхъ «вершковъ науки», до которыхъ вообще лакома большая публика. Но этихъ чтеній мало, они не систематичны, не даютъ поводовъ поработать и такимъ образомъ пріобрѣсти настоящее, хотя-бы и небольшое знаніе, да и наконецъ они дороги, потому что за каждое чтеніе надо платить особо. Въ томъ-же педагогическомъ музеѣ устраиваются народныя чтенія съ туманными картинами. Къ сожалѣнію, выборъ книгъ для этихъ чтеній очень ограниченъ. Тамъ-же существуютъ курсы музыки, пѣнія, гимнастики, фехтованія. Читаются лекціи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ залѣ коммерческаго петровскаго училища (проф. В. И. Яроцкій—объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи), въ сельскохозяйственномъ музеѣ—безплатныя лекціи по сельскому хозяйству.

Въ теченіе этой зимы двумя профессорами здѣшняго университета, г. Иностранцевымъ и г. Боргманомъ, были прочитаны по нѣсколько лекцій собственно для учителей петербургскихъ городскихъ министерскихъ (бывшихъ уѣздныхъ) училищъ, по геологіи и по физикѣ. Г. Иностранцевъ и его ассистенты читали свои лекціи по геологіи въ первую половину зимы по субботамъ въ залѣ владимірскаго городского училища, а пять вечеровъ по субботамъ въ Великомъ посту удѣлилъ учителямъ г. Боргманъ. Посѣтители этихъ чтеній, повидимому, извлекли изъ нихъ не мало пользы, и остались благодарны профессорамъ, любезно согласившимся помочь учителямъ пополнить пробѣлы въ ихъ познаніяхъ. Внѣшнимъ знакомъ этой благодарности былъ благодарственный адресъ, поднесенный профессору его слушателями по окончаніи имъ послѣдняго чтенія. Все это, конечно, принадлежитъ къ категоріи «утѣшительныхъ» фактовъ. Но гораздо чаще приходится наталкиваться на случаи, свидѣтельствующіе о незнаніи и непониманіи.

Вотъ напр. 15 марта было засѣданіе химическаго отдѣла русскаго техническаго общества, гдѣ былъ прочитанъ докладъ инженера Хонскаго о способахъ извлеченія сѣры изъ рудъ. Докладчикъ пытался эксплоатировать сѣрныя руды около города Петровска на Кавказѣ, и потерпѣлъ неудачу. Также неудачны были и попытки другихъ лицъ воспользоваться русскими сѣрными залежами. А причина этого лежитъ въ томъ, что знанія русскихъ инженеровъ въ этой именно области очень ограниченны, и вопросъ объ извлеченіи сѣры изъ добытыхъ уже рудъ у насъ мало обработанъ; тѣ-же способы, которые употребляются для этой цѣли заграницей, у насъ оказываются, по мѣстнымъ условіямъ, непримѣнимыми. А между тѣмъ въ Россіи ежегодно потребляется сѣры около милліона пудовъ, и все это привозится изъ-за границы. Своею-же сѣрою мы не бѣдны, въ Россіи залежи сѣры встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ; бѣдны, какъ во многомъ другомъ, мы и въ этомъ знаніями и умѣніями.

Эта бѣдность знаніями приводитъ къ тому, что зачастую громадныя богатства Россіи лежатъ втунѣ и ждутъ предпріимчиваго иностранца. Интересная бесѣда на эту тему происходила 8 марта въ собраніи общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, по поводу доклада г. Гулишамбарова «о производительныхъ силахъ Закавказья». Промышленная жизнь этого края развивается чрезвычайно медленно. Впрочемъ, нѣкоторыя производства на Кавказѣ, благодаря частной предпріимчивости, сильно развились, напр. разработка мѣдныхъ рудниковъ въ горахъ Малаго Кавказа развивается, благодаря Сименсу: его мѣдно-плавильные заводы въ Елизаветпольской губ. ежегодно производятъ товаровъ почти на милліонъ рублей. Сильно развилась, какъ извѣстно, нефтяная промышленность съ легкой руки Нобеля. Добываніе смазочныхъ маслъ изъ нефти начато В. И. Рагозинымъ. Развились и нѣкоторыя другія производства: цементное, марганцовое, культура солодковаго корня. Большая часть всѣхъ этихъ производствъ возникли и развивались по по-

чину и на деньги иностранцевъ; какъ уроженцы Кавказа, такъ и русскіе промышленники потрудились на этомъ поприщѣ весьма мало. Многія-же богатства Закавказья и донынѣ не разрабатываются или разрабатываются въ очень малыхъ размѣрахъ. Чтобы взяться за новое дѣло, нужны предпріимчивость, энергія, знанія. Всего этого у насъ такъ мало.

Ѳ. Т.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Необходимость мѣръ къ умноженію народныхъ училищъ.—Вопросъ о системѣ средняго образованія.—Усиленіе размѣннаго фонда на 98 м. р.—Новые выпуски 4% ренты.—Книга г. Ціона.—Сокращеніе часовъ работы на Добрушской фабрикѣ.—Число часовъ и заработки на фабрикахъ московскаго округа.—Канцелярія прошеній какъ самостоятельное учрежденіе.—Новый министръ иностранныхъ дѣлъ.

Какъ только проникъ въ нашу печать невѣрный, впрочемъ, слухъ о проектѣ измѣненій въ среднемъ образованіи, представленномъ попечителемъ кавказскаго округа, она тотчасъ встрепенулась и снова заговорила, въ большинствѣ, о необходимости расширенія преподаванія въ гимназіяхъ живыхъ знаній, насчетъ изученія мертвыхъ языковъ. Впослѣдствіи оказалось, что ничего подобнаго въ кавказскомъ проектѣ не заключалось и что проектъ отклоненъ министерствомъ. Преобразовательныхъ мѣръ въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ вообще за послѣдніе годы не предпринималось, если не считать проекта объ учрежденіи женскаго медицинскаго института, которое являлось результатомъ частной инціативы и должно осуществиться на средства, пожертвованныя частными-же лицами, при содѣйствіи петербургскаго городского управленія. Но и этотъ проектъ, какъ извѣстили газеты, отложенъ и имѣетъ быть внесенъ въ государственный совѣтъ лишь черезъ годъ.

Между тѣмъ, для всѣхъ болѣе и болѣе уясняется необходимость сильнаго государственнаго почина въ ближайшее время къ увеличенію числа народныхъ училищъ. Необходимость широкихъ мѣръ къ подъему у насъ народнаго образованія никакъ не меньше очевидна, чѣмъ польза пониженія пассажирскаго тарифа, а тѣмъ болѣе, чѣмъ неотлагательность замѣны части 4% срочныхъ займовъ, 4% же государственной рентой. Если бы въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ за послѣдніе годы проявилась хотя-бы небольшая доля интенсивной энергіи, то несомнѣнно уже сдѣлано было-бы что-нибудь существенное для расширенія народнаго образованія. Сельскихъ школъ слишкомъ мало; онѣ переполнены и принуждены отказывать въ пріемѣ учениковъ; а между тѣмъ, много такихъ селеній, ко-

торыя остаются совершенно безъ доступа къ правильной школѣ просто по ея отдаленности отъ нихъ.

Впрочемъ, необходимость серьезныхъ заботъ о поднятіи народнаго образованія признается и самымъ министерствомъ, какъ о томъ было заявлено его представителемъ въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. Но представитель министерства народнаго просвѣщенія предлагалъ, чтобы желаніе объ увеличеніи средствъ этого вѣдомства на народныя училища было выражено сельскохозяйственнымъ совѣтомъ,—что и вызвало недоумѣніе одного изъ членовъ этого собранія, почему одно вѣдомство для увеличенія своихъ средствъ могло-бы нуждаться въ ходатайствѣ другого вѣдомства. Въ дѣлѣ народной школы можно сдѣлать многое на малыя средства, но конечно если эти новыя средства были-бы употреблены на самыя школы, а не на надзоръ за школами, т. е. на умноженіе именно школъ, а не служащихъ по мѣстному учебному управленію. Едва-ли можно предположить, чтобы испрошеніе министерствомъ 3—4 милліоновъ рублей на народныя школы встрѣтилось съ неодолимыми препятствіями въ финансовомъ вѣдомствѣ или въ департаментѣ экономіи. По крайней мѣрѣ въ настоящую минуту есть нѣкоторое основаніе для надежды, что подобное ходатайство министерства могло-бы увѣнчаться успѣхомъ. Мы говоримъ о высочайшихъ резолюціяхъ, недавно опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе по положеніямъ комитета министровъ. На одномъ мѣстѣ отчета астраханскаго губернатора, гдѣ докладывалось, что въ сельскомъ населеніи губерніи, какъ осѣдломъ, такъ и кочевомъ, инородческомъ, замѣчается усиливающееся стремленіе къ обученію дѣтей, послѣдовала высочайшая отмѣтка: «слѣдуетъ придти на помощь населенію въ этомъ насущномъ вопросѣ». Противъ отзыва въ отчетѣ начальника губерніи Херсонской, что потребность въ начальномъ образованіи такъ велика въ губерніи, что всѣ наличныя школы переполнены дѣтьми, но школъ этихъ еще очень недостаточно, состоялась слѣдующая резолюція: «обращаю самое серьезное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія». По заявленію-же тульскаго губернатора, что въ народныхъ школахъ обучаются по преимуществу мальчики, «между тѣмъ весьма желательно привлечь къ образованію возможно большее число дѣвочекъ, такъ какъ на грамотности женщинъ-матерей покоится образованіе народа», положена отмѣтка: «совершенно согласенъ съ этимъ. Вопросъ этотъ чрезвычайной важности». Не можетъ подлежать сомнѣнію, что наиболѣе настоятельною въ настоящее время заботою для учебнаго вѣдомства должно быть именно умноженіе народныхъ школъ, непосредственнымъ-ли учрежденіемъ ихъ, или совокупнымъ дѣйствіемъ съ земствами, предоставленіемъ имъ средствъ для устройства школъ тамъ, гдѣ общества слишкомъ бѣдны, чтобы сдѣлать первыя необходимыя затраты.

Но, возвращаясь къ вопросу о школѣ средне-образовательной, по поводу недавнихъ газетныхъ статей, замѣтимъ, что онъ и доселѣ остается «вопросомъ», несмотря на усилія «Московскихъ Вѣдомостей» представ-

лять его какъ окончательно рѣшенный и даже неподлежащій дальнѣйшему обсужденію, которое способно будто-бы только «поколебать» установившуюся учебную систему. Онъ остается спорнымъ потому, что 24-лѣтній опытъ системы полнаго преобладанія древнихъ языковъ въ курсѣ гимназій не произвелъ результатовъ, которые-бы признавались вполнѣ удовлетворительными, хотя-бы самымъ-же учебнымъ вѣдомствомъ. Отчеты тѣхъ профессоровъ, которымъ поручается просмотръ сочиненій, написанныхъ гимназистами на выпускномъ экзаменѣ, удостовѣряютъ, что лишь небольшая часть учениковъ, оканчивающихъ гимназическій курсъ, пріучаются мыслить вполнѣ логически и выражать свои мысли правильнымъ языкомъ, то-есть пріобрѣтаютъ именно ту умственную «зрѣлость», которая составляетъ цѣль гимназіи. Если русскій языкъ, не говоря уже объ иностранныхъ, въ значительной степени приносится въ жертву языкамъ древнимъ, то это, само по себѣ, представляетъ аномалію, такъ какъ на западѣ, у котораго мы переняли классическую систему, изученіе древнихъ языковъ признается не только ключемъ къ познанію древнихъ литературъ, но и основаніемъ для правильнаго употребленія своего родного языка. Оказывается, однако, изъ тѣхъ-же профессорскихъ отзывовъ, что успѣхи нашихъ гимназистовъ не особенно удовлетворительны и по древнимъ языкамъ, которымъ принесено въ жертву все остальное. Затѣмъ, мы видимъ, что въ самомъ преподаваніи этихъ языковъ въ послѣднее время сдѣлано было, по распоряженію министерства, важное измѣненіе: главной цѣлью его поставлено было не столько полное, «до тонкостей» усвоеніе грамматическихъ формъ, сколько чтеніе древнихъ авторовъ. Перемѣна эта сдѣлана такъ недавно, что результаты ея еще не могли обнаружиться. Но судя a priori, едва-ли можно ожидать, что они будутъ благопріятны, такъ какъ вполнѣ усвоить формы языка въ школѣ возможно и необходимо, а цѣлой литературой овладѣть въ школѣ немыслимо и школьное знакомство съ авторами всегда будетъ отрывочное, подъ указкой и по случаю.

Съ другой стороны, вопросъ о системѣ средняго образованія остается спорнымъ еще и потому, что положеніе созданныхъ ею реальныхъ училищъ представляется крайне неудовлетворительнымъ. Реальныя училища, эти пасынки классической системы, были устроены у насъ какъ-бы не въ видахъ ихъ собственнаго преуспѣянія, а только въ видѣ отвода отъ гимназій всего того, что могло угрожать полному господству въ нихъ древнихъ языковъ. Если бы не было учреждено реальныхъ училищъ, вслѣдъ за преобразованіемъ гимназій въ строго-классическія, по уставу 1871 года, то въ высшіе спеціальные институты могли-бы поступать только ученики гимназій и начальства институтовъ жаловались-бы, что имъ приходится имѣть дѣло съ молодыми людьми слабыми въ физикѣ, вовсе незнакомыми съ химіей, совсѣмъ неумѣющими рисовать, какъ и теперь жалуются на гимназистовъ, принимаемыхъ въ институты. Не будь реальныхъ училищъ, поставленныхъ, въ видѣ предохранительнаго кла-

пана, при сильномъ напорѣ классицизма въ системѣ средняго образованія, посторонніи вѣдомства должны были-бы поднять вопросъ о такомъ новомъ измѣненіи въ курсѣ гимназій, чтобы онѣ давали лучшую научную подготовку тѣмъ изъ своихъ учениковъ, которые заявляли-бы намѣреніе впослѣдствіи поступать въ спеціальныя высшія училища. А это вело-бы прямо къ системѣ такъ называемой «бифуркаціи», то-есть къ раздвоенію высшихъ классовъ гимназій на отдѣленія классическое и реальное, съ предоставленіемъ совершенно равныхъ правъ абитуріентамъ обоихъ. Но преобразователь гимназій, покойный графъ Д. А. Толстой, хотя самъ былъ воспитанникомъ Александровскаго лицея, гдѣ латинскій языкъ всегда преподавался очень умѣренно, а греческій и вовсе не изучался, отдавъ однажды системѣ классицизма предпочтеніе по соображеніямъ консервативнымъ, менѣе всего былъ расположенъ къ компромиссамъ.

Рѣшившись отклонить отъ гимназій эту возможную опасность, посредствомъ учрежденія особыхъ, реальныхъ училищъ, которое и послѣдовало съ 1872 года, можно уже было въ гимназіяхъ провесть систему классицизма самымъ безусловнымъ образомъ, что и совершилось. Но при этомъ не было и рѣчи о предоставленіи полной равноправности ученикамъ средней школы обоихъ типовъ, такъ-какъ это опять-таки угрожало-бы полному торжеству классицизма. Вотъ почему, вводя у насъ эту систему, главнымъ образомъ по примѣру Германіи, тогдашнее министерство не послѣдовало, однако, примѣру именно этой страны, въ томъ, что абитуріенты реальныхъ училищъ (перваго разряда, что соотвѣтствуетъ нашимъ) допускаются въ университеты на физико-математическій и медицинскій факультеты. Послѣ долгой переписки, которая отразилась усиленной полемикой въ печати, съ ярыми обвиненіями тогдашняго военнаго министерства Катковымъ, истиннымъ инціаторомъ нашего классицизма, министерство просвѣщенія добилось-таки, что пріемъ реалистовъ былъ воспрещенъ и военно-медицинской академіи. Затѣмъ, для реалистовъ остались только высшіе спеціальные институты и военныя училища. Огромное большинство реалистовъ готовится въ техническіе институты разныхъ наименованій. А такихъ высшихъ училищъ всего около десяти, и вакансій въ каждомъ изъ нихъ открывается ежегодно по 30—50, вслѣдствіе чего они принимаютъ кандидатовъ только по конкурсному экзамену, на который сверхъ реалистовъ являются еще и ученики гимназій, такъ-какъ имъ предоставлено право поступать въ техническіе институты. Такимъ образомъ, изъ 150 человѣкъ, которые конкурируютъ на 30 вакансій, едва одному реалисту изъ пяти удается сразу поступить въ высшую школу. А между тѣмъ, удовольствоваться курсомъ реальныхъ училищъ они не могутъ по той причинѣ, что этотъ курсъ не дастъ практической подготовки къ занятію какимъ-либо техническимъ дѣломъ, поступленіе-же на государственную службу стѣсняется для реалистовъ тѣмъ, что по примѣру, данному министерствомъ финансовъ, и

другія вѣдомства принимаютъ теперь на службу только лицъ съ высшимъ образованіемъ или, по меньшей мѣрѣ, даютъ имъ предпочтеніе.

Извѣстно также, что большое число учениковъ гимназій оставляютъ эти заведенія по окончаніи первыхъ трехъ или четырехъ классовъ. Это—тѣ ученики, которыхъ родители опредѣлили въ гимназію за недостаткомъ иного училища, съ курсомъ равнымъ курсу тѣхъ первыхъ классовъ. Это соображеніе уже побудило дать преподаванію въ первыхъ четырехъ классахъ нѣкоторую законченность. Они составляютъ прогимназію, включенную въ гимназію или состоящую отдѣльно. Но въ этихъ начальныхъ классахъ ученики проходятъ латинскую этимологію и синтаксисъ, переводятъ Непота и басни Федра; а въ четвертомъ уже учатъ греческія склоненія и спряженія. Какую-же законченность представляетъ знакомство съ древними языками, доведенное только до этой степени и какая въ немъ польза для множества дѣтей, не идущихъ далѣе прогимназіи или четвертаго класса гимназіи?

Раздвоеніе общеобразовательнаго курса на классическій и реальный, въ отдѣльныхъ училищахъ и преподаваніе древнихъ языковъ уже въ начальныхъ, многолюдныхъ классахъ гимназій—вотъ двѣ, наиболѣе слабыя стороны нынѣшней постановки средняго образованія. Благодаря имъ, реальныя училища выпускаютъ молодыхъ людей, снабженныхъ спеціальными знаніями, но не знающихъ практически никакой спеціальности, и изъ гимназій выходитъ въ половинѣ курса большое число учениковъ, которыхъ никакъ нельзя назвать и полу-классиками, учениковъ, совершенно напрасно потратившихъ время на изученіе древнихъ грамматическихъ формъ, которыя не находятъ примѣненія и тотчасъ забываются. Того и другого недостатка можно было избѣгнуть, при единствѣ общеобразовательной школы, съ подраздѣленіемъ четырехъ высшихъ классовъ на отдѣленія классическое и реальное и съ общими, для приготовленія къ нимъ обоимъ, низшими классами, курсу которыхъ легко было-бы дать нѣсколько большую законченность, устранивъ изъ него начальное изученіе древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что абитуріентамъ реальныхъ отдѣленій гимназій былъ-бы предоставленъ доступъ въ университеты на факультеты физико-математическій и медицинскій. При такой постановкѣ дѣла, если бы когда-нибудь была признана ея предпочтительность—что вовсе не невѣроятно, въ виду нынѣшнихъ неудобствъ—зданія, занимаемыя теперь гимназіями и реальными училищами, въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ заведенія того и другого типа, могли-бы распредѣлиться такъ, что зданія гимназій отошли-бы подъ соединенные низшіе классы тѣхъ и другихъ заведеній, болѣе многолюдные; а помѣщенія реальныхъ училищъ, съ ихъ лабораторіями и другими приспособленіями—подъ соединенные высшіе классы обоихъ отдѣленій, классическаго и реальнаго.

Во всякомъ случаѣ, считать вопросъ о средней, общеобразовательной школѣ рѣшеннымъ окончательно нельзя, хотя-бы уже потому, что при-

нятое въ 1871—1872 годахъ его рѣшеніе вовсе не произвело тѣхъ результатовъ, какіе были предсказаны въ мотивахъ, положенныхъ въ его основаніе. Нелишне привесть нѣсколько вопросовъ, поставленныхъ въ одной статьѣ «Нов. Времени», посвященной этому предмету. «Въ чемъ особенно выгодно сказалось вліяніе этой системы образованія? — спрашивала газета—можно-ли, напримѣръ, похвалиться твердостью міросозерцанія поколѣній, прошедшихъ черезъ дѣйствующую систему, т. е. отмѣтить изобиліе талантовъ?... замѣтны-ли богатство познаній, широта и основательность взглядовъ, крупные цѣльные характеры, проявленія большей энергіи, большей самостоятельности, смѣлой инниціативы?» Положимъ, для содѣйствія проявленію всего этого недостаточно еще одной школьной системы, какова-бы она ни была, а необходимы еще и другія условія. Но какъ бы то ни было, авторы учебной реформы 1871—72 годовъ именно утверждали, что все изложенное явится, какъ продуктъ классической школы. И вотъ, это увѣреніе ихъ, несомнѣнно, не оправдалось.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ послѣдовали два крупныя финансовыя мѣропріятія: усиленіе размѣннаго фонда государственнаго банка передачею въ этотъ фондъ части золота принадлежащаго государственному казначейству, а именно 98 милл. рублей, и выпускъ 4-хъ процентной ренты на сумму не свыше 250 милл. р., для выдачи ея въ обмѣнъ за облигаціи внутреннихъ 4-хъ процентныхъ займовъ.

Усиленіе размѣннаго фонда столь значительною суммою, вслѣдствіе чего этотъ фондъ отнынѣ составляетъ болѣе чѣмъ треть суммы кредитныхъ билетовъ постояннаго выпуска, представляло-бы фактъ первостепенной важности, если-бы онъ предвѣщалъ возстановленіе размѣна. Но этого, по разнымъ причинамъ, предвидѣть нельзя: «Новое Время», которое всегда относится оптимистически къ финансовымъ мѣрамъ, сказало по поводу этого распоряженія: «усиленіе почти на 100 мил. руб. золотомъ такъ называемаго размѣннаго фонда является самымъ убѣдительнымъ отвѣтомъ на извѣстный пасквиль г. Ціона, но конечно, не ради этого пасквиля г. министръ финансовъ рѣшился на такую мѣру, которая ослабляетъ наличность казначейства, а слѣдовательно до извѣстной степени связываетъ свободу министра финансовъ въ распоряженіи имѣющимися запасными средствами казны».

Въ указѣ 3 марта сказано, что передача той суммы золота банку производится «въ уплату части безпроцентнаго долга государственнаго казначейства (банку) по находящимся въ обращеніи кредитнымъ билетамъ постояннаго выпуска». Это, даже и безъ приготовительныхъ мѣръ къ возстановленію размѣна, могло-бы нѣсколько отвердить курсъ кредитныхъ билетовъ—если-бы государственный банкъ, пріобрѣвшій тѣ 98 м. руб. зол., былъ сколько-нибудь самостоятельнымъ учрежденіемъ. Но въ силу новаго устава банка, исчезли даже тѣ условія крайне слабой его самостоятельности, какія были доселѣ. Вотъ почему перечисленіе 98 м.

руб. зол. изъ казначейства въ банкъ не представляетъ факта сколько-нибудь безусловнаго и исключающаго возможность операціи въ смыслѣ обратномъ. Вообще такія передвиженія суммъ между казначействомъ и банкомъ не выражаются даже въ фактическомъ перенесеніи мѣшковъ съ металломъ изъ одного мѣста въ другое, но производятся въ книгахъ, осуществляются только въ состояніи бухгалтерскаго сальдо между банкомъ и казначействомъ. Если настоящая мѣра принята для того, чтобы дать «большую устойчивость курсу на кредитные рубли», несмотря на отсутствіе приготовленій къ размѣну, и имѣла цѣлью поднять размѣнный фондъ до 375 милл. рублей, какъ сказано въ указѣ, т. е. до болѣе, чѣмъ трети бумажно-денежнаго обращенія «постояннаго выпуска», то не совсѣмъ понятно, почему-же оставлены отдѣльно 75 милл. рублей бумажнаго обращенія «временнаго» выпуска, обезпеченные равною суммою въ золотѣ? Если курсъ кредитныхъ билетовъ можетъ получить большую устойчивость отъ перечисленія золота, безъ возстановленія размѣна, то вѣдь возможно было еще болѣе усилить отношеніе размѣннаго фонда къ постоянному бумажному обращенію, если-бы къ нему причислить 75 м. р. «временнаго» выпуска и въ то-же время къ размѣнному фонду прибавить еще тѣ 75 м. р. золотомъ, которые особо обезпечиваютъ этотъ временный выпускъ. Прибавленные къ 375 м. р. зол., они подняли-бы «размѣнный» фондъ до 450 м. р. зол., что составило-бы уже гораздо болѣе чѣмъ треть соединеннаго—постояннаго и временнаго—бумажнаго обращенія (1046 + 75 = 1121 мил. р.).

Что касается обмѣна 4-хъ процентныхъ внутреннихъ займовъ на такую-же ренту, то эта операція не составляетъ конверсіи принудительной. Обмѣнъ предлагается держателямъ облигацій займовъ «въ случаѣ ихъ желанія», какъ сказано въ указѣ 3 марта, и названъ «добровольнымъ» въ объявленіи государственнаго банка. Дѣло въ томъ, что изъ упомянутыхъ четырехъ займовъ три были выпущены при конверсіи прежнихъ 5-ти процентныхъ, при чемъ правительство обязалось этихъ новыхъ займовъ не выкупать и не конвертировать до 1899 года. Рента предлагается взамѣнъ ихъ на выгодныхъ условіяхъ и если бы всѣ облигаціи тѣхъ займовъ были обмѣнены ихъ владѣльцами на облигаціи ренты, то въ результатѣ оказалась-бы конверсія, только добровольная и безъ пониженія размѣра интереса. Но въ настоящее время рента выпускается только до 250 мил. р., а такъ какъ облигацій названныхъ займовъ, по словамъ объявленія банка, находится въ обращеніи на $534\frac{1}{4}$ м. р., то только менѣе половины этой суммы можетъ быть обмѣнено въ настоящее время на ренту.

Выгода для казначейства отъ замѣны срочныхъ долговъ рентою представляется только бюджетная, но не финансовая. Обращаясь изъ срочнаго въ постоянный, долгъ уже не требуетъ ежегоднаго погашенія, которое на сумму 250 м. р. составляло $2\frac{1}{4}$ м. р. Но ежегодное уменьшеніе долга на эту цифру являлось не потерей для казначейства, а сбереженіемъ, помѣщеннымъ на процентъ. При стѣсненномъ положеніи бы-

ваетъ важно освободить текущій бюджетъ отъ взноса двухъ милліоновъ; но при тѣхъ огромныхъ излишкахъ въ доходахъ передъ расходами, какіе оказываются въ нашемъ обыкновенномъ бюджетѣ, естественнѣе было-бы не уменьшать погашеніе, а наоборотъ, постепенно выкупать нѣкоторую часть займовъ.

Такъ напр., хотя-бы тѣ 98 милліоновъ руб. зол., которые нынѣ были обращены изъ казначейства на усиленіе размѣннаго фонда, гдѣ они будутъ и впредь лежать безпроцентно и безъ употребленія на возстановленіе размѣна, могли быть употреблены на добровольный-же выкупъ внутреннихъ займовъ въ суммѣ близкой къ 150 милліоновъ рублей, что сразу уменьшило-бы, во-первыхъ, взносъ на погашеніе, примѣрно на $1^1/_4$ мил. р,, а во-вторыхъ, расходъ по платежу 4 проц. съ той-же суммы, т. е. около $5^1/_2$ мил. р., и значитъ, сократило-бы ежегодный бюджетный расходъ не на $2^1/_4$ мил. р., но на почти 7 мил. р. Конечно, и ренту можно выкупать, точно такъ, какъ можно замѣнять срочный долгъ постояннымъ. Но примѣръ Франціи, гдѣ государственный долгъ объединенъ въ формѣ ренты, не показываетъ, чтобы сокращеніе капитала ренты было вѣроятно. А такъ какъ было прежде, при ежегодномъ погашеніи мелкими суммами, три изъ названныхъ займовъ выкупились-бы постепенно въ теченіе 36-ти лѣтъ, а одинъ въ теченіе остававшихся 72-хъ лѣтъ.

Выше приведено замѣчаніе одной газеты, что усиленіе размѣннаго фонда на 98 мил. р. можетъ служить «самымъ убѣдительнымъ отвѣтомъ на пасквиль г. Ціона». Въ концѣ февраля и началѣ марта газеты много занимались книгою бывшаго профессора военно-медицинской академіи Ціона, изданной въ Парижѣ и носящей заглавіе «M. Witte et les finances russes *). Газеты справедливо выставляли памфлетическій характеръ этого сочиненія, какъ по содержанію его, такъ и по тому пріему, который предшествовалъ выпуску его въ свѣтъ. Авторъ сперва прислалъ въ Петербургъ лишь нѣсколько экземпляровъ, назначенныхъ для высокопоставленныхъ лицъ, а выпускъ остальныхъ задержалъ, какъ-бы ожидая что будетъ. Только вслѣдствіе требованія предъявленнаго черезъ посредство редакціи издающагося въ Петербургѣ «Bulletin de Statistique financière» о выдачѣ ей 500 экземпляровъ книгъ, съ угрозою въ противномъ случаѣ напечатать ее съ имѣвшагося экземпляра, г. Ціонъ выпустилъ изданіе. А такъ какъ въ предисловіи онъ теперь говоритъ о самомъ этомъ требованіи и объясняетъ задержку выпуска всего изданія на нѣсколько мѣсяцевъ—своимъ нежеланіемъ создавать затрудненія новому французскому правительству, то изъ этого видно, что кромѣ первыхъ присланныхъ въ Петербургъ съ особой цѣлью экземпляровъ, остальные и напечатаны не были до прямого требованія, подъ угрозою напечатанія книги въ Петербургѣ. На такомъ основаніи наши газеты прямо обвиняли

*) D'après des documents officiels et inédits. Par E. de Cyon. Paris. Typ. Chamerot et Renouard. 1895.

его въ попыткѣ шантажа. При этомъ случаѣ онѣ занялись разоблаченіемъ личности г. Ціона, и его дѣйствій при исполненіи даннаго ему бывшимъ русскимъ министромъ финансоваго порученія въ Парижѣ. Мы-же хотимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ содержаніи книги, о свойствѣ предъявленныхъ въ ней обвиненій противъ русской финансовой политики за послѣднее время. Дѣло въ томъ, что необходимо разсмотрѣть самую сущность обвиненій, къ чему мы и приступимъ.

Содержаніе книги заключается въ осужденіи нашихъ конверсій и пріемовъ при реализаціи конверсіонныхъ займовъ, въ критикѣ нашихъ государственныхъ росписей и распоряженій по выпуску кредитныхъ билетовъ, новаго устава государственнаго банка, операцій министерства финансовъ по закупкѣ хлѣба и созданія промышленнаго и меліоративнаго кредитовъ, наконецъ—торговыхъ трактатовъ съ Германіею и Австро-Венгріею. Ціонъ упрекаетъ также министерство въ перенесеніи въ мартѣ 1893 года 100 мил. руб. зол. изъ размѣннаго фонда банка въ принадлежащій казначейству вкладъ на храненіе (стр. 15, 16). Однимъ словомъ, авторъ разбираетъ и осуждаетъ всѣ дѣйствія нашего министерства финансовъ, умалчивая только о пониженіи пассажирскаго тарифа, вѣроятно потому, что здѣсь онъ не могъ уже найти повода для какого-либо обвиненія. Но это только одна сторона сочиненія. Другая представляется цѣлымъ рядомъ заподозрѣваній политическаго свойства, о которыхъ говорить серьезно совершенно не стоитъ.

Въ этой сторонѣ нѣтъ ничего новаго. На основаніи офиціальныхъ и всѣмъ доступныхъ документовъ: росписей, контрольныхъ отчетовъ и свѣдѣній о состояніи кассы государственнаго банка, авторъ подвергаетъ критикѣ конверсіи и другія операціи финансоваго управленія, а также опубликованные балансы. Онъ объясняетъ, что наши конверсіи представляютъ собой, главнымъ образомъ, отсрочку погашенія прежнихъ займовъ съ обремененіемъ будущности, что конверсіонные займы, которыми выкупались прежніе дѣлались постоянно на суммы высшія тѣхъ, какія были необходимы собственно для конверсіи, что задолженность наша постоянно возрастала, такъ что несмотря на пониженіе размѣра интереса, въ общемъ, расходъ по системѣ кредита возросталъ; что свободными наличными остатками называются остатки отъ новыхъ займовъ, что ежегодный недостатокъ средствъ, который покрывается такими свободными остатками или новыми кредитными операціями, можетъ быть названъ дефицитомъ. Далѣе авторъ осуждаетъ неприведеніе въ исполненіе указа 1 января 1881 года о погашеніи 417 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ и назначеніе извлеченныхъ изъ обращенія, но не уничтоженныхъ кредитныхъ билетовъ на постройку сибирской дороги, утверждаетъ что послѣ отмѣны подушной подати и скидки 1 рубля съ выкупныхъ платежей не сдѣлано ничего для облегченія налогового бремени лежащаго на крестьянахъ и превышающаго самую доходность ихъ надѣловъ и т. д. На все это г. Ціонъ указываетъ въ тонѣ обличенія, съ такими

рѣзкими полемическими пріемами, какъ будто-бы онъ первый обнаружилъ эти «тайны», тщательно до сихъ поръ скрываемыя.

Между тѣмъ, во всемъ, что только-что перечислено, нѣтъ ничего утаеннаго и ничего новаго. Свои обличительныя цифры авторъ беретъ или выводитъ изъ отчетовъ, росписей и балансовъ, а все, что онъ выдаетъ за поставленныя имъ впервые обвиненія, онъ могъ-бы привесть просто со ссылками на замѣчанія, высказывавшіяся при каждой конверсіи и при появленіи каждой росписи—во «внутреннихъ обозрѣніяхъ» нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ. Нѣкоторыя изъ тѣхъ замѣчаній оспаривались защитниками конверсій въ русской-же печати, какъ то, что разсрочка прежнихъ займовъ составляетъ обремененіе будущности. На это возражали, что при имѣніи свободныхъ наличныхъ средствъ всегда можно будетъ выкупить тотъ или другой заемъ и раньше новаго его срока, а при неимѣніи средствъ вмѣсто погашеннаго займа пришлось-бы выпускать новый. Можно было оспаривать напримѣръ то, что часть чрезвычайныхъ расходовъ, покрывавшихся кредитными средствами, должна называться дефицитами. Крупнѣйшія сооруженія вездѣ исполняются на особые займы и дефицитомъ несправедливо назвать расходъ на производительную потребность, которую зависѣло отъ самого министерства удовлетворить въ данномъ бюджетномъ году или отсрочить. Были предъявляемы въ нашей печати и такія замѣчанія, которыя финансовое управленіе не старалось опровергнуть, стараясь точнѣе разграничить бюджетъ расходовъ и рессурсовъ чрезвычайныхъ отъ потребностей и средствъ обыкновеннаго бюджета. Наконецъ, нѣкоторыя возраженія, представленныя русскою-же печатью, не были оспариваемы, потому-что они были очевидно справедливы, какъ напримѣръ сожалѣніе о далеко неполномъ исполненіи указа 1881 года, о мѣрахъ по искусственной поддержкѣ курса, которыя у насъ, впрочемъ, практикуются еще съ 60-хъ годовъ, о допущеніи въ портфель государственнаго банка, въ балансы его ренты, которая никогда не была реализована и не приносила дохода, значитъ была чисто номинальной, указаніе на тягость крестьянскихъ платежей и проч. Но во всемъ этомъ нѣтъ никакого собственнаго открытія г. Ціона. Иныя изъ перечисленныхъ замѣчаній въ его книгѣ и въ глазахъ мыслящаго читателя, даже какъ-бы теряютъ силу именно вслѣдствіе того, что предъявляя ихъ, онъ, что называется, хватаетъ черезъ край. Такъ, напримѣръ, назначеніе на постройку сибирской дороги кредитныхъ билетовъ, извлеченныхъ изъ обращенія, но не уничтоженныхъ, онъ представляетъ такъ, какъ-будто сибирская дорога строится на «фальшивые» кредитные билеты (faux billets, стр. 12 и 143).

Оставимъ въ сторонѣ личные счеты г. Ціона съ такими финансовыми агентами, какъ гг. Ротштейнъ и Гравенгофъ, а также съ редакторомъ «Моск Вѣдомостей», г. Петровскимъ, которому Гравенгофъ присылалъ корреспонденцію подъ псевдонимомъ Эбрара, что г. Петровскій опровергаетъ и т. д.

Г. Ціонъ, восхваляя покойнаго Каткова, объявляя себя приверженцемъ самаго строгаго авторитета власти, выражая мысль, что освобожденіе и надѣлъ крестьянъ были совершены слишкомъ поспѣшно, употребляетъ одинъ изъ любимыхъ пріемовъ своего учителя въ дѣлѣ публицистики. Въ преобразованіи государственнаго банка въ цѣляхъ развитія промышленнаго и, въ частности, кустарнаго кредита, а также кредита на улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, наконецъ, въ казенныхъ закупкѣ хлѣба и продажѣ питей г. Ціонъ не только указываетъ «явный государственный соціализмъ», но и находитъ въ нихъ несомнѣнные признаки соціалистическихъ стремленій! Ссылаясь на заключеніе торговыхъ трактатовъ съ Германіей и Австріей, на преобразованіе банка и закупку хлѣба, г. Ціонъ буквально обвиняетъ финансовое управленіе въ намѣреніи произвесть и войну, и революцію! Мы должны были привесть эти курьезы потому, что ими лучше, чѣмъ какими-либо полемическими выходками противъ личности автора обнаруживаются характеръ книги г. Ціона и значеніе, какое ей можно придавать.

Законодательства доселѣ не установили общаго предѣльнаго числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ и промыслахъ. У насъ ограниченія въ этомъ смыслѣ касаются только работы малолѣтнихъ. Въ Англіи недавно введенъ 8-ми часовой рабочій день во всѣхъ правительственныхъ арсеналахъ, докахъ и другихъ мастерскихъ, и предположенъ былъ законъ о 8-ми часовомъ максимумѣ собственно для работъ въ рудникахъ. Не знаемъ, предстоитъ-ли у насъ какое-либо рѣшеніе по ходатайству лодзинскихъ фабрикантовъ о сокращеніи до 10-ти часовъ рабочаго дня въ хлопчато-бумажномъ производствѣ. Даже воскресный отдыхъ не существуетъ для извѣстной части рабочихъ на тѣхъ фабрикахъ, которыя дѣйствуютъ непрерывно днемъ и ночью, имѣя для этого двѣ смѣны рабочихъ. Одна изъ большихъ фабрикъ, производящихъ такую непрерывную работу, а именно писче-бумажная фабрика князя Паскевича въ м. Добрушѣ (Могилевской губ.) признала справедливымъ и полезнымъ устранить переутомленіе рабочихъ и перейти къ 8-ми часовой работѣ для рабочихъ смѣнныхъ и къ 9-ти часовой для рабочихъ занятыхъ только днемъ. Мы воспользуемся доставленной намъ запиской директора этой фабрики инженера Стульгинскаго и разскажемъ, какимъ образомъ былъ осуществленъ этотъ переходъ, безъ уменьшенія заработковъ и лишь съ малымъ пожертвованіемъ фабрики (до 1% отъ суммы выплачиваемаго жалованья). По словамъ записки, имѣлось цѣлью — «улучшить бытъ рабочихъ въ этомъ отношеніи не только на добрушской фабрикѣ, но дать толчекъ въ этомъ направленіи и за предѣлами ея, гдѣ къ тому найдутся подходящія условія».

Начнемъ съ отзыва самого директора о вредѣ практикуемой на фабрикахъ слишкомъ продолжительной работы. Фабричнаго директора не заподозрятъ въ преувеличеніи. Слова, которыя мы сейчасъ приведемъ, относятся не къ тѣмъ рабочимъ, которые заняты сортировкой тряпья и

бумаги, апретурой, упаковкой и работаютъ только днемъ, но къ тѣмъ, смѣннымъ рабочимъ, которые находятся при заготовкѣ массы, при бумажныхъ машинахъ, въ кочегарнѣ и при двигателяхъ. Они работаютъ *всѣ* воскресенья, за исключеніемъ Пасхи, Троицына дня и Масляной недѣли. «Люди эти, оставаясь безвыходно по 12 часовъ въ сутки въ стѣнахъ фабрики, работая, къ тому, половину года въ ночное время и зачастую въ не совсѣмъ благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, обусловленныхъ самымъ родомъ производства, не могутъ, само-собою разумѣется, отличаться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и полнокровіемъ и претендовать на долговѣчность. Переходя каждую недѣлю изъ одной смѣны въ другую (т. е. изъ ночной въ дневную и наоборотъ) имъ приходится около 50 разъ въ году работать *по 18 часовъ въ сутки.* При такихъ условіяхъ трудно требовать отъ этихъ рабочихъ постояннаго, напряженнаго вниманія при работѣ и интенсивнаго труда... Такой рабочій, возвращаясь въ 6 часовъ утра или въ 6 вечера домой, не способенъ уже къ домашнему труду; домашнее хозяйство должна вести жена, а если есть поле или сѣнокосъ, то таковые или сдаются въ аренду, или обрабатываются наемнымъ рабочимъ. Улучшить бытъ такого труженика, дать ему болѣе сносныя условія жизни и труда, не уменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ дневного заработка—вотъ благодарная задача, которую мы взялись рѣшить и, намъ кажется, рѣшили вполнѣ удачно».

Это было сдѣлано такимъ образомъ, что сумма рабочей силы въ двухъ смѣнахъ, работавшихъ прежде по 12 часовъ въ сутки, была раздѣлена на три смѣны, работающія, каждая, только по 8 часовъ въ сутки. Суточная работа раздѣлена на три восьмичасовыя части: отъ 6 часовъ утра до 2 дня, отъ 2 дня до 10 вечера и отъ 10 вечера до 6 утра. Назовемъ эти части дневною, вечернею и ночною. Каждая смѣна рабочихъ стоитъ на каждой изъ этихъ частей, поочередно, одну недѣлю. Такъ, положимъ, первая смѣна одну недѣлю работаетъ восемь часовъ днемъ, слѣдующую недѣлю 8 же часовъ вечеромъ, а третью недѣлю — 8 часовъ ночью. Итакъ, каждая изъ трехъ смѣнъ не только становится одна за другой ежедневно на треть сутокъ, но и смѣняетъ одна другую понедѣльно, переходя съ ночной работы на дневную, затѣмъ на вечернюю и т. д. Такимъ образомъ, во всю недѣлю смѣнные рабочіе заняты въ сутки по 8 часовъ, а въ воскресенье, для перехода съ дневной работы на вечернюю или съ вечерней на ночную, двѣ смѣны работаютъ не по 18 час., какъ прежде, но по 12 часовъ, а третья смѣна отдыхаетъ всѣ 24 часа. Итакъ, всѣ смѣны имѣютъ поочередно полный суточный отдыхъ въ каждое третье воскресенье, вслѣдствіе чего число праздничныхъ дней для каждаго рабочаго съ 24—30 дней увеличилось до 44—48 дней въ году.

Что касается рабочихъ, не находящихся при бумажной массѣ и при машинахъ, а занятыхъ сортировкой, апретурой и проч. то есть не входящихъ въ смѣны и работающихъ только днемъ, то для нихъ рабочіе

часы въ пять дней на недѣлѣ оставлены по 10 часовъ, но въ субботу они работаютъ только 6 часовъ, а именно распускаются въ полдень, хотя разсчетъ получаютъ за полный день. Это сдѣлано съ той цѣлью, чтобы дать женщинамъ, которыя составляютъ большинство дневныхъ рабочихъ, время для приведенія ихъ хозяйства въ порядокъ. Итакъ, дневные работаютъ въ недѣлю, въ среднемъ, немного болѣе чѣмъ по 9 час. въ день и пользуются каждымъ воскресеньемъ. Что касается рабочихъ, входящихъ въ смѣны, то эти рабочіе должны теперь работать интенсивнѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ число часовъ понижено съ 12 до 8.

Вся эта перемѣна на Добрушской фабрикѣ введена 5 мѣсяцевъ тому, и вотъ каковъ, по удостовѣренію директора, результатъ этого опыта собственно въ отношеніи работъ: «я могу и долженъ отдать полную справедливость рабочимъ, въ томъ, что они въ высшей степени добросовѣстно исполняютъ принятыя на себя обязательства взамѣнъ уменьшеннаго дня; въ техническомъ отношеніи работы, какъ качественно, такъ и количественно, идутъ, если не лучше, то во всякомъ случаѣ ничуть не хуже прежняго». На рабочихъ-же облегченіе это, несмотря на кратковременное еще его дѣйствіе, оказало уже благотворное вліяніе. Фабричные стали работать у себя въ полѣ, на сѣнокосѣ и въ огородахъ, а беззмельные—при постройкѣ для себя избъ на участкахъ, отведенныхъ фабрикою за незначительную плату. Эти работы на свѣжемъ воздухѣ не только не мѣшаютъ фабричной работѣ, но наоборотъ укрѣпляютъ рабочихъ и дадутъ имъ средство улучшить ихъ бытъ. Подростки, работающіе на фабрикѣ уже только 8 часовъ, лучше разовьются физически и полное значеніе произведенной перемѣны скажется лишь на слѣдующемъ поколѣніи фабричныхъ рабочихъ. Добрушская фабрика вырабатываетъ въ годъ до 700 тыс. пудовъ исключительно бѣлыхъ сортовъ бумаги. Средній заработокъ смѣннаго рабочаго составляетъ 61, 82 коп. въ день, а дневного 40 коп.; заработная плата составляетъ 30 коп. на пудъ бумаги. Можно только пожелать, чтобы примѣръ этой фабрики въ сокращеніи рабочаго дня въ самомъ дѣлѣ «далъ толчокъ въ этомъ направленіи и за предѣлами ея», согласно съ мыслью дирекціи.

Въ Московской губерніи, по отчету фабричнаго инспектора проф. И. И. Янжула, за 1882—83 годъ *), на всѣхъ трехъ писчебумажныхъ фабрикахъ работа производилась непрерывно смѣнами въ 12 часовъ каждая, при чемъ цифры средняго заработка гораздо ниже, чѣмъ въ Добрушѣ, а именно 53,5 коп.—для мужчинъ, если-же считать вмѣстѣ съ дневными рабочими, то выйдетъ около 30 коп. Въ томъ отчетѣ указывалось, что вообще суточная работа на фабрикахъ у насъ гораздо продолжительнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ среднемъ она составляетъ 12¹/₂ часовъ, но встрѣчается безсмѣнная работа и по 15 часовъ, даже по 18 часовъ

*) Фабричный бытъ Моск. губ. Отчетъ И. И. Янжула 1884 г.

въ сутки. Число праздниковъ на московскихъ фабрикахъ составляло въ среднемъ всего 27,6 дней въ году, между тѣмъ какъ на англійскихъ фабрикахъ среднее равнялось 32 днямъ. Быть можетъ, за послѣднее десятилѣтіе эти условія и измѣнились нѣсколько къ лучшему. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что введеніе фабричной инспекціи устранило разныя злоупотребленія въ системѣ штрафовъ, обиранія рабочихъ въ фабричныхъ лавкахъ, задержкахъ разсчета и т. п., а законъ объ отвѣтственности фабрикантовъ за увѣчья, получаемыя рабочими вслѣдствіе отсутствія или недостатка огражденій машинъ и другихъ предосторожностей, заставилъ позаботиться о принятіи такихъ мѣръ. Но фабричная инспекція не имѣетъ вліянія ни на продолжительность работы для взрослыхъ, ни на высоту заработковъ, а потому именно въ обоихъ этихъ отношеніяхъ едва-ли можно предполагать сколько-нибудь значительные успѣхи и со времени введенія инспекціи.

Въ той-же книгѣ проф. Янжула приведенъ любопытный сравнительный разсчетъ среднихъ заработковъ въ Америкѣ, Англіи и Россіи для рабочихъ разныхъ категорій. При этомъ, для однородности цифръ, 10-ти часовая работа употребительная, въ среднемъ, въ Соед. Штатахъ и въ Англіи, приведена къ 12-ти часовой, какая практикуется у насъ, и мѣсячные заработки выражены въ кредитныхъ рубляхъ. Вотъ нѣсколько цифръ для сравненія: прядильщики въ Америкѣ 96 р., въ Англіи 67—70 р. (по двумъ источникамъ), въ Россіи 19¼ р.; точильщики въ Америкѣ 79 р., въ Англіи 50—55 р., въ Россіи 12½ р.; ленточницы въ Америкѣ 42 р., въ Англіи 31—42 р., въ Россіи 9¾ р. Допустимъ, что за десятилѣтіе фабричные заработки въ Россіи возвысились, положимъ хотя-бы на 25 проц., хотя это нисколько не доказано. Но и въ такомъ случаѣ, они все-таки далеко не доходятъ и до половины заработковъ англійскихъ рабочихъ. Не является-ли это обстоятельство однимъ изъ условій относительной косности нашего фабричнаго дѣла, поставленнаго такимъ образомъ, что главная его прибыль зависитъ, съ одной стороны, отъ огромныхъ покровительственныхъ пошлинъ, а съ другой—отъ низкости заработной платы, доходящей до 10 и даже до 8 рублей въ мѣсяцъ? Указываютъ на разницу въ интенсивности труда англійскаго рабочаго и русскаго и эта разница несомнѣнно велика. Но если малая интенсивность труда обусловливаетъ низкость его вознагражденія, то нельзя, однако, не признать, что съ другой стороны продолжительность работы и низкая плата объясняютъ самую ея неинтенсивность. Возможно-ли работать съ напряженнымъ вниманіемъ и особой старательностью постоянно 12 часовъ въ сутки, да разъ въ недѣлю 18 часовъ? По крайней мѣрѣ директоръ-распорядитель Добрушской фабрики нашелъ, что это невозможно и призналъ, что съ сокращеніемъ числа часовъ, рабочіе исполняютъ вполнѣ добросовѣстно принятыя ими на себя обязательства.

Петербургская городская дума возбудила ходатайство о соединеніи Петербурга желѣзною дорогою на Вологду и Вятку къ Перми, которая будетъ соединена съ сибирскою дорогой вѣтвью чрезъ Екатеринбургъ къ Челябинску. Московская дума отвѣтила на это ходатайствомъ о соединеніи Перми съ Москвою через Вятку и Нижній. Разстояніе Москвы отъ Челябинска 1,847 верстъ, а Петербурга отъ Челябинска—2,451 верста, разница въ около 600 верстъ въ пользу Москвы. Представимъ себѣ, что сибирская дорога отъ того же Челябинска соединена рельсовыми путями въ геометрически прямомъ направленіи съ Москвой и Петербургомъ. Тогда оказалось бы, что прямой путь отъ Челябинска къ Петербургу не короче, чѣмъ кружный путь отъ Челябинска на Петербургъ черезъ Москву, такъ какъ идя прямолинейнымъ путемъ на Москву, сибирскіе продукты затѣмъ могли бы направляться въ Петербургъ по Николаевской дорогѣ, имѣющей длину около 600 верстъ, которыя какъ разъ и составляютъ разницу въ длинѣ прямолинейныхъ путей отъ Челябинска къ обѣимъ столицамъ.

Это соображеніе, что Москва лежитъ ближе къ сибирской дорогѣ на 600 верстъ, объясняетъ неизбѣжность соединенія той дороги съ Москвой, а черезъ нее съ Ригой и Либавой. Но то-же обстоятельство оправдываетъ опасеніе Петербурга остаться въ сторонѣ отъ сообщеній Сибири съ Западомъ и внутреннимъ рынкомъ. Петербургъ, служащій государственнымъ центромъ, построенъ въ далекомъ отъ внутреннихъ губерній углу. Но созданный для общегосударственныхъ цѣлей, онъ пользовался поддержкой государства—въ дорого стоившей системѣ искусственныхъ водяныхъ сообщеній и имѣетъ такое же право на поддержку своего быта сообщеніями желѣзнодорожными.

Изъ такого опредѣленія вопроса слѣдуетъ, что нужны оба соединенія сибирской дороги—и съ Петербургомъ, и съ Москвой, но что государственное попеченіе въ данномъ случаѣ должно обратиться преимущественно на пользу Петербурга. Торговля его падаетъ, онъ уже пересталъ быть первостатейнымъ портомъ хлѣбнаго вывоза, между тѣмъ какъ Москва стоитъ паукомъ въ центрѣ сѣти торговыхъ путей и представляетъ собой колоссальный складъ, эксплоатирующій товарный обмѣнъ всего государства. Соединеніе Нижняго съ сибирской дорогой будетъ, о немъ нѣчего заботиться; а отъ Москвы до Нижняго всего 410 верстъ. Но если бы Петербургъ остался внѣ движенія сибирскихъ продуктовъ на западъ и безъ проводника для сбыта издѣлій своей промышленности въ Сибирь, то это несомнѣнно составило бы неблагопріятное условіе, вдобавокъ къ другимъ фактамъ, которые вызываютъ упадокъ царствующей столицы Россіи, въ то время, какъ ея «вдовствующая» столица, Москва постоянно ростетъ. Правда, московскіе патріоты предлагаютъ вмѣсто сооруженія самостоятельной дороги отъ Петербурга въ 1100 слишкомъ верстъ,—соединеніе Петербурга съ сибирской дорогой чрезъ Рыбинскъ, Кинешму

и Вятку, которое составило бы не больше 600 верстъ новаго рельсоваго пути. Но при московско-ярославской дорогѣ и соединеніи Рыбинска съ Ярославлемъ это направленіе можетъ быть выгодно только Москвѣ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ обѣ столицы просятъ о соединеніи Челябинска чрезъ Пермь съ Вяткой, то затѣмъ для правительства было бы естественно, въ видахъ поддержанія Петербурга, озаботиться о соединеніи Петербурга черезъ Вологду съ Вяткой. Соединительныя же линіи между Вяткой и Нижнимъ, на пользу Москвѣ, непремѣнно построятся, хотя бы и безъ правительственной гарантіи, частной инипіативою.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялось повелѣніе объ отдѣленіи канцеляріи прошеній отъ главной квартиры и о наименованіи того учрежденія «канцеляріею Его Величества по принятію прошеній», съ назначеніемъ для завѣдыванія ею особаго главноуправляющаго и его товарища. Только впредь до учрежденія этихъ новыхъ должностей въ законодательномъ порядкѣ, канцелярія прошеній временно оставлена въ завѣдываніи командующаго главною квартирой. Канцелярія для принятія прошеній и жалобъ, приносимыхъ непосредственно верховной власти, по роду своихъ весьма важныхъ дѣлъ, не имѣетъ ничего общаго съ главной квартирой, которая завѣдуетъ составомъ свиты и въ извѣстныхъ случаяхъ служитъ для доклада бумагъ по разнымъ вѣдомствамъ и передачи имъ высочайшихъ повелѣній. Канцелярія прошеній была образована при государственномъ совѣтѣ, при самомъ его учрежденіи и состояла тогда подъ предсѣдательствомъ одного изъ его членовъ, имѣя и особаго статсъ-секретаря. Въ 1835 году она была отдѣлена отъ государственнаго совѣта, а съ 1884 г. предсѣдателемъ ея былъ назначенъ командующій главной квартирою. Возстановленіе самостоятельности этого учрежденія, служащаго какъ-бы высшей инстанціей по дѣламъ частныхъ лицъ, обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ этомъ проявляется мысль о приданіи ему большаго значенія, о чемъ свидѣтельствуютъ и новыя именованія, данныя, какъ самой канцеляріи, такъ и предсѣдателю ея.

Управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ послѣ смерти статсъ-секретаря Гирса было поручено т. с. Шишкину лишь временно. Въ концѣ февраля князь Лобановъ-Ростовскій, недавно назначенный посломъ въ Берлинѣ, но еще не вступившій въ эту должность, былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ, а въ началѣ марта—министромъ иностранныхъ дѣлъ. Князь Лобановъ уже былъ одно время товарищемъ министра въ томъ-же вѣдомствѣ; но главное значеніе призванія его нынѣ къ управленію нашей иностранной политикой представляется въ томъ, что этотъ постъ предоставленъ опытному и авторитетному дипломату, который долгое время былъ посломъ въ Константинополѣ и Вѣнѣ, то-есть лично представлялъ интересы Россіи въ двухъ весьма важныхъ политическихъ центрахъ и долженъ былъ усвоить себѣ непосредственное знакомство съ многими иностранными политическими дѣятелями и

самостоятельный взглядъ на дипломатическое положеніе. Въ царствованіе императора Александра II управленіе нашей внѣшней политикой было также поручено бывшему послу въ Вѣнѣ, князю Горчакову, который и вступилъ въ управленіе съ опредѣленнымъ личнымъ взглядомъ на ту политическую программу, какая истекала изъ крымской войны и парижскаго трактата 1856 года. Нынѣ основаніемъ для такой программы служитъ уже совершенно иное положеніе дѣлъ. Но для выясненія ея весьма важны личныя дипломатическія качества и долговременная опытность настоящаго министра иностранныхъ дѣлъ.

ТЕАТРЪ.

(О НАРОДНОМЪ ТЕАТРѢ).

Исторію народнаго театра, по признаку отношенія къ нему правительства и общества, можно раздѣлить на три обширные періода, не принимая въ соображеніе, конечно, изолированныхъ явленій и обращая вниманіе лишь на крупнѣйшія проявленія временного духа. Первый періодъ тянется отъ зарожденія русскаго театра въ комедійныхъ храминахъ Алексѣя Михайловича вплоть до утвержденія начала публичности зрѣлищъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія при Екатеринѣ Великой. Болѣе ста лѣтъ театръ играетъ роль придворной забавы, по преимуществу, переходя постепенно отъ потѣшныхъ дѣйствъ двора XVII вѣка къ балетамъ и итальянской «оперѣ-буффѣ» временъ Анны Іоанновны и Елизаветы и занимая скромное мѣсто въ недѣльномъ росписаніи придворныхъ развлеченій въ продолженіе большей части царствованія Екатерины. Не считая грубыхъ народныхъ «игрищъ», происходящихъ изрѣдка въ какомъ-либо сараѣ, на чердакѣ пустого дома или просто въ огороженномъ мѣстѣ, на площади, да общедоступныхъ спектаклей, разыгрываемыхъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка, тоже по сараямъ и амбарамъ, учениками московской хирургической школы и студентами славяно-греко-латинской академіи, общій характеръ отмѣченной эпохи нарушается только двумя крупными явленіями въ исторіи нашего театра: первое—это публичный театръ на нѣсколько сотъ (бывало до 400) человѣкъ, созданный въ Москвѣ въ 1702 г. энергіей Петра; второе — это ярославскій театръ (на 1,000 человѣкъ), воздвигнутый фанатическою любовью къ дѣлу Ѳедора Волкова.

Слѣдующія сто лѣтъ пошли на окончательное водвореніе и развитіе у насъ театра, по идеѣ открытаго для всѣхъ, но доступнаго ограниченному кругу зажиточной интеллигенціи и, наконецъ, третья новѣйшая эпоха, совпавшая, по началу, съ народническимъ движеніемъ въ Россіи и считающая за плечами не болѣе четверти вѣка, характеризуется именно возникновеніемъ театровъ народныхъ, по принципу, при-

способленныхъ къ средствамъ, потребностямъ и жизненному складу низшаго класса. Въ настоящее время народныя зрѣлища потеряли прежній случайный характеръ и пріобрѣли значеніе важной полицейской мѣры народнаго благосостоянія.

Благотворительныя общества, призванныя пещись о городскомъ рабочемъ населеніи, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаютъ мысль на общедоступномъ, простонародномъ театрѣ, какъ дѣйствительномъ орудіи просвѣщенія и борьбы съ пьянствомъ. Чрезвычайно примѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность общества трезвости, которое въ помѣщеніяхъ своихъ чайныхъ и столовыхъ разбросало по всѣмъ концамъ Петербурга дешевые театрики, привлекающіе въ праздники на спектакли массу сѣрой публики. Но объ этомъ рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ, а теперь я буду говорить о Москвѣ, которая всегда занимала передовое мѣсто въ движеніи русскаго театральнаго дѣла и, въ данномъ случаѣ, первая привела въ исполненіе идею настоящаго, художественнаго, а не балаганнаго театра для народа, при чемъ эта попытка остается до сихъ поръ самой совершенной и самой грандіозной, неудавшейся, къ несчастью, въ силу какихъ-то побочныхъ соображеній.

Въ 1872 году, лѣтомъ, въ Москвѣ была политехническая выставка и комиссіи попеченія о рабочихъ пришла смѣлая мысль устроить при выставкѣ образцовый народный театръ, какъ экспонатъ, могущій играть вліятельную роль въ жизни главнаго двигателя техническихъ успѣховъ— народной рабочей силы. Новизна и оригинальность этого учрежденія были тѣмъ ярче, что обѣщанный театръ, представляя собой интереснѣйшій экспериментъ приспособленія крупнаго театральнаго предпріятія къ спеціальнымъ задачамъ, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ вольнымъ театромъ съ тѣхъ поръ, какъ въ столицахъ установилась фискальная монополія театральныхъ представленій *).

Легкой, изящной постройки, съ красивой въ русскомъ стилѣ внутреннею отдѣлкой, новый театръ открылся на Варварской площади 4 іюня. 1872 года, въ 2 часа дня, «Ревизоромъ» — Гоголя, и въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, съ блестящимъ успѣхомъ пожиная похвалы критики и, что еще существеннѣе,—публики, съ биткомъ набитымъ зрительнымъ заломъ. побѣдоносно просуществовалъ три лѣтнихъ и одинъ осенній мѣсяцъ, давъ цѣлый рядъ прекрасно исполненныхъ спектаклей.

1-го октября, въ день закрытія, Варварская площадь была, по отзывамъ газетъ, запружена народомъ и желающихъ проститься съ полюбившимся и безвременно умирающимъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ храмомъ народнаго искусства была такая масса, что входные билеты перепродавались барышниками за четверную цѣну! Всѣ желали продлить его жизнь и обратить въ постоянное учрежденіе; однимъ изъ его директоровъ, не-

*] Установившаяся постепенно привилегія казны окончательно была закрѣплена въ 1862 г. запрещеніемъ всѣхъ частныхъ сценическихъ представленій, не имѣющихъ особо уважительной благотворительной цѣли.

давно умершимъ артистомъ А. Ф. Ѳедотовымъ, былъ составленъ проектъ, предлагавшій сдѣлать театръ постояннымъ и передать его въ вѣдѣніе думы, уже раньше хлопотавшей о разрѣшеніи ей постояннаго городского театра. Оставляя подробности организаціи на усмотрѣніе будущихъ распорядителей дѣла, проектъ намѣчалъ только общія черты предстоящаго переустройства, при чемъ на первомъ мѣстѣ предполагалось сохранить общедоступный характеръ зрѣлищъ, оставивъ попрежнему низкія цѣны и подавляющее отношеніе числа дешевыхъ мѣстъ къ числу болѣе дорогихъ, увеличивъ даже, если представится возможность, количество первыхъ. Дума единодушно приняла проектъ Ѳедотова и постановила ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ объ его утвержденіи.

Казалось, все благопріятствовало, все улыбалось молодому начинанію; повидимому, это дѣтище русской Мельпомены родилось въ рубашечкѣ и ему, отогрѣтому въ самомъ сердцѣ Россіи, оставалось лишь мечтать о высокой роли всероссійскаго образцоваго народнаго театра... Но, увы! счастье капризно вообще, а на судьбѣ всякаго рода «ходатайствъ» его своенравность проявляется съ особой игривостью: массу такихъ ходатайствъ, имѣющихъ и съ перваго, и со второго взгляда всѣ шансы на успѣхъ, встрѣченныхъ поздравительными газетными статьями, рукоплесканіями общества и одобрительными улыбками властей, постигаетъ въ концѣ-концовъ участь безславной и безвѣстной гибели.

Проглядѣвъ отчетъ за первые три мѣсяца дѣятельности этого учрежденія и вдумываясь въ нѣкоторыя стороны его устройства, нельзя не придти къ опредѣленному и драгоцѣнному заключенію, что народному театру, если онъ разсчитанъ на крупное число зрителей, и входная плата доступна, матеріальный достатокъ обезпеченъ настолько, что антрепренеръ можетъ свободно тратиться на содержаніе хорошей труппы и безъ страха потерять кліентуру держаться истинно художественнаго репертуара, не прибѣгая къ базарнымъ пріемамъ заманиванія публики.

Разберемъ всѣ эти условія въ отдѣльности. Московскій театръ при политехнической выставкѣ сначала былъ разсчитанъ на 1,625 человѣкъ, но затѣмъ размѣры зданія позволили увеличить число мѣстъ до 1,803; понятно, что только такое огромное количество посѣтителей можетъ оплатить при дешевыхъ цѣнахъ значительные расходы на хорошую постановку пьесъ.

Цѣны-же были, дѣйствительно, дешевы: на общую сумму 1,803 приходилось 1,059 мѣстъ отъ 5 коп. до 40 коп., при чемъ болѣе 600 мѣстъ не превышали стоимостью 25 коп., а мѣстъ, собственно, въ 25 к. было всего 62; болѣе дорогія мѣста стоили отъ 50 до 75 коп.. ихъ было 452, остальныя 292 мѣста стоили по рублю и, кажется, одинъ первый рядъ— 1 р. 50 к.

Изъ вышеупомянутаго отчета видно, что за іюнь, іюль и августъ въ театрѣ перебывало 130,878 человѣкъ; если раздѣлить это число на число данныхъ за это время спектаклей, т. е. 75, мы получимъ въ среднемъ

1,745 человѣкъ на спектакль, т. е. почти сплошь полные сборы, особенно, если принять во вниманіе, что въ іюнѣ мѣсяцѣ въ театрѣ существовало всего 1,625 мѣстъ. Я останавливаюсь лишь на этихъ цифрахъ, потому что, если онѣ сами не суть плодъ фантазіи составителей отчета, то спорить противъ вывода изъ нихъ — значитъ спорить противъ ариѳметики: несомнѣнно, что 851 р. полнаго сбора копѣйка въ копѣйку получались почти съ каждаго спектакля. Назовите эту сумму любому антрепренеру и онъ вамъ скажетъ, что съ такими сборами жить можно и жить очень хорошо; то-же самое хотѣлъ, кажется, доказать и названный отчетъ, представленный въ думу дирекціей театра вмѣстѣ съ проектомъ Ѳедотова, но въ немъ были допущены ошибки и недосмотры, повредившіе выясненію именно этой стороны дѣла.

Можетъ, конечно, родиться подозрѣніе, что своимъ успѣхомъ Народный театръ обязанъ большому стеченію и праздничному настроенію выставочной публики; это будетъ отчасти справедливо для рублевыхъ и полуторарублевыхъ посѣтителей, но, очевидно, выставка не могла повліять на спросъ билетовъ отъ 40 коп. до пятачка, а такихъ билетовъ продавалось каждый разъ 1,059 штукъ, и судя по приведеннымъ цифрамъ—есть основаніе предполагать, что не мало желающихъ попасть за эту цѣну въ театръ оставалось неудовлетворенными. Въ газетныхъ рецензіяхъ того времени мы прямо читаемъ, что, по внѣшности, зрителей Народнаго театра слѣдуетъ отнести «къ среднему и низшему классу», такъ-что въ *народномъ*, а слѣдовательно и устойчивомъ характерѣ контингента его посѣтителей едва-ли возможно сомнѣваться.

Перейдемъ теперь къ другому существенному вопросу: какими средствами добился Народный театръ своего тріумфа? Какіе артисты, какія пьесы служили приманкой тысячной толпѣ его невзыскательныхъ гостей? На это надо сказать, что русская сцена никогда потомъ не являла примѣра такого честнаго взгляда на обязанности искусства въ отношеніи народа: на подмосткахъ Варварской площади были собраны лучшіе провинціальные артисты—Стрѣлкова, Рыбаковъ, Бергъ, М. Васильевъ, Писаревъ и др.

Въ выборѣ пьесъ, какъ отзывается одна газетная замѣтка, народный театръ руководился ихъ художественнымъ достоинствомъ и доступностью пониманія народа. Мы не нуждаемся въ оцѣнкѣ этой газетой художественной стороны репертуара, потому что имѣемъ налицо заглавія 19-ти пьесъ, заполнившихъ собою 75 спектаклей первыхъ трехъ мѣсяцевъ и знаемъ имена ихъ авторовъ: Фонвизинъ, Пушкинъ, Гоголь, Островскій, Чаевъ...

Больше всего симпатій публики снискала одноактная веселая пьеска его репертуара изъ крестьянскаго быта—«Ночное», она шла 14 разъ, затѣмъ, правда, наибольшее количество представленій выдержала историческая мелодрама Гедеонова — «Смерть Ляпунова» (11 разъ), но вслѣдъ за ней крупнѣйшій успѣхъ выпадаетъ на долю Островскаго: изъ тринадцати ка-

питальныхъ пьесъ репертуара четыре принадлежатъ его перу, при чемъ «Бѣдность не порокъ» на ряду съ «Ревизоромъ» выдерживаетъ 9, а «Не такъ живи, какъ хочется» наравнѣ съ «Недорослемъ»—8 представленій. Какъ широко толковали главари дѣла *доступность* пьесъ народному пониманію, показываетъ постановка на сценѣ народнаго театра въ сентябрѣ мѣсяцѣ Мольеровскаго «Жоржа Дандена», впрочемъ выборъ именно этой пьесы Мольера очень неудаченъ, да мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, и никакихъ свѣдѣній о томъ, сколько разъ она шла и имѣла-ли успѣхъ, но что тысячи народу пересмотрѣли, перечувствовали и наслаждались твореніями Фонвизина, Гоголя и Островскаго, на это есть уже документальныя доказательства.

Съ 1 октября 1872 г. испарилось со столбцовъ газетъ самое имя народнаго театра, программы казенныхъ театровъ начали все чаще и чаще щекотать любопытство публики шаловливыми названіями: «Прекрасная Елена», «Всѣ мы жаждемъ любви» и «Птички пѣвчія» застрекотали веселѣе и фривольнѣе. Боялась-ли казна поступиться своими доходами, или опасенія ея были направлены въ другую сторону, объ этомъ судить не берусь.

На слѣдующую осень однако двумъ, очевидно, болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ удалось добиться разрѣшенія на устройство въ Москвѣ общедоступнаго частнаго театра, но судьба этого театра какая-то странная: анонсъ объ его открытіи появился 21 августа 1873 г. внезапно, безъ всякихъ предупрежденій, такъ-же неожиданно, ни съ того, ни съ сего, 2 октября послѣдовало его закрытіе; были-ли какія особливыя причины столь скоропостижной смерти, или онъ просто-напросто прогорѣлъ, трудно сказать, потому что нигдѣ, кажется, о немъ ничего не писали, и существовалъ онъ украдкой, пугаясь слишкомъ громко заявить о своемъ бытіи: по крайней мѣрѣ на афишахъ никогда не говорилось прямо, что въ театрѣ будетъ представлена такая-то пьеса, а иносказательно обозначалось, что «будутъ прочтены сцены изъ такой-то пьесы». Таинственность, окутавшая существованіе этого безпаспортнаго, если можно такъ выразиться, учрежденія, помѣшавшая, вѣроятно, журнальной критикѣ гласно высказывать о немъ сужденія, не позволяетъ и намъ создать себѣ полное понятіе о характерѣ дѣятельности общедоступнаго театра. Съ опредѣлительностью можно утверждать только то, что общедоступный театръ былъ продолжателемъ народнаго направленія своего предшественника; о народнической окраскѣ его свидѣтельствуетъ, какъ самое наименованіе «общедоступный», такъ въ особенности неизмѣнные куплеты, сценки и хоровое пѣніе, сопровождавшіе въ качествѣ дивертиссемента каждый спектакль. Репертуаръ, видимо, тоже былъ подобранъ примѣнительно къ народному составу зрителей, изобилуя обстановочными драмами изъ русской исторіи и бытовыми пьесами; надо отдать справедливость, почетное мѣсто въ немъ было отведено художественнымъ образцамъ родной литературы.

Въ теченіе десяти лѣтъ затѣмъ Москва не дѣлаетъ попытокъ воскресить идеи народнаго театра, и лишь въ 1882 г., т. е. на другой годъ послѣ объявленія столицъ свободными отъ театральной монополіи, москвичи прочли въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» замѣтку слѣдующаго содержанія: «Сегодня, 5-го ноября, на Воздвиженкѣ, въ зданіи цирка Гинне, назначено первое представленіе театра «Скоморохъ», устроеннаго г. Лентовскимъ... Въ виду отсутствія у насъ народнаго театра, въ виду недоступности по цѣнѣ всѣхъ остальныхъ театровъ для любителей съ небольшими средствами, новое предпріятіе г. Лентовскаго заслуживаетъ полнаго сочувствія». Но въ лицѣ «Скомороха» нарождалось уже чисто коммерческое предпріятіе частнаго лица, не задававшагося просвѣтительными тенденціями, не обладавшаго и средствами завести дѣло съ такимъ широкимъ размахомъ, какъ то было выполнено въ 72 году коммиссіей попеченія о рабочихъ; г. Лентовскій воспользовался помѣщеніемъ стараго цирка, разгородилъ на-двое арену—часть подъ сцену, часть подъ публику, повѣсилъ занавѣсъ, назначилъ дешевыя цѣны (предполагалось $^2/_3$ общаго числа мѣстъ пустить по 40, 20 и 10 коп.), набралъ дешевенькую труппу, объявилъ для начала «Комедію о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей Нардымъ-Нащокинѣ дочери Аннушкѣ», съ разсказчиками Гулевичемъ и Егоровымъ въ заключеніе, и машина пошла въ ходъ. Не знаю, сколько народу помѣщалось въ «Скоморохѣ», но на первый спектакль билеты были разобраны задолго до начала представленія, да и потомъ г. Лентовскій работалъ себѣ не въ убытокъ, безъ урону продержавшись въ позиціи весь сезонъ 1882—83 года: «актеры плоховаты, жаловались газеты *), но зрителей спектакли привлекаютъ массу и вызываютъ громкіе аплодисменты».

Знаменательный, въ самомъ дѣлѣ, фактъ: стоитъ открыть въ Москвѣ дешевый театръ, и народъ валомъ валитъ брать билеты и занимать свои гривенничныя мѣста, а что «Скоморохъ» велъ дружбу не съ аристократіей явствуетъ и изъ копѣечныхъ цѣнъ, и изъ программы увеселеній и еще больше изъ собесѣдованій, черезъ газеты, антрепренера съ его кліентами, очевидно, вызванныхъ печальнымъ неумѣньемъ зрителя вести себя въ публичномъ мѣстѣ съ достодолжнымъ тактомъ: «Просятъ публику *обязательно* хранить билеты до окончанія представленія и предъявлять по требованію контролера». «Верхнее платье снимать не обязательно»... читаемъ мы постоянно циркулярныя ноты г. Лентовскаго, разграничивающія права и обязанности посѣтителя и администраціи театра!

Новый неидейный характеръ дѣла сказался тотчасъ-же въ безсистемномъ и неразборчивомъ составленіи репертуара: на сценѣ «Скомороха» появились такіе перлы драматургіи, которые въ жизнь-бы не увидали подмостковъ стараго народнаго театра; несомнѣнно, что слѣдовало безъ церемоніи выбросить вонъ весь хламъ въ родѣ балаганныхъ передѣлокъ

---

*) «Моск. Вѣдомости» 1883 г. № 11.

Пушкинскихъ повѣстей и поэмъ, всѣхъ «разбойниковъ Чуркиныхъ» съ страшными картинами—«Неудавшееся мщеніе и поимка преступника», «Въ острогѣ», «Красный пѣтухъ» (!), или грошевыя феерін въ родѣ «Ивана Царевича» съ какимъ-то нелѣпымъ маршемъ «Чуда—лѣсного при участіи бабочекъ, стрекозъ, мухъ, комаровъ, грибовъ, лѣшихъ и проч.!»— Но, въ общемъ и цѣломъ, мы должны все-таки сказать спасибо г. Лентовскому за его театръ, потому что пьесы Островскаго, Писемскаго, Алексѣя и Николая Потѣхиныхъ, Аверкіева, Мея и др., во всякомъ случаѣ, постоянно находили себѣ пріютъ въ стѣнахъ послѣдняго, давая питательную пищу и актерамъ, и зрителямъ.

На осень 1883 года «Скоморохъ» не возобновился, директоръ его былъ отвлеченъ другимъ театромъ; возрождается онъ черезъ 4 года въ сезонъ 1887—88 годовъ подъ антрепризой того-же Лентовскаго но въ новомъ помѣщеніи: теперь г. Лентовскій утилизировалъ большое каменное зданіе совершенно круглой формы на Срѣтенскомъ бульварѣ, занятое раньше подъ панораму «Царьградъ», переправилъ его въ огромный амфитеатръ съ дешевыми мѣстами и назидательными надписями на стѣнахъ, внушающими «почтеннѣйшей публикѣ», какъ себя надо держать на представленіяхъ: въ шапкахъ не входить, во время дѣйствія не шумѣть и т. п. Въ обыкновенные дни мѣста стоили отъ 1 р. 20 к. до 10 к., въ праздники—цѣны уменьшались вдвое. Первую половину зимы «Скоморохъ» дѣйствовалъ приблизительно въ томъ-же духѣ, какъ и въ былое время: та-же смѣсь бытовой и исторической драмы съ переводной мелодрамой, пересыпанная изрѣдка домашней лубочной стряпней; опять Ляпуновъ и Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, Ревизоръ и Парижскіе нищіе, Бѣдность не порокъ и Ограбленная почта, а потомъ вдругъ— Золотая Ручка или статья 1645 ул. о нак., но мелодрама уже замѣтно, сравнительно съ прежнимъ, забирала власть въ свои руки, хотя еще въ январѣ мѣсяцѣ про театръ на Срѣтенскомъ бульварѣ находили возможнымъ писать, что онъ неуклонно слѣдуетъ принятой на себя задачѣ—доставлять хорошее удовольствіе полуграмотному населенію Москвы, знакомя его съ историч. и бытовыми пьесами»...

Съ наступленіемъ новаго года однако «Скоморохъ» началъ проявлять опасные симптомы, афиши становятся чуднѣе и чуднѣе: то и дѣло читаешь такія заглавія, какъ—«Кащей или пропавшій перстень», «Робертъ Фультонъ, первый изобрѣтатель пароходовъ, или рабство въ Америкѣ», «Эсфирь—дочь Израиля—съ пѣніемъ и съ соблюденіемъ еврейскихъ обычаевъ и обрядовъ etc.; мало-по-малу, соблюдая еврейскіе обычаи и обряды, г. Лентовскій совсѣмъ забываетъ обычаи и завѣты славнаго родоначальника своего театра и изъ антрепренера превращается въ мага и волшебника феерін, доставившей правда ему впослѣдствіи громкую извѣстность. Одной изъ феерій—«Двадцатый вѣкъ»—въ 4 дѣйствіяхъ и 17 картинахъ, посѣтители Срѣтенскаго бульвара, плохо освѣдомленные и о прошедшихъ вѣкахъ, и о своемъ девятнадцатомъ, развлекались и

поучались 5 или 6 дней кряду. Впрочемъ, это еще не представляло большой бѣды, и людямъ никогда ничего не видавшимъ кромѣ Охотнаго ряда, даже полезно было посмотрѣть на панораму отъ «Сѣвернаго полюса до Нью-Іорка и Нью-Іоркскую гавань со статуей Свободы», а пожалуй небезинтересно было ознакомиться и съ еврейскими обрядами, но бѣда въ томъ, что сборы театра должно быть пошатнулись, такъ какъ дирекція «Скомороха» начинаетъ прибѣгать уже къ совсѣмъ неподобающимъ пріемамъ заманиванія, подпуская мало по малу въ народныя зрѣлища развращающую пикантность. Послѣдній періодъ его существованія съ осени 92 года по наши дни интересенъ только чрезвычайной разительностью процесса разложенія благого, по существу, дѣла, попавшаго въ невѣжественныя и неумѣлыя руки.

Первый сезонъ «Скоморохъ» принадлежалъ товариществу, а затѣмъ перешелъ подъ единоличное управленіе провинціальнаго актера г. Черепанова, но ни при томъ, ни при другомъ не только не усовершенствовался въ сравненіи съ временами владычества г. Лентовскаго, а наоборотъ сильно опустился и, чѣмъ дальше, — тѣмъ падалъ все ниже и ниже. Сначала новые хозяева вспоминали отъ времени до времени произведенія классическихъ и просто литературныхъ писателей, хотя на три четверти репертуаръ уже съ первыхъ шаговъ былъ заваленъ драматической ветошью, свидѣтельствовавшей о переселеніи на сцену столичнаго театра какихъ-то Кашинскихъ воззрѣній на задачи искусства, совершенно чуждыхъ всякаго идеала и смотрящихъ на театръ только какъ на статью дохода, подлежащую притомъ самой хищнической эксплоатаціи: вывѣсить этакую съ-ногъ-сшибательную афишу съ четырьмя убійствами, десятью дѣйствіями и соблазнительнымъ апоѳеозомъ, съ дѣвицами въ трико и при участіи всей труппы полностью,—сорвать съ публики сборецъ, а что порядочные люди послѣ такой прелести ходить въ театръ перестанутъ,—это тамъ видно будетъ, это какъ Богъ дастъ. Но особенно лихо развернулись эти своего рода «ташкентцы-цивилизаторы» въ лѣтній и зимній сезонъ прошедшаго 1894 г. Названіе театра «Скоморохъ»— стало для него пророческимъ; ужъ я не говорю о фиглярскихъ фарсахъ Мясницкаго, Разсохина и К°, возбуждающихъ тупоумное ржанье толпы надъ тѣмъ, что не смѣшно, но до какой кощунственной пошлости были доведены эти quasi — *народныя* увеселенія, показываетъ хотя бы слѣдующая программа вечера: «Фаустъ — *представленіе* въ 6 дѣйствіяхъ Гете, съ музыкой, пѣніемъ и танцами. Полетъ Фауста и Мефистофеля на бочкѣ. Участвуетъ вся труппа полностью. Въ саду 7 дрессированныхъ собакъ...»

Этимъ лѣтомъ мнѣ случалось бывать въ Москвѣ, и въ одинъ изъ вечеровъ я отправился на Срѣтенскій бульваръ; былъ восьмой часъ, и длинный, широкій бульваръ кишѣлъ отдыхающимъ рабочимъ и празднымъ людомъ; дорожки чернѣли сюртуками, котелками, фуражками; на скамейкахъ, окаймленныхъ по песку бордюромъ изъ подсолнечной ше-

лухи, тѣсно сжавшись, сидѣли безъ разбора — приличный котелокъ и красный околышъ рядомъ съ вертлявой швейкой и вонючими сапогами мастерового, «убогая роскошь наряда» мѣшалась со скромнымъ одѣяніемъ обладательницы низенькаго домишки въ какомъ-нибудь изъ смежныхъ переулковъ; по боковымъ аллеямъ суетливо мелькали пиджаки молодцовъ изъ ближайшаго *ряда*, и чѣмъ дальше смеркалось, тѣмъ чаще доносились изъ этихъ аллей двусмысленныя замѣчанія и смѣшки, чаще попадались навстрѣчу парочки, и въ угарномъ городскомъ воздухѣ становилось все удушливѣе. Я прошелъ до конца бульвара, и передо мной выросъ въ воздухѣ неясный силуэтъ огромнаго, мрачнаго, похожаго издали на тюрьму зданія съ флагомъ на верхушкѣ, съ заборомъ, выкрашеннымъ въ свѣтло-зеленую краску и весело изукрашеннымъ флагами и цвѣтными афишами; изъ-за забора долетали фальшивые звуки военнаго оркестра; то былъ театръ «Скоморохъ», куда заходилъ съ бульвара мѣстный обыватель, разгоряченный лѣтними сумерками, возбуждающимъ снованіемъ и шушуканьемъ толпы, а, можетъ быть, перехваченной гдѣ-нибудь рюмкой водки, котораго начинали бить по нервамъ и звуки музыки, и манящія цвѣтныя афиши, и таинственныя женскія фигуры въ фантастическихъ шляпкахъ, скрывающіяся за веселый заборъ.

За рубль я взялъ билетъ въ 4 ряду и, не платя за входъ въ садъ, переступилъ порогъ народнаго кафе-шантана: небольшая песчаная площадка съ кое-гдѣ торчащими вѣниками, вмѣсто деревьевъ, была усѣяна цѣлой чащей трактирныхъ столиковъ, между которыми слонялись понурые лакеи въ засаленныхъ фракахъ; направо—открытая сценка, на которой ломается и гнуситъ безобразный клоунъ, прямо—буфетъ, налѣво—лотерейный кіоскъ съ продавщицей и грудой свернутыхъ въ колечко билетиковъ, рядомъ—входъ въ закрытый театръ. Я вошелъ въ театръ при концѣ первой пьесы, длиннѣйшее заглавіе которой никакъ не могъ взять въ толкъ, пробѣгая утромъ газету; поэтому меня поразило неожиданностью представшее зрѣлище: на сценѣ находились—чортъ, баба въ русскомъ сарафанѣ, человѣкъ въ бархатномъ испанскомъ плащѣ и еще что-то въ томъ-же стилѣ, все это кричало по балаганному, потомъ всѣ заплясали, потомъ поднялась задняя кулиса, пустили бенгальскій огонь, и получился апоѳеозъ... чего—предоставляю судить читателю. Черезъ полчаса черти переодѣлись въ сюртуки и стали играть ужасную пьесу г. Сумбатова «Цѣпи», непригодную не только для народнаго, но ни для какого театра; героиня надрывалась, а публика зѣвала; публики, впрочемъ, было очень мало, да и ту тянуло изъ театра на *чистый* воздухъ къ буфету и пестрымъ шляпкамъ. Думаю, что въ августѣ и осенью посѣтители были многочисленнѣе, потому что провалившіеся въ преисподнюю «Братья дьявола...» и «Чертовы супруги...» замѣнились болѣе возбудительными заглавіями—«Прекрасная Елена», «Мадамъ Анго», «Фатиница», «Боккачіо» и др., а также чудовищными спектаклями, въ которые наворачивалось заразъ въ одинъ вечеръ по нѣскольку пьесъ или оперъ. Иванъ

Шегловъ приводитъ въ своей книжкѣ, между прочимъ, слѣдующія комбинаціи: «Дочь каторжника», др. въ 5 д., и «Братъ дьявола», оперетта-феерія въ 5 д.—«Разбойники» Шиллера и «Дѣвичій переполохъ» Крылова—«Жизнь за Царя», оп. въ 3 д., вся полностью, и «Цампа», оп. въ 5 д. музыка Герольда и т. д.

Наконецъ, не зная, куда метнуться для поправленія сборовъ, и забывая, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, единственный вѣрный путь улучшеній, лицедѣи «Скомороха» предаются, поистинѣ, какому-то сценическому шабашу и ставятъ «Жизнь за Царя» пополамъ съ «Прекрасной Еленой», Гоголя играютъ пополамъ съ «Боккачіо» *)! Повидимому, нравственное растлѣніе этого учрежденія достигло крайнихъ предѣловъ, такъ что дальше идти рѣшительно некуда. Оно должно умереть или переродиться, но на какомъ изъ двухъ рѣшеній оно остановится, знаетъ пока будущее да, можетъ быть, г. Черепановъ.

---

*) Щегловъ. О народн. театрѣ, стр. 123.

Изъ дневника журналиста.

Францiя. Тюрби.

Только что пришедшiя сюда русскiя газеты принесли извѣстiе о смерти Н. С. Лѣскова, и извѣстiе это поразило меня, хотя при его сердечной болѣзни смерти можно было ожидать. Въ этомъ тучномъ старикѣ съ блестящими, острыми черными глазами таилось столько чисто органической мощи, въ немъ кипѣлъ такой неукротимый темпераментъ, что глядя на него легко было забыть о его болѣзни, о которой приходилось слышать и отъ него самого, и отъ другихъ, и припадокъ которой случился съ нимъ разъ на моихъ глазахъ. Въ послѣднiе годы онъ много думалъ о смерти и хотѣлъ готовиться къ ней, чтобы умереть «достойно». Но вся его душевная организацiя съ неодолимой любовью къ жизни, въ самыхъ яркихъ и жгучихъ ея проявленiяхъ, отвращала его отъ смерти, и приближенiе смерти ужасало его. Меня поразило то обстоятельство, что онъ умеръ тихо, безъ агонiи. Онъ обязанъ этимъ какому нибудь особому теченiю его болѣзни. Тому, кто часто видѣлъ его за послѣднiе годы, невольно приходило въ голову, что онъ долженъ будетъ умереть въ тяжелой агонiи, мучительно и шумно отбиваясь отъ смерти. Таковъ онъ бывалъ въ припадкахъ своей сердечной болѣзни. Дыханiе его стѣснялось и становилось громкимъ, конечности ледянѣли, а онъ неистово гнѣвно звалъ домашнихъ, чтобы они облегчили его страданiя, исполняя данныя на случай припадка приказанiя доктора... Посмертныя распоряженiя его показались мнѣ необычайно характерными и вполнѣ выражающими этого оригинальнаго человѣка съ его сложными, противорѣчивыми настроенiями послѣднихъ лѣтъ. Тутъ отразились и его сознательныя представленiя о ненормальности современной жизни, о ея глубокомъ противорѣчiи съ христiанскими идеалами, и его любовь ко всему исключительному, изысканному, и искреннее сознанiе своихъ внутреннихъ противорѣчiй, и самолюбивая тревога о томъ, что другiе также понимаютъ и осуждаютъ его несовершенства. Просьба о томъ, чтобы тѣло его непремѣнно вскрыли и изслѣдовали причину его болѣзни звучитъ какой-то мрачной

причудой. Въ просьбѣ «погребсти» его какъ можно проще, уклоняясь отъ общепринятыхъ обычаевъ чувствуется одновременно и духъ раціонализма, духъ убѣжденнаго сектанства и забота о томъ, чтобы послѣдній торжественный обрядъ былъ справленъ по немъ такъ, какъ этого хочетъ его своеобразная душа. Наконецъ—это завѣщаніе—не говорить рѣчей на его могилѣ — отголосокъ его презрѣнія къ плоскимъ, безсильнымъ и часто по существу комичнымъ словоизліяніямъ, которыми не рѣдко сопровождаются у насъ торжественныя похороны,—и въ заключеніе—просьба поставить на его могилѣ простой деревянный «крестъ», который — онъ надѣется въ душѣ, онъ страстно хочетъ этого — будетъ возобновляться его читателями и почитателями...

Оригинальный, капризный, мятежный человѣкъ, оригинальный, причудливый, мощный и сочный талантъ. Среди нѣсколько безсильной современности, томящейся въ рожденіи новыхъ идеаловъ, онъ жилъ своею обособленною жизнью, полный бушующихъ, тяжелыхъ страстей, не переставая искать какой нибудь мирной пристани для своей души, для своего безпокойнаго, придирчиваго и сильнаго разума.

Онъ жилъ много лѣтъ въ одной и той-же квартирѣ, на Фурштадской, въ первомъ этажѣ невысокаго домика. Входная дверь изъ подъ воротъ открывалась прямо въ маленькую, темную переднюю, гдѣ посѣтителю бросались въ глаза на вѣшалкѣ своеобразныя верхнія одѣянія—тулупы и шубы хозяина, а въ углу коллекція разнообразнѣйшихъ, но крѣпкихъ и толстыхъ палокъ. Изъ передней посѣтитель входилъ въ кабинетъ писателя и заставалъ его обыкновенно полулежащимъ на широкомъ диванѣ или въ большомъ креслѣ съ подставленнымъ къ ногамъ стуломъ. Его домашній костюмъ—какая-то особая длинная кофта или коротенькій халатикъ изъ свѣтлой полосатой бумазеи или какой-нибудь другой неожиданной въ данномъ употребленіи матеріи на минуту стѣсняли его при первомъ знакомствѣ. Онъ извинялся, хотя какъ-то наскоро, обдергивался, но сейчасъ-же забывалъ объ этомъ, протягивая руки посѣтителю и всматривался въ него блестящими любопытными глазами. Онъ очень любилъ новыхъ людей, оживлялся при новыхъ знакомствахъ, дѣлался очень разговорчивъ и, быстро переходя съ предмета на предметъ, затрогивая разныя, крупныя и мелкія событія дня — политическія или литературныя—высказывался съ увлеченіемъ—то гнѣвнымъ, то насмѣшливымъ, то раздраженнымъ, или, попавъ на подходящую тему, давалъ цѣлый жизненный разсказъ, полный тѣхъ-же мудреныхъ и оригинальныхъ словечекъ и оборотовъ рѣчи, которыми были полны его печатныя произведенія, но которые въ живомъ устномъ изложеніи — горѣли яркимъ блескомъ самоцвѣтныхъ камней. Онъ могъ проговорить такъ цѣлый вечеръ. Многочисленные, старинные часы, которыми была уставлена и увѣшана его комната, перекликались каждыя четверть часа, то нѣжнымъ звономъ колокольчиковъ, то короткимъ старинныемъ музыкальнымъ напѣвомъ. Безчисленные портреты, картины въ снимкахъ и оригиналахъ,

огромный, длинный и узкій образъ Божьей Матери, висящій посреди стѣны съ качающейся передъ нимъ на цѣпяхъ цвѣтною лампадою—все это пестрѣло передъ глазами со всѣхъ сторонъ, раздражая и настраивая фантазію. Красивыя женскія лица, нѣжныя и томныя, а рядомъ съ ними стариннаго письма образъ или картина на деревѣ — голова Христа на крестѣ въ нѣсколько сухомъ стилѣ Альбрехта Дюрера. Гравюры съ картинъ французскихъ романтиковъ и между ними фотографія съ суровой и рѣзкой картины Ге—«Что есть истина». На столахъ множество разновидныхъ лампъ, масса бездѣлушекъ, оригинальные или старинные рѣзаки, вложенные въ наиболѣе читаемыя и перечитываемыя книги, послѣднія сочиненія гр. Л. Толстого, «Жизнь Христа» Ренана. Отдѣльно, въ маленькомъ футлярѣ, простое, все испещренное отмѣтками и замѣтками Евангеліе. Тутъ-же, недалеко — небольшой, но массивный и красиво сдѣланный, высеребренный якорь, служащій прессомъ для бумагъ

— Вотъ этотъ якорь,—говоритъ хозяинъ, показывая его гостю,—сдѣланъ былъ для чего-то на царскую яхту, два ихъ было. Матросъ укралъ, ходилъ по берегу въ Гунгербургѣ и продавалъ. Я и купилъ...

Онъ смѣется, и тучное тѣло его трясется отъ этого смѣха. Потомъ онъ встаетъ и выходитъ въ сосѣднюю комнату, долго шуршитъ и возится, зоветъ дѣвушку или свою воспитанницу, вмѣстѣ ищутъ чего-то. Потомъ онъ приходитъ, вынося коробку съ мармеладомъ и финиками и замысловатой формы бутылочку съ наливкой или какимъ-то особеннымъ греческимъ виномъ и усердно угощаетъ гостя, усаживаетъ его ловчѣе на диванѣ, закладывая за спину диванныя подушки. Горничная приноситъ чай на подносѣ и ставитъ на небольшую, раздвижную подставку. Хозяинъ придвигаетъ къ себѣ свою особенную, большую чашку, и опять заговариваетъ, быстро переходя съ предмета на предметъ, хмурясь или усмѣхаясь, гнѣваясь на послѣдній злой и грубый фельетонъ большой газеты или размышляя вслухъ, по первому попавшемуся поводу, о смыслѣ жизни, о добрѣ и злѣ, о загадочности приближающагося таинства смерти, и тутъ-же сходя на вопросъ о разныхъ способахъ погребенія, о погребальныхъ обрядахъ въ разныя времена, о различныхъ религіозныхъ общинахъ и сектахъ.

Некрологи большихъ петербургскихъ газетъ, говоря о его міровоззрѣніи и жизненныхъ понятіяхъ, подчеркнули, что онъ не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ, но при этомъ его изобразили, по незнанію или непониманію его, какъ человѣка индифферентнаго къ вопросамъ политическимъ или примиряющимся съ тѣмъ, съ чѣмъ борются русскіе либералы. По самой натурѣ своей, полной гнѣва и страстей, по складу своего критикующаго, злого и сильнаго ума, по духу самобытности и сектантской обособленности, онъ не мирился, можно сказать, никогда и ни съ чѣмъ. Онъ не мирился ни съ чѣмъ существующимъ, онъ во всемъ усматривалъ человѣческую глупость или подлость и, высмѣивая глупость, тяжко роптал противъ подлости, волнуясь, задыхаясь и переби-

вая свои гнѣвныя рѣчи часто повторяющимся у него восклицаніемъ: «о Господи! о Господи!», въ которомъ слышался вздохъ мятежнаго сердца. Онъ никогда не зналъ душевнаго или умственнаго успокоенія. Онъ громилъ старое, отживающее и высмѣивалъ новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя къ недостаткамъ, свойственнымъ періоду броженія. Въ своей молодости онъ бросилъ рѣзкій и злой вызовъ своему поколѣнію, грубо передразнилъ ужимки нигилистки, съ злобнымъ недовѣріемъ изобразилъ нигилиста и, нарисовавъ своей яркой и могучей кистью нѣсколько симпатичныхъ женскихъ фигуръ изъ того-же поколѣнія и круга, безпомощно мятущихся среди разгрома старыхъ устоевъ, послалъ на всѣ четыре стороны, невѣдомо какимъ земнымъ или неземнымъ силамъ, свое мрачное проклятіе. Все недодѣланное, ломанное, болѣзненное, переходное встрѣчало его безпощадное осужденіе. Ему импонировали только простые, мощные характеры, цѣльныя натуры людей изъ народа, и съ грознымъ вдохновеніемъ онъ нарисовалъ нѣсколько такихъ почвенно-русскихъ типовъ, необычайно прекрасныхъ по силѣ, оригинальности и правдивости. Онъ такъ хорошо зналъ и изображалъ бытъ русскаго духовенства, что невольно приходило въ голову, что онъ самъ вышелъ изъ этой среды, и что въ этомъ именно кроется объясненіе многихъ его особенностей, его причудливаго, нѣсколько на старинный ладъ, языка, его интереса къ религіознымъ и даже богословскимъ вопросамъ, атрибутамъ церковнаго благочестія. Но его натура не обусловливалась средою, была сильнѣе того, что называется жизненными обстоятельствами, это исключительная среди нашей интеллигенціи натура, въ крови которой была, какъ-будто, капля крови Ивана IV, мятежнаго деспота съ порывами къ самоусовершенствованію, со склонностью къ святошеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ со способностью терзаться угрызеніями совѣсти и смиряться въ религіозномъ экстазѣ. Вся его обстановка, его языкъ, все, что составляло его жизнь было пестро, фантастично, неожиданно и цѣльно въ самомъ себѣ, какъ единственный въ своемъ родѣ храмъ Василія Блаженнаго. На всемъ лежала печать чего-то стариннаго и церковнаго. Во всемъ, что касалось церкви, онъ былъ рѣдкій и исключительный знатокъ. Въ періодъ самаго крайняго матеріализма, его влекли вопросы религіи. Но раціоналистъ по духу своему и злой скептикъ по отношенію ко всему, къ чему онъ приближался, онъ не могъ примкнуть ни къ одной группѣ людей, объединенной какими-либо опредѣленными догматами. Не будучи теоретическимъ мыслителемъ, онъ не умѣлъ создать себѣ вполнѣ самостоятельнаго религіознаго міросозерцанія, и побуждаемый своими высшими инстинктами, онъ искалъ, находилъ, критиковалъ и уходилъ искать лучшаго. Съ наблюдательностью крупнаго художника присматриваясь ко всѣмъ особенностямъ людей, съ которыми временно соединяли его вѣрованія, онъ все отмѣчалъ, запоминалъ, накоплялъ въ своей душѣ кладези рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ знаній, которые остались почти неиспользованными въ его литературной дѣятельности. Въ послѣдній періодъ

его жизни духъ его нашелъ глубокую отраду въ религіозно-философскомъ ученіи Льва Толстого. Здѣсь нашли себѣ удовлетвореніе и примирились религіозныя и раціоналистическія его стремленія. Онъ откровенно назвалъ себя адептомъ Толстого и хотѣлъ смиренно склонить голову передъ геніемъ великаго писателя. Въ вопросахъ общественной морали онъ постоянно, настойчиво и съ какою-то особенною, во всемъ присущею ему запальчивостью провозглашалъ себя его единомышленникомъ. Онъ хотѣлъ-было подчиниться его предписаніямъ и въ дѣлѣ личной нравственности, онъ хотѣлъ быть вегетаріанцемъ, онъ часто говорилъ о необходимости сузить наши личныя потребности, отдать неимущимъ излишки, употребляемые нами на угожденіе нашимъ капризамъ. Но его бурный, властный темпераментъ и тутъ начиналъ роптать, и безпокойный умъ подсказывалъ рѣзкія возраженія. Уничтожить бракъ, уничтожить страстную и грѣшную любовь—ему казалось это посягательствомъ на самую жизнь, которую онъ любилъ всѣмъ своимъ существомъ. И онъ роптал и за-глаза спорилъ вслухъ съ тѣмъ, кого называлъ своимъ учителемъ.

— *Онъ* хочетъ, и сынъ его, и толстовцы, и другіе, — говорилъ онъ одинъ разъ, — *онъ* хочетъ того, что выше человѣческой натуры, что невозможно, невозможно, потому что таково естество наше... Я знаю самъ... Всю жизнь свою я былъ ангеломъ. Я творилъ такое, что... никто не знаетъ этого. И теперь—я старикъ, я больной, и все-таки—такое во мнѣ кипитъ, что я и самъ сказать не умѣю, какъ и что. Сны мнѣ снятся—сны страшные, которыхъ нельзя словами описать. И кто знаетъ, что это? и зачѣмъ, почему и откуда? Назвать-ли это чувственностью? Но вѣдь я самъ не знаю, зачѣмъ она мнѣ! Ничего мнѣ не надо, ничего я разумомъ своимъ не хочу,—ищу покоя души своей, а что-то мутитъ и мучитъ меня...

И онъ замолкъ, прислушиваясь къ нѣжно-звенящему бою часовъ, на который другіе часы откликнулись короткимъ музыкальнымъ напѣвомъ. Это было мѣсяца за три до его смерти.

Не часто являются между нами такіе оригинальные таланты. Наши поколѣнія даютъ совсѣмъ другіе типы. Развѣ только приблизится столь желанная эпоха всеобщаго обученія, и народъ вышлетъ свои лучшія свѣжія силы на помощь нашей обезсиленной обстоятельствами, нѣсколько безкровной интеллигенціи.

Л. Г.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

«Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи», Е. Лихачевой. кн. III, 1828—1856 гг. Первая книга почтеннаго труда Е. Лихачевой, извѣстной своей дѣятельностью по высшему женскому образованію, вышла въ 1890 г. и обнимала время до 1796 г.; въ 1893 г. явилась вторая, а теперь третья часть, и этой третьей книгою закончена исторія «дореформеннаго женскаго образованія», сосредоточивавшагося у насъ почти исключительно въ институтахъ. Авторъ имѣлъ доступъ къ неизданнымъ матеріаламъ, заключающимся въ архивахъ канцеляріи совѣта «Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ», IV отдѣленія Собственной канцеляріи, министерства народнаго просвѣщенія и синода. Но сверхъ того г-жа Лихачева широко пользовалась для своего труда литературами русскою и иностранною, мемуарами и частной корреспонденціей.

Представляя по офиціальнымъ даннымъ систематическій обзоръ развитія институтовъ и другихъ женскихъ училищъ, авторъ сопровождаетъ этотъ разсказъ характеристиками разныхъ періодовъ, дѣятелей и умственныхъ теченій. Такъ, первыя пять главъ первой книги (тома) представляютъ очень живо написанные очерки положенія женскаго образованія въ Руси до-петровской, а затѣмъ—до основанія Смольнаго института Екатериною II, взглядовъ на женское образованіе во Франціи въ XVIII в. и учрежденія сен-сирской школы, которая послужила образцомъ для перваго нашего института; наконецъ, отношеній русскаго общества въ половинѣ того-же вѣка къ вопросамъ воспитанія и образованія вообще. Послѣ описанія устройства Смольнаго института при Екатеринѣ, съ весьма интересными подробностями взглядовъ императрицы и личнаго ея отношенія къ дѣламъ института, въ послѣднихъ двухъ главахъ той-же книги находятся очерки отзывовъ тогдашнихъ литературы и общества къ институту и институткамъ, и также учрежденія при Ека-

терииѣ женскихъ школъ въ губерніяхъ. Вторая книга обнимаетъ исторію институтовъ и основаніе нѣкоторыхъ другихъ училищъ въ періодъ 1796—1828 гг., въ царствованія Павла I, Александра I и начала царствованія Николая I. Этотъ періодъ объединяется тѣмъ, что въ продолженіе его во главѣ дѣла женскаго образованія стояла императрица Марія Ѳеодоровна. Въ этой книгѣ также отведены двѣ главы отзывамъ современниковъ и свѣдѣніямъ о тогдашнемъ положеніи женскаго образованія вообще.

Третья книга доводитъ разсказъ до 1856 года. Въ самомъ началѣ царствованія Николая I въ 1826 г., послѣ кончины императрицы Елисаветы Алексѣевны, институты поступили подъ покровительство императрицы Александры Ѳеодоровны. Духъ историческаго періода всегда отражается даже и на такихъ учрежденіяхъ, которыя по природѣ своей могли, казалось-бы, оставаться внѣ вліянія преокупацій свойства политическаго. Императрицы Екатерина II, за исключеніемъ послѣднихъ годовъ царствованія, а Марія Ѳеодоровна по самую смерть принимали живое и непосредственное участіе въ дѣлахъ институтовъ, лично разрѣшали возникавшіе вопросы и не создавали особыхъ департаментовъ для управленія институтами. Черезъ два дня послѣ кончины Маріи Ѳеодоровны, заведенія, которыми она управляла и значительная часть которыхъ создались на ея средства и получили обезпеченіе въ завѣщанныхъ ею капиталахъ, были приняты «подъ непосредственное и особое покровительство государя и императрицы». Важнѣйшіе вопросы впервые сталъ рѣшать императоръ, а для завѣдыванія тѣми заведеніями онъ учредилъ IV отдѣленіе собственной канцеляріи. Донесенія институтскихъ совѣтовъ стали поступать не прямо къ императрицѣ, но черезъ IV отдѣленіе, съ докладомъ статсъ-секретаря по дѣламъ этого управленія.

При Екатеринѣ, въ инструкціяхъ и программахъ смольнаго института постоянно упоминалось о «пріятствѣ и учтивомъ обхожденіи», воспитанницы разыгрывали драматическія пьесы и балеты, но все-таки въ основу учрежденія положены были гуманные принципы, забота о созданіи въ Россіи «новаго порожденія людей». Первой директрисой была француженка и въ воспитательницы охотно приглашали француженокъ. При Маріи Ѳеодоровнѣ дано было направленіе болѣе строгое и болѣе практическое, театръ былъ передѣланъ на дортуары, въ воспитательницы назначались преимущественно нѣмки. Послѣ нея, въ концѣ 20-хъ годовъ, въ «положеніи» о патріотическомъ институтѣ цѣль этихъ заведеній была опредѣлена въ образованіи «добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію». Попечитель кіевскаго округа уже указывалъ на необходимость для правительства взять въ свои руки воспитаніе и образованіе женщинъ въ юго-западныхъ губерніяхъ—прямо съ политической цѣлью, такъ какъ «женщины въ западныхъ губерніяхъ питаютъ фанатизмъ молодежи и имѣютъ большую надъ

нею власть». Это писалъ тотъ самый фонъ-Брадке, который потомъ, будучи попечителемъ дерптскаго округа, охранялъ какъ святыню нѣмецкіе порядки и нѣмецкій духъ въ тамошнихъ училищахъ.

На проектѣ о владимірскомъ институтѣ послѣдовала резолюція: «мѣшать купеческихъ дочерей съ дворянскими не нахожу удобнымъ; поэтому и предлагать купечеству участвовать въ семъ дѣлѣ не должно». Въ программахъ и наставленіяхъ разнымъ институтамъ преобладаютъ такія мысли, что хотя общей ихъ цѣлью должно быть приготовленіе «хорошихъ женъ и полезныхъ матерей», но что «пути къ ней ведущіе должны быть различны, смотря по мѣсту, которое дѣвица готовится занять въ обществѣ». Въ одинъ институтъ принимались только дѣвицы, которыхъ отцы состояли въ чинахъ не ниже полковника или статскаго совѣтника или коихъ роды занесены въ V или VI родословныя книги; въ другой—не ниже маіора или надворнаго совѣтника; въ иные—дочери оберъ-офицерскія. При такомъ подраздѣленіи, чинамъ отцовъ придавалось еще большее значеніе, чѣмъ дворянскому происхожденію, такъ-что напримѣръ дочь выслужившагося изъ солдатъ полковника могла быть принята въ смольный, но дочь богатаго помѣщика, если его родъ не былъ занесенъ въ VI книгу, а тѣмъ болѣе дочь купца хотя-бы 1 гильдіи не допускались въ то заведеніе, такъ какъ въ немъ самый курсъ былъ разсчитанъ сообразно тому «мѣсту, которое дѣвица займетъ въ обществѣ». Поэтому дочь коллежскаго совѣтника должна была проходить въ екатерининскомъ институтѣ курсъ менѣе изящный, чѣмъ тотъ, какимъ пользовалась въ смольномъ напримѣръ дочь капитана 1-го ранга.

Большинство поправокъ на проектахъ объ учрежденіи разныхъ институтовъ въ то время обусловливались именно различеніемъ между чинами: не ниже такого-то чина принимать дочерей оберъ-офицерскихъ или только штабъ-офицерскихъ и т. п. Но самое число институтовъ росло. Въ провинціи они учреждались на средства первоначально собранныя мѣстнымъ дворянствомъ; казна съ своей стороны предоставляла домъ (напр. въ Бѣлостокѣ—дворецъ, бывшій Замойскихъ), землю и денежныя пособія на содержаніе извѣстнаго числа казенныхъ пансіонерокъ. Въ періодъ 1828—1855 гг. были вновь открыты 24 женскія учебныя заведенія преимущественно въ провинціи. Три института въ западныхъ губерніяхъ и одинъ въ Тифлисѣ были основаны безъ содѣйствія дворянства, первые—отчасти на эдукаціонный фундушъ и перешедшіе въ казну капиталы упраздненныхъ католическихъ монастырей.

Въ духѣ того времени было и «поднятіе значенья» начальницъ. Въ 1850 г. черниговскій, харьковскій и полтавскій генералъ-губернаторъ Кокошкинъ сдѣлалъ запросъ по случаю высылки начальницею полтавскаго института одной воспитанницы къ родителямъ безъ представленія о томъ мѣстному совѣту. Совѣтъ отвѣчалъ, что онъ и не считалъ нужнымъ знать причины, которыя заставили начальницу уволить воспитанницу и что «въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ руковод-

ствуется чувствомъ глубокаго уваженія и неограниченнаго довѣрія къ начальницѣ, какъ къ особѣ избранной по высочайшему довѣрію». И при другихъ столкновеніяхъ «дѣло кончалось, въ большинствѣ случаевъ, въ пользу начальницъ». Тотъ-же генералъ-губернаторъ Кокошкинъ не допустилъ до разсмотрѣнія совѣта записку губернскаго предводителя дворянства «о ходившихъ въ городѣ слухахъ будто-бы начальница харьковскаго института велитъ сѣчь даже взрослыхъ воспитанницъ рукою служанокъ» и велитъ будить дѣвицъ для того, чтобы онѣ при гостяхъ танцовали. Мѣрами наказанія въ институтахъ служили: лишеніе шнурковъ, недозволеніе причесать волосы одинаково со всѣми воспитанницами, надѣваніе стараго платья, снятіе передника, стояніе за «чернымъ» столомъ при обѣдѣ или ужинѣ, наконецъ розги, которыя до 50 годовъ употреблялись во всѣхъ институтахъ, даже въ Смольномъ, хотя, по «положенію» о маріинскомъ институтѣ—только въ «чрезвычайныхъ случаяхъ» и для воспитанницъ не старше 12 лѣтъ. Но авторъ разсказываетъ такой случай, бывшій въ Смольномъ, что одной воспитанницѣ, за пустую провинность, классная дама велѣла явиться въ свою комнату въ то самое утро, когда воспитанницы шли причащаться и собственноручно «съ яростью высѣкла ее». «Апеллировать на классныхъ дамъ инспектрисѣ, а тѣмъ болѣе начальницѣ, которая всегда представлялась воспитанницамъ недосягаемымъ существомъ, имъ и въ мысль не приходило.... Онѣ чувствовали лишь, что надъ ними всюду и со всѣхъ сторонъ стоитъ грозное, солидарное между собою начальство, готовое карать ихъ каждую минуту и отъ котораго имъ скрыться некуда». Изъ воспоминаній объ институтской жизни двухъ авторовъ г-жа Лихачева приводитъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «у насъ всегда былъ какъ-бы вооруженный міръ — натянутость, неискренность, затаенная вражда между воспитанницами и классными дамами»... «Вѣчный страхъ отъ одного тона и физіономіи нѣкоторыхъ классныхъ дамъ, ихъ олимпійская недоступность, нежеланіе сблизиться съ воспитанницами убивали въ зародышѣ желаніе пошалить.... Насъ доходили тишиною»... «Чинность, безгласіе, наружная добропорядочность и повиновеніе во что-бы-то ни стало».... «Солгать, обмануть намъ ровно ничего не стоило».

То время было проникнуто духомъ дисциплины и духъ этотъ постоянно усиливался по мѣрѣ приближенія къ 50 годамъ. Членомъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній былъ назначенъ начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній Ростовцовъ. Его «наставленіе» для преподаванія въ кадетскихъ корпусахъ было утверждено въ 1848 г. Съ разрѣшенія императора Николая I, принцъ Ольденбургскій воспользовался этимъ наставленіемъ для такой-же высшей инструкціи по преподаванію въ институтахъ дѣвицъ. Изъ наставленія Ростовцова было взято туда, между прочимъ, и слѣдующее указаніе: «ложный блескъ, въ которомъ представлялись древнія республики, римская и греческая (?), долженъ замѣниться точнымъ объясненіемъ положенія сихъ государствъ,

со всѣми ихъ неустройствами и несовершенствами, и поясненіями того, что исторія именно служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости монархическаго правленія» и т. д.—какъ будто умѣстно было придавать какой-либо политическій характеръ преподаванію исторіи 10—16 лѣтнимъ дѣвушкамъ.

Въ одномъ только всѣ три періода исторіи самыхъ институтовъ представлялись вполнѣ одинаковыми, а именно: «о пищѣ, какую давали въ институтахъ, всѣ писавшіе о нихъ единогласно отзываются какъ объ отвратительной». Въ столичныхъ институтахъ на столъ отпускалось 13—14 коп. сер. въ день на воспитанницу, въ провинціальныхъ 12 и даже 10 коп. Императоръ однажды посѣтивъ одно женское учебное заведеніе, въ 1853 году, остался недоволенъ обѣдомъ, приказалъ Ростовцову показать одному члену главнаго совѣта, «какъ кормятъ кадетъ». На кадетъ также отпускалось по 13 коп. въ день. Но дѣло было въ томъ, что въ институтахъ, такъ и въ корпусахъ, экономы наживали состоянія. Это былъ періодъ наибольшаго развитія не только дисциплины, но и лихоимства. Вотъ почему и прибавка 2 коп. на улучшеніе пищи въ институтахъ не помѣшала тому, что въ 1854 году съ 1 января по 16 апрѣля, въ институтахъ переболѣли $^7/_9$ всего числа воспитанницъ и присланные императрицей извѣстные врачи Здекауэръ, Арендтъ, Шпереръ приписали это прямо—«неудовлетворительности пищи и большому числу постныхъ дней», которыхъ совокупность составляла $4^1/_2$ мѣсяцевъ въ году.

Сочиненіе г-жи Лихачевой пока доведено до учрежденія женскихъ гимназій. Около половины той книги, которая вышла теперь, посвящена обзору другихъ женскихъ училищъ того, дореформеннаго времени, кромѣ институтовъ. Таковы были училища епархіальныя, училища при церквахъ иныхъ исповѣданій въ Петербургѣ, пріюты, городскія и сельскія приходскія училища. Для основанія женскихъ училищъ епархіальныхъ послужило образцомъ училище устроенное въ Царскомъ Селѣ по иниціативѣ великой княжны Ольги Николаевны, впослѣдствіи королевы виртембергской. Женскія духовныя училища существуютъ теперь во многихъ, если не во всѣхъ епархіяхъ. Но врядъ-ли къ нимъ перешло преданіе о томъ, что мысль о ихъ учрежденіи впервые была предложена нѣмкою — г-жею Шульцъ. Она подала великой княжнѣ записку на французскомъ языкѣ, въ которой излагалось, что многіе сельскіе священники «сокрушаются о своемъ несчастіи имѣть женъ глупыхъ и упрямыхъ, неспособныхъ быть имъ другомъ»; а иные изъ нихъ, не найдя счастья въ домашней жизни, «начинаютъ пить». Записку г-жи Шульцъ великая княжна передала чрезъ статсъ-секретаря Гофмана прокурору св. синода графу Протасову. Протасовъ представилъ императрицѣ докладъ о пользѣ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія и проектъ устройства такого училища въ Царскомъ Селѣ. Оно и было учреждено въ 1843 году, подъ покровительствомъ императрицы и подъ главнымъ попечительствомъ великой княжны,

а начальницею его была назначена г-жа Шульцъ. Черезъ два года уставъ этого училища былъ разосланъ по епархіямъ и къ 1855 году было открыто уже 8 такихъ училищъ. Царскосельское училище въ первое время пользовалось особымъ вниманіемъ и получило значительныя средства. Великая княжна бывала въ немъ лѣтомъ ежедневно, посѣщала его иногда и зимой. Когда былъ готовъ первый выпускъ, то по епархіямъ были сообщены списки выпускаемыхъ въ 1849 году воспитанницъ, съ тѣмъ, чтобы лучшія священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ предоставлялись тѣмъ перворазряднымъ семинаристамъ, которые женятся на воспитанницахъ царскосельскаго училища.

Въ началѣ 1851 года мѣстный благочинный донесъ графу Протасову, что «не осталось ни одной воспитанницы перваго выпуска, которая-бы не была устроена замужествомъ» и что «всѣ благословляютъ Бога и благодарятъ попечительное начальство». Такимъ-же образомъ были выданы и часть воспитанницъ послѣдовавшихъ двухъ выпусковъ; семинаристы, окончившіе курсъ, заявляли о своемъ желаніи жениться на нихъ, не видавъ ихъ. Наконецъ, становилось уже затруднительнымъ пристроивать тѣмъ-же путемъ всѣхъ воспитанницъ и разрѣшено было принимать въ царскосельское училище дочерей священниковъ и дьяконовъ изъ другихъ епархій, для того, чтобы, по тогдашнему обычаю, приходы по смерти священниковъ могли быть передаваемы зятьямъ ихъ, то есть мужьямъ ихъ дочерей. Распоряженіе о предоставленіи лучшихъ приходовъ—кандидатамъ на должности, женившимся на воспитанницахъ царскосельскаго училища—нарушало этотъ давнишній обычай, который былъ отмѣненъ только въ 1866 г. и то лишь формально.

Кромѣ институтовъ, нѣсколькихъ епархіальныхъ училищъ и трехъ при иновѣрческихъ церквахъ въ Петербургѣ, да частныхъ пансіоновъ, не существовало женскихъ учебныхъ заведеній для средняго образованія до конца царствованія императора Николая I. Въ 1846 г. попечитель петербургскаго округа Мусинъ-Пушкинъ «по совѣту людей опытныхъ и свѣдущихъ въ дѣлѣ воспитанія» представилъ министру графу Уварову проектъ учрежденія «высшаго» училища для дѣвицъ, исключительно для приходящихъ, съ допущеніемъ въ него и дочерей купцовъ 1 гильдіи. По программѣ, это «высшее» училище скорѣе приближалось къ гимназіямъ, которыя возникли при слѣдующемъ царствованіи, съ тѣмъ однако различіемъ, что нѣкоторые предметы предполагалось преподавать на иностранныхъ языкахъ. Но министръ не нашелъ возможнымъ ходатайствовать о средствахъ для учрежденія такого училища. Къ 1856 году въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, на всемъ пространствѣ имперіи, Царства польскаго и Финляндіи, учащихся женскаго пола числилось 51,632, включая и ученицъ сельскихъ школъ.

Интересна послѣдняя глава, въ которой приведены взгляды тогдашняго общества на женское образованіе и отношеніе къ вопросу о немъ русскихъ писательницъ того времени, при чемъ представлена краткая

характеристика послѣднихъ. Даже въ тѣхъ произведеніяхъ ихъ, которыя выходили въ послѣдніе годы передъ крымской войною, проявлялось еще крайне несмѣлое отношеніе къ положенію женщинъ. И такая талантливая писательница, какъ Хвощинская (Крестовскій, псевдонимъ), по отзыву автора, «рисуя своихъ одинокихъ, заброшенныхъ героинь, не задавалась вопросомъ о причинахъ ихъ печальнаго положенія и не искала для нихъ выхода изъ него... Она была умна, чутка и по развитію все-таки стояла выше всѣхъ своихъ предшественницъ въ литературѣ; тѣмъ не менѣе она не выдѣлялась изъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, до 60-хъ годовъ, по своимъ взглядамъ и стремленіямъ въ общемъ для всѣхъ женщинъ дѣлѣ». Необходимъ былъ толчокъ, чтобы пробудилось сознаніе. «Наканунѣ дня—говоритъ авторъ—когда въ ряду другихъ движеній, однимъ изъ первыхъ охватило русское общество движеніе въ пользу измѣненія системы и улучшенія женскаго образованія и воспитанія, сами женщины не только не обнаруживали никакихъ къ этому стремленій, а даже оставались повидимому равнодушными къ такому движенію. Но, застигнутыя врасплохъ, онѣ однако сразу примкнули къ нему и стали горячо высказываться за необходимость реформъ въ этомъ дѣлѣ; это показываетъ, что среди нихъ были элементы, по тѣмъ или другимъ причинамъ не обнаруживавшіеся ранѣе наступленія болѣе благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ».

Какъ и въ первыхъ двухъ частяхъ, въ третьей книгѣ своего труда г-жа Лихачева не ограничивается изложеніемъ хода развитія у насъ женскаго образованія по документамъ, но сопровождаетъ это изложеніе показаніями современниковъ и живыми литературными характеристиками. Намъ остается только пожелать дальнѣйшаго успѣха ея добросовѣстной и талантливой работѣ.

Б. Библіографія.

I. КНИГИ ДЛЯ НАРОДА И ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Наташино хозяйство. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. *А. Коваленской.* Съ рисунками. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. М. 1894. Ц. 30 к. Стр. 58.

Преоригинальное было хозяйство у этой Наташи! Посадила куклу на яйца и ждетъ, когда изъ нихъ цыплята выйдутъ... Экая-же, право, глупышка!

Преоригинальные замѣчаются у насъ пріемы воспитанія! Посадятъ дѣтей къ столу и читаютъ имъ глупости и воображаютъ, будто ихъ просвѣщаютъ... Экое-же, право, калѣченье!

Илюша-горбунчикъ. Разсказъ для дѣтей. *В. Куликовой.* Съ рисунками. Изданіе книгопродавца А. Д Ступина. М. Цѣна 30 к. Стр. 46.

Изображаются безжалостные мальчуганы-барчата, продѣлывающіе всевозможныя мерзости надъ несчастнымъ, беззащитнымъ горбуномъ (напр., бьютъ его хлыстомъ по горбу). А горбунъ ничего—только облизывается и, чтобы показать имъ свое незлобіе, приноситъ имъ изъ лѣсу земляники и цвѣточковъ. Тогда имъ болѣе ничего не остается, какъ переродиться духовно и сдѣлаться «добрыми» мальчиками. О, добрые мальчики, которые мучатъ калѣку! сколь вы назидательны!

Шалуны и шалуньи. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній для дѣтей. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. М. Цѣна 1 руб. Стр. 140.

Не разберешь, какую цѣль имѣетъ эта книжка,—предостеречь-ли дѣтей отъ шалостей, показать, какъ онѣ бываютъ иногдъ опасны и вредны, или-же, наоборотъ, развернуть предъ ними всевозможныя продѣлки шалуновъ и приспособить дѣтей къ этимъ продѣлкамъ. Какъ-бы то ни было, но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ книга дѣтямъ не пригодна: въ первомъ случаѣ ихъ ничему путному не научатъ эти бездарныя вирши (напр.):

Начитавшись разныхъ лекцій,
Съ барабаномъ для растеній
И съ коробкой для коллекцій
Въ лѣсъ отправился Евгеній;

во второмъ случаѣ книжка, пожалуй, научитъ дѣтей разнымъ глупымъ и злымъ шуткамъ. И то и другое скверно.

И. А. Крыловъ и его басни. Составилъ *Аркадій Сосницкій.* Съ рисунками. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. М. Цѣна 10 к.

Указываемъ на эту изящно-изданную книжечку, какъ на одну изъ лучшихъ книжекъ для дѣтей о Крыловѣ. Біографическій очеркъ составленъ умно, разсказанъ живо, приправленъ баснями умѣло, съ толковыми примѣчаніями и поясненіями.

И. Селивановскій. Сельско-хозяйственные разсказы. **I. Антонъ огуречникъ. II. Ловкій косарь. III. Догадливый пахарь IV. Зола—хорошее удобреніе** Москва, 2-е изданіе, книжнаго магазина К. И. Тихомирова. 1895 г. Цѣна 8 коп.

р Авторъ задался цѣлью познакомить читателей въ формѣ разсказа про одного отттавного солдата, въ І-й части, съ культусой и уходомъ за нѣкоторыми овощами и ргурцовъ въ особенности. Во второмъ оазсказѣ въ такой же формѣ излагается про пользу косьбы хлѣбовъ. Въ третьемъ разсказѣ говорится про устройство катка и его употребленіе въ полеводствѣ. Въ 4-мъ—про выгоду удобрять золой древесной поля, засѣянныя льномъ, овсомъ и картофелемъ. Разсказы удачные, хотя есть кой какія шероховатости.

Воспитаніе Петра Великаго. *В. Н. Ястребова.* Изд. Кирилло-Меѳодіевскаго книжнаго склада при Одес. Славян. Обществѣ. Одесса 1894.

На 32 страницахъ разсказано кое-что о первыхъ 22 годахъ жизни царя Петра I. Изъ этой книжки узнаемъ, что «царевичъ» Петръ пировалъ въ нѣмецкой слободѣ дня по три сряду; а такъ какъ царемъ Петръ I былъ уже десяти лѣтъ, то и выходитъ... что-то странное. Дальше узнаемъ, что братъ Петра I, царь Іоаннъ, по слабости здоровья, отказался отъ престола. Вообще, авторъ любитъ давать волю своей фантазіи; не даромъ въ его «сочиненіи» разбросано много описаній, сдѣланныхъ съ претензіями на художественность. Жаль только, что творчество измѣнило автору въ главномъ: образъ Петра оказался намалеваннымъ слишкомъ грубо. И для дѣтей, и для народа эта книжка совсѣмъ не полезна, хоть и вышла 2-мъ изданіемъ.

Книжка для простого народа. О сохраненіи здоровья. Составилъ д-ръ *С. М. Вишневскій.* Изд. 3-е. исправл. Цѣна 35 к.

Брошюра предназначена не только для крестьянъ, но и для всѣхъ лицъ, не получившихъ образованія, и изложена языкомъ, вполнѣ доступнымъ для простого народа. Авторъ относится къ нему съ большимъ сочувствіемъ, постоянно доказывая, что для сохраненія здоровья не надо быть богатымъ, а достаточно лишь разумно относиться ко всѣмъ своимъ поступкамъ, что богатые заболѣваютъ нѣкоторыми болѣзнями чаще бѣдныхъ, потому что слишкомъ мало работаютъ и слишкомъ много ѣдятъ и т. п.

Брошюра обнимаетъ всѣ главные вопросы гигіены, а также содержитъ указанія на первую помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача: эта послѣдняя глава изложена очень тактично, и въ ней нѣтъ ни одного такого свѣдѣнія, которое могло-бы принести вредъ въ неумѣлыхъ рукахъ; это большое достоинство, рѣдко встрѣчающееся въ популярныхъ книжкахъ.

Укажемъ на нѣсколько недостатковъ, впрочемъ несущественныхъ. На стр. 28 совѣтуется дезинфекція парами сѣры или хлора; между тѣмъ, этотъ способъ мало дѣйствителенъ, какъ признаетъ и самъ авторъ на стр. 175: къ чему-же его совѣтовать? На стр. 34 говорится, что прививка оспы защищаетъ отъ заразы на всю жизнь; между тѣмъ необходимость повторныхъ прививокъ находится теперь внѣ сомнѣнія, и пора пріучать къ этой мысли и простой народъ. На стр. 152 сказано: «Женщинамъ не надо вскорѣ послѣ бани выходить въ холодное время на дворъ съ непокрытой головой—отъ этого у нихъ часто бываютъ головныя боли». Отчего это только женщинамъ, а не мужчинамъ?

Ограничимся приведенными примѣрами и пожелаемъ прекрасной книжкѣ д-ра Вишневскаго возможно большаго распространенія. Съ этой цѣлью было-бы весьма полезно раздавать ее въ видѣ награды лучшимъ ученикамъ сельскихъ школъ, чтобы черезъ нихъ распространялись въ народѣ правильныя понятія о сохраненіи здоровья.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ. 1893 г. Цѣна 50 к. Москва 1895 г.

Эта книга даетъ приблизительно полную картину народной литературы за 1893 годъ и можетъ быть полезна для лицъ, составляющихъ или пополняющихъ народныя библіотеки и склады. Всего занесено въ списокъ 758 книгъ, и о каждой изъ нихъ данъ краткій отзывъ; картинъ (за послѣдніе 3 года) отмѣчено 884. Книга составлена библіотечною комиссіею Московскаго Ко-

митета Грамотности, которая состоитъ изъ 74 лицъ, раздѣлившихся по спеціальностямъ на 8 группъ. Большая часть книгъ обсуждалась коллективно. Просматривая книгу, мы замѣтили только одну неточность: извѣстное стихотвореніе г. Леонида Трефолева о Касьянѣ имениннникѣ приписано почему то А. Глинкѣ; а между тѣмъ пѣсня эта, не лишенная юмора, хотя и довольно грубаго, весьма популярна.

Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Психологическіе этюды *Р. А. Янтаревой.* Спб. 1895. Цѣна 60 к.

Въ этой книжкѣ мало психологіи, но много за то морали. Автора пугаетъ то печальное обстоятельство, что «пресловутая нервозность» стала намѣчать себѣ жертвы даже среди дѣтей. Съ этимъ недугомъ надо бороться, а для борьбы—расширить запасъ наблюденій и свѣдѣній изъ психологіи ненормальныхъ дѣтей. Для этой цѣли авторъ разсматриваетъ дѣтей, изображенныхъ Достоевскимъ. Оказывается, что дѣти нервны потому, что ихъ родители нервны и дурно ихъ воспитываютъ, но есть и хорошія дѣти,—тѣ, у которыхъ родители хороши. Главное-же зло—раннее развитіе,—противъ него и слѣдуетъ бороться. Результаты изслѣдованій автора—довольно тощіе. Это и понятно: главное вниманіе автора обращено на безпрерывное морализированіе, утомительное и скучное, хотя вполнѣ благонадежное въ педагогическомъ отношеніи,—хорошее хвалится, дурное порицается, извинительное извиняется. Все это изложено очень гладко и плавно, хотя и безъ всякой заботы о выборѣ словъ, съ поразительной легкостью въ мысляхъ и выраженіяхъ. Автору ничего не стоитъ назвать центръ тяжести—загвоздкой (стр. 85), смѣшать атавизмъ съ наслѣдственностью (17), функціональное разстройство—съ органическимъ (15). Впрочемъ, если-бы выбросить изъ книги разсужденія автора, то остались-бы не лишенныя педагогическаго интереса дѣтскія характеристики по Достоевскому; это было-бы по силамъ автора, и этимъ ему слѣдовало-бы ограничиться.

Святочные разсказы Н. И. Познякова. I. Кичливая и счастливая. Сказка Изд. 3-е Цѣна 10 к Спб. 1895 —II. Безъ елки. Изд. 3-е. Цѣна 5 к. Спб. 1895.—III. Мятель. Изд. 3-е. Цѣна 10 к. Спб. 1894.—IV. Св. Николай. По Бретъ-Гарту. Изд. 3-е. Цѣна 10 к. Спб. 1895.—V. Малышъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к. Спб. 1895.—VI. Изъ милаго далека. Цѣна 20 к. Спб. 1892.—VII. Происшествіе. Цѣна 10 к. Спб, 1892.—Лѣсникъ. Разсказъ Н. И. Познякова. Спб 1891. Цѣна 10 к.

Эти восемь книжекъ написаны съ несомнѣнною искренностью и несмотря на нѣкоторую вялость, пробудятъ, безъ сомнѣнія, въ маленькихъ читателяхъ добрыя чувства. Всѣ книжки, кромѣ одной (Изъ милаго далека), посвящены жизни бѣднаго люда, больныхъ или бездомныхъ дѣтей, всѣ проникнуты вѣрою въ спасающую силу любви и потому, при всей несложности и даже грубоватости употребляемыхъ авторомъ пріемовъ, тронутъ сердца тѣхъ, кому еще доступны наивныя и простыя настроенія, возбуждаемыя нехитрыми разсказами о сострадательныхъ и равнодушныхъ людяхъ. Разсказъ Бретъ-Гарта авторъ передалъ бѣлыми стихами, хотя въ подлинникѣ онъ написанъ прозой; разсказъ самъ по себѣ превосходенъ, но стихотворная форма здѣсь совершенно излишня. Кромѣ того, авторъ счелъ нужнымъ смягчить слишкомъ грубыя рѣчи необразованныхъ людей, дѣйствующихъ въ этомъ разсказѣ; едва-ли и въ этомъ была необходимость.

II. Медицина и естествознаніе.

Болѣзни мяса. Составилъ ветеринарный врачъ *Гуринъ.* Москва 1894. Ц. 5 к.

Общедоступная по изложенію и цѣнѣ брошюра г. Гурина посвящена описанію болѣзней, вслѣдствіе которыхъ мясо домашнихъ животныхъ теряетъ свои питательныя свойства или пріобрѣтаетъ болѣзнетворныя. Заглавіе не вполнѣ подходитъ къ содержанію, такъ какъ чахотка, ящуръ, сибирская язва, чума, а также трихины, различные виды глистовъ — все это болѣзни не мяса, а животныхъ, порча-же мяса, происходящая отъ гніенія его, можетъ быть названа болѣзнью лишь съ весьма большой натяжкой.

Въ своей, чисто спеціальной области авторъ достаточно силенъ, но попытки его украсить брошюру разсужденіями общаго характера нельзя назвать удачными. Таково напр. начало брошюры, гдѣ г. Гуринъ говоритъ о пищѣ вообще и дѣлитъ ее на азотистую, получаемую отъ животныхъ, и углеродистую—изъ растеній. Между тѣмъ это раздѣленіе слишкомъ категорично и г. Гуринъ очевидно забылъ, что основное вещество всякаго растенія—бѣлокъ—содержитъ азотъ, какъ необходимую составную часть.

Возраженіе на петицію V съѣзда врачей въ память Пирогова, по вопросу о разрѣшеніи земствамъ учреждать собственныя аптеки. Д-ра *И. А. Митропольскаго.* Москва 1894. Цѣна 50 к.

Оспариваемое г. Митропольскимъ ходатайство IV съѣзда врачей (а не V, какъ ошибочно полагаетъ авторъ) основано на томъ, что существующая у насъ аптечная монополія съ обязательно вызываемой ею дороговизной лѣкарствъ служитъ большой помѣхой для развитія медицинскаго дѣла въ Россіи. Ходатайство это изложено въ весьма спокойныхъ выраженіяхъ, и при чтеніи его ясно, что никакія иныя цѣли, кромѣ блага народнаго, не интересовали его авторовъ. Но зато намъ тѣмъ болѣе непонят-

ны ни цѣль, ни тонъ разбираемой брошюры г. Митропольскаго: съ самаго начала до конца она представляетъ изъ себя цѣлый рядъ изумительно безцеремонныхъ передержекъ, направленныхъ къ тому, чтобы очернить доброе имя врачей и земскихъ дѣятелей, заботящихся о правильной организаціи медицинской помощи.

Г. Митропольскій то увѣряетъ, что аптечное дѣло «мало доходно и даже убыточно» (стр. 4), то вдругъ обрушивается на земство съ обвиненіями въ «вожделѣніи къ чужому пирогу» (стр. 8), въ намѣреніи ограбить аптекарей (отнявъ у нихъ мало доходное или убыточное дѣло?). Далѣе авторъ пытается увѣрить читателей, что изящная обстановка аптекъ «нисколько не вліяетъ на цѣну лѣкарствъ, продаваемыхъ по таксѣ» (стр. 14), но это очевидная ошибка: при правильномъ надзорѣ за аптекой нельзя брать выше таксы по рецептамъ (хотя въ провинціи съ темнаго люда нерѣдко дерутъ баснословныя деньги), но вѣдь у аптекарей остается *вольная* продажа лѣкарствъ, безъ рецептовъ,—отрасль торговли, самое названіе которой показываетъ, что никто не стѣсненъ здѣсь цѣной. И аптекаря въ большинствѣ случаевъ сами тоже ничѣмъ не стѣсняются: оттого и выходитъ, что одна аптека беретъ 35 коп. за то, что въ другой продается за 15 коп. (см. хронику «Врача» 94 г. № 43). Г. Митропольскій увѣряетъ, что дальнѣйшее пониженіе цѣнъ невозможно, но неужели бѣдный людъ не имѣетъ права желать, чтобы съ него всегда брали за лѣкарства хотя-бы ту меньшую цѣну, которую берутъ теперь лишь наиболѣе добросовѣстные аптекаря?

Авторъ не можетъ, конечно, отрицать поразительной бѣдности русскаго народа, онъ даже приводитъ противъ пониженія аптекарской таксы такой курьезный доводъ, что у покупателя нѣтъ средствъ и на дешевый товаръ» (стр. 7). Не доказываетъ-ли наоборотъ это характерное для защитника аптечной монополіи признаніе—настоятельную необходимость существенныхъ перемѣнъ въ организаціи аптечнаго дѣла?

Въ пользу дорогихъ аптекъ у г. Митропольскаго есть еще одинъ доводъ, а именно, что въ нихъ всѣ лѣкарства такъ же хороши, какъ и ихъ обстановка... Но хорошо тому, кто можетъ пользоваться услугами такихъ аптекъ; а что прійдется дѣлать простому народу? Ему гораздо полезнѣе быть обезпеченнымъ дешевыми лѣкарствами изъ проектированныхъ съѣздомъ земскихъ аптекъ, чѣмъ проходить мимо изящныхъ городскихъ аптекъ съ цвѣтными жидкостями на зеркальныхъ окнахъ и не быть въ состояніи пользоваться оттуда лѣкарствами въ виду ихъ непомѣрной дороговизны. Мы думаемъ, что это ясно для всѣхъ, кромѣ г. Митропольскаго, которому интересы монополистовъ аптекарей почему-то кажутся болѣе важными, чѣмъ здоровье всего русскаго народа.

Не будемъ останавливаться на поверхностныхъ, но хлесткихъ отзывахъ г. Митропольскаго о тѣхъ, кто не согласенъ съ его мнѣніями; оставимъ безъ возраженія и конецъ брошюры, гдѣ авторъ позволилъ себѣ на основаніи нѣсколькихъ печальныхъ случаевъ нерадиваго отношенія къ своему дѣлу со стороны отдѣльныхъ врачей—осыпать грязью чуть-ли не всѣхъ врачей, и для того, чтобы еще болѣе оттѣнить ихъ недостойное поведеніе, счелъ своимъ долгомъ возвеличить фармацевтовъ за то, что они будто-бы не пойдутъ въ земскія аптеки, «уважая тѣ, можетъ быть, и маленькія, но дорогія имъ научныя профессіональныя знанія, признаваемыя ими за бисеръ, который не слѣдуетъ бросать зря» (стр. 37) и т. п.

Въ общемъ злобныя и пристрастныя выходки д-ра Митропольскаго не убѣдятъ никого, кто хотя разъ имѣлъ случай серьезно задуматься надъ организаціей медицинской помощи населенію. Жаль, конечно, что нашелся врачъ, способный высказать такія изумительныя мнѣнія, но подорвать земскую медицину они, конечно, не могутъ, а потому намъ жаль исключительно самого г. Митропольскаго.

Эжень Ледо. **Трактатъ о человѣческой физіономіи.** Переводъ съ французскаго И. Д. Городецкаго. Москва 1895.

Выразительность человѣческаго лица уже многихъ соблазняла построить цѣлую науку о распознаваніи по формамъ и выраженіямъ лица характера человѣка и даже его грядущей судьбы. На этомъ пути стоитъ и Э. Ледо. Трактатъ его производитъ впечатлѣніе трактата по хиромантіи или даже по черной магіи. И торжественность языка, и неопредѣленность отдѣльныхъ выраженій, и загадочность словъ—все говоритъ, что вы имѣете дѣло съ какимъ-то фокусникомъ. Любопытно, что Э. Ледо обѣщаетъ «въ будущемъ развить мысли еще болѣе высокія и болѣе богатыя по своимъ результатамъ». Нынѣ-же онъ ограничивается ознакомленіемъ «съ первыми пятью буквами азбуки великой книги Творенія». Эти буквы—кругъ, овалъ, квадратъ, треугольникъ и конусъ, при чемъ кругъ и овалъ оказываются «нравственными», а квадратъ и треугольникъ «интеллектуальными»,—эти пять фигуръ служатъ къ различенію «геометрическихъ типовъ» физіономій. Но затѣмъ имѣются еще «планетные» типы: есть люди «солнцевики», «лунаріи», Сатурны, Меркуріи, Марсы и т. д. Что касается самого автора, то онъ должно быть не столько «лунарій», сколько лунатикъ. И зачѣмъ потребовалось переводить подобную книгу?

Клиническія лекціи проф. *Л. В. Попова.* Вып. I. Спб. 1895. Цѣна 1 р. 25 к.

Достоинство клиническихъ лекцій заключается въ умѣніи профессора излагать пред-

метъ въ живыхъ, яркихъ образахъ, въ способности его переходить отъ разбираемаго частнаго случая къ широкимъ обобщеніямъ, которыя легко усваиваются слушателями именно благодаря типичности представленнаго имъ болѣзненнаго случая. Хорошая клиническая лекція должна быть сжатой и, конечно, болѣе доступной пониманію, чѣмъ спеціальныя теоретическія руководства частной патологіи.

Лекціи проф. Попова названными достоинствами не отличаются. Человѣкъ, очевидно обладающій солидными знаніями, онъ въ значительной степени лишенъ счастливой способности передавать эти знанія другимъ. Возьмемъ хотя-бы только что изданный имъ первый выпускъ «клиническихъ лекцій». Въ немъ 117 страницъ, и весь онъ посвященъ разбору одного сердечно больного. Больной этотъ безусловно представляетъ интересъ для врачей, но вѣдь 117 страницъ большого формата—это тоже чего нибудь стоитъ! Сколько-бы высказалъ новаго, оригинальнаго на такомъ количествѣ бумаги покойный Боткинъ! Замѣститель его, проф. Поповъ, не привелъ почти ни одного оригинальнаго взгляда, мнѣнія, предположенія и вообще ничего такого, чего-бы нельзя было найти въ учебникахъ частной патологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все, что напечатано въ I выпускѣ лекцій, изложено въ самой сбивчивой формѣ, съ безконечными повтореніями и совершенно излишними оговорками. Возьмемъ примѣръ. «Несомнѣнно и важно одно, говоритъ авторъ, что соотношеніе между злоупотребленіемъ чая или кофеи появленіемъ приступовъ стенокардіи установлено многократно, и что злоупотребленіе чаемъ имѣло мѣсто въ значительной степени *въ наше* ъ *случаѣ*, такъ что нельзя отрицать вліянія *даннаго момента въ нашемъ случаѣ*. Нельзя однакожъ не замѣтить, что значеніе *этого момента* не должно быть очень велико *въ нашемъ случаѣ*, такъ какъ, несмотря на полное прекращеніе употребленія чая, приступы стенокардіи продолжались у нашего больного еще долгое время» (стр. 87). Чтобы разобраться въ этой фразѣ, необходимо довольно долгое время, а такія фразы встрѣчаются чуть-ли не на любой страницѣ, и даже по тому-же самому поводу, напр.: «Говоря о результатахъ терапіи *въ нашемъ случаѣ*, мы не сказали ничего о значеніи *въ этомъ отношеніи того обстоятельства*, что больной былъ лишенъ употребленія чаю»... (107). Не будемъ и говорить о такихъ оговоркахъ, какъ: «нерѣдко, хотя (?) не всегда» (4) «нерѣдко, можно сказать обычно» (16), которыми положительно испещрены лекціи г. Попова, и о другихъ перлахъ литературной необработанности, какъ напр. о сокращеніи придаточныхъ предложеній въ дѣепричастіе, когда подлежащія различны (выслушивая, шумъ увеличивается).

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что лекціи его предназначаются главнымъ образомъ для изучающихъ клиническую медицину. Мы увѣрены, что первый выпускъ лекцій въ томъ видѣ, какъ онъ изданъ, не принесетъ этимъ послѣднимъ никакой пользы, и что время, потраченное на усвоеніе трудно понимаемаго матеріала, а также и деньги, могутъ быть употребляемы гораздо цѣлесообразнѣе.

Екатерина Аверкіева. 1) **Практическіе совѣты по огородничеству**. 2) **Краткія указанія о разбивкѣ сада и огорода**. 3) **Орудія и приспособленія для огородныхъ и садовыхъ работъ, и друг.** Изданіе учебнаго магазина «Начальная Школа».

Г-жа Екат. Аверкіева заняла видное положеніе въ народной литературѣ по садоводству и огородничеству и даже въ 1889 году получила премію Грачева отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества за сочиненіе: «Общедоступное практическое руководство къ огородничеству, принаровленное къ средствамъ и хозяйству крестьянъ». Книжка эта издана на средства И. В. Э. Общества и въ 1894 г. выдержала второе изданіе. Если сравнить эти три книжки съ первыми 3-мя главами премированнаго сочиненія, то разницы почти никакой не найдемъ, развѣ только въ отдѣльныхъ изданіяхъ главы сокращены. А между тѣмъ отъ разбивки этихъ главъ въ разныя книжки сочиненіе много теряетъ. Намъ кажется, что было-бы гораздо лучше издать всѣ эти три книжки вмѣстѣ, такъ какъ здѣсь трактуется о выборѣ мѣста, о подготовкѣ почвы, о плодосмѣнѣ, о грядахъ, объ орудіяхъ и приспособленіяхъ для садовыхъ и огородныхъ работъ и т. д. и все въ общихъ словахъ, такъ что это больше введеніе къ работамъ, чѣмъ практическіе совѣты. Такое соединеніе въ одну книжку тѣмъ болѣе необходимо, что одна глава дополняетъ другую, и желающему познакомиться съ предметомъ нужно пріобрѣсти всѣ три книжки. Что касается содержанія, то въ первой книжкѣ трактуется о выборѣ мѣста, почвѣ, подготовкѣ почвы, плодосмѣнѣ, распредѣленіи овощей по участкамъ, объ удобреніи; во 2-ой книжкѣ—о пользѣ грядъ или бороздъ, проращиваніи сѣмянъ, о посѣвѣ, поливкѣ, полкѣ, о раннихъ посѣвахъ въ теплицѣ, объ окучиваніи сѣянцевъ, о количествѣ нужныхъ сѣмянъ на одну площадь. Въ 3-ей книжкѣ говорится объ орудіяхъ для огородныхъ и садовыхъ работъ, о количествѣ необходимыхъ орудій въ небольшомъ хозяйствѣ, о приготовленіи нѣкоторыхъ приспособленій домашнимъ способомъ и т. д. По изложенію и по содержанію книжки безупречны, хотя есть небольшія прорѣхи. Такъ, напримѣръ, въ главѣ объ удобреніяхъ говорится мало о концентрированныхъ тукахъ и совсѣмъ не упоминается о суперфосфатѣ, о чилійской соли и, самое главное, не упоминается

о навозной жижѣ. У насъ въ деревняхъ навозная жижа не сохраняется въ ямахъ, какъ это дѣлается въ Западной Европѣ, а пропадаетъ даромъ, загрязняя улицы и воды въ деревняхъ, а между тѣмъ это одно изъ богатѣйшихъ удобрительныхъ средствъ.» Самъ авторъ совѣтуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разводить въ водѣ навозъ, что равняется навозной жижѣ. Книжки подобнаго содержанія предназначаются для народа и должны распространяться массами, задачаже ихъ—бороться съ предразсудками и невѣжествомъ. Къ одному изъ многихъ предразсудковъ принадлежитъ нежеланіе и неумѣніе пользоваться такимъ универсальнымъ средствомъ, какъ навозная жижа... Въ общемъ книжки изданы очень хорошо и даже изящно и по цѣнѣ сравнительно не дорого.

Куль хлѣба и его похожденія, разсказанныя С. *Максимовымъ*. 4-е иллюстрированное изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. Спб. 1894. Цѣна 1 р. 50 к. Стр. 320.

Книга г. Максимова, хоть и старая, хоть и существующая уже около 30 лѣтъ, никогда однако не можетъ состариться, потому что она полна жизни, полна отношенія къ самымъ существеннымъ формамъ жизни русскаго, по преимуществу, земледѣльческаго народа. Немножко игривое заглавіе ея «*Куль хлѣба и его похожденія*» не даетъ еще полнаго и яснаго представленія объ ея содержаніи, поистинѣ богатомъ, поистинѣ высоко-воспитательномъ. Тутъ не только «похожденія» куля (съ понятіемъ о похожденіяхъ всегда какъ-то невольно связывается понятіе о чемъ-то юмористическомъ),—тутъ вся жизнь деревни и города въ связи съ хлѣбнымъ продовольствіемъ. Достаточно намѣтить содержаніе книги хотя-бы по перечню ея главъ, чтобы получить объ ней нѣкоторое, болѣе полное представленіе. Вотъ ихъ заглавія: I. Хлѣбъ—наша русская пища II. Землю пашутъ. III. Хлѣбъ сѣютъ. IV. Хлѣбъ растетъ. V. Хлѣбъ созрѣлъ—убираютъ. VI Куль и мѣшокъ. VII. Хлѣбъ убранъ. VIII. На базарѣ. IX. На пристани. X. На нижней Волгѣ. XI. На верхней Волгѣ. XII. На каналахъ. XIII. На малохлѣбьѣ и безхлѣбьѣ. XIV. На биржѣ. Г-нъ Максимовъ, какъ знатокъ русской жизни, какъ рѣдкостный у насъ этнографъ, придалъ своему труду самый живой интересъ, прослѣдивъ не только за кулемъ хлѣба, не только съ момента первой пашни и посѣва до помола и отправки хлѣба за границу, но и за всѣмъ тѣмъ, что сопровождаетъ собою эти похожденія хлѣбнаго зерна. Главный интересъ книги составляетъ все то, что г. Максимовъ изображаетъ попутно, т. е. русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями. Жизнь крестьянина въ избѣ, въ полѣ, въ отхожей работѣ—жизнь со всѣми ея печалями и радостями; благодушный русскій человѣкъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ своихъ; мужикъ молящійся, работящій и веселящійся, пашущій, бурлачащій, ѣдущій въ извозъ; мужикъ, хоронящій близкаго, играющій свадьбу, справляющій свои храмовые и сезонные праздники; природа обширной Руси со всѣмъ тѣмъ, что она даетъ человѣку; жизнь человѣка среди этой природы, отъ которой онъ зависитъ кругомъ, которую онъ любитъ съ трогательною нѣжностью, съ которой «Одною онъ жизнью дышетъ, — вотъ, что составляетъ притягательную силу и прелесть этой замѣчательной, этой наиболѣе русской книги изъ всѣхъ существующихъ въ нашей воспитательной литературѣ. Ее, вмѣстѣ съ повѣстью «*Крестьянскія дѣти*» А. А. Потѣхина, мы усердно рекомендуемъ въ русскую семью и школу: изъ нея дѣти узнаютъ многое, и это многое должно быть особенно дорого ихъ сердцамъ.

Слѣдуетъ только при предстоящихъ ея изданіяхъ приложить больше тщательности къ ихъ внѣшнему выполненію. Правда, она и теперь издана опрятно, отпечатана четкимъ шрифтомъ на порядочной бумагѣ и обильно снабжена рисунками; но клише ихъ уже поустарѣли, кое-гдѣ потрескались, поистерлись, да и вообще далеко не всѣ рисунки могутъ похвалиться талантливостью своихъ авторовъ, и на будущее время ихъ положительно слѣдуетъ подновить.

В. Бѣляевъ. **Садоводство и огородничество для учениковъ сельскихъ училищъ**. 3 изданіе съ добавленіями 1895 года. Москва. Изданіе К. И. Тихомирова. Цѣна 6 коп.

Чтобы познакомиться съ теоріей и практикой садоводства по книжкамъ г-жи Ек. Аверкіевой, нужно отдать крестьянину 2 р. 54 к., а г-нъ Бѣляевъ предлагаетъ всѣ познанія всего на всего за 6 коп. Спрашивается, что выгоднѣе? Воистину задача трудная, которую легко разрѣшить, какъ только возьмешь книжку г-на Бѣляева въ руки. Въ своемъ введеніи авторъ говоритъ, что настоящее «Садоводство и огородничество» составлено съ цѣлью дать возможность ученикамъ сельскихъ школъ (гдѣ учитель вздумаетъ преподавать садоводство) пріобрѣсти недорогую книжку, изъ которой можно было-бы почерпнуть кой какія свѣдѣнія по садоводству и огородничеству». Далѣе онъ говоритъ, что книгу онъ составилъ въ виду просьбъ со стороны учениковъ «почитать что-нибудь» и вслѣдствіе того, что они не понимали пространныхъ книгъ. Отдѣлъ «огородничества» не такъ интересуетъ учениковъ, почему онъ, авторъ, изложилъ эту часть очень кратко, при этомъ онъ говоритъ «дѣломъ-то этимъ занимаются обыкновенно женщины, которыя знаютъ это дѣло болѣе или менѣе порядочно». И такъ бабу учить нечего, ибо она знаетъ сама огородничество «болѣе или менѣе по-

рядочно» — это для насъ ново! Поэтому вѣроятно г-нъ Бѣляевъ на стран. 11-ой объясняетъ слово «огородничество» слѣдующимъ образомъ: «занятія разведеніемъ огородныхъ овощей называется огородничествомъ» (что такое?) Но можетъ быть на страницѣ 1-ой найдемъ объясненіе, что такое садъ? Объясненіе: «плодовымъ садомъ называется огороженное со всѣхъ сторонъ пространство земли, засаженное плодовыми деревьями и ягодными кустами» (sic!) «Огородомъ называется тоже огороженное пространство земли, назначенное для посадки огородныхъ растеній» и т. д. Такимъ образомъ на 16 страничкахъ авторъ излагаетъ теорію и практику садоводства и огородничества. Сію книжку можно было разсматривать, какъ толкователь словъ, но къ сожалѣнію объясненія словъ «огородничество и садоводство» уже достаточно доказываютъ непригодность ея и для этой цѣли. Авторъ удостоился похвальнаго отзыва отъ Россійскаго Общества любителей садоводства за доставленные на конкурсѣ образцы плодовыхъ деревьевъ, о чемъ онъ извѣщаетъ на первой страницѣ.

Можетъ быть авторъ отличный садоводъ, но книги писать не его рукъ дѣло. А между тѣмъ требованія на изданія дешевыя видно большія, ибо даже такая книжонка выдерживаетъ 3-е изданіе

К. Э. Линдеманъ. **О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукѣ въ амбарахъ** Изданіе учебнаго магазина. К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Цѣна 10 к.

Авторъ желалъ ознакомить содержателей хлѣбныхъ амбаровъ съ насѣкомыми, вредящими мукѣ и зерну въ складахъ. Враговъ этихъ онъ дѣлитъ на два разряда: на главнѣйшихъ враговъ хлѣбныхъ зеренъ: амбарный долгоносикъ, зерновая или амбарная моль, кожеѣдъ и враговъ муки—мучная моль, мавританскій жукъ, мучной чукъ и мучной клещъ. Изложеніе ясное и хорошее какъ по языку, такъ и по содержанію. Книжка иллюстрирована 5-ю рисунками.

К. Э. Линдеманъ **О насѣкомыхъ, вредящихъ огороднымъ растеніямъ и о мѣрахъ ихъ истребленія.** Москва. Изданіе К. И. Тихомирова 1891 г. Цѣна 35 к.

Извѣстный энтомологъ, профессоръ бывшей Петровской-земледѣльческой Академіи, г-нъ Линдеманъ взялъ на себя благодарную роль ознакомить крестьянскую массу съ насѣкомыми—врагами, вредящими огороднымъ растеніямъ и такъ какъ нѣкоторыя изъ огородныхъ растеній: картофель, свекла и т. п.—перешли въ поле, то онъ знакомитъ съ вредящими насѣкомыми второй категоріи. Авторъ разсматриваетъ каждое насѣкомое отдѣльно, знакомитъ съ образомъ жизни, съ способомъ размноженія, съ привычками и, наконецъ, съ способомъ борьбы. Насѣкомыя описываются по растеніямъ, на которыхъ они больше всего живутъ и вредятъ. Изложеніе ясное, понятное, съ иллюстраціями рисунковъ (30 рисунковъ), такъ что книжка можетъ послужить богатымъ вкладомъ въ народныя и школьныя читальни.

III. Общественныя науки.

Отто Элерсъ. **Популярная политическая экономія** Переводъ съ нѣм. подъ ред. Юровскаго. Одесса 1895 г. Цѣна 50 к.

Фаусеттъ. **Популярная политическая экономія.** Переводъ съ послѣдняго, 7-го английск. изд. М. Ловцовой. Спб. 1895 года. Ц. 1 р.

Одновременное появленіе двухъ популярныхъ руководствъ по политической экономіи свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ спросѣ на такія изданія среди русской читающей публики. Но разъ публика предъявляетъ спросъ, то издатели и авторы не церемонятся насчетъ его удовлетворенія, разсчитывая, что все сойдетъ, лишь-бы было «на тему». Популярная политическая экономія и теперь въ спросѣ, значитъ, разберутъ все, что подъ этимъ заглавіемъ можно пустить въ оборотъ. Повидимому, такими соображеніями руководствовались и издатели популярныхъ руководствъ Элерса и Фаусеттъ. Можно было-бы избавить русскую публику отъ руководствъ, построенныхъ па началахъ ретроградной «либеральной» экономіи Смита-Рикардо. Элерса можно было оставить въ покоѣ и не переводить на русскій языкъ въ виду полнаго отсутствія въ его руководствѣ какихъ-бы то ни было достоинствъ. Что касается Фаусеттъ, то ея руководство стяжало себѣ громадную популярность въ Англіи, благодаря необыкновенной простотѣ и ясности изложенія. Въ виду этихъ техническихъ достоинствъ, руководство Фаусеттъ было переведено на русскій языкъ еще въ 1875 году и особой надобности во вторичномъ переводѣ, хотя-бы и съ послѣдняго изданія, нѣ ощущалось.

Мануиловъ **Аренда земли въ Ирландіи.** Москва 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Мануилова можно поздравить съ удачнымъ выборомъ темы. «Въ ту эпоху, говоритъ онъ, когда личная собственность признавалась наиболѣе совершенной формой владѣнія землей, политика государства относительно аренды было ясна: нужно было стремиться къ искорененію послѣдней. Но теперь, при иномъ взглядѣ на личную собственность, должно измѣниться и отношеніе къ арендѣ. Возникаетъ вопросъ: не цѣлесообразнѣе-ли регламентироваться, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать выкупу арендныхъ участковъ. Рѣшеніе этого вопроса также требуетъ, прежде всего, основательнаго знакомства съ арендными отношеніями». Само собою понятно, что для изученія арендныхъ отношеній Ирландія является самой подходящей страной, и нужно сказать правду, что г. Мануиловъ затратилъ не мало труда на изученіе кре-

стьянскихъ земельныхъ порядковъ. Для всѣхъ русскихъ людей книга г. Мануплова должна быть и интересной, и поучительной. Вѣдь еще г. Щепотьевъ говорилъ: «читая анализъ ирландской арендной системы, напр., у Лоренца-Штейна, просто можно удивляться сходству общихъ условій нашей аренды съ ирландской». Извѣстно, что реформа 19 февраля, давъ личную свободу крестьянамъ, поставила массу изъ нихъ въ тяжелую земельную зависимость отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Аренда земель у частныхъ владѣльцевъ для крестьянъ стала не договорной, а неизбѣжной и вынужденной. Такимъ образомъ, открывалась свободная дорога для переноса въ Россію ирландскихъ порядковъ.

Р. фонъ-Кауфманъ. **Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ.** Переводъ съ 5-го нѣм. изд. А. Гурьева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Брошюра Кауфмана пріобрѣла себѣ большую популярность, какъ краткое и общедоступное изложеніе основныхъ данныхъ по статистикѣ расходовъ казны и органовъ самоуправленія въ разныхъ государствахъ Европы. Оно уже переведено на многіе языки, и появленіе ея въ русскомъ переводѣ нельзя не признать весьма желательнымъ. Къ сожалѣнію, за переводъ принялся г. Гурьевъ, малограмотный, и плохо владѣющій нѣмецкимъ языкомъ. Поэтому въ переводѣ оказалось не мало разныхъ вольностей на счетъ русскаго и на счетъ нѣмецкаго языка. Напр., г. Гурьевъ не могъ перевести грамотно такой простой фразы: «имперскій бюджетъ расходуетъ». Бюджетъ не расходуетъ, а изъ бюджета расходуется.

И. Х. Озеровъ. **Общества потребителей.** Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи, и краткое руководство къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ. Издано с.-петербургскимъ отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществъ подъ редакціею и съ предисловіемъ проф. И. И. Янжула. Спб. 1894.

Значеніе обществъ потребителей, какъ лучшаго средства борьбы съ возрастающей дороговизной жизни — понятно каждому и, насколько это средство дѣйствительно, показываетъ колоссальное развитіе подобныхъ обществъ на Западѣ. Между тѣмъ у насъ они далеко не въ ходу, хотя потребность въ нихъ не меньшая. Предлежащій трудъ И. Х. Озерова имѣетъ цѣлью пропагандировать ихъ въ Россіи и онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ. Книга написана просто и интересно. Въ историческомъ очеркѣ развитія ихъ въ разныхъ странахъ авторъ раскрываетъ ихъ значеніе и указываетъ на тѣ цѣли, которыя эти общества могутъ преслѣдовать параллельно съ ихъ главнымъ назначеніемъ. Затѣмъ онъ умѣло излагаетъ главныя правила организаціи обществъ и, наконецъ, разсказываетъ любопытную исторію развитія ихъ у насъ, сопровождая ее описаніемъ лично имъ осмотрѣнныхъ обществъ. Заканчиваетъ свою книгу И. Х. Озеровъ утвержденіемъ, что для успѣшной дѣятельности обществъ необходимо ихъ объединеніе, для котораго необходимо прежде всего организовать съѣзды представителей потребительныхъ обществъ.

В. Н. Витевскій. **И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.** Историческая монографія. Выпускъ IV. Казань 1895.

Этотъ выпускъ еще не оканчиваетъ многолѣтняго труда В. Н. Витевскаго. Авторъ обѣщаетъ въ этомъ году издать еще пятый выпускъ и только тогда мы будемъ имѣть законченною эту общирную монографію, представляющую столь цѣнный вкладъ въ исторію нашей восточной окраины и вообще въ исторію внутренней политики при преемникахъ Петра I. Нынѣшній выпускъ посвященъ описанію развитія промышленности и торговли Оренбургскаго края, благодаря энергичной дѣятельности И. И. Неплюева. Здѣсь особенно интересны главы, трактующія объ отношеніяхъ Неплюева и русскаго правительства къ средне-азіатскимъ странамъ и народамъ. И этотъ выпускъ, какъ и предшествующіе, написанъ на основаніи изученія первоисточниковъ и притомъ языкомъ живымъ и легкимъ.

Вся Россія. Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Торгово-промышленный адресъ-календарь Россійской Имперіи. Изданіе А. С. Суворина. 1895.

Эта книга представляетъ громадный томъ въ сто слишкомъ листовъ, и по своему объему и разнообразію содержанія дѣлаетъ честь неутомимой предпріимчивости издателя, хотя, какъ и всякій почти первый опытъ, не свободна отъ пробѣловъ и погрѣшностей. Впрочемъ, издатель самъ затруднилъ для себя предпринятое имъ дѣло, поставивъ себѣ слишкомъ широкія и неопредѣленныя цѣли, слѣдствіемъ чего явились съ одной стороны излишество свѣдѣній, не соотвѣтствующихъ характеру адресной и справочной книги, съ другой стороны опущеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыя въ такую книгу должны были войти. Издатель пожелалъ ввести въ свою книгу, кромѣ адресовъ, еще большое количество общихъ свѣдѣній и справокъ, основываясь на томъ, что въ Россіи всѣ формы сношеній далеко не такъ выработаны, какъ въ Зап. Европѣ, а потому и русскій торгово-промышленный ежегодникъ не можетъ ограничиться тѣми свѣдѣніями, какими ограничиваются ежегодники, издаваемые почти во всѣхъ столицахъ Европы. Отдѣлъ общихъ

свѣдѣнiй и справокъ поэтому очень расширенъ и занимаетъ половину всей книги. Сюда входитъ, напр., словарь популярной практической медицины и гигiены, занимающiй очень много мѣста: онъ могъ-бы составить особую книгу весьма почтенной величины. Какъ ни полезенъ этотъ словарь, но очевидно, что онъ ни въ малѣйшей степени не можетъ способствовать облегченiю тѣхъ «формъ сношенiй», для которыхъ предназначаются книги въ родѣ «Всей Россiи». Такъ-же мало умѣстны свѣдѣнiя о спортѣ (краткiй историческiй очеркъ атлетики, правила игры въ крокетъ и т. д.). Вся книга раздѣлена на 5 отдѣловъ. I отдѣлъ — центральныя правительственныя учрежденiя; перечисленъ личный составъ и указанъ кругъ дѣйствiй каждаго учрежденiя. II отд.—статистически-экономическiе очерки всей Россiи, ея губернiй и областей, личный составъ мѣстныхъ учрежденiй и торгово-промышленные адреса. III отд.—фабрики и заводы, сгруппированные по предметамъ производствъ. IV отд — общiя свѣдѣнiя и справки. V отд. - сельско-хозяйственный, который, по намѣренiямъ издателя, долженъ представлять практическую энциклопедiю. Даже и при не особенно-тщательномъ просматриванiи II отдѣла (который, вмѣстѣ съ III мъ, представляетъ существенную часть книги) можно замѣтить много пробѣловъ и неточностей. Напр. въ Петербургѣ не указаны частныя библiотеки, нигдѣ не даны адресы врачей, нигдѣ не указаны духовныя консисторiи; въ гор. Ковно не показано управленiе округа путей сообщенiя, хотя нѣкоторыя другiя управленiя округовъ намъ попались въ книгѣ; изъ духовныхъ училищъ, которыя вообще указаны, пропущено училище въ Порховѣ; также пропущена учит. семинарiя въ гор. Тотьмѣ. Во многихъ случаяхъ мы замѣтили искаженiя именъ и фамилiй (Зворилъ вмѣсто Зборилъ; Петровъ вмѣсто Петръ,—директоръ Печер. гимн. въ Кiевѣ и мн др.). Впрочемъ, имена чиновниковъ, которые часто мѣняются, не столь важны, какъ точные и полные списки учрежденiй, которыхъ, какъ мы видѣли, «Вся Россiя» не даетъ. IV и V отдѣлы совершенно напрасно занимаютъ такъ много мѣста Какъ ни добросовѣстно составлена сельско-хозяйственная «энциклопедiя», но изъ нея одной не научишься хозяйствовать. Лучше было-бы дать списокъ лучшихъ на русскомъ яз. книгъ по всѣмъ отраслямъ практической дѣятельности (что отчасти сдѣлано въ книгѣ) и указать спецiалистовъ. Стремленiе вмѣстить въ маломъ сравнительно объемѣ очень многое неизбѣжно должно приводить къ тому, что совѣты, данные мимоходомъ, окажутся не вполнѣ удачными. Такъ въ словарѣ популярной медицины рекомендуется «лѣчить» онанизмъ чисто педагогическими средствами, не стѣсняясь даже крутыми «домашними мѣрами». Совѣтъ, безспорно, «популярный», но едва-ли умѣстный: даже и не столь «крутыя» наказанiя, какъ тѣ, на которыя намекаетъ авторъ, могутъ въ данномъ случаѣ оказаться не только нецѣлесообразными, но и прямо вредными. Въ статьѣ о гимнастикѣ напрасно одобряются упражненiя на параллельныхъ брусьяхъ: этотъ снарядъ выходитъ изъ употребленiя. Совѣты о лѣченiи болѣзней, по большей части, неумѣстны: это дѣло врача, и въ популярномъ словарѣ могутъ быть указаны только простѣйшiя и совершенно безопасныя средства.

Мы могли-бы указать и еще много пробѣловъ и погрѣшностей. Но слѣдуетъ признать, что положительныя достоинства книги значительно превышаютъ ея недостатки. Это первая у насъ книга, гдѣ за такую сравнительно дешевую цѣну (10 руб.) можно найти такое множество разнообразныхъ и почти всегда точныхъ свѣдѣнiй. Редакцiя привлекла къ дѣлу многихъ талантливыхъ и знающихъ сотрудниковъ, и книга является, очевидно, результатомъ большого труда и большихъ затратъ. Нельзя сомнѣваться, что слѣдующее изданiе, которое должно выйти лѣтомъ 1896 года, будетъ въ значительной степени свободно отъ теперешнихъ недостатковъ.

В. Ф. Дерюжинскiй. **Habeas Corpus. Актъ и его прiостановка по англiйскому праву.** Очеркъ основныхъ гарантiй личной свободы въ Англiи и ихъ временнаго ограниченiя. Юрьевъ 1895.

Въ умѣ всякаго образованнаго человѣка съ словами «Habeas corpus» связывается представленiе о старинномъ англiйскомъ учрежденiи, за которымъ издавна установилась репутацiя вѣрнаго средства обезпеченiя личной свободы. Но правъ В. Ф. Дерюжинскiй, утверждая, что этой репутацiи далеко не соотвѣтствуетъ уровень дѣйствительнаго знакомства съ этимъ учрежденiемъ. Книга его хорошо можетъ способствовать такому знакомству. Онъ съ любовью разсказываетъ, какъ исторически складывались и въѣдались въ жизнь постановленiя знаменитаго акта, просто и ясно излагаетъ процедуру ихъ и затѣмъ три главы (около 250 страницъ) посвящаетъ разсмотрѣнiю важнѣйшаго вопроса о прiостановкѣ дѣйствiя Habeas Corpus, акта. Здѣсь опять авторъ идетъ по преимуществу путемъ историческимъ. Но въ заключительной главѣ онъ сравниваетъ эту англiйскую чрезвычайную мѣру съ разными «осадными» и «военными» положенiями, на которыя такъ щедръ континентъ, и для читателя становится яснымъ все глубокое различiе между англiйскимъ правовымъ строемъ и континентальнымъ, и онъ, конечно, согласится съ заключительной мыслью автора, что чѣмъ легче и чаще примѣняются чрезвычайныя мѣры и чѣмъ суровѣе онѣ, тѣмъ менѣе можно разсчитывать на развитiе въ средѣ управляемыхъ чувства уваженiя къ современному законодательству.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Наука и религія.—Два новыхъ стихотворенія Апухтина.—Л. П. Весинъ.

Наука и религія.

Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Revue des deux mondes» нынѣшняго года появилась интересная статья редактора этого журнала Фердинанда Брюнетьера, подъ заглавіемъ «Après une visite au vatican».

Судя по заглавію читатель предполагаетъ найти въ этой статьѣ интересныя свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ посѣщенію авторомъ Ватикана. Но какъ-бы предвидя это, Брюнетьеръ начинаетъ свою статью слѣдующими словами: «27 ноября только что истекшаго года я имѣлъ честь быть принятымъ частнымъ образомъ папой Львомъ XIII. Было-бы неумѣстно и нескромно съ моей стороны передать здѣсь, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, о чемъ ему было угодно говорить со мной. Но мнѣ кажется вполнѣ законнымъ мое желаніе подѣлиться съ публикой размышленіями, навѣянными на меня этимъ посѣщеніемъ. Читатель не найдетъ и надѣюсь не станетъ искать ничего другого на слѣдующихъ страницахъ моей статьи».

И дѣйствительно, статья эта не заключаетъ въ себѣ никакихъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ разговору Брюнетьера съ папой Львомъ XIII, а только даетъ намъ возможность познакомиться со взглядами автора на религію и науку и съ отношеніемъ его къ мыслямъ, высказаннымъ на ту-же тему папой Львомъ XIII, въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій.

Еще не далеко то время, говоритъ г. Брюнетьеръ, приступая къ изложенію разбираемаго имъ вопроса, когда ученое невѣріе казалось признакомъ высокаго умственнаго развитія. Хотя многіе не только признавали значеніе «религій» и въ особенности «религіи» или «религіознаго чувства» въ ходѣ развитія человѣчества, но даже упрекали Вольтера, Дидеро и др. мыслителей въ несправедливости и неосновательности ихъ нападковъ на христіанскую философію, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ Огю-

стомъ Контомъ и всей его школой, въ «теологическомъ періодѣ» они видѣли не болѣе, какъ первобытную стадію развитія умственной жизни. «Уровень цивилизаціи находится въ обратномъ отношеніи къ напряженности религіознаго чувства... Будущее принадлежитъ наукѣ»... Строки эти появились въ сочиненіи, вышедшемъ въ 1892 г., но направленіе, которое въ нихъ выразилось, принадлежитъ эпохѣ, удаленной отъ насъ на двадцать или на тридцать лѣтъ.

Посмотримъ-же, говоритъ Брюнетьеръ, что измѣнилось съ тѣхъ поръ, какая скрытая работа завершилась въ глубинѣ современной мысли? Ученые возмущаются при первомъ словѣ о банкротствѣ науки. Наука менѣе чѣмъ въ столѣтіе преобразовала всю жизнь, говорятъ они. Какія изъ своихъ обѣщаній не выполнила хотя-бы физика или химія? Что понимаютъ въ наукѣ тѣ, которые говорятъ о ея паденіи? Къ какимъ научнымъ открытіямъ причастны ихъ имена? Да если и нашлись среди ученыхъ люди, склонные къ фантазіямъ и смѣлымъ выводамъ и обѣщавшіе отъ лица науки то, чего она не могла обѣщать, то развѣ можно обвинять въ этомъ самое науку? Такъ разсуждаютъ всѣ, не желающіе видѣть въ «банкротствѣ науки» ничего, кромѣ громкой фразы.

Разсмотримъ же глубже этотъ вопросъ. Въ дѣйствительности естественныя науки обѣщали намъ разсѣять «тайну», а въ сущности не только не разсѣяли ее до сихъ поръ, но, какъ мы теперь ясно видимъ, не разсѣютъ ее и въ будущемъ. Онѣ безсильны не только разрѣшить, но даже поставить надлежащимъ образомъ вопросы, касающіеся *происхожденія человѣка*, законовъ его дѣятельности, его дальнѣйшей судьбы. Законы физики или физіологіи не даютъ намъ возможности познать непознаваемое, которое окружаетъ насъ и давитъ на насъ со всѣхъ сторонъ. Можетъ быть я более. чѣмъ кто либо, отдаю должную честь безсмертной теоріи Дарвина, говоритъ Брюнетьеръ. Но ведемъ-ли мы свое происхожденіе отъ обезьяны или имѣемъ одного общаго съ ней отдаленнаго предка, мы все-таки не знаемъ и никогда не узнаемъ нашего настоящаго происхожденія, не получимъ отвѣта на вопросъ, *что мы изъ себя представляемъ*? Естественныя науки покажутъ намъ, можетъ быть, что мы изъ себя представляемъ въ качествѣ животнаго, но не въ качествѣ человѣка. Всѣ, пробовавшіе до сихъ поръ отвѣтить на вопросъ о происхожденіи языка, происхожденіи общества и нравственности, терпѣли полную неудачу, потому что это вопросы, не поддающіеся компетенціи и методамъ науки. Тѣмъ менѣе могутъ намъ отвѣтить естественныя науки на вопросъ, что предстоитъ совершить намъ въ будущемъ? Чему научили насъ въ этомъ отношеніи анатомія или физіологія? Всѣ изслѣдованія и открытія ихъ привели только къ тому, что укрѣпили въ насъ привязанность къ жизни.

Посмотримъ, лучше-ли сдержали свои обѣщанія филологическія науки. Какія изъ нашихъ сомнѣній разсѣяли они, на какіе вопросы отвѣтили? Эллинисты брались показать намъ идеи христіанства въ греческой и рим-

ской философіи, но они забыли объяснить намъ, почему христіанство, будучи связано съ эллинизмомъ, не возродилось изъ него. А между тѣмъ это главный вопросъ, потому что сколько бы мы не находили у Марка Аврелія и Эпиктета отдѣльныхъ мыслей, сходныхъ съ Нагорной проповѣдью, все-таки одно только евангеліе могло покорить весь міръ, и все-таки въ христіанствѣ есть что-то непостижимое и могущественное, чего не въ силахъ объяснить наши эллинисты.

Не болѣе точности и ясности находимъ мы и у восточниковъ. Незначительные признаки сходства, которые они открыли между буддизмомъ и христіанствомъ, не могутъ въ сущности скрыть глубокой и серьезной разницы, лежащей въ основаніи этихъ двухъ ученій. Если бы наши восточники обладали большею широтою взглядовъ, если бы они менѣе углублялись въ мелочное изученіе текстовъ, то они, навѣрное, были бы первыми среди противниковъ христіанства. Но до сихъ поръ ихъ труды представляютъ изъ себя скорѣе разрозненныя гипотезы, чѣмъ точное разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Наконецъ, что можно сказать объ историческихъ наукахъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, такъ же какъ и естественныя науки, онѣ научили насъ очень многому. Но онѣ все-таки не научили насъ всему, чего мы ожидали отъ нихъ, въ виду ихъ успѣха. Какой смыслъ имѣетъ самъ по себѣ вопросъ хотя бы о томъ, существовали-ли въ дѣйствительности цари Рима? Главный вопросъ, съ которымъ можно обратиться къ историческимъ наукамъ, это вопросъ: существуетъ-ли *историческій законъ* и, если онъ существуетъ, то въ какой мѣрѣ мы подчинены ему? А между тѣмъ ни одна изъ отраслей историческихъ наукъ не отвѣтила до сихъ поръ на этотъ вопросъ. Даже изложеніе простыхъ историческихъ фактовъ должно согласоваться съ болѣе возвышенными, хотя не менѣе точными требованіями, чѣмъ послѣдовательное и подробное описаніе событій. Что же несправедливаго можно найти въ упрекахъ, обращаемыхъ иногда къ историческимъ наукамъ, если даже за такими вопросами, какъ вопросъ христіанства, они признаютъ только историческій интересъ. Цѣль знанія не заключается въ немъ самомъ. Даже юридическія науки не сумѣли бы обойтись безъ философіи права,—тѣмъ болѣе изученіе исторіи было бы празднымъ любопытствомъ, если бы самыя незначительныя историческія изслѣдованія не были связаны съ философіей исторіи.

Мы не знаемъ, конечно, что будетъ черезъ сто или тысячу лѣтъ. Но въ настоящее время и даже въ скоромъ будущемъ, какъ мнѣ кажется, разсудокъ еще не въ состояніи будетъ освободиться отъ осаждающихъ его сомнѣній, а тѣмъ болѣе «найти въ самомъ себѣ свое спасенье». Въ продолженіе столѣтія наука обѣщала замѣнить намъ «религію», но ни наука вообще, ни отдѣльныя ея отрасли не въ силахъ отвѣтить на единственные интересующіе насъ вопросы и не въ состояніи болѣе руководить современною жизнью. Ни одна изъ естественныхъ наукъ не могла-бы научить насъ нравственности, а между тѣмъ мы должны

жить, и наша жизнь не должна быть жизнью животныхъ. Итакъ, мы видимъ изъ всего этого, что наука потеряла свой престижъ, а религія возвратила назадъ часть своего.

Высказавъ такимъ образомъ свой взглядъ на современное состояніе науки, Брюнетьеръ переходитъ къ вопросу о религіи, который въ его разсужденіяхъ сливается съ вопросомъ о церковности.

Если мы не допускаемъ, говоритъ онъ, чтобъ наука могла замѣнить религію, то мы также не согласны съ тѣмъ, чтобъ можно было противопоставлять религію наукѣ. Да и сама церковь не имѣетъ основанія претендовать на это.

Затѣмъ мы находимъ у Брюнетьера нѣсколько интересныхъ мыслей по вопросу объ отношеніи между религіею и нравственностью. Происхожденіе нравственности, говоритъ онъ, не всегда было связано съ религіей; такъ напр. стоицизмъ и даже эпикуреизмъ явились только въ видѣ противодѣйствія языческимъ суевѣріямъ и обычаямъ. Существуетъ и другая теорія, по которой религія основывается на нравственности. Однако обѣ эти теоріи, совершенно противоположныя съ перваго взгляда, въ сущности, сводятся къ одному: обѣ онѣ стремятся доказать, что нравственность является продуктомъ цивилизаціи. Но дѣло не въ томъ, является-ли нравственность слѣдствіемъ религіи или религія слѣдствіемъ нравственности; существовали-ли религіи безъ нравственности и нравственность безъ Бога? Эти вопросы представляютъ интересъ исключительно историческій. Важно и вѣрно только то, что нравственность и религія пріобрѣтаютъ все свое значеніе только проникаясь одна другою, даже сливаясь.

Легко убѣдиться въ этомъ, если мы вспомнимъ, что въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ никакія усилія не могли лишить нравственность ея религіознаго основанія. Все, чего можно было достигнуть въ этомъ отношеніи, было только искаженіемъ или маскировкой христіанскихъ идей. Такъ одни видѣли начало нравственности въ необходимости обуздывать, уничтожать въ насъ животный инстинктъ и всѣ пороки, являющіеся результатомъ нѣкоторой испорченности человѣческой натуры; другіе, какъ напр. Кантъ, основывали необходимость абсолютной справедливости на «свободѣ воли». Но развѣ это не тѣ-же идеи христіанства? А позитивная нравственность, основанная на идеѣ солидарности интересовъ всего человѣчества— развѣ это не есть варіантъ тѣхъ-же идей? Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что человѣчество всегда было глубоко проникнуто идеями христіанства, и мы приходимъ къ заключенію, что, если когда-либо оно перестанетъ руководствоваться ими, то это будетъ самымъ важнымъ явленіемъ изъ всѣхъ явленій, существовавшихъ послѣ возникновенія христіанства въ исторіи міра.

Выразивъ нѣсколько мыслей о католицизмѣ и опредѣливъ свое отношеніе къ папѣ Льву XIII, Брюнетьеръ заключаетъ свою статью слѣдующими словами.

Легко убѣдиться также въ томъ,—пишетъ онъ,—что соціальный вопросъ есть, въ сущности говоря, вопросъ нравственности. Сколько-бы мы ни старались, мы не найдемъ средства путемъ науки уничтожить неравенство положенія, существующее между людьми. Но всегда существовала и всегда будетъ существовать возможность ослаблять тяжелыя послѣдствія, являющіяся результатомъ этого неравенства, путемъ нравственности. Изъ всего этого ясно, что если мы будемъ искать разрѣшенія вопроса о нравственности въ естественныхъ наукахъ, какъ это дѣлаютъ соціологи, или въ распространеніи тиранической власти государства, какъ соціалисты, то мы никогда ничего не достигнемъ. Мы достигнемъ чего-нибудь только въ томъ случаѣ, если будемъ искать разрѣшенія этого вопроса въ развитіи нравственнаго начала отдѣльныхъ личностей.

Таковы разсужденія Брюнетьера. Въ стараніяхъ во что-бы то ни стало оправдать всѣ старыя претензіи науки есть несомнѣнная ошибка и эту-то ошибку Брюнетьеръ вскрываетъ въ своей любопытной статьѣ, не отличающейся, впрочемъ, ни особенною новизною взглядовъ, ни строгостью и точностью чисто философскаго анализа. Въ рядѣ самыхъ популярныхъ, почти примитивныхъ соображеній Брюнетьеръ рисуетъ намъ, какъ мало-по-малу наука съ ея черезчуръ обширными претензіями дискредитировалась въ глазахъ интеллигентной Европы. Передавая поверхностное настроеніе неглубокихъ умовъ, онъ даже говоритъ о *банкрутствѣ* науки, хотя въ дѣйствительности слѣдовало-бы только показать, что наука, въ точномъ смыслѣ слова, имѣетъ свои естественныя границы, за которыми открывается широкое поле для болѣе высокихъ обобщеній и теорій. *Въ своихъ предѣлахъ* наука не потерпѣла никакого банкротства. Она только точнѣе поняла свою задачу, свой методъ, не только не противорѣчащіе отвлеченнымъ исканіямъ философской и религіозной мысли, но даже пріуготовляющіе для этихъ исканій необходимый, конкретный матеріалъ. Но каковы-бы ни были промахи Брюнетьера въ объясненіи этого сложнаго и важнаго вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между наукою и религіею, между опытомъ жизни и требованіями духа, между внѣшними явленіями природы и ея внутреннимъ центромъ, статья его представляетъ живой интересъ, какъ отголосокъ новыхъ настроеній европейскаго общества, и мы привели ея важнѣйшія положенія въ точныхъ выраженіяхъ, отвѣчающихъ оригиналу, сохраняя главные оттѣнки его не всегда блестящей, но откровенной діалектики,—не ради громкаго имени Брюнетьера, а ради того важнаго вопроса, который онъ затронулъ въ своихъ разсужденіяхъ.

Два новыхъ стихотворенія Апухтина.

Въ «Казанскомъ Телеграфѣ» нѣкто Н. Юшковъ обнародовалъ два стихотворенія покойнаго А. Н. Апухтина, составляющія продолженіе его извѣстнаго стихотворенія подъ названіемъ «Письмо». Въ новомъ полномъ

собраніи сочиненій Апухтина, изданномъ, кстати сказать, чрезвычайно старательно нѣкоторыми почитателями его таланта, мы не нашли этого интереснаго продолженія, и потому мы перепечатаемъ здѣсь обѣ пьесы для полноты и цѣльности художественнаго впечатлѣнія. Обнародованныя въ провинціальной газетѣ стихотворенія, по тону, по изяществу формы и нѣжности красиваго, яркаго стиха, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, покойному писателю, и мы надѣемся, что при новомъ изданіи его произведеній они не будутъ забыты и поставлены рядомъ съ его знаменитымъ «Письмомъ».

Письмо.

Увидя почеркъ мой, вы, вѣрно, удивитесь:
Я не писала вамъ давно.
Я думаю, вамъ это все равно:
Тамъ, гдѣ живете вы, и, значитъ:—веселитесь,
Въ роскошной, южной сторонѣ
Вы, можетъ быть, забыли обо мнѣ.
И я про все забыть была готова...
Но встрѣча странная,—и вотъ,
Съ волшебной силою изъ сумрака былого
Передо мной вашъ образъ возстаетъ.
Сегодня, проѣзжая мимо,
Къ N. N. случайно я зашла.
Съ княгиней, вами нѣкогда любимой,
Я встрѣтилась у чайнаго стола.
Насъ познакомили; двумя-тремя словами
Мы обмѣнялися, но жадными глазами
Впилися мы другъ въ друга. Взоръ нѣмой,
Казалось, проникалъ на дно души другой.
Хотѣлось мнѣ ей броситься на шею
И долго, долго плакать вмѣстѣ съ нею!
Хотѣлось мнѣ сказать ей: «Ты близка
Моей душѣ. У насъ одна тоска,
Насъ одинаково грызетъ и мучитъ совѣсть,
И если оттого не станешь ты грустнѣй,
Я разскажу тебѣ всю повѣсть
Души истерзанной твоей:
Ты встрѣтила его, впервые, въ вихрѣ бала,
Плѣнительнѣй его до этихъ поръ
Ты никого еще не знала:
Онъ былъ красивъ, какъ богъ, и нѣженъ, и остеръ.
Онъ ѣздить сталъ къ тебѣ почтительный, влюбленный.
Но, покорясь его уму,
Рѣшилась твердо ты остаться непреклонной
И—отдалась, безропотно, ему.
Дни счастія прошли, какъ сновидѣнья,
Другіе наступили дни...
О, дни ревнивыхъ слезъ, обмановъ, охлажденья.
Кому изъ насъ не памятны они?
Когда его встрѣчала ты покорно,
Прощала все ему, любя,

Онъ называлъ твою печаль притворной
И комедьянткою тебя.
Когда же приходилъ условный часъ свиданья,
И въ домѣ наступала тишина,
Въ томительной тревогѣ ожиданья,
Садилась ты у темнаго окна.
Понуривши головку молодую
И приподнявъ тяжелое драпри,
Не шевелясь, сидѣла до зари,
Вперяя взоры въ улицу пустую.
Ты съ жадностью ловила каждый звукъ,
Привыкла различать кареты стукъ,
Отъ стука дрожекъ, издалека.
Но вотъ все ближе, ближе, вотъ
Остановился кто-то у воротъ...
Вскочила ты въ одно мгновенье ока,
Бѣжишь къ дверямъ... напрасный трудъ:
Обманъ, опять обманъ! О, что за наказанье!
И вотъ опять, на нѣсколько минутъ
Царитъ нѣмое, мертвое молчанье,
Лишь видно фонарей неровное мерцанье,
И скучные часы убійственно ползутъ.
И проходила ночь, кипѣла жизнь дневная...
Тогда ты шла къ себѣ, съ огнемъ въ крови,
И падала въ подушки, замирая
Отъ бѣшенства, и горя, и любви!»
Изъ этого, конечно, я ни слова
Княгинѣ не сказала. Разговоръ
У насъ лѣниво шелъ про разный вздоръ,
И имени для насъ обѣихъ дорогого
Мы не рѣшилися назвать.
Настало вдругъ неловкое молчанье,
Княгиня встала. На прощанье,
Хотѣлось мнѣ ей крѣпко руку сжать,
И дружбою у насъ окончиться могло бы,
Но въ этотъ мигъ прочла я столько злобы
Въ ея измученныхъ глазахъ,
Что на меня нашелъ невольный страхъ;
И молча мы разстались,—я съ поклономъ,
Она—съ кивкомъ небрежнымъ головы...
Я начала свое письмо на *вы*,
Но продолжать не въ силахъ этимъ тономъ,
Мнѣ хочется сказать *тебѣ*, что я
Всегда, вездѣ, попрежнему твоя,
Что̀ дорожу я этой тайной,
Что женщина, которую случайно
Любилъ ты, хоть на мигъ одинъ,
Ужъ никогда тебя забыть не можетъ,
Что день и ночь ее воспоминанье гложетъ,
Какъ злой палачъ, какъ милый властелинъ.
Она не задрожитъ предъ свѣтскимъ приговоромъ:
По первому движенью твоему
Покинетъ свѣтъ, семью, какъ душную тюрьму,

И будетъ счастлива однимъ своимъ позоромъ!
Она отдастъ послѣдній грошъ,
Чтобъ быть твоей рабой, служанкой,
Иль вѣрнымъ псомъ твоимъ—Діанкой,
Которую ласкаешь ты и бьешь!

P. S.

Тревога, ночь,—вотъ что письмо мнѣ диктовало.
Теперь, при свѣтѣ дня, оно
Мнѣ только кажется смѣшно,
Но изорвать его мнѣ какъ-то жалко стало!
Пусть къ *вамъ* оно летитъ отъ береговъ Невы
Хотя бы для того... чтобъ разсердились вы.
Какое дѣло вамъ, что тамъ васъ любятъ гдѣ-то?
Лишь та, что возлѣ васъ, волнуетъ вашу кровь,
И знайте: я не жду отвѣта
Ни на письмо, ни на любовь.
Вамъ чувство каждое всегда казалось рабствомъ,
А отвѣчать на письма... Боже мой!
На вашемъ языкѣ, столь вѣжливымъ, порой,
Вы это называли «бабствомъ».

А вотъ и отвѣтъ:

Телеграмма.

«Простите, виноватъ кругомъ!
Когда меня съ такимъ вы ждали жаромъ,
Я былъ дежурнымъ по пожарамъ.
Подробности письмомъ...

Отвѣтъ.

Увидя почеркъ мой, вы также удивитесь.
Я никогда вамъ не писалъ.
Я и теперь не заслужу похвалъ,
Но вы за правду не сердитесь.
Письмо мое—упрекъ. «Отъ береговъ Невы»
Одинъ пріятель пишетъ мнѣ, что вы
Свое письмо распространили въ свѣтѣ.
Скажите, для чего? Ужели толки эти
О томъ, что было, что давно
На днѣ души погребено,
Вамъ кажутся пріятны и приличны?
На вечерѣ одномъ былъ ужинъ симпатичный;
Тамъ—неизвѣстный мнѣ *толстякъ*
Читалъ его на память, кое-какъ,
И всѣ потѣшилися вволю
Надъ вашимъ пламеннымъ письмомъ;
Потомъ обоихъ насъ подвергнули контролю,
Чему способствовалъ, отчасти, самый домъ.
Двѣ милыя, плѣнительныя дамы
Хотѣли знать—кто я таковъ; притомъ
Какимъ отвѣчу я письмомъ.

И всѣ подробности интимной нашей драмы.
Прошу васъ довести до свѣдѣнія ихъ,
Что я безумный эгоистъ, пожалуй,—
Но, въ сущности,—простой и добрый малый;
Что много глупостей надѣлалъ я большихъ
Изъ одного мгновеннаго порыва...
А что касается до нашего разрыва—
Его хотѣли вы; иначе, видитъ Богъ,
Я былъ бы и теперь у вашихъ милыхъ ногъ!..

P. S.

Прости мнѣ тонъ письма небрежный,—
Его я началъ въ шумѣ дня.
Теперь все спитъ кругомъ; чарующій и нѣжный
Твой образъ, кротко, смотритъ на меня...
О, брось твой душный свѣтъ, забудь былое горе;
Приди, приди ко мнѣ; прими былую власть.
Здѣсь море ждетъ тебя—широкое какъ страсть,
И страсть широкая—какъ море!..
Ты здѣсь опять найдешь все счастье прежнихъ лѣтъ,
И ласки, и любовь, и даже то страданье,
Которое, порой, гнететъ существованье,
Но безъ котораго вся жизнь—безсвязный бредъ!..

Л. П. Весинъ.

7 марта, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался молодой писатель Леонтій Павловичъ Весинъ, извѣстный многими весьма серьезными и содержательными статьями по вопросамъ народнаго образованія, сельскаго хозяйства и этнографіи, помѣщавшимися въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ названныхъ статей упомянемъ, напримѣръ, такія, какъ: «Народный самосудъ надъ колдунами», «Неурожаи въ Россіи и ихъ главнѣйшія причины» и «Жилье нашего великорусскаго крестьянина», помѣщенныя въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1892 г. и отличающіяся живымъ современнымъ интересомъ и весьма характерными подробностями, относящимися къ уясненію основной идеи. Въ литературныхъ трудахъ Л. П. Весина обращаетъ на себя вниманіе, съ одной стороны, обиліе и свѣжесть искусно подобранныхъ фактовъ, а съ другой—умѣнье дать рельефное освѣщеніе наиболѣе важнымъ и новымъ сторонамъ предмета. Л. П. Весинъ получилъ образованіе въ петербургскомъ университетѣ и служилъ по министерству финансовъ. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями по различнымъ научнымъ отдѣламъ и живо интересовался различными литературными и общественными явленіями, касавшимися какъ вопросовъ его спеціальности, такъ и имѣющихъ общій интересъ. Умеръ онъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, и могъ-бы, при своемъ

выдающемся трудолюбіи и способностяхъ, сдѣлать много полезныхъ вкладовъ въ дѣло разработки различныхъ вопросовъ, касающихся отдѣльныхъ сторонъ современной русской жизни. Изъ отдѣльныхъ научныхъ трудовъ Л. П. Весина извѣстенъ обширный трудъ, носящій названіе: «Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи со времени Петра Великаго по 1876 г.», и представляющій необходимое пособіе при изученіи исторіи развитія географическихъ знаній въ Россіи.

Снабженіе прочитанными газетами, журналами и книгами С.-Петербургскихъ больницъ и богадѣленъ принимаетъ на себя, какъ постоянную свою обязанность, Попечительство Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство,—Садовая, 60 (рядомъ съ Спасскою частью), телефонъ № 1360.

По увѣдомленію открытымъ письмомъ или по телефону, Попечительство, присылая за предназначенными ему пожертвованіями всякаго рода ненужными вещами свои фургоны и артельщиковъ, которые обязаны выдавать въ полученіи квитанцію и оставлять жертвователямъ бланки открытыхъ писемъ для слѣдующаго увѣдомленія, Попечительство съ полною готовностью принимаетъ газеты, книги и журналы, спеціально предназначаемые для больницъ и богадѣленъ и, по разсортировкѣ ихъ, будетъ, съ тѣми же фургонами, развозить ихъ по мѣстамъ назначенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, при накопленіи достаточнаго количества книгъ и журналовъ, Попечительство принимаетъ на себя сформированіе постоянныхъ при больницахъ и богадѣльняхъ библіотекъ, въ чемъ разсчитываетъ на полное содѣйствіе гг. издателей, книгопродавцевъ, редакцій и частныхъ лицъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Чествованіе Бисмарка.—Вильгельмъ II и рейхстагъ.—Отозваніе генерала Вердера и его преемникъ.—Англиканская церковь въ княжествѣ Уэльзскомъ.—Билль въ пользу ирландскихъ фермеровъ.—Вопросъ объ избраніи спикера.—Нападеніе испанскихъ офицеровъ на редакціи.—Новый кабинетъ и возстаніе на Кубѣ.—Французскій бюджетъ.—Агитація противъ участія въ Кильскомъ торжествѣ.—Крестьянское землевладѣніе во Франціи.

Въ несмѣтномъ количествѣ подарковъ, присланныхъ князю Бисмарку на 80-й день его рожденія, нашлась, между прочимъ, поднесенная содержателями берлинскихъ отелей ваза съ портретомъ недавно умершей жены бывшаго канцлера. По газетному сообщенію, въ глазахъ Бисмарка при видѣ портрета показались слезы и онъ махнувъ рукой, сказалъ: «это напрасно сдѣлали». И дѣйствительно, если та глубокая скорбь, о которой писали, да хотя-бы самый трауръ не побудили князя отказаться отъ шумныхъ овацій. отъ поздравительныхъ рѣчей въ высокопарномъ тонѣ, отъ торжественнаго шествія 4-хъ тысячъ студентовъ и исполненія ими гимна въ его честь, а главное—отъ необходимости благодарить всѣ эти депутаціи, выражая имъ удовольствіе, то напрасно было среди этихъ ликованій напоминать о недавнемъ печальномъ событіи.

Въ поздравительныхъ рѣчахъ было не мало преувеличеній, но это ужъ такъ водится. Надо имѣть въ виду и то, что ораторовъ вдохновляла національная гордость, что они при этомъ случаѣ прославляли могущество Германіи. Такъ, стоявшій во главѣ депутаціи отъ германскихъ профессоровъ ректоръ берлинскаго университета Флейдереръ выразилъ пожеланіе Бисмарку многолѣтія, «какъ историческому олицетворенію національнаго сознанія (geschichtliche Verkörperung nationalen Bewusstseins)». Противъ этого нельзя возразить ничего. Но когда тотъ-же ректоръ называлъ Бисмарка «творцомъ государственнаго единства, защитникомъ (Schirme), мира, вождемъ и учителемъ общественной жизни»—то здѣсь были уже очевидныя преувеличенія, которыхъ неумѣстными нельзя признать только потому именно, что юбилейныя рѣчи, это—какъ-бы слова, написанныя на готовую музыку, которыхъ лучше не разбирать.

Однако, необычайное чествованіе мужа «желѣза и крови» не было такъ единодушно, какъ онъ, вѣроятно, ожидалъ того самъ. Прежде всего городской совѣтъ самой имперской столицы, Берлина, не только не принялъ участія въ этомъ торжествѣ, но и отказалъ въ украшеніи въ тотъ день зданій на счетъ города и въ устройствѣ иллюминаціи. Разцвѣчены флагами были лишь зданія казенныя, по распоряженію правительства, и многіе частные дома, которыхъ собственники пожелали сдѣлать это на свой счетъ. Еще знаменательнѣе было то, что самъ германскій рейхстагъ отказалъ въ поздравленіи князю Бисмарку. Изъ этого безъ сомнѣнія не слѣдуетъ, что большинство имперскаго сейма не признаетъ важной роли Бисмарка въ созданіи Германской имперіи. Упомянутый фактъ только свидѣтельствуетъ о томъ, что кто въ теченіе всей жизни сѣялъ ненависть, тотъ не можетъ не пожать хоть нѣсколькихъ плодовъ ея къ концу жизни. Бисмаркъ еще въ университетѣ былъ забіякой и разбивалъ бутылки на головахъ «кнотовъ». Правда, это дѣлалъ не онъ одинъ и иные одними такими подвигами и ограничились, а Бисмаркъ сталъ впослѣдствіи иниціаторомъ великихъ дѣлъ. Но при этомъ характеръ его дѣйствій былъ тотъ-же: онъ вѣчно кого-нибудь «громилъ». Не считая уже враговъ внѣшнихъ, онъ постоянно объявлялъ врагами имперіи (Reichsfeinde) членовъ любой партіи въ рейхстагѣ, которая хотя-бы въ отдѣльномъ случаѣ отказывалась быть «исполнительной» въ его рукахъ. Такъ, доставалось отъ него и національ-либераламъ, которые обыкновенно славились своей исполнительностью. Вождя ихъ, покойнаго Ласкера, Бисмаркъ не разъ назвалъ «врагомъ» и даже «злѣйшимъ» (bitterste)» врагомъ государства, т. е. имперіи. Но націонал-либералы не злопамятны; они все прощаютъ «славѣ». Бисмаркъ—ихъ кумиръ, грозный, неумолимый, метавшій обвиненія и оскорбленія, но все-таки кумиръ, несмотря и на паденіе. «Кумиръ повергнутый все—богъ».

Но католики, прогрессисты, соціалисты, поляки и гвельфы, которыхъ бывшій канцлеръ награждалъ не только эпитетомъ враговъ государства, но еще и исключительными законами, отказались поздравлять его съ днемъ рожденія и это было довольно естественно. Иные находили, что это составляло «скандалъ», котораго не слѣдовало допускать. Но если «скандалъ» случился, то это было не безъ вины бывшаго президента рейхстага фонъ-Левецова. За два дня до голосованія въ рейхстагѣ, Левецовъ, которому уже извѣстно было нерасположеніе оппозиціонныхъ партій къ чествованію Бисмарка, созвалъ комитетъ старшинъ (Senioren—Convent) рейхстага, чтобы заручиться его согласіемъ на внесеніе предложенія о «Glückwunsch» князю Бисмарку. Представители названныхъ партій тогда-же заявили о своемъ несогласіи. Но г. Левецовъ рѣшился все-таки внесть это предложеніе въ полное собраніе, то-есть попытался навязать его большинству, въ разсчетѣ именно на то, что оно убоится «скандала», хотя уже въ газетахъ сообщалось, что на случай если пред-

ложеніе будетъ внесено, центромъ поручено было графу Гомпешу выступить съ мотивированнымъ контръ-предложеніемъ.

Въ засѣданіи 23 (11) марта такъ и случилось. Левецовъ предложилъ поздравленіе, гр. Гомпешъ высказался противъ него отъ имени центра и послѣ заявленій съ разныхъ сторонъ, предложеніе было отвергнуто большинствомъ 163 голосовъ противъ 146-ти. Въ придворной ложѣ находился великій герцогъ Баденскій. Левецовъ возвѣстилъ, что слагаетъ съ себя званіе президента, вождь націоналъ-либераловъ фонъ-Беннигсенъ объявилъ, что такъ-же, несомнѣнно, поступитъ и отсутствующій вице-президентъ Бирклинъ, а предводитель прогрессистовъ (freie Volkspartei) Рихтеръ возразилъ, что рейхстагъ обойдется въ своей работѣ и безъ нихъ. Консерваторъ графъ Мантейфель замѣтилъ, что самый рейхстагъ обязанъ своимъ существованіемъ Бисмарку и что «неблагодарно со стороны дитяти отказывать въ поздравленіи отцу». Но такое сравненіе оправдывалось-бы, если бы рейхстагъ былъ только присутственнымъ мѣстомъ, которое кн. Бисмаркъ могъ учредить или не учредить. Между тѣмъ въ рѣчахъ самого Бисмарка можно указать неоднократную ссылку на то, что единство Германіи было завѣтнымъ желаніемъ германскаго народа. Не будь народнаго къ нему стремленія, національное единство не могло-бы осуществиться, а когда оно стало фактомъ, то отъ Бисмарка вовсе не зависѣло созвать представителей этого народа въ законодательное собраніе или не созвать.

Въ прусской палатѣ депутатовъ, въ тотъ-же день, предложеніе о поздравленіи было принято, несмотря на оппозицію тѣхъ-же партій, которыя его отвергли въ сеймѣ имперскомъ. Но въ прусской палатѣ онѣ не составляютъ большинства. Въ этомъ разногласіи проявилось, между прочимъ, особое значеніе центра. Центръ есть партія католическая, которая могла и не образоваться, если-бы Бисмаркъ не вступилъ съ 1872 года въ борьбу съ католическимъ духовенствомъ, не сажалъ епископовъ въ тюрьму и т. д. Но въ этомъ еще не все значеніе центра. Онъ есть партія не спеціально прусская, какъ консерваторы и, въ большинствѣ, націоналъ—либералы, но по преимуществу германская. Ядро ея составляютъ представители Баваріи и рейнской провинціи, которая хотя принадлежитъ Пруссіи съ 1814 г., но вовсе не проникнута специфически-прусскимъ, военно-бюрократическимъ духомъ, котораго блестящимъ, хотя и крайнимъ выразителемъ является дипломатъ такъ дорожащій кирасирскимъ мундиромъ.

Императоръ Вильгельмъ зналъ, какое наибольшее удовольствіе онъ могъ сдѣлать своему отставному министру (исключая возвращенія ему должности канцлера). За нѣсколько дней передъ 1 апрѣля, императоръ во главѣ кирасирскаго полка въѣхалъ въ паркъ замка Фридрихсру, поздравилъ князя впередъ отъ имени арміи, вручилъ ему золотой палашъ, проѣхалъ съ Бисмаркомъ по фронту полка и пропустилъ полкъ передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Недавно, въ разговорѣ съ какимъ-то

репортеромъ Бисмаркъ говорилъ, что имѣлъ въ жизни мало счастливыхъ дней. Но тотъ день, когда ему столь торжественно былъ врученъ золотой палашъ, онъ навѣрное причтетъ къ самымъ счастливымъ, такъ онъ всегда былъ пристрастенъ къ военному мундиру и военнымъ почестямъ.

Желая осчастливить своего бывшаго министра, Вильгельмъ II увлекся еще болѣе, чѣмъ обыкновенно и произнесъ въ одинъ день двѣ похвальныя рѣчи князю—одну передъ фронтомъ, другую за обѣдомъ, обѣ весьма странныя. Въ нихъ онъ обращался къ бывшему канцлеру «не какъ къ великому государственному человѣку», но «какъ къ офицеру», какъ къ «товарищу по оружію и камрату». Застольная рѣчь была импровизована на три «текста»: одинъ былъ заимствованъ изъ церковнаго обряда конфирмаціи, другимъ послужило изреченіе графа Мансфельда, а третьимъ—девизъ начертанный на знамени англійскаго полка, котораго императоръ состоитъ шефомъ. Примѣчательно было то мѣсто въ рѣчи передъ фронтомъ, гдѣ жалуемый Бисмарку золотой палашъ былъ названъ «символомъ того средства, которое никогда не измѣняетъ и въ рукахъ государей можетъ, въ случаѣ необходимости, послужить къ упроченію внутренняго единства отечества, какъ оно служило для его объединенія». Зачѣмъ въ поздравительную рѣчь была вставлена какая-то угроза, когда и тѣни какихъ-либо безпорядковъ нѣтъ? И не умалилъ-ли Вильгельмъ II, противъ своей воли «великаго государственнаго человѣка», когда такъ настаивалъ на томъ, что въ данномъ случаѣ чествовался въ Бисмаркѣ преимущественно «офицеръ»?

Да и въ какой мѣрѣ Бисмаркъ дѣйствительно—офицеръ? Въ военномъ его формулярѣ можетъ находиться только слѣдующее: состоялъ на дѣйствительной службѣ вольноопредѣляющимся; уволенъ въ запасъ въ чинѣ поручика; за дипломатическія заслуги переименованъ въ генералъ-маіоры въ 1866 году, произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1870 г., въ генералъ-полковники, на правахъ генералъ-фельдмаршала,—при увольненіи въ отставку. Но великій дипломатъ, никогда не командовавшій, хотя-бы эскадрономъ фельдмаршалъ, такъ пристрастенъ къ военной формѣ, что и въ отставкѣ ходитъ не иначе какъ съ палашомъ, въ мундирѣ съ высокимъ желтымъ воротникомъ и бѣлой подкладкой. Въ этомъ-же мундирѣ онъ принималъ многочисленныхъ гостей, явившихся съ поздравленіемъ. Что сказали бы современники о Питтѣ, Таллейранѣ и Кавурѣ, если-бы кто-либо изъ нихъ, въ награду, просилъ о переименованіи себя въ генералъ-маіоры? Указываемъ на эту черту потому, что она характеризуетъ и прусскій духъ, и личность того бывшаго, штатскаго министра, который говорилъ о «желѣзѣ и крови», какъ объ истинномъ основаніи государствъ.

Любопытны были благодарственные отвѣты Бисмарка на рѣчи императора. При первой изъ нихъ, въ старомъ канцлерѣ отозвалось сознаніе неловкости положенія. Императоръ, лишившій его власти, несмотря на его заслуги и осудившій его систему управленія, теперь неожиданно вы-

ступалъ съ ораторской хвалой ему передъ полкомъ кирасиръ и взводомъ гусаръ; отставивъ его, какъ канцлера, теперь возглашалъ ему «ура», именуя его герцогомъ Лауэнбургскимъ, т. е. титуломъ даннымъ при отставкѣ. Бисмаркъ ораторъ тяжелый и въ высшей степени самопротиворѣчивый, дипломатъ, а не трибунъ и не мыслитель. Но онъ умѣетъ производить сильные эффекты, рѣчи его шероховаты, но энергичны и часто остроумны. Какъ только Вильгельмъ II началъ говорить предъ фронтомъ, Бисмаркъ, сидѣвшій въ коляскѣ, всталъ, спустилъ шинель съ плеча и протянулъ руки по швамъ. По окончаніи словъ императора, онъ произнесъ только нѣсколько выраженій благодарности, прибавивъ, что положеніе его въ военной іерархіи «не позволяетъ» ему «обстоятельнѣе высказывать вашему величеству мои чувства». Положеніе Вильгельма II какъ верховнаго вождя арміи выше положенія Бисмарка и стало быть, ему еще менѣе соотвѣтствовала роль оратора передъ фронтомъ.

Но послѣ застольной рѣчи, Бисмаркъ, такъ сказать, «сдался». Слишкомъ соотвѣтствовало его особой слабости это чествованіе въ немъ прежде всего—«офицера», а не великаго государственнаго человѣка. Въ своей отвѣтной рѣчи на этотъ разъ онъ высказался сердечно. Но это говорилъ уже не великій государственный человѣкъ. «Лучшее во мнѣ—сказалъ тотъ, кого называютъ творцомъ Германской имперіи—былъ всегда офицеръ. Не будь я офицеромъ, врядъ-ли вступилъ-бы я на путь истинный (цитируемъ эту рѣчь по телеграммѣ). Но ставъ въ 1848 году офицеромъ ландвера 9-го полка (т. е. поручикомъ запаса, какъ всѣ люди съ высшимъ образованіемъ), я тотчасъ обрѣлъ этотъ путь и преисполнился чувства преданности....» «Внѣ привязанности къ династіи нѣтъ для Германіи спасенія. Чтобы въ этомъ убѣдиться еще болѣе, стоитъ бросить взглядъ на Францію: съ тѣхъ поръ, какъ тамъ исчезла династія, французы тщетно ищутъ средоточія, откуда могъ-бы изойти сигналъ къ сбору». Ограничимся двумя замѣчаніями. Когда кн. Бисмаркъ былъ всесильнымъ канцлеромъ, а не дипломированнымъ фельдмаршаломъ, то изъ заявленій поощрявшейся имъ на деньги ганноверскаго фонда печати явствовало, что возстановленію во Франціи «средоточія», изъ котораго можетъ выйти «сигналъ», т. е. возстановленію монархіи, онъ воспрепятствовалъ бы войною. Затѣмъ, привязанность къ династіи не могла создаться въ Германской имперіи. Гогенцоллерны, которые когда-то пріобрѣли бранденбургскую мархію за долгъ, сдѣлались національною династіею—въ Пруссіи. Но Виттельсбахи остаются такою-же національною династіею въ Баваріи. А на этой, династической почвѣ слѣдовало-бы признать также законною приверженность къ династіи Вельфовъ—Ганновера, обращеннаго силою въ прусскую провинцію.

Вообще, представители принципа силы (Blut und Eisen), которая готова нарушить всякое право, какъ народное (въ сѣверномъ Шлезвигѣ и Эльзасѣ-Лотарингіи), такъ и легитимное (въ Ганноверѣ, Касселѣ и Нассау) лучше-бы не говорили о какихъ либо иныхъ, идейныхъ началахъ.

Бисмаркъ останется въ исторіи замѣчательнымъ дипломатомъ, въ преданіяхъ толпы—кумиромъ національнаго самолюбія. Но нѣмцы — слишкомъ даровитый и энергичный народъ, чтобы культъ Бисмарка могъ хотя-бы сколько-нибудь отклонить ихъ отъ работы надъ развитіемъ учрежденій. Реальнѣе тѣхъ девизовъ, которые Вильгельмъ II цитировалъ за обѣдомъ въ честь «старослуживаго офицера», окажется изреченіе, нѣкогда вырвавшееся у самого Бисмарка, именно, что «надо было только подать Германіи стремя и помочь ей подняться въ сѣдло, а свой путь она найдетъ сама».

Нельзя не отмѣтить по этому поводу еще той прусской особенности, какая проявилась въ открытомъ и энергичномъ осужденіи рѣшенія рейхстага императоромъ. Вслѣдъ за отказомъ народнаго представительства отъ принесенія поздравленій Бисмарку, императоръ телеграфировалъ ему: «вашей свѣтлости заявляю выраженіе глубочайшаго возмущенія (tiefster Entrüstung) по поводу только что состоявшагося постановленія имперскаго сейма. Таковое находится въ прямомъ противорѣчіи съ чувствами всѣхъ германскихъ государей и народовъ». Итакъ, истиннымъ органомъ чувствъ германскаго народа или «народовъ» Германіи является не представительство, избранное этимъ народомъ, а впечатлительность, весьма часто мѣняющаяся Вильгельма II. Если простой отказъ въ принесеніи «Glückwunsch» на день рожденія князю Бисмарку достоинъ «глубочайшаго возмущенія», то какже примириться съ отнятіемъ у того-же государственнаго человѣка власти, съ лишеніемъ его званія имперскаго канцлера? Вѣдь послѣднее дѣйствіе нѣсколько больше, чѣмъ отказъ отъ пожеланія счастья въ день рожденія. Во всякомъ случаѣ, впервые явилось прямое, личное осужденіе парламента монархомъ. Этотъ случай бросаетъ нѣсколько болѣе свѣта на характеръ главнаго члена триединаго союза— императора Вильгельма. Оказывается, что нѣтъ такихъ «неожиданностей» съ его стороны, которыя представлялись-бы впередъ невозможными. Оказывается, что если, уволивъ Бисмарка, онъ, одновременно съ нѣкоторыми рѣзкими заявленіями, все-таки дѣйствовалъ сперва въ смыслѣ замиренія и въ предѣлахъ нѣкоторой умѣренности, то это слѣдовало приписать вліянію бывшаго канцлера, графа Каприви, котораго Вильгельмъ II отставилъ столь-же неожиданно, какъ уволилъ теперь въ «чистую отставку» заслуженнаго генерала фонъ-Вердера, посла при русскомъ дворѣ. А возможность рѣзкихъ неожиданностей едва-ли служитъ къ укрѣпленію общей увѣренности въ прочномъ мирѣ.

«Новѣйшій курсъ» пока является только уклоненіемъ отъ «новаго курса», т. е. отъ программы гр. Каприви. Ничего своего Вильгельмъ II доселѣ не придумалъ. Онъ сперва распекъ аграріевъ, потомъ принялъ ихъ съ благоволеніемъ, когда они отозвались на слова, что его двери всегда открыты для ходатайствъ. Но затѣмъ, онъ же убѣдился въ невозможности осуществленія казенной монополіи торговли хлѣбомъ, предложенной фонъ-Каницемъ. Онъ созвалъ прусскій государственный совѣтъ,

предупредилъ, что не слѣдуетъ питать преувеличенныхъ ожиданій и этотъ совѣтъ призналъ осуществленіе хлѣбной монополіи невозможнымъ. Теперь трудно сказать, на кого разсчитываетъ молодой императоръ. Старый дипломатъ, князь Гогенлоэ, котораго онъ назначилъ третьимъ своимъ канцлеромъ, оказывается крайне слабымъ въ дѣйствіи на парламентъ. Бисмарку минуло 80 лѣтъ и если онъ уже долженъ былъ отказаться отъ удовольствія выѣхать верхомъ передъ фронтъ кирасиръ, то управлять дѣлами имперіи онъ и подавно не въ состояніи. Вильгельмъ II, повидимому, убѣжденъ, что управлять онъ можетъ самъ, что Каприви былъ только исполнителемъ его указаній, а такимъ можетъ быть и Гогенлоэ, и каждый другой, кого онъ, императоръ, назначитъ. Но для того, чтобы управлять самому, особенно при томъ сложномъ механизмѣ, какой представляется составомъ Германской имперіи и ея учрежденіями, надо имѣть собственныя, вполнѣ опредѣленныя идеи и не смущаться, даже не раздражаться встрѣчаемыми затрудненіями, а постоянно стремиться къ тѣмъ же, разъ намѣченнымъ цѣлямъ, пробуя одно средство послѣ другого, но никогда не мѣняя направленія. Между тѣмъ, личность Вильгельма II вырисовалась уже настолько, что сдѣлалось очевиднымъ отсутствіе въ немъ этихъ условій. То онъ созывалъ международную конференцію для обсужденія мѣръ по улучшенію быта рабочихъ и по этому именно поводу разошелся съ Бисмаркомъ, то провозглашалъ, что основаніе государства есть армія. То слѣдовалъ совѣтамъ Каприви, который старался въ основу «новаго курса» вложить идею примиренія, прямо противоположную Бисмарковой системѣ управленія. То, наконецъ, отказался отъ программы Каприви, которая все-таки связывала его, и теперь обратился, хотя не къ самому Бисмарку, однако—къ нѣкоторымъ его пріемамъ: громко осудилъ аграріевъ, затѣмъ самый рейхстагъ, велѣлъ составить проектъ закона противъ «партіи переворота», который отчасти напоминалъ бисмарковскій исключительный законъ противъ соціалистовъ, тотъ самый, который по желанію самого же императора былъ отмѣненъ. Проектъ этотъ сильно измѣненъ въ комиссіи рейхстага, которая одобрила новую его редакцію во второмъ чтеніи, но все-таки еще сомнительно, будетъ-ли онъ принятъ, такъ какъ для этого необходимо содѣйствіе центра, а новый канцлеръ, повидимому, не умѣетъ устраивать соглашеній съ парламентскими партіями. Доселѣ неизвѣстно, пробовалъ-ли онъ заручиться содѣйствіемъ центра и имѣлъ-ли центръ случай высказать, какія именно уступки онъ признаетъ необходимыми.

По случаю приближенія праздниковъ, рейхстагъ отсрочилъ свои засѣданія до 23 (11) апрѣля. Въ теченіе этой сессіи, начавшейся 5 декабря, рейхстагъ не окончилъ еще разсмотрѣнія ни одного изъ важнѣйшихъ законопроектовъ, внесенныхъ правительствомъ, какъ-то: реформы судоустройства и судопроизводства, налога на табакъ и пересмотра системы таможеннаго тарифа. Пока утвержденъ только бюджетъ. Передъ самой отсрочкой засѣданій, рейхстагъ обсуждалъ предложеніе графа

Каница о государственной монополіи въ хлѣбной торговлѣ и отослалъ этотъ проектъ въ комиссію. Но изъ заявленій, какъ самого императора въ прусскомъ государственномъ совѣтѣ, такъ и имперскаго министра финансовъ графа Посадовскаго въ рейхстагѣ, обнаружилось. что при всемъ желаніи сдѣлать что-нибудь угодное аграріямъ. правительство считаетъ этотъ проектъ неосуществимымъ, а на большинство въ рейхстагѣ онъ, конечно, разсчитывать не можетъ.

Выше было упомянуто мимоходомъ объ отозваніи изъ Петербурга германскаго посла генерала фонъ-Вердера. Это явилось опять одной изъ тѣхъ неожиданностей. какія нерѣдко истекаютъ изъ личной иниціативы императора Вильгельма II. Никакой посолъ не можетъ имѣть лучшаго положенія, чѣмъ то. какимъ пользовался въ Петербургѣ генералъ Вердеръ. Онъ съ 1869 по 1886 г. состоялъ здѣсь военнымъ агентомъ при посольствѣ, то есть, исполнялъ эту должность во времена франко-прусской и русско-турецкой войны. Въ эту послѣднюю. онъ находился при русской императорской главной квартирѣ на самомъ театрѣ дѣйствій. Получивъ затѣмъ иное назначеніе, фонъ-Вердеръ пріѣзжалъ въ Россію на придворныя охоты, а въ 1893 году онъ былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, какъ утверждаютъ германскія газеты, по личному желанію покойнаго Императора. Вильгельмъ II всего годъ тому пожаловалъ генералу высшій прусскій орденъ—Чернаго орла. Въ прусской арміи генералъ Вердеръ имѣетъ почетную извѣстность. Онъ состоялъ адъютантомъ при Вильгельмѣ I, когда тотъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ. По вступленіи своемъ на престолъ, король сдѣлалъ его флигель-адъютантомъ и командиромъ одного изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, съ которымъ Вердеръ отличился въ битвѣ подъ Кениггрецомъ, рѣшившей участь войны 1866 года съ Австріей. Впослѣдствіи Вердеръ былъ комендантомъ Берлина. Внезапное отозваніе такого посла и полное увольненіе генерала отъ службы произвели въ Германіи сенсацію; но газеты не говорятъ о причинахъ такого рѣшенія императора, а только даютъ понять, что Вердеръ впалъ въ немилость. Преемникомъ Вердера въ Петербургѣ назначается, по ихъ извѣстію, князь фонъ-Радолинъ, который прежде назывался графомъ Радолинскимъ. Г. Радолинскій былъ прусскимъ посланникомъ при веймарскомъ дворѣ въ началѣ 80-хъ годовъ. Когда покойный императоръ Фридрихъ III, будучи наслѣднымъ принцемъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. то кн. Бисмаркъ избралъ г. Радолинскаго, какъ способнаго и преданнаго ему человѣка, въ совѣтники принца. Каковы были впослѣдствіи отношенія между этимъ дипломатомъ и канцлеромъ — неизвѣстно. но принцъ Фридрихъ, какъ извѣстно, далеко не сочувствовавшій Бисмарку, привязался къ своему совѣтнику. Вступивъ на престолъ. онъ далъ г. Радолинскому титулъ князя фонъ-Радолинъ и сдѣлалъ его своимъ оберъ-гофмаршаломъ. По смерти Фридриха III, князь Радолинъ былъ назначенъ

германскимъ посломъ въ Константинополѣ. Послѣ князя Бисмарка, это былъ бы первый германскій посолъ въ Петербургѣ—не военный.

Обратимся къ внутреннимъ дѣламъ Великобританіи. Какъ-бы много ни было недостатковъ и въ англійскомъ строѣ, съ его милліономъ людей, получающихъ вспомоществованія, но переходя отъ чествованія дѣлъ Бисмарка къ продолженію дѣлъ Гладстона, выпавшему на долю его преемниковъ, испытываешь успокоительное впечатлѣніе, какъ будто послѣ барабаннаго боя, раздававшагося на улицѣ, входишь въ аудиторію, гдѣ обсуждаются вопросы о справедливости и гуманности. Въ англійскомъ парламентѣ, включая и верхнюю палату, совсѣмъ нѣтъ «консерваторовъ» въ такомъ родѣ, какъ прусская «Junkerpartei». Самые консервативные лорды не отвергаютъ необходимости постепенной демократизаціи учрежденій. Весь споръ лишь о степени своевременности той или другой преобразовательной мѣры.

Билли объ отмѣнѣ государственнаго положенія англиканской церкви въ Уэльзѣ и объ улучшеніи положенія фермеровъ въ Ирландіи прошли въ палатѣ общинъ первое чтеніе. Состоялось также первое чтеніе предложенія Эллена о назначеніи содержанія членамъ палаты общинъ. Правда, о судьбѣ законопроектовъ рѣшаетъ обыкновенно только второе чтеніе, но въ нынѣшнюю сессію можно предполагать, что все, что прошло первое чтеніе, пройдетъ и второе, хотя слабыми большинствами. Работы нынѣшней сессіи, какъ мы уже говорили, имѣютъ значеніе болѣе теоретическое, чѣмъ практическое. Впередъ извѣстно, что верхняя палата отвергнетъ всѣ вырабатываемыя либеральнымъ большинствомъ реформы. Итакъ, проведеніе ихъ въ палатѣ общинъ, при такомъ условіи, представляетъ собой только какъ-бы формальное установленіе преобразованій, одобренныхъ общинами, но отвергнутыхъ лордами, установленіе, имѣющее цѣлью отдать этотъ споръ на судъ страны при распущеніи палаты общинъ и производствѣ новыхъ выборовъ.

Принятіе предложенія Эллена служитъ характернымъ свидѣтельствомъ объ успѣхахъ демократическаго духа въ Великобританіи за 60 лѣтъ. До избирательной реформы 1832 года палата общинъ состояла исключительно изъ людей богатыхъ и ихъ родственниковъ; большинство въ ней принадлежало наслѣдственному землевладѣльческому классу, а меньшинство представителямъ крупныхъ городовъ. Нынѣ въ результатѣ двухъ дальнѣйшихъ избирательныхъ преобразованій большинство въ выборной палатѣ принадлежитъ уже не родственникамъ лордовъ ((nobility) и наслѣдственнымъ землевладѣльцамъ (gentry), а просто—богатымъ классамъ, даже съ преобладаніемъ капитала не землевладѣльческаго. Но въ ней есть уже и небольшая рабочая партія. Еще въ 30-е годы считалось-бы позоромъ для британскаго законодателя получать жалованье, какъ будто онъ человѣкъ наемный, а не вполнѣ независимый. Но въ дѣйствительности, небогатые люди, которые при вознагражденіи за сессію получатъ возможность ставить свою кандидатуру на выборахъ и принимать избра-

ніе, будутъ независимы гораздо болѣе, чѣмъ тѣ бѣдные кузены лордовъ и баронетовъ, которые нѣкогда являлись представителями «гнилыхъ мѣстечекъ (rotten boroughs)», по волѣ и на содержаніи «благородныхъ» или «достопочтенныхъ» главъ землевладѣльческихъ родовъ. Канцлеръ казначейства сэръ Вилльямъ Гаркортъ, главный представитель правительства въ нижней палатѣ (графъ Розбери—членъ верхней) поддерживалъ предложеніе Эллена, заявляя, что «палата общинъ нисколько не потеряетъ ни въ уваженіи, ни въ довѣріи къ себѣ страны отъ того, что будетъ состоять изъ представителей не только одного (т. е. богатаго), но разныхъ классовъ общества». Р. Госченъ, бывшій канцлеромъ казначейства въ консервативномъ кабинетѣ маркиза Солсбери, возставалъ противъ предложенія Эллена, но оно было допущено къ первому прочтенію, при чемъ получило большинство 18-ти (176 противъ 158).

Перейдемъ теперь къ уэльскому церковному биллю (Welsh church bill). Англиканская церковь сохраняетъ доселѣ значеніе государственнаго установленія въ княжествѣ Уэльскомъ, гдѣ большинство населенія—диссиденты, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, она была государственною въ католической Ирландіи. Списками лицъ, ежегодно пользующихся церковными требами, доказано, что въ Уэльзѣ число приступающихъ къ этимъ требамъ въ диссидентскихъ храмахъ больше, чѣмъ втрое, а иногда и вчетверо превышаетъ число такихъ-же прихожанъ въ церквахъ англиканскихъ княжества. А между тѣмъ англиканская церковь въ Уэльзѣ взимаетъ поземельный сборъ (такъ называемую десятину, tithes) и получаетъ пособія изъ суммы княжества, какъ будто она служитъ для большинства населенія. Англиканскіе епископы Уэльза засѣдаютъ въ палатѣ лордовъ, какъ будто они національные пэры Уэльза, между тѣмъ какъ три четверти мѣстнаго населенія не имѣютъ съ ними ничего общаго. Это составляетъ очевидную несправедливость.

И вотъ, по примѣру того, какъ по инниціативѣ Гладстона, отмѣнено было государственное положеніе англиканской партіи въ Ирландіи, нынѣшнее либеральное правительство предложило сдѣлать то же въ Уэльзѣ. Съ 1 января 1897 года, въ княжествѣ Уэльзѣ и въ графствѣ Монмоутѣ (Monmouthshire) рѣшенія и приговоры духовныхъ судовъ (ecclesiastical courts) лишаются принудительной (т. е. юридической) силы, а мѣстные епископы—мѣстъ въ верхней палатѣ. Церковныя зданія и дома пасторовъ останутся въ рукахъ мѣстнаго англиканскаго духовенства, за которымъ признаны права корпораціи, т. е. юридическаго лица. Всѣ завѣщанные или пожертвованные церкви капиталы останутся неприкосновенной ея собственностью. Доходы-же ея изъ сбора съ населенія и изъ суммъ княжества отойдутъ отъ церкви, но будутъ обращены на мѣстныя-же мірскія нужды. Главная часть доходовъ этой категоріи составляется изъ поземельнаго сбора. Оставляя въ сторонѣ доходъ съ подаренныхъ церкви имуществъ и капиталовъ, сумма доходовъ, которая имѣетъ теперь получить иное назначеніе составляетъ 279 тысячъ фунтовъ, изъ

которыхъ 233 т. ф. идутъ на потребности прихода, а 46 т. ф. распредѣляются комиссарами церкви на нужды епархіальныя, то есть на капитулы и епископскія каѳедры. Вся сумма 279 т. р. ежегоднаго дохода имѣетъ быть обращена на общественное призрѣніе и школы подъ наблюденіемъ особыхъ свѣтскихъ комиссаровъ, которыхъ должности учреждаются настоящимъ закономъ, на основаніи смѣтъ, утверждаемыхъ совѣтами графствъ. Кладбища переходятъ въ завѣдываніе приходскихъ и окружныхъ совѣтовъ. Всѣ лица, нынѣ занимающія пасторскія, епископскія и другія духовныя мѣста, сохраняютъ свои оклады, пока будутъ состоять въ должности, а затѣмъ будутъ получать меньшія суммы въ видѣ пенсій.

Итакъ, мѣра эта вполнѣ справедлива не только въ общемъ, но и во всѣхъ частностяхъ. Вотъ почему даже главный ораторъ, возстававшій противъ нея, сэръ М. Гиксъ-Бичъ призналъ неумѣстнымъ говорить объ «ограбленіи церкви». Оппозиція выдвигала два главные аргумента: что отмѣна установленія (disestablishment) англиканской церкви въ Уэльзѣ есть шагъ либераловъ къ такой-же отмѣнѣ въ самой Англіи и что какъ движеніе къ автономіи явилось въ Ирландіи послѣ отмѣны тамъ государственнаго положенія англиканской церкви, такъ то же самое произойдетъ и въ Уэльзѣ. Что отдѣленіе государства отъ церкви въ самой Англіи войдетъ со временемъ въ программу либеральной партіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Но такая реформа истекала-бы изъ иныхъ соображеній, чѣмъ относительно Уэльза, и не была-бы послѣдствіемъ нынѣшней мѣры, такъ какъ едва-ли можно доказать, что въ самой Англіи диссиденты составляютъ три четверти числа всего населенія.

Ирландскій билль, нынѣ предлежащій палатѣ, дополняетъ законы объ арендованіи земель и предоставляетъ фермерамъ, выселеннымъ изъ арендъ за неплатежъ со времени наступленія земледѣльческаго кризиса, т. е. съ 1879 года, возвращеніе на тѣ-же участки, посредствомъ покупки ихъ въ собственность, съ помощью ссудъ отъ государства. Нигдѣ земельныя отношенія не обострены до такой степени, какъ въ Ирландіи. Тамъ крупная земельная собственность имѣла въ основаніи своемъ конфискацію земель у мѣстныхъ владѣльцевъ съ надѣленіемъ ею англичанъ-протестантовъ. Различіе расы и вѣры придаетъ тамъ обычнымъ столкновеніямъ между собственниками и мелкими арендаторами характеръ борьбы не только экономической, но и національной. Въ виду факта бывшей нѣкогда конфискаціи, въ Ирландіи естественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, былъ-бы выкупъ земель государствомъ и надѣлъ ими земледѣльцевъ. Проведеніе такой мѣры могло-бы пожалуй устранить и самое стремленіе къ полной законодательной автономіи. Но на подобный выкупъ едва-ли рѣшится и либеральная партія, а на согласіе верхней палаты было-бы невозможно разсчитывать. Предлагаемый нынѣ законъ представляетъ даже не полумѣру, но еще менѣе, такъ какъ для того, чтобы изгнанные арендаторы могли воспользоваться государственной помощью, необхо-

димо согласіе собственниковъ на покупку отобранныхъ у фермеровъ участковъ.

Политическія сферы въ Англіи съ живымъ участіемъ относились къ предстоящей перемѣнѣ «спикера», то есть, по континентальному, президента палаты общинъ. Г. Арферъ Пиль, младшій сынъ знаменитаго министра сэра Роберта Пиля, избранный въ должность въ 1884 году, заявилъ намѣреніе оставить эту, въ самомъ дѣлѣ многотрудную во время сессій, обязанность. По установившемуся обычаю, если спикеръ пробылъ долго въ своемъ званіи, то при увольненіи его, палата рекомендуетъ его «вниманію» короны, за чѣмъ слѣдуетъ возведеніе его въ пэры, обыкновенно съ титуломъ виконта. Сэръ Робертъ Пиль самъ нѣсколько разъ отказывался отъ пэрства и завѣщалъ то-же своему старшему сыну, который наслѣдовалъ отъ него титулъ баронета. Но мистеръ Арферъ Пиль этимъ завѣтомъ не связанъ. На избраніе президента выборной палаты въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, имѣетъ нѣкоторое вліяніе существующее въ данное время правительство. Вообще, признается, что при либеральномъ министерствѣ въ должность спикера избирается либералъ и наоборотъ. А такъ какъ парламентское министерство состоитъ изъ вождей партіи, имѣющей большинство, то понятно, что назначеніе кандидата зависитъ отъ инициативы министерства.

Но въ данномъ случаѣ сказалась особенность положенія кабинета графа Розбери. Располагая въ общинахъ такимъ большинствомъ, которое съ 14 голосовъ суживается иногда до 8, оно понятно, должно дорожить даже однимъ голосомъ члена палаты. За выходомъ А. Пиля, будетъ, по всей вѣроятности, избранъ сынъ его Джорджъ Пиль, который принадлежитъ къ оппозиціи, какъ уніонистъ. Это для министерства значило-бы потерять одинъ голосъ изъ 14-ти. А сверхъ того, самъ спикеръ лишенъ голоса при «раздѣленіяхъ (divisions)» палаты для счета. Итакъ, если спикеромъ избрать либерала, то изъ 14-ти голосовъ кабинетъ графа Розбери потерялъ-бы два. Чтобы избѣгнуть этого, министерство уже соглашалось поддерживать кандидатуру уніониста Кортни, который держитъ себя независимо по отношенію и къ своей партіи. Но, благодаря такой его независимости отъ всѣхъ партій, всѣ онѣ одинаково нерасположены къ нему. Затѣмъ кандидатами на должность спикера являлись военный министръ Кэмпбеллъ—Баннермэнъ и консерваторъ сэръ М. Уайтъ-Ридли.

Можно плохо драться за-границей, но очень энергично драться дома. Такъ двѣ французскія арміи, одна въ 150 т., другая до 200 т. солдатъ, сдались нѣмцамъ въ 1870 годъ; но нѣсколько мѣсяцевъ спустя парижскіе мобили возстали противъ Версаля и въ битвѣ съ версальскими войсками потеряли до 10 т. чел. Нѣчто подобное мы видимъ въ современной Испаніи. Нѣкогда первостепенная военная держава, славившаяся своей «непобѣдимою» пѣхотой, Испанія еще въ началѣ текущаго столѣтія оказала сильное сопротивленіе наполеоновскимъ войскамъ и побѣжден-

ная на нѣсколько лѣтъ, отплатила потомъ французамъ за Сомо-Сіерру и Сарагорру—Витторіей. Но послѣ того, въ теченіе всего столѣтія военная исторія Испаніи, какъ и прежнихъ испанскихъ колоній въ Америкѣ, представляетъ одну картину безсилія противъ враговъ внѣшнихъ и необыкновенной энергіи военнаго элемента въ произведеніи внутреннихъ насилій. Современная исторія Испаніи и бывшихъ ея колоній это—рядъ военныхъ pronunciamientos. Метрополія переходила отъ легитимскаго карлизма къ конституціонной монархіи, а отъ нея, къ республикѣ, затѣмъ опять къ той-же монархіи, и все это съ аккомпанементомъ многократныхъ карлистскихъ возстаній. Что касается испанской Америки (Мехика на сѣверномъ материкѣ и весь южный континентъ, за исключеніемъ Бразиліи), то едва-ли съ 1810 года былъ хоть одинъ такой годъ, когда тамъ гдѣ-нибудь не было войны между войсками возставшими противъ правительствъ или правительственными войсками, защищавшими тотъ или другой государственный переворотъ.

Въ настоящемъ положеніи Испаніи преобладаютъ тѣ же характерныя черты. На Кубѣ возстаніе въ провинціяхъ Сантъ-Яго и Санта-Клара и прежній генералъ-капитанъ Калльеха при первыхъ признакахъ его, когда еще дѣйствовали только разбойничьи шайки Мануэля Гарсіи, поспѣшилъ объявить «военное положеніе». Половина членовъ мѣстной хунты (совѣта управленія) была противъ этой мѣры: ее рѣшилъ голосъ самого генералъ-капитана, какъ президента. Но одно—объявить военное положеніе, для чего достаточно листа бумаги, а другое—справиться съ возстаніемъ. Правда, телеграфъ сообщалъ о нѣсколькихъ пораженіяхъ будтобы нанесенныхъ инсургентамъ, но затѣмъ оказалось, что инсургенты, очевидно укрѣпившись, уже провозгласили временное правленіе. Девизъ возстанія—свободная Куба. Главная опасность—въ томъ, что возстаніе поддерживаютъ флибустьеры, являющіеся изъ Соединенныхъ Штатовъ, откуда привозятъ инсургентамъ оружіе сѣверо-американскія суда, по которымъ испанскіе крейсеры стрѣляютъ; а то можетъ повесть къ столкновенію съ Соединенными Штатами и къ завладѣнію ими «перломъ антильскаго архипелага».

У генерала Калльехи было въ распоряженіи до 60 т. чел. солдатъ и при такой силѣ, даже безъ объявленія военнаго положенія, ему нетрудно было принять дѣйствительныя мѣры противъ высадки американскихъ флибустьеровъ. Но очевидно, генералъ губернатора болѣе занимало расширеніе его власти, чѣмъ серьезная военная иниціатива. Чѣмъ окончатся дипломатическія столкновенія съ Соед. Штатами по поводу преслѣдованія судовъ съ военной контрабандой — это зависитъ отъ степени зрѣлости видовъ уашингтонскаго правительства на завоеваніе Кубы. Испанія, хотя и второстепенное уже нынѣ въ военномъ смыслѣ государство, все-таки располагаетъ постоянной арміей, которая во много разъ превосходитъ армію Соединенныхъ Штатовъ. Но нѣтъ энергіи, нѣтъ рѣшимости. На Кубу ѣдетъ маршалъ Мартинесъ-Кампосъ. Характерно

и то, что въ настоящее время никакое затрудненіе въ Испаніи не можетъ быть устранено безъ содѣйствія авторитетнаго въ войскахъ маршала. Были затрудненія съ Марокко, почти предстояла война. Послали туда Мартинеса-Кампоса. Однако войны онъ не предпринялъ, а предпочелъ дипломатическое соглашеніе. Вслѣдствіе состоявшагося съ марокскимъ султаномъ соглашенія пріѣзжалъ въ Испанію посолъ того султана. Въ минуту, когда онъ хотѣлъ сѣсть въ экипажъ, чтобы ѣхать на аудіенцію къ королевѣ-регентшѣ, отставной испанскій генералъ, котораго провозгласили безумнымъ, далъ послу пощечину. Этотъ случай заставилъ испанское правительство сдѣлать послу нѣкоторыя уступки изъ выговоренныхъ Кампосомъ условій.

Двѣ мадридскія газеты «El Resumen» и «El Globo» отозвались непочтительно, но вполнѣ справедливо о бездѣйствіи и безсиліи испанскихъ войскъ противъ флибустьеровъ на Кубѣ. Тогда и явилось подтвержденіе, что можно плохо драться противъ внѣшняго врага, но дома производить весьма энергично военные скандалы. Три десятка офицеровъ явились въ редакціи тѣхъ газетъ поздно вечеромъ и, не найдя никого, произвели погромъ въ редакціяхъ и типографіяхъ. На слѣдующій день, энергичныхъ противъ внутренняго врага офицеровъ собралось уже три сотни. Они побили редакторовъ и сотрудниковъ обѣихъ газетъ, порвали книги, поломали машины, словомъ, одержали полную побѣду. Это происшествіе произвело такое впечатлѣніе, что министерство подало въ отставку, такъ какъ военный министръ настаивалъ на томъ, что проступки печати по отношенію къ арміи должны подлежать суду военному. Къ кому же пришлось обратиться въ этомъ затруднительномъ положеніи? Конечно, къ маршалу Мартинесъ-Кампосу. Мартинесъ-Кампосъ—военный не по мундиру только, какъ кн. Бисмаркъ, но къ политическому положенію онъ отнесся вовсе не «по военному», какъ не разъ относился Бисмаркъ, будучи канцлеромъ. Маршалъ поручился королевѣ-регентшѣ, что буйства офицеровъ не возобновятся и совѣтовалъ ей склонить либеральное министерство Сагасты остаться въ должностяхъ, такъ какъ кризисъ не имѣлъ парламентскаго характера и не было основанія думать, что кабинетъ лишился довѣрія страны. Между тѣмъ, военно-прокурорская власть привлекла къ слѣдствію редакціи нѣсколькихъ газетъ, въ томъ числѣ и «Resumen» за оскорбленіе арміи, основываясь на неотмѣненныхъ статьяхъ военно-уголовнаго кодекса, по которымъ такіе проступки печати подлежатъ судамъ военнымъ. Но эти статьи считались недѣйствительными съ 1889 года, когда былъ изданъ законъ, подчинившій всѣ дѣла о проступкахъ въ печати—суду присяжныхъ. Сагаста отказался остаться въ должности и королева обратилась къ Кановасу дель-Кастильо, вождю консерваторовъ. Кановасъ согласился составить кабинетъ, но подъ условіемъ, что либералы окажутъ ему содѣйствіе для скорѣйшаго утвержденія бюджета, что либералы и исполнили, и въ концѣ марта (н. с.) бюджетъ былъ принятъ. Тѣмъ временемъ возстаніе на Кубѣ,

благодаря подвозу ружей изъ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлало успѣхи. Инсургентамъ удалось въ одномъ дѣлѣ разбить отрядъ королевскихъ войскъ. Въ началѣ апрѣля отплылъ на Кубу Мартинесъ-Кампосъ, которымъ было подавлено и предшествовавшее тамъ возстаніе. Такъ какъ войска на островѣ состоятъ только на одну треть изъ регулярныхъ солдатъ, а на двѣ—изъ волонтеровъ, то изъ Испаніи посланы подкрѣпленія въ составѣ 20 т. человѣкъ.

Французскій бюджетъ на 1895 годъ 20 (8) марта наконецъ прошелъ въ палатѣ депутатовъ. Съ начала года, т. е. въ теченіе трехъ мѣсяцевъ текущіе расходы производились изъ такъ-называемыхъ «временныхъ двѣнадцатыхъ долей (douxièmes provisoires)», которыя ассигновались палатами ежемѣсячно. Настоящій бюджетъ былъ внесенъ ровно годъ тому, въ половинѣ марта 1894 г., но палата депутатовъ приступила къ разсмотрѣнію его только въ настоящемъ году. Эта медлительность объясняется прежде всего множествомъ запросовъ, пренія по которымъ занимаютъ цѣлыя засѣданія и замедляютъ собственно законодательную работу. Сверхъ того, самое обсужденіе росписи, когда оно уже началось, осложняется въ случаѣ, если для уравновѣшенія бюджета въ него внесенъ новый налогъ, какъ на этотъ разъ было включено дополненіе къ налогу съ наслѣдствъ. Налогъ обыкновенно вызываетъ оппозицію, а радикалы и соціалисты ставятъ по этому поводу вопросъ о замѣнѣ всѣхъ налоговъ прогрессивнымъ обложеніемъ доходовъ, что переноситъ дебаты на обширное поле соціологіи. Чтобы не задерживать еще дольше утвержденіе бюджета, правительство наконецъ рѣшилось исключить изъ него предполагаемое измѣненіе въ налогѣ съ наслѣдствъ и предложить палатамъ этотъ вопросъ отдѣльно. Вслѣдствіе того, пришлось нѣсколько измѣнить исчисленія, но полнаго равновѣсія всетаки не достигнуто и бюджетъ утвержденъ палатою съ небольшимъ дефицитомъ, а именно въ такомъ видѣ: расходовъ 3 милліарда 426 милл. фр.—доходовъ 3 милліарда 421 мил. фр. Недостатокъ 5 мил. фр. предложено покрыть четырьмя м. ф. выгоды на чеканкѣ размѣнной серебряной монеты и отсрочкою въ погашеніи на остальную сумму текущаго долга, за возвратомъ нѣкоторыхъ авансовъ казначейства департаментамъ и муниципалитетамъ. При этомъ случаѣ, принято за правило и въ послѣдующіе бюджеты не включать вновь предлагаемыхъ налоговъ, а вносить ихъ отдѣльно отъ росписи. Бюджетъ на текущій годъ поступилъ затѣмъ на разсмотрѣніе сената въ началѣ апрѣля и долженъ быть утвержденъ къ Пасхѣ. Надѣются, что бюджетъ на 1896 годъ, который внесется лѣтомъ, пройдетъ въ палатахъ до начала будущаго года.

Но и помимо замедляющихъ утвержденіе бюджета преній о новыхъ налогахъ, разсмотрѣніе росписи естественно осложняется возбужденіемъ по ея поводу вопросовъ свойства политическаго и общественно-экономическаго. Такъ еще незадолго передъ окончательнымъ принятіемъ бюджета въ палатѣ депутатовъ, соціалистъ Фаберо при обсужденіи военной смѣты предложилъ замѣнить постоянную армію—милиціею, а другой членъ той

же партіи Жоресъ потребовалъ отказа въ кредитѣ на содержаніе сената. Оба эти предложенія были отвергнуты огромнымъ большинствомъ. Но весьма значительное число голосовъ было подано за проектъ соціалиста Самба о процентномъ налогѣ на ренту для учрежденія пенсіонной кассы рабочихъ. Предложеніе было отвергнуто большинствомъ лишь 80 голосовъ (296 противъ 216). Быть можетъ, за этотъ проектъ было бы подано и болѣе голосовъ, если-бы Самба предложилъ его отдѣльно, а не по поводу обсужденія бюджета. Передъ окончательнымъ голосованіемъ о немъ, министръ-президентъ Рибо произнесъ рѣчь, въ которой увѣрялъ, что правительство вполнѣ сознаетъ необходимость стараній объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ и палата постановила рѣчь эту опубликовать особо и расклеить во всѣхъ общинныхъ управленіяхъ.

При обсужденіи въ сенатѣ смѣты морского министерства, морской министръ сообщилъ о предстоящемъ усиленіи французскаго флота: въ текущемъ и будущемъ годахъ будутъ спущены восемь новыхъ броненосцевъ; число крейсеровъ также будетъ увеличено. При этомъ министръ объяснилъ, что прорытіе Сѣвернаго канала, соединяющаго моря Нѣмецкое и Балтійское вызываетъ необходимость усиленія сѣверной французской эскадры такъ, чтобы она равнялась эскадрѣ, содержимой на Средиземномъ морѣ. Недавно намъ приходилось говорить объ утвержденномъ германскимъ рейхстагомъ ассигнованіи на постройку четырехъ большихъ крейсеровъ, которая мотивировалась тѣмъ, что быстроходныхъ судовъ большого плаванія Германія имѣетъ меньшее число, чѣмъ которое-либо изъ морскихъ государствъ. Между тѣмъ, во Франціи возвѣщается о необходимости умноженія и крейсеровъ, и броненосцевъ. Итакъ, мирная борьба посредствомъ приготовленій къ войнѣ въ Европѣ продолжается, ложась все большимъ бременемъ на общее экономическое положеніе. Разорительные расходы на вооруженія и постоянное держаніе подъ знаменами, то-есть оторванными отъ производительнаго труда и на готовомъ содержаніи, до трехъ милліоновъ солдатъ составляютъ для Европы серьезное условіе отсталости въ будущемъ отъ экономическаго развитія странъ заокеанскихъ, населенныхъ бѣлымъ племенемъ. Соединенные военные бюджеты Европы доходятъ до двухъ милліардовъ кред. рублей. Этотъ громадный ежегодный расходъ можно считать какъ-бы пошлиной, наложенной на Европу для покровительства производительной конкуренціи съ нею Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины и Австраліи.

Но независимо отъ увеличенія числа крейсеровъ, вполнѣ вѣрно, что самое проведеніе Сѣвернаго канала усиливаетъ дѣйствіе германскаго флота, давая возможность всѣмъ его силамъ быстро соединяться на томъ или другомъ изъ соединяемыхъ каналомъ морей. Предполагая, что пароходы дѣлаютъ по $8^1/_4$ узловъ въ часъ въ открытомъ морѣ и по $5^3/_5$ въ каналѣ, они, идя послѣднимъ, выиграютъ 22 часа противъ обходнаго пути черезъ Зундъ (разсчетъ этотъ заимствуемъ изъ спеціальнаго описанія въ «Daily News»). Въ случаѣ, если-бы Данія была въ союзѣ съ Франціею,

германскія эскадры, находящіяся одна въ Сѣверномъ, другая—въ Балтійскомъ морѣ, были-бы разъединены или одной изъ нихъ пришлось-бы форсировать проходъ черезъ Зундъ подъ огнемъ датскихъ батарей. Благодаря-же каналу, соединеніе не только обезпечено, но и ускорено. Открытіе Сѣвернаго канала послѣдуетъ въ іюнѣ.

Французское правительство, какъ извѣстно, приняло приглашеніе прислать свои военныя суда на это торжество, вслѣдъ за чѣмъ Вильгельмъ II рѣшилъ, что Германія приметъ участіе въ будущей парижской всемірной выставкѣ. Но этого послѣдняго обстоятельства французы вовсе не считаютъ вознагражденіемъ за первое. Они охотно отказались бы отъ того и другого. До сихъ поръ, несмотря на выраженное уже правительствомъ согласіе, значитъ, обѣщаніе принять участіе въ кильскомъ торжествѣ,—во Франціи продолжается сильная агитація противъ посылки судовъ. Правительство, разумѣется, уже не имѣетъ возможности взять своего обѣщанія назадъ, но агитація по этому поводу можетъ повредить министерству Рибо. Что ненависть французовъ къ Германіи можетъ современемъ проявиться въ войнѣ съ нею—въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Нѣмцы также ненавидѣли Францію за нашествія и побѣды, Людовика XIV и Наполеона I, и эта ненависть явилась сильнымъ стимуломъ въ войнѣ 1870 года. Но едва ли согласно съ достоинствомъ великой націи высказывать злобу безсильную, пользуясь такими поводами, какъ выставки и другіе международные съѣзды. При королѣ Людовикѣ-Филиппѣ изъ Россіи былъ присланъ въ Парижъ гранитъ для гробницы Наполеона въ церкви Инвалидовъ, а въ прошломъ году русскіе военные командиры присутствовали на французскомъ кладбищѣ въ Севастополѣ при мессѣ за павшихъ непріятелей. Со времени франко-германской войны прошли уже 24 года и было бы странной мелочностью мстить Германіи за потерю двухъ областей и контрибуцію въ 5 милліардовъ — отказомъ отъ участія въ морскомъ парадѣ.

Въ заключеніе строкъ посвященныхъ французскимъ дѣламъ, упомянемъ объ одномъ мѣстѣ въ рѣчи министра земледѣлія Гадо, произнесенной 31 марта въ городѣ Перигё, на банкетѣ, данномъ ему «республиканцами департамента Дордоньи». Министръ говорилъ противъ соціализма, но въ рѣчи его интересны собственно нѣсколько цифровыхъ данныхъ: при концѣ второй имперіи, въ сберегательныхъ кассахъ находилось вкладовъ на 700 милліон. франковъ, а теперь ихъ состоитъ на 3 милліарда фр. «Четыре пятыхъ всей площади воздѣлываемыхъ земель обрабатываются непосредственнымъ трудомъ самихъ собственниковъ», то есть принадлежатъ крестьянамъ. Французскій министръ имѣлъ полное право воскликнуть: «насколько мы въ этомъ отношеніи превосходимъ другія страны»! Онъ упомянулъ, что въ Германіи менѣе трети земледѣльцевъ владѣютъ участками земли, въ Венгріи четверть, въ Австріи — одна пятая, а въ Италіи и особенно въ Англіи отношеніе это еще менѣе значительно. Прибавимъ, что хотя оно, послѣ Франціи, наиболѣе благо-

пріятно въ Россіи, но все таки далеко отстаетъ отъ того, что оказывается во Франціи. Въ Россіи крестьянскія земли составляютъ немного болѣе трети всей площади землевладѣнія. Если же оставить въ сторонѣ земли, принадлежащія казнѣ, которыхъ пространство превышаетъ площадь крестьянскаго землевладѣнія, и отнесть площадь крестьянскихъ земель къ общему пространству земельной собственности, то окажется, что во владѣніи крестьянъ находится немного болѣе половины.

Л. Полонскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

